



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

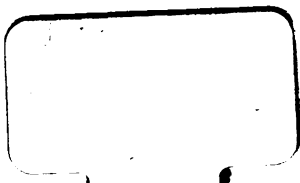
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

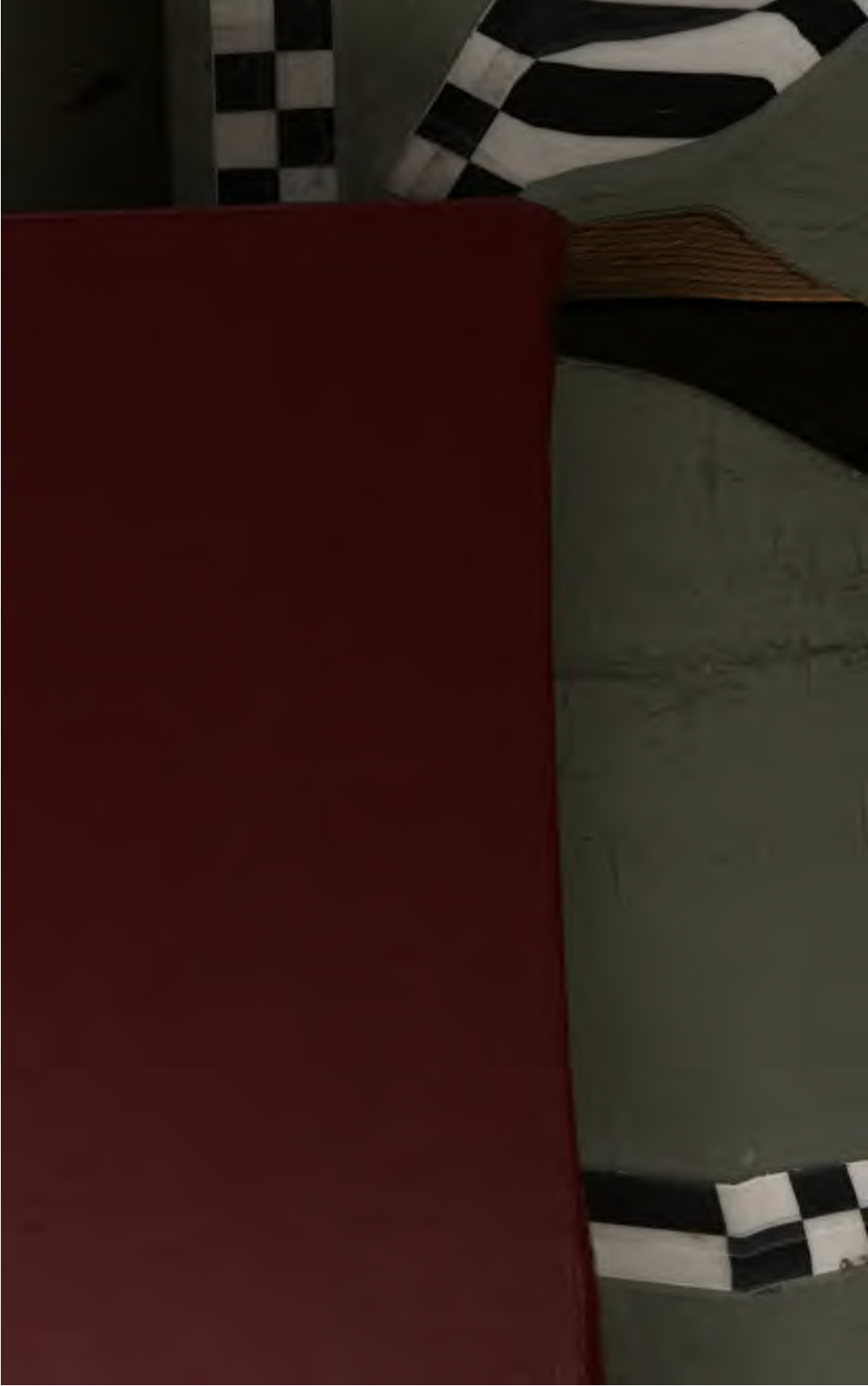
Slav 176.25 1842
2



HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY
1998





0/av 1/6. 25

1842

2



HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

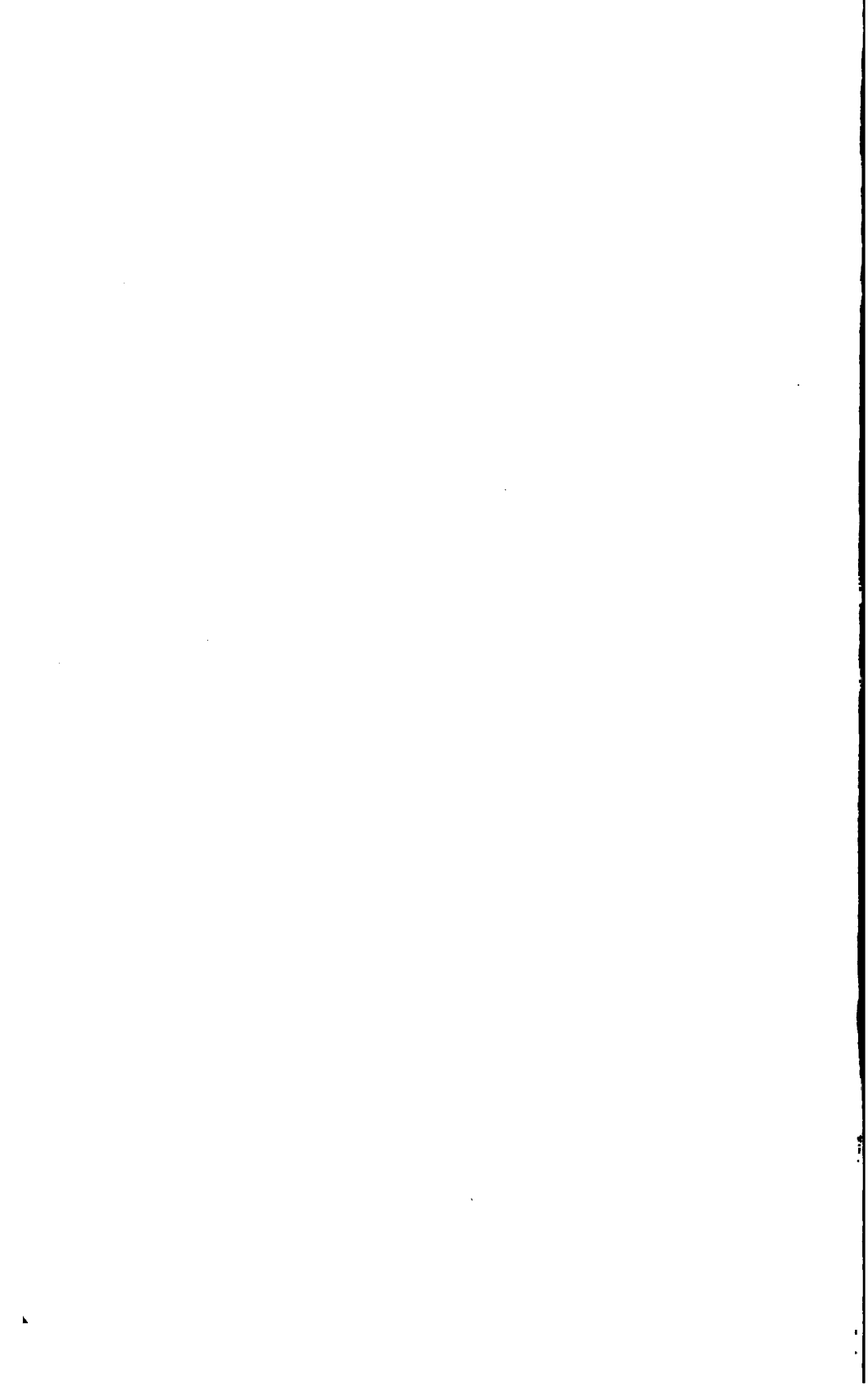
HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY
1998











ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБОВЬ.

1872
2
СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 2-я.

ФЕВРАЛЬ. 1872.

133-4
ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1872.

I. — СЕЛЬСКОЕ УЧЕНИЕ. — Степная идиллия. — А. И. Левитова	43
II. — ЗАДАЧИ ПСИХОЛОГИИ. — Ш.У. — К. Д. Кавелина	48
III. — МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ МАСОНСКИХ ЛОЖЪ. — III. Возобновление масонских ложъ при имп. Александрѣ. — IV. Директоріальная Ложа Владиміра и Великая провинціальная ложа. — А. П. Шыгина	56
IV. — СОВРЕМЕННАЯ ГЛУШЬ. — Изъ воспоминаній мирового судьи. — I. Старые порядки и новый судъ. — II. Бабій вопросъ и бабій трудъ въ глуши. — III. Наше сельское духовенство. — В. П. Назарьева	60
V. — СТИХОТВОРЕНІЯ. — 1. Гроза. — 2. А—вѣ. — 3. Сирени. — П. М. Ковалевского	63
VI. — ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ И ОБРУСЕНІЕ. — I—III. — М. Т—овъ	64
VII. — ЗОЛОТО. — Изъ Томаса Гуда. — Л. М. П.	69
VIII. — ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РЕФОРМЪ. — 1861—1871 гг. — Статья десятая. — Судебная реформа. — I. Общій взглядъ на реформу. — II. Общее раздѣленіе судебныхъ установленій и предѣлы ихъ власти. — Г.	69
IX. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Путешествіе г. Георгіевскаго по вопросу о реальныхъ училищахъ. — Различіе между Mittelschule и Realschule. — Мифіе г. Баха о проектѣ реальныхъ училищъ въ Россіи. — Актъ въ рижской реальной гимназіи. — Государственная роспись на 1872-й годъ и отсутствіе дефицита. — Очередная сессія петербургскаго земскаго собранія. — Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1870-й годъ. — Вопросъ объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ передъ частными лицами	73
X. — ИЗЪ СУДЕБНАГО МІРА. — Посвящается «Московскимъ Відомостямъ». — В. О.	76
XI. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Двойное значеніе Тьера для Франціи. — Пренія о налогахъ. — Правительственный кризисъ. — Увольненіе прусскаго министра фонъ-Мюлера, и взглядъ на его дѣятельность. — Д-ръ Фалькъ. — Австрійское правительство, Галиція и Кроація. — Англо-французскій торговый трактатъ. — Возмущеніе въ Индіи. — Дѣло «Элебемъ». — Требования Америки. — Распушеніе испанскихъ картесовъ. — Отношеніе германской печати къ русскимъ дѣламъ	79
XII. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА. — Конституція и самоуправленіе въ Пруссіи. — К.	81
XIII. — НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Екатерина II, по ея письмамъ. — Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. — Томъ седьмой.	83
XIV. — НОВЫЯ КНИГИ. — Николай Негоревъ или благополучный россиянинъ, Ив. Куцевскій. — Внукъ Обломова, Л. Ф. Привольскаго. — Русскіе и иностранные современные романисты, сост. и изд. В. Радичевымъ. — Изъ жизни. Педагогическія наблюденія П. Вѣлона.	84
XV. — ЗАМѢТКА. — Первые археологическіе слѣды въ Россіи и ихъ труды. — Д.	85
XVI. — ОТВѢТЪ на «Бранное посланіе» г. Погодина. — П. И. Костомарова	85
XVII. — ПО ПОВОДУ «ОБЪЯСНЕНІЯ», сообщеннаго по требованію министерства народнаго просвѣщенія. — С.	86
XVIII. — ОТЪ РЕДАКЦІИ. — Кому были писаны «Философическія письма» Чаадаева?	86
XIX. — ИЗВѢСТІЯ. — I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученикамъ: Засѣданія Комитета 22 ноября, 6 и 20 декабря. — II. О подпискѣ на памфлетъ Пушкину по 1-е декабря 1871 года	86
XX. — БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

1879, Oct. 6.
Gift of
Eugene Shuyler,
U. S. Consul at
Birmingham, Eng.

P Slav 176. 25
131.84
~~Slav 30.2~~

СЕЛЬСКОЕ УЧЕНИЕ

Степная идиллія.

I.

Подъ наплывомъ свѣтлыхъ, ласкающихъ лучей весенняго солнца суровыя зимнія картины начинаютъ, съ едва примѣчаемой постепенностью, утрачивать свои гнѣвные тоны. Деревья, до сихъ поръ опушенныя узорчатыми гирляндами инея, обсаженныя сѣрыми воронами и черными галками, теперь обтаяли— и на ихъ голыхъ сучьяхъ ютится другая жизнь, гораздо болѣе бойкая, веселая и крикливая, чѣмъ всѣ эти неуклюжія вороны и галки съ ихъ дикими, печальными пѣснями, такъ сильно увеличивающими ту унылую безжизненность, которую налагаетъ зима на русскія длинныя дороги, на печальныя села и деревни, на грязные города. Попархиваютъ теперь по обтаявшимъ кустамъ и деревьямъ желтобрюхіе щегольчики, съ черными, словно налакированными, крылышками, съ маленькими, граціозными головками, въ которыхъ горятъ и прыгаютъ такіе свѣтлые, умные глаза; быстро, какъ молнія, рѣютъ сѣрыя, подернутыя кое-гдѣ мягкой зеленою краской, веснянки, насвистывая что-то въ высшей степени нѣжное и веселое. А вотъ, собравшись многочисленной стаей, гнѣвно щебечутъ о чемъ-то разозленные чѣмъ-то воробы. Крикъ и пискъ невообразимые, — налеты другъ на друга до того безалаберно-храбры, что только человѣкъ съ самой бѣдной фантазіей не увидѣлъ бы въ этой птичьей свалкѣ рѣшѣшаго сходства съ человѣческой войной, когда люди, совершенно по-воробыному, схватываются между собою не на зовѣ, а на смерть; а потомъ, послѣ схватки, также пищать,

страдаютъ и злятся, какъ вотъ эта воробьиная стада, общипавшая себѣ, посредствомъ обоюдныхъ одолженій, всѣ крылья и всѣ хохолки.

Все больше и больше разгарается воробьиная ссора! Шурша крыльями и злобно попискивая, стада порывисто бросаетъ дерево, какъ бы опечаленное происходившимъ на немъ раздоромъ, и летитъ дальше: сначала она облѣпляетъ соломенную крышу какой-то избы, болѣе другихъ крышъ пригрѣтую солнцемъ, — потомъ, проливнымъ и также непонятно шумящимъ дождемъ, устремляется къ громадной господской ригѣ. Стучъ молотилки, громкій говоръ работающихъ въ ригѣ людей, пыль отъ обмолачиваемаго и вывѣтриваемаго хлѣба, — все это пугаетъ маленькихъ воителей, — и потому они отъ этихъ ужасовъ въ разсыпную снова летятъ къ селу и тамъ окончателно усаживаются на безлюдномъ и гладко-разметенномъ токъ. Окаймляютъ этотъ токъ снѣжные валики, засыпанные мякиной, заваленные колосьями, въ которыхъ осталось такъ много невымолоченныхъ зеренъ. Насрединѣ его стоятъ пахучіе ржаные снопы, большіе такіе, круглые, перетянутые соломенными поясами, блестящими на солнцѣ цвѣтомъ чистаго золота. Раздолье воробьямъ въ этомъ уединеніи, обильно нагрѣтомъ весеннею теплотою!

Токъ окружаютъ высокія хлѣбныя скирды. Съ ихъ вершешекъ, накрытыхъ еще толстымъ слоемъ снѣга, ваплютъ свѣтлыя, необыкновенно холодныя слезы, на почернѣвшемъ и разрыхленномъ снѣгѣ покоятся такіе мягкіе солнечные лучи, что ледяныя сосульки, словно серьги, обвѣсившія круглую покрывку скирды, блестятъ теперь и играютъ на солнцѣ разнообразными, ласкающими глаза, цвѣтами, свойственными драгоценнымъ камнямъ.

Ничего этого не примѣчаетъ развоевавшееся воробьиное стадо! Не видитъ оно даже и того, что на его войну смотрятъ изъ-за скирды любопытные ребячьи глаза; не слышитъ, какъ какой-то радостный шопотъ сообщаетъ кому-то, что «вотъ мы ихъ теперь всѣхъ этихъ воробьевъ въ полонъ заберемъ», — и вообще азартъ бойцовъ дошелъ до такой степени увлеченія, что они продолжали налетать другъ на друга даже и тогда, когда у многихъ изъ нихъ розовыя, такъ стремительно и неустанно прыгавшія ножи, были уже давнымъ давно опутаны легкими, но неразрываемыми воробьиною силой сѣтями, которыя, на птичью погибель, такъ искусно плетутъ деревенскіе ребята изъ волосъ лошадиныхъ хвостовъ.

Все выше и выше поднималось солнце — и съ этимъ вмѣстѣ все роскошнѣе и роскошнѣе дѣлался весенній сельскій день: онъ весь былъ наполненъ теплыми, яркоцвѣтными красками, которыя медленно и плавно лились съ неба, дышавшаго какой-то задумчивой и страстной жизненностью. Нѣжно-звенѣвшіе звуки не-смолкаемо раздавались въ разцвѣченномъ солнечными лучами дневномъ свѣтѣ и будили, такимъ образомъ, сельскую жизнь, заморенную гнѣвной зимою. Привѣтствуя весенніе блескъ и тепло, жизнь эта виднѣется теперь и въ раскрытыхъ окнахъ избъ и на безлюдныхъ гумнахъ, — съ звонкимъ хохотомъ плаваешь въ чанахъ и корытахъ, по лужамъ, разлившимся по огородамъ, и съ боязнью, одолаваемой крестомъ и молитвой, быстро стремится по буйной рѣкѣ на жалкой лодчонѣ на близкую мельницу, или на рыбную ловлю.

Отощавшая за зиму скотина неудержимо валитъ на свѣтлую улицу изъ темныхъ хлѣбовъ. Забравшись по-колѣно въ уличныя лужи и пригрѣвши на солнцѣ исхудалые бока, коровы и лошади меланхолически всматриваются въ свои скелеты, отраженные въ водѣ и, уныло помахивая головами, чуть-чуть только не говорятъ: однако мы зимой-то здорово похудѣли, кости да кожа только однѣ и остались! Ну, да ничего! Теперь опять, Богъ дастъ, отгуляемся....

— Какъ не отгуляться? Извѣстно — отгуляемся! Такого жиру наживемъ за лѣто, — бѣда! бойкимъ ревомъ отзываются лошадинымъ и коровьимъ думамъ молодые телята, выпущенные заботливыми хозяйками побѣгать на солнечномъ теплѣ.

Съ самымъ похвальнымъ стараніемъ выполняютъ телята программу, заданную имъ ихъ хозяйками на нынѣшнее утро — побѣгать и поразмять члены, изнывшіе отъ долгаго лежанья въ тѣсныхъ и душныхъ избахъ. Какъ-бы предвкушая скорое появленіе изъ земли разныхъ сочныхъ злаковъ, они, съ поднятыми хвостами и съ опущенными внизъ безрогими лбами, безшабашно-радостно скачутъ по улицамъ, стаптывая все встрѣчное и оглашая село безпутнымъ мычаньемъ, въ которомъ ясно слышалось самое ярое отрицаніе хозяйской власти.

— Поди-ка вотъ, поймай насъ теперь! какъ бы смѣясь, трубили телята, въ отвѣтъ на зазывающіе ихъ мужскіе и женскіе голоса. Нѣтъ, ты теперь около насъ походи да походи. Хлѣбца развѣ ломотокъ принесешь съ солью, тогда, пожалуй, заманишь насъ въ хлѣвъ, — да и то подумавши!...

Игривость телятъ была такъ заразительна, что вся деревенская улица увлеклась ею. Крѣпко удѣпившись за хвосты скакуновъ, маленькіе мальчишки и дѣвчонки быстро носились по

улицамъ, сопровождаемые громко лаявшими собаками. Увѣщанія матерей — отцѣпиться отъ телячьаго хвоста и идти въ избу, вызывали въ малолѣтнихъ оборвышахъ одни только взрывы веселаго хохота и усиленныя старанія — выкинуть еще какую-нибудь штуку почуднѣе: пробѣжаться, примѣрно, верхомъ на лохматомъ барбосѣ, или стать внизъ головой на высокомъ, соломенномъ ворохѣ, припасенномъ для крытя избы и оттуда кувыркомъ скатиться на середину улицы въ невылазную грязь. Эти ребячьи штуки ясно показывали матерямъ, что власть ихъ надъ дѣтьми кончилась, по крайней мѣрѣ, до слѣдующей зимы, когда холодъ волей-неволей соберетъ всѣхъ въ избяное тепло и когда, слѣдовательно, во всякое время подъ руками матерей находятся хохлы разбушевавшихся ребятисей....

Нѣтъ теперъ никакого уйму этимъ хохламъ! Свободно треплются они по вольнымъ и свѣтлымъ улицамъ — и вездѣ, гдѣ бы только ни появлялись, около нихъ, какъ около высоко-трепещущаго въ воздухѣ полкового знамени, разнообразно шумѣла и бурлила сельская жизнь, оживленная грѣющимъ весеннимъ солнцемъ. Вотъ ближній къ селу лѣсъ, весь окутанный густыми, волнующимися туманами, гремитъ то какою-то, до сихъ поръ еще неслышанной, вѣроятно, на мѣстѣ сложенною пѣсней, то озабоченнымъ ауганьемъ, то неутѣшнымъ плачемъ, то звонкимъ, разымчивымъ хохотомъ. Казалось, что поютъ такимъ образомъ, смѣются и плачутъ блиставшія по временамъ сквозъ туманныя волны своей ослѣпительно-бѣлой корой березы, или осины, граціозныя такія, тонкія, но почему-то блѣдныя и невыразимо-печальныя. Казалось, что никто другой, какъ только именно эти деревья бѣгаютъ и рѣзвятся по лѣсному, закрытому сѣрыми облаками пространству и что между ними происходитъ невиданная человѣческимъ глазомъ не то игра какая, не то драка, бойкая и звонко-крикливая. Нѣжный свистъ и горластое карканье птицъ, могучіе взлеты потревоженныхъ грачей и быстрое, едва уловимое глазами, порханье мелкихъ пташекъ, — все это слилось съ гуломъ человѣческихъ голосовъ и наполнило собою весь лѣсъ такъ, что въ немъ стало тѣсно отъ этой безурядицы. Перелетая отъ дерева къ дереву, безурядица наконецъ шумно выкатилась изъ лѣса, въ видѣ большой стаи сельскихъ ребятисей и дѣвчонокъ, которымъ предшествовала цѣлая буря радостныхъ криковъ и визговъ, распугавшая гусей и утокъ, пригрѣвшихся на рѣчномъ берегу, покрытомъ яркой, зеленой травой.

Испуганно кагакая и широко распустивъ свистація крылья, птичьи стаи, вмѣстѣ съ своими многочисленными выводками, дружно шарахнули въ рѣку, — и вотъ съ игривой массой разно-

образныхъ цвѣтовъ, которыми обливало солнце рѣчныя волны, смѣшались еще снѣжно-бѣлыя крылья гусей, золотисто-сизыя головки утокъ и нѣжно-зеленый пухъ ихъ слабой, но необыкновенно-граціозной молодежи.

Увеличивая суматоху, произведенную въ рѣкѣ птичьими стаями, деревенскіе ребяташки и дѣвчонки, съ невыразимымъ гамомъ, тоже побросались въ воду, еще холодную, какъ ледъ — и на берегу остались тоскливо пищавшіе цыплята, выведенные утками, да заботливыя матери, сердито, но тщетно звавшія своихъ бѣлоголовыхъ малышей выйти изъ рѣки и не купаться въ ней въ полдень, когда въ ней властительно плещется злой *полуденный*, увлекающій въ свое прохладное, водное царство все, что мѣшаетъ ему холодиться рѣчными струями въ эту знойную пору.

Но напрасно съ середины рѣки старыя утки подзываютъ къ себѣ своихъ названныхъ дѣтокъ, оставшихся на берегу, — дѣтки продолжаютъ тоскливо пищать, суетливо и беспомощно копошиться въ травѣ — и все-таки остаются на берегу, несмотря на очевидное, страстное желаніе стремглавъ броситься въ рѣку и поплыть по ней, вмѣстѣ съ разно-стихійными — родительницей, братцами и сестрицами.

Страшное недовольство и, видимо, язвительныя попреки трусостью слышатся въ криканьи старыхъ утокъ! Смотри на берегъ, онѣ, по временамъ, поднимаются изъ воды во весь ростъ, распускаютъ крылья и на своихъ желтоватыхъ, перепончатыхъ ногахъ, словно бы по суху, дѣлаютъ по рѣкѣ нѣсколько быстрыхъ круговъ, какъ бы съ цѣлю увѣрить глупышей-цыплятъ въ неосновательности ихъ пустыхъ страховъ и поскорѣе заманить ихъ въ рѣку, въ которой, по утинымъ крикамъ, было гораздо веселѣе купаться и ловить маленькыхъ мошекъ и рыбокъ, чѣмъ безъ толку шататься и пищать на опустѣвшемъ берегу.

Ничто не брало цыплятъ! Нѣкоторые изъ нихъ начали уже присосѣживаться къ куринымъ выводкамъ, предводительствуемымъ злобно и неутомимо-клохтавшими насѣдками, несмотря на то, что ихъ тамъ клевали, отнимали изо рта пойманныхъ мошекъ, всѣмъ стадомъ давили туловище и нѣжную головенку приставшаго, когда ему случалось спотыкнуться и т. д. и т. д.

Такимъ образомъ старыя утки, увидѣвши, что ни подъ какимъ видомъ не зазвать имъ въ рѣку цыплятъ, начали скучивать около себя свои стаи и потомъ, собравшись въ одну громадную массу, запрудившую чуть ли не половину рѣки, повернули отъ берега правымъ плечомъ впередъ и поплыли къ далеко-синѣвшемуся лѣсу, имѣя во главѣ массы красиваго, звонкоголосаго и

длинно-шеяго селезня, разноперая голова котораго, словно корона, горѣла всѣми цвѣтами радуги.

Глухо и сердито кагакали утки, отплывая, — и въ этомъ кагаканьи явственно разбиралось:

— Ну, васъ ко всѣмъ шутамъ, ежели вы такіе неслухи! Ишь чего бояться вздумали — воды?...

Точно также и заботливыя матери, ворчливо негодуя, покидали веселый берегъ и, какъ бы, смѣяшюся надъ ихъ ворчаньемъ рѣку.

— Что это съ ребятами по веснамъ дѣлается? говорили онѣ, расходясь. Никакого имъ уйму нѣтъ! Всѣ руки объ нихъ обколотишь, а домой ни за што не дозовешься....

Грозные рассказы про водяного, исключительно, будто бы завладѣвающаго рѣкою въ полдненное время, щедрыя обѣщанія хворостины по благополучномъ возвратѣ домой за фдою, ничуть не унимали веселья ребятъ, развозившихся въ рѣкѣ.

— Э-э-э, мамушка! громко кричала какая-нибудь азартная на смѣхъ головенка, чуть-чуть торчавшая изъ воды. Погляди-ка, мама, какъ я нонича плавать выучился. На-а сп-пинки!...

Затѣмъ слышалось громкое отфыркиваніе и беззаботный смѣхъ, скоро заглушаемый общимъ гвалтомъ купающагося стада.

— Погоди, погоди, разбойникъ, — раздавался съ горки другой голосъ. Вотъ ужъ домой трескать придешь, таеъ ты у меня не таеъ еще поплаваешь на полу подъ хворостинной. Смѣяться сталь надъ матерью, — погоди! Молодь еще!

Веселый гомонъ ребятъ, сплошной птичій свистъ, вмѣстѣ съ жужжаньемъ и стрекотомъ насѣкомыхъ, исходившими изъ каждой травки, и наконецъ яркій свѣтъ и живое, благоухающее тепло, отнимали у выраженной сейчасъ угрозы всякое пугающее значеніе — и деревенская природа, съ каждымъ вновь прилетавшимъ съ неба солнечнымъ лучемъ, дѣлалась все роскошнѣе и обаятельнѣе.

II.

Описанная сейчасъ весенняя благодать, внесшая въ унылую сельскую жизнь столько веселья и радостей, была тѣмъ не менѣе неизсякаемымъ источникомъ большихъ хлопотъ и даже огорченій для двухъ человѣкъ, особенно примѣтныхъ на селѣ, какъ по почетному ихъ положенію, таеъ и по роду ихъ занятій. Люди эти были пономарь мѣстной церкви — Григорій Петровъ Ляпидевскій и отставной унтеръ Абрамъ Теледюевъ.

Люди эти оба очень любили весну. Обезпеченные — первый

доходами отъ церевни и отъ сдачи мужикамъ въ наемъ приходившейся на его долю церковной земли, второй — какимъ-то грошовымъ пенсіономъ и умѣнъемъ подкидывать подметки подъ мужицкіе сапоги, они всю зиму только и дѣла дѣлали, что разговаривали про скорой приходъ красной весны. Сопедшисъ кажимъ-нибудь зимнимъ вечеромъ въ солдатской или пономарской избѣ, душной и со всѣхъ сторонъ замеченной снѣжными сугробами, они съ наслажденіемъ вязали волосяныя ласы, или нитяныя сѣти для птичьей и рыбной ловли, стругали клѣтки, мастерили дудочки изъ бараньихъ костей, плели изъ ивовыхъ прутьевъ кошолки для грибовъ и т. д. и т. д.

Въ темной избѣ, обвоеванной со всѣхъ сторонъ грозно-визжавшею зимнею бурей, уши ихъ, во время перечисленныхъ сейчасъ занятій, слышали могучій шелестъ дремучаго лѣса, птичьи крики и взлеты, а глаза видѣли глубокія и свѣтлыя заводы широкой рѣки, блестящіе всплески рыбъ и быстрое рѣянье чаекъ и чибисовъ, жалобно стонавшихъ надъ тайными, рѣчными глубинами.

Все давала весна этимъ людямъ: она удовлетворяла ихъ охотничьи вожелѣнія, снабжала на весь годъ грибами, ягодами, лѣсными яблоками и такими чудодѣйственными травами, которыя неизбѣжно вылечивали всѣ сельскіе недуги, если только онѣ предварительно были вымочены въ штофъ хорошаго полугара. Въ это же время друзья заводились дѣйствительнымъ противоядіемъ противъ безысходной, осенней и зимней скуки, въ видѣ звонкоголосныхъ щегловъ, жаворонковъ, сворцовъ и перепеловъ. Эти пѣвцы, подаренные нашимъ друзьямъ теплой весною, сдѣлали ихъ знаменитыми не только въ томъ селѣ, въ которомъ они проживали, а даже въ цѣломъ околотѣ. На сто верстъ въ окружности, по крайней мѣрѣ въ четырехъ уѣздныхъ городахъ и въ нѣсколькихъ торговыхъ селахъ, часто можно было слышать въ лавкахъ мѣстныхъ торговцевъ горячіе споры насчетъ того, у кого сворець лучше выговариваетъ: дурраки — у пономаря ли Григорья, или у унтера Телелюева. Большіе пари шли также о томъ, кто изъ этихъ двухъ лицъ ловчѣе можетъ подразнить перепела, «штоба онъ разбористѣе отбиваль зорю»; востяныя дудки ихъ подвергались въ свою очередь серьезнымъ и строгимъ обсужденіямъ, — вслѣдствіе чего осенью, или зимой въ пономарскія, или въ солдатскія окна, помимо мужицкихъ оконъ, часто стучались проѣзжавшіе люди и, вошедши въ избу, непременно спрашивали:

— Кажи сворца-то! Затѣмъ и заѣхалъ, чтобъ на птичку взглянуть... За двѣсти верстъ къ намъ про твою птичку слухъ

прилетѣль... Нѣтъ ли, между прочимъ, согрѣться чѣмъ съ дорожки-то?..

Рѣдкостная птица, про которую такъ далеко расхаживали добрые слухи, сейчасъ же показывалась, — вслѣдствіе чего пріѣзжіи человѣкъ, имѣя въ виду самому выпить съ дорожки *махонькую* и поподчивать таковою же обязательнаго хозяина, посылалъ за полуштофомъ дворянской, или поповской, такъ какъ важное дѣло осмотра такой удивительной птицы, какою слылъ севорецъ пономаря Григорья, рѣшительно исключало употребленіе простой водки, называемой въ просторѣчїи «сиволдаемъ».

И вотъ, исполняя желаніе гостя, пономарь, несмотря на свой незначительный чинъ, выпивалъ стаканчикъ дворянской и затѣмъ приступалъ, какъ онъ выражался, къ «разгуливанію» птицы. Это разгуливаніе, надобно сказать, онъ производилъ съ такимъ мастерствомъ, которое рѣшительно не было доступно другимъ птичьимъ охотникамъ околотеа. Часто они были вынуждаемы обращаться къ нему съ убѣдительнѣйшими просьбами — пойти къ нимъ въ домъ побудить птицу, обѣщая всевозможныя угощенія и благодарности.

— Другъ! Григорій Петровичъ! восклицалъ иногда, чуть не плача, какой-нибудь охотникъ. Пойдемъ ко мнѣ, Бога для. Уснулъ у меня севорушка, — Богъ знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось. Сидитъ, головуку уткнувши подъ крылышко — и не пискнетъ. Типунчикъ что ли бы у него, али другое что, — ужъ и не придумаю.

Пономарь никогда не отказывался отъ исполненія такихъ просьбъ: страстно любя покующій птичій міръ, онъ, при всякомъ подобномъ извѣстїи, сейчасъ же бросалъ собственную, даже самую нужную, работу и шелъ на помощь заболѣвшему.

Трудно сказать, чѣмъ именно воскрешалъ птицъ пономарь Григорій Петровъ: силою ли той страстной любви, которую онъ питалъ къ нимъ, или своимъ необыкновенно-тонкимъ пониманіемъ птичьей природы, но только воскрешалъ всегда. Заскучавшая птица, при его присвистываньи и подщелкиваньи языкомъ, оживала и оглашала избу, опечаленную ея болѣзнью, звонкими, веселыми пѣснями.

— Колдунъ! Какъ есть колдунъ! говаривали въ такихъ случаяхъ про пономаря обрадованные хозяева птицъ. Какъ есть изъ гроба выхватилъ севорца! Молодецъ! Пойдемъ — угощу: спрашивай, братъ, всего, чего душа твоя пожелаетъ.

— Только отъ смерти не могу избавить, — толковалъ про себя пономарь. Отъ ей отъ одной отъ злодѣйки не ухитрюсь никакъ птичку освободить. Какъ теперича завижу я, что на

птичкѣ перо *меркнуть* стало, и опять же, ежели это самое перо внизу легло и легло смирно, — шабашъ! Копай птицѣ яму; но ежели, хоша сама птица и очень смирна, а перо на ней еще съ игрою, такъ это намъ ничего не значить! Тутъ я, главное дѣло, гляжу на свѣтъ, какой по птицѣ идетъ — и сейчасъ же по немъ узнаю, что съ ней дѣлается: бываетъ такъ, что она тяжело отъ вольнаго корма, объѣдается, значить, и тоскуетъ съ жиру, какъ и съ людьми часто случается; бываетъ, что птица скукою мается, по парѣ выходитъ тоскуетъ, по солнцу, по лѣсу — отъ старости засыпаетъ также. Много у нихъ тоже всякихъ болѣстей — и отъ всѣхъ ихъ птицу я вылечу: отъ угару, отъ духоты, отъ типуна, отъ коросты, отъ родимца; а то инья изъ нихъ картавить вдругъ принимаются, какъ ребята маленькіе, и за это дѣло нужно съ большимъ умѣньемъ браться, а то онѣ скоро съ голосовъ совсѣмъ спадываютъ. Есть также птица — воръ, птица — хитрая, обманчивая, умѣетъ пѣть — молчить, трудно ей это, а она все молчить, ждетъ, чтобы ты ее на волю выпустилъ; есть птица лѣнивая, алчная, ей бы только зобъ наколотить, да и на бокъ... Всѣхъ я ихъ знаю. Ребеночкомъ еще махонькимъ началъ водиться съ ними, отъ того и до наукъ до большихъ не дошодчи, весь вѣкъ на пономарскомъ положеніи состою, при *четвертой* части, т.-е., примѣрно сказать, изъ рубля батюшка себѣ полтинникъ изволятъ брать, отецъ дьяконъ четвертакъ получаетъ, а мы съ дьячкомъ достальной четвертакъ промежъ себя по двѣнадцати съ денежкой расшибаемъ... Такъ-то-сь!...

И вотъ въ скудную жизнь этого человѣка, состоящаго, по его собственнымъ словамъ, при *четвертой* части, затесывается веселый пріѣзжій, человѣкъ хотя и совершенно посторонній, но тѣмъ не менѣе такого сорта, который, несмотря на мизерное пономарское значеніе, глубоко интересуется пономарскимъ знаніемъ «насчетъ хорошей птицы». Пріѣзжій человѣкъ глубоко завидуетъ ему — пономарю Григорью, надъ которымъ большинство людей всегда только посмѣивалось, не находя возможнымъ завидовать его способности — довольствоваться во всю жизнь четвертакомъ, расшибеннымъ имъ пополамъ съ дьячкомъ; пріѣзжій человѣкъ подчуется Григорья Петровича дворянской водкой, — цѣлуетъ его, зазываетъ къ себѣ въ гости, ежели ему «какимъ-нибудь манеромъ прилучится быть въ ихнихъ краяхъ»; онъ посылаетъ полштофъ за полштофомъ, даритъ его чумазымъ, оголодавшимъ ребятишкамъ пятачки и гривеннички, — и Григорій Петровъ, глаженный большею частью противъ шерсти, теперь

совсѣмъ растаялъ отъ ласки гостя и показываетъ ему свою птицу во всемъ, что называется, аккуратно.

Сначала знаменитый скворецъ, разбуженный по желанію гостя Григорьемъ Петровымъ, долго и съ большимъ вниманіемъ прислушивался къ дзыньканью и треньканью, производимому пономаремъ при помощи двухъ столовыхъ ножей. Очевидно было, что это треньканье сильно интересовало скворца, потому что его черно-сизоватая, круглая головка была склонена въ направленіи къ разгуливавшему его хозяину, — свѣтлые, глубокіе глазки птицы были упорно уставлены въ хозяина же, какъ бы съ цѣлью безошибочно угадать, что именно надобится ему отъ него. Сидя въ этой позѣ на сдѣланномъ изъ тонкой вѣтки висачемъ полукругѣ, скворецъ по временамъ отряхивался, приглаживалъ чернымъ носикомъ всклооченныя перья, просовывалъ удивленную голову сквозь клѣточные прутья; но вотъ лезвія ножей зазвенѣли учащеннѣе, къ ихъ звону присоединилось какое-то невыразимое, похожее на голосъ испуганной насѣдки, клокотанье, исходившее изъ горла Григорья Петрова. Какъ нельзя обмануть, говорю, клокотанье это было схоже съ крикомъ насѣдки, увидѣвшей, что въ поднебесной выси вьется, какъ разъ надъ ея птенцами, хищный ястребъ: въ немъ слышались — и испугъ, и злоба, и вопли о помощи, и сердитые приказы, обращенные къ птенцамъ, чтобы они не разбѣгались, а какъ можно скорѣе прятались подъ защиту материнскихъ крыльевъ.

Всѣ, кто были въ избѣ въ это время, притихли и какъ бы замерли. Была долгая тишина. Вотъ кто-то тихо свиснулъ — и опять тишина. Черезъ нѣкоторое время свистъ повторился, также неожиданно и также не надолго — и затѣмъ уже по избѣ раскатился могучій свистъ скворца, разговоры о которомъ шли на двѣсти верстъ около его мѣстожителства.

— Гляди, гляди! Слушай! чуть слышно шепталъ Григорій Петровъ замершему на мѣстѣ пріѣзжему купцу, заикаясь и указывая глазами на скворца. Слушай: сейчасъ онъ у меня по лошадиному пустить!... Я его этому три года обучалъ...

— Ми-го-го-го! загремѣло по избѣ рѣшительно такъ, какъ иногда гремитъ въ лѣсу испуганный голосъ жеребца, стоящаго на сторожѣ у своего одичалаго косяка.

— Батюшки! Господи Боже мой! Что же это такое? замолчалъ купецъ. Откуда же у этой мелкой пташечки силка берется такая, Творецъ мой небесный?

— Молчи, молчи, Христа ради! зашепталъ ему пономарь, зажимая ротъ рукою. Слушай, что дальше будетъ! Не сбей ты

у меня его съ шагу, пожалуйста, — на цѣлыя сутки онъ тогда у меня замолчить, — терпѣть не любить, ежели ему помѣшаютъ.

Послушный купецъ замолкалъ и, благодаря какой-нибудь новой штулкѣ, выкинутой Григорьемъ Петровымъ, скворецъ выкидывалъ, въ свою очередь, новый фокусъ, отъ котораго гость восторгался все больше и больше. Не было звука, присущаго сельской жизни, котораго бы не передразнила переимчивая птица: порой ея горло глухо шуршало на подобіе того, какъ иногда шуршать на огородѣ старья вѣтлы, раскаченныя бурей, — пороку она стонала пустошкой, которая вѣчно оплакиваетъ что-то, сидя лѣтнимъ вечеромъ на крестѣ сельской воловьей, а иногда она, въ одно и то же время, свистала и щелкала, какъ свистить и щелкаетъ кнотомъ пастухъ на разбредшееся стадо.

Въ глубокомъ молчаніи всѣ, находившіеся въ избѣ, слушали своего пѣвуна и только изрѣдка, при какомъ-нибудь особенно-удавшемся «колѣнѣ» скворца, пономарь, блаженно улыбаясь, кивалъ купцу головою на птичью клѣтку, какъ бы особенно рекомендуя его вниманію чудныя дѣла, творившіяся въ ней, на что купецъ неуклонно отвѣчалъ такимъ же многозначущимъ кивкомъ и такою же блаженной улыбкой, которыя ясно говорили, что чудныя дѣла имъ должнымъ образомъ поняты и оцѣнены въ лучшемъ видѣ.

Но дѣла все шли чуднѣе и чуднѣе: сдержанно и изрѣдка только попискивая, въ глубокомъ испугѣ попархивали въ своихъ клѣткахъ другія птицы въ то время, когда скворецъ заливалъ пономарскую избу совсѣмъ не птичьими звуками, то скрипя на подобіе того, какъ во время сильнаго вѣтра скрипятъ въ лѣсу надломленное дерево, то пугающе ухая филиномъ, то тоскуя горлицей, то наконецъ раскатывая, по внимающей избѣ, хриплое, насмѣшливое слово: дур-раки!..

Какъ и люди, молчали птички, слушая скворца. Онъ не подали своихъ голосовъ даже и тогда, когда пономарь заставилъ его выкинуть передъ гостемъ самый главный фокусъ, составлявшій скворчиную славу, т. е. когда птица, вытянувъ и напруживъ шею, громко пропѣла: хвалите имя Господне, аллилуія!

Но когда скворецъ, наскучивъ, вѣроятно, подражаніемъ, засвисталъ такъ, какъ ранней зарею трещать всѣ проснувшіяся птицы и когда лишь одни знатоки могутъ различить во всей этой утренней трескотнѣ сердитый и, такъ сказать, гортанный свистъ скворцовъ, — птички всѣ вострепнулись и присоединились къ пѣнію знаменитой птицы. Сначала засвистали разноцвѣтные щеглы, съ розоватыми ножками. Пѣли они, упруго вытянувшись на тонкихъ ножкахъ и, кромѣ того, ихъ любовь къ своему

дѣлу видна была еще изъ того, что, свистя, они широко раскрывали носики, въ которыхъ трепетали маленькіе, острые язычки, закрывали свѣтлыя глазки и сердито встопорщивали перья, какъ бы предостерегая не мѣшать имъ въ ихъ серьезномъ дѣлѣ. Къ щегламъ приставали чижи съ своими звонкими и даже какъ бы нахальными, трелями. Безъ этого, звенѣвшаго въ голосѣ чижей нахальства они ничѣмъ бы не отличались отъ звонко и отчетливо щebetавшихъ щегловъ. За чижами слѣдовали толстозобые серьезные ряполѣ, съ своимъ однотоннымъ, но крайне выразительнымъ чиваньемъ. Наконецъ уже шли синицы, которыя въ Россіи водятся въ такомъ обильномъ количествѣ и пѣніе которыхъ очень напоминаетъ собою теченіе перочиннаго ножика о самый вѣжнѣй оселокъ.

— Братъ! кричалъ купецъ Григорью Петрову, выслушавъ все это. Истинно, какъ Адамъ и Ева, въ раю ты живешь... птички вокругъ тебя... беззлобіе...

— Благодареніе Господу! благоговѣйно, и почему-то со слезами въ глазахъ, отвѣчалъ пономарь. Долженъ за мою утѣху непрестанно Бога хвалить...

— Не то что нашъ братъ!.. завидливо и съ горечью продолжалъ купецъ. Ни ты никогда не доспишь, ни ты не доѣшь!.. Выпьешь!...

— Выкушаемъ! соглашался пономарь—и къ птичьему хору присоединалось еще тихое треньканье посуды, изъ которой друзья угощались «дворянской», или «поповской».

Такимъ образомъ, у купца съ пономаремъ завязывалась дружба, вслѣдствіе которой пріѣзжій гость знакомился и съ унтеромъ Телелюевымъ. Тутъ была совершенно такая же обстановка, какъ и у пономаря: та же тишина, тоже хозяйское радушіе, тѣ же несмолкаемыя птичьи пѣсни.

Еще пожалуй для гостя пированье у унтера было еще занятнѣе, потому что Телелюевъ, опробовавши купленной гостемъ дворянской, кромѣ ученаго сворца, щегловъ, чижей и синицъ непремѣнно показывалъ ему кочета-Петьку, который, по словамъ хозяина, хотя и былъ первый разбойникъ во всемъ селѣ, но который, тѣмъ не менѣе, отлично зналъ, въ какую сторону онъ долженъ былъ маршировать на своихъ голенастыхъ, длинныхъ ногахъ, когда Телелюевъ командовалъ ему: Петька, слуш-ш!... Пр-рравное плич-чо впер-редь, — скор-рымъ шаг-га-амъ маар-ршь!..

— Ах-хъ, шутъ тебя побери! съ еркливымъ хохотомъ кри-

чаль купецъ, утѣшаясь этимъ, поистиннѣ, чудовымъ зрѣлищемъ. Это просто бѣд-да! А? къ какимъ чудесамъ приученъ!

— Это еще что, ваше степенство! окончательно хвастался унтеръ. Вы вотъ на что извольте взглянуть:—Здорово ребята! ораль онъ во все свое командирское горло на Петьку, браво, но бессмысленно уставившаго на него свои свинцовые, опущенные краснымъ ободочкомъ, глаза.

— Ку-кар-ре-ву! отвѣчалъ этой командѣ Петька съ такою энергическою поспѣшностью, которая ясно показывала въ немъ полное сознание необходимости отвѣчать командиру, когда онъ скажетъ: здорово, ребята! другимъ словомъ—и именно: здравія желаю, ваше в-дѣ.

— Какъ это вы несмысленную скотину такъ чудесамъ выучиваете? недоумѣвалъ купецъ, подкрапивая сѣрую и скудную сельскую жизнь розовою «дворянской». Истинно сказано: всякая тварь живая на пользу человѣка дадена, и всякое дѣло своего мастера бояться должно.

Пономарь и солдатъ, слушая эти похвалы, конфузливо улыбались и благодарно выпивали подносимую имъ признательнымъ гостемъ водку.

По отъѣздѣ гостя часто случалось такъ, что, какъ солдатскій *пичионтъ*, такъ и несчастная *четвертая* часть пономаря надолго переставали крушить горемычныя головы ихъ получателей своею невообразимую скудостью, потому что тогда въ поражающіе своей пустотой деревенскіе сундуки западали рублевки, перешедшія въ нихъ изъ купеческаго кошель за какого-нибудь «молодца»—щегла, или «расканалью»—перепела.

Но всего благодѣтельнѣе дѣйствовала весна, такъ сказать, на нравственную сторону описываемыхъ людей: именно она одна только напоминала ихъ односельцамъ-мужикамъ о высокихъ душевныхъ качествахъ, отличавшихъ пономаря и унтера, — такихъ качествахъ, которыя исключительно одни завоевали имъ почетное положеніе среди всѣхъ этихъ оборванныхъ полушубковъ, посконныхъ рубахъ, изможденныхъ, отупѣлыхъ лицъ, всклокоченныхъ вихровъ, размочаленныхъ лаптей и т. д. и т. д.

Въ самомъ дѣлѣ, сельское сборище, пришедшее въ церковь въ какой-нибудь Троицынъ день и всю ее наполнившее ароматомъ полевыхъ цвѣтовъ и тихимъ вѣтромъ, производимымъ качаніемъ цѣлаго лѣса изъ зеленыхъ, только-что срѣзанныхъ вѣтвей, — ничего, говорю, это сборище не могло представить себѣ великолѣпнѣе и почтеннѣе унтера Абрама Телелюева, когда онъ, сверкая довольно-таки уже помершими галунами, медалями и серебрянымъ Георгіемъ, выходилъ на средину церкви

читать Апостола «по праздникамъ», т.-е. такъ, чтобы сначала густая облава видимой силой по ногамъ у всѣхъ заходила, а въ концѣ *пустить такого верха*, чтобы задребезжали церковныя стекла и зазвенѣло всѣми своими стеклянными привѣсками панивадило.

И пономарь въ такія рѣдкія времена, возможные только въ освѣщенные яркимъ весеннимъ солнцемъ дни, казался сельскому люду совсѣмъ не тѣмъ невзрачнымъ, слезливымъ старичишкой, какимъ онъ казался селу въ обыкновенныя будни. Сельскій глазъ, непривыкшій въ разнымъ торжественностямъ, глядя на сгорбленнаго, сѣдого старика, выходящаго изъ алтаря смиренною поступью, съ высокимъ, высеребреннымъ подсвѣчникомъ въ дрожащихъ рукахъ, въ парчевомъ стихарѣ, вмѣсто ежедневно облекавшаго его рванья, былъ пріятно поражаемъ этою рѣдко видимою имъ картиной, вслѣдствіе чего души, убитыя нескончаемо-гнетущей, суровой дѣйствительностью, отдыхали въ какомъ-то, хотя и безотчетномъ, но сладкомъ умиленіи.

Подъ наплывомъ этого умиленія, сами собою гнулись колѣни, не для отчаяннаго вымаливанія невозможной милости у какого-нибудь жестокаго и гордаго сердца, а для тихой, безсловной молитвы, надолго облегчающей страдающія души; слышались тогда въ церкви отрадныя, умиленные вздохи, которыми вздыхаетъ человѣческая грудь, ощущая въ себѣ приливъ довольства и счастья, и, кромѣ того, именно по такимъ временамъ примѣчалось въ сельской церкви много лицъ, всегда тупыхъ и безучастныхъ, а теперь свѣтло освѣщенныхъ свободой отъ безвѣчнаго, жизненнаго горя...

Во многихъ группахъ расходившагося отъ праздничной обѣдни народа можно было слышать:

— Надобы, по настоящему-то, для праздничка позвать пономаря съ унтеромъ на закуску, — толковали какіе-нибудь домохозяева, серьезные такіе, съ лицами заросшими черными волосами, съ широкими загорѣлыми лбами, въ сѣроватыхъ, толстаго домашняго сузна свитахъ и въ несокрушаемыхъ сапогахъ, вымазанныхъ дегтемъ.

— Чтоже? Зачѣмъ дѣло стало? Позовемъ! соглашался другой голосъ. Почествовать ихъ давно нужно, — народъ хорошій! Возьмемъ въ складчину четвертушку и почествуемъ, — пивка у меня, признаться, отъ святой еще боченовъ остался, — дюже пиво густо и здорово въ носъ бьетъ, ежели натошавъ его ковшикъ протащишь. Кстати же нонѣ у меня хозяйка просува жарила.

— Позовите, позовите! приставали къ совѣщавшимся хозяе-

вамъ ихъ жены. Настряпано—страсть! Однимъ намъ всего ни-зачто не поѣсть.... опять же: дѣвчонки вчера вечеромъ промежь себя брухаться задумали, въ родѣ какъ бы коровы, такъ лбы себѣ этакъ ли расколотили,—бѣда! шишки теперича эвона у нихъ на лбахъ вспухли какія! Ну, мы у солдата Егорій возь-мемъ и шишки тѣ дѣвчонкамъ помажемъ,—говорятъ: дюже по-могаеть,—всякій ушибъ въ одну минуту отъ этого глаженья проходитъ....

— Ну вотъ и чудесно! говорили хозяева. А мы тоже Григорья Петровича помолимъ въ хлѣвахъ книжку какую-нибудь церковную почитать. Скотинка что-то очень неспокойна стала! Такъ по ночамъ бьется, такъ бьется!... Должно здорово ее нечистые засѣдали, потому давно мы съ тобою, другъ, молебновъ не служивали....

— Истинно, что возлюбилъ насъ съ тобою Господь! сообщалъ унтеру старикъ пономарь, возвращаясь вмѣстѣ съ сосѣдомъ къ своимъ птицамъ послѣ праздничнаго пираванья, заданнаго имъ хлѣбосольными домохозяевами. Какъ Онъ, Батюшка, продолжалъ пономарь, — возвеличилъ насъ съ тобою передъ всѣми, Абраша? А? Вѣрно тебѣ сказываю, что «малымъ чимъ».... Ей Богу! о Господи!

— Конечно, Григорій Петровичъ,—довольно и сонливо бор-моталъ унтеръ,—намъ съ тобою большое неоставленье отъ доб-рыхъ людей идетъ.... за наше терпѣнье съ тобой!... Слава Богу, много довольны!... Чтоже, соснувши маленько, маханемъ мы съ тобою на перепела, Григорій Петровичъ? А? Дюже теперь хо-рошо на зорькѣ подъ него — подъ мошенника — подобраться.

— Да вѣдомое дѣло, Господи Боже мой! Извѣстно, что теперь подъ него ходить первое дѣло! Не пропустимъ!...

III.

Такимъ образомъ, всякому дѣлалось виднымъ, что весна обильно проливала на друзей, описанныхъ въ моемъ разсказѣ, всякія удачи и радости — и не будь одного обстоятельства, ко-нецъ этихъ радостей и удачъ приходилъ бы только вмѣстѣ съ наступленіемъ зимы, лютые морозы которой сельская скуза пе-реносила бы значительно легче въ разговорахъ и воспомина-ніяхъ о свѣтлой и всегда благодѣтельной веснѣ.

На бѣду дѣло выходило иначе — и весеннія удовольствія нашихъ друзей въ сильной степени отравлялись многочислен-ными заботами и хлопотами, тѣмъ болѣе волновавшими тихія

души моихъ героевъ, что эти заботы и хлопоты никогда не приносили и даже въ отдаленномъ будущемъ не могли принести желательныхъ результатовъ.

Вотъ именно изъ какого источника вытекали эти печальныя хлопоты: помимо возни со всевозможными птицами, помимо обученія ихъ всякимъ штукамъ, болѣе уподоблявшимся поучительнымъ выраженіямъ умственной дѣятельности человѣческой, чѣмъ бессмысленной, вѣчно свистящей дѣятельности птичьей, какъ унтеръ Телелюевъ, такъ и дьячокъ Григорій Петровъ занимались еще дрессировкой сельскихъ ребятъ, натаскивая ихъ, при посредствѣ букварей, какъ на пониманіе многоразличныхъ добродѣтелей, украшающихъ родъ человѣческій, такъ и на неуловную и бдительную стойку надъ этими добродѣтелями.

Мрачная, дождливая осень съ невылазною грязью, съ отчаянными проклятіями на лошадей, издыхающихъ на сѣрой улицѣ подъ грузными возами и потомъ зима съ морозами, выжимающими невольныя слезы и тутъ же снова ихъ замораживающими, дѣлали сельскихъ ребятъ еще глубоко внимательными и усердными въ перениманію и усвоенію той мудрости, которую, не скупясь, засыпали въ ихъ уши дьячокъ Григорій Петровъ и унтеръ Абрамъ Телелюевъ.

По такимъ временамъ, т.-е., въ виду осеннихъ или зимнихъ ужасовъ, разыгрывавшихся на улицахъ, сельское дѣтство и отрочество, пригрѣтое жарко-натопленною солдатскою или дьячковскою избою, съ удивительнымъ прилежаніемъ выслушивало преподаваемыя истины, имѣвшія умудрить ихъ неопытную младость на непреткновенное шествованіе ко вратамъ смерти.

Чадный, сѣрый угаръ плаваетъ, бывало, по избѣ удушающими, густыми волнами; а *азяты*, какъ дьячекъ и унтеръ титуловали своихъ маловозрастныхъ воспитанниковъ, привышіе къ этому угару и чаду въ своихъ родныхъ избахъ, ничуть не стѣсняются этимъ. Въ томъ же неприятномъ случаѣ, когда кабая-нибудь слабенькая головенка дѣйствительно закружилась отъ запущеннаго въ нее тепломъ швольной избы дурмана, то голову эту, вмѣстѣ со всѣмъ ея помертвѣвшимъ тѣломъ, болѣе сильные товарищи съ громкимъ смѣхомъ выталкивали изъ избы на улицу и тамъ съ размаху швыряли въ снѣжный сугробъ. Этотъ незамысловатый методъ леченія дѣлалъ свое дѣло исправнѣе всѣхъ рецептовъ раціональной медицины: не прошло какихъ-нибудь скоротечныхъ полчаса, какъ головенка отрезвлялась и, дрожая отъ холода, прискакивала въ избу съ румянцемъ во всю щеку и съ какою-то необъяснимо-довольной

улыбкой, которая заставляла почему-то неудержимо хохотать и шеольниковъ, остававшихся въ избѣ, и самого учителя.

— Ха, ха, ха! Хи, хи, хи! Что? Прошло, небось, какъ мы тебя завалили въ снѣгъ по самую шею? заливались смѣхомъ разнотонные голоса мальчиковъ и дѣвочекъ, засѣдавшихъ въ шеолѣ. Поди, поди ужъ ко мнѣ поскорѣе, — мнѣ мамка у Микола на базарѣ купила новыя валенки, такъ я тебя въ нихъ, пожалуй, хошь съ головой посажу.

Такъ ребяташки на перебой зазывали къ себѣ своего, мгновенно вылеченнаго ими, пациента, — и онъ стоялъ передъ ними съ своей довольной улыбкой и румянцемъ во всю щеку, не зная, въ какую сторону направиться, потому что и самъ учитель въ тоже время хохоталъ надъ ребенкомъ и здоровымъ башищемъ кричалъ ему:

— Ахъ, шельминъ сынъ! А? Ха, ха, ха! Ахъ, барченокъ ты этакой лупоглазый! Мы смотримъ, смотримъ на него, а у него ужъ и глазенки подъ лобъ закатились. А? Ха, ха, ха! Я смѣюсь и говорю ребятамъ: ребяташки, говорю, не въ снѣгу ли, мошь, у этого барченка вотчина будетъ? Стащите-ка его туда, — авось тамъ за его лихой болѣзью няньки-мамки походить.... А? Ха, ха, ха! Ну поди, поди сюда поскорѣе, на колѣнки ко мнѣ, — я тебя свитой своей принакрою маленько. Ну, ничего! До свадьбы оно заживетъ. Бери указку теперъ и читай за мною. Помни — гляди, не забывай! А то тебя учишь-учишь, а ты все говоришь: я, дяденька, энто запоматывалъ.... Ну, читай за мною: «буки-азъ-ба, вѣди-азъ-ва, глаголь-азъ-га» и т. д.

— Ну что? заключалъ свою ласку учитель, пропѣвши, вмѣстѣ съ ребенкомъ, это основаніе всероссійской премудрости, на которомъ столько лѣтъ зиждилось и теперъ зиждется дивное зданіе отечественнаго просвѣщенія. Согрѣлся теперъ? Слѣзай же съ колѣнъ, да бѣжи за столъ повторять. Да ты вотъ что, ты вотъ что, шутенокъ, — останавливалъ учитель ребенка, стремительно ринувшагося за столъ къ пріятелямъ, которые втихомолку обезьянничали надъ *сурезомъ мастера*, — ты азбуку-то указкой не проковыривай у меня, — шкуру спущу.... Сколько разъ тебѣ говорить, что за азбуку-то по новѣшимъ временамъ три пуда муки даютъ, да и то взять негдѣ. Что, отецъ-то твой шкуру съ себя долженъ продавать на азбуки-то тебѣ? И то ужъ онъ другую книжку тебѣ покупаетъ. Гл-ляди у меня округъ себя!.. Попристальнѣй пог-гл-лядывай!..

Приказаніе это «пог-глядывать округъ себя попристальнѣй», отданное даже ласковымъ тономъ, необыкновенно усугубляло ребячье стараніе проникнуть въ суть наукъ. Очень можетъ быть,

что, во время отдачи такого приказанія, у многихъ ребятшекъ и мелькали въ мозгахъ различныя пріятныя мысли насчетъ того, напримѣръ, какъ-бы хорошо было выбѣжать сейчасъ на только-что замерзшую рѣку и прокатиться на ногахъ по ея гладкой, блестящей поверхности; но мысли эти, на подобіе зимнихъ пташекъ, быстро мелькающихъ по свѣжнымъ равнинамъ, сейчасъ же выпархивали изъ малосмысленныхъ головъ, страшно перепуганныя вознишемъ тамъ представленіемъ возможности получить за катанье по льду «спущеніе шкуры», во-первыхъ — морозомъ, безжалостно рвущимъ пухлыя щеки, а во-вторыхъ — учителемъ, который изстари привыкъ оберегать молодая жизни отъ разныхъ опасныхъ случаевъ прикладывая къ различнымъ частностямъ этихъ жизней горячія припарки, въ видѣ толстыхъ пучковъ гибкихъ березовыхъ прутьевъ.

— Оттягиваетъ это у ребятъ охоту-то... Къ баловству напримѣръ.... Въ родѣ, будто-бы, шпанской мушки облегченіе имъ подаетъ, — въ одинъ голосъ и съ одинаково-добродушными усмѣшками толковали и дьячокъ и унтеръ, указывая на прутья, распаренные въ теплой водѣ, или въ вольномъ духу печи.

Слушая постоянно такіе разговоры, ребята, можетъ быть, и неособенно сильно поддавались бы ихъ умиряющему вліянію, если бы въ такія времена на дворѣ не стояло зимы. Она обезлюдила сельскую улицу, сгребла и сжала въ своей могучей ледяной рукѣ раздольныя волны рѣчныя и, наконецъ, она же воцарила въ сельскомъ лѣсу мрачную смерть и безотвѣтное, унылое молчаніе. Только однѣ сосны да ели спорили въ этомъ лѣсу съ зимою, раскрашивая могильное однообразіе ея бѣлаго савана своими вѣчно-зелеными вѣтвями.

Куда тутъ идти? Какъ по этимъ страшнымъ свѣжнымъ сугробамъ могутъ разбѣчься рѣзвыя ноги, не завязнувъ въ нихъ, и кто въ этомъ угрюмо-молчащемъ лѣсу также весело и звонко, какъ весель и звонокъ ребячій голосъ, отзовется шумной дѣтской радости? Одни только свѣжныя пушинки осыплются съ верхушекъ деревьевъ и беззвучно спустятся къ ихъ подножіямъ, около которыхъ лѣтомъ можно было сидѣть и съ тихой, молчаливою думой смотрѣть на тысячи разнообразной, живой мелочи, копошившейся въ травѣ. Скучно и холодно зимой!...

И ребята, какъ нельзя болѣе лучше, знали это, — и потому они терпѣливо сидѣли въ учительскихъ избахъ и безпрекословно занимались, какъ это характерно названо сельскимъ народомъ, *учбой*.

Что это былъ за страшный и дивій гомонъ, которымъ непремѣнно обуславливается *хорошая, настоящая учба!* Вотъ

пять молоденькихъ ртовъ, напоминающихъ собою бѣлые рты галчатъ, вывалившихся изъ гнѣздъ на землю, задыхаясь отъ натуги — показать учителю чей голосъ громче, изъ всѣхъ силъ тянуть: «мал-литва къ чисто-ому кресту»....

— Я вамъ, я вамъ задамъ къ «кресту»!... покрививаетъ учитель, несмущаемо сидя за плетеніемъ рыболовной сѣти, или за точеніемъ хитрѣйшихъ балясинъ къ клѣтѣ для любимаго сѣворца. Ишь мужлаки поганые! Къ кресту! Ослѣпли вы, что ли, какъ тамъ написано? Кресту тамъ написано! Г-гля-яд-дите у меня, ребята! Кое мѣсто терпѣть мнѣ отъ васъ?..

Группа бѣлоротыхъ галчатъ, штудировавшая молитву въ честному кресту, останавливается при этомъ окрикѣ. Она въ глубокое недоумѣніи. Она, очевидно, не довѣряетъ ни словамъ учителя, ни книжѣ, цѣнность которой опредѣляется тремя пудами муки. Одумавшись и самымъ внимательнымъ образомъ всмотрѣвшись въ книжку, группа видитъ, что въ ней, дѣйствительно, пропечатано: во кресту; но она въ то же время очень хорошо знаетъ, что самые любимые ею люди — дѣдушки, бабушки, тятьки и мамы, руками которыхъ были отвѣшаны за азбуку три пуда муки, всегда, когда ихъ сокрушенные горемъ головы падаютъ предъ иконами, во время ночной, одинокой молитвы, такъ эти люди всегда шепчутъ: «Хрѣсть-хранитель земли! Хрѣсть-красота и милость Божья»!...

Мимолетно скользятъ надъ дѣтскими головами такія соображенія, но все-таки тѣмъ не менѣе заставляютъ ихъ, хотя на минуту, задумываться.

— Ну что стали? покрививаетъ учитель, на минуту отрываясь отъ вязанія рыболовной сѣти. Читайте: «мо-о-ли-итва къ честному кресту».

— Кре-есту! вторать за учителемъ ребятишки голосами, непремѣнно плаксивыми, потому что пониманія ихъ въ этомъ случаѣ уже разошлись съ учительскимъ пониманіемъ о крестѣ.

Крестъ учителя, и «хрѣсть» дѣдушки и бабушки, тятьки и мамы, оказывались въ дѣтскихъ головахъ вещами, совершенно другъ на друга не похожими.

Впрочемъ, съ этимъ неудобствомъ ребятишки примиряются очень легко. Отъ зимы нивуда не убѣжишь съ голыми ногами, — и потому въ шволѣ слышатся другіе голоса.

— Буд-ди бла-го-честивъ! вопіютъ эти голоса уже болѣе возмужалымъ хоромъ, чѣмъ пѣли голоса первой группы.

— Въ мірѣ нѣтъ ни счастья, ни несчастья! протяжно и уныло диктуютъ другъ другу четырнадцатилѣтніе ребята, угрюмо наклонившіеся своими весноватыми, исхудалыми лицами въ сѣрныя

тетрадки, въ которыя, въ назиданіе грядущимъ вѣкамъ, они вписывали поучительную истину объ отсутствіи счастья и несчастья въ этой жизни, обильной, какъ всякому извѣстно, и тѣмъ, и другимъ веществомъ въ глубокой степени.

На подобіе того, какъ жужжать пчелы въ ульѣ, гудятъ цѣлый зимній день ребячьи голоса въ дьячковской избѣ. И точно также, какъ свѣтлые, лѣтніе злаки даютъ возможность трудолюбивымъ пчеламъ наполнять свои ульи сотами душистаго меда, такъ и юныя сердца малолѣтнихъ тружениковъ — посѣянію и благополучному въ нихъ произрастанію цвѣтовъ различныхъ добродѣтелей, обязаны были только длинной, суровой зимѣ, которая въ этомъ случаѣ, должно быть, дѣлала милостивое исключеніе для бѣдныхъ, сельскихъ недоростковъ, привыкнувъ изстари обрывать со всей русской природы ея цвѣтныя украшенія...

И какъ душисты, какъ разнообразны эти цвѣты! Вотъ, напримеръ, одно юное сердце старается возрастить въ себѣ цвѣтъ знанія *чихирей*. Для этой цѣли юное сердце всѣми своими сосудами жадно впитываетъ въ себя «таблицу умноженія», которую дьячокъ собственноручно вписалъ, для всеобщаго назиданія села, въ тетрадку изъ толстой, синей бумаги. По тетрадкѣ оказывается нѣкоторая, хотя и неособенно значительная, реформа въ общепринятомъ человѣческомъ счетѣ, именно: по «таблицѣ умноженія», составленной дьячкомъ Григорьемъ Петровымъ, выходитъ, что «трижды-три—питнацать»...

Это же правило усваивается и въ избѣ унтера Абрама Телелюева. Онъ впрочемъ когда-то domeвнулся - было своимъ бравымъ, солдатскимъ разсудкомъ до несостоятельности правила — «трижды-три», и покушался исправить эту несостоятельность, да подумавши, такъ и оставилъ безъ исправленія.

— Небойсь! молчаливо думалъ Абрамъ. Когда выростутъ, такъ сами узнаютъ какъ это оно «трижды-три»... Опять же: можетъ оно по пальцамъ точно что девять выходитъ, а рихметику, ежели раскроешь, такъ тамъ тебѣ вдвое больше того насчитаютъ... Извѣстно: фокусъ-покусъ все! На то книги и сочиняются, чтобы ты своимъ умомъ не вичился: умнѣе тебя завсегда въ тыщу разъ люди найдутся, ну они и перешибутъ тебя всячески на каждомъ шагу... Знаемъ мы тоже исторію-то! заканчивалъ Телелюевъ свою думу и обращался къ какому-нибудь свворцу, который не зналъ исторіи и, слѣдовательно, перешибить своимъ солдатскаго ума ни въ какомъ случаѣ не могъ...

— Ну-ка, Петинья, отличись, — спой намъ что-нибудь, другъ! ласково говорилъ Абрамъ птицѣ, печально опустившей крылья въ виду инстинктивно чувствуемыхъ ею зимнихъ ужасовъ. Что

пріуныль, милашечка, въ самъ-дѣлѣ? Что зима - то на дворѣ стоять? Экая невидаль? Чив-во испужался? Ну-ка дерни! Фью, фью, фью! Джи, джи, джи! В-вы што м-меж-жду проч-чимъ, глупые, рты - то разинули? Чево перестали учиться? кричалъ затѣмъ учитель на ребятъ, дѣйствительно, разинувшихъ рты на птицу, которая, прибодрившись отъ хозяйской ласки, начинала-было уже почвѣивать потихоньку.

Испуганные окрикомъ, ребята снова потуплялись въ опротивѣвшія книжки и снова принимались, какъ и въ дьячковской избѣ, голосить о «трижды-три», о «добродѣтели, не нуждающейся въ блистательномъ поприщѣ», о «бѣдномъ, хаотическомъ мірѣ, лишенномъ счастья и несчастья» и т. д. и т. д....

А между тѣмъ на деревенскихъ улицахъ злилась и насмѣшливо свистала зима, словно бы освистывая линючесть красокъ тѣхъ цвѣтовъ, которые, во время ея господства надъ землею, съ такимъ удобствомъ принимались и разрастались въ сердцахъ ребятешекъ. Содрогались отъ этой зимней злости не только гнилыя, мужицкія избы, но и бѣлая, каменная церковь села. Вѣтеръ, словно пьяный буйанъ, налеталъ на голыя верхушки березъ, росшихъ въ церковной оградѣ, моментально и, какъ это говорится на человѣческомъ языкѣ, ни за что, ни про что, выдиралъ имъ ихъ печально-развисшіе въ разныя стороны вихры и потомъ, взлетѣвши подъ церковную крышу, ожесточенно разламывалъ ея жестяные листы и буйно стучалъ ими о деревянныя стропила. Проѣзжіи человѣкъ, вынужденный неотложною надобностью быть въ такую непогодъ на дорогѣ, слушая этотъ, громко отдающійся стукъ, пугливо крестился; а вѣтеръ какъ-бы нарочно старался навести на его душу еще большее смятеніе. Съ какимъ-то особенно-ужасавшимъ визгомъ, онъ, въ видѣ летучаго, снѣжнаго человѣка исполинскаго роста, стремительно — не взлеталъ уже, а какъ бы вспрыгивалъ на верхъ колокольни, подь самые колокола — и принимался звонить въ нихъ, ухитряясь въ то же время извлекать изъ нихъ одни только невыразимыя, томасіе звуки, съ которыми ежели сравнить прощальный звонъ похоронный, такъ онъ вышелъ бы въ несчетное число разъ веселѣе этой музыки, производимой буйнымъ, снѣжнымъ человѣкомъ.

Слушая эту музыку, дьячокъ, при особенно-выразительныхъ нотахъ ея, отрывался отъ обтачиванія хитрыхъ балясинъ и осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, — причемъ по его благодушному, обрамленному сѣдыми волосами лицу пробѣгали какія-то сумрачныя тѣни, очень увеличивавшія общее уныніе.

— Разгулялось! задумчиво шепталъ дьячекъ, снова прини-

маясь, послѣ креста, за прерванную работу. Хоть бы чутокъ попритихло; а то вѣдь всю душу вытануло, братцы мои! Но, но! Что стали? вскрикивалъ онъ въ ободреніе ребятъ, которые, вмѣсто обычнаго гомона, теперь, въ виду сѣрой тьмы, царившей въ избѣ и непрерывнаго стопа, летавшаго по улицѣ, тихо и сонно перешептывались между собою о разныхъ школьныхъ разностяхъ.

Крикъ этотъ всегда оживляюще дѣйствовалъ на отуманенныя ребячьи головы. Онъ имѣлъ по отношенію къ нимъ такое же дѣйствіе, какое имѣетъ кнутъ по отношенію къ клячѣ, задремавшей усталой головой на трудной пахотѣ. Неожиданно вытянутая по спинѣ длиннымъ кнутомъ, кляча сперва порывисто вздрагиваетъ, словно бы въ это время кнутъ спугнулъ съ нея обувшую ее задумчивость, потомъ поднимаетъ голову и наконецъ принимается усиленно шагать по рыхлой землѣ, несмотря на то, что ноги ея по колѣно вязнутъ въ этой землѣ. Точно также и ребята, загнанные зимой въ душную избу, сперва вздрогнули отъ учительскаго крика, потомъ подняли головы, а наконецъ всѣми ртами произвели характеризующій деревенскую *учобу* гомонъ, надобливо и безустанно ломившійся въ тайныя области великаго, научнаго царства...

И буйное величіе зимы не однѣ только головы малолѣтковъ превращало, такъ-сказать, въ роскошныя нивы, удобныя для воспріятія дьячковскихъ и солдатскихъ истинъ. Оно гнуло къ поучительнымъ книжкамъ, сочиненнымъ и напечатаннымъ на всеобщее благо русскаго народа матушкой-Москвою, и другіе, менѣе пугливыя, совершенно уже возрастныя лбы. Такими лбами во множествѣ украшались, какъ солдатская, такъ и дьячковская избы. Они принадлежали и парнямъ, и молодымъ дѣвкамъ, года которыхъ языкамъ сельскихъ насмѣшниковъ давали полную возможность сколько угодно потѣшаться надъ этими грамотѣями, особенно надъ парнями. Сельскіе балагуры, встрѣтивши такихъ ученыхъ на улицѣ, обыкновенно проводили между ними и своими лошадьми обидное сравненіе, по которому оказывалось, что вотъ «лошаденкѣ моей двухъ годковъ еще нѣтъ, а ужъ она по двѣ бочки воды каждый день привозитъ; а вы вотъ, дескать, шалаши, все за своей *учобой* разсидживаетесь».

Насчетъ заучившихся дѣвокъ у сельскихъ остряковъ, хотя тоже и существовали различныя пословицы, болѣе или менѣе игриваго свойства, но однако пословицы эти говорились вслухъ очень рѣдко. Народный обычай, осуждающій взрослую дѣвушку сидѣть за псалтирю и часословомъ, укрывая молодую голову и румяныя щеки чернымъ платкомъ, вмѣсто того, чтобы ей, раз-

убранной въ красный сарафанъ и алыя ленты, идти въ церковь, подъ золотой вѣнецъ и потомъ хозяйничать въ мужниномъ домѣ, удерживаетъ смѣшливые языки, — и напротивъ: почти всегда бываетъ такъ, что когда по сельской улицѣ проходитъ такая дѣвичья молодость, потупивши въ землю свѣтлыя очи и укрывшись своимъ чернымъ платкомъ, то даже старики и старухи даютъ ей дорогу и съ какимъ-то любовнымъ почтеніемъ серьезно и медленно передъ ней преклоняются.

Эти молодыя дѣвицы—русскіе «возлы очищенія». Родители ихъ,—желаютъ ли свалить съ себя тяжкое бремя не дающихъ даже минуты покоя грѣховъ, просятъ ли у Бога какихъ-нибудь особенныхъ милостей, или наконецъ, пламенѣя религіознымъ рвеніемъ угодить Господу, всегда, въ такихъ случаяхъ, своихъ дочерей, преимущественно перворожденныхъ, *обручаютъ Христу*, — отчего издавна присвоено имъ имя «Христовыхъ невѣсть», или «вольныхъ черничекъ».

Лѣтъ съ десяти *обрученницъ* этихъ одѣваютъ въ черное, не давая такимъ образомъ молодымъ глазамъ любоваться яркими цвѣтами, и потомъ ихъ отдають въ науку дьячку, у котораго онѣ лѣтъ въ шесть-семь научаются читать церковныя книги и писать по *полууставному*, т.-е. церковно-славянскимъ шрифтомъ. По окончаніи этого, обязательнаго для всякой вольной чернички, курса родители ихъ выстраиваютъ имъ домъ гдѣ-нибудь подъ ветлами, въ глуши задняго огорода, устанавливають этотъ домъ образами, увѣшиваютъ лампадами изъ разноцвѣтныхъ хрусталей, и отсюда уже начинается самостоятельная дѣятельность Христовыхъ «невѣсть». Онѣ читають псалтырь по умершимъ, обмываютъ ихъ, вписываютъ въ «поминанья» имена живыхъ людей, «о здравіи», а мертвыхъ «за упокой души» — и наконецъ обучаютъ такихъ же, какъ онѣ сами, обрученныхъ дѣвочекъ всѣмъ тѣмъ наукамъ, какимъ ихъ обучали...

Изъ оконъ тихихъ домиковъ этихъ черничекъ всегда, и днемъ и ночью, свѣтятся огоньки отъ многочисленныхъ лампадъ и восковыхъ свѣчекъ, зажженныхъ предъ иконами. Тутъ онѣ, въ виду великихъ сподвижниковъ Христа, наполнившихъ ихъ пустынные кельи, вѣчно поютъ тонкими, смиренными голосами псалмы царя и пророка Давида, либо глубоко сокрушенные горемъ даже царственной жизни, либо фанатически ликующіе предъ «неизреченною милостью Бога боговъ—царя Израилева, спасающаго отъ этого горя»...

И такъ проходитъ вся жизнь этихъ дѣвицъ. Мужикъ какой, ежели забредетъ за заблудившеюся лошадью въ чащу ихъ уединеннаго огорода, онъ, смотря на мерцаніе святыхъ огней, вид-

ныхъ изъ черничкиныхъ оконъ, непременно сниметь шапку передъ пустыннымъ домомъ и, съ глубокими вздохами, положить нѣсколько земныхъ поклоновъ. А ежели бабѣ случится проходить зачѣмъ-нибудь мимо черничекъ, такъ она непременно стучалась въ ихъ всегда запертую дверь.

Впущенныя въ келью, сельскія женщины обыкновенно долго молятся предъ освѣщенными, блистающими свѣтлыми ризами, образами черничекъ, а потомъ большое число этихъ бабъ еще дольше истерично рыдаютъ и причитываютъ:

— Ах-хъ! Какіе у насъ съ мужемъ Божіи лики темные! Ахъ, въ какой у насъ темнотѣ Господь-Саваоѡъ схороненъ! Охъ, какъ бы мнѣ теперича дѣвичью силку, когда меня добрые мѡлодцы любили и золотомъ-серебромъ даривали: взяла бы я мое благословеніе родительское — золотомъ бы его всего обернула—батюшку!... Охъ, дѣтущки, тошно мнѣ! Охъ, голубушки, тѣсно мнѣ!... Ха, ха, ха! Темъ у насъ съ мужемъ въ избѣ, холодъ и голодъ. Ребята голые вричатъ и во всякой нечисти, ровно бы животинки какія, по полу ползаютъ. Свѣчки нельзя мнѣ передъ ангеломъ моимъ—Настасеей святой—затеплить,—денегъ нѣтъ... То сама я на ребятъ истрачу, то мужъ отъ злости на свое убожество пропѣтъ...

Молодые чернички въ утѣшеніе такихъ, страстно и болѣзненно рыдавшихъ женщинъ, говорили:

— Изыди! Изыди, демоне, отъ рабы Настасеи! Попробуй-ка, тронь-ва рабу еще разъ!... Д-ды он-на тиб-бя, мож-жетъ, въ тарь-тарары упечетъ... Д-ды мы тутъ тебя всего молитвами-то спалимъ, проклятаго сатану... Изыди! Изыди! Тьфу! Вотъ тебѣ что отъ насъ—отъ безгрѣшныхъ сестрицъ!...

Такихъ дѣвицъ очень много застѣдало какъ въ дьячковской, такъ и въ солдатской академіяхъ. Въ нихъ «безгрѣшныя сестрицы» пріобывали къ своей будущей дѣятельности — неустанно замаливать грѣхи наивной, сельской мысли, или отгонять отъ нея искусительныхъ демоновъ, которые въ неисчислимое количество лѣтъ существованія міра никакъ не могутъ отстать отъ своихъ каверзныхъ привычекъ — соблазнять честныя человѣческія головы и наводить ихъ на дѣйствія, сообразныя скорѣе съ неугасимою свирѣпостью жупела, горящаго въ темныхъ нѣдрахъ адава царства, чѣмъ съ тихимъ и безобиднымъ теченіемъ дѣлъ разумнаго и любящаго другъ друга человѣчества.

Всѣ эти дѣвицы были одѣты въ синіе, пахнувшіе масляной краской, сарафаны и укрыты черными платками такъ плотно, что изъ-подъ нихъ блестѣли только сверкавшіе, напрасно ставшейся притаяться молодостью, глаза, да чуть-чуть виднѣлись

ярко-румяныя щеки. Въ пріятномъ сосѣдствѣ съ ними сидятъ совсѣмъ уже взрослые парни, толстыя, породистыя губы которыхъ подернуты свѣтло-рыжеватымъ пухомъ — предвѣстникомъ настоящихъ молодецкихъ усовъ. Всѣ они одѣты, за нѣкоторыми незначительными измѣненіями, одинаково, почти такъ, какъ обыкновенно одѣваются молодые богатые мѣщане въ уѣздныхъ городахъ, именно: на всѣхъ на нихъ были либо ситцевыя, либо красныя кумачныя рубахи, — ситцевыя же, разводистыя жилеты съ блестящими пуговицами и потомъ синіе, нанковые штаны, заправленные въ длинныя голенища «смазныхъ» сапоговъ, со «скрипомъ».

Такая одинаковость костюмовъ сельскихъ академикомъ объясняется одинаковостью нравовъ, господствующихъ въ средѣ деревенскаго богатства: соблазнительные примѣры разбогатѣвшихъ «воломенскихъ дворниковъ, зарайскихъ кабатчиковъ» и торгующихъ по селамъ мѣщанъ, которые пьютъ чай изъ собственныхъ самоваровъ, одѣваютъ своихъ ребятъ во все красное и синее, и потомъ отдають ихъ въ *учобу* въ духовнымъ, увлекають и сѣрыхъ мужиковъ. По пятидесяти и болѣе лѣтъ откладывавшіе копѣйку за копѣйкою, грошъ за грошемъ, деревенскіе дѣды, молчаливо приравнивая своихъ любимыхъ внучатъ, вѣчно растрепанныхъ, вѣчно въ грязныхъ, посконныхъ рубахахъ, къ примасленнымъ дѣтямъ разбогатѣвшей на ихъ уже стариковскихъ глазахъ городской саранчи, начинаютъ какъ будто сердиться на что-то, начинаютъ крѣпче и любовнѣе гладить льняныя головенки шаршавыхъ внучатъ. Ихъ молчаливыя, свыкшіяся со всякимъ горемъ души, противъ воли стариковъ, запѣвають въ такія времена волнующую, завистливую пѣсню о томъ, что надо бы внученка-то приодѣть, надо бы его, какъ у другихъ прочихъ людей ведется, въ науку какую-нибудь отдать, потому что же ты, старый, все ѣжишься? Или ты, старый, весь вѣдь все будешь копить да про нечаянный *черный* день сберегать? Или ты, старичина, все, что тобой въ твой длинный, горькій вѣдь сколочено, задумалъ унести съ собой въ темный гробъ и ничего не оставишь внученку, какой былъ только одной радостью во всю твою жизнь?

И все болѣе и болѣе недовольными нотами звучитъ эта пѣсня въ стариковской душѣ. Каждый звукъ ея все больнѣе и больнѣе щиплетъ омертвѣвшее стариковское сердце, — и пока-мѣстъ въ душѣ дѣда поется эта никому неслышная пѣсня, шаршавый и грязный внучекъ совсѣмъ уже заснулъ на его

теплыхъ волѣняхъ. Ничуть не слышитъ внука, какъ сѣдой, морщинистый старикъ, продолжая гладить его молодую голову, потихоньку всхлипываетъ и отрывисто толкуетъ о томъ, что онъ и радъ бы радостью внука *прозументами браллиантовыми* всего разукрасить, радъ бы его въ самыя *господскія науки* отдать, чтобы онъ сразу могъ прочитать, какая цифирь на какой верстѣ стоитъ; да вѣдь увидятъ тогда люди, что у него — у дѣда — капиталы есть... Истерзаютъ его тогда люди: одни бѣдностью своей, другіе окаянствомъ нахальнымъ, — изорвутъ на части... Деньги выманютъ, или украдутъ, потомъ судить примутся и пустятъ со всей семьей по-міру...

Больше и больше льются стариковскія, одинокія слезы, — все меньше и меньше хватаетъ у дѣда силъ, чтобы сдержатъ рыданія, которыя готовы были разразиться громкимъ, бабьимъ крикомъ. Стыдно ему своего горя, боится онъ, что какъ бы кто-нибудь изъ домашнихъ или постороннихъ людей не подсмотрѣлъ его, не подслушалъ; а мальчишку между тѣмъ ужъ и разбудили рыданія дѣда, всегда сповойнаго и серьезнаго. Онъ смотритъ свѣтлыми, но недоумѣвающими глазами на несчастье дѣда, въ первый разъ имъ подварауленное и храбро лепечетъ любимому человѣку:

— Ты, дѣдушка, никого не бойся! Ты меня деньги твои караулить застави! Н-ниб-бойсь! Только подойди кто-нибудь, я такъ вцѣплюсь... Я онамедни, — рассказываетъ дитя о своихъ сторожевыхъ способностяхъ, — такъ въ Мишатку цѣловальникова зубами вцѣпилса, — бѣд-да! Меня цѣловальничиха стала за это сначала палкой бить по спинѣ и по ногамъ, и потомъ ужъ копѣйку дать общала на гостинцы, чтобы я Мишатку кусать пересталъ; а я все-жъ ему кровь пустилъ и убѣгъ!... Потому онъ самъ — Мишатка-то — не дерись!... Ишь какой драчунъ!... Охъ, дѣдушка! Отнеси меня въ сани на солому, — закончилъ ребенокъ свой рассказъ про свое ребячье столкновение съ цѣловальниковымъ Мишаткой, — мнѣ спать хочется...

Сѣвось даже непроглядную тьму глухой ночи, при которой безсонный дѣдъ разговаривалъ съ внукомъ, можно было видѣть, какъ, при послѣднихъ словахъ ребенка, по лицу старика разлилась широкая улыбка, обнажившая его красныя, давно лишенные зубовъ, десна. Не сгоняя съ своего изможденнаго лица эту улыбку, старикъ лѣвой рукой прижималъ ребенка въ своей груди, а правой молился на стоявшую предъ нимъ церковь, вставляя въ молитву множество житейскихъ, ропотливыхъ и жалующихся словъ:

— Ангеле мой, хранителю святый! Что же въ самъ-дѣлѣ,

аль у васъ нѣтъ?... Спаси, прикрой, успокой! Доволь же это мы будемъ людей-то пужаться? Н-нѣ-ѣтъ—будеть,—хоша при смерти-то возьмемъ на себя бодрова духу!... Столпъ и храненье земли, — древо благосѣннолиственное! Спи, спи, родной! Объ Троицѣ рубаху тебѣ красную куплю, какъ у Мишки, праздничную... Святители московскіе чудотворцы, молитесь Бога о насъ! Н-нѣ-ѣтъ! Мы имъ носы-то утремъ — торговцамъ-то этимъ! Я вотъ восемьдесятъ годовъ гляжу, какъ они на нашей мужицкой шеѣ сидятъ... Надетитъ къ намъ саранчей прожористой — и посиживаетъ себѣ день деньской, сложа ручки на животѣ, а все пуще нашего брата—батрака—сытъ... Святая великомученица Варвара!... Завтра я тебя самъ отведу къ мастеру, въ *учобу*; а тамъ молебень отслужимъ Науму святому, съ водосвятицемъ... Такъ-то вотъ! А тамъ мы еще поглядимъ, кто угоднику покрѣпче свѣчу-то выставитъ: кабатчикъ, аль мы?... Я такую только... Завтра же, по грѣхамъ моимъ, водки выпью съ Васюткинымъ мастеромъ. Понесу ему въ подарокъ водки полштофъ съ кренделями—и самъ съ нимъ, по малости, чикну... Да право! Чего мнѣ людей-то стыдиться,—слава Богу: не маленький! Опять же—у меня внукъ растетъ—надѣжа! Ишь звѣрь бѣлголовый какой! Онъ ужъ и въ теперешніе, малолѣтние года всему у дѣдушки научился: молитвы читать, за пчелкой Господней смотрѣть... Ужъ онъ и теперь пристально разбираетъ, къ какому она матушка-пчелва Божія ведетъ къ меду косымъ крыломъ, къ какому прямому, когда ей, родимой, питья хочется и когда сповою... Молодчикъ! Дай-ка вотъ уборовъ-то я тебѣ накуплю,—погоди!... Ну прощайте, добрые люди, — спать мы съ внукомъ идемъ! раскланивался дѣдъ на всѣ четыре стороны предъ опустѣвшей улицей, вся жизнь которой ограничивалась только одними мѣсячными лучами, бродившими по ея мягкой, дорожной пыли, въ видѣ какихъ-то, какъ-бы глубоко-усталыхъ и печальныхъ тѣней...

За недѣлю, или болѣе, до прихода Троицына дня, съ его зелеными вѣтвями, съ яркимъ солнцемъ, съ ароматно-пахнущею травкою, старый дѣдъ, потихоньку отъ домашнихъ покопавшись въ какомъ-то темномъ углу своего двора, въ которомъ и стоялъ-то только одинъ гнилой остовъ безколесной телѣги, весь запачканный ночевавшими на немъ курами, собрался, на диво своихъ многочисленныхъ чадъ и домочадцевъ, въ городъ.

— Телѣгу мнѣ праздничную снаряди, — приказывалъ старикъ младшему сыну, который самъ былъ охотникъ прокатиться въ праздничной телѣгѣ, стоя въ ней и пуская вскачь застоявшуюся на кормѣ хорошую лошадь. Въ корень пусти гнѣдова

жеребчика, въ пристяжку кобылку соловенькую,—парой поѣду. Навяжи погромочковъ, позвончѣ какихъ, да побольше...

— Да ты никакъ, батюшка, въ городъ-то ѣдешь головину дочь за себя за вдовава сватать? смѣялись надъ старикомъ молодья снохи.

— А хошь бы и головину дочь за себя засватали,—отвѣчалъ дѣдъ смѣху снохъ своей рѣдко показывающейся въ избѣ улыбкой. Небойсь, ежели къ намъ и головиха войдетъ въ домъ, не замарается... У насъ, слава Богу, есть!... Чаю ей не добудемъ, что-ли?...

И вслѣдствіе стариковской поѣздки въ городъ, въ свѣтлый Троицынъ день, любимый внучъ его бѣгалъ по сельскимъ улицамъ въ розовой, шуршащей рубахѣ, подпоясанный шелковымъ гайтаномъ съ махрами изъ разноцвѣтнаго сырца, въ широкихъ, синихъ штанишкахъ и въ сапогахъ, выстроченныхъ по краямъ голенищъ узорною строчкой, — деготь такъ и лоснился на тѣхъ сапогахъ.

Блаженная счастьемъ, разодрѣтаго такимъ блестящимъ манеромъ сынишки, мать знаменательно толковала съ своими подругами, какъ бы осуждая ненужную роскошь свѣбра:

— Что, старый, придумалъ на старости лѣтъ? Ужъ куда намъ—мужикамъ сѣрымъ—въ красномъ ходить.

— Почто не ходить? отвѣчали подруги, видимо пораженныя громадностью капиталовъ, посредствомъ которыхъ старикъ могъ осуществить свои затѣи насчетъ внука. Ежели вамъ въ красномъ не ходить, золотая, такъ кому же въ ѣмъ и ходить? Небойсь у старичка-то вашего, у почтеннаго, въ волю всего припасено...

Дворники, цѣловальники, торгоши-мѣщане, глядя на разубраннаго и размасленнаго Васютку, тихо между собою толковали:

— Эге! Гляди-вось, гляди! Штуку-то какую отмочилъ старичокъ-то нашъ, сусѣдъ-то почтенный! А я, признаться, не ждалъ отъ него капиталовъ. Полагалъ я, что онъ молчаньемъ своимъ фальшивитъ все: пуцай, молъ, люди думаютъ, что у насъ *залежь* есть, а мы тѣмъ временемъ такъ будемъ норовить, чтобы, т.-е. въ долгъ заграбастать побольше... А оно вотъ куда дѣло-то поѣхало!

— Да, братъ, загуляло дѣло! Онъ, другъ, восемьдесятъ годовъ колотилъ... Того гляди теперича, старый шутъ, лавку откроетъ, — дегтемъ примется торговать, масломъ коровимъ, сбруей лошадей, лаптями,—какъ есть безъ куска хлѣба нашего брата — бѣднаго человѣка — оставить. Они вѣдь эти старые дьяволы-то хитры. Молчить-молчить весь вѣкъ, да какъ ляпнетъ вдругъ съ большого-то ума, ну и иди съ сумой!...

— Да! Надо полагать, что онъ подведетъ подъ насъ что-нибудь! огорченно шептали другіе голоса. Ужь онъ намъ теперича, идоль, пропишетъ! Ужь пропишетъ...

— А то какже? Не пропишу, чтоли? Рази у насъ нѣту, что ли? Пора ужъ намъ съ вами въ разговоръ вступить! отгадывая сосѣдскія рѣчи, думаетъ самъ съ собою старикъ, сидя въ овчинномъ тулупѣ на жгучемъ, полуденномъ солнцекѣ, около своего дома.— Васютка! кричитъ онъ затѣмъ своему внуку, шумно объѣзжавшему верхомъ на дѣдовскомъ посохѣ праздничныя сельскія улицы. Поди-ка сюда! На-ка вотъ: дай Мишатѣ цѣловальникову городского гостинцу... Скажи: дѣдушга, мошь, изъ горда такихъ гостинцевъ Богъ знаетъ сколько привезъ. У насъ ихъ теперь, скажи, вся семья хрупаеть сколько угодно... Запрету, мошь, отъ дѣдушки, нѣтъ... Сколько въ него влѣзеть,—кушай!... А гостинцы, скажи, дорогіе!...

Внукъ убѣгалъ дѣлиться дорогими гостинцами съ пріятелемъ Мишаткой, а дѣдъ, прикрывая плотнѣе овчиннымъ тулупомъ свои трудовыя, исхудалыя плечи, шепталь:

— Ужь очень меня на моемъ вѣку пробирали торгоши-то эти! Дай-ка и я имъ хошь одну загвоздочку махонькую запушу...

Цѣловальникъ, въ свою очередь, уже громко ораль на своего Мишатку, который прибѣжалъ-было къ нему похвастаться дорогими гостинцами, полученными отъ пріятеля:—что ты, дурачина, аль ополумѣлъ? Всякую свержность отъ мужичьихъ ребятъ въ свои руки берешь! Рази тебѣ тятенька твой не покупаетъ гостинцевъ? Поди — скажи матери, чтобы она надѣла на тебя шелковую рубаху, сапоги бы дала сафьянныя, красныя, гостинцевъ чтобы полный подоль наклала, самыхъ сладкихъ, съ билетиками печатными... Пушай чтобы билетики по-французскому написаны были... Нехай старый чортъ въ попу идетъ тѣ билетики разбирать... Посмотримъ, какъ они ихъ разберутъ! Я и самъ-то съ ими еле-еле смогаюсь, даромъ что по всей Расеи прошелъ... А?... Ахъ, старый шутъ! Ишь ты какія комедіи подпускаеть... Н-нѣтъ, — утрись! Увидимъ еще по-времени, кто кому здоровѣе ходу задасть...

— Варвара! такъ же громко, какъ цѣловальникъ, кричалъ дѣдъ своей снохѣ — Васюткиной матери. Аль не видишь, дура, — говорилъ онъ Варварѣ, вставшею передъ нимъ, какъ листъ передъ травой. Аль не слышишь, что цѣловальникъ-то говоритъ: велить женѣ Мишатку обрядить въ другую рубаху, въ шелковую... Ты - то что - же глядишь? Доставай и ты Васюткѣ шелковую рубаху, съ разводами, самую лучшую, — сапоги красныя, сафьяновые... Гостинцевъ ему въ подоль послаще насыпь... Ай я имъ

уступлю? Да я въ гробъ пойду, а не уступлю... Будетъ имъ уступать-то, — шабашъ! А ты, должно, свекра-то слушаться перестала, — чего стоишь? Ты, должно, свекра-то, на старости его лѣтъ, на все село осрамить собираешься?... Охъ! Доберусь я до васъ—до неслуховъ!... Держитесь вы у меня въ тѣ времена!...

Грозно отдастъ снохѣ это приказаніе сѣдой дѣдъ. Тулупъ онъ въ эту минуту съ плечъ долой сбросилъ и толстой палкой объ землю застучалъ. Едва-едва удерживая предъ этой грозой смѣхъ, послушно отходить отъ него молодая сноха и выбирая изъ сундува драгоценныя Васюткины уборы, довольно и счастливо повторяетъ свою прежнюю фразу:

— Ишь, старый, что на старости лѣтъ выдумалъ? А мы думали, что онъ у насъ тугой на деньгу. Анъ онъ вонъ какой чливый! Своихъ въ обиду не дастъ, значить... Иди же, Васютка, надѣвай другую рубаху, — дѣдъ велѣлъ!... Да—поди-ка, чертенышъ, подь рукомойникъ, — я тебѣ морду-то вымою, — въ сладкомъ у тебя морда-то вся!...

Потомъ старикъ, все дальше и дальше идя по разымчивому пути неуступокъ, сосваталъ свою внучку—Васюткину сестру—замужъ за писмоводителя становаго пристава,—и передъ этимъ событіемъ онъ еще разъ ѣздилъ въ городъ, гдѣ, по его собственному выраженію, накупилъ *всево*, что требуется хорошимъ господамъ. Полезность и надобность въ господскомъ хозяйствѣ многихъ вещей, накупленныхъ дѣдомъ въ городѣ, не могли быть опредѣлены не только имъ, но даже и самимъ писмоводителемъ, при всей его житейской опытности и пониманіи, какъ и что въ чему дѣлается у именитыхъ людей. Онъ, писмоводитель этотъ, пересталъ даже франтить передъ своей невѣстой облѣзкою, енотовою шубой, которую онъ не снималъ и въ жарко-наотпеленной избѣ, а только что ахалъ надъ вещами, навезенными дѣдомъ, цѣловалъ у него худыя, подернутыя сине-багровыми жилами, руки и вослищалъ:

— Ахъ, дѣденька! Какъ это вамъ Господь помогъ этакую кучу *всево* оборудовать? Да мы онамедни имѣннице тутъ одно описывали съ г. становымъ у помѣщицы у одной — у вдовы. На что рѣсочна дама, а и у нихъ такое имѣніе на имянины только, да въ престольный праздникъ подается къ столу на поглядѣнье гостямъ. Гдѣ вы, дѣденька, тавія посудины отрыли? Ахъ! Сколько у васъ ума!... Пожалуйте ручку, дѣдушка, — вмѣстѣ Господу-Богу съ вами помолиться дозвольте за ихнее неоставленье...

Но не особенно поддавался дѣдъ ласкамъ чловѣка въ ено-

товой облязой шубѣ и при часахъ изъ «новаго золота», которое въ старину называлось просто — мѣдью. Онъ отстранялъ свои руки отъ поцѣлуевъ приказнаго и, сидя въ переднемъ углу «нодь богами», протяжно толковалъ ему:

— Да ты не безповойся! Не горюй! У насъ толи еще будетъ?... Живи только честь — честию, — люби жену, да насъ стариковъ почитай! Тогда мы, поглядѣвши на ваше съ молодою хозяйкой житье, сколькое время удосужиться можемъ, внучку тебѣ нашу — мужичку — такъ соберемъ, хошь бы любой барынь въ пору... А то каже? Рази у насъ нѣтъ, что ли?

— Какъ не быть, дѣденька? таялъ приказный. У васъ-то?.. Господи!..

— Сказано: сберу внучку за барина, — и толковать нечего! Вотъ ужъ поѣду въ городъ, — органъ изъ трактира куплю, чтобъ была музыка у моихъ внучать, какъ у господъ, — ей-богу! А ну, баринъ, покажи намъ свое послушанье, т.-е. что ты не гнушаешься моей мужичкой семьей, — ласково смѣялся дѣдъ, — поднеси винца дѣдушкѣ...

— Да мы, дѣденька, съ большимъ удовольствіемъ нетоюма что винца поднесемъ вамъ, а и въ ножки поклонимся, не за деньги, дѣдушка, а за вашу, судырь, милость, потому я сирота, сударь-дѣдушка, и горе великое знаю, не глядите на младость моихъ лѣтъ... Прозналъ я этого горюшка очень довольно... Прикажете дѣдушка и вы, милые сроднички, виномъ-хересомъ васъ подчивать — изъ города мнѣ купецъ Блохиновъ двѣ бутылочки на свадьбу въ подарокъ далъ, ради моего сиротства...

— Ахъ, какъ уменъ писарекъ! Ахъ, сколько въ немъ, при его сиротствѣ, ума сидитъ! тихо шептали другъ другу пирующіе. Выбралъ, старый, зятка себѣ въ сласть! А мы ужъ про него думали, что онъ совсѣмъ ослѣпъ... А онъ вотъ какъ: подавай, говоритъ, намъ съ внукою барина...

— Прикажете же, дѣдушка, — умолялъ женихъ, — винцо мое въ рюмки — ваше подареньице — разливать и васъ съ гостями дорогими подчивать. А я, никакъ вы въ себѣ сумнѣніе противъ меня имѣете въ своемъ сердцѣ насчетъ моей гордости, я даже напротивъ того съ супругой вообще въ ножки къ вамъ. Ну-ка, Машенька милая, — обращается «молодой» къ невѣстѣ, — налейте-ка дѣденькѣ рюмочку, а я поднесу, да потомъ ужъ и въ ножки имъ, потому, милая, дѣдушка наши стары.. Намъ ихъ во всякій часъ уважать нужно...

— Вотъ за это ты молодецъ! серьезно говорилъ старикъ, принимая рюмку съ виномъ-хересомъ изъ рукъ внука, при всеобщемъ почтительномъ молчаніи гостей. За это я тебя люблю,

что ты чиномъ своимъ передъ нами — прочими мужиками — не гордишься... Подите-ка ко мнѣ, внучата мои золотые, я васъ поцѣлю! Охъ! Отъ радости моей и отъ вина, кажись, я совсѣмъ съ ума спелъ?.. Кажись, я деньгами своими потѣшаюсь надъ вами?.. Э, да ужъ и горя же у меня было, братцы мои, — простите, Христа ради, воли дѣдъ ежели въ чемъ забуянилъ передъ вами...

И молодые, лежавшіе въ ногахъ у старика, и самъ старикъ, совершенно довольные и счастливые другъ другомъ, заливались горячими слезами; а цѣловальники, дворники и различные торговши, смотря на эту сцену въ освѣщенное окно, завистливо толковали:

— Вотъ демонъ-то, — истинно! Не дувано, не гадано! И на свадьбу не позвалъ, — а?.. Ты гляди ломается-то какъ! Весъ словно на пружинахъ!..

Старикъ, по своей восьмидесятилѣтней житейской опытности, если и не слышалъ этихъ законныхъ рѣчей, такъ зналъ, что непременно онѣ будутъ на разные манеры растолковываться, — и потому, положивши руку за пазуху, онъ заговорилъ въ отвѣтъ имъ:

— Ну-ка, внучекъ! Поднеси-ка дѣду вторительную! Встань съ колѣнокъ, и не плачься на свое сиротство, — я теперь тебя въ обиду не дамъ. Недаромъ я тебя въ зятя себѣ взялъ. Я на тебя три года глядѣлъ, каждый твой шагъ зналъ — и вижу: предъ начальникомъ твоимъ становымъ Господь тебя умомъ не обидѣлъ... Подноси! не гордись передъ дѣдомъ! Я семнадцать годовъ вина-то не пилъ; а иную пору страсть какъ хотѣлось!.. Сказалъ: не буду пить, — и не пилъ! Такъ-то! Ну, а теперь вотъ выпилъ — и, за твое послушанье, жертвую вамъ съ молодой женой на разводъ сто золотыхъ!.. Это покаместъ, а тамъ видно будетъ: не умремъ, такъ увидимъ...

— Дѣдушка! плакалъ писмоводитель. Да я теперь съ вашимъ капиталомъ... Да я съ нимъ, можетъ, по сиротству моему горькому, проскочу не то что въ становые... Вел-ликая важность! Супруга! Машенька! Цѣлуй дѣдушку въ правую щеку... По-господски! Повыше того махнемъ, дѣдушка, — околѣть мнѣ на мѣсть! Увидите, какъ, съ вашей помощью, въ губернію съ женой закатимся...

Словно высѣченный изъ гранита древнимъ міромъ богъ, сидѣлъ волосастый, сѣдой старикъ подъ образами и величаво говорилъ:

— Увидимъ! Поглядимъ! Дай-то Богъ! Только отчего же это, затекъ, на моемъ пиру станового съ женой и съ ихними

дѣтками нѣтъ?.. Обѣщались, кажись?.. Намъ вѣдь все равно, а все же, будто бы, почестнѣе было бы... Конечно, мы и безъ нихъ обойдемся...

— Да они сейчасъ будутъ! взмолился письмоводитель. Господи! Дѣденька! Да вѣдь они такъ и сказали, и самъ и барыня: сейчасъ, говорятъ, мы прибудемъ къ нимъ... Къ старичку, т.-е. божьему... Ахъ, дѣдушка! Какъ они оба васъ любятъ, такъ это даже, ей-богу-съ!..

Старикъ, слушая это, улыбался въ густую сѣдую бороду, а цѣловальникъ, наблюдавшій въ окна чужой пиръ, говорилъ своимъ друзьямъ:

— Нѣтъ! Этотъ старикъ, знаю я теперь, не послѣднюю сотню золотыхъ зятю сичасъ выложилъ, а можетъ первую только еще... Слышали? Самъ становой посаженнымъ отцомъ будетъ... Теперь они безпремѣнно лавку откроютъ, а тамъ дальше и больше пойдутъ властвовать... Надо кому-нибудь сдать мнѣ свой кабациска, — въ другое мѣсто нужно идти, — тутъ они теперь съѣдятъ вдосталь, мужланы проклятые!.. Такъ-таки и задушатъ своимъ капиталомъ безъ всякой пощады, особенно, ежели этому старому псу Богъ вѣку пошлетъ лѣтъ на пятокъ... Смерть!..

Вслѣдствіе описанныхъ сейчасъ дѣдовскихъ побужденій, сельская трудовая жизнь, послѣ смерти такихъ стариковъ, начинаетъ измѣнять свои патріархальные нравы. Приближаясь все больше и больше къ городскимъ торговымъ типамъ, она, на свою собственную, убыточную бѣду, снимаетъ съ себя домашнюю, льняную рубаху и разукрашивается алжирскими и вонючими матеріями отечественныхъ мануфактуристовъ. Брезгая и фыркая на грязные, тунеядные нравы уѣзднаго и губернскаго купечества, съ которымъ сводить ее торговые отношенія, сельская жизнь въ то же время глубоко и злостно относится къ той своей несостоятельности, которая неминуемо проявляется въ ней во время интимныхъ сношеній съ купцами, послѣ дѣла.

Уѣздный купецъ, далеко опередившій мужика на поприщѣ трактирнаго и базарнаго яръничества, которое въ большинствѣ случаевъ у насъ называется коммерціею, обыкновенно смѣется надъ нимъ, незнающимъ никакого толку въ «купопахъ, акціяхъ и облигаціяхъ», къ которымъ впрочемъ и собственное пониманіе купца относится точно также, какъ къ той, измышленной русскою умственностью, безднѣ, въ которой, будто бы, даже сами дьяволы ноги себѣ обламываютъ...

Смѣется купецъ надъ мужикомъ даже и тогда, когда угощаетъ его въ грязной харчевнѣ чаемъ. Наливая въ чаши этотъ всероссійскій напитокъ, купецъ говоритъ мужику:

— Вотъ и такого простого дѣла ты не умѣешь сдѣлать! Что-жь ты послѣ этого за человѣкъ есть? Вотъ я теперь прислуживать тебѣ долженъ, купечество мое подъ пятку запряталъ. А какая отъ вашего брата за это благодарность? Каждую копейку ты у меня отжиливаешь, объ каждомъ грошѣ ты предо мною скулишь, ровно собака какая облѣзлая, которая во всю жизнь свою куска хлѣба не видывала. Глядѣть мнѣ на такое твое сваредство тошно, а еще богатый мужикъ. Да я вотъ поменьше тебя, можетъ, капиталовъ имѣю, а для друга мнѣ ничего не жаль: хочешь—угощу тебя сичасъ французскимъ виномъ, хочешь — нѣмецкимъ? Гришутка! обращается купецъ къ полковому. Принеси-ка намъ съ дядей бутылку рому ямайскаго, да поздоровѣе! Съ игрою нельзя ли, Гришутка, какъ у шенпанскаго! Ха, ха, ха!

— А какъ, братъ, жена твоя онамедни меня одолжила, когда съ крестникомъ къ намъ прїѣзжала, — хохочетъ купецъ все больше и больше,—просто бѣда! Понимаешь: обѣдъ у насъ—у купцовъ, особливо ежели при гостяхъ, длинный бываетъ: часа полтора, а то и два. Глажу: тутъ вотъ это, какъ ты теперича сидишь, протопишь съ супругой сидѣлъ, полѣвѣе — головина сестра съ мужемъ, съ купцомъ, — дюже онъ у насъ теперь оwsомъ занялся, — вотъ ты бы ему походишь возишь-другой привезъ; а на другомъ концѣ находилась моя супруга съ твоей благовѣрной. Что же? Я, братъ, не гнушаюсь!.. Иной бы ее въ куфнѣ навормилъ; ну а мы не такіе: у насъ—милости просимъ за одинъ столъ съ собой!.. Толкуемъ мы такъ-то, то про писаніе, то про свои житейскія дѣла,—глядь: твоя жена и шепчетъ моею: пусти, — говорить, — меня; я лошадь свою пойду попою, да корму задамъ ей. Чай—издрогла, на морозѣ стоявши, сердешная? Мы такъ всѣ и грохнули!.. Батюшка вынули платочекъ и потихонечку этакъ: хи, хи, хи! Ну а мы, другъ, не взыщи: такъ-таки и лопнули со смѣху, — не стерпѣли; потому мы люди мірскіе...

Видитъ мужикъ, что его, какъ малаго ребенка, хають и обманываютъ въ непривычномъ ему торговомъ мірѣ,—видитъ онъ, что въ той грязной колеѣ, въ которую онъ заѣхалъ, благодаря дѣдову желанію—«неуступать никому», неминуемо должны увязнуть грузныя колеса его телѣги—и все-таки никакъ не можетъ выѣхать изъ тины, засасывающей его въ свое непроходимое, покрытое гнилою, зеленою плесенью, болото. Озабоченный, при своей безграмотности, необходимою уяснить себѣ волшебное значеніе купона, неожиданнаго паденія хлѣбныхъ цѣнъ, пониженія и повышенія тарифа на желѣзкахъ, гдѣ въ одно время

беруть съ него за отправку въ городъ бочки съ творогомъ семнадцать и три четверти копѣекъ, а въ другое, за ту же бочку съ тѣмъ же товаромъ взимають уже девяносто три копѣйки съ четвертью, онъ наконецъ ощущаетъ въ головѣ своей мучительную ломоту и оковчательно бросаетъ возжи, предоставляя своей телѣгѣ полную возможность останавливаться на любомъ базарѣ передъ любой харчевней, лишь бы оттуда слышались безалаберные звуки деревенскихъ оркестровъ и пьяные, крикливые разговоры орущаго отъ бездѣля торговаго люда.

Магнетическая сила «могарыча», властительно царящаго въ копѣчной сельской торговлѣ, подтягиваетъ къ себѣ мужика все ближе и ближе. Онъ уже не можетъ, какъ въ былые годы исключительнаго ухаживанія за матерью-землей, встать съ ранними пѣтухами для хлопотъ о насущномъ хлѣбѣ безъ того, чтобы не опохмѣлить косушкою свою голову, въ дѣйствительности глубокоутружденную городскими столкновеніями. Десять молодыхъ рабочихъ рукъ, въ виду болѣзни кормильца и поильца дома, суетливо заняты теперь постановкой самовара, бѣганьемъ въ запуски въ кабакъ съ звонкими посудинами и, наконецъ, вовсе даже несвойственными сельской жизни аптекарскими ухищреніями — составить изъ набранной прошлымъ лѣтомъ въ лѣсу клюевы и брусники что-нибудь такое кислое, которое бы сразу освѣжило отцовскую голову отъ дурмана, запущеннаго въ нее городскими харчевнями.

Такимъ образомъ, въ нѣсколько лѣтъ мужицкая семья мѣняетъ свои крѣпкіе, сельскіе нравы на извѣженные нравы горожанъ и, вмѣстѣ съ этою переменой, непримѣтно таетъ и деревенское хозяйство, собираемое цѣлыми десятками лѣтъ. Въ такой семьѣ начинаетъ примѣчаться нѣчто такое, чего нельзя увидать ни въ одномъ мужицкомъ семействѣ, оставшемся вѣрнымъ дѣдовскимъ привычкамъ, т.-е. труду, умѣренности, строгому порядку въ жизни и т. д. То изъ таковаго дома, прельстившись политичнымъ обхожденіемъ браваго унтера-постояльца, убѣжить красная дѣвица и, осрамленная, черезъ недѣлю вернется назадъ, то отъ любимаго взрослого сына никому изъ домашнихъ покою нѣтъ. Никто не можетъ упрятать отъ него трудовой копѣйки безъ того, чтобы онъ не ухитрился своровать этой копѣйки. Молодую стражку ежели въ подмогу своимъ бабамъ наймутъ, такъ ей отъ него, ни на дворѣ, ни на огородѣ, проходу нѣтъ. Своровать ежели ему ничего подъ руку не попадается, такъ онъ у лошадей овесъ выгребетъ и въ кабакъ проплетъ съ такими же, какъ самъ, головорѣзами. Каждый день въ домѣ отъ жалобъ на него шумъ и суетня идутъ: то онъ ворота вымажетъ

дегтемъ у сосѣда, то собакамъ ночью изъ ружья перебьетъ, то капусту на грядкахъ вверхъ тормашками пересадитъ. За все семья отвѣчай, за все деньги плати; а онъ только себѣ посмѣивается да росписную трубочку съ дунаевскимъ вавштафомъ покуриваетъ.

Наконецъ, самъ отецъ семейства, запутываясь все больше и больше въ своихъ коммерческихъ предпріятіяхъ, начинаетъ запивать сильнѣе и сильнѣе. Различныя неудачи тревожатъ его все больше и больше: цѣлыя недѣли бурлитъ онъ и мутитъ семейный покой въ пьяномъ образѣ; а ночью спать никому не даетъ, напуганный представленіями разныхъ «судовъ, сровокъ, убытковъ, неустоекъ» и прочихъ торговыхъ ужасовъ.

Тщетно измученная жена возить его по разнымъ лѣваркамъ и колдунамъ, тщетно палить она въ горницѣ предъ иконами неугасающія ни днемъ, ни ночью лампы, — старикъ дѣлается все безпокойнѣе и угрюмѣе: безобразіе и ужасъ представляющихся ему видѣній дошли до такой сильной степени, что окончательно убѣдили старика въ томъ, что нѣтъ уже теперь спасенья грѣшной душѣ его... И вотъ, желая по возможности смягчить царящее надъ домомъ горе, хозяинъ и хозяйка намѣчаютъ въ своей избѣ какую-нибудь дѣвочку, одѣваютъ ее во все черное и приучаютъ ее съ молодыхъ дней не пропускать ни одной заутрени, — благовѣстять ли къ этой заутрени въ сладко-манящую во сну лѣтнюю зорю, или въ бурную зимнюю ночь, съ воющимъ вѣтромъ и трескучимъ морозомъ...

Трудно сказать, насколько эти молодые жертвы облегчаютъ страдающія стариковскія души, хотя всѣмъ сельскимъ и уѣздноторговымъ міромъ изстари признано, что, ежели ребенка съ дѣтства отрѣшить отъ всѣхъ жизненныхъ радостей и обречь его на вѣчную молитву въ уединеніи и постѣ, тогда разгнѣванный людскими неправдами Богъ смягчаетъ свой справедливый гнѣвъ и умиловливается надъ людьми, принесшими такія жертвы...

Такие-то дома и по такимъ-то именно побужденіямъ и отдаютъ своихъ дѣвочекъ въ школы къ дячкамъ и солдатамъ, съ просьбами объ украшеніи ихъ юныхъ душъ разными спасительными добродѣтелями. Точно такія же семьи породили и этихъ здоровыхъ молодцовъ, съ усами, въ красныхъ рубахахъ и ситцевыхъ жилетахъ, засѣдающихъ, вмѣстѣ съ другими малолѣтними учениками, въ дячьевской избѣ.

Вольница эта, опротивѣвшая всѣмъ своимъ домашнимъ до послѣдней возможности, наконецъ изгоняется палками изъ-подъ

отчаго крова къ дьячку, котораго со слезами и съ гостинцами умоляетъ не жалѣть для парня хорошаго дубья.

— Обтеши ты намъ его хоть къ свадьбѣ-то, Христа ради, Григорій Петровичъ! умаливаютъ мастера родные швольниба, притащивши его чуть ли не въ веревкахъ. Вѣрь Богу: совсѣмъ парень отъ рукъ отбился! Въ кого только зародилась скотина такая угорѣлая? Промуштруй его эту зиму покрѣпче, а мы тѣмъ временемъ невѣсту ему будемъ выглаживать... Ничего, вѣрно, съ нимъ иначе не подѣлаешь, овромѣ какъ женить...

— Что же, это дѣло хорошее! соглашался дьячокъ. Да я вамъ его къ свадьбѣ-то любо-два отшлифую... Вы у меня его и не узнаете за зиму-то! Вонъ у меня усмиритель-то на стѣнѣ виситъ, — родитель-покойникъ меня имъ еще въ старину благословлялъ, — рекомендовалъ учитель своимъ гостямъ здоровую нагайку, красовавшуюся на гвоздѣ. — Ну, женишокъ, милости просимъ за столъ, за книжку. Небойсь съ гулянками-то со своими и читать-то, поди, разучился? Ну, авось куманекъ-то вотъ этотъ трехвостный вложить въ тебя настоящее пониманіе... Шагу у меня изъ избы безъ моего спроса сдѣлать не смѣй! Поди тѣперъ, на манеръ становаго, ужъ и трубочку попыхивать выучился? Вамъ при вашихъ достаткахъ безъ трубочки, да безъ водочки, невозможно? Боже избави, — увижу!..

Смирно сидятъ избалованные въ распущенномъ отцовскомъ домѣ сорванцы, подъ «добрымъ» вліаніемъ ременнаго усмирителя. Не имѣя возможности не подчиняться этому усмирителю, они, благодаря его внушеніямъ, живо припоминаютъ забытую-было, во время домашняго баловства, грамоту и «письменную часть».

Стонъ стоитъ въ дьячковой избѣ отъ множества дѣтскихъ голосовъ, громогласно затверживающихъ разныя разности. Съ этими голосами сливаются тонкіе, какъ бы поющіе голоса черничекъ и протяжные баски кандидатовъ въ женихи. Въ то время, какъ чернички распѣваютъ какое-нибудь «житіе», или «прохождение грѣшной души по двѣнадцати мытарствамъ», усатые молодцы пристально зазубриваютъ стихокъ, сочиненный дьячкомъ для смягченія ихъ непосѣдныхъ натуръ. Стишокъ этотъ говорилъ:

«Аще кто хочетъ много знать,
Тому подобаетъ мало спать,
По утру рано вставать,
Бога въ помощь призывать».

Любо дьячку въ этой гулко-жужжащей сферѣ, дружный шумъ которой, заглушая собою ревъ зимней бури, баюкаетъ и усыпляетъ его. По временамъ просыпаясь, онъ весело покрикиваетъ на свою команду:

— Но! Но! Что призамолкли? Поваливай съ Богомъ! Нечего мяться-то! Вонъ онъ вѣдь дружожь-то... На стѣнѣ висить!..

Что-то веселое царило въ дьячковой избѣ вслѣдствіе этихъ голосовъ, — уютность и тепло наполняли ее, какъ говорится, ровень съ краями. И такимъ образомъ, безмятежно и непримѣтно проходила зима, засыпая снѣгомъ сельскія бровли и улицы, а головы ребятъ неувядаемыми цвѣтами наукъ. Изрѣдка только эта тихая безмятежность нарушалась приходомъ въ дьячку какого-нибудь старика или старухи — родственниковъ одной изъ обучающихся у него молодыхъ черничекъ. Между мастеромъ и пришедшимъ лицомъ начинался тогда таинственный шопотъ, во время котораго они покачивали головами и подозрительно поглядывали на какого-нибудь восемнадцатилѣтняго Костюшку Бѣлова. Усатый Бѣловъ, чувствуя, какою кошкой и чье мясо съѣдено, конфузливо пряталъ отъ этихъ взглядовъ свое толстое, покраснѣвшее лицо въ книгу, или тетрадь...

— Ты что же это, меринъ? наступалъ учитель на молодца, прерывая его усиленные ученыя занятія звонкимъ плепкомъ усмирителемъ по широкой спинѣ. Ты что же это задумалъ съ большова ума: къ дѣвицамъ святымъ приставать?

— Я, дяденька, умереть на мѣстѣ, ничего!.. Т.-е. ей-богу, я Матрену не трогалъ, — ѣжилъ подъ ударами нагайки выведенный на свѣжую воду парень. Онѣ меня сами—чернохвости-то эти все размѣиваютъ...

— Я вотъ тебя размѣю! Я т-тебя! Ну-ва вотъ, хорошо я размѣиваю?.. Что: горячо?

— Прибавь, прибавь ему пожарче, Петровичъ, — кричали жалобщики. Всыпь погуще! Что это за парень за таковой! Никакого ему уйму нѣтъ! Эхъ! Забылъ я свой кнутишка съ собой захватить, — онъ у меня этакой ладный—съ вольцами мѣдными...

— Нич-чего! Я его и этимъ ублаготворю всласть... До новыхъ вѣшниковъ будетъ помнить и отчихиваться...

Эти ременные внушенія производили на остальныхъ ребятъ сильное и продолжительное впечатлѣніе. Послѣ экзекуціи, они долгое время не отрывали своихъ испуганныхъ фізіономій отъ букварей, замѣчательно-звучно выбрикаявая пропечатанныя въ нихъ вещи, спасающія слабый родъ человѣческой отъ пагубныхъ заблужденій, а слѣдовательно и отъ расправы посредствомъ ременнаго кнута.

— Что: съѣлъ? насмѣшливымъ шопотомъ говорила Бѣлову молодая черничка—главная виновница сцены, взмутившей безмятежность дьячковой школы. Теперь ты только затронь меня, — такъ не то еще будетъ... Не такъ ужь тогда обожгутъ...

— Погоди! Погоди! злобно отвѣчалъ ей обиженный парень. Ужо попадешься мнѣ гдѣ-нибудь въ тихомъ мѣстѣ... Я тебя дожду, ябеда! Вотъ подожди—дай лѣту придти,—я тебя тогда въ любомъ мѣстѣ прижучу...

IV.

Чѣмъ ярѣче лучи наступающей весны били зиму по ея сѣдой, ледяной головѣ, чѣмъ теплѣе и свѣтлѣе становились дни, тѣмъ дѣлишки въ описанной школѣ становились все хуже и хуже. Дружное жужжаніе ребятъ, спорившее съ пугающими голосами зимы, теперь съ каждымъ днемъ дѣлалось тише, такъ какъ ребята ежедневно выбывали изъ-за школьныхъ столовъ, выманиваемые на уличное раздолье тепломъ и свѣтомъ долго негрѣвшаго солнца. А какіе ребятаишки продолжали еще засѣдать за столами, такъ они занимались вовсе ужъ не *учбой*, а скорѣе нѣкоторымъ родомъ мѣновой торговли, промѣнивая другъ другу зайцевъ, пойманныхъ на обтаившихъ гумнахъ, на звонкія дудки, которыя такъ ловко устраиваются въ это время года изъ тонкихъ сучьевъ огородныхъ ветель. Дудки промѣнивались въ свою очередь на тольео-что выкопаннаго изъ-подъ сѣннаго стога сурка, сурокъ—на рано крикнувшую въ сельскомъ лѣсу кукушку, а кукушка, вопреки русской пословицы, запрещающей мѣнять эту птицу на ястреба, на нашемъ рынкѣ ходила именно за ястреба, заполоненнаго въ ригѣ цѣлой стаей ребятъ въ то время, когда онъ тамъ расправлялся посвоейси съ тихими голубами и пискливыми воробьятами.

Ременный усмиритель Григорія Петровича, во все продолженіе зимняго семестра, такъ рѣдко снимавшійся со стѣны, теперь то-и-дѣло разгуливалъ по спинамъ ребятаишекъ; но тѣмъ не менѣе онъ не въ силахъ былъ прекратить ни торгова школьничковъ, ни остановить какаго-то страннаго, необъяснимаго хохота, который время отъ времени, безъ всякаго видимаго повода, неудержимо раскатывался въ учащейся группѣ.

— Варвары! болѣзненно вскрикивалъ Григорій Петровичъ, выведенный изъ терпѣнія этимъ хохотомъ. Чему обрадовались, мучители? что вдругъ ни съ того, ни съ сего ржать принялись?

— Мы, дяденька, ничего! божились ребята съ такими серьезными рожицами, смотря на сдержанность которыхъ трудно было допустить, чтобы они могли смѣяться не только что въ эту сейчасъ промелькнувшую секунду, а даже когда-нибудь.

Недоумѣніе!..

Можно было подумать, что это влетѣлъ въ дьячковскую избу и прохоталъ въ ней игривый духъ весны,—дескать: «что вы, ребята, все за книжками въ душной избѣ гніете? Такое ли теперь время? Побѣжимъ-ка на улицу—ручьи спускать, плотины строить, мельницы... Чудо! Ха, ха, ха!»

Такъ былъ беззаботенъ этотъ смѣхъ и такъ неуловимо-быстръ!..

Учительская строгость мало-по-малу, наконецъ, уступаетъ бойкости ребятишекъ, раздраженныхъ свѣтлою весеннею жизнью. Бойкости этой въ ея трудной борьбѣ съ учителемъ, кромѣ весны, главнѣе всего помогаетъ рослый Константинъ Бѣловъ, безпкойная дѣятельность котораго, примолкшая-было немного зимою, теперь снова начала оживляться. Несмотря на бдительный надзоръ за нимъ Григорья Петровича, онъ успѣлъ-таки, въ продолженіе зимы, всѣхъ его учениковъ, даже самыхъ маленькихъ, познакомить съ своей кореньевой, росписной трубочкой и съ шелковымъ, разноцвѣтнымъ кисетомъ, хранившимъ въ себѣ «луччій» дунаевскій табакъ въ три копѣйки за четверку. Новостроющіеся деревенскіе срубы и пустыя риги, заваленныя зимою непролазными, снѣжными сугробами, теперь обтаявши, даютъ этому молодцу полную возможность укрываться подъ ихъ рѣдко посѣщаемую стѣню отъ ехидныхъ дьячковскихъ глазъ, вмѣстѣ съ завербованными въ школѣ юными товарищами, которыхъ онъ въ сихъ уединенныхъ мѣстахъ, при помощи замасленной карточной колоды, посвящаетъ въ таинства «хлюстовъ, фалежъ и брададымовъ», а также учитъ пѣть заливчатскія пѣсни и прибаутки, играть на гармоникѣ, курить «въ трубку» и т. д. и т. д. Съ тѣми изъ ребятъ, какіе были повзрослѣе, онъ очень охотно дѣлился водкой, которую онъ съ необыкновеннымъ мастерствомъ, отвращавшимъ отъ него всякое подозрѣніе, пріобрѣталъ на деньги, выграденныя изъ материнскаго сундука. Даватся и плачутъ, бывало, маленькіе ребята, когда начнутъ пить водку; но эта уединенность отъ старшихъ и полное невѣдѣніе ими ихъ подвиговъ, эта темная, безмолвная рига, въ которой происходилъ преступный процессъ тайной выпивки, дѣлали то, что ребята ни на какой самый бѣлый, сотовый медъ не промѣняли бы возможность выпить съ *большимъ* Костькой хоть одну, самую маленькую, капельку водки... По этому поводу — повиновеніе, которое ребята питали къ своему вождю, было, поистинѣ, изумительно: самый маленькій ребенокъ охотно выносилъ розги и не говорилъ ни слова о томъ, что устройство надъ кѣмъ-нибудь

замысловатой каверзы есть специальное дѣло рукъ и мозга пресловутаго Костюшки Бѣлова.

Пуще всѣхъ своихъ приверженцевъ, разманенный предестями разгуливавшейся весны, этотъ доблестный воитель лелѣялъ не только въ собственной душѣ горячій протестъ противъ дальнѣйшей необходимости—усвоивать себѣ отъ дьячка его научныя познанія и его жизненное благоразуміе, но и въ другихъ душахъ старательно воспитывалъ этотъ протестъ и побуждалъ, такъ или иначе, заявлять его при всякомъ удобномъ случаѣ.

Житейская опытность Бѣлова, знающая каждый уголокъ въ селѣ, и безграничное повиновеніе ребятъ давали ему возможность очень часто обманывать дьячка съ большою ловкостью. Сидя въ школѣ въ такое время, когда солнце, пронизавши густыя окна избы, яркими лучами рассыпается по сѣрымъ, истрепаннымъ книгамъ и слѣпить глаза, намозоленные этими книгами, Бѣловъ злобно ошпиываетъ объемистый томъ, трактующій о «Путяхъ ко спасенію» и угрюмо думаетъ:—Что, ежели бы я теперь на своей волѣ гулялъ, закатился бы я теперь въ лодкѣ за рѣку въ лѣсъ! Зайцевъ теперь тамъ сколько, — страсть! Утки дивія, надо полагать, не успѣли еще занестись, а то бы хорошо было яицъ ихнихъ во Святой набрать. Ну, да я и на Святую успѣю это дѣло обдѣлать, — отъ насъ не уйдетъ!..

Молодая голова вся залита подобными мыслями. Всю онѣ наполнили ее, словно рой маленькихъ, сладко поющихъ птичекъ, —и вотъ снится Константину Бѣлову, что будто онѣ, съ цѣлою гурьбой товарищей, сходить по обрывистому берегу въ густой ивнякъ, подъ непроглядно-темными сводами котораго спрятана у него легкая, востроносая лодка, которую, тайномъ отъ домашнихъ, купилъ онѣ прошлымъ лѣтомъ у одного лихого дворового человѣка-охотника, укравшаго ее въ свою очередь у сосѣдняго попа. Снится ему, что его товарищи-ребятишки несутъ за нимъ его двухствольное пистонное ружье, приобретенное имъ, посредствомъ кражи, у отца вума — городского купца. Ружье это онѣ бережетъ пуще зѣницы ока, и такъ какъ домашнимъ показывать его нельзя было, то онѣ пряталъ его подъ пеленами сосѣднихъ сараевъ, въ хлѣбныхъ закромахъ, въ сѣнныхъ стогахъ,—и эти ухищренія увѣнчивались цѣлые три года такимъ успѣхомъ, что ни одна душа изъ всей семьи не подозрѣвала, что «Костюшка въ ружье палить по лѣсамъ».

Многіе сосѣди, желая добра Костюшкину отцу, приходили къ нему и говорили, что доподлинно они видѣли и слышали, какъ его Костюшка около калинкинскаго болота съ «мушкетантомъ» шель—съ этакимъ длиннымъ, а самъ весь утятми былъ

обвѣщанъ, словно «егарь» каковой господскій; но старикъ не повѣрилъ этимъ рассказамъ, резонно разсудивши, что, дескать: «Сосѣдшкіи! Не попритчилось ли вамъ это въ лѣсу? Бываетъ, что въ немъ и лѣшіе въ чужихъ ликахъ расхаживаютъ. Опять и то скажемъ: гдѣ же, напримѣръ, дитю такой машиной орудовать? Солдатамъ вонъ полевымъ, такъ и то съ ней трудно возжаться...»

И идетъ дальше Костюшкинъ сонъ наяву: видится ему, какъ онъ зарядилъ свое ружье, какъ приложился, при всеобщемъ молчаніи сопровождавшихъ его ребятиншевъ.

— Мѣтится! Мѣтится! Нацѣливается! Держись, ребятинки! слышится позади его тихій, трепещущій, въ ожиданіи выстрѣла, шопотъ...

Звонко грануль выстрѣлъ—и стонавшій надъ рѣкою чибисъ, перевернувшись нѣсколько въ сіявшей высотѣ, камнемъ наконецъ шлепнулся въ воду, вмѣстѣ съ какою-то рыбой, которую онъ держалъ въ своемъ желтовато-бѣломъ носу. Изъ чибиса посыпались бѣлыя перья. Послѣ его паденія, они долго летали въ воздухѣ и наконецъ, въ видѣ пуха, тихо спустились въ рѣку и медленно по ней поплыли. Ихъ преслѣдовали большія щуки и карпы, порывисто, только на одну секунду, выскакивая и снова грузно въ нее шлепаясь...

Обаяніе этой широкой и свѣтлой картины, развернувшейся въ воображеніи Бѣлова, было такъ велико, что онъ вздрогнулъ и какъ бы опомнился. Затѣмъ, обдумавши что-то, онъ, изъ почтенія къ учителю, всталъ на ноги и басовито проговорилъ ему:

— Забылъ тебѣ, дяденька, давеча сказать: тятенька съ маменькой велѣли тебя въ гости нынѣ позвать, вмѣстѣ съ солдатомъ—съ Абрамомъ. Безпремѣнно наказывали, чтобъ вы приходили.

— О? удивился дьячокъ. Что-же у васъ нонѣ? Аль аменинникъ кто? Что же это я запомнилъ?

— Нѣтъ, дяденька, не аменины; а память по бабушѣ. Ей теперича семь годовъ пошло. Тятенька-то нашъ вчера изъ города больной пріѣхадчи, такъ всѣ наши теперь около нихъ сидятъ—утѣшаютъ, потому имъ съ похмѣлья всегда скучно бываетъ однимъ быть... Вотъ, значить, въ церкву-то и некому было сходить, чтобъ отслужить панихиду. Тятенька говорятъ: дома отслужимъ,—все единственно.

— Конечно, конечно—все единственно! соглашался дьячокъ. Было бы, другъ, усердіе. Усердіе дорого,—вотъ что! Такъ, говоришь, по бабушѣ?.. Памятку сотворить хотите?.. Такъ, такъ! Теперь

вспоминаю: точно что около этого времени, передъ праздничкомъ, старушка скончалась. Эх-хъ! Первый сортъ—старуха была! Ты-то ее помнишь, Костюша?

— Какъ же намъ ихъ не помнить, дяденька? смиренно отвѣчалъ Константинъ. Онѣ наши бабушки. Мы за нихъ денно и ночью...

— То-то, Костя! смѣялся дьячокъ. Молись за нее, потому, при жизни при ея, ты разъ очень даже старушку обидѣлъ. Легкое ли дѣло: цѣлыхъ три гривенничка серебряныхъ изъ чулка ты у нея выудилъ (въ чулочкахъ всегда деньги покойница сберегала!) да въ пашки возьми—и проиграй. Ну, да ужъ признаться, и взбанили мы тебя тогда со старушкой,—такъ взбанили ахтительно!.. Это еще—когда ты у меня въ первый разъ обучался,—помнишь?..

— Помню, дяденька,—я тогда махонькій былъ. Теперича мы такими дѣлами не занимаемся, — намъ стыдно-съ!.. Не по росту намъ теперь такія дѣла-съ...

— Извѣстно — стыдно, потому ты теперь женихъ... На ку пецкой линіи состоишь! Вотъ ты теперь и посиди за меня съ ребятами,—ты всѣхъ ихъ старше. Вотъ тебѣ и кнутъ въ руки... Въ случаѣ ежели кто зашабаршитъ, ты его и опояшь имъ — кнутишкомъ-то... Ну что же? Посидишь что ли? Баловаться не будете? Нигуда изъ избы не убѣжите?

— Куда же мы, дяденька, убѣжимъ? въ свою очередь спрашивалъ Бѣловъ, едва-едва удерживаясь отъ смѣха. Въ эту самую грязь-то?.. Да ежели бы и грязи-то не было, такъ мы бы и то не убѣгли... Мы бы гораздо лучше у васъ спросились...

— То-то, то-то! лепеталъ дьячокъ, торопливо надѣвая синюю свиту. Извѣстно: лучше не въ примѣръ у дяденьки спроситься... Дяденька, молю, пустите насъ погулять, ну я и отпущу,—сважу: ступайте, молю, ребята, гуляйте... Н-ну—я побреду теперь; а вы оставайтесь съ Богомъ! Прощайте!

— Прощайте, дяденька! хоромъ простились ребяташки съ учителемъ и, вслѣдъ за его уходомъ, громко захохотали, инстинктивно чувствуя, что Бѣловъ сыгралъ съ старымъ «дьячилой» какую-нибудь штуку.

Штука, дѣйствительно, была сыграна! Лишь только дьячокъ съ солдатомъ зашлепали по весеннимъ лужамъ на другой конецъ села, справлять память по умершей назадъ тому семь лѣтъ бабушкѣ, какъ буйство ребяташекъ, выслушавшихъ отъ «большова» Костыи подробное сообщеніе о подстроенной имъ сейчасъ механикѣ, разлилось по дьячковской избѣ съ такою же стремительностью, съ какою тихая, сельская рѣва залила въ на-

стоящую минуту окрестные дуга и лѣса. Одни изъ ребятишекъ, при этомъ сообщеніи, покатались по избѣ волесомъ, другіе становились на голову, поднявши вверхъ ноги, иные орали что-то такое безусловное, самымъ лучшимъ образомъ впрочемъ выражавшее несомнѣнную радость; а одинъ маленькій, чуть изъ земли его было видно, мальчишка, пузатый такой, съ краснымъ, золотушнымъ лицомъ и въ бѣлой, льняной рубахѣ, пустился въ неистовый плясъ и, несмотря на то, что товарищи серьезно представляли ему на видъ, что теперь великій постъ, во время котораго плясать «страсть—какой грѣхъ», онъ плясалъ долго, а потомъ схватилъ со стола свою азбуку и шваркнулъ ее злой гусынь, которая сидѣла на яйцахъ подъ лавкой въ кошолѣ, сплетенной изъ ивовыхъ прутьевъ. Негодуя на ребятъ за свое, нарушенное ихъ шумомъ, спокойствіе, гусыня злобно зашипѣла и такъ принялась трепать неповинную азбуку своимъ желтымъ носомъ, что, въ одно мгновеніе ока, отъ знаменитой книги остались только одни безобразные клочки.

Такимъ образомъ, недавнія Костюшкины мечтанія превратились въ дѣйствительность, цвѣтущую самой жизненной энергіей.

— Гайда, ребята, въ лодку, въ ивнякъ! покрикиваетъ онъ, сдерживая дѣтскій бунтъ. Полно бѣситься-то! Да смотрите: къ рѣкѣ подходите разными дорогами, въ разбродъ, — въ глазъ кому-нибудь не бросились бы, что мы за рѣву ахнуть сбираемся...

Вотъ въ пустынномъ рѣчному обрыву, наглухо заросшему ивнякомъ, съ разныхъ сторонъ начинаютъ стягиваться ребячьи группы, по-двое, по-трое. Костюха ужъ тутъ, на самомъ днѣ обрыва, о края котораго гнѣвно ударялись волны взбунтованной половодьемъ рѣки. Мальчишки, какіе были поменьше, сажались около своего вожака на мокрый песокъ, старая томительнымъ нетерпѣніемъ очутиться поскорѣе въ этой рѣкѣ, такъ соблазнительно сверкающей и крутящейся, а тамъ, переплывши рѣку, хочется имъ вторгнуться въ тайныя глубы лѣса, синѣваго на другомъ берегу и огласить эти безжизненные глубы веселыми, живыми криками. Взрослые ребята между тѣмъ помогали Костюхѣ стаскивать въ рѣку лодку, смотрѣли, вмѣстѣ съ нимъ, не просачивается ли въ нее вода, бѣгали, по его распоряженіямъ, къ разнымъ мужикамъ — воровать лодочныя весла, спрятанныя въ ихъ сараяхъ, а также и рыбацкія «вѣрши», которыя вожакъ предполагалъ разставить въ лѣсныхъ озерахъ, издавна кишавшихъ рыбой и раками.

Дѣло шло какъ по маслу, — и скоро лодка, нагруженная разными необходимыми въ отдаленныхъ экспедиціяхъ съѣстными

припасами, выгребёнными ихъ отцовскихъ погребовъ, стрѣлой полетѣла по рѣкѣ. Сначала ярое половодье быстро *поташило* пловцовъ по теченію, которое было особенно-сильно около береговъ, сдерживаемое ихъ крутизнами; но Костюха уже снялъ шапку съ запотѣлаго лба и, выпучивъ отъ натуги свои сѣрые, большіе глаза, только помахивалъ весельцами, вмѣстѣ съ которыми онъ выхватывалъ изъ рѣки тысячи свѣтлыхъ капель, рассыпавшихся по обѣ стороны лодки серебряными блестящими.

— Н-нѣтъ, бр-ратъ, шалишь! Меня тебѣ трудно будетъ съ мѣста спереть! бурчалъ онъ себѣ подъ носъ, когда рѣка своею могучею силою увлекала нашихъ пловцовъ въ сторону, противную ихъ желаніямъ. Отпихивай ребята лядину-то! Очумѣли вы, что-ли? Не видите рази, какая на носъ махинуца наваливаетъ? Н-нѣтъ! Погоди немного,—мы съ тобой засвѣтло справимся...

И дѣйствительно — Бѣловъ скоро справился съ рѣкою и, послушная, она понесла къ желанному лѣсу ребячью лодку.

Вотъ онъ — этотъ лѣсъ, хотя еще и неуспѣвшій одѣться послѣ зимы, но уже пробуждающійся послѣ своего полугодового сна. Пошла сначала его опушка изъ низкихъ кустовъ орѣшника, тальника и вообще изъ всего того мелколѣся, которое обыкновенно предшествуетъ тѣмъ великанамъ-деревьямъ, могучему и стройному сборищу которыхъ люди дали названіе — «темнаго, дремучаго лѣса и сырого бора». Все мелколѣсье было залито половодьемъ. Вода здѣсь была тихая и необыкновенно-прозрачная; сквозь нее ребята, замирая отъ наслажденія, видѣли, какъ на саженной глубинѣ мелькали черныя спины неповоротливыхъ сомъ, какъ проворно *ходили* за красноперыми, серебристыми окунями долгоносыя щуки. А вонъ на одномъ сучкѣ, плавно раскачиваясь, сидитъ рыжеватая, вонючая выхухоль; вотъ на самой глубинѣ залитой половодьемъ мѣстности, словно бы ползя по землѣ, тихо плыветъ громадное стадо жирныхъ, темноватыхъ линей, имѣя впереди себя вождя, который то-и-дѣло осторожно останавливается, какъ-бы съ цѣлью высмотрѣть и выслушать что-то... Любо!

И надъ всѣмъ этимъ—тишь, усиливаемая рѣчнымъ шумомъ, лѣснымъ, таинственнымъ шопотомъ, пугливымъ пискомъ какой-то, едва примѣтной, пташки и наконецъ слабымъ, колокольнымъ отзвукомъ, доносившимся до лѣса изъ какого-то далекаго села...

Тутъ подошелъ и настоящій лѣсъ! Къ самымъ подножіямъ его высокихъ сосенъ *подмывало* половодье,—и тутъ-то его волны, какъ-бы усмиренныя величіемъ деревьевъ, тихо передали нашу крикливую лодку безмолвному царству лѣсному...

На другое утро послѣ описаннаго событія, несмотря на смиренные дни великаго поста, въ тихихъ домикахъ дьячка и солдата происходила вѣрпкая расправа съ нашими самовольниками. Почти все село собралось на эту расправу, потому что въ самомъ дѣлѣ почти все село было заинтересовано совершенной наканунѣ рѣчною и лѣсною прогулкой. Тутъ открылись за нашими ребятами дѣла такого рода, которыя превосходили всякое описаніе.

Оказывалось, примѣрно, что одинъ самый смиренный паренѣкъ, о которомъ все село отзывалось, какъ о такомъ степенномъ чловѣкѣ, который «воды не замутить», выхватилъ, ради этой прогулки, изъ печи большой горшокъ каши, предоставивъ такимъ образомъ остальнымъ членамъ своей семьи пообѣдать однимъ «хлѣбушкомъ» да квасомъ съ натертою въ него рѣдькой.

— Натерли мы такъ-то рѣдечки, Петровичъ, — жаловалась учителю мать на смирнаго мальчугана, — и думаемъ про него — про разбойника: гдѣ это, моль, онъ запропастился? Хошь бы къ вашѣ пришелъ... Анъ онъ вотъ какъ замѣсто того... Не посмѣлъ вѣдь, идоленокъ, и горшокъ-то назадъ принесть, чтобъ уликъ, значить, не было; а объ столбъ его на дворѣ и громыхнулъ... Ну-ко, взбодри его хорошенечко! Я тебѣ за это ко Святой яичекъ десяточекъ принесу...

— А вотъ я его! кричалъ Григорій Петровъ, весь красный отъ долгой работы по исполненію, такъ сказать, текущихъ просьбъ. Вотъ я его! азартно повторялъ онъ, набрасываясь на смирнаго мальчугана, который стоялъ передъ нимъ, ни живой, ни мертвый, плаксиво моргая глубоко-испуганными глазами.

Другой мальчишка проворовался на другой манеръ: онъ, по наущенію, будто бы, Бѣлова, утащилъ у отца десять фунтовъ смолы да шесть фунтовъ конопли для конопатки Костюшкиной лодки; третьи обвинялись совсѣмъ уже въ разбойныхъ поступкахъ «со взломомъ». Эта преступная категорія проникала въ запертые амбары и клѣтѣ и похищала оттуда лодочныя весла, рыболовныя сѣти и вообще съѣстные припасы, какіе «послаще». Изъ субъектовъ, замѣшанныхъ въ противозаконномъ стремленіи къ «послаще», былъ особенно замѣчателенъ красивенькій, черноглазый мальчикъ, приведенный къ дьячку на расправу самимъ отцомъ, буйнымъ такимъ мужикомъ, лохматымъ и съ здоровымъ басомъ.

— Петровичъ! оралъ этотъ мужикъ еще съ улицы своимъ басомъ, таща за собой упиравшагося сынишку. Возьми его отъ меня: онъ теперича мнѣ не сынъ, — онъ теперича сталъ —

«крысїй ротъ!» Таѣъ и дразните его, ребята: крысїй ротъ, молъ ты!..

Вытрубливая басомъ такое странное прозвище, отецъ подгонялъ сына вѣскими оплеушинами и прибавлялъ:

— Да я его теперъ—крысью губу—и на дворъ-то на свой не пущу! Чтобъ его духу у меня не пахло!

— Что ты, Прокопъ, возбушевался? прервалъ дьячокъ трубные звуки, исходившіе изъ груди лохматаго мужика. Скажи толкомъ: какой такой крысїй ротъ?

— Какъ же не крысїй-то? Разсуди: весь постъ съ молока сливки снималъ и жралъ... *Потаежно*, значить!.. Мы съ матерью думаемъ: эго, молъ, у насъ крысъ развелось сколько. А она—крыса-то—вотъ гдѣ! Рукастая! Ну-ко! Сполосни его получше,—ты лицо духовное!.. А тамъ я прибавлю по-родительски,—у меня встарину рука была очень легка... Ну-вось—начни!..

При такомъ родительскомъ обвиненїи, взведенномъ на сына, все сборище просителей поражено было необъятнымъ ужасомъ. Затѣмъ послѣдовали всеобщія сосѣдскія сожалѣнія о неизбѣжной гибели мальчугана, на основанїи которыхъ «крысьему рту» выпала на долю почти такая же злая порка, какая была забачена корню всего зла—Костюшкѣ Бѣлову.

Для того, чтобы притащить этого молодца на расправу къ дьячку, отцу его понадобилась и городская телѣга, съ раскрашенной дугой, и хорошая лошадь, увѣшанная бубенцами. А потому для того, чтобы всѣмъ деревенскимъ людямъ виднѣе было, какъ онъ въ своимъ дѣтямъ *строгъ и немилостивъ* бываетъ, когда ихъ поучить соберется, онъ приказалъ сопровождать себя своей старухѣ-женѣ, старшему сыну и племяннику-сиротѣ, одному изъ тѣхъ здоровыхъ молодцовъ, которыхъ, ради ихъ сиротства, въ богатыхъ мужицкихъ семьяхъ обыкновенно отдають въ солдаты вмѣсто родныхъ сыновей.

На предварительно - произведенномъ по дѣлу вчерашней прогулки слѣдствїю, съ поразительною ясностью раскрылся тотъ кривой, неправедный путь, которымъ дошелъ Костюха до прїобрѣтенїя двухстволки у городского, отцовскаго вума; въ то же время была обнаружена и тайна востроносой лодки, купленной имъ у дворового охотника и уже окрещенной-было лихимъ именемъ *Копчика*, — тайна такъ долго и тщательно скрываемаая подъ раскидистыми вѣтвями прибрежнаго ивняка. Вообще говоря, старики въ этотъ несчастный день разузнали всѣ Костюхины *качества и художества*.

Открывая въ любимомъ сынѣ эти «качества и художества», старики не скупились и на награды за нихъ. Благодушествуя

съ дьячкомъ и съ болѣе почетными истцами за самоваромъ, они то-и-дѣло поврикивали охаживавшимъ около Костюхи — старшему сыну и *обреченнику* - племяннику: прибавьте, прибавьте ему, разбойнику! Подсыпьте-ка ему еще по малости! Чего для любимаго сына хорошаго припасу жалѣть?.. Плесните еще... На доброе здоровье! хе, хе, хе!

— Вотъ это тебѣ за ружьецо!.. насмѣшливо говорилъ отецъ. За «мушкатантивъ-то» кумовъ!.. хе, хе, хе!

— А это вотъ гостинчикъ отъ маменьки за лодочку!... еще насмѣшливѣе вторила мужу старуха. Гостинчикъ прямо изъ сундука, въ какой ты во мнѣ съ самодѣлковымъ ключикомъ похаживаешь... Ишь ты кузнецъ какой славный у насъ на селѣ завелся, братцы мои,—хихикала старуха, — самъ ключи дѣлаеть къ чужимъ сундукамъ... Нѣтъ — ты допрежь наживи свои сундуки-то...

Удалой Костюха ревѣлъ благимъ матомъ въ рубахъ двухъ молодцовъ и клялся тятеньѣ съ маменькой всѣмъ сонмомъ святыхъ угодниковъ, что «еж-жели онъ съ эт-това времени хошь что-нибудь супротивъ ихъ... Да накажи меня мать - Царица небесная» и т. д. Но старики не обращали на его крики никакого вниманія. Они распивали чай и, наперерывъ другъ передъ другомъ, рассказывали дьячку и его почетнымъ гостямъ, «какъ ихъ губить этотъ Костюшка и сколь онъ имъ черезъ это самое солонъ пришелся!...»

Такия расправы, хотъ и не въ столь значительныхъ размѣрахъ, начали производиться, вмѣстѣ съ наступленіемъ весны, какъ у дьячка, такъ и у солдата, почти каждый день—и дикая сумятица этихъ расправъ увеличивалась еще крикливыми спорами самихъ родителей о томъ, кто изъ нихъ больше дѣтей своихъ балуетъ и кто объ ребятахъ больше хворосту за годъ истреплетъ...

Святая, наконецъ, усмиряетъ сельскія волненія—и въ эту недѣлю всеобщаго отдыха ребятамъ уже никто не трогаетъ. А пройдетъ Святая—тамъ подростутъ травы, зазеленѣтъ дремучій боръ и опущатся густой листвою огородныя и садовыя деревья.

Ищутъ, ищутъ, бывало, учителя ребятишекъ по разнымъ огородамъ, пчельникамъ, ригамъ, надъ которыми, къ концу весны, уже стономъ стоитъ могучее шуршанье столѣтнихъ дубовъ, да наконецъ такъ и махнутъ руками:

— Да ну ихъ къ Богу въ рай! скажетъ, бывало, дьячку солдатъ. Что мы подрядъ, что ли, взяли съ тобой отыскивать-то ихъ?... Придутъ—придутъ; а не придутъ,—эк-ва бѣда какая!

— Все же лучше, ежели бы они еще поучились... Покрѣпче

бы! Таблицу, примѣромъ, али стихки подухоვნѣй какіе!... отвѣчалъ дьячокъ, очень пристрастившійся къ дѣлу *учобы* въ свой долгій, сиротливый вѣкъ. А то, пожалуй, опять все забудуть за лѣто...

— Важное кушанье! сердито возражаетъ практическій Абрамъ Телелюевъ. Забудуть? Ну, значить, опять къ намъ придуть.. Намъ же хлѣбъ! Потому безъ грамоты имъ никакъ не возможно,—времена, братъ, не тѣ нонѣ...

— Это точно! уступалъ наконецъ дьячокъ своему другу, все же однако поглядывая своими подслѣпными глазами по разнымъ сельскимъ застрѣхамъ—не сидитъ ли въ какомъ-нибудь прохладномъ захолусты *азіятикъ* какой-нибудь, хоть бы самый маленький, котораго можно было бы сцанать за хохоль и, притащивши въ избу, усадить его за азбуку, или псалтырь...

— Да нечего, нечего выглядывать-то, словно волеѣ! досадуетъ на дьячка солдатъ, знавшій наизусть всѣ его душевныя поползновенія. Небойсь—все мозглѣнка какого высмотрѣть хочешь? Тутъ и было, — держи карманъ! Такъ они и будутъ на виду у тебя разсиживаться... А ты вотъ что лучше,—добавлялъ Абрамъ, дружески хлопая старика по плечу. Ты вотъ что лучше: гляди на меня! Закатимся мы нонѣ съ тобой на всю ночь за рыбой къ Кокуевымъ озерамъ... А?

— О? недовѣрчиво протянулъ старикъ, предвкушая сладость любимаго дѣла, оставленнаго зимою.

— Ка-анешна! утвердительно закончилъ Телелюевъ. А то ребята?.. Да по мнѣ Господь съ ими, — пуцай лѣтечкомъ позаймуться своими дѣлами... Ну, а по осени опять къ намъ... Куда-жъ имъ отъ насъ?... Школы-то энти?... Хе-хе-хе!.. Долга пѣсна!...

А. Левитовъ.



ЗАДАЧИ ПСИХОЛОГИИ

Посвящается памяти Т. Н. Грановскаго.

III*).

Психическія отношенія человѣка въ окружающему міру. — Въ самомъ человѣкѣ матеріальная природа и психическая среда въ одно и то же время и соединены непосредственно и различаются другъ отъ друга. — Матеріальные центры психической жизни. — Ихъ матеріальная жизнь не одно и то же съ психической. — Послѣдняя доступна только психическому зрѣнію. — Необходимость параллельнаго и сравнительнаго изученія психическихъ и матеріальныхъ явленій. — Естественныя науки и философія или психологія, отдѣльно взятыя, не объясняютъ единства человѣческой природы.

Рядъ выводовъ изъ положительныхъ фактовъ привелъ насъ къ заключенію, что психическая жизнь дѣйствительно есть нѣчто особое, самостоятельное, имѣющее свою дѣятельность, свои процессы и отправленія. Общее сознание называетъ это нѣчто *душою* и противопоставляетъ какъ вообще окружающему матеріальному міру, такъ въ особенности тѣлу, которое однако, въ то же время, представляется вмѣстилищемъ души, ея скорлупой, хотъ и чуждой ей по своей природѣ и своимъ свойствамъ.

Въ чемъ же, спрашивается, состоитъ различіе матеріальнаго и психическаго міра? Гдѣ раздѣляющая ихъ граница? Что и какъ соединяетъ ихъ между собою? Эти вопросы прежде всего представляются уму. Попробуемъ разрѣшить ихъ сперва на

*) См. выше: янв. 130 стр.

основаніи тѣхъ ближайшихъ данныхъ, которыя у насъ передъ глазами.

Человѣкъ находится въ самыхъ разнообразныхъ и сложныхъ отношеніяхъ въ своей матеріальной обстановкѣ: то онъ испытываетъ на себѣ ея дѣйствіе, то, въ свою очередь, дѣйствуетъ на нее. Мы безпрестанно говоримъ о вліяніи окружающаго матеріальнаго міра на психическую жизнь человѣка, и наоборотъ, о проявленіи психической жизни въ окружающей средѣ, объ осуществленіи, воплощеніи мыслей, чувствъ, воли въ матеріальныхъ предметахъ. Какъ понимать эти выраженія? Слѣдуетъ ли считать ихъ метафорами, которыми такъ обильна наша рѣчь, или въ самомъ дѣлѣ совершается какой-то обмѣнъ матеріальныхъ фактовъ между душой и матеріальнымъ міромъ? Съ перваго взгляда кажется, будто матеріальные предметы и явленія непосредственно, цѣликомъ, переносятся изъ окружающей среды въ нашу душу, и наоборотъ, человѣкъ, дѣйствуя на окружающей міръ, повидимому переноситъ въ него, также непосредственно и цѣликомъ, то что происходитъ въ его душѣ. Какъ, кажется, иначе объяснить массу представленій о внѣшнихъ предметахъ, которые находятся въ нашей головѣ, или массу предметовъ, которые человѣкъ создаетъ во внѣшнемъ мірѣ? Я вижу домъ, дерево, камень и называю ихъ: не значитъ ли это, что они отпечатлѣлись въ моемъ мозгу, т.-е. какъ будто точные ихъ образы прямо внесены въ него извнѣ? Я пишу картину, лѣплю статую, строю домъ, разбиваю садъ по заранѣ составленнымъ въ моей головѣ образцамъ и формамъ: какъ не заключить отсюда, что эти образцы и формы переносятся изъ меня во внѣшній міръ, получаютъ, вмѣсто умственнаго, психическаго, внѣшнее, матеріальное существованіе? Понимая такимъ образомъ отношенія души къ матеріальному міру, мы естественно находимъ ихъ совершенно одинаковыми съ отношеніями всякаго вообще организма къ окружающей его средѣ. Жизнь организма въ томъ и состоитъ, что онъ принимаетъ въ себя матеріаль, пищу, извнѣ, перерабатываетъ ее въ себѣ и затѣмъ выдаетъ изъ себя снова въ измѣненномъ видѣ. Судя по первому взгляду, психическая жизнь совершается точно такимъ же образомъ: въ душу поступаютъ впечатлѣнія извнѣ, въ ней они перерабатываются и въ измѣненномъ видѣ осуществляются человѣкомъ во внѣшнемъ мірѣ. Дѣятельность пассивная и активная, воспринимающая и творческая, акція и реакція, — вотъ, повидимому, общія черты и физическаго организма и души, сближающія ихъ между собою и заставляющія отнести ихъ къ явленіямъ одной категоріи.

Но такъ кажется только съ перваго взгляда. Присматриваясь

пристальнѣе къ процедурѣ принятія внѣшнихъ впечатлѣній и внѣшняго творчества, нельзя не убѣдиться, что представленія, составленныя нами объ этихъ процессахъ по одному поверхностному наблюденію, совершенно ошибочны. Всякое внѣшнее впечатлѣніе на душу, какъ мы уже замѣтили выше, есть сложный продуктъ дѣйствія предмета и принятія этого дѣйствія психической средой, на которую онъ дѣйствуетъ. Вслѣдствіе этого, впечатлѣніе, производимое на насъ внѣшними предметами, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть непосредственнымъ перенесеніемъ этихъ предметовъ въ нашу душу, а выражаетъ только то измѣненіе, какое произошло въ нашемъ психическомъ состояніи вслѣдствіе дѣйствія на нее внѣшняго предмета. Что при этомъ происходитъ какой-то матеріальный обмѣнъ между душою и внѣшнимъ міромъ, это болѣе чѣмъ вѣроятно; но мы пока ничего не знаемъ, въ чемъ состоитъ такой обмѣнъ и какъ онъ совершается. Въ матеріальной природѣ есть аналогическія тому явленія; такъ, когда бильярдный шаръ катится отъ толчка кіемъ, мы не объясняемъ этого тѣмъ, что часть кія, во время удара, перенеслась въ шаръ, а говоримъ, что толчокъ измѣнилъ то состояніе, въ какомъ шаръ находился прежде толчка. Подобное этому происходитъ и въ душѣ, при дѣйствіи на нее внѣшняго предмета: ея состояніе измѣняется извѣстнымъ образомъ, и это измѣненное состояніе мы называемъ впечатлѣніемъ, какъ мы приписываемъ непосредственно толчку движеніе шара. Точно также и при внѣшнемъ творествѣ наша мысль, чувство, воля не выходятъ изъ насъ, не переносятся реально въ окружающій физическій міръ, въ наше созданіе. Тайна и сила творчества заключается въ томъ, что человѣкъ производитъ перестановку въ окружающей его реальной средѣ, съ тою цѣлью, чтобъ она, въ измѣненномъ своемъ видѣ, оказывала на него желаемое дѣйствіе, или возбуждала въ немъ тѣ внѣшнія впечатлѣнія, какія онъ хочетъ отъ нея получать. Вотъ общая черта, общее значеніе и величайшихъ созданій науки и искусства и самыхъ нехитрыхъ рукодѣлій. Всякое произведеніе внѣшняго творчества есть лишь перегруппировка реальныхъ данныхъ, и если мы видимъ въ такихъ произведеніяхъ воплощеніе мысли, чувства или воли, то это потому только, что реальные предметы, въ новомъ своемъ видѣ, какой получили вслѣдствіе перестановки матеріальныхъ условій и фактовъ, удовлетворяютъ требованіямъ, побудившимъ насъ придать матеріальнымъ вещамъ тотъ или другой видъ.

Изъ сказаннаго открывается существенная разница между физическими организмами и душою при кажущемся ихъ сходствѣ. Первые дѣйствительно принимаютъ въ себя непосредственно, въ

неизмѣненномъ видѣ, предметы изъ окружающаго ихъ матеріальнаго міра, передѣлываютъ ихъ въ себѣ и потомъ возвращаютъ ихъ обратно въ этотъ міръ въ измѣненномъ видѣ; душа, напротивъ, недопускаетъ въ себя прямо, непосредственно, предметовъ и явленій внѣшняго міра; при первомъ же соприкосновеніи съ ними, она измѣняетъ ихъ; внѣшнія вліянія возбуждаютъ ее, неизвѣстнымъ намъ образомъ, къ собственной дѣятельности. Измѣняя, вслѣдствіе того, свои состоянія, душа вырабатываетъ въ себѣ образцы небывалыхъ во внѣшнемъ мірѣ явленій и фактовъ, и по этимъ образцамъ человѣкъ уже видоизмѣняетъ потомъ внѣ его находящіеся матеріальные предметы.

Это различіе жизни физическихъ организмовъ и души поясняетъ намъ взаимныя отношенія внѣшняго міра и психической среды, каковы они бываютъ на самомъ дѣлѣ. Будучи своего рода самостоятельнымъ организмомъ, душа, при соприкосновеніи съ внѣшнимъ міромъ, не сливается и не смѣшивается съ нимъ; дѣйствіе ихъ другъ на друга выражается, какъ въ душѣ, такъ и во внѣшнемъ мірѣ, своеобразными явленіями: въ душѣ—измѣненіями ея состояній при участіи матеріальныхъ вліяній, составляющихъ пока неразрѣшимую загадку; во внѣшнемъ мірѣ—перестановкою матеріальныхъ условій и данныхъ. Испытываетъ ли на себѣ душа дѣйствіе внѣшняго міра, или, наоборотъ, создаетъ ли она образцы, по которымъ измѣняется внѣшняя обстановка,—въ обоихъ случаяхъ нѣтъ возможности подмѣтить непосредственныхъ переходовъ между психической и окружающей человѣка матеріальной средой. Какъ въ машинѣ каждая ея часть, приводимая въ движеніе другими частями, имѣетъ свое особое назначеніе и какъ бы свой особый кругъ и родъ дѣятельности, обусловленные особымъ ихъ устройствомъ, такъ и душа, испытывая на себѣ дѣйствіе окружающей среды, принимаетъ это дѣйствіе сообразно своей особой природѣ, перерабатываетъ его по-своему и только вслѣдствіе того становится поводомъ и условіемъ для видоизмѣненій, производимыхъ ею въ той же самой окружающей средѣ, дѣйствіе которой на себѣ испытываетъ. Отсюда происходитъ, что между психическими фактами и внѣшнимъ міромъ, какъ замѣтилъ еще Лейбницъ, невозможно услѣдить прямой, непосредственной связи; видно только соотвѣтствіе, постоянное, правильное соотношеніе. Мы знаемъ, что извѣстные музыкальные звуки выражаютъ скорбь или радость, что извѣстныя сочетанія буквъ означаютъ извѣстныя внѣшнія впечатлѣнія, мысли и т. п. Но почему мы это знаемъ? Только потому, что между музыкальными звуками и

буквами съ одной стороны, а съ другой тѣми психическими состояніями, которыя они выражаютъ, есть постоянное, правильное соотвѣтствіе; прямой непосредственной связи между ними не видно никакой. Когда физическій организмъ принимаетъ въ себя пищу, мы можемъ прослѣдить ея переходъ въ другое тѣло и переработку въ новыя вещества; но когда душа приходитъ въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, такого перехода подмѣтить невозможно; душа, подъ непонятными для насъ вліяніями, измѣняетъ свои состоянія, соотвѣтственно съ дѣйствіемъ, какое на нее производитъ окружающая среда, или, наоборотъ, сама становится условіемъ для другой группировки физическихъ данныхъ. Тѣ и другія измѣненія мы наивно принимаемъ, въ первомъ случаѣ, за предметы, находящіеся внѣ насъ, а во второмъ — за перенесеніе нашихъ психическихъ состояній во внѣшній міръ, и совершенно напрасно ломаемъ себѣ голову, чтобъ понять, какимъ образомъ то и другое дѣлается, какимъ образомъ внѣшніе предметы и явленія переходятъ въ нашу душу, хотя бы въ точныхъ оттискахъ, и въ ней остаются, или какимъ образомъ наши душевныя состоянія вмѣщаются въ физическихъ предметахъ и явленіяхъ.

Что намъ совершенно недоступна прямая, непосредственная связь внѣшнихъ, матеріальныхъ фактовъ съ психическими, а только можетъ быть открыто и изслѣдовано ихъ постоянное, правильное соотвѣтствіе, это всего яснѣе видно на созданіяхъ внѣшняго творчества человѣка, — именно на тѣхъ измѣненіяхъ, какія онъ производитъ въ матеріальномъ мірѣ. Каждое изъ такихъ измѣненій есть плодъ общихъ соображеній, научныхъ или эмпирическихъ и рутинныхъ; а общее соображеніе есть уже психическій продуктъ, обобщенный выводъ изъ предшествовавшихъ наблюденій надъ единичными явленіями или фактами. Осуществляясь, т.-е. примѣняясь къ реальному міру, общія соображенія, каждый разъ, снова разлагаются на единичные факты. Ни математическая формула, ни общій законъ, гражданскій или другой, не могутъ осуществиться въ реальной дѣйствительности въ той общей формѣ, въ какой они существуютъ въ головѣ; сложившись въ ней изъ единичныхъ фактовъ, они, въ практическомъ приложеніи, снова распадаются на множество единичныхъ же данныхъ; такъ, чтобъ построить, наприм., мельничное колесо, мы въ готовую механическую общую формулу вставляемъ реальныя единичныя данныя, которыми будетъ обуславливаться дѣйствіе колеса; общій законъ о контрактахъ на практикѣ обращается въ большее или меньшее количество единичныхъ договоровъ, заключенныхъ между отдѣльными лицами, со-

гласно съ правилами, предписанными общимъ закономъ; общій законъ о межеваніи—въ опредѣленіи границъ тѣхъ или другихъ земель межевыми учрежденіями или должностными лицами соотвѣтственно общимъ правиламъ, выраженнымъ въ межевомъ постановленіи. Другого способа осуществить общій законъ или примѣнить общую формулу, какъ разложивъ ихъ на частные случаи, нѣтъ и быть не можетъ, потому что реальный міръ есть міръ единичныхъ явленій, а не общихъ формулъ; эти единичныя явленія перерабатываются въ душѣ въ свойственныя ей одной общія формулы, и потому реальное ихъ приложеніе можетъ состоять только въ сообщеніи имъ снова вида единичныхъ данныхъ. Въ реальной дѣйствительности нѣтъ человѣка вообще, какъ нѣтъ цвѣта, вѣса, упругости, числа вообще; все это—психическіе продукты, которые могутъ перейти въ реальный міръ не иначе, какъ по разложеніи ихъ на соотвѣтствующія имъ единичныя явленія.

Такимъ образомъ, рассмотрѣвъ отношенія человѣка къ окружающему его матеріальному міру, мы приходимъ къ заключенію, что душа и внѣшняя природа, правда, взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, но оба, въ тоже время, представляются чѣмъ-то самостоятельнымъ, другъ отъ друга независимымъ. Природа внѣ человѣка и человѣческая душа—два фактора, которые мы противопоставляемъ другъ другу, не задаваясь на первый разъ вопросомъ однородны они или нѣтъ.

Обратимся теперь къ отношеніямъ психическаго и матеріальнаго міра въ самомъ человѣкѣ. Въ немъ матеріальная и психическая жизнь тоже различены, но въ тоже время непосредственно соединены въ одно цѣлое. Съ тѣхъ поръ что человѣкъ началъ въ себя вглядываться, онъ, въ одно и то же время, и сознаетъ единство, цѣльность своей природы и различаетъ въ себѣ душу отъ тѣла. Откуда возникло это убѣжденіе и какой его дѣйствительный смыслъ,—вотъ вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ люди давно работали и работаютъ неутомимо по сіе время.

Естественныя науки, въ особенности фізіологія, стараются рѣшить эти вопросы посредствомъ однихъ реальныхъ изслѣдованій, не прибѣгая къ психологическимъ наблюденіямъ. Въ наше время нѣкоторые, испугавшись крайностей реализма и не умѣя различать выводовъ положительнаго знанія отъ фантазій, разгрызаемыхъ на естественно-историческія тѣмы, поставили реалистическія воззрѣнія въ вину фізіологіи и съ прискорбнымъ непониманіемъ дѣла опрокинулись на эту науку, какъ на источникъ всѣхъ заблужденій и ошибокъ реалистовъ. Такое очевид-

ное недоразумѣніе не можетъ долго продолжаться. Естественныя науки, стоя на почвѣ положительнаго знанія, никогда не отрицали различія между психическими и матеріальными фактами; напротивъ, это различіе обратило на себя такое же серьезное вниманіе естествоиспытателей, какъ философовъ и моралистовъ, и составляетъ любимый предметъ ихъ усиленныхъ, глубокихъ научныхъ изслѣдованій, разумѣется съ точки зрѣнія естествовѣдѣнія. Физиологическими наблюденіями и опытами, которые производятся съ неподражаемымъ искусствомъ и точностью первоклассными учеными, дознано и доказано, что психическія явленія происходятъ не во всѣхъ составныхъ частяхъ физическаго организма, а приурочены исключительно къ мозгу и нервамъ и внѣ этихъ органовъ вовсе не замѣчаются. Матеріальные носители психической жизни, мозгъ и нервы, находятся между собою въ непосредственной связи и образуютъ цѣлую систему, которая различными своими вѣтвями пронизываетъ все тѣло и служа физическимъ условіемъ психическихъ явленій, въ то же время, посредствомъ особой, такъ-называемой узловатой системы, заправляетъ совершающимися въ тѣлѣ матеріальными процессами.

Эти выводы осязательно доказываютъ, что психическая жизнь имѣетъ матеріальную поделку и органически соединена съ матеріальною жизнью; но въ то-же время общее, изъ вѣка укоренившееся въ человѣческомъ родѣ вѣрованіе, что матеріальная и психическая жизнь не одно и то же, находитъ въ этихъ выводахъ несомнѣнное научное подтвержденіе. Въ самомъ дѣлѣ, если психическія явленія совершаются не вообще въ тѣлѣ, а только въ извѣстныхъ его органахъ, образующихъ особую систему; если прочія части тѣла не имѣютъ прямого отношенія къ психической жизни, не принимаютъ въ ней непосредственнаго участія, то отсюда слѣдуетъ, что различіе матеріальной и психической жизни не есть выдумка или обманъ чувствъ, а положительный фактъ, удостовѣряемый научными изслѣдованіями. Основываясь на этомъ выводѣ мы можемъ отдѣлить другъ отъ друга, въ человѣческомъ тѣлѣ, непосредственныя условія матеріальной и психической жизни. Если исключительно въ мозгу и нервахъ сосредоточиваются психическія явленія, то, значить, всѣ прочія части тѣлеснаго организма находятся внѣ психической жизни и живутъ исключительно жизнью матеріальной, по законамъ внѣшней природы; если, при непосредственной связи органовъ психической жизни съ прочими частями тѣла, между тѣми и другими есть взаимодѣйствіе и взаимное вліяніе другъ на друга, то это дѣйствіе и вліяніе будутъ обнаруживаться въ органахъ

психической жизни, между прочимъ, тѣми или другими психическими явленіями, а въ остальныхъ частяхъ тѣла—явленіями и фактами исключительно матеріальнаго, физическаго свойства, подлежащими вполне законамъ внѣшняго міра. И дѣйствительно, точными наблюденіями дознано, что въ тѣлѣ совершается множество процессовъ механическихъ, физическихъ, химическихъ и физиологическихъ, неимѣющихъ прямого отношенія къ психической жизни; они лишь косвенно оказываютъ дѣйствіе на наши психическія состоянія и отправленія, большею частью въ тѣхъ только случаяхъ, когда происходятъ ненормальнымъ образомъ; такъ, пищевареніе, кровообращеніе совершаются въ тѣлѣ не только произвольно, но и безъ вѣдома чловѣка; только при разстройствѣ желудка, при неправильномъ обращеніи крови и т. п. мы чувствуемъ болѣзненные припадки. Разсматривая органы внѣшнихъ чувствъ, изслѣдованные физиологіей съ особеннымъ вниманіемъ, мы видимъ, что они представляютъ механическіе аппараты, приданные соотвѣтствующимъ нервамъ и приспособленные къ принятію послѣдними извѣстнаго рода внѣшнихъ впечатлѣній, которыя передаются ими психическому центру. Оба, т.-е. нервъ и механическій аппаратъ, построены по законамъ матеріальнаго міра и соединены вмѣстѣ, для одного и того же дѣйствія психическаго свойства. Это дѣйствіе видимо обусловлено матеріальными данными: отъ большаго или меньшаго совершенства механическаго аппарата, которымъ снабженъ нервъ, и отъ нормальнаго состоянія самого нерва существенно зависитъ характеръ, отчетливость, тонкость, вообще качество впечатлѣнія, т.-е. психическаго явленія. Совокупнымъ дѣйствіемъ обѣ составныя части органа производятъ одно и то же явленіе, именно передаютъ впечатлѣніе; но будетъ ли это явленіе психическимъ или нѣтъ, именно отразится ли оно въ нашемъ сознаніи или не отразится,—это уже будетъ зависеть отъ вниманія, акта психическаго. Мы это можемъ наблюдать въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда оба акта—матеріальный—передача впечатлѣнія, и психическій—сознаніе полученнаго впечатлѣнія не совпадаютъ. Извѣстно, напримѣръ, что не всѣ дѣйствія звуковыхъ волнъ на ухо, или освѣщеннаго предмета на глазъ сознаются нами, а только тѣ изъ нихъ, которыя возбуждаютъ вниманіе. Часто предметъ передъ нашими глазами, но мы его не видимъ, или около насъ происходитъ шумъ, но мы его не слышимъ. Кому не случалось пристально разсматривать древесную кору или листву и сначала вовсе незамѣчать сидящей на нихъ бабочки или гусеницы, совершенно подходящихъ подъ ихъ цвѣтъ, а потомъ вдругъ замѣтить и различать

очень ясно отъ окружающаго? Значить, въ воспринятіи внѣшнихъ впечатлѣній слѣдуетъ различать матеріальное дѣйствіе отъ дѣятельности психической; первое можетъ происходить безъ послѣдней, точно также какъ въ галлюцинаціяхъ обнаруживается психическая дѣятельность безъ всякаго соотвѣтствующаго внѣшняго впечатлѣнія.

Сказаннымъ между прочимъ объясняются и отчасти опредѣляются взаимныя отношенія матеріальнаго и психическаго элементовъ въ актахъ принятія внѣшнихъ впечатлѣній и созданія предметовъ внѣшняго творчества. Тотъ и другой актъ несомнѣнно психическаго свойства; но въ то же время внѣшнія впечатлѣнія и созданія внѣшняго творчества проникнуты матеріальнымъ элементомъ, находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ условій и законовъ внѣшней природы. Спрашивается: какую роль играетъ въ тѣхъ и другихъ психическій элементъ? Не является ли онъ лишь произвольнымъ, необходимымъ послѣдствіемъ матеріальной обстановки, которой въ такомъ случаѣ принадлежала бы активная роль въ принятіи впечатлѣній и въ самомъ творчествѣ? Такое предположеніе кажется съ перваго взгляда до того естественнымъ и вѣроятнымъ, что многіе увлеклись имъ, и опустивъ изъ виду цѣлый рядъ фактовъ, также несомнѣнно доказывающихъ дѣятельную роль психической стороны, сводятъ весь процессъ возбужденія впечатлѣній и творчества къ извѣстнаго рода матеріальнымъ манипуляціямъ. Нельзя отрицать, что въ очень значительномъ числѣ тѣхъ и другихъ активная роль очевидно принадлежитъ внѣшнимъ условіямъ, а психическая среда является преимущественно пассивною; несомнѣнно также, что чувствительность, восприимчивость къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ существенно зависитъ отъ устройства механическихъ аппаратовъ, приданныхъ воспринимающимъ нервамъ, и мы знаемъ, что часто отъ одного ненормальнаго состоянія аппарата впечатлѣнія или вовсе не возбуждаются, или возбужденіе ихъ превращается на время или навсегда, или они оказываются ненормальными. Физиологія и патологія, подробно изучивъ эти аппараты, съ точностью опредѣляютъ причины всѣхъ этихъ уклоненій и указываютъ способы, помощью которыхъ такія уклоненія могутъ быть болѣе или менѣе устранены, когда это вообще возможно. Во всѣхъ такихъ случаяхъ психическія явленія опредѣляются въ особенности матеріальной стороной, которая безраздѣльно входитъ въ область естествознанія и зависящихъ отъ него прикладныхъ наукъ. То же самое представляютъ въ извѣстномъ отношеніи, съ извѣстной стороны, и созданія внѣшняго творчества. Необходимое ихъ условіе то, чтобъ они и въ общемъ планѣ и

въ малѣйшихъ подробностяхъ вполнѣ отвѣчали условіямъ и законамъ матеріальной природы, потому что эти созданія безъ того и существовать не могутъ; такъ, домъ, построенный вопреки законамъ механики, обрушится, машина не будетъ дѣйствовать; затѣмъ уже можетъ идти рѣчь о степени совершенства созданій внѣшняго творчества, которая опредѣляется тѣмъ, въ какой мѣрѣ эти созданія производятъ желаемое внѣшнее дѣйствіе, другими словами, соотвѣтствуютъ своему назначенію. Въ томъ и другомъ отношеніи они вполнѣ подчинены законамъ и условіямъ внѣшней, матеріальной природы и слѣдовательно входятъ въ кругъ естествознанія и такъ-называемыхъ положительныхъ, точныхъ наукъ. Вотъ почему усовершенствованіе внѣшнихъ впечатлѣній и созданій внѣшняго творчества, составляющее первое основаніе и главнѣйшее условіе всѣхъ успѣховъ искусства, знанія и гражданственности, возможно только при помощи естествовѣдѣнія и связанныхъ съ нимъ прикладныхъ наукъ. Первый шагъ къ такому усовершенствованію составляетъ развитіе и приспособленіе, посредствомъ упражненія и навыка, тѣлесныхъ органовъ, служащихъ къ принятію впечатлѣній и къ внѣшнему творчеству, а это существенно зависитъ отъ большаго или меньшаго знакомства съ законами физической природы. Еще въ гораздо болѣе степени зависятъ отъ него всѣ тѣ безчисленные приемы, помощью которыхъ человѣкъ довелъ до удивительной точности и тонкости свою внѣшнюю наблюдательность и внѣшнюю производительность. Благодаря математикѣ и знанію природы, для внѣшнихъ наблюденій и внѣшняго творчества человѣка открылись новые пути и области, о которыхъ еще недавно онъ не смѣлъ и мечтать. Посредствомъ глубоко обдуманыхъ аппаратовъ и механическихъ приспособленій человѣкъ мастерски приладилъ внѣшніе предметы къ самому отчетливому наблюденію. Рука объ руку съ этими успѣхами развивалось и внѣшнее творчество. Рядомъ другихъ аппаратовъ и механическихъ приемовъ онъ довелъ до виртуозности дѣятельность органовъ, служащихъ къ внѣшнему творчеству, съ удивительнымъ мастерствомъ приносивилъ къ нимъ матеріальныя его орудія и всю его внѣшнюю обстановку, выработалъ до совершенства способы приготовленія и выдѣлки физическихъ матеріаловъ, наиболѣе пригодныхъ и удобныхъ для его цѣлей и задачъ. Всѣми этими успѣхами люди обязаны однимъ естественнымъ и математическимъ наукамъ; психологія безсильна въ этой области, подчиненной исключительно законамъ внѣшняго міра.

Такимъ образомъ и простое наблюденіе, и точныя научныя изслѣдованія приводятъ къ тому выводу, что въ человѣкѣ между

матеріальною и психическою жизнью существуетъ тѣснѣйшая органическая связь; но въ то же время они подтверждаютъ общее убѣжденіе, что та и другая жизнь не одно и то же, что онѣ расчленены и каждая изъ нихъ имѣетъ свои органы, что обѣ сопривасаются одна къ другой, удерживая однако свою отдѣльность и различенность отъ другой. Мозгъ и нервы есть та среда, въ которой психическая жизнь исключительно сосредоточивается. Этимъ устраняется ея прямое, непосредственное соприкосновеніе съ матеріальною жизнью остальныхъ частей и органовъ человѣческаго тѣла.

Но мозгъ и нервы, будучи носителями психической жизни, суть, въ то же время, матеріальные, физическіе предметы, подобно всѣмъ прочимъ частямъ организма; какъ всякая вещь, они тоже подлежатъ внѣшнимъ чувствамъ и живутъ въ условіяхъ и по законамъ матеріальной природы. Проникая тѣло, влетаясь въ него безчисленными тончайшими нитями, управляя его движеніями и совершающимися въ немъ процессами, мозговая и нервная система составляетъ тоже часть физическаго организма, питается матеріально, какъ и другія его части, какъ онѣ испытываетъ на себѣ физическое дѣйствіе и вліяніе окружающей среды, между прочимъ и составныхъ частей самаго тѣла, въ которомъ находятся и съ которыми, физически, живутъ одною жизнью. Несмотря на то, что въ мозгу и нервахъ совершаются психическія явленія, эти предметы, сами по себѣ, какъ физическіе, матеріальные, не одно и то же съ психическою жизнью, которой они служатъ только подкладкой. Этотъ выводъ, бросающійся въ глаза, не обратилъ на себя, какъ мы думаемъ, должнаго вниманія реалистовъ. Усиливаясь доказать, что психическія явленія не что иное, какъ необходимое рововое послѣдствіе матеріальныхъ условій и фактовъ, реалисты, сами того не замѣчая, дѣлаютъ прыжокъ изъ матеріальнаго міра въ психическій, недоступный внѣшнимъ чувствамъ и потому закрытый для ихъ изслѣдованій. Еслибы даже всѣ психическія явленія имѣли единственною причиною матеріальныя измѣненія въ мозгу или нервахъ и первыя соотвѣтствовали послѣднимъ, какъ звуки рояля ударамъ по клавишамъ, то все же надобно было бы признать, что существуетъ два ряда явленій: одни — матеріальнаго свойства, другія — психическія; узнать и опредѣлить ихъ взаимныя отношенія можно не иначе, какъ зная тѣ и другія явленія и сравнивая ихъ между собою; а путемъ реальныхъ изслѣдованій мы можемъ знать только одинъ рядъ явленій, именно матеріальные факты; другой же рядъ, — соотвѣтствующія имъ явленія психическія — остается недоступнымъ для реального изслѣдованія, вслѣдствіе чего, какъ бы мы

глубоко ни изучили физиологію и патологию мозговой и нервной системы, мы бы не только не узнали, но и не подозревали бы происходящихъ въ ней психическихъ явленій, еслибъ они не были для насъ доступны другимъ путемъ,—посредствомъ психическаго наблюденія. Извѣстно, что больные горячкою отъ перепоя (*delirium tremens*) всегда видятъ зеленыхъ чертей, ползущихъ змѣй или червей, или бѣгающихъ мышей и крысъ. Со временемъ патологія вѣроятно будетъ въ состояніи опредѣлить съ совершенною точностью тѣ измѣненія, которыя происходятъ матеріально въ мозгу и нервахъ отъ перепоя, и наоборотъ, по извѣстнымъ матеріальнымъ измѣненіямъ въ мозгу и нервахъ врачъ будетъ имѣть возможность безошибочно опредѣлить матеріальную ихъ причину; но нѣтъ ни малѣйшей надежды когда-либо дознаться, помощью однихъ физиологическихъ и патологическихъ изслѣдованій, что перепой имѣетъ послѣдствіемъ галлюцинаціи извѣстнаго рода. Такія послѣдствія мы узнаемъ лишь чрезъ психическія наблюденія, которыя потомъ сопоставляемъ съ матеріальными данными и результатами реальныхъ изслѣдованій и опытовъ. Реалисты, дѣлая свои выводы о психической жизни, берутъ уже готовый матеріалъ изъ области чуждой и недоступной естествознанію, потому что нѣтъ прямого, непосредственнаго перехода изъ матеріальнаго міра въ психическій; наука доступна только постоянное соотвѣтствіе, правильное соотношеніе фактовъ и явленій того и другого; изслѣдовать это соотвѣтствіе и соотношеніе, объяснить законы, которыми они управляются, составляетъ пока высшую цѣль и задачу знанія.

Все сказанное убѣждаетъ, что невозможно опредѣлить различія между душою и тѣломъ, изслѣдовать ихъ взаимное отношеніе и связь, принявъ за точку отправленія одни факты и явленія, подлежащія внѣшнимъ чувствамъ. Пройденный длинный путь манилъ насъ все дальше и дальше, но въ концѣ его мы должны были увѣриться, что не приблизились ни на шагъ къ психической средѣ; по мѣрѣ того какъ мы подвигались, психическій міръ все отъ насъ удалялся; мы надѣялись стать съ нимъ лицомъ къ лицу, добравшись до его непосредственной оболочки, но и тутъ передъ нами все та же внѣшняя, матеріальная природа, а душа съ ея явленіями осталась по прежнему закрытою и недоступною.

Противуположнымъ путемъ шли философія и психологія. Онѣ пытались разрѣшить поставленныя задачи посредствомъ изученія однихъ психическихъ фактовъ, не прибѣгая къ помощи внѣшнихъ чувствъ. Такое безусловное довѣріе къ психическому изслѣдованію основано на томъ, что внѣшнія чувства хотя и ставятъ

насъ въ соприсношеніе съ внѣшнимъ міромъ, однако матеріальныя предметы и явленія не переходятъ, вслѣдствіе того, непосредственно въ душу; помощью внѣшнихъ чувствъ мы получаемъ отъ нихъ одни впечатлѣнія, съ которыми исключительно и имѣемъ дѣло; слѣдовательно то, что мы считаемъ внѣшними предметами и явленіями, на самомъ дѣлѣ—психическіе факты, и потому, стараясь различить матеріальный міръ отъ психическаго, мы, въ дѣйствительности, только различаемъ между собою разныя психическія состоянія или явленія. Операціи, которыя мы при этомъ совершаемъ, оказываются, при ближайшемъ разсмотрѣніи, рядомъ самообольщеній. Мы считаемъ возможнымъ сравнивать между собою предметы, которые называемъ внѣшними, матеріальными, напр., собаку и дерево, потому что они, какъ намъ думается, стоятъ на одной почвѣ или однородны. То же самое кажется намъ при сравненіи между собою явленій психическихъ, напр., чувствъ или ощущеній, или актовъ мышленія, воли и т. п.; но мы считаемъ невозможнымъ сопоставлять и сравнивать таеъ-называемое матеріальное явленіе съ психическимъ, напримѣръ, ударъ по клавишѣ съ ощущеніемъ звука, ушибъ съ чувствомъ боли, потому что, стоя на разныхъ почвахъ, они не однородны и потому несоизмѣримы; но такой взглядъ, на повѣрку, оказывается ошибочнымъ: разнородность приведенныхъ фактовъ есть мнимая; на самомъ дѣлѣ тутъ идетъ рѣчь не о матеріальномъ и психическомъ фактѣ, а о дѣйствиі матеріальнаго факта на внѣшнія чувства и объ ощущеніи, какое это дѣйствіе производитъ въ душѣ, т.-е. о разныхъ психическихъ фактахъ.

Такимъ образомъ, психическія наблюденія переносятъ насъ съ реальной почвы на психическую. На ней и стоялъ нѣмецкій идеализмъ, начиная съ Канта до Гегеля включительно. Психологическая точка зрѣнія устраняетъ нѣкоторыя затрудненія въ разрѣшеніи поставленныхъ выше вопросовъ, но за то создаетъ другія, столько же важныя. Убѣдившись въ томъ, что мы не имѣемъ дѣла непосредственно съ внѣшнимъ міромъ, что нередъ нами, вмѣсто матеріальныхъ фактовъ и явленій, одни психическіе факты,—впечатлѣнія, производимыя извнѣ въ нашей душѣ,—нельзя не признать, что предполагаемое нами различіе между матеріальнымъ и психическимъ міромъ на самомъ дѣлѣ сводится къ различію между психическими данными, хотя и разныхъ порядковъ, но по существу своему однородными; однако этимъ вопросъ не разрѣшается, а только получаетъ другой видъ. Если мы знаемъ и изучаемъ внѣшній міръ по впечатлѣніямъ, которыя онъ производитъ въ душѣ, то спрашивается: таковъ ли

онъ самъ по себѣ, въ дѣйствительности, какимъ намъ представляется въ производимыхъ на насъ впечатлѣніяхъ? На этотъ вопросъ идеализмъ не имѣетъ отвѣта: съ психологической точки зрѣнія, внѣшняя природа, сама по себѣ, также намъ недоступна, какъ съ реальной—недоступна душа. Выходитъ, что философы-идеалисты и психологи старой школы тоже попали въ лабиринтъ, изъ котораго, какъ ни блуждали, не могли найти выхода въ матеріальный міръ. Послѣдовательный идеализмъ склоненъ отрицать дѣйствительное существованіе внѣшней природы внѣ души, какъ реализмъ—дѣйствительное существованіе психическаго міра, хотя опытъ и повѣрка на каждомъ шагу убѣждаютъ въ томъ, что матеріальный міръ существуетъ несомнѣнно. Не имѣя возможности знать внѣшніе предметы непосредственно и судя о нихъ только по дѣйствию ихъ на органы внѣшнихъ чувствъ, мы вынуждены предположить, что между этими предметами и явленіями и впечатлѣніями, которыя отъ нихъ получаютъ, должно существовать постоянное правильное соотвѣтствіе и соотношеніе; не будь этого, мы не узнавали бы извѣстныхъ намъ предметовъ и знаемыхъ людей, не могли бы найтись во внѣшнемъ мірѣ, изучать его законовъ, приспособлять его въ нашимъ нуждамъ. Только на правильности этого предположенія и основана достовѣрность нашего реального знанія, въ которомъ кажется нѣтъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться, особливо въ виду громаднхъ успѣховъ положительныхъ наукъ, результатами которыхъ мы наслаждаемся и гордимся.

Итакъ, ни реальныя, ни психологическія изслѣдованія, отдѣльно взятая, не разрѣшаютъ задачи. Безъ внѣшнихъ впечатлѣній невозможно знаніе матеріальныхъ явленій, безъ психическихъ наблюденій—знаніе явленій психическихъ. Оба пути указываютъ на непосредственную, тѣснѣйшую, органическую связь въ чловѣкѣ души и тѣла, но ни одинъ изъ нихъ не даетъ средствъ изслѣдовать оба составные элемента чловѣческой природы. Ея двойственность, породившая дуализмъ и составлявшая преобладающій интересъ средневѣковой науки, отступила на второй планъ, а на первый выдвинулся вопросъ о ея единствѣ. На разрѣшеніи этого вопроса сосредоточены теперь всѣ усилія науки.

IV.

Дуализмъ, бессознательно лежащій въ основаніи всѣхъ нашихъ воззрѣній.— Душа и тѣло различны, но не противоположны другъ другу.—Характеристическія особенности матеріальныхъ и психическихъ явленій.—Анализъ явленій, стоящихъ на рубежѣ между матеріальнымъ и психическимъ міромъ.—Видѣнія и галлюцинаціи вообще.—Произвольныя движенія.—Сновидѣнія.—Ощущенія и чувства.— Отношеніе чувствъ къ представленіямъ и мыслямъ.—Выводы.

Чрезвычайная сбивчивость нашихъ понятій обо всемъ, что хоть издалека касается психической жизни, нашъ скептицизмъ, почти обратившійся въ хроническую болѣзнь, и послѣдній, неизбѣжный его результатъ — полное равнодушіе къ психологическимъ задачамъ, подъ корень подтачивающее нравственную жизнь, — все это происходитъ, какъ намъ кажется, отъ вопіющаго противорѣчія, въ которомъ застряла современная мысль, — противорѣчія, котораго мы однако не только не видимъ, но даже едва ли подозреваемъ.

Средневѣковой дуализмъ, какъ сказано, поколебленъ въ своихъ основаніяхъ реальными и психологическими изслѣдованіями, которыя выдвинули впередъ заслоненное и почти забытое единство человѣческой природы. Оно стало основнымъ началомъ и точкою отправленія всѣхъ философскихъ воззрѣній и всѣхъ научныхъ изслѣдованій. Судя по горячему убѣжденію, съ какимъ это начало проводится во всемъ и всюду, можно бы думать, что дуализмъ побѣжденъ окончательно; на самомъ же дѣлѣ онъ только скрылся, какъ бы вошелъ внутрь, и несмотря на торжественно провозглашенное начало единства, продолжаетъ составлять необходимую, неизбѣжную предпосылку всѣхъ воззрѣній и изслѣдованій. Дѣйствіе его на насъ тѣмъ сильнѣе и глубже, чѣмъ менѣе мы обращаемъ на него вниманія, въ спокойной увѣренности, что всѣ счеты съ нимъ давно покончены и разговоръ ему подписанъ. Въмѣсто того, чтобъ идти рука объ руку къ объясненію человѣческой природы, которая для реальныхъ и психологическихъ изслѣдованій въ отдѣльности остается непонятною, реализмъ и идеализмъ по прежнему дышатъ враждой другъ къ другу и какъ въ старину присвоиваютъ, каждый исключительно себѣ, обладаніе талисманомъ, передъ которымъ должны раскрыться всѣ тайны природы и человѣческой души. Еще не такъ давно идеализмъ отодвигалъ на послѣдній планъ матеріальный міръ, чуть-чуть не отрицалъ его; теперь реализмъ, въ свою очередь, поступаетъ точно также съ психическимъ міромъ. Оба направленія выставляютъ на своемъ знамени единство

человѣческой природы, а между тѣмъ оба приступаютъ къ изслѣдованіямъ съ дуалистической задней мыслью, будто душа и тѣло противоположны другъ другу, исключаютъ себя взаимно. Предполагая, что единое начало заключается только въ тѣлѣ, или только въ душѣ, реалисты и идеалисты очевидно остаются при дуалистическихъ воззрѣніяхъ. Выходитъ, что реализмъ и идеализмъ представляютъ новое направленіе только съ виду, а на самомъ дѣлѣ они лишь придаютъ старому содержанію новую форму, только его рационализируютъ. Еслибъ они дѣйствительно выражали собою новое начало, то имъ слѣдовало бы прежде всего подвергнуть критическому анализу ту гипотезу, съ которой они выходятъ на изслѣдованія, и уяснить, въ самомъ ли дѣлѣ душа и тѣло представляютъ два крайніе термина несогласимаго противорѣчія, въ самомъ ли дѣлѣ они исключаютъ другъ друга? Но этого ни идеалисты, ни реалисты не дѣлаютъ, а принимаютъ свою точку отправленія на вѣру, по преданію, и дуализмъ продолжаетъ господствовать по прежнему, только подъ фирмою новаго начала и новыхъ воззрѣній.

Вотъ въ чемъ, какъ мы думаемъ, кроется внутреннее противорѣчіе современныхъ направленій, приводящее къ скептицизму. Нельзя въ одно и то же время признавать и единство и двойственность человѣческой природы. Что-нибудь изъ двухъ: или она двойственна, и въ такомъ случаѣ наугѣ предстоитъ изучить отдѣльно каждый изъ ея составныхъ элементовъ, отъ первыхъ его проявленій до послѣднихъ, не трудясь напрасно надъ разрѣшеніемъ неразрѣшимаго вопроса, какъ, почему и для чего эти элементы соединены между собою въ одно цѣлое; или же человѣческая природа едина — и тогда въ ней нѣтъ и не можетъ быть непримиримыхъ противоположностей; элементы ея, повидимому враждующіе между собою, исключаютъ другъ друга, на самомъ дѣлѣ должны быть не что иное, какъ различія, видоизмѣненія одного и того же начала. Но въ такомъ случаѣ и приемы изслѣдованія должны быть другіе; не для чего отрицать тотъ или другой изъ этихъ элементовъ, отыскивать только въ одномъ изъ нихъ единство человѣческой природы; надо, напротивъ, поставить оба рядомъ, изучать ихъ сравнительно, разслѣдовать, насколько возможно, ихъ взаимныя отношенія и отсюда уже дѣлать выводы и заключенія о характерѣ и свойствахъ каждаго изъ нихъ, о ихъ значеніи и роли въ общей экономіи человѣческой жизни.

Къ этому пути приводитъ насъ объясненное выше безсиліе реальныхъ и психологическихъ изслѣдованій разрѣшить предложенные вопросы; а непрерывное взаимодѣйствіе души и тѣла,

ихъ несомнѣнное, доказанное вліяніе другъ на друга при кажущейся ихъ разнородности и раздѣльности, ихъ глубокая другъ отъ друга зависимость, наконецъ, совершенная невозможность разграничить, точнымъ образомъ, элементы матеріальные и психическіе, — все это окончательно убѣждаетъ, что другого пути нѣтъ и быть не можетъ. Психическая и матеріальная жизнь вырастаютъ на одной общей почвѣ и представляютъ видоизмѣненіе одного и того же общаго начала, которое потому недоступно, что мы до сихъ поръ не можемъ, несмотря на всѣ усилія, уловить и объяснить непосредственный переходъ изъ психической среды въ матеріальную и наоборотъ, изъ матеріальной въ психическую. Недостаточность знанія въ этомъ случаѣ не должна насъ смущать; она чувствуется во всѣхъ положительныхъ наукахъ; фізіологія тоже не въ состояніи различить животныхъ низшихъ ступеней отъ растений.

Такимъ образомъ, если средневѣковая гипотеза о двойственности человѣческой природы не даетъ ключа ко всѣмъ явленіямъ, то необходимо, взаимнѣ этой гипотезы, принять другую; но принявъ ее, не слѣдуетъ, по примѣру идеалистовъ и реалистовъ, объяснять человѣческую природу помощью одной психической или одной матеріальной жизни; надобно изъ сравнительнаго изученія той и другой вывести основанія антропологіи и психологіи въ смыслѣ положительной науки.

Чтобъ твердо стать на этотъ путь необходимо, прежде всего, опредѣлить характеристическіе признаки, по которымъ можно было бы безошибочно различать явленія психическія отъ матеріальныхъ, ибо при непосредственной, органической связи между душою и тѣломъ и прорастающемъ отсюда тѣснымъ сближеніемъ между тѣми и другими, ихъ, во многихъ случаяхъ, легко перемѣшать и принять одни за другія. Но отыскать эти признаки и точнымъ образомъ указать ихъ гораздо труднѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Общее сознаніе разумѣетъ подъ психическимъ что-то внутреннее въ противоположность внѣшнему, безтѣлесное въ противоположность матеріальному, неподлежащее внѣшнимъ чувствамъ въ противоположность доступному для внѣшнихъ чувствъ. Исходной точкой для этой характеристики служитъ внѣшній міръ и психическое опредѣляется лишь отрицательными признаками; но такіе признаки, очевидно, весьма недостаточны. Что значитъ внутреннее, въ отличіе отъ внѣшняго? Вѣдь знаемъ же мы внутреннія и наружныя части тѣла; значитъ и матеріальный фактъ можетъ быть внутреннимъ. Также мало значитъ и различіе тѣлеснаго отъ безтѣлеснаго. Если тѣло дѣйствуетъ на душевныя состоянія, и наоборотъ, послѣднія имѣютъ вліяніе

на физическое здоровье и на наши внѣшнія дѣйствія и поступки, то очевидно, что между тѣми и другими должна быть тѣсная связь; а тѣсная связь необходимо предполагаетъ однородность элементовъ, иначе они никакъ не могли бы дѣйствовать другъ на друга. Итакъ, необходимо допустить, что психическія и физическія явленія имѣютъ между собою общее и противопологать ихъ, называя одни матеріальными, другія нематеріальными въ сущности значитъ не сказать ничего. Наконецъ, также шатко и неопредѣленно противоположеніе подлежащаго и подлежащаго внѣшнимъ чувствамъ. Во-первыхъ, обманъ чувствъ отнимаетъ у такова различенія всякую объективную цѣну; въ припадкѣ галлюцинаціи больному представляются несуществующіе внѣшніе предметы, въ реальности которыхъ онъ не сомнѣвается; а во-вторыхъ, увѣренность, что мы имѣемъ дѣло непосредственно съ внѣшними, реальными предметами, есть, какъ показано выше, тоже своего рода обманъ чувствъ.

Неудовлетворительность этихъ признаковъ заставляетъ искать другихъ. Общее сознаніе противопоставляетъ матеріальный міръ психическому, не подозревая, что первый изъ нихъ непосредственно намъ недоступенъ. Теперь, когда мы это знаемъ, когда мы удостовѣрились, что матеріальный міръ представляется намъ въ видѣ впечатлѣній, производимыхъ имъ въ душѣ, а впечатлѣнія принадлежать къ числу психическихъ явленій, мы должны характеризовать и различать не внѣшній и психическій міръ, а только разныя психическія явленія: съ одной стороны, внѣшнія матеріальныя впечатлѣнія на душу, съ другой — всѣ прочіе психическіе факты. Для этого, отбросимъ переходныя ступени съ смѣшаннымъ характеромъ и остановимся, для правильности сравненія, только на однихъ крайнихъ оконечностяхъ расходящихся явленій того и другого порядка. Различіе ихъ состоитъ въ слѣдующемъ: то что мы называемъ матеріальнымъ — единично, безсознательно, произвольно; напротивъ, психическому приписывается идеальность, сознательность, произвольность.

Эта характеристика требуетъ поясненій.

Когда мы говоримъ, что матеріальное, по существу своему, единично, а психическое идеально, то это не значитъ, что только первое имѣетъ индивидуальное бытіе, а второе его не имѣетъ. Напротивъ того, самосознаніе прямо указываетъ на индивидуальность, единичность души; каждый человекъ сознаетъ себя какъ единое, а не какъ совокупность нѣсколькихъ существъ и выражаетъ это сознаніе въ словѣ: я. Противоположеніе единичнаго идеальному имѣетъ только тотъ смыслъ, что въ природѣ матеріальнаго, какимъ оно отражается въ душѣ, лежитъ обособ-

ленность, свойство существовать въ видѣ отдѣльнаго предмета и этимъ довольствоваться; тогда какъ психическое, по природѣ своей, есть единичное или обращенное или стремящееся обратиться въ общее и подчиненное общему, — отдѣльное, обособленное, возведенное или возводимое въ общее. Камень, дерево и вообще всѣ внѣшніе предметы существуютъ, каждый самъ по себѣ; матеріальные предметы не знаютъ другого вида существованія; а въ психической переработкѣ представленія о внѣшнихъ единичныхъ предметахъ обобщаются и общія понятія составляютъ характеристическую особенность явленій, называемыхъ психическими; общія понятія о деревѣ, напримѣръ, или о камнѣ составляютъ явленія психическія, имѣющія идеальное, а не реальное существованіе. Разбирая чувства, желанія, стремленія людей, мы также отличаемъ между ними тѣ, которыя имѣютъ предметомъ единичное отъ тѣхъ, которыя имѣютъ болѣе общій характеръ и на этомъ основаніи считаемъ одни болѣе матеріальными, другія — болѣе духовными; такъ половое влеченіе имѣетъ предметомъ единичный матеріальный фактъ; напротивъ, любовь, которая безспорно находится въ связи съ половыми побужденіями, вызываетъ въ душѣ самыя идеальныя стремленія, нравственно просвѣтляетъ человѣка и возвышаетъ любимое существо въ идеальнѣ добра и красоты, передъ которымъ порывы чувственности отступаютъ на второй планъ. Въ рабскомъ чувствѣ личное достоинство приносится въ жертву своекорыстнымъ расчетамъ, которыхъ ближайшая или отдаленная цѣль — матеріальные, т.-е. единичные предметы; напротивъ преданность, основанная на нравственной оцѣнкѣ лица, сопровождается идеальными чувствами и стремленіями, до забвенія матеріальныхъ расчетовъ и выгодъ. Точно также эгоисты относятъ все къ индивидуальному, личному, единичному я, тогда какъ люди, способные къ самоотверженію, приносятъ себя въ жертву общему, идеѣ и чрезъ нихъ, для нихъ, лицу, имѣющему ближайшее отношеніе къ ихъ идеаламъ. То, что мы называемъ животнымъ инстинктомъ въ противоположность идеальнымъ стремленіямъ, сводится къ тому, составляетъ ли предметъ исканій единичный матеріальный фактъ, или этотъ фактъ осложненъ общимъ элементомъ, въ немъ распущенъ, улетученъ и является въ преобразенномъ видѣ.

Сознательность, въ противоположность безсознательности, точно также считается отличительнымъ признакомъ психическаго факта. Дѣйствіями и поступками безсознательными человѣкъ приравнивается къ внѣшней природѣ; только сознательныя его

дѣйствія считаются психическими, потому что только душа имѣетъ свойство знать то, что въ ней есть или происходить.

Наконецъ, характеристическимъ различіемъ дѣятельности психической отъ матеріальной признается и то, что первая свободна, а вторая нѣтъ; что человѣкъ можетъ, по своему усмотрѣнію или произволу, поступить такъ или иначе, а предметы внѣшней природы осуждены роковымъ образомъ подчиняться внѣшней необходимости и слѣпо слѣдуютъ ея законамъ.

Зная эти отличительныя признаки психическаго и матеріальнаго, воспользуемся сдѣланными уже сравнительными изслѣдованіями явленій, происходящихъ, такъ сказать, на рубежѣ психическаго и матеріальнаго элементовъ, и въ которыхъ эти элементы непосредственно между собою соприкасаются. Тщательный анализъ такихъ явленій всего ближе можетъ объяснить отношенія психической среды къ матеріальной, а съ тѣмъ вмѣстѣ условія и особенности психической жизни, которая насъ здѣсь преимущественно занимаетъ.

Изъ фізіологіи извѣстно, что нервы чувствъ проводятъ внѣшнія впечатлѣнія въ душу, другими словами, что они служатъ посредниками между матеріальнымъ міромъ съ одной стороны, психическимъ съ другой. Но видѣнія и вообще галлюцинаціи представляютъ поразительныя отступленія отъ обыкновеннаго порядка полученія внѣшнихъ впечатлѣній. При нормальномъ состояніи, внѣшнее впечатлѣніе есть результатъ дѣйствія на органы чувствъ предметовъ или явленій внѣшняго міра. Такъ какъ дѣйствіе каждаго предмета или явленія и производимое имъ впечатлѣніе находятся между собою въ постоянномъ правильномъ соотвѣтствіи и соотношеніи, то это и придаетъ получаемымъ впечатлѣніямъ объективный характеръ, безъ котораго не были бы возможны ни знаніе, ни наука; въ видѣніяхъ же и галлюцинаціяхъ, напротивъ, люди получаютъ внѣшнія впечатлѣнія или безъ всякаго участія внѣшнихъ явленій и предметовъ, или послѣдніе дѣйствуютъ на органы чувствъ ненормальнымъ образомъ, производятъ ненормальныя впечатлѣнія. Самъ по себѣ этотъ фактъ не представляетъ ничего особеннаго; есть много другихъ явленій, указывающихъ на ту же способность души; такъ, люди съ сильнымъ воображеніемъ, поэты и художники, одарены ею иногда въ высокой степени; характеристическое свойство видѣній и галлюцинацій составляетъ то, что они, по своей яркости, до того сходны съ внѣшними впечатлѣніями, что находящіеся въ состояніи галлюцинаціи не различаютъ ихъ другъ отъ друга.

Галлюцинаціи и видѣнія не только воспроизводятъ впечат-

дѣнія внѣшнихъ предметовъ существующихъ или существовавшихъ и извѣстныхъ, но представляютъ предметы небывалые, фантастическіе. Замѣчательно также, что галлюцинаціи и видѣнія всегда бываютъ произвольны. Но самое удивительное то, что извѣстнаго рода ненормальныя психическія состоянія зависятъ отъ извѣстныхъ матеріальныхъ причинъ и сопровождаются, съ неизмѣнною правильностью, только извѣстными галлюцинаціями, какъ мы уже видѣли на примѣрѣ больныхъ отъ перепоя.

Всѣ эти данныя приводятъ къ любопытнымъ соображеніямъ. Они указываютъ въ человѣкѣ на два стремленія или тока, идущихъ, въ противоположномъ направленіи, на встрѣчу другъ другу: одинъ несетъ въ душу извнѣ дѣйствія и вліянія матеріальнаго міра, другой какъ бы выноситъ изъ души эти дѣйствія и вліянія во внѣшнюю дѣйствительность, иногда въ переработанномъ видѣ и нерѣдко въ такихъ яркихъ, живыхъ краскахъ, что обманываетъ наши чувства, и мы принимаемъ видѣнія за внѣшніе реальные предметы и явленія. Еслибъ не было другихъ данныхъ, то одного этого было бы уже совершенно достаточно, чтобъ доказать существованіе особаго психическаго центра, какъ источника явленій особаго порядка, хотя очень возможно и даже очень вѣроятно, что галлюцинаціи происходятъ вслѣдствіе извѣстныхъ ненормальныхъ состояній физическаго организма; сверхъ того, изъ приведенныхъ данныхъ оказывается, что дѣятельность души, въ извѣстныхъ случаяхъ, можетъ быть произвольной, другими словами, что она въ этихъ случаяхъ дѣйствуетъ по однимъ законамъ съ матеріальной природой, которая не знаетъ произвольныхъ движеній. Находясь въ нормальномъ состояніи, душа свободно относится къ своимъ внутреннимъ явленіямъ и движеніямъ и различаетъ внѣшнія впечатлѣнія отъ возсозданныхъ ихъ въ психической средѣ; напротивъ, ненормальныя психическія состоянія выражаются въ произвольныхъ представленіяхъ, которыя, судя по нѣкоторымъ наблюденіямъ, находятся въ постоянномъ, правильномъ соотвѣтствіи съ причиною ненормальнаго состоянія; такъ, люди, страдающіе хроническими болѣзнями печени, находятся подъ гнетомъ представленій, вызывающихъ печаль; нерѣдко самыя обыкновенныя, безразличныя или даже радостныя представленія получаютъ, въ глазахъ ипохондрика, мрачную окраску, служатъ основаніемъ и поводомъ къ самымъ горестнымъ заключеніямъ и выводамъ; гнетъ ихъ на душу бываетъ такъ силенъ, что человѣкъ рѣшается на самоубійство, чтобъ только избавиться отъ нестерпимыхъ нравственныхъ мукъ; здѣсь, очевидно, болѣзненное физическое состояніе отражается въ душѣ произвольными представленіями извѣст-

наго порядка. Обыкновенно, горестныя представленія у различныхъ людей различны; каждому представляется, при такомъ состояніи, именно то, что для него имѣеть особенно прискорбное значеніе. Мы знаемъ людей, у которыхъ даже временное физическое разстройство всегда сопровождается воспоминаніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ ихъ жизни, глубоко ихъ опечалившихъ; боязливость или пугливость, часто сопутствующая болѣзненному состоянію, выражается у многихъ живымъ представленіемъ опасности, которой они когда-то подверглись, во всей ужасающей ея обстановкѣ. Припомнимъ также, что горячечный бредъ состоитъ въ произвольной, самой безпорядочной, безтолковой смѣнѣ бессмысленныхъ и безсвязныхъ представлений; наконецъ, страдающіе горячечными припадками отъ перепоя, какъ мы видѣли, имѣютъ вездѣ и всегда одни и тѣ же видѣнія, находящіяся, повидимому, въ правильномъ, постоянномъ соотвѣтствіи съ матеріальною причиною болѣзненныхъ припадковъ. Отсюда слѣдуетъ, что болѣзненныя состоянія, происходящія отъ чисто-матеріальныхъ, физическихъ причинъ, когда они дѣйствуютъ на душу, обнаруживаются въ ней извѣстнымъ ходомъ представленій и ея къ нимъ отношеніями: при нормальномъ состояніи, душа сама вырабатываетъ представленія и относится къ нимъ свободно; при ненормальномъ же, это отношеніе измѣняется и, смотря по роду и степени болѣзненности, становится менѣе свободнымъ или вовсе несвободнымъ. Въ томъ и другомъ случаѣ происходитъ подборъ представленій, состоящій въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ болѣзненнымъ состояніемъ; какимъ образомъ онъ производится и по какому закону — это мы постараемся объяснить ниже, когда будемъ говорить объ ощущеніяхъ.

Такимъ образомъ, все указываетъ на то, что внѣшнія впечатлѣнія доставляютъ матеріаль душѣ (хотя, какъ мы увидимъ, далеко не весь); но этотъ матеріаль перерабатывается ею самостоятельно и въ томъ новомъ видѣ, какой въ ней получаетъ, подчиняется или ея власти, или по крайней мѣрѣ ея состояніямъ.

Изложенные факты соотвѣтствуютъ цѣлому ряду другихъ, имъ противоположныхъ. Психическія движенія и состоянія, какъ сказано, бываютъ часто результатомъ причинъ чисто физическихъ; точно также и наоборотъ: психическія состоянія, вызываемыя какъ внѣшними, такъ и чисто-психическими вліяніями и дѣйствіями, оказываютъ внезапное или постепенное, переходящее или постоянное дѣйствіе на физической организмъ. Тысячи наблюдений не оставляютъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія: неожиданное горе или радость, страхъ, испугъ, производятъ бо-

лѣзни, даже разстройство ума. Радостное, спокойное душевное настроеніе рекомендуется врачами, какъ одно изъ необходимыхъ условій выздоровленія. Усиленный умственный трудъ отзывается болѣзненными припадками, современемъ разрушаетъ непоправимо здоровье. Всѣ эти явленія показываютъ вліяніе психической жизни на тѣло и его состоянія. Намъ скажутъ, что такое вліяніе возможно только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ самомъ физическомъ организмѣ есть уже предрасположеніе къ извѣстнымъ состояніямъ, которыя приписываются дѣйствию психическихъ вліяній. Это не подлежитъ сомнѣнію, но нисколько не опровергаетъ того, что мы говоримъ; еслибъ въ тѣлѣ не было предрасположенія, психическія вліянія оказались бы недѣйствительными, какъ доказываютъ многіе примѣры; но мы и не утверждали, что одной силы психическихъ движеній и состояній достаточно, чтобъ произвести извѣстныя физическія явленія въ тѣлѣ, и вполне согласны съ тѣмъ, что когда въ нашемъ физическомъ состояніи нѣтъ предрасположенія къ принятію психическихъ вліяній, оно ихъ и не испытываетъ; мы высказали только фактъ, основанный на неоспоримыхъ наблюденіяхъ, что психическія состоянія могутъ дѣйствовать на наше тѣло и быть источникомъ матеріальныхъ измѣненій. Изъ дуалистическихъ взглядовъ это явленіе также необъяснимо, какъ и вліяніе внѣшняго міра на жизнь души; но если предположимъ, что человѣческая природа едина, то оба явленія представляются какъ нельзя болѣе естественными. Выдѣляясь, подобно тѣлу, изъ одного, неизвѣстнаго и недоступнаго намъ источника, душа непосредственно соприкасается съ физическимъ организмомъ; во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ происходитъ такое соприкосновеніе, душа дѣйствуетъ на тѣло, тѣло на душу непосредственно, и потому, какъ матеріальныя, такъ и психическія состоянія вліяютъ взаимно другъ на друга; на дальнѣйшихъ же ступеняхъ, гдѣ душа и тѣло болѣе и болѣе расходятся, ихъ взаимодѣйствіе перестаетъ быть непосредственнымъ и принимаетъ другія, болѣе сложныя и болѣе искусственныя формы.

Примѣромъ такихъ, менѣе непосредственныхъ, болѣе сложныхъ вліяній внѣшняго міра на душу могутъ служить всѣ тѣ, чисто психическія впечатлѣнія, которыя мы получаемъ при посредствѣ внѣшняго міра. Матеріальные предметы и явленія, помимо своего объективнаго, если можно такъ выразиться, матеріальнаго значенія, имѣютъ еще для человѣка свой особый, субъективный смыслъ. Такая-то гора, рѣка, роца, кромѣ общаго для всѣхъ людей смысла, имѣютъ для меня, по особеннымъ обстоятельствамъ и воспоминаніямъ, особое значеніе и потому

производить только на меня впечатлѣнія, которыхъ другіе вовсе не испытываютъ. Письмо, книга, ноты имѣютъ, какъ матеріальные предметы, одно значеніе, какъ условные знаки представленій, мыслей, звуковъ, — другое; наконецъ, для извѣстныхъ лицъ, по особеннымъ къ нимъ отношеніямъ этихъ представленій, мыслей, звуковъ, — еще третье, чуждое всѣмъ прочимъ людямъ. Такое чисто-психическое дѣйствіе на насъ внѣшняго міра существенно разнится отъ тѣхъ непосредственныхъ матеріальныхъ дѣйствій и вліяній, о которыхъ было говорено выше. Въ чемъ же состоитъ разница? Въ томъ, что тамъ шла рѣчь объ условіяхъ, о первыхъ зачаткахъ психической жизни, а здѣсь мы говоримъ о явленіяхъ той же психической жизни, но уже развившейся, которая относится къ внѣшнему міру какъ самостоятельный организмъ, какъ источникъ извѣстныхъ явленій.

Пойдемъ далѣе. Нервы движеній играютъ въ психической жизни роль противоположную нервамъ чувствъ. Послѣдніе служатъ проводниками внѣшнихъ впечатлѣній въ душу; нервы движеній, напротивъ, служатъ ей орудіями для исполненія или осуществленія ея рѣшеній во внѣшнемъ мірѣ. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ фактомъ, совершенно непонятнымъ и необъяснимымъ съ дуалистической точки зрѣнія и вполне естественнымъ и понятнымъ, когда предположимъ, что душа и тѣло происходятъ изъ одного общаго источника, вслѣдствіе чего между ними существуетъ нерасторжимая связь. При такомъ предположеніи, насъ не можетъ занимать вопросъ, какимъ образомъ душа непосредственно передаетъ тѣлу свои велѣнія; и весь интересъ изслѣдованія сосредоточивается на объясненіи формъ, въ какихъ этотъ фактъ совершается или выражается.

Тѣлесныя дѣйствія, выполняемыя посредствомъ нервовъ движенія по рѣшеніямъ души, называются произвольными. Въ какой мѣрѣ такія рѣшенія добровольны или вынуждены, свободны или необходимы, — этотъ вопросъ мы оставимъ пока въ сторонѣ и займемся имъ впослѣдствіи, въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь остановимся на томъ, что когда мы рѣшаемъ въ себѣ сдѣлать извѣстное движеніе, и по такому рѣшенію дѣйствительно его выполняемъ, оно называется произвольнымъ.

Существованіе произвольныхъ движеній не подлежитъ никакому сомнѣнію; въ этомъ каждый можетъ удостовѣриться собственнымъ опытомъ; отрицаніе ихъ есть одно изъ тѣхъ странныхъ недоразумѣній, которыми наши воззрѣнія на психическую жизнь, къ сожалѣнію, такъ богаты. Я хочу поднять руку, ступить, повернуть голову, направить свои глаза въ ту или другую сторону, сказать то или другое слово, — и дѣлаю это. Отвер-

гать дѣйствительность, несомнѣнность этихъ фактовъ значить преднамѣренно не хотѣть видѣть очевиднаго. Но не только эти, сравнительно простыя дѣйствія выполняются произвольно: у художника въ душѣ сложился образъ и онъ этотъ образъ, также произвольно, передаетъ или не передаетъ въ рисунокъ, въ мраморъ; у него сложилась мелодія, цѣлая музыкальная пьеса, и онъ выполняетъ или не выполняетъ ее на инструментѣ, владеть или не владеть на ноты. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти дѣйствія, представляющія болѣе или менѣе сложныя системы движеній выработались постепенно; что каждое отдѣльное движеніе, входящее въ ихъ составъ, въ свою очередь, представляетъ результатъ долгихъ опытовъ и усилій; что механическая невозможность выполнить извѣстныя желаемыя движенія, дознанная опытомъ, вводитъ рѣшенія души въ извѣстныя границы, опредѣляетъ ихъ точнѣе, соглашаетъ съ матеріальными условіями и обстановкой движенія; наконецъ, что каждое несложное движеніе имѣло сперва своимъ прототипомъ представленіе о требуемомъ движеніи, которому человекъ старался только подражать и лишь впоследствии, съ обращеніемъ движенія въ привычку, это посредствующее звѣно между рѣшеніемъ души и движеніемъ ступевалось; но такъ или иначе, все-таки первичная причина произвольнаго движенія заключается въ способности души направлять дѣятельность нерва.

Рядомъ съ такими, несомнѣнно произвольными движеніями мы выполняемъ множество другихъ, не только произвольно, но даже вопреки рѣшеніямъ души. Одни изъ произвольныхъ движеній мы по крайней мѣрѣ сознаемъ, т.-е. знаемъ, что ихъ выполняемъ; другія, напротивъ, исполняются нами даже безсознательно, совсѣмъ безъ нашего вѣдома. Конвульсіи, судороги и т. п. приводятъ наши члены въ движенія произвольныя, которыя мы сознаемъ, но которыхъ остановить не можемъ. Гнѣвъ и вообще страсти часто вызываютъ насъ на дѣйствія, отъ которыхъ мы не можемъ удержаться, хотя и сознаемъ, что ихъ совершаемъ. Наконецъ, въ состояніи глубокаго сна, обморока, въ совершенно безчувственномъ положеніи, въ припадкѣ лунатизма и т. п. мы вполне безсознательно совершаемъ множество дѣйствій, иногда очень сложныхъ. Про дѣтей-лунатиковъ рассказываютъ даже, что они, находясь въ глубокомъ снѣ, дѣлаютъ письменные переводы, грамматическіе анализы и другія классныя упражненія. Кромѣ того, сохраняя даже полное сознание и обладая всѣми умственными способностями, мы однако ежеминутно совершаемъ множество дѣйствій произвольно и безсознательно, по привычкѣ; такъ исполняемъ мы не только

отдѣльныя простыя движенія, но и цѣлыя сложныя акты, наприм., зачастую одѣваемся, раздѣваемся, заводимъ часы, ѣдимъ и пьемъ, ходимъ, даже читаемъ про себя или вслухъ, и т. п., не думая и даже вовсе не помня что дѣлали. Къ числу произвольныхъ дѣйствій и движеній принадлежатъ разныя привычки и манеры и то, что мы называемъ выраженіемъ лица, фізіономіей; они образуются изъ множества отдѣльныхъ бессознательныхъ движеній, выполняемыхъ по привычкѣ.

Дѣйствія произвольныя и произвольныя прямо противоположны другъ другу; тогда какъ первыя мы исполняемъ вслѣдствіе рѣшеній души и они, стало быть, вызываются психическимъ дѣятелемъ, вторыя, наоборотъ, выполняются автоматически, безъ всякаго участія души, нерѣдко вопреки ея рѣшеніямъ, вслѣдствіе однихъ внѣшнихъ, матеріальныхъ возбужденій и причинъ. Еслибъ дѣйствія того и другого рода различались между собою по внѣшнимъ признакамъ, мы могли бы, смотря по движенію или дѣйствію, заключать о томъ, какому именно двигателю ихъ приписать, психическому или матеріальному; въ нѣкоторыхъ случаяхъ это и возможно, но въ болѣе части случаевъ, одни и тѣ же дѣйствія и движенія то производятся механически, то преднамѣренно и произвольно. За очень немногими исключеніями, всѣ произвольныя движенія и дѣйствія были сначала произвольными и только вслѣдствіе болѣе или менѣе долгаго въ нихъ упражненія обратились въ привычку и вслѣдствіе лишь того могутъ исполняться автоматически, произвольно и даже бессознательно. Разлагая сложныя произвольныя дѣйствія на ихъ составныя части, мы уже замѣчаемъ въ нихъ присутствіе движеній произвольныхъ, которыя вначалѣ были произвольными. Никто, несмотря на прирожденный талантъ, не можетъ сдѣлаться художникомъ, не овладѣвъ сперва техникой искусства; техника же, между прочимъ, именно и состоитъ въ умѣннѣ выполнять быстро и отчетливо и притомъ по привычкѣ, не думая, безчисленное множество движеній, необходимыхъ для возможно совершеннаго воспроизведенія художественнаго образа, звука и т. п. Еслибъ въ каждое мелочное движеніе, при безпрестанныхъ его повтореніяхъ, вносились и сознание и воля, то человѣкъ не могъ бы выполнить ни одного сколько-нибудь сложнаго и быстрого дѣйствія; оно потому и возможно, что входящія въ его составъ отдѣльныя движенія выполняются произвольно, по привычкѣ; а чтобъ пріобрѣсти такой навыкъ, необходимо выучиться этимъ движеніямъ, то-есть безчисленное множество разъ продѣлать ихъ съ намѣреніемъ и сознательно. Внимательно слѣдя за постепен-

нымъ развитіемъ челоѣка съ младенчества, не трудно замѣтить, что его рѣчь, фізіономія и манеры образуются изъ безчисленнаго множества отдѣльныхъ, сначала произвольныхъ движеній, которыя мало по малу обратились въ непроизвольныя и безсознательныя; потому-то мы и узнаемъ по нимъ, какъ по признакамъ, психическія свойства и нравственную біографію челоѣка.

Обращеніе произвольныхъ движеній въ непроизвольныя представляетъ интересный фактъ для объясненія психической жизни. Если движеніе или дѣйствіе, вполне цѣлесообразное и разумное, можетъ стать непроизвольнымъ и если нѣтъ произвольнаго дѣйствія, которое, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, не могло бы обратиться въ непроизвольное, то очевидно, что душа дрессируетъ тѣло, заставляетъ его частыми повтореніями извѣстныхъ упражненій, направленныхъ къ извѣстной цѣли, принимать такую-то складку, приобрѣтаетъ такія-то привычки, и что тѣло удерживаетъ эти привычки и тогда, когда душа на него не дѣйствуетъ. Говоря: тѣло,—мы разумѣемъ весь матеріальный организмъ челоѣка, въ томъ числѣ и непосредственные органы души, нервы, которые, когда душа на нихъ не дѣйствуетъ, подпадаютъ подъ законъ рефлексовъ, но рефлексовъ подготовленныхъ и формулированныхъ повторенными произвольными движеніями.

Непроизвольныя дѣйствія самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываютъ, что психическая и матеріальная жизнь и дѣятельность не одно и то же. Непроизвольныя дѣйствія суть вполне механическія, подлежащія законамъ внѣшней природы; въ нихъ нѣтъ и слѣда участія психическаго дѣятеля, вслѣдствіе чего психологіи нѣтъ до нихъ, повидимому, никакого дѣла; но въ тоже время эти дѣйствія такъ цѣлесообразны, носятъ на себѣ такую несомнѣнную печать психическаго происхожденія, наконецъ, они до того кажутся рассчитанными, обдуманними, предумышленными, что невольно возбуждается сомнѣніе, не слѣдуетъ ли отнести и ихъ къ явленіямъ психическимъ, такъ какъ нѣтъ внѣшняго мѣрила для различенія ихъ отъ дѣйствій произвольныхъ. Но внѣшняго мѣрила для психологіи и не нужно; для нея совершенно достаточно одного психическаго; произвольное дѣйствіе тѣмъ и отличается отъ непроизвольнаго, что въ первомъ участвуетъ психическій дѣтель, а во второмъ нѣтъ. Подобное этому различіе находимъ мы между предметами и явленіями природы съ одной стороны и матеріальными созданіями челоѣка съ другой; послѣднія—такіе же матеріальные факты, какъ и первые, и подлежатъ точно также внѣшнимъ законамъ;

но они произведены человекомъ, а первые самой природой, безъ его участія.

Обратимся теперь къ сновидѣніямъ. Они, подобно разсмотрѣннымъ выше фактамъ, тоже доказываютъ тѣснѣйшую связь между психической и матеріальной стороной человека, — связь, необъяснимую съ точки зрѣнія дуализма. Сонъ есть физиологическое состояніе, имѣющее свои характеристическіе матеріальные признаки. При извѣстныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, которыя еще мало изслѣдованы, сонъ сопровождается психическою дѣятельностью особаго рода, столько же непохожею на обыкновенную, нормальную, какъ сонъ непохожъ на физическое бодрствованіе. Во время сна физическое зрѣніе не дѣйствуетъ, хотя бы мы спали съ открытыми глазами; въ такомъ же бездѣйствіи находятся и прочіе органы чувствъ; а между тѣмъ во снѣ мы видимъ безъ помощи глаза, слышимъ помимо ушей, говоримъ, не двигая языкомъ, ѣдимъ, ходимъ, смѣемся и плачемъ, сердимся и радуемся, обыкновенно не дѣлая всего этого физически. Цѣлыя событія, драмы, комедіи и водевили переживаемъ мы въ сновидѣніяхъ, въ качествѣ зрителей или участниковъ. Въ сновидѣніяхъ мы живемъ какою-то странной, особенной, фантастической жизнью, внѣ реальной дѣйствительности. Такая жизнь была бы рѣшительно невозможна, еслибъ человекъ не былъ одаренъ способностью какъ-бы обращать внутрь себя дѣятельность своихъ внѣшнихъ чувствъ. Во снѣ, дѣйствіе окружающаго реального міра на человека не превращается вовсе; но замѣчательно, что оно, пока спящій не проснулся, отражается въ его душѣ совершенно иначе, чѣмъ въ то время, когда онъ не спитъ. Очень вѣроятно, что эти отраженія совершаются по извѣстнымъ законамъ, только мы объ нихъ пока ничего не знаемъ; знаемъ лишь, что отраженія впечатлѣній внѣшняго міра въ душѣ спящаго не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствіемъ тѣхъ же самыхъ впечатлѣній на душу бодрствующаго человека. Другая замѣчательная черта сновидѣній состоитъ въ томъ, что спящему всегда кажется, будто эти отраженія впадаютъ очень встать, но отъ чего это такъ кажется, объяснить чрезвычайно трудно. Одни впечатлѣнія внѣшняго міра, повидимому, видоизмѣняются въ душѣ спящаго, по характеру и ходу сновидѣнія, другія, наоборотъ, сами, кажется, даютъ ему другое направленіе, создаютъ новое сновидѣніе, или вводятъ въ него какой-нибудь эпизодъ. Необычайно быстрый ходъ сновидѣній и крайняя трудность производить надъ ними точныя наблюденія, отнимаютъ почти всякую возможность придти въ этомъ отношеніи къ какому-нибудь положительнымъ выводамъ; къ тому же

тотъ, кто видитъ сонъ, есть единственный и въ то же время самый ненадежный его свидѣтель. Кому не случалось, припоминая свое сновидѣніе, находить бессмысленнымъ и нелѣпнымъ то, что во время сна казалось вполне естественнымъ, послѣдовательнымъ и разумнымъ? Такое противоположное сужденіе одного и того же человѣка объ одномъ и томъ же предметѣ невольно заставляетъ усомниться въ способности людей, по пробужденіи, становлять въ своей памяти сновидѣніе со всѣми его подробностями; состоянія бодрствованія и сна слишкомъ различны, чтобы не предположить невольныхъ искаженій: точно также человѣкъ не вполне отчетливо помнитъ то, что думалъ, дѣлалъ, говорилъ въ пылу страсти или въ пьяномъ видѣ и т. п. Во время сна человѣкъ, вполне или отчасти, теряетъ способность сужденія и волю. Невозможное и невѣроятное въ дѣйствительности, по его собственному мнѣнію, во снѣ представляется ему не только возможнымъ, но и очень естественнымъ, совершенно въ порядкѣ вещей; безсвязное кажется послѣдовательнымъ; происходитъ ли что, кстати или не кстати въ сновидѣніи, объ этомъ спящій имѣетъ весьма смутное понятіе, или не имѣетъ никакого; въ сновидѣніи очень часто происходитъ неожиданный и вовсе ни съ чѣмъ несообразный, нелѣпный поворотъ дѣла, но спящаго это нисколько не поражаетъ: безсвязное сопоставленіе фактовъ онъ принимаетъ за вполне правильный, естественный и разумный переходъ отъ одного фазиса событія къ другому. Въ то же время мы рѣдко преслѣдуемъ въ сновидѣніяхъ какую-нибудь цѣль; мы дѣйствуемъ, но почти всегда подъ роковымъ вліяніемъ обстоятельствъ, которыя вынуждаютъ насъ поступать такъ, а не иначе; вмѣстѣ съ ними измѣняется нашъ образъ дѣйствій и самыя намѣренія.

Эти характеристическія черты сновидѣній приводятъ къ очень любопытнымъ и важнымъ соображеніямъ о психической жизни и ея отношеніяхъ къ матеріальной, физической. Многие думаютъ, что воля и сознаніе, въ смыслѣ внутренняго зрѣнія, одно и то же: сновидѣнія доказываютъ противное; участіе въ нихъ сознанія, въ этомъ смыслѣ, не подлежитъ сомнѣнію, иначе мы бы не имѣли сновъ, а самопроизвольности мы, какъ сказано, почти лишены во время сна: все дѣлается подъ вліяніемъ обстоятельствъ, какъ будто спящій вовсе неспособенъ преслѣдовать какого-нибудь плана; а какъ спящій, вмѣстѣ съ тѣмъ, теряетъ и способность сужденія, то это дѣлаетъ его окончательно игролицемъ всевозможныхъ случайностей, встрѣчающихся въ сновидѣніи. Изъ этого слѣдуетъ, что психическая жизнь не исчерпывается мышленіемъ и волею; въ нихъ выражается одна дѣятельная, активная сторона души; послѣдняя обнаруживаетъ жизнь и

въ сновидѣніяхъ, но пассивную, страдательную. Когда мышленіе и воля бездѣйствуютъ, жизнь души близко подходитъ къ жизни матеріальной природы; особенности душевной жизни, отличающія ее отъ жизни вѣшняго міра, сохраняются еще только въ какой-то непонятной и своеобразной переработкѣ вѣшнихъ впечатлѣній и въ сознаніи. Наконецъ, одновременное отсутствіе во снѣ сужденія и воли указываетъ, что между ними есть связь; сама по себѣ такая связь ничего не доказываетъ и могла бы быть случайною, еслибъ многія другія указанія не придавали ей серьезнаго значенія. Мы постараемся разяснить ее ниже, при разсмотрѣніи самопроизвольности и самодѣятельности души.

Замѣтимъ въ заключеніе, что сновидѣніе, вмѣстѣ съ многими другими явленіями психической жизни наглядно, осязательно показываетъ, какъ близко, непосредственно сопривасается матеріальная жизнь съ психическою. Психическое явленіе всегда очень опредѣлительно различается отъ матеріальнаго, но напрасно стали бы мы разслѣдовать, гдѣ оканчивается взаимное вліяніе и дѣйствіе души и тѣла: они такъ глубоко проникаютъ другъ друга, слѣды ихъ взаимнаго вліянія проходятъ такъ далеко, что самый тонкій анализъ не въ состояніи открытъ, гдѣ именно они оканчиваются.

Перейдемъ, наконецъ, къ ощущеніямъ. Ихъ анализъ раскрываетъ и объясняетъ многія новыя и любопытныя черты взаимныхъ отношеній психическаго и матеріальнаго міра.

Что такое ощущеніе? Нѣтъ термина, повидимому, болѣе точнаго и опредѣленнаго; на самомъ же дѣлѣ едва ли найдется другой, болѣе неточный и сбивчивый. Всякое вѣшнее впечатлѣніе, всякое движеніе чувства, всякое желаніе, всякое представленіе о предметѣ, намѣреніе, рѣшеніе воли есть уже ощущеніе, потому что происходятъ въ душѣ и мы объ нихъ знаемъ; сознаніе есть непремѣнное условіе ощущенія: чего мы не сознаемъ, того и не ощущаемъ. Въ этомъ общемъ смыслѣ ощущеніе, чувство и сознаніе—однозначительны. Когда человѣкъ находится въ обморокѣ, или спитъ крепкимъ сномъ, или совершенно опьянѣлъ, мы говоримъ, что онъ находится въ безсознательномъ или безчувственномъ состояніи, потому что онъ не знаетъ, что съ нимъ въ это время происходитъ.

Но мы различаемъ однако вѣшнія впечатлѣнія отъ чувствъ, чувства отъ желаній, желанія отъ мыслей, мысли отъ страстей и т. д. Это показываетъ, что каждое изъ этихъ ощущеній имѣетъ, кромѣ общихъ со всѣми другими свойствъ, еще и свои особенныя, характеристическія черты. Въ чемъ же онѣ состоятъ? Чѣмъ отличаются одни ощущенія отъ другихъ?

Прежде всего постараемся свести однородныя ощущенія въ группы и тѣмъ по возможности упростить вопросъ. Мы различаемъ между собою чувства, желанія, страсти; но вѣдь они только видоизмѣненія одного и того же рода ощущеній. Желаніе есть усиленное чувство, ставшее побужденіемъ къ дѣятельности, причиною дѣйствія; страстью также называютъ часто усиленное чувство; въ собственномъ же смыслѣ, страсть есть чувство, потерявшее всякую мѣру, вслѣдствіе крайней напряженности; перейдя мѣру и границы, чувство дѣлается ненормальнымъ, болѣзненнымъ; оттого страсть и сравниваютъ съ горячечнымъ бредомъ, когда человѣкъ не въ состояніи управлять ходомъ своихъ психическихъ отправленій; въ припадкѣ страсти человѣкъ не знаетъ самъ, что дѣлаетъ, не владѣетъ собой, безумствуетъ.

Обратимся въ другимъ ощущеніямъ. Мы назвали въ числѣ ихъ внѣшнія впечатлѣнія. Подъ ними разумѣются вообще психическіе результаты дѣйствій внѣшняго міра на органы внѣшнихъ чувствъ; только въ этомъ смыслѣ они относятся къ ощущеніямъ, потому что самая дѣятельность органовъ чувствъ, до появленія ея психическихъ послѣдствій, не есть психическое явленіе и для изслѣдованія недоступна. Но въ этомъ значеніи внѣшнія впечатлѣнія не составляютъ особаго рода или группы ощущеній; названіе ихъ указываетъ не на то, что они такое, а только на то, какъ они произошли: послѣдствіемъ внѣшняго впечатлѣнія можетъ быть и чувство, и желаніе и представленіе.

Остаются затѣмъ чувства, представленія и мысли. Послѣднія два, какъ мы постараемся доказать ниже, принадлежатъ къ одной группѣ, потому что составляютъ лишь различные продукты одного и того же психическаго процесса.

Итакъ, всѣ перечисленныя нами ощущенія сводятся собственно къ двумъ группамъ: къ чувствамъ и представленіямъ (или мыслямъ). Общее сознаніе и наука различаютъ ихъ, однако до сихъ поръ точное ихъ различеніе составляетъ камень преткновенія для изслѣдователей. Сдѣлано много наблюденій надъ чувствами и ихъ отношеніями къ представленіямъ и мыслямъ; но выводы противурѣчаютъ другъ другу и только новое тщательное изслѣдованіе можетъ пролить свѣтъ въ эту темную и загадочную область психической жизни. Мы считаемъ необходимымъ остановиться нѣсколько долѣе на этомъ предметѣ, въ виду особенной его важности для правильнаго уразумѣнія душевныхъ отправленій.

Надъ объясненіемъ чувства много работали въ послѣднее время психологи-реалисты. Но обращая вниманіе исключительно

на одну матеріальную сторону чувства и опуская совершенно изъ виду психическую, они собрали много любопытныхъ данныхъ, освѣтили новымъ свѣтомъ многія отдѣльныя явленія, однако не могли удовлетворительно разрѣшить главныхъ, основныхъ вопросовъ,—что такое чувство, какое его значеніе, какъ оно относится къ продуктамъ мышленія. Еще прежде реалистовъ, матеріалисты отрицали психическій характеръ чувствъ и сводили ихъ къ чувственности, какъ къ единственному ихъ источнику. Еслибъ это было такъ, то всѣ чувства, безъ изъятія, возбуждались бы въ душѣ непосредственно, дѣйствіемъ виѣшнихъ, матеріальныхъ причинъ; но наблюденія этого не оправдываютъ: многія чувства возбуждаются непосредственнымъ дѣйствіемъ души помимо матеріальныхъ вліяній.

Психологи - идеалисты рассматриваютъ чувства съ противоположной точки зрѣнія. Для нихъ чувственность какъ будто не существуетъ; еслибъ было возможно, они охотно выключили бы чувственные движенія изъ числа чувствъ; но за совершенною невозможностью это сдѣлать, они оставляютъ ихъ въ тѣни и обращаютъ все вниманіе исключительно на чувства, находящіяся въ непосредственной зависимости отъ психической жизни и явленій. Изслѣдуя чувства съ этой точки зрѣнія и сопоставляя ихъ съ представленіями и мыслями, психологи-идеалисты приходятъ къ очень разнообразнымъ, часто противурѣчивымъ выводамъ. Для многихъ изслѣдователей этой школы вся суть жизни души заключается въ чувствахъ; мысли и представленія, въ ихъ глазахъ, не болѣе какъ блѣдный, сухой, мертвенный ихъ отпечатокъ, не передающій и малѣйшей доли той полноты духовной жизни, которая содержится въ чувствахъ. Въ противоположность представленіямъ и мыслямъ, чувство безсознательно, и потому не укладывается ни въ какое представленіе, невыразимо никакими словами, но въ то же время оно есть зародышъ представленій и мыслей; оно непосредственно и безотчетно схватываетъ истину во всей ея полнотѣ, тогда какъ мысль идетъ къ ней окольными путями, ощупью, сбиваясь и пугаясь безпрестанно. Въ этомъ смыслѣ сердце — вѣщунъ: оно безотчетно видитъ и знаетъ то, чего не видитъ и не знаетъ умъ. Другая отличительная черта чувства та, что оно есть психическое состояніе произвольное; человекъ не воленъ въ своемъ сердцѣ: чувства возникаютъ въ душѣ недуманно-негаданно и исчезаютъ помимо воли, вовсе насъ не спрашиваясь. Далѣе, чувство есть нѣчто интимное, личное, внутреннее, нераздѣльное съ нашей индивидуальностью. Наконецъ, одни подмѣчаютъ въ развитіи чувствъ фазисы, постепенные переходы, совершающіеся по особымъ законамъ и гово-

рять о логикѣ чувствъ и страстей; другіе допускаютъ въ чувствѣ только различіе въ степени напряженія или силы: достигнувъ известной точки, чувство переходитъ въ желаніе, потомъ въ страсть, или же слабѣетъ и исчезаетъ. Въ противоположность чувству, мысль и представленіе могутъ быть совершенно ясно и точно опредѣлены и выражены; они, по природѣ своей, сознательны и находятся въ нашей волѣ и власти. По мнѣнію многихъ психологовъ-идеалистовъ, мысль, представленіе отрицаютъ чувство; когда мы называемъ чувство, говоримъ объ немъ, разбираемъ его, судимъ, оно уже исчезло, превратилось въ мысль или въ представленіе; но представленіе о чувствѣ, въ сравненіи съ нимъ самимъ, крайне блѣдно, недостаточно, несовершенно; оттого, возведеніе чувства въ мысль, въ представленіе кажется какой-то профанаціей: кто умѣетъ краснорѣчиво описывать свое чувство, того мы невольно подозрѣваемъ въ томъ, что онъ не глубоко чувствуетъ. Самое превращеніе въ мысль или въ представленіе убиваетъ чувство; мнѣ о Психеѣ поэтически выражаетъ этотъ взглядъ въ примѣненіи къ любви; но и со всѣми другими чувствами тоже самое: они какъ будто теряютъ свою чистоту, свѣжесть и живость, перейдя въ сознаніе, сдѣлавшись предметомъ мышленія, найдя выраженіе въ словѣ, потому что представленіе, мысль, слово, въ противоположность чувству, есть нѣчто внѣшнее, выводитъ человѣка за предѣлы индивидуальной жизни, составляетъ какъ бы общее достояніе всѣхъ, имѣетъ объективный, всеобщій характеръ. Но отсюда слѣдуетъ, что мысль, представленіе выше чувства, призваны владѣть имъ, держать его въ уздѣ, въ границахъ. Въ нормальномъ состояніи разсудокъ, мысль умѣряютъ желанія и страсти, заставляють ихъ молчать. При такомъ взглядѣ чувство является уже не вѣщимъ глашатаемъ непосредственной истины, а чѣмъ-то слѣпымъ, неразумнымъ. Наконецъ, мысль, какъ руководитель чувства, дѣятельна, активна; чувство же, въ нормальномъ состояніи, пассивно, созерцательно, и только перейдя въ страсть, сбрасываетъ съ себя власть мысли, разсудка; за то тогда человѣкъ и дѣйствуетъ неразумно, повинуюсь, безъ разсужденія, однимъ своимъ влеченіямъ.

Таковы психологическіе взгляды на чувство. Ихъ односторонность, ошибочность и противорѣчія бросаются въ глаза.

На чемъ основано мнѣніе, будто чувство, по природѣ своей, бессознательно? Если мы знаемъ, что въ насъ оно есть, то его уже по одному этому нельзя назвать бессознательнымъ; но мы не только знаемъ, что оно въ насъ есть: мы отличаемъ его отъ мысли, отъ представленія; мало того: мы очень ясно раз-

личаемъ одни чувства отъ другихъ, со всѣми ихъ отгѣнками. Какъ же послѣ этого назвать чувство безсознательнымъ? Противъ этого намъ замѣтатъ, что анализируется не самое чувство, а представление о немъ. Это вонечно такъ; но какъ же, спрашивается, образуется представление о чувствѣ? Вѣдь представление есть, какъ мы увидимъ ниже, продуктъ сложной психической операціи, въ которую между прочимъ входитъ и подробный анализъ. Еслибъ чувство не разлагалось на признаки, не поддавалось сравненію, то оно не могло бы перейти въ представление, иначе сказать, мы бы не знали о немъ ничего; если же чувство можетъ перейти въ представление, то это одно уже доказываетъ, что оно имѣетъ признаки, значить не безсознательно.

Также несправедливо, будто чувство произвольно, а мысль, представление зависятъ отъ нашей воли. Правда, мы не можемъ, по желанію или прихоти, чувствовать такъ, или иначе, но мы можемъ возбуждать въ себѣ тѣ или другія чувства. Во-первыхъ, всѣ матеріальныя ощущенія, называемыя тоже чувствами, произвести нетрудно, подвергая себя дѣйствию извѣстныхъ внѣшнихъ вліяній; но и собственно такъ-называемыя чувства можно въ себѣ возбудить, вызывая памятью тѣ или другія представления, или подвергая себя такимъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, которыя вызываютъ въ насъ представления, сопровождаемыя извѣстными чувствами. Такъ, представляя себѣ живо умершаго друга, или вглядываясь пристально въ его портретъ, мы пробуждаемъ въ своей душѣ спавшія къ нему чувства. Мы дорожимъ письмомъ, бездѣлицей, оставленной намъ на память близкими, оттого, что эти вещи напоминаютъ о нихъ. Конечно, чувство, возбуждаемое воспоминаніемъ, уже не то, что было прежде: оно и слабѣе и осложнено другими чувствами, наприм. скорбью объ утратѣ дорогихъ лицъ; но не забудемъ, что когда мы вспоминаемъ, мы и сами уже не тѣ, что были прежде, и потому не можемъ чувствовать такъ, какъ чувствовали тогда. Совсѣмъ тѣмъ, люди вполне отдавшіеся какому-нибудь чувству, ревниво его берегущіе, или одаренные живымъ воображеніемъ и памятью, многіе годы живутъ прежними чувствами и они вызываются въ ихъ душѣ вмѣстѣ съ соотвѣтствующими представлениями. Кто сомнѣвается въ томъ, что любовь можетъ долго и свѣжо сохраняться въ душѣ, пусть только вспомнитъ, что чувства мести, оскорбленнаго самолюбія, зависти, злобы нерѣдко умираютъ вмѣстѣ съ человѣкомъ.

Что извѣстныя представления возбуждаютъ въ насъ извѣстныя чувства, не подлежитъ сомнѣнію. Этимъ объясняется тайна дѣйствія на насъ художественныхъ произведеній. Зная хоро-

шо человѣка, мы можемъ заранее сказать, какими чувствами онъ отзовется на тотъ или другой фактъ. Сколько людей были жертвами такого знанія! Сколько великихъ дѣлъ совершенно вслѣдствіе такого знанія сердца народныхъ массъ!

Слѣдовательно, чувство тоже можно возбуждать; а разъ это возможно, нѣтъ основанія называть чувство произвольнымъ; его только нельзя возбудить непосредственно, потому что оно или бываетъ результатомъ внѣшнихъ вліяній, или сопровождаетъ извѣстныя представленія и мысли; безъ того или другого—чувства вообще невозможны.

Съ другой стороны, несправедливо и то, будто всё мысли и представленія произвольны. Догадки, соображенія, открытія часто возникаютъ въ душѣ вдругъ, также недуманно-негаданно, какъ и чувства; въ этомъ каждый можетъ удостовѣриться, наблюдая надъ самимъ собой. Мы видѣли также, что ненормальныя психическія состоянія всегда сопровождаются большею или меньшею произвольностью представленій и мыслей. Наконецъ, мысли и представленія, вызываемыя внѣшними впечатлѣніями, вліяніями и дѣйствіями, всегда произвольны.

Также ошибочно мнѣніе, будто мысль активна, чувство пассивно. Мысль, представленіе, сами по себѣ, тоже пассивны; активными они становятся вслѣдствіе желаній; а желанія, какъ мы видѣли,—тѣ же чувства и отличаются отъ нихъ только степенью напряженія и силы. Желаніе придаетъ представленіямъ и мыслямъ дѣятельный характеръ; пока оно не перешло извѣстной границы, оно, въ свою очередь, видоизмѣняется, направляется мыслью, представленіемъ, какъ лошадь везетъ сѣдока и ему повинуется. Переступивъ мѣру, желаніе обращается въ страсть, незнающую никакой узды. Когда мы говоримъ, что мысль управляетъ чувствомъ, мы забываемъ, что чувства, желанія вызываютъ и какъ бы подбираютъ себѣ мысли и представленія. При нормальныхъ психическихъ отправленияхъ, представленія и мысли, будучи разъ вызваны и подобраны желаніями, располагаются уже потомъ по объективнымъ законамъ и въ этомъ сочетаніи видоизмѣняютъ и направляютъ желанія, приводятъ ихъ въ согласіе съ объективными условіями. Такъ, желаніе мести подбираетъ въ душѣ всё мысли и представленія, относящіяся къ этому душевному состоянію. Жажущій мести хотѣлъ бы отмстить тотчасъ же и вполне; но перебирая въ душѣ обстоятельства и обстановку, внутреннюю и внѣшнюю, онъ находитъ, что одни способы мести невозможны, другіе повлекли бы для него самого дурныя послѣдствія, третьи кажутся ему несогласными съ его достоинствомъ, честью, четвертые

слишкомъ жестоки, несоразмѣрны съ обидой или зломъ, которыя вызвали мечь; словомъ, какъ только чувство мести подобало соотвѣтствующія ему представленія, они разсматриваются уже по своему объективному характеру, и объективное ихъ значеніе опредѣляетъ видъ, родъ, степень, способъ удовлетворенія желанія, вводитъ его въ должныя границы, придаетъ ему извѣстную форму, соотвѣтствующую наличнымъ обстоятельствамъ и условіямъ.

Такимъ образомъ, многое изъ того, что повидимому составляетъ отличіе чувствъ отъ мыслей или представлений, оказывается, при ближайшей повѣркѣ, общею принадлежностью тѣхъ и другихъ.

Точно также неудовлетворителенъ взглядъ психологовъ-идеалистовъ на отношенія мысли и чувства. Они рѣзко и безусловно противопоставляютъ ихъ другъ другу, а между тѣмъ, въ дѣйствительности, они неразрывно между собою связаны и находятся въ непрерывномъ взаимодействіи.

Говорятъ, будто чувство исключаетъ мысль, мысль убиваетъ чувство. Но чувство, которое боится мысли, не выносить ея освѣщенія, вынуждено отъ нея прятаться, есть очевидно чувство ложное, призрачное; опытъ показываетъ, что, напротивъ того, сильное чувство, проработанное мыслью и ею пронизанное, ерѣпнетъ, завалается, упрочивается. Мы воображаемъ, что страхъ чувства передъ мыслью доказываетъ его чистоту, цѣломудріе; напротивъ, онъ свидѣтельствуетъ только о его дряблости, безсиліи и ничтожествѣ. Да и какъ согласить желаніе уберечь во всей чистотѣ чувство отъ мысли со взглядомъ, будто чувство обладаетъ даромъ провидѣнія истины, будто въ немъ таятся зародыши мыслей и представлений? Какъ примирить взглядъ, будто вся полнота душевной жизни заключается въ чувствѣ, съ другимъ взглядомъ, будто чувство слѣпо, неразумно и требуетъ руководства мысли? Одно изъ двухъ: или мысль и чувство исключаютъ другъ друга, или они находятся между собою въ тѣсной связи; въ первомъ случаѣ, чувство не можетъ быть источникомъ представлений, во второмъ, ему нечего бояться мысли и мысль не можетъ быть враждебна чувству.

Итакъ, изслѣдованія чувствъ, сдѣланныя психологами-реалистами и идеалистами съ противоположныхъ точекъ зрѣнія, далеко не разрѣшаютъ вопроса. Кромѣ односторонности взгляда, зависящей отъ угла зрѣнія и помѣщавшей обѣимъ шеоламъ обнять предметъ изслѣдованія во всей его полнотѣ, неудовлетворительность результата объясняется еще и недостаточностью самаго анализа. Матеріалисты, задавшись объясненіемъ всѣхъ яв-

леній психической жизни законами внѣшней природы, просмотрѣли бросающійся въ глаза фактъ, что рядомъ съ чувствами, непосредственно вызываемыми матеріальными причинами, есть чувства, имѣющія такимъ же непосредственнымъ источникомъ представленія и мысли; идеалисты не только оставили въ сторонѣ, безъ всякаго изслѣдованія, чувственныя движенія, но и въ объясненіи чувствъ, имѣющихъ болѣе идеальный, психическій характеръ, запутались и впали въ явное противурѣчіе съ фактами и съ собственными выводами.

Чтобъ выбраться изъ этой путаницы, необходимо отбросить предвзятыя дуалистическія воззрѣнія на человѣческую природу и зорче взглянуть въ факты, подлежащіе изслѣдованію.

Общее сознаніе раздѣляетъ чувства на двѣ группы: происхождение однихъ оно приписываетъ тѣлу, другихъ — душѣ. Первые называются чувственными движеніями или стремленіями, вторыя — чувствами въ тѣсномъ смыслѣ слова. Ощущенія холода, голода, физической боли (наприм. при ушибѣ, ожогѣ и т. п.), усталости и т. д., относятся къ первой категоріи; негодованіе, скорбь, радость, состраданіе, любовь — ко второй. Но не одни опредѣленныя, единичныя ощущенія подводятся общимъ сознаніемъ подъ эти два разряда: общее состояніе, настроеніе или расположеніе, когда мы его чувствуемъ, точно также приписываются общимъ сознаніемъ тѣлу или душѣ. Мы чувствуемъ себя вообще, физически, хорошо, или худо; точно также, мы чувствуемъ извѣстное психическое или нравственное состояніе или настроеніе, которое предрасполагаетъ насъ къ такимъ или другимъ мыслямъ, чувствамъ, поступкамъ, или къ бездѣйствію и т. п. Общее сознаніе вѣрно указываетъ на ближайшій, непосредственный источникъ чувства или ощущенія; но нельзя, основываясь на такихъ указаніяхъ, дѣлать заключенія о болѣе отдаленныхъ причинахъ, производящихъ тѣ или другія ощущенія. Есть много чувствъ, которыя мы, судя по ближайшимъ ихъ поводамъ, признаемъ за чисто психическія и которыя имѣютъ однако подкладкою матеріальныя инстинкты, прошедшіе чрезъ душу и преобразившіея вслѣдствіе психической переработки; идеальная любовь, чувства семейныя, любовь къ родинѣ, къ ближнему и многія другія, самыя возвышенныя чувства, имѣютъ такое происхождение; вотъ что и подало поводъ матеріалистамъ, отбросивъ психическую переработку, признать чувственность за единственный источникъ чувства вообще. Мы видѣли также, — и наблюденія подтверждаютъ этотъ выводъ безчисленными данными, — что чисто физическія причины производятъ извѣстныя психическія состоянія и расположенія, которыя, въ свою оче-

редь, дѣлають подборъ извѣстнаго рода мыслей и представлений. Медикамъ хорошо извѣстно, что чрезмѣрно веселое или грустное, раздражительное, капризное, возбужденное, или напротивъ, разслабленное, кислое, драблое душевныя состоянія, которыя большинство людей готово приписать психическимъ причинамъ, очень часто бываетъ слѣдствіемъ причинъ чисто физическихъ, уступающихъ дѣйствию леченія. Но точно также чувственныя ощущенія далеко не всегда бываютъ слѣдствіемъ однихъ матеріальныхъ причинъ и вліяній, очень часто они возбуждаются представленіями, которыя мы сами, произвольно, вызываемъ въ своей душѣ, независимо отъ всякаго матеріальнаго побужденія; такъ, аппетитъ, жажда вызывается въ насъ не только естественными потребностями, но и представленіями о вкусныхъ блюдахъ и питьяхъ. Утонченныя чувственныя наслажденія, извращеніе природныхъ инстинктовъ, имѣють источникомъ не самыя инстинкты и побужденія, а представленія; потому-то между животными и не бываетъ ни Лукулловъ, ни Де-Садовъ. Наконецъ, чувство физическаго разстройства и нездоровья далеко не всегда, непременно, есть слѣдствіе физическихъ причинъ; часто оно происходитъ отъ потрясеній, имѣющихъ единственнымъ источникомъ психическія, нравственныя причины.

Приведенныя наблюденія показываютъ, что нельзя, основываясь на ближайшемъ поводѣ, возбуждающемъ въ насъ то или другое чувство, производить его изъ того или другого источника. Но насъ здѣсь интересуетъ не критическое разсмотрѣніе происхожденія каждаго чувства въ отдѣльности, а источники чувствъ вообще, и въ этомъ отношеніи свидѣтельство общаго сознанія, приписывающаго ихъ происхожденіе и матеріальному и психическому элементамъ, оказывается вполне правильнымъ, хотя его указанія первоначальныхъ источниковъ того или другого чувства часто бываютъ ошибочны.

Приведенныя наблюденія и соображенія даютъ возможность пристальнѣе взглянуть въ загадочную природу чувства. Изъ нихъ оказывается, что оно не есть самостоятельное психическое явленіе, не возникаетъ въ душѣ отдѣльно, само по себѣ, а лишь сопровождаетъ дѣвствіе и вліяніе на душу или матеріальныхъ предметовъ и явленій, или представлений и мыслей; поэтому, чувство, взятое отдѣльно отъ тѣхъ матеріальныхъ или психическихъ фактовъ, которымъ оно сопутствуетъ, есть отвлеченность, и въ этомъ видѣ, въ дѣйствительности, не существуетъ. Чувства указываютъ только на свойство, способность души чувствовать, — способность, которая однако не производитъ самостоятельныхъ психическихъ явленій, и всегда, по-

стоянно обусловливается предметомъ или явленіемъ, которое дѣйствуетъ на душу, и состояніемъ души, принимающей это дѣйствіе. Одинъ и тотъ же фактъ, въ одномъ человѣкѣ возбуждаетъ радость, въ другомъ сочувствіе, въ третьемъ досаду, въ четвертомъ зависть, въ пятомъ надежду, въ шестомъ разочарованіе и т. д. При малѣйшемъ измѣненіи характера или свойствъ предмета, который производитъ чувство, оно существенно измѣняется. Возьмемъ, напримѣръ, чувство надежды: и крестьянинъ надѣется, что брошенное имъ въ землю зерно дастъ плодъ; и воспитатель надѣется, что изъ его такого-то питомца выйдетъ знающій и хорошій человѣкъ; и владѣлецъ лотерейнаго билета надѣется, что онъ выиграетъ порядочную сумму; и воръ надѣется, что задуманная имъ кража удется. Всѣ эти люди надѣются; однако чувства ихъ, которыя мы называемъ однимъ именемъ, совершенно различны, какъ различны представленія и мысли, которыя ихъ возбуждаютъ. Вотъ почему чувства такъ безконечно разнообразны: малѣйшій отгѣнокъ въ душевномъ или физическомъ расположеніи, малѣйшее измѣненіе въ предметѣ или явленіи, производящемъ чувство,—и мы уже ощущаемъ или чувствуемъ иначе.

Тѣснѣйшая зависимость чувствъ отъ психическихъ свойствъ и минутнаго расположенія или настроенія лица объясняетъ интимный, личный, индивидуальный характеръ чувства. Въ немъ выражается непосредственное отношеніе души къ внѣшнимъ предметамъ и явленіямъ, или къ мыслямъ и представленіямъ. Такое отношеніе можетъ быть болѣе или менѣе чувственное, или болѣе или менѣе идеальное, смотря потому, что возбуждаетъ чувство и въ комъ оно возбуждается. Такое вполне личное, индивидуальное значеніе чувства сближаетъ его съ матеріальнымъ міромъ, на что есть еще, кромѣ того, и другія указанія. Связь между чувственностью и собственно такъ-называемымъ чувствомъ такая тѣсная, что между ними нельзя провести точной границы и даже не всегда удается строго различить ихъ другъ отъ друга. Чувства, не исключая самыхъ идеальныхъ, ближе дѣйствуютъ на наши физическія состоянія и расположенія, чѣмъ процессы мышленія, и наоборотъ: на чувствахъ прямо, непосредственно отражается состояніе здоровья и свѣжесть или дряхлость физическаго организма.

Будучи, по своей природѣ, близки къ матеріальному міру, чувства, хорошія и дурныя, получаютъ, чрезъ психическую переработку внѣшнихъ впечатлѣній, представленій, мыслей болѣе и болѣе идеальный характеръ, одухотворяются. Высокія доблести и старческій развратъ, утонченность чувствъ и чувственности заклю-

чаются въ утонченности представленій и мыслей, съ которой рука объ руку идетъ ослабленіе способности чувствовать, силы чувства. Психическіе мотивы, представленія и мысли, рано или поздно, начинаютъ преобладать въ чувствахъ надъ внѣшними впечатлѣніями; а чрезъ представленія и мысли, чувство становится въ зависимость отъ воли. Цивилизованный человѣкъ отличается отъ нецивилизованнаго не добродѣтелью и нравственными совершенствами, а только тѣмъ, что онъ менѣе подчиняется непосредственному дѣйствию внѣшнихъ впечатлѣній, болѣе умѣетъ его сдерживать и, смотря по обстоятельствамъ и дѣламъ, давать или не давать ему хода. Само собою разумѣется, что о полномъ, исключительномъ господствѣ чувствъ, вызываемыхъ внѣшними впечатлѣніями, или о полномъ, совершенномъ ихъ подавленіи и упраздненіи не можетъ быть рѣчи; какъ подчиненіе тѣла душѣ, такъ и души тѣлу, имѣетъ свои предѣлы, и борьба между матеріальными и психическими элементами приводитъ только къ извѣстной степени преобладанія однихъ надъ другими, никогда къ полному торжеству тѣхъ или другихъ, ибо съ совершеннымъ преращеніемъ борьбы прекращается и сама жизнь.

Но если чувство не есть самостоятельное психическое явленіе, если въ немъ выражается только индивидуальное, интимное непосредственное отношеніе души къ внѣшнему міру и мыслямъ или представленіямъ, то оно и не можетъ быть, какъ думаютъ нѣкоторые, зародышемъ представленій и мыслей, обнимать истину непосредственно, и притомъ полнѣе и лучше, чѣмъ знаніе, а тѣмъ менѣе можетъ оно быть враждебно мысли. Эти и подобныя имъ мистическія и романтическія противоположенія чувства и мысли обязаны своимъ происхожденіемъ неточнымъ наблюденіямъ и ошибкамъ въ анализѣ психическихъ явленій. Невыработанныя, неустановившіяся представленія, неполнѣе еще развившіяся, неопредѣленныя мысли тоже сопровождаются чувствами; такъ какъ такія представленія и мысли не ясно сознаются, то ихъ и не различаютъ отъ сопровождающихъ ихъ чувствъ и приписываютъ послѣднимъ то, что собственно относятся къ первымъ. Мы говоримъ объ идеальныхъ, прекрасныхъ и дурныхъ, нравственныхъ и безнравственныхъ, возвышенныхъ и низкихъ и т. п. чувствахъ; но само по себѣ чувство не хорошо и не дурно, не тонко и не грубо, не нравственно и не безнравственно, не возвышенно и не низко; такимъ оно является только смотря по представленію или мысли, которыя сопровождается. Ясную, выработавшуюся, во всѣхъ подробностяхъ опредѣленную мысль или представленіе еще легко различить отъ

чувства; но мысль или представленіе зарождающіяся, невыяснившіяся, блуждающія, легко сливаются въ нашемъ понятіи съ чувствомъ, которое они вызываютъ,—тѣмъ легче, что пути ихъ не вполне намъ видны и они колеблются между нѣсколькими направленіями. Эта-то трудность различить невыясненную мысль, неопредѣленное представленіе отъ возбуждаемаго ими чувства и подала поводъ приписывать послѣднему вѣщій характеръ, видѣть въ немъ зародышъ мыслей и представленій, предполагать, что чувство имѣетъ, подобно имъ, свои фазисы развитія, свою логику. Все это, на самомъ дѣлѣ, принадлежности мысли или представленія, но приписывается чувству, потому что оно отъ нихъ не различается. Чувство, по природѣ своей, просто, несложно; его въ самомъ дѣлѣ нельзя выговорить словами, такъ оно индивидуально, лично; сложнымъ оно намъ кажется, когда на душу дѣйствуютъ вмѣстѣ, одновременно, нѣсколько представленій или мыслей, или когда представленіе, мысль, не вполне выработались и вслѣдствіе того колеблются между нѣсколькими или многими представленіями или мыслями; любовь, напримеръ, имѣетъ безчисленные оттѣнки, которые объясняются примѣсью множества представленій или мыслей, какъ, напримеръ, страха лишиться любимаго лица, или его привязанности, уваженія къ его достоинствамъ, предвидѣнія опасностей, горя, лишеній, которыя ожидаютъ его впереди и т. п. Вслушиваясь и вдумываясь въ инныя музыкальныя произведенія, намъ не разъ приходило на мысль, что они производятъ глубокое впечатлѣніе именно потому, что въ нихъ подмѣчены и переданы, съ удивительною полнотою, самыя тонкіе, едва уловимые мотивы сложныхъ чувствъ. Мы часто говоримъ: неясное, смутное чувство, но это выраженіе неточно; на самомъ дѣлѣ есть только неясная, смутная мысль, или представленіе, которыя нами смѣшиваются съ сопровождающимъ ихъ чувствомъ.

Сказаннымъ опредѣляется отношеніе чувства къ представленію и мысли. Послѣднія выражаютъ не личныя, индивидуальныя, интимныя, а напротивъ объективныя отношенія между предметами и явленіями, и потому имѣютъ всеобщій характеръ, подлежатъ повѣркѣ и критикѣ по объективнымъ признакамъ. Представленіе и мысль,—это сама дѣйствительность, переработанная въ психической средѣ въ свойственныя и доступныя ей формы. Наука и знаніе потому только не бредъ, не призракъ, что представленія и мысли, какъ психическіе факты, воспроизводящіе дѣйствительность въ психической формѣ, способны быть выработаны до возможно полнаго, совершеннаго

ей соответствія; ихъ развитіе и совершенствованіе именно и состоитъ въ освобожденіи и очищеніи отъ всего того, что мѣшаетъ такому полному соответствію. Это значеніе представленій и мыслей лежитъ въ самой ихъ природѣ; они, по существу своему, не могутъ быть и не бывають непосредственны какъ чувство; самая, повидимому, простая мысль или представленіе есть, какъ мы увидимъ ниже, результатъ сложной психической операціи—разложенія предмета или явленія на признаки, сравненія его съ другими предметами, его признаковъ между собою и съ признаками другихъ предметовъ. Нѣтъ ни одного представленія, ни одной мысли, которая не была бы плодомъ таковой операціи; но именно въ этомъ и заключается психическое значеніе представленій и мыслей; они, строго говоря, выводы, опредѣленія, результаты различенія и сравненія. Чтобъ составить, напримѣръ, понятіе о бѣломъ домѣ, надобно выдѣлить сперва каждое изъ этихъ представленій особо изъ безчисленнаго множества другихъ, сходныхъ и несходныхъ, а это возможно только чрезъ разложеніе всѣхъ ихъ на признаки и чрезъ сличеніе признаковъ между собою. Такая операція предполагаетъ сближеніе, сопоставленіе разъединенныхъ въ дѣйствительности впечатлѣній и опредѣленіе ихъ взаимныхъ отношеній. Вотъ почему всякое представленіе, всякая мысль, даже отдѣльно взятая, неизмѣющія повидимому ничего общаго съ другими, на самомъ дѣлѣ есть не что иное, какъ опредѣленіе взаимныхъ отношеній множества различныхъ впечатлѣній. Конечно, мы можемъ понимать эти отношенія неправильно, не такъ, каковы они въ дѣйствительности; но новторенныя наблюденія и болѣе и болѣе точные опыты устраниаютъ эти ошибки и придаютъ представленіямъ и мыслямъ характеръ несомнѣнной объективности и достовѣрности, т.-е. доводятъ ихъ до возможно совершеннаго соответствія дѣйствительности. Поэтому, когда человѣкъ думаетъ или представляетъ себѣ что-нибудь не такъ какъ слѣдуетъ, мы относимъ это къ его неумѣнью, незнанію, неспособности, вообще къ личнымъ или случайнымъ причинамъ, такъ какъ въ существѣ, въ природѣ представленій и мыслей нѣтъ ничего, что бы мѣшало имъ соответствовать дѣйствительнымъ фактамъ; напротивъ, ихъ развитіе неизбѣжно, неудержимо вынуждаетъ ихъ стать въ соответствіе съ дѣйствительностью, получить значеніе объективной истины.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что чувствованіе и мышленіе существенно различны между собою. Первое есть свойство души извѣстнымъ образомъ отзываться на внѣшнія впечатлѣнія, мысли и представленія; второе—психическій процессъ, переработываю-

щій психическіе факты въ новыя формы. Чувство по природѣ своей субъективно, представленіе или мысль — объективны; то, что называютъ субъективными мыслями, взглядами, мнѣніями, на самомъ дѣлѣ, не болѣе какъ мысли и представленія ошибочныя, не выработавшіяся до соотвѣтствія съ дѣйствительностью. Чувство, вслѣдствіе того, кажется чѣмъ-то близкимъ, задушевнымъ, внутреннимъ, приснымъ лицу, индивидуальному существованію, а мысль и представленіе, въ сравненіи съ чувствомъ, напротивъ, — чѣмъ-то чуждымъ, внѣшнимъ, далекимъ, холоднымъ. Въ мысли и представленіи въ самомъ дѣлѣ есть что-то ровное, безпощадное, какъ механическій законъ, какъ математическая формула, потому что они выражаютъ отношенія между дѣйствительными фактами, которые имѣютъ свой законъ, свою неумолимую логику. Въ требованіи, чтобъ чувство подчинялось разсудку, выражается задача согласить интимную, непосредственную жизнь души съ обружающею ее дѣйствительностью, или, выражаясь точнѣе, выработать субъективныя мысли и представленія до возможной объективности. О противоположности, враждѣ чувства съ мыслью и представленіемъ, послѣ всего сказаннаго, не можетъ быть и рѣчи. Такой взглядъ очень неточно выражаетъ одно изъ двухъ: или что одно психическое отправление смѣняетъ другое, или что мышленіе перерабатываетъ представленія и мысли и чрезъ это измѣняетъ самыя чувства. Первое изъ этихъ объясненій вытекаетъ изъ общаго психическаго закона, по которому мы не можемъ, въ одно и то же время, и чувствовать и размышлять о нашемъ чувствѣ; какъ только процессъ мышленія начнетъ совершать свои операціи надъ чувствомъ, сравнивать его съ другими, подмѣчать признаки, разлагать, анализировать, — чувство перестаетъ быть чувствомъ и обращается въ представленіе. Второе изъ приведенныхъ выше объясненій основано на самомъ свойствѣ чувствъ, которыя, какъ мы видѣли, не представляютъ самостоятельнаго психическаго явленія. Желая измѣнить чувство, мы не дѣйствуемъ прямо на него, потому что это невозможно, а всегда на представленія и мысли, которыя оно сопровождаетъ. Ипохондрикамъ, людямъ, которыхъ постигло большое горе, врачи рекомендуютъ развлеченіе, т.-е. смѣну обычныхъ мыслей и представленій другими, ослабленіе дѣйствія первыхъ новыми впечатлѣніями. Воспитаніе, образованіе, вообще развитіе, играютъ такую же роль: они, между прочимъ, разлагаютъ извѣстныя ассоціаціи мыслей и представленій (идеосинкразіи) и замѣняютъ ихъ исподоволь другими, производя тѣмъ соотвѣтствующія измѣненія и въ чувствахъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ представленія, мысли

могут господствовать надъ чувствами, до известной степени направлять ихъ.

Таковы заключенія, въ которыхъ приводитъ внимательное разсмотрѣнiе чувствъ — одного изъ самыхъ темныхъ и запутанныхъ предметовъ психологiи. Если изложенный взглядъ вѣренъ, то чувства не могутъ составлять особой группы психическихъ явленiй и слѣдовательно не подлежатъ классификаціи. Они, по удачному выраженiю г. Ушинскаго, лишь цвѣта и краски внѣшнихъ впечатлѣнiй, понятiй и представленiй. Только недоразумѣнiя заставили психологовъ смотрѣть на чувства, какъ на самостоятельныя психическія явленiя, выдѣлять ихъ въ особый разрядъ и ставить чувствованiе на ряду съ мышленiемъ и дѣятельностью (волею). Какъ произошли такія недоразумѣнiя — объяснить не трудно. Мышленiе, разлагая все, отдѣлило и чувства отъ внѣшнихъ впечатлѣнiй, представленiй и мыслей, съ которыми оно неразрывно связано, подобно тому, какъ то же мышленiе отдѣлило форму, величину, число, цвѣтъ, движенiе, разныя свойства и т. п. отъ внѣшнихъ предметовъ, которыхъ они составляютъ, въ дѣйствительности, неотдѣлимую принадлежность. Затѣмъ, съ чувствами, разобщенными отъ внѣшнихъ впечатлѣнiй, представленiй и мыслей, начались обычныя операціи ума: они обратились въ самостоятельныя представленiя, разложены на признаки, по признакамъ сгруппированы въ общія понятiя и т. д. Такимъ образомъ, въ душѣ сложился цѣлый особый классъ представленiй и общихъ понятiй о чувствахъ, — повидимому, точно такой же, какъ и всѣ другіе, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этотъ разрядъ психическихъ явленiй рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ своимъ личнымъ, индивидуальнымъ характеромъ. Въ основѣ общихъ понятiй, образовавшихся изъ свойствъ, качествъ, принадлежностей матеріальныхъ или психическихъ предметовъ, всегда лежитъ самостоятельный фактъ, почему они и имѣютъ объективный характеръ; чувства же, какъ мы видѣли, вполне зависятъ и отъ внѣшнихъ впечатлѣнiй, представленiй и мыслей, съ которыми связаны, и отъ лица, которое чувствуетъ или ощущаетъ. Вслѣдствіе того, понятiе или представленiе о чувствѣ не имѣетъ опредѣленнаго содержанiя, есть чистая отвлеченность. Возьмемъ, напримѣръ, понятiе о счастьи и попробуемъ опредѣлить его; кромѣ общихъ мѣстъ, лишенныхъ всякаго значенiя, объ немъ нельзя сказать ничего; счастье есть чувство, столько же различное, сколько есть людей на свѣтѣ и столько же разнообразное, какъ впечатлѣнiя, представленiя и мысли, которыя живутъ въ человѣческой душѣ. Этимъ объясняется, почему теорiи «эвдемонизма», бывшія когда-то въ боль-

помъ ходу, исчезли, оказавшись совершенно безсодержательными и голословными. Эвдемонизмъ предполагаетъ, что у людей есть одинъ идеаль благополучія, а это возможно только въ первобытныхъ, мало развитыхъ и притомъ небольшихъ человѣческихъ обществахъ, да и то при крѣпкихъ нравахъ, сильномъ господствѣ обычая, составляющаго для всѣхъ членовъ общества предметъ непоколебимаго вѣрованія. Только такой идеаль счастья можетъ имѣть очень опредѣленную, положительную форму. Когда всякій разумѣетъ подъ счастьемъ одно и то же, нѣчто весьма простое, опредѣленное и практически достижимое, эвдемоническая теорія имѣетъ свой смыслъ, который хотя не выраженъ, но подразумѣвается. Но при сильно развитомъ индивидуализмѣ, въ обществѣ, гдѣ формы общегитія едва сдерживаютъ безконечно разнообразныя идеалы личнаго счастья, эвдемонизмъ, какъ теорія, есть бессмыслица, — понятіе субъективное, подъ которое подходитъ все что угодно. То же должно сказать и о всякомъ другомъ представленіи, въ основаніи котораго лежитъ чувство; оно только съ виду имѣетъ объективный характеръ, а на самомъ дѣлѣ за нимъ скрывается личное, субъективное содержаніе, также безконечно разнообразное, какъ сами люди.

Но если, по изложеннымъ причинамъ, чувство, отдѣльно взятое, не имѣетъ объективнаго содержанія и въ этомъ отношеніи есть скорѣе предметъ историческаго, чѣмъ теоретическаго изслѣдованія, то способность ощущать или чувствовать имѣетъ для изученія психической жизни огромное значеніе и объясняетъ многія загадочныя ея явленія. Эта способность есть первое и общее основаніе и условіе жизни души, и въ тоже время посредствующее звено между матеріальнымъ и психическимъ міромъ. Способностью чувствовать душа прикасается къ внѣшней природѣ, примыкаетъ къ ней непосредственно; вслѣдствіе того, способность эта и носить на себѣ печать матеріальнаго міра, находится подъ его ближайшимъ и сильнымъ вліяніемъ. Изъ того, что мы видѣли выше, открывается, что всѣ внѣшнія впечатлѣнія сперва чувствуются, а уже потомъ вырабатываются въ душѣ въ ясныя, опредѣленныя представленія. Чувства, возбуждаемыя въ душѣ впечатлѣніями, остаются въ тѣсной связи съ представленіями, которыя ими производятся, видоизмѣняясь вмѣстѣ съ этими представленіями по мѣрѣ ихъ переработки въ новыя формы. Оттого, различныя расположенія и настроенія и вызываютъ въ душѣ тѣ или другія представленія и мысли, дѣлаютъ имъ подборъ; оттого же, наоборотъ, извѣстныя представленія и мысли возбуждаютъ именно такія-то чувства; наконецъ, этимъ же объясняется и актъ узнаванія, основанный на томъ, что получаемыя

впечатлѣнія вызываютъ изъ глубины души соотвѣтствующія имъ представленія и мысли, съ которыми и сравниваются. Всѣ эти явленія одинаково предполагаютъ постоянную связь между чувствами и представленіями или мыслями, — связь, которая продолжается даже послѣ переработки послѣднихъ въ новыя формы. Идеализація, одухотвореніе чувства и состоитъ въ тѣхъ видоизмѣненіяхъ, которымъ оно подвергается съ переработкою представлений и мыслей.

При такомъ взглядѣ, общій ходъ развитія психической жизни дѣлается довольно яснымъ. Впечатлѣнія одновременно возбуждаютъ въ душѣ и извѣстныя ощущенія и сознание этихъ ощущеній — представленія: вотъ минута перваго пробужденія психической жизни. Ощущенія или чувства и представленія, въ эту первую минуту, едва различаются между собою. Затѣмъ, изъ первыхъ простѣйшихъ представлений уже вырабатываются, особымъ процессомъ, болѣе и болѣе сложныя представленія и мысли, — міръ психическихъ явленій, воспроизводящихъ въ душѣ дѣйствительность въ психической формѣ. Такимъ образомъ, въ первыхъ, простѣйшихъ представленіяхъ лежитъ начало самостоятельной психической жизни. При дальнѣйшей переработкѣ представлений и мыслей въ новыя и новыя формы, сопровождающія ихъ чувства соотвѣтственно видоизмѣняются и съ тѣмъ вмѣстѣ становятся постепенно все въ болшую и болшую зависимость отъ хода мыслей и представлений. Способность чувствовать, съ развитіемъ психической самостоятельности, отодвигается уже на второй планъ и уступаетъ первое мѣсто представленіямъ и мыслямъ. Это наблюденіе конечно и подало поводъ утверждать, что чувство есть переходная ступень въ развитіи психической жизни, что оно должно поблекнуть и исчезнуть при торжествѣ мысли и разума; но чувствъ нельзя истребить уже потому, что чувствительность есть почва, на которой совершается психическая жизнь; это ея необходимый элементъ, ея общее условіе, отъ котораго человекъ, еслибъ и хотѣлъ, никакъ не можетъ освободиться. Весь вопросъ только въ томъ, совершается ли выработка представлений и мыслей послѣдовательно и правильно, или внезапными, быстрыми переворотами и скачками; въ послѣднемъ случаѣ чувствительность, какъ и всякая другая способность, матеріальная и психическая, при не-экономическомъ, безпутномъ расходованіи, растрачивается попусту и ослабляется. Точно также нормальное состояніе тѣла и физическое здоровье, дѣйствуя непосредственно на способность чувствовать, и чрезъ нее на психическую жизнь вообще, составляютъ необходимое условіе ея нормальныхъ отправленій. Итакъ, мысли

и представленія не упраздняютъ чувствъ, но выработавшись до опредѣленности и ясности, они только выдвигаются на первый планъ, а чувствительность занимаетъ, въ ряду психическихъ явленій, второстепенное мѣсто. Взглядъ на чувство какъ на переходный, несущественный моментъ, перенесеніе всей силы и всего значенія психической жизни въ одинъ разумъ могли возникнуть только въ эпоху глубокихъ потрясеній, когда цѣлый міръ представленій и взглядовъ, въ которыхъ человекъ обжилъ столѣтіями, подвергся критикѣ и ломкѣ, и приходилось замѣнить его другимъ. Чувство даетъ мысли реальный характеръ и чрезвычайную устойчивость, прочность, силу; вслѣдствіе этого, при борьбѣ съ извѣстнымъ міросозерцаніемъ, пустившимъ корни, отрицательный взглядъ на чувство, какъ на главнѣйшее препятствіе къ водворенію новыхъ воззрѣній, какъ на сильнѣйшую опору низвергнутыхъ и отброшенныхъ представленій и понятій, было явленіемъ совершенно естественнымъ, при всей ошибочности отрицанія одного изъ основныхъ элементовъ психической жизни.

Замѣтимъ въ заключеніе, что правильный взглядъ на чувства и на ихъ значеніе посреди другихъ психическихъ явленій, объясняется, до нѣкоторой степени, послѣдовательную смѣну психическихъ возрастовъ, которая, съ неизмѣнною правильностью, повторяется въ развитіи людей. Первые шаги, по пробужденіи психической жизни, всегда запечатлѣны матеріальнымъ характеромъ, потому что способность чувствовать, какъ мы видѣли, будучи принадлежностью души, непосредственно граничитъ съ матеріальнымъ міромъ и проникнута его вліяніями. До выработки ясныхъ, опредѣленныхъ представленій и понятій, человекъ все еще находится подъ господствомъ внѣшнихъ возбужденій, да и долго послѣ того чувствительность преобладаетъ; рѣшенія, размышленія и дѣйствія въ значительной степени зависятъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній и случайныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Первые представленія и мысли дышатъ еще непосредственностью чувства, изъ котораго не успѣли вполне выработаться, принимаются живо, быстро переходятъ въ желанія и страсти, которыми человекъ, въ извѣстномъ возрастѣ, не умѣетъ противостоять, съ которыми справляется лишь съ большимъ трудомъ, да и то далеко не всегда. Но мало-по-малу все это измѣняется. Чувствительность, а съ нею сила внѣшнихъ впечатлѣній и вліяній, современемъ ослабѣваютъ; мысли и представленія одерживаютъ верхъ надъ непосредственнымъ господствомъ желаній и страстей, хорошихъ и дурныхъ. Центръ тяжести постепенно переносится все далѣе и далѣе отъ внѣшняго міра въ глубь

человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается психическая самостоятельность и самодѣтельность. Такое измѣненіе указываетъ на существованіе въ человѣкѣ, кромѣ физическаго организма, еще и психическаго центра, который находится съ матеріальнымъ въ непосредственной, тѣснѣйшей связи и служитъ источникомъ того дѣйствія на матеріальный міръ, того дѣятельнаго къ нему отношенія, которое приписывается общимъ сознаниемъ душъ. Чѣмъ болѣе чувствительность слабѣетъ, чѣмъ замѣтнѣе и сильнѣе становится дѣятельность психическаго центра, тѣмъ болѣе непосредственное вліяніе внѣшнихъ впечатлѣній замѣняется вліяніемъ представленій и мыслей. Этими признаками безошибочно измѣряется степень возрастанія психической самопроизвольности и самодѣтельности.

V.

Душа есть самостоятельный и самодѣтельный организмъ. — Доказательства органической жизни души. — Ошибочный взглядъ идеалистовъ и реалистовъ на психическую жизнь. — Свойства и строеніе психическаго организма. — Имъ объясняется существованіе идеальнаго міра, идей, неизмѣющихся первообраза въ матеріальной природѣ, психическое творчество, прогрессъ, произвольная и свободная дѣятельность. — Объясненіе разныхъ загадочныхъ психическихъ явлений свойствами и строеніемъ души. — Отчего зависитъ различіе между психическою жизнью человѣка и животныхъ? — Заслуги Локка, Канта и нѣмецкой философіи.

Анализъ явленій, въ которыхъ матеріальный и психическій элементы непосредственно прикасаются, подтверждаетъ, какъ мы видѣли, нѣкоторые изъ сдѣланныхъ выше выводовъ, оправдываетъ нѣкоторыя новыя соображенія, но не разрѣшаетъ главнаго вопроса: что же такое психическая жизнь, въ чемъ она состоитъ? Разсмотрѣнные нами факты не болѣе какъ послѣдствія взаимнаго другъ на друга дѣйствія двухъ элементовъ, матеріальнаго и психическаго, и потому показываютъ взаимныя отношенія души и тѣла, ихъ связь, ихъ различіе; но что такое каждый изъ этихъ центровъ самъ по себѣ, на это въ приведенныхъ фактахъ есть указанія, намеки, но нѣтъ положительнаго отвѣта; его мы должны искать въ изслѣдованіи самыхъ этихъ центровъ. Мы ограничимся здѣсь разсмотрѣніемъ только одного изъ нихъ, именно психическаго, который исключительно насъ занимаетъ.

Все сказанное выше убѣждаетъ, что невозможно остановиться на дуалистическихъ воззрѣніяхъ и признавать душу и тѣло за противоположности, исключаютія взаимно другъ друга.

Невозможно также, вмѣстѣ съ идеалистами и реалистами, отрицать дѣйствительное существованіе матеріальнаго или психическаго міра, потому что оба оказываются источниками различныхъ явленій; итакъ, необходимо предположить, что и тѣло и душа представляютъ своего рода самостоятельные и самодѣятельные организмы, непосредственно соединенные между собою тѣснѣйшимъ образомъ и взаимно обуславливающіе другъ друга.

Такой взглядъ есть прямой, естественный выводъ изъ всего предыдущаго. Мы видѣли, что психическая жизнь пропитана матеріальными вліяніями, что множество психическихъ явленій совершаются подъ условіями внѣшней природы, что вся психическая жизнь возникаетъ, развивается и обнаруживаетъ свою дѣятельность, если можно такъ выразиться, на матеріальной подкладкѣ. Если смотрѣть на жизнь души только съ этой стороны, то она дѣйствительно составляетъ какъ бы продолженіе матеріальнаго міра, и нѣтъ никакой надобности, да и никакого повода искать въ чемъ-либо другомъ, кромѣ физическихъ условій и законовъ, объясненія психическихъ явленій. Но рядомъ съ тѣмъ, множество другихъ фактовъ доказываютъ, что душа есть источникъ своеобразныхъ явленій; она, правда, срослась съ матеріальной природой, обусловлена ею, но въ то же время отличается отъ нея, самостоятельна и самодѣятельна; не только тѣло имѣетъ вліяніе на душу, но и наоборотъ, душа на тѣло; не всѣ психическія явленія суть необходимый результатъ, роковое послѣдствіе матеріальныхъ условій: есть и такія, которыя указываютъ на самодѣятельность души; дѣйствія ея вызываются не одними внѣшними вліяніями, но и по собственному ея почину; наконецъ, внѣшнія обнаруженія психической жизни, если и не каждый разъ, то въ большинствѣ случаевъ, вносятъ въ матеріальный міръ перестановку, иное сочетаніе данныхъ и условій и въ этомъ смыслѣ нарушаютъ естественный, необходимый ходъ матеріальныхъ явленій, видоизмѣняютъ его. Кромѣ того, внѣшній міръ и психическая среда составляютъ, несмотря на безпрестанное ихъ взаимодѣйствіе, нѣчто строго различенное другъ отъ друга. Принявъ за точку отправленія матеріальные факты, нельзя найти непосредственнаго отъ нихъ перехода въ психическому міру и наоборотъ: отправляясь отъ психической среды, нельзя найти изъ нея непосредственнаго выхода въ матеріальную природу. Что между ними существуетъ тѣснѣйшая связь, очевидно изъ непосредственнаго соединенія души и тѣла и изъ ихъ таковаго же непосредственнаго другъ на друга дѣйствія и вліянія; это и заставляетъ предполагать, что они—не противоположности, соединенныя между собою непонятнымъ образомъ,

а напротивъ, вѣтви, вырастающія изъ одного и того же корня и расходящіяся все болѣе и болѣе, по мѣрѣ удаленія отъ общаго ихъ источника; но процессъ непосредственнаго дѣйствія и вліянія другъ на друга души и тѣла для насъ совершенно неуловимъ и не поддается никакому анализу; мы можемъ изучать только совершившійся фактъ такого ихъ взаимодѣйствія и его результаты, какъ они выражаются въ тѣлѣ и душѣ; фактъ же и результаты представляютъ, и здѣсь и тамъ, измѣненіе состояній, и только по нимъ мы заключаемъ о свойствѣ и степени взаимодѣйствія души и тѣла.

При такой раздѣльности и обособленности матеріальнаго и психическаго міра, одинъ изъ нихъ долженъ быть для насъ недоступенъ. Такъ и есть на самомъ дѣлѣ; только намъ недоступенъ не психической міръ, какъ обыкновенно думаютъ, а напротивъ реальный, внѣшняя природа, потому что мы ее знаемъ лишь по дѣйствіямъ и вліяніямъ ея на душу, — вліяніямъ, получаемымъ ею непосредственно или чрезъ внѣшнія чувства. Первымъ путемъ измѣняются душевныя состоянія и отправленія, вторымъ доставляются впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ и явленій. Только по впечатлѣніямъ и измѣненнымъ психическимъ состояніямъ мы заключаемъ о томъ, что внѣ насъ есть реальный міръ и судимъ о его свойствахъ и характеристическихъ отличіяхъ отъ психической среды; но такія заключенія и выводы и показываютъ, что душа имѣетъ, независимо отъ дѣйствій и вліяній на нее матеріальнаго міра, свою особую жизнь и дѣятельность, иначе мы не имѣли бы ни малѣйшаго понятія о различіи между матеріальной и психическою жизнью, не помышляли бы противупологать ихъ другъ другу; а какъ такое различіе и противуположеніе есть, и мы знаемъ, что оно существуетъ въ самой психической средѣ, т.-е. въ нашей душѣ, то изъ этого и слѣдуетъ, что жизнь ея, хотя обращена одною своею стороною къ матеріальному міру, однако не исчерпывается пассивнымъ принятіемъ его вліяній, но заключаетъ въ себѣ еще нѣчто такое, что отличаетъ ее отъ этихъ вліяній и заставляетъ отличать психическое отъ матеріальнаго.

Далѣе. Чрезъ внѣшнія чувства передаются душѣ впечатлѣнія матеріальныхъ предметовъ и явленій; но какъ эти впечатлѣнія, такъ и все что происходитъ въ душѣ мы видимъ непосредственно, внутреннимъ зрѣніемъ, психически. Итакъ, впечатлѣнія получаютъ нами двоякимъ образомъ: одни, внѣшнія, чрезъ посредство внѣшнихъ чувствъ, другія, психическія, непосредственно душою. Чрезъ посредство внѣшнихъ чувствъ, обращенныхъ къ матеріальной природѣ, мы ничего не можемъ знать

о томъ, что заключается или происходитъ въ психической средѣ, т.-е. въ нашей душѣ; внутреннему зрѣнію, напротивъ, недоступенъ внѣшній міръ, но открыты психическія явленія. Эти два пути, изъ которыхъ одинъ ведетъ къ внѣшней природѣ, другой въ психическую среду, подтверждаютъ взглядъ, что душа составляетъ нѣчто особое, отдѣльное отъ тѣла, несмотря на тѣснѣйшую, непосредственную ихъ связь и взаимное ихъ вліяніе другъ на друга.

Итакъ, душа представляетъ нѣчто особое, различное отъ матеріальнаго міра, хотя и обусловлена имъ и находится подъ его вліяніемъ; но дѣйствія и вліянія его она принимаетъ не пассивно, а перерабатываетъ, претворяетъ ихъ въ себѣ; она создаетъ въ себѣ изъ этого матеріала нѣчто новое, вовсе не похожее на то, что ею принято, и обнаруживаетъ, выражаетъ это новое въ неизвѣстныхъ матеріальному міру явленіяхъ, которыя видоизмѣняютъ внѣшніе предметы и явленія и ихъ естественный, необходимый ходъ. Всѣ эти признаки составляютъ характеристическія особенности органической жизни; вотъ почему мы должны признать душу за организмъ, но конечно особаго рода, рѣзко отличающійся отъ всѣхъ другихъ, извѣстныхъ намъ во внѣшней природѣ.

Такой взглядъ, выведенный, какъ мы думаемъ, со всевозможною осторожностью изъ положительныхъ, несомнѣнныхъ данныхъ, можетъ показаться многимъ не только спорнымъ и страннымъ, но просто бессмысленнымъ и нелѣпымъ. Одни заподозрятъ насъ въ мистицизмѣ, запишутъ пожалуй въ число духовидцевъ и спиритовъ; другіе сопрячислятъ къ крайнимъ матеріалистамъ и даже нигилистамъ. Ни то, ни другое нисколько насъ не удивитъ. Мы живемъ въ эпоху великихъ недоразумѣній, когда ожесточенная борьба воззрѣній прекратилась не миромъ, и даже не перемиріемъ, а совершеннымъ истощеніемъ силъ противниковъ, когда подъ кажущейся самоувѣренностью люди скрываютъ глубокое раздумье, подъ наружнымъ равнодушіемъ къ вопросамъ, которые еще недавно сильно занимали умы, горестную безнадежность рѣшить ихъ. Въ такія эпохи сила убѣжденія естественно замѣняется большою щекотливостью мнѣній. Ни одно изъ нихъ не считаетъ себя побѣжденнымъ, но каждое, не имѣя силъ защищаться аргументами, упрямо и капризно держится за всѣ свои тезисы, изъ опасенія, что малѣйшая уступка поведетъ къ торжеству противника.

Мысль, что душа есть особаго рода самодѣятельный организмъ, должна вызвать возраженія со стороны и идеалистовъ и реалистовъ, — этихъ послѣднихъ представителей средневѣкового

дуализма. Первымъ такой взглядъ покажется слишкомъ материальнымъ, потому что онъ сближаетъ душу съ внѣшней природою; имъ душа все еще представляется чѣмъ-то неопредѣленнымъ, неуловимымъ, неподлежащимъ никакимъ законамъ, чѣмъ-то состоящимъ въ какихъ-то, тоже очень неопредѣленныхъ отношеніяхъ къ тѣлу и остальной природѣ. Но если душа и психическая жизнь дѣйствительно таковы, то какъ могутъ они быть предметомъ научнаго изслѣдованія? Между тѣмъ, идеалисты, очень непослѣдовательно, строятъ о такихъ неопредѣленныхъ предметахъ цѣлыя теории, которымъ силатся присвоить научное значеніе. Съ другой стороны, реалисты, страстно и односторонне отрицающіе туманныя ученія идеализма, вѣроятно очень подозрительно взглянуть на признаніе души за самостоятельный, самодѣятельный источникъ явленій особаго рода; въ подобномъ воззрѣніи имъ, безъ сомнѣнія, будутъ мерещиться отжившіе тезисы идеализма. И тѣ и другіе, судя о взглядѣ по готовымъ шаблонамъ, и крѣпко держась за свои ученія въ виду противнѣва, одинаково недружелюбно встрѣтятъ всякую попытку развязать узелъ, завязанный давнымъ-давно, при совершенно иномъ состояніи наукъ и остающійся до сихъ поръ нераспутаннымъ, только благодаря безчисленнымъ старымъ и новымъ недоразумѣніямъ и предрасудкамъ. Однако когда-нибудь, рано или поздно, а придется его распутывать. Съ вопросомъ о психической жизни тѣсно связаны самыя близкіе, самыя дорогіе нравственные интересы человѣческаго рода. Идеалисты и реалисты, отворачиваясь отъ положительныхъ, несомнѣнныхъ фактовъ, неподходящихъ подъ ихъ воззрѣнія, обазываются равно несостоятельными вывести психологию на прямой путь; но и тѣ и другіе, съ различныхъ точекъ зрѣнія, предъявляютъ требованія, которыя вытекаютъ изъ самаго существа дѣла и не могутъ быть безнаказанно пренебрежены или отвергнуты. Вся задача состоитъ теперь въ томъ, чтобъ понять эти требованія и дать имъ мѣсто въ наукѣ. Мы это и стараемся сдѣлать, выставляя гипотезу, что душа есть живой организмъ. Такая гипотеза, какъ мы думаемъ, разрѣшаетъ всѣ споры и недоумѣнія; только она одна въ состояніи придать явленіямъ психической жизни значеніе положительныхъ данныхъ, доступныхъ научному изслѣдованію. Постараемся объяснить нашу мысль.

Прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе тотъ фактъ, что одни изъ явленій, въ которыхъ обнаруживается жизнь и дѣятельность человѣка, происходятъ вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній и возбужденій, механически, по законамъ матеріальной природы; другія, напротивъ, вызываются, повидимому, самостоятельною

дѣятельностью особаго рода, идущею изъ человѣка, независимо отъ внѣшнихъ возбужденій, и которая вноситъ въ его жизнь и отправленія новыя условія, видоизмѣняющія необходимый ходъ явленій. Общее сознание уже давно открыло эти два противоположные, другъ другу на встрѣчу идущіе тока, и всѣ явленія перваго порядка приписало тѣлу, втораго—душѣ; но когда отсюда возникли вопросы, чтó же такое душа и тѣло, въ какомъ отношеніи они находятся другъ къ другу и гдѣ раздѣляющая ихъ черта, — наука, послѣ долгихъ тщетныхъ попытокъ и блужданій, должна была, наконецъ, отказаться отъ разрѣшенія этихъ вопросовъ. Чѣмъ больше накоплялось данныхъ, чѣмъ разностороннѣе и глубже они изслѣдовались, тѣмъ больше и больше выяснялось, что границы между душою и тѣломъ провести невозможно, — такъ они тѣсно между собою связаны и взаимно проникаютъ другъ друга; что противопоставлять ихъ точно также невозможно, во-первыхъ, потому, что они непосредственно между собою соединены; во-вторыхъ, потому, что душа и тѣло, какъ они представляются общему сознанию, несоизмѣримы, не имѣютъ рѣшительно ничего между собою общаго; въ-третьихъ,—и это главное, — потому, что психическія явленія, насколько они сопривасаются съ внѣшнимъ міромъ и могутъ быть наблюдаемы въ связи съ матеріальными фактами, не чтó иное какъ своеобразныя видоизмѣненія этихъ фактовъ и никакого особаго, имъ собственно принадлежащаго содержанія не имѣютъ: психическія явленія, обнаруживающіяся въ матеріальныхъ фактахъ, отличаются отъ послѣднихъ только иною ихъ группировкой. Анализируя наши ощущенія, мысли, представленія, движенія воли, обращенныя къ матеріальному міру, мы находимъ, что они — то же самое чтó соотвѣтствующія имъ явленія матеріальнаго міра, только въ другихъ сочетаніяхъ, вслѣдствіе чего имѣютъ другой видъ и форму. Итакъ, съ точки зрѣнія внѣшняго міра, душа есть не что иное, какъ центръ, изъ котораго идутъ процессы, претворяющіе матеріальные факты, преобразующіе ихъ форму, или особаго рода аппаратъ, чрезъ который и посредствомъ котораго совершается это превращеніе. Процессъ такихъ превращеній, насколько мы можемъ его прослѣдить, происходитъ такимъ образомъ: сначала душа, подъ вліяніемъ впечатлѣній окружающаго міра, и ближайшимъ образомъ тѣла, воспроизводитъ въ себѣ представленія и мысли, соотвѣтствующія этимъ впечатлѣніямъ, разлагаетъ ихъ, приводитъ въ новыя сочетанія, и въ этомъ новомъ видѣ возвращаетъ во внѣшній міръ, создавая для него чрезъ это образцы новыхъ, небывалыхъ явленій; по этимъ образцамъ передѣлывается и перестраивается

потомъ окружающая человѣка среда и самое тѣло. Впрочемъ, чрезъ такое творчество ничего во внѣшней природѣ матеріально не прибавляется и ничего не убываетъ; законы ея остаются ненарушимо тѣ же самыя; образуются только новыя комбинаціи и формы, невозможныя безъ участія человѣка. Такое взаимодѣйствіе матеріальнаго міра и души представляетъ не болѣе какъ особый видъ органической жизни; какъ всякій организмъ принимаетъ въ себя пищу извнѣ, перерабатываетъ ее, обновляется ею и затѣмъ возвращаетъ ее изъ себя въ другихъ сочетаніяхъ, такъ точно и душа принимаетъ извнѣ впечатлѣнія, удерживаетъ ихъ въ себѣ, перерабатываетъ и преобразуетъ ими матеріальную среду, въ которой живетъ. Чтобъ быть такимъ преобразующимъ центромъ въ матеріальномъ мірѣ, душа необходимо должна находиться съ нимъ въ тѣснѣйшей, неразрывной связи, составлять его органическую часть, продолженіе, высшую ступень; иначе нельзя себѣ представить, какимъ образомъ душа и тѣло могли бы дѣйствовать другъ на друга. Вотъ причина, почему дуализмъ, развившійся постепенно и незамѣтно изъ первоначальнаго различенія души отъ тѣла въ рѣзкое противоположеніе ихъ другъ другу, былъ отброшенъ наукою и замѣненъ представленіемъ о единствѣ человѣческой природы. Это возрѣніе уже пустило глубокіе корни въ современномъ сознаниі, и теперь лежитъ въ основаніи всѣхъ научныхъ изслѣдованій и міросозерцаній. Если результаты его покуда такъ шатки и сомнительны, несмотря на богатство научно-разработаннаго матеріала и наблюденій, то причины должно искать единственно въ томъ, что дуализмъ, побѣжденный въ принципѣ, продолжаетъ до сихъ поръ крѣпко держаться въ головахъ, въ видѣ бессознательнаго предрасудка. Матеріалисты и реалисты, судя о психической жизни только по ея явленіямъ, обращеннымъ къ матеріальному міру, видятъ въ душѣ не болѣе какъ механизмъ, приданный тѣлу и принимающій извѣстное участіе въ его жизни, по законамъ физической природы. Взглядъ ихъ одностороненъ, неполонъ, но онъ выведенъ изъ самыхъ строгихъ и точныхъ изслѣдованій. Въмѣсто того, чтобъ его дополнить, спиритуалисты и идеалисты закрываютъ глаза передъ очевидными фактами и потому, въ спорѣ съ ними, побѣждены. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, не вводя въ заблужденіе себя и другихъ, отрицать, что психическія состоянія и самая психическая жизнь находятся подъ непрерывнымъ и сильнымъ вліяніемъ матеріальныхъ условій и фактовъ? Душа глубоко выросла своими корнями въ матеріальный міръ, вилетена въ него безчисленными нитями; почва ея и начальные ея мотивы вполне физическаго свойства; чув-

ство, по природѣ своей, пропитано матеріальными элементами, и оттого такъ сильно дѣйствуетъ на физическій организмъ; мало того: способность къ умственнымъ и нравственнымъ привычкамъ, въ которыхъ скрывается причина извѣстнаго склада ума, нравственныхъ наклонностей, нравственного характера, указываетъ на матеріальную основу души. Во всѣхъ названныхъ явленіяхъ, которыя мы привыкли считать за самыя идеальныя ея стороны, выражается лишь накопленіе психическихъ упражненій и опытовъ, ихъ капитализація, совершенно сходная съ накопленіемъ слѣдовъ физическихъ упражненій въ привычкахъ тѣла и его органовъ. Источникъ и законъ ихъ очевидно одинъ и тотъ же, и если душа способна по привычкѣ, непредназначенно дѣйствовать въ данныхъ случаяхъ извѣстнымъ, а не другимъ образомъ, то нельзя отрицать, что это ея свойство сближаетъ ее съ внѣшней природою, которая также произвольно, по привычкѣ, производитъ, при извѣстныхъ условіяхъ, одни и тѣ же извѣстныя явленія. Обратимся ли къ ходу развитія отдѣльнаго человѣка, или цѣлаго народа, или всего рода человѣческаго, — и здѣсь мы найдемъ подтвержденіе той истины, что психическая жизнь сплетена съ матеріальной неразрывными узами. Въ самомъ началѣ душа дремлетъ. Первые признаки психической жизни обнаруживаются медленно, и лишь мало-по-малу она высвобождается изъ-подъ подавляющихъ матеріальныхъ вліяній, которыя, чѣмъ дальше назадъ, ближе къ началу, тѣмъ царятъ повластительнѣе и нераздѣльнѣе. Много проходитъ времени, пока душа, возмужавъ и окрѣпнувъ, начинаетъ жить самостоятельною жизнью, становится самодѣятельною, центромъ и источникомъ своеобразныхъ явленій. Достигнувъ этой степени развитія, она обращается на внѣшній міръ, и перестановкою его естественныхъ условій производитъ въ немъ новыя, невиданныя дотолѣ сочетанія. Такая передѣлка окружающей среды возможна лишь потому, что выработавшись изъ-подъ матеріальнаго міра, ставъ выше его, душа остается запечатлѣнною матеріальнымъ характеромъ, по крайней мѣрѣ съ той стороны, которой она обращена къ природѣ и находится съ нею въ непосредственныхъ соприкосновеніяхъ. Отвергая эти несомнѣнные факты, изъ боязни компрометтировать психическое начало и его самостоятельность, спиритуалисты и идеалисты теряютъ почву подъ ногами и доставляютъ своимъ противникамъ легкую побѣду. Психическое начало не требуетъ вовсе, для своей защиты, отрицанія фактовъ, доказанныхъ наукою.

Вотъ въ чемъ, по нашему мнѣнію, заключается слабая сторона идеализма, которая и должна быть отброшена наукою.

Коренные недостатки реалистических воззрѣній совсѣмъ другого рода. Реалисты теряютъ изъ виду, что психическая жизнь и дѣятельность не исчерпываются одними отношеніями души къ матеріальному міру. За тою ея стороною, которая обращена къ внѣшней природѣ, существуетъ другая, недоступная внѣшнимъ наблюденіямъ и опытамъ, неимѣющая прямого отношенія къ матеріальнымъ фактамъ. Эта сторона не можетъ быть предметомъ изслѣдованій по матеріальнымъ даннымъ и открывается только психическому зрѣнію, котораго тоже нельзя объяснить никакими матеріальными фактами. Мало того: вся преобразовательная, творческая дѣятельность человѣка во внѣшнемъ мірѣ представляется внѣшнимъ чувствамъ только въ своихъ результатахъ; психическіе процессы, подготавливающіе образцы новыхъ сочетаній условій и фактовъ въ матеріальной средѣ, скрыты отъ внѣшнихъ чувствъ; источникъ и механизмъ самопроизвольныхъ движеній точно также недоступенъ внѣшнимъ наблюденіямъ. Матеріалисты и реалисты отвергаютъ эту сторону психической жизни совершенно неправильно; они только не могутъ ее видѣть, какъ они не могутъ, изслѣдуя одни внѣшніе, матеріальные факты, подойти къ свободной волѣ и ея явленіямъ. Съ реальной точки зрѣнія, источники и главные двигатели психической жизни теряются въ неизвѣстной дали, куда внѣшнія чувства не проникаютъ, и реалисты конечно неправы, отвергая достовѣрность того, что недоступно внѣшнимъ чувствамъ, когда есть другой органъ, психическое зрѣніе, которымъ обусловлено самонаблюденіе и которому это недоступное открыто и видимо. Но какъ же отвѣчаетъ на это отрицаніе идеализмъ? Вмѣсто того, чтобъ поднять нить изслѣдованій тамъ, гдѣ она для реалистовъ обрывается, и пытаться другими путями проникнуть къ самымъ источникамъ психической жизни, недоступнымъ для реального знанія, идеалисты тщетно усиливаются отвоевать у естествознанія то, что ему принадлежитъ прочно и несомнѣнно; имъ бы слѣдовало знать, что отношеніями къ матеріальному міру дѣятельность души далеко не ограничивается; что за предѣлами міра, подлежащаго внѣшнимъ чувствамъ, психическому зрѣнію открывается цѣлый міръ другого порядка. Здѣсь душа точно также дѣйствуетъ на самую себя, какъ во внѣшнемъ мірѣ на матеріальную природу. Преобразуя внѣшнюю свою обстановку, человѣкъ передѣлываетъ и самого себя. Такимъ образомъ, въ душѣ заключается источникъ ея самостоятельности и самодѣятельности; она даетъ человѣку точку опоры, не только для борьбы съ окружающимъ, но и съ самимъ собой. Надъ видимымъ матеріальнымъ міромъ, въ душѣ человѣка создается

другой, невидимый, идеальный міръ,—міръ представленій и мыслей, которому человѣкъ подчиняетъ свое личное, индивидуальное существованіе, по требованіямъ и законамъ котораго онъ воспитывается, переработываетъ, передѣлываетъ свою интимную психическую жизнь. Во взаимныхъ отношеніяхъ этого невидимаго міра и личныхъ, индивидуальныхъ наклонностей человѣка, въ ихъ столкновеніяхъ и борьбѣ, которая представляется намъ въ видѣ внутренней борьбы чувства съ разумомъ и его рѣшеніями, заключается весь смыслъ и высокій интересъ нравственной жизни человѣка. Бываютъ эпохи, когда перевороты въ установившихся формахъ жизни отодвигаютъ этотъ интересъ на второй планъ, когда критика этихъ формъ, распатанныхъ и отжившихъ свое время, поглощаетъ всѣ силы, всю дѣятельность; въ такія эпохи, индивидуальная жизнь, лишенная точки опоры, теряетъ какъ будто значеніе, не имѣетъ цѣли, пуста и безцвѣтна; но тогда, рука объ руку съ нравственнымъ распаденіемъ и ничтожествомъ людей, идетъ и коренное распаденіе самыхъ основаній общественной жизни, а это рано или поздно вынуждаетъ снова стремиться къ воссозданію, на обновленныхъ началахъ, индивидуальной психической жизни, вынуждаетъ опять обратиться къ той почвѣ, на которой строится и стоитъ все зданіе общестственности. Таково наше время и здѣсь — то должно искать причины того отсутствія идеаловъ, той убыли души, на которую мы такъ горько жалуемся. Вѣрованія и воззрѣнія людей запутались въ безысходныхъ противурѣчіяхъ; почва колеблется подъ ногами; все стало зыбко и непрочно; вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣкъ извѣрился, психически измельчалъ, дошелъ до поразительнаго безсилія и ничтожества. Странно и жалко видѣть, что въ такое время идеалисты и реалисты, во имя давнишняго спора, неимѣющаго больше смысла, отстаиваютъ съ настойчивостью, достойною лучшаго дѣла, обветшалые и невозможные тезисы. Пора, кажется, перестать отрицать безспорные научные выводы и упорно отвергать столько же несомнѣнные факты, потому только что они неподлежатъ вѣншимъ чувствамъ. Единство человѣческой природы, къ которому приводятъ нынѣ самыя разностороннія научныя изслѣдованія, нисколько не будетъ нарушено, если мы, на основаніи такихъ же изслѣдованій, допустимъ, что въ человѣкѣ заключаются два организма, развившіеся изъ одного общаго корня и вслѣдствіе того тѣсно между собою соединенные и взаимно другъ на друга дѣйствующіе, но въ то же время различенные, живущіе, кромѣ имъ обобщей, и своею особою жизнью и производящіе, каждый, своеобразныя явленія. Въ свойствахъ этихъ организмовъ и ихъ взаимодѣйствіи за-

включается, какъ мы думаемъ, вся суть человѣческой природы и объясненіе всѣхъ ея разнообразныхъ проявленій.

Но если душа есть дѣйствительно организмъ, то спрашивается: какая его природа, или каковъ онъ по своему существу, и чѣмъ разнится, въ этомъ отношеніи, отъ физическаго организма, съ которымъ такъ тѣсно связанъ? Эти вопросы когда-то сильно волновали умы, но потомъ постепенно упали. Мы уже сказали выше, что тѣло и душу нельзя противопоставлять другъ другу, потому что многія черты, долго считавшіяся исключительною принадлежностью одной матеріальной природы, оказываются, при ближайшемъ разсмотрѣніи, общею принадлежностью и физической и психической жизни; такъ многія, несомнѣнно психическія явленія совершаются по опредѣленнымъ законамъ, съ неизбѣжною правильностью, напоминающею рововую необходимость явленій матеріальнаго міра; точно также, многое совершается въ душѣ бессознательно, хотя мы и думаемъ, что бессознательность есть свойство одной внѣшней природы. Рѣзкое противоположеніе матеріальнаго психическому и попытки опредѣлить сущность, природу того и другого возникло въ исходѣ среднихъ вѣковъ, когда сложилось представленіе о матеріи, только какъ о чемъ-то косномъ, протяженномъ, неоживленномъ, непроницаемомъ, подлежащемъ внѣшнимъ чувствамъ, а другія ея свойства и принадлежности еще не обратили на себя вниманія. Такое ограниченное, неполное представленіе образовалось подъ вліяніемъ самыхъ отвлеченныхъ изъ отвлеченныхъ наукъ, математики и механики, которыя имѣютъ дѣло только съ этими, дѣйствительными или предполагаемыми свойствами и принадлежностями внѣшней природы и опускаютъ изъ виду всѣ другія, до которыхъ имъ нѣтъ дѣла. Въ исходѣ среднихъ вѣковъ, когда другія отрасли естествознанія, кромѣ математики и механики, или не существовали, или находились въ младенчествѣ, другого представленія о матеріи и быть не могло. При такомъ взглядѣ, и при убѣжденіи, что матерія противоположна душѣ, опредѣлить природу или существо послѣдней казалось легко: стоило только приписать ей свойства, противоположныя свойствамъ матеріи. Но съ тѣхъ поръ многое существенно измѣнилось. Самое представленіе о матеріи вообще исчезло изъ положительныхъ наукъ, и удержалось, по преданію и привычкѣ, только въ философіи и психологіи, этихъ древлехранилищахъ разнаго средневѣкового хлама. Физика и химія, естественная исторія, анатомія и физиологія показали, что неоживленной матеріи вовсе не существуетъ, что матерія, въ этомъ смыслѣ, есть отвлеченное понятіе, существующее только въ нашей головѣ, а не въ дѣйствительности.

Электричество, магнетизмъ, гальанизъмъ, теплота, химическое сродство, растительная и животная жизнь—матеріальныя явленія, неподходящія подъ математическое и механическое опредѣленіе матеріи. Наконецъ, знакомство съ органическою жизнью нанесло этому представленію о матеріи окончательный ударъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ въ самомъ основаніи пошатнуло дуалистическое противуположеніе души внѣшней природѣ. Организъмъ—предметъ сравнительно новый въ наукѣ и еще невыясненный вполне; но судя уже по тому, что мы объ немъ знаемъ, можно предвидѣть, что его дальнѣйшее изученіе кореннымъ образомъ измѣнитъ взглядъ на природу и матеріальную жизнь вообще. Всякій организмъ представляетъ собою какой-то узелъ, какъ бы особую форму, около которой группируются разнообразныя процессы; она обуславливаетъ ихъ, опредѣляетъ извѣстный ихъ круговоротъ, оставаясь одною и тою же, несмотря на болѣе или менѣе быструю и полную замѣну однихъ матеріальныхъ составныхъ частицъ организма другими. Этотъ узелъ, эта форма рѣшительно спутываетъ всѣ наши предвзятыя понятія о матеріи. Самый тщательный анализъ не открылъ доселѣ въ физическихъ организмахъ ничего такого, что не находилось бы въ природѣ внѣ ихъ, только въ другихъ сочетаніяхъ; между тѣмъ, организмъ не есть сумма этихъ составныхъ частей, а что-то особое, какой-то особый образъ, въ условіяхъ котораго, намъ совершенно неизвѣстныхъ и непонятныхъ, совершается матеріальная жизнь. Что эта форма вполне принадлежитъ физической природѣ,—не подлежитъ сомнѣнію послѣ изслѣдованій Дарвина, который доказалъ тѣснѣйшую ея зависимость отъ внѣшней обстановки и условій; но между представленіемъ о матеріи, въ которому приводятъ физическіе организмы, и понятіемъ, какое сложилось вслѣдствіе изученія математики и механики, лежитъ цѣлая бездна; форма организма, опредѣляющая его развитіе и отправленія, точно такая же реальная дѣйствительность, какъ и тѣ свойства, которыя мы до сихъ поръ приписывали матеріи; а между тѣмъ, эта форма не имѣетъ ни одного изъ этихъ свойствъ. Въ виду организмовъ, средневѣковое противуположеніе души тѣлу окончательно пало, за неимѣніемъ точки опоры. Успѣхи естествознанія привели къ убѣжденію, что неживленной матеріи вовсе не существуетъ, что неорганическая природа тѣснѣйшимъ образомъ связана съ органическою; что послѣдняя представляетъ безчисленное множество организмовъ, болѣе или менѣе развитыхъ; что ряды ихъ тянутся, переплетаясь между собою, отъ неорганическаго міра до человѣка, который физически представляетъ самый развитой и относительно совершен-

ный изъ всѣхъ организмовъ. Сравнивая организмы между собою, мы не въ состояніи опредѣлить, чѣмъ они отличаются другъ отъ друга по своему существу, по своей природѣ; видимъ только, что одни устроены такъ, другіе иначе; что одни перерабатываютъ только неорганическій матеріалъ, другіе, сверхъ того, и органическій; притомъ одни претворяютъ органическій матеріалъ только извѣстнаго рода, другіе нѣсколькихъ или даже всякихъ родовъ. Откуда происходятъ эти различія, какъ и почему образовались такія или другія органическія формаціи—на эти вопросы наука, пока, не въ состояніи отвѣчать; а если существо физическихъ организмовъ составляетъ для насъ пока тайну, то нечего и задаваться вопросомъ, чѣмъ различаются физическіе и психическіе организмы по своей сущности или природѣ; по крайней мѣрѣ въ настоящее время о разрѣшеніи такихъ вопросовъ нельзя и думать.

Кромѣ этихъ вопросовъ, есть въ психологіи другіе, къ нимъ близкіе и болѣе намъ доступные, которые въ порядкѣ нашего изложенія стоятъ первыми на очереди и для разрѣшенія которыхъ уже собрано довольно, отчасти критически разработаннаго матеріала: мы разумѣемъ вопросы о свойствахъ и способностяхъ души и о строеніи душевнаго организма. По удивительной путаницѣ всѣхъ психологическихъ понятій, которою отличается наше время, на опредѣленіе существа или природы души трагилась, еще недавно, бездна бесплоднаго труда и усилій; а ея свойства, ея особенности, ея внутреннее строеніе, которыя выражаются въ множествѣ психическихъ фактовъ, доступныхъ для изслѣдованія, оставлены въ сторонѣ, неразсмотрѣнными. Между тѣмъ, если душа есть самостоятельный и самодѣятельный организмъ, то явленія и факты, въ которыхъ проявляется психическая жизнь и дѣятельность, должны обусловливаться его свойствами и особенностями его внутреннего строенія и могутъ быть объяснены только имъ, и наоборотъ: по свойствамъ и характеристическимъ особенностямъ психическихъ явленій и фактовъ мы можемъ составить себѣ хотя приблизительное понятіе о внутренней организаціи души. Предметъ этотъ потому ближайшій на очереди, что операціи мышленія, произвольность движеній и другіе психическіе процессы, которые мы будемъ разсматривать ниже, находятся въ тѣсной зависимости отъ организаціи души и уже предполагаютъ знакомство съ нею. Что касается матеріала для изслѣдованія этого предмета, то онъ гораздо богаче, чѣмъ обыкновенно думаютъ. По странному предрасудку, обязанному своимъ происхожденіемъ младенческому состоянію психологіи, мы воображаемъ, что кругъ психологическихъ изслѣ-

дованій ограниченъ одними фактами, добытыми чрезъ самонаблюденіе; но жизнь души выражается во внѣшнемъ творствѣ, вообще во всей внѣшней дѣятельности человѣка; объективными слѣдами его психической жизни наполнено все, что его окружаетъ, и изъ сравненія ихъ съ фактами и явленіями природы, возникающими безъ участія человѣка, мы легко можемъ открывать характеристическія особенности и самыя законы психической жизни. Слова и рѣчь, сочетанія звуковъ, художественныя произведенія, наука, обычаи и вѣрованія, матеріальныя созданія, гражданскіе и политическіе уставы, памятники исторической жизни,—словомъ все, въ чемъ только выражается дѣятельность человѣка, служитъ, въ этомъ смыслѣ, матеріаломъ для психологическихъ наблюденій и изслѣдованій; надо только умѣть имъ пользоваться; историки придумали же способы извлекать изъ народныхъ обычаевъ, легендъ, мифовъ, скрывающіеся въ нихъ историческіе факты; они научились снимать съ нихъ оболочку, сотканную психической обработкой; въ психологическихъ изслѣдованіяхъ все вниманіе, напротивъ, должно быть обращено именно на эту обработку, потому что она-то и содержитъ въ себѣ объективный слѣдъ психической дѣятельности, по которому и должно изучать свойства, особенности и законы психической жизни. Греки, изъ наблюденій надъ словомъ и рѣчью, вывели формы и законы мышленія; точно такимъ же образомъ должна быть создана и психологія, и только тогда она станетъ положительной наукой.

Чтобъ ознакомиться съ свойствами и внутреннимъ строеніемъ душевнаго организма слѣдуетъ, разумѣется, рассмотреть прежде всего тѣ факты, которые считаются отличительными характеристическими признаками психическаго элемента, выражаютъ его по преимуществу. Такими фактами, какъ мы видѣли, считаются три: идеальность, сознательность и самопроизвольность или воля. Но изъ нихъ идеальность, какъ мы уже замѣтили и еще подробно объяснимъ впослѣдствіи, есть продуктъ психическихъ операцій и процессовъ, которыя, въ свою очередь, обусловливаются извѣстными свойствами и строеніемъ души; поэтому послѣднія не обнаруживаются непосредственно въ идеальности и недоступны въ ней для наблюденія. То же самое должно сказать и о волѣ; къ тому же, реалисты, какъ извѣстно, отрицаютъ волю и самодѣятельность души, а на спорныхъ фактахъ нельзя основать изслѣдованія. Итакъ, остается сознательность, съ которой мы и начнемъ разсмотрѣніе условій психической жизни.

Что такое, спрашивается, сознательность или сознаніе? Оно

и есть то, что мы не разъ называли внутреннимъ, психическимъ зрѣніемъ, — именно актъ, отправленіе способности видѣть особеннымъ образомъ, безъ помощи физическаго глаза, то, что невидимо для него заключается или происходитъ въ нашей душѣ. Когда я разсматриваю свое лицо въ зеркалѣ, я вижу его физическимъ зрѣніемъ; но когда я сознаю свою мысль, чувство, желаніе или намѣреніе, то очевидно, что я вижу ихъ, но вижу особеннымъ образомъ, потому что видѣть физически, матеріально свою мысль, чувство, желаніе или намѣреніе — нельзя. Намъ скажутъ: угадываемъ же мы чувства, мысли, цѣли другихъ людей, хотя и не видимъ ихъ физически, внѣшнимъ образомъ; для этого намъ служатъ внѣшніе признаки, въ которыхъ выражаются психическія состоянія и факты; стало быть, чтобъ знать ихъ, нѣтъ надобности ни въ какомъ внутреннемъ зрѣніи: они узнаются по внѣшнимъ даннымъ, какъ и все остальное. Все это, конечно, такъ. Замѣтимъ одно: то, что мы сами думаемъ, чувствуемъ, желаемъ или замысливаемъ, мы сознаемъ ясно и опредѣлительно безъ помощи внѣшнихъ признаковъ, непосредственно, внутреннимъ образомъ; значить, мы имѣемъ способность, помимо внѣшнихъ чувствъ, узнавать то, что заключается или происходитъ въ нашей душѣ. Внѣшніе признаки, въ которыхъ выражаются психическія состоянія и движенія другихъ людей, имѣютъ для насъ смыслъ потому только, что мы сами въ себѣ испытываемъ такія же состоянія и движенія и знаемъ или видимъ ихъ психически; по наведенію (аналогіи) мы заключаемъ о нихъ и въ другихъ людяхъ; не знай мы ихъ по собственному опыту, мы и не подозрѣвали бы, что такія-то психическія состоянія и движенія обнаруживаются въ такихъ-то внѣшнихъ признакахъ, что между тѣми и другими существуетъ извѣстное, правильное, постоянное соотвѣтствіе, и потому, когда такихъ внѣшнихъ признаковъ нѣтъ, напримѣръ, когда мы ихъ не видимъ физически, или когда человѣкъ умѣетъ такъ искусно скрывать свои внутреннія состоянія и движенія, что они вовсе не выступаютъ наружу во внѣшнихъ признакахъ, мы не знаемъ и не можемъ знать что происходитъ въ его душѣ; тогда чужая душа для насъ — потемки. Скажемъ здѣсь кстати, что названіе: внутреннее, психическое зрѣніе не совсѣмъ точно. Описанная выше психическая способность соотвѣтствуетъ не одному зрѣнію, но и другимъ внѣшнимъ чувствамъ; но названіе это вошло въ употребленіе и мы его удерживаемъ, за неимѣніемъ лучшаго.

Разсказываютъ, что люди, погруженные въ магнетическій сонъ, способны отчетливо и ясно видѣть внутреннее строеніе тѣла, всѣ его внутренніе органы и внутренніе физическіе про-

цессы и отправленія. Если эти рассказы справедливы, то магнетическое ясновидѣніе, въ ряду физическихъ явленій, представляетъ фактъ аналогическій съ психическимъ зрѣніемъ; какъ ясновидящій непосредственно, безъ помощи физическаго глаза, видитъ и знаетъ что заключается и дѣлается внутри его тѣла, такъ мы знаемъ и видимъ непосредственно что содержится или заключается въ нашей душѣ, и что недоступно для внѣшнихъ чувствъ.

Но мы видимъ непосредственно не только свои мысли, чувства, желанія и намѣренія: мы какъ бы видимъ психически самихъ себя. Въ этомъ, ближайшимъ образомъ, выражается различіе между сознаниемъ и самосознаниемъ. Когда человѣкъ думаетъ о себѣ, когда онъ говоритъ: Я, ему представляются не физическія его особенности, не психическія свойства, состоянія или движенія, даже не совокупность тѣхъ и другихъ, а та, если можно такъ выразиться, единица, — невидимая, неподлежащая внѣшнимъ чувствамъ, къ которой сходятся и изъ которой вытекаютъ всѣ физическія и психическія особенности, дѣлающія его такимъ-то, а не другимъ человѣкомъ, т.-е. имъ самимъ, самимъ собою. Въ частичкѣ: Я, выражается, что человѣкъ внутренно, психически, видитъ самого себя. Это состояніе его можно выразить такъ: онъ смотритъ на самого себя какъ на что-то постороннее, другое, сознавая въ то же время, что это другое есть онъ самъ. Чтобы наглядно, хотя и не совсѣмъ точно представить себѣ это состояніе, припомнимъ ощущеніе, каковое испытываемъ, глядясь въ зеркало: въ немъ отражается нашъ образъ; этотъ образъ нѣчто для насъ постороннее, внѣшнее, другое; но мы знаемъ, что это другое — мы сами, что мы и онъ — одно и то же.

Сознаніе, а тѣмъ болѣе самосознаніе предполагаютъ въ душѣ два свойства: память и способность раздвоиться внутри себя, оставаясь въ то же время единой и цѣльной. На эти свойства указываетъ самое простое соображеніе. Видѣть психически можно только то, что есть, находится въ нашей душѣ, что, отпечатлѣвшись, сохранилось или удержалось въ ней; а какъ психическое зрѣніе есть обращеніе души на то, что въ ней же самой происходитъ или на самую себя (въ самосознаніи), то значить, она способна раздвоиться въ себѣ, оставаясь нераздѣльной и цѣльной.

Остановимся на этихъ двухъ свойствахъ.

Слово: память, не совсѣмъ вѣрно выражаетъ способность души, которую мы здѣсь разумѣемъ. Память часто смѣшивается въ разговорѣ съ воспоминаніемъ; но воспоминаніе есть очевидно

то же, что сознание, и было бы невозможно, если бы в душах не сохранились, не были удержаны полученные впечатления. Способность их удерживать, сохранять, мы и имеем здесь в виду, какъ основное, прирожденное свойство души, отъ котораго воспоминание находится въ полной зависимости и отъ котораго оно происходитъ, при участіи двухъ другихъ такихъ же прирожденныхъ способностей: психическаго зрѣнія и внутренняго раздвоенія души.

Память, въ смыслѣ свойства души сохранять впечатленія, есть одно изъ первыхъ, основныхъ условій психической жизни. Последнюю нельзя себѣ безъ нея и представить. Если бы в душахъ вовсе не сохранялось то, что на нее дѣйствуетъ, и каждое впечатленіе безъ слѣда исчезало вмѣстѣ съ удаленіемъ предмета или явленія, которые произвели впечатленіе, то человѣкъ не могъ бы ничего сопоставлять, сравнивать и различать, не могъ бы узнавать знакомое, не имѣлъ бы ни представлений, ни мыслей; словомъ, онъ стоялъ бы ниже всѣхъ животныхъ, которыя, будучи психически менѣе развиты, чѣмъ человѣкъ, умѣютъ однако различать предметы и узнавать ихъ. Нѣтъ ни одного психическаго акта, который бы не предполагалъ памяти. Безъ нея было бы невозможно самое представленіе о душѣ, какъ о чемъ-то самостоятельномъ и самодѣятельномъ.

Говоря о способности души сохранять впечатленія, мы обыкновенно подразумѣваемъ одни впечатленія внѣшняго міра, матеріальныя, и не замѣчаемъ, что способность эта точно также примѣняется и къ фактамъ психическимъ, неподлежащимъ внѣшнимъ чувствамъ; однако нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что мы удерживаемъ въ душѣ не только черты человѣка, съ которымъ познакомились, слышанный разговоръ или музыкальную пьесу, но и мысль, которая намъ пришла въ голову, чувства, желанія, которыя когда-то испытывали, намѣреніе, созрѣвшее въ душѣ. Это показываетъ, что не одни внѣшніе предметы, но и психическія явленія, недоступныя внѣшнимъ чувствамъ, производятъ въ душѣ впечатленія, которыя въ ней тоже сохраняются. Способность удерживать этого рода впечатленія, которая мы, въ отличіе отъ внѣшнихъ, назовемъ психическими, имѣетъ гораздо болѣе обширное примѣненіе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Нѣтъ такого психическаго отправленія, операціи, процесса, нѣтъ душевнаго движенія, факта психической жизни, который бы не производилъ въ душѣ впечатленія и въ ней не сохранялся. Если мы имѣемъ понятіе о сознаніи и самосознаніи, о любви и ненависти, о представленіи и мысли, объ умѣ, волѣ, душѣ и т. д., то единственно потому,

что всё эти психическіе предметы и явленія, будь они первоначальные факты, или продукты психическихъ процессовъ и операций, отпечатлѣваются въ душѣ и сохраняются, такъ что могутъ представляться сознанию. Такимъ образомъ, душа имѣетъ удивительное свойство отражаться въ самой себѣ, со всѣми малѣйшими подробностями того, что она есть и что въ ней происходитъ, и со всѣми результатами и послѣдствіями ея дѣятельности. По этимъ отраженіямъ или психическимъ впечатлѣніямъ, сохранившимся въ душѣ, мы и имѣемъ возможность, повѣряя ихъ, восстанавливая, обрабатывая критически, научнымъ образомъ, подобно тому, какъ обрабатываемъ слѣды внѣшней психической дѣятельности, изучать психическую жизнь и ея явленія.

Внутреннее зрѣніе и способность души получать и сохранять психическія впечатлѣнія указываетъ на свойство ея раздвоиться внутри себя, оставаясь единой и цѣльной. Какъ память сохраняетъ и удерживаетъ въ душѣ факты, которые представляются сознанию и самосознанию, такъ раздвоеніе души, остающейся въ то же время единой, даетъ намъ возможность ихъ видѣть и знать, что они находятся въ душѣ, или видѣть себя и знать, что видимъ себя, а не другого. Еслибъ душа не имѣла способности раздвоиться, оставаясь нераздѣльной и цѣлой, то человекъ не могъ бы видѣть того, что заключается и происходитъ въ его душѣ, не могъ бы психически смотрѣть въ самого себя; еслибъ душа, раздвояясь, не оставалась въ то же время нераздѣльной, то человекъ не могъ бы сознавать самого себя, думать или говорить о себѣ: Я; раздвоившись внутренно, онъ психически распался бы на двѣ постороннія другъ другу половины, и казался бы самому себѣ чѣмъ-то постороннимъ, чуждымъ и внѣшнимъ; но такъ какъ онъ сознаетъ, что это постороннее и другое—онъ самъ, то отсюда видно, что несмотря на раздвоеніе, душа его остается нераздѣльной и цѣльной.

Ничего подобнаго этому свойству мы не встрѣчаемъ въ физическомъ мірѣ. Напрасно стали бы мы искать въ немъ подобій или аналогическихъ явленій, чтобъ наглядно, осязательно, на внѣшнемъ образѣ, пояснить этотъ психическій фактъ: всякая попытка такого рода привела бы къ чудовищнымъ нелѣпостямъ. Когда мы смотримся въ зеркало и видимъ въ немъ самихъ себя, то и зеркало и нашъ въ немъ образъ—дѣйствительно внѣшніе, посторонніе намъ предметы, совершенно отъ насъ отдѣленные. Совсѣмъ другое представляетъ сознание и самосознание: сознавая свое чувство, мысль, намѣреніе, мы въ то же время знаемъ, что они находятся въ насъ, въ нашей душѣ; сознавая себя, мы знаемъ, что это мы сами. Еслибъ мы взду-

мали объяснить способность психического раздвоения и ее послѣдствія примѣрами изъ матеріальнаго міра, то пришлось бы допустить, что предметъ можетъ выдѣляться изъ самого себя, или что выдѣленная часть можетъ быть равна цѣлому и быть сама этимъ цѣлымъ, или что цѣлое можетъ оставаться цѣлымъ и по выдѣленіи изъ него части; но всѣ подобныя представленія, въ примѣненіи къ физическому, матеріальному міру, совершенно невозможны, а въ психическомъ имъ соотвѣтствуютъ очень обыкновенные и безспорные факты, которые каждый можетъ наблюдать въ себѣ и другихъ, — такъ они просты и очевидны. Что эти факты не имѣютъ ничего общаго съ матеріальными, — подтверждаетъ только, что психическій организмъ составляетъ особый видъ организмовъ, также непохожій на физическіе, какъ органическіе предметы не похожи на неорганическіе, или животныя на растенія.

Таковы основныя свойства и внутреннее строеніе душевнаго организма. Въ нихъ условіе и причина его самостоятельности и самодѣтельности.

Оттого, что душа способна удерживать въ себѣ всякаго рода впечатлѣнія и видѣть ихъ, обращаться съ ними психически, она и создаетъ въ себѣ особый идеальный міръ, и можетъ жить въ немъ. Этотъ идеальный міръ и служитъ человѣку точкой опоры противъ внѣшней обстановки, дѣлаетъ его самостоятельнымъ въ отношеніи къ матеріальному міру.

Вслѣдствіе того, что душа отражаетъ въ себѣ свои движенія и даже самую себя, оставляетъ въ себѣ впечатлѣнія собственной жизни и дѣятельности, въ ней и содержится безчисленное множество представленій, понятій и мыслей, ей исключительно принадлежащихъ, которыхъ прототипа или подобія мы напрасно стали бы искать во внѣшнемъ мірѣ.

По тому, что душа способна обращаться къ самой себѣ и ко всему что въ ней заключается, какъ къ предмету изслѣдованія, возможна психическая переработка всякаго рода впечатлѣній, внѣшнихъ и психическихъ, въ новыя формы, возможны разнообразнѣйшія сочетанія матеріала, который находится въ душѣ въ видѣ впечатлѣній, представленій, понятій и мыслей. Постепенная выработка ихъ и всякое усовершенствованіе хорошаго и худого, въ душѣ и во внѣшнихъ созданіяхъ человѣческаго творчества, обязано своимъ происхожденіемъ этой способности. То что мы называемъ развитіемъ, прогрессомъ, предполагаетъ послѣдовательную повѣрку мыслей, чувствъ, дѣйствій, ихъ теоретическихъ и практическихъ результатовъ. Единственно отъ такой повѣрки зависитъ постепенная ихъ выработка, улуч-

шеніе, совершенствованіе; повѣрка же возможна только при способности человѣка отдѣлиться отъ своихъ мыслей, чувствъ, дѣйствій и сдѣлать ихъ предметомъ своего внутренняго зрѣнія, предметомъ разсмотрѣнія и обсуждения. Благодаря этимъ способностямъ, каждая мысль, чувство или дѣйствіе могутъ пройти черезъ повѣрку, полученный результатъ или выводъ, стать, въ свою очередь, предметомъ новаго разсмотрѣнія и изслѣдованія и такъ далѣе.

Тѣмъ, что душа способна, раздвояясь, обращаться къ самой себѣ и въ тому, что въ ней же самой содержится, объясняется ея самодѣятельность и самопроизвольность, — источникъ свободной воли. Въ матеріальномъ мірѣ, всѣ отношенія между предметами могутъ быть только внѣшними, потому что каждый изъ этихъ предметовъ существуетъ самъ по себѣ, независимо отъ другихъ, и находится, напротивъ, въ тѣсной зависимости отъ различныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ и случайностей, вполнѣ чуждыхъ его отношеніямъ къ другимъ предметамъ. Совсѣмъ иначе устанавливаются такія отношенія въ душѣ; она содержитъ въ самой себѣ предметъ, къ которому становится въ отношенія; предметъ находится въ той же самой средѣ, которая къ нему обращается; въ самосознаніи, предметы, между которыми устанавливаются отношенія, даже совершенно совпадаютъ: душа, раздвояясь въ себѣ, вступаетъ въ отношенія съ самою же собой. Въ этомъ и заключается причина психической инициативы и вмѣстѣ свободной воли. Благодаря этой способности души, человѣкъ можетъ, безъ всякаго внѣшняго повода, принять то или другое рѣшеніе, предположить себѣ ту или другую цѣль и стремиться къ ея достиженію, что было бы немислимо безъ описанныхъ характеристическихъ особенностей психическаго организма.

Особенности эти просвѣчиваютъ во всемъ, что дѣлаетъ человѣкъ, и потому ими объясняется множество загадочныхъ явленій. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе характеристическихъ.

Часто случается, что мы хотимъ что-нибудь припомнить и не можемъ, перебираемъ въ головѣ множество предметовъ и находимъ, что ни одинъ изъ нихъ не тотъ, котораго намъ нужно, который желаемъ вызвать къ сознанію. Въ этихъ случаяхъ мы очевидно и помнимъ о чемъ идетъ рѣчь и не помнимъ; еслибъ мы вовсе не помнили предмета, который хотимъ вызвать къ сознанію, мы не могли бы отыскивать его въ душѣ, не могли бы сравнивать его съ другими и находить, что всѣ они не то что намъ нужно; но въ то же время мы и не помнимъ пред-

мѣта, иначе тотчасъ бы его припомнили. Въ приведенномъ случаѣ очевидно, что полученное впечатлѣніе болѣе или менѣе изгладилось или потускнѣло въ душѣ. Но какимъ образомъ можемъ мы поставить себѣ задачу припомнить полузабытое? Возможность такого акта подтверждаетъ двойственность души. Припоминаніе есть актъ сознанія или внутренняго зрѣнія; душа усиливается разсмотрѣть въ самой себѣ полустертое впечатлѣніе, зная, что оно въ ней есть и что оно потускнѣло.

Другое психическое явленіе, на которое мы хотимъ здѣсь указать, еще страннѣе. Случается, что посреди разговора, одному изъ собесѣдниковъ вдругъ покажется, будто то, что въ это время дѣлается и говорится, когда-то уже происходило точно такимъ же образомъ и въ той же самой обстановкѣ. Совершенное тожество того чтó совершается и чтó припоминается въ эту минуту бываетъ до того поразительно, что припоминающему кажется, будто онъ можетъ предсказать то, что сейчасъ будетъ говориться и дѣлаться. Такое состояніе продолжается, впрочемъ, одинъ какой-нибудь мигъ и затѣмъ вдругъ прекращается, такъ что не успѣешь на немъ остановиться, какъ оно уже исчезло. Мы думаемъ, что объясненія этого загадочнаго явленія должно искать въ той же способности души раздвоиться, оставаясь единой. Въ обыкновенномъ, нормальномъ состояніи душа относится къ себѣ, при раздвоеніи, какъ къ чему-то постороннему и внѣшнему, или говоря наглядно, хотя и очень неточно, она какъ будто одной своей стороною или половиною видитъ то, чтó совершается въ другой; затѣмъ, при новомъ состояніи раздвоенія, то, чтó она увидѣла дѣлается, въ свою очередь, предметомъ разсмотрѣнія. Оба эти акта послѣдовательно смѣняются одинъ другимъ. Но если, вслѣдствіе причинъ и условій, намъ пока неизвѣстныхъ, обѣ стороны или половины души, въ самую минуту дѣятельности, будутъ находиться въ живомъ взаимодѣйствіи, и то, что мы видимъ или слышимъ, т.-е. результатъ психическаго зрѣнія въ то же мгновеніе сдѣлается предметомъ новаго разсмотрѣнія, то намъ должно казаться, будто то, что совершается уже происходило когда-то прежде. Минутность и неуловимость этого ощущенія указываетъ на происхожденіе этого психическаго миража.

Тою же двойственностью души объясняемъ мы себѣ способность людей получать, отъ одного и того же предмета, два разнородныхъ впечатлѣнія: одно прямое, дѣйствующее на внѣшнія чувства, матеріальное, другое—иносказательное, символическое, условное, которое мы соединяемъ съ впечатлѣніемъ иногда случайно, но которое не состоитъ съ нимъ въ необходимой, неиз-

бѣжной связи. На человѣка, вовсе незнакомаго съ письменами или нотами, письмо или нотная тетрадь произведутъ только то впечатлѣніе, какое они могутъ дать какъ матеріальные предметы; а умѣющій читать или разбирать ноты, т.-е. знающій условное значеніе письменъ и нотъ, кромѣ матеріальнаго впечатлѣнія этихъ предметовъ, получаетъ еще психическое впечатлѣніе того, что они собою условно выражаютъ. Письмо и нотная тетрадь послужатъ ему только поводомъ къ такому впечатлѣнію.

Въ способности души раздвоиться, оставаясь нераздѣльной, должно, какъ мы думаемъ, искать объясненія и тѣхъ разнообразныхъ состояній, когда человѣкъ, умысленно и сознательно, противурѣчить самому себѣ: чувствуетъ и думаетъ одно, а говоритъ и наружно показываетъ совсѣмъ другое. Подъ этотъ разрядъ явленій подходятъ и притворство, и двуличность, и ханжество и благородное сценическое искусство. Какъ всѣ явленія психической жизни, такъ и эти, могутъ быть и хороши и дурны, смотря по нравственному характеру дѣйствія. Наконецъ, тою же двойственностью души объясняется психическій фактъ, до сихъ поръ мало замѣченный, но который между тѣмъ лежитъ въ основаніи множества весьма разнообразныхъ психическихъ явленій. Фактъ этотъ состоитъ въ томъ, что сознательная психическая дѣятельность бодрствующаго человѣка не есть простой актъ, а сложный: дѣйствіе или отправленіе непременно сопровождается его повѣркой или контролемъ. Этого контроля мы вовсе не замѣчаемъ и воображаемъ, что думая, чувствуя или совершая какое-нибудь внѣшнее дѣло, мы выполняемъ лишь простой психическій актъ; но изъ сравненія нормальныхъ и ненормальныхъ психическихъ отправленій оказывается, что въ каждомъ нормальномъ психическомъ дѣйствіи участвуютъ два акта, а именно: самое дѣйствіе, когда мы, напримѣръ, мыслимъ, чувствуемъ или дѣлаемъ внѣшнее дѣло, — и рядомъ съ нимъ, одновременно, незамѣтно для насъ самихъ, — повѣрка дѣйствія, которая его поправляетъ и направляетъ. Уклоненія отъ нормальной психической дѣятельности высказываютъ съ совершенною убѣдительною, какую существенную принадлежность психическихъ дѣйствій составляетъ невидимая ихъ повѣрка, слѣдящая за каждымъ ихъ шагомъ; это цѣлый рядъ неумовимыхъ по быстротѣ сужденій, мигомъ переходящихъ въ дѣло и выражающихся въ ходѣ самого дѣйствія. Когда такого контроля или повѣрки нѣтъ, характеръ дѣйствія существенно измѣняется; оно перестаетъ быть разумнымъ, связнымъ, послѣдовательнымъ. Рассматривая сновидѣнія, мы уже показали, какъ отзывается на

психической дѣятельности отсутствіе такой повѣрки. Приведемъ еще нѣсколько другихъ примѣровъ.

Разбѣянность, въ противоположность вниманію и сосредоточенности мысли на предметѣ, представляетъ такой примѣръ распада двѣхъ элементовъ психическаго акта: дѣйствія и контроля. Когда мы дѣлаемъ одно, а думаемъ о другомъ или вовсе не думаемъ, — дѣйствіе выходитъ нескладное, невыдержанное, непослѣдовательное, иногда просто нелѣпое.

Когда мы, какъ говорится, задумываемся или забываемся, т.-е. мечтаемъ или грезимъ на яву, въ нашей душѣ повѣрка тоже приостанавливается. Задуматься, значить бездѣятельно, пассивно слѣдить внутреннимъ зрѣніемъ за тѣмъ, что само собою, безъ всякаго участія нашей воли, всплываетъ со дна души и въ самыхъ причудливыхъ и случайныхъ сочетаніяхъ, вереницей, подобно китайскимъ тѣнямъ, проносится передъ нами. Образы, чувства, мысли мелькаютъ, цѣпляясь одни за другіе по случайнымъ признакамъ, въ пестромъ смѣшеніи, безъ всякой необходимой и разумной связи; быстро поднимаютъ они другъ друга изъ глубины души и опять безслѣдно въ ней исчезаютъ, уступая мѣсто другимъ. Порой тотъ или другой изъ этихъ призраковъ мгновенно насъ заинтересуетъ; тогда тотчасъ же случайная ихъ вереница прерывается и теченіе ихъ получаетъ направленіе, какое мы ему даемъ въ этотъ мигъ: но затѣмъ, мы опять погрузились въ пассивное созерцаніе и по данному толчку опять потянулись передъ нами образы, мысли, вспышки чувства, въ той же случайной преемственности. Наконецъ, мы сосредоточили мысль на одномъ изъ звеньевъ этой фантастической цѣпи и призраки вдругъ исчезаютъ; забыты, задумчивость проходитъ; мы уже думаемъ или чувствуемъ, т.-е. повѣрка снова влетаетъ въ наши психическія дѣйствія.

Вотъ примѣры временнаго, случайнаго, или обусловленнаго потребностями физическаго организма прекращенія повѣрки. Но есть и патологическія, временныя или постоянныя нарушенія полноты психической дѣятельности. Виды ихъ чрезвычайно разнообразны.

Въ состояніи чрезмерной страсти, такъ-называемаго умоизступленія, бѣшенства, страха, опьяненія и т. п., человекъ, какъ говорится, теряетъ голову, т.-е. повѣрка и контроль психическихъ его дѣйствій прекращается. Находясь въ такомъ состояніи, мы, сами того не замѣчая, дѣлаемъ несообразности и нелѣпости.

У идіотовъ, дураковъ, слабоумныхъ, повѣряющій элементъ почти отсутствуетъ или крайне немоцень и безсиленъ.

Безчисленные виды сумасшествия представляютъ въ высокой степени любопытные образцы неправильнаго, болѣзненнаго отправления контролирующей функціи.

Но бываютъ также случаи, что повѣряющій элементъ чрезмерно преобладаетъ надъ элементомъ дѣйствія. Такое ненормальное психическое состояніе можно наблюдать на людяхъ, у которыхъ чрезмерно развита такъ-называемая рефлексія, также и на ипохондрикахъ; у нихъ дѣйствіе парализовано повѣркой, вслѣдствіе чего они неспособны къ психической дѣятельности. Каждый шагъ, который они собираются сдѣлать, останавливается преждевременнымъ его контролемъ; вмѣсто того, чтобы сопровождать дѣйствіе, идти съ нимъ рука объ руку, контроль въ него впадаетъ, съ нимъ перепутывается и ему мѣшаетъ. У другихъ людей, наоборотъ, повѣрка съ дѣйствіемъ не соединяются въ одинъ совокупный, стройный актъ, а распадаются; контролирующая функція запаздываетъ, отстаетъ отъ дѣйствія, которое поэтому не можетъ исполниться. Такъ объясняемъ мы себѣ ненаходчивость. Ненаходчивые люди опаздываютъ въ мысляхъ, чувствахъ, внѣшнихъ дѣйствіяхъ, инстинктивно какъ будто выжидая, когда наступитъ повѣрка, которая не является во время самой дѣятельности. Черезъ это и дѣятельность приостанавливается.

Чтобы правильно понимать психическія явленія этого рода, не слѣдуетъ терять изъ виду, что здѣсь идетъ рѣчь не о сознаниіи, которое очень часто отдѣляется отъ психическаго дѣйствія и психической дѣятельности вообще (напримѣръ, въ сновидѣніи, во время мечтаній и грезъ) и нерѣдко относится къ дѣйствію совершенно пассивно (напримѣръ, когда мы дѣйствуемъ подъ влияніемъ сильнаго чувства, или увлеченія, котораго не одобряетъ совѣсть или рассудокъ), но о повѣряющей и направляющей функціи психическаго дѣйствія, которая такъ въ него влетаетъ, что присутствія ея въ немъ нельзя открыть иначе, какъ по тѣмъ актамъ, въ которыхъ ея недостаетъ.

Ограничимся этими немногими указаніями и выведемъ изъ всего сказаннаго заключительные итоги о свойствахъ и внутреннемъ строеніи души. Они представляются намъ въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ. Душа, принимая внѣшнія впечатлѣнія, сохраняетъ ихъ въ себѣ. Это вноситъ въ душу первый матеріалъ или содержаніе, надъ которымъ она начинаетъ рядъ послѣдовательныхъ операцій особаго рода; вмѣстѣ съ тѣмъ это полагаетъ первое основаніе ея самостоятельности и даетъ первый толчекъ ея самодѣятельности. Психическія операціи возможны лишь потому, что душа имѣетъ способность раз-

двоятся въ себѣ, оставаясь нераздѣльной и единой и способность видѣть особеннымъ, внутреннимъ образомъ то, что въ ней содержится и происходитъ. Благодаря этой послѣдней способности, душа не только видитъ въ себѣ впечатлѣнія, полученныя извнѣ, но и собственные свои движенія, дѣйствія и состоянія, которыя въ ней точно также сохраняются и обогащаютъ ее новымъ матеріаломъ или содержаніемъ; надъ нимъ, какъ и надъ внѣшними впечатлѣніями, она производитъ цѣлый рядъ такихъ же послѣдовательныхъ операцій. Этими основными свойствами объясняется самостоятельность души, идеальный міръ, который она въ себѣ носитъ, ея самодѣтельность и свобода. Мы считаемъ эти свойства первоначальными, потому что на нихъ останавливается анализъ; ихъ нельзя разлагать далѣе, и слѣдовательно нѣтъ основанія признавать ихъ за дѣйствія или выраженія другихъ свойствъ. Далѣе, мы считаемъ ихъ прирожденными, т.-е. составляющими естественную принадлежность психическаго организма, потому что дѣйствіе ихъ можетъ обнаруживаться не только произвольно, но и бессознательно; множество внѣшнихъ и въ особенности психическихъ впечатлѣній поступаетъ въ душу бессознательно; она бессознательно и произвольно раздвояется и перерабатываетъ впечатлѣнія внѣшнія и психическія: доказательствомъ можетъ служить произвольность сновидѣній и галлюцинацій, которыя невозможны безъ внутренняго раздвоенія души. Произвольностью и бессознательностью психическаго раздвоенія объясняется также смѣшеніе реальной дѣйствительности съ представленіями, сновидѣніями и галлюцинаціями, которое такъ часто встрѣчается у неразвитыхъ людей и у народовъ, стоящихъ на низкой ступени культуры. Психическое зрѣніе, по природѣ своей, не можетъ быть бессознательнымъ, потому что оно само и есть сознание; но оно можетъ быть и очень часто бываетъ совершенно произвольнымъ: мысли, образы, звуки, воспоминанія нерѣдко преслѣдуютъ людей съ неотвратимой, ужасающей настойчивостью. Въ нормальномъ состояніи, мы можемъ отстранить предметы отъ нашего сознанія; въ ненормальномъ же, мы болѣе или менѣе теряемъ способность распоряжаться ими произвольно; воля перестаетъ дѣйствовать въ этой области психическихъ отправленій.

Такія черты видимо сближаютъ жизнь душевнаго организма съ матеріальнымъ міромъ. Произвольность и бессознательность психическихъ отправленій и дѣятельности составляютъ общую ихъ принадлежность съ явленіями внѣшней природы. Это подтверждаетъ сдѣланное нами выше замѣчаніе, что условія пси-

хической жизни имѣютъ одинъ общій источникъ съ матеріальнымъ міромъ и тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ условіями физическаго существованія человѣка; но въ этомъ и заключается причина той взаимной зависимости психическихъ и физическихъ состояній, которая все болѣе и болѣе выясняется наукою. Зависимость памяти отъ матеріальныхъ состояній нельзя отвергать, — такъ она несомнѣнна; ненормальное состояніе мозга имѣетъ такое же несомнѣнное вліяніе на ходъ психическихъ отправленій, на стѣсненіе свободы психическихъ движеній и дѣятельности. Мало того: клиническія наблюденія дѣлаютъ болѣе и болѣе вѣроятнымъ, что различныя психическія отправленія приурочены къ извѣстнымъ частямъ мозга; иначе трудно себя объяснить, напримѣръ, совершенную потерю памяти извѣстныхъ предметовъ или ихъ названій, вслѣдствіе удара; мы знаемъ однако достовѣрно, что одни, послѣ удара, совсѣмъ забываютъ собственныя имена, другіе — глаголы, третьи — цѣлыя языки; замѣчательно также, что больные тифомъ нерѣдко чувствуютъ присутствіе своего двойника; это явленіе какъ будто указываетъ на ненормальное отправленіе способности души раздвоиться. Очень можетъ быть, что послѣдняя способность, а также и способность получать психическія впечатлѣнія имѣютъ своимъ органомъ мозговья полушарія, какъ органомъ животныхъ инстинктовъ считаютъ мозжечекъ. На этомъ пути сравнительному изученію физиологіи и психологіи предстоитъ еще много дѣла и конечно много важныхъ открытій, которыя болѣе и болѣе будутъ уяснять непосредственную связь матеріальной и психической жизни, — связь, на которую безпрестанно указываютъ психологическія наблюденія. Но какъ бы много ни было сдѣлано наукою въ этомъ направленіи, никогда не удастся доказать, что вся психическая жизнь сводится къ однимъ рефлексамъ, т.-е. къ болѣе или менѣе непосредственнымъ отраженіямъ однихъ матеріальныхъ возбужденій, впечатлѣній и вліяній; рядомъ съ множествомъ такихъ явленій всегда будетъ представляться такое же множество другихъ, которыя не могутъ быть объяснены иначе, какъ собственною, свободною инициативою души. Замѣченное нами выше объ отношеніяхъ души къ внѣшнему міру вполнѣ примѣняется и къ прирожденнымъ свойствамъ психическаго организма: они обусловлены матеріальнымъ міромъ и обнаруживаютъ свою дѣятельность произвольно и бессознательно; это приближаетъ ихъ къ внѣшней природѣ и ея явленіямъ; но рядомъ съ тѣмъ, эти способности возбуждаются къ дѣятельности и свободнымъ починомъ самой души, сознательно и произвольно, подобно тому, какъ рука или нога мо-

гуть быть подняты и опущены бессознательно и произвольно, или съ сознаниемъ и умысломъ. Такимъ образомъ, чѣмъ глубже мы вникаемъ въ психическую жизнь и ея тайны, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что существенное ея отличие отъ матеріальной заключается не столько въ своеобразной организаціи души, сколько въ ея самодѣтельности, въ свободномъ починѣ, которымъ объясняется ея творчество. Въ той мѣрѣ какъ душа живетъ пассивною и произвольною, хотя бы и сознательною жизнью, она приближается къ матеріальной природѣ и подпадаетъ подъ ея законы; но въ такомъ случаѣ отличительные признаки ея организаціи, на которые мы указали выше, имѣютъ то же значеніе, какое вообще всякія отличія организмовъ, въ томъ числѣ и физическихъ, между собою; только самодѣтельность и свободная инициатива души даютъ дѣйствительное основаніе считать ее за отдѣльный отъ внѣшней природы, самостоятельный организмъ, и только въ этомъ, а не въ другомъ смыслѣ, психическій организмъ выдѣляется изъ всѣхъ прочихъ; ибо въ самомъ строеніи души заключаются, какъ мы видѣли, условія ея самодѣтельности.

Знакомство съ внутреннимъ строеніемъ человѣческой души и съ основными условіями ея жизни и отпращеній даетъ намъ возможность возвратиться снова въ вопросу, котораго мы уже коснулись прежде, именно о различіи психической жизни человѣка и животныхъ. Гдѣ и въ чемъ слѣдуетъ искать причины различія между душою тѣхъ и другихъ? Этотъ важный вопросъ до сихъ поръ очень мало разъясненъ, несмотря на всѣ усилія изслѣдователей. Мы видѣли, что различіе между ними дѣйствительно существуетъ и выражается во внѣшнемъ творествѣ человѣка, въ способности его воспроизводить въ матеріальномъ мірѣ свои представленія и мысли. Но какая причина такого различія и отъ чего оно зависитъ, — это остается загадкой и мы должны ограничиться пока только нѣкоторыми соображеніями по этому предмету.

Животныя, подобно человѣку, имѣютъ инициативу; произвольность ихъ движеній не подлежитъ сомнѣнію. Отсюда выводятъ, что нѣтъ основанія относить душу животныхъ къ явленіямъ внѣшней природы, или что нѣтъ причины различать психическую жизнь человѣка отъ жизни матеріальнаго міра. Но самое качество, свойство инициативы животныхъ полагаетъ существенное различіе между ними. Соображая внѣшнія проявленія психической жизни животныхъ, насколько они покуда извѣстны, мы находимъ, что животныя получаютъ внѣшнія впечатлѣнія, но не имѣютъ психическихъ впечатлѣній, другими словами, душа ихъ не отражаетъ въ себѣ того, что въ ней происходитъ. От-

чего это такъ — мы не знаемъ. Нельзя отрицать сознанія въ животныхъ высшихъ порядковъ; въ наиболѣе развитыхъ изъ нихъ матеріальныя впечатлѣнія складываются даже въ обобщенныя представленія; но нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобъ животныя, даже самыя совершенныя, относились къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ и обобщеннымъ представленіямъ также объективно и свободно, какъ человѣкъ, и могли переработывать ихъ въ отвлеченныя общія понятія и представленія; идеальный міръ животныхъ ограничивается повидимому однимъ сознаніемъ впечатлѣній и обобщенныхъ представленій; кажется, вслѣдствіе этого душа животныхъ и не имѣетъ самостоятельности и самодѣятельности, обращена исключительно на внѣшній міръ, подчинена его дѣйствіямъ и вліяніямъ и есть не болѣе какъ аппаратъ или механизмъ, приданный для чисто матеріальныхъ отправленій, имѣющей чисто животное назначеніе; самая инициатива животныхъ, за отсутствіемъ самостоятельной психической жизни, есть чисто матеріальная, обращена на внѣшніе предметы и явленія; творческая ихъ дѣятельность во внѣшнемъ мірѣ, сравнительно съ человѣкомъ, крайне скудна; животныя или вовсе не производятъ новыхъ комбинацій въ окружающемъ ихъ мірѣ, или, если и производятъ, то весьма бѣдныя и ничтожныя, а главное — постоянно однѣ и тѣ же, не умѣютъ ихъ разнообразить, выдумывать новыя, сообразно съ новыми обстоятельствами; производимыя ими новыя группировки данныхъ природы машинообразны, какъ будто внушены извнѣ въ видѣ внѣшняго обязательнаго правила. Не имѣя въ себѣ точки опоры, чтобъ отдѣлиться отъ внѣшней обстановки, противостоять ей, бороться съ нею, животныя подчиняются ей пассивно, принимаютъ и испытываютъ на себѣ ея дѣйствія слѣпо, не разсуждая, въ крайнемъ случаѣ только изловчаясь, чтобъ избѣгнуть опасности, или добыть себѣ пищу. Эти наблюденія поясняются сближеніемъ дѣйствій животныхъ съ произвольными дѣйствіями человѣка. Между тѣми и другими есть замѣчательное сходство, которое бросаетъ яркій свѣтъ и на тѣ и на другія. Цѣлесообразность многихъ очень сложныхъ дѣйствій животныхъ долго оставяла изслѣдователей въ недоумѣніи, не обсуждаютъ ли животныя своихъ поступковъ, не преслѣдуютъ ли въ нихъ обдуманнхъ цѣлей? Опыты съ обезглавленными лягушками разубѣдили въ этомъ и свели психическую сторону подобныхъ дѣйствій на образовавшіеся подъ внѣшними вліяніями рефлексы, которыми совершенно удовлетворительно объясняются и многія произвольныя дѣйствія человѣка. Въ блистательномъ открытіи рефлексовъ и мозговыхъ аппаратовъ, задерживающихъ рефлексъ, реалисты видятъ новый, сильнѣйшій аргументъ противъ самостоятельности и самодѣятельно-

сти психической среды въ человѣкѣ. Мы не знаемъ, на чемъ основано такое заключеніе. Оно было бы неотразимо, еслибъ было доказано, что рефлексы у животныхъ и у человѣка образуются совершенно одинаково; но въ томъ-то и дѣло, что оно не такъ; у животныхъ рефлексы всегда обусловлены внѣшними фактами, въ человѣкѣ же они частью тоже образуются этимъ путемъ, но частью вырабатываются и вслѣдствіе психическихъ фактовъ и данныхъ. Человѣкъ можетъ предвѣренно, рядомъ часто повторенныхъ произвольныхъ движеній, приучить свое тѣло къ движеніямъ непривольнымъ; вспомнимъ только привычки и манеры. Произвольныя движенія, повторенныя намѣренно несчетное число разъ, и обращаются мало-по-малу въ рефлексы. Только этимъ способомъ и могутъ быть объяснены многія рефлексивныя движенія, свойственныя одному человѣку и выражающія различныя его психическія состоянія, — движенія такого рода, каковыхъ мы у животныхъ вовсе не встрѣчаемъ.

Всѣ эти отличія психической жизни человѣка и животныхъ вѣроятно зависятъ отъ различнаго строенія души тѣхъ и другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если психическія отправления животныхъ такъ существенно разнятся отъ человѣческой дѣятельности, то есть основаніе предполагать, что психическая организація ихъ другая. Отсутствіе идеальнаго міра и свободнаго къ нему отношенія указываетъ, какъ мы уже видѣли, на недостатокъ въ душѣ животныхъ способности отражать въ себѣ свои внутреннія состоянія и движенія и перерабатывать ихъ въ новыя формы. Между тѣмъ, душа животныхъ не лишена способности раздвоиться въ себѣ: это видно изъ того, что они имѣютъ сознаніе и обобщенныя представленія; только они относятся къ однимъ явленіямъ внѣшняго міра и съ ними одними имѣютъ дѣло; самостоятельной творческой дѣятельности животныя лишены и потому инициатива ихъ ограничена лишь выборомъ между различными внѣшними впечатлѣніями, тогда какъ душа человѣка, способная обращаться къ самой себѣ, черпаетъ въ самой себѣ мотивы своей дѣятельности, можетъ свободно относиться къ матеріальнымъ влияніямъ и исполнять свои рѣшенія даже наперекоръ внѣшней обстановкѣ; наконецъ, она можетъ жить въ себѣ совсѣмъ другою жизнью, чѣмъ та, къ которой человѣкъ вынужденъ внѣшней обстановкой. Болѣе этого ничего пока нельзя заключить по недостатку данныхъ. Повидимому, все различіе сводится къ неспособности души животныхъ отражаться въ самой себѣ, а вслѣдствіе этого подвергать переработкѣ психическія впечатлѣнія. Недостатокъ этой способности находится, повидимому, въ связи съ особенностями внутренняго раздвоенія души животныхъ; но въ чемъ состоятъ эти особенности и отъ

чего зависятъ, — на это мы не имѣемъ пока никакихъ указаній.

Итакъ, вотъ основанія и условія психической жизни человѣка, опредѣляющія особенное, выдающееся его положеніе посреди другихъ существъ. Мысли и соображенія, высказанныя нами выше по этому предмету, принадлежать не намъ, а давно уже выработаны европейскою наукою. Первое основаніе психологіи, какъ положительной науки, заложили Локкъ и Кантъ, представители двухъ различныхъ направленій психологическихъ изслѣдованій. Первый обратилъ все вниманіе только на ту сторону души, которой она обращена къ матеріальному міру и имъ обусловлена; второй—на явленія, въ которыхъ выражается ея самостоятельность и самодѣятельность. Эти два направленія долго считались и теперь еще большинствомъ считаются противоположными, исключаящими другъ друга, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, они опредѣляются только разными сторонами одной и той же души. Локкъ мимоходомъ, слегка, упоминаетъ о рефлексіи, т.-е. объ отраженіи въ душѣ ея внутреннихъ явленій и ограничивается этимъ намекомъ, не останавливаясь на вопросахъ, что это за фактъ, откуда онъ берется, что онъ значитъ, какую роль играетъ въ психической жизни, какіе его законы. Его гениальныя изслѣдованія были направлены не въ эту сторону. Занятый исключительно разъясненіемъ матеріала, содержанія, перерабатываемаго психическими процессами, Локкъ не обратилъ вниманія на строеніе души, на ея отправленія, на формы психическихъ процессовъ. Послѣдователи его и не думали пополнить этотъ пробѣлъ, оставленный основателемъ школы; напротивъ того, они возвели его недомолвку въ систему, въ принципъ и съ непонятнымъ ослѣпленіемъ отвергаютъ, какъ негѣпость, всякую попытку объяснить законы и условія самостоятельныхъ психическихъ отправленій, существованіе которыхъ однако доказывается неопровержимыми фактами. Благодаря этой исключительности и односторонности, смыслъ великаго философскаго и научнаго движенія Германіи, со временъ Канта до Гегеля включительно, утратился въ настоящее время даже для самихъ нѣмцевъ, у которыхъ теперь реальное направленіе мало-по-малу вытѣсняетъ всѣ другія. Ученія Фихте, Шеллинга, Гегеля кажутся какими-то туманными бессмыслицами; что эти бессмыслицы еще такъ недавно занимали всѣ умы, оказывали огромное вліяніе на науку, руководили умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ и считались его лучшимъ, полнѣйшимъ выраженіемъ,—объ этомъ забыли теперь и думать. Нынѣшнимъ поколѣніямъ Германіи почти стыдно за непонятное, повидимому, увлеченіе отцовъ; они готовы вторить глумленіямъ англичанъ надъ умершимъ нѣмецкимъ идеа-

лизмомъ, къ которому послѣдніе, по складу своего ума, никогда не имѣли ни малѣйшаго сочувствія. Въ Европѣ такая перемѣна взгляда объясняется развитіемъ науки и борьбою партій; но почему мы, русскіе, слѣдуя общему потоку, повторяемъ за другими насмѣшки надъ исчезнувшей германской философійю, — это гораздо труднѣе понять. Стоя внѣ борьбы школъ и направленій, выработавшихся въ западной Европѣ, мы могли и должны бы безпристрастнѣе и самостоятельнѣе относиться къ ихъ враждѣ и ихъ крайностямъ. Идеалистическимъ ученіямъ, разумѣется, нельзя вѣрить на слово; ихъ конечно нельзя признавать за то, за что они себя выдаютъ. Какъ философскія системы міра, онѣ рушились безвозвратно; ихъ логическія основы и построения, — запоздалые отпрыски схоластики, давно уже утратившей живое значеніе и интересъ. Какими-то странными, непривѣтливими кажутся намъ эти одинокія порожденія индивидуальной мысли, посреди страстныхъ порываній современной имъ европейской жизни выбиться изъ прежней колеи и страхнуть съ себя средневѣковую ветошь. Нужно долго, пристально всматриваться въ эти удивительныя созданія нѣмецкаго генія, чтобъ открыть связь и отношенія между ихъ причудливыми планами и узорами и теченіемъ бурнаго потока, который, въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го вѣка выводилъ европейскую мысль изъ всевозможныхъ затворовъ на свѣтъ божій. Что же могло породить эти системы и ученія? Какая потребность могла внушить ихъ? Чтò они собою выражаютъ и чѣмъ объяснить неизмѣримое ихъ вліяніе на современниковъ? Мы думаемъ, что идеалистическія системы, вызванныя критическими трудами Канта, представляютъ изслѣдованія логическихъ формъ психической жизни, и въ этомъ, какъ намъ кажется, состоитъ ихъ значеніе и заслуга; этимъ же объясняется ихъ успѣхъ и ихъ быстрое паденіе. Нѣмецкій идеализмъ имѣлъ дѣло исключительно съ однимъ только психическимъ матеріаломъ, съ фактами, явленіями и законами психической жизни; всѣ его предпосылки — психологическаго свойства; законы, выдаваемые имъ за міровые, суть въ дѣйствительности законы души и ея отправления; атрибуты, приписываемые имъ божеству, на самомъ дѣлѣ атрибуты челоуѣческой души. Сведите міровыя системы Фихте, Шеллинга и Гегеля къ болѣе скромнымъ размѣрамъ ученій о психической жизни, отнесите ихъ изслѣдованія не къ «всемірному духу» и законамъ вселенной, а къ челоуѣческой душѣ и ея законамъ, — и тотчасъ же бессмысленное въ этихъ системахъ окажется исполненнымъ смысла, кажущійся бредъ превратится въ замѣчательныя открытія, въ тонкія, глубокія и превосходныя психологическія изслѣдованія, которыя и теперь сохраняютъ безотносительную цѣну и важность въ наукѣ. Прав-

да, въ названныхъ системахъ, какъ сказано, разрабатывались только логическія формы психической жизни; въ этомъ ихъ слабая сторона. Обращая вниманіе исключительно на одну, такъ сказать, оболочку психической жизни, нѣмецкіе философы-идеалисты заплатили дань своему вѣку, получившему исходную точку и приемы въ наслѣдство отъ схоластики; но говоря это, не забудемъ, что въ то время не было для психологическаго изслѣдованія никакого другого матеріала, кромѣ логическихъ формъ, и психологія могла быть въ то время выработана только изъ логики, точно также, какъ въ свое время греки могли выработывать логику только изъ грамматики и реторики. Неподражаемая изслѣдованія логическихъ формулъ, составляющія существенное содержаніе нѣмецкихъ идеалистическихъ системъ, выяснили строеніе душевнаго организма, которое въ нихъ выражается и скрыто за ними, а также психическіе процессы и операціи. Послѣ этихъ необходимыхъ приготовительныхъ работъ, на нашу долю остается только трудъ относительно легкій—высвободить психическое содержаніе изъ логическихъ пеленокъ, которыми оно еще слегка повито и тѣмъ завершить вѣковыя усилія идеализма.

Разсматривая нѣмецкія идеалистическія ученія съ этой точки зрѣнія, мы находимъ, что они имѣютъ для психологіи, какъ положительной науки, неоспоримое и огромное значеніе, которое будетъ оцѣнено лишь впоследствии, когда психическая жизнь выяснится, хотя бы только въ главныхъ своихъ чертахъ и явленіяхъ. Германскій идеализмъ съ полнымъ вниманіемъ остановился на свойствахъ души, безъ уясненія которыхъ психическая жизнь навсегда останется для насъ непонятной, и изслѣдовалъ ихъ во всей подробности, разумѣется, насколько они обнаруживаются въ логическихъ формахъ. Основаніемъ всей системы Фихте служить безусловное *Я*, создающее изъ самого себя свою противоположность, *не-я*, внѣшній міръ; пантеистическія воззрѣнія Шеллинга вытекаютъ изъ разработки логической формулы $A=A$; Гегель построилъ свою систему на томъ основномъ законѣ, что каждое положеніе, вслѣдствіе внутренней необходимости, переходитъ въ отрицаніе самого себя, и потому обѣ противоположности разрѣшаются въ высшемъ гармоническомъ единствѣ. Всѣ эти удивительныя построенія, почти неимѣющія въ нашихъ глазахъ никакого смысла, тотчасъ же дѣлаются вполне понятными, какъ только мы подмѣтимъ, что указанныя основанія системъ не что иное, какъ логическія выраженія свойствъ души раздвоятся, оставаясь единой, выдѣлять себя изъ самой себя, смотрѣть на себя какъ на нѣчто постороннее и узнавать себя въ этомъ постороннемъ. Нѣмецкій идеа-

лизмъ разработалъ съ величайшею подробностью логическія формулы, въ которыхъ это свойство души выражается, и тѣмъ дополнилъ существенный пробѣлъ, оставленный англійскими психологами и изслѣдованіями современныхъ реалистовъ. Говоря о строеніи и основныхъ свойствахъ души, нельзя обойти молчаніемъ роль и значеніе идеалистовъ. Реальное направленіе, въ этомъ отношеніи, ничего не сдѣлало; напротивъ, отрицая душу и ея самостоятельность, стараясь свести всѣ психическія явленія къ пассивнымъ результатамъ внѣшнихъ вліяній, реализмъ направилъ психологическія изслѣдованія въ ошибочную колею, изъ которой они до сихъ поръ не могутъ выбиться, вопреки очевиднымъ и несомнѣннымъ даннымъ.

Крайности современнаго реализма очень неблагоприятно отразились и на изученіи исторіи философіи. Читая Льюиса или Дюринга больно видѣть, до какой близорукости и слѣпоты доходятъ послѣдователи этого направленія. Скучность пониманія, при упадкѣ идеализма и эксцентричностяхъ реального направленія, такъ велика, что лучшими книгами по исторіи философіи должно признать, изъ выходящихъ теперь, одни учебники по этому предмету, сообщающіе, безъ всякихъ взглядовъ, голые факты и литературу. Но именно исторія философіи и могла бы, какъ намъ вѣжется, служить неопровержимымъ подтвержденіемъ истины, что безъ идеализма, правильно понятаго и поставленнаго въ должныя границы, нельзя и думать о разрѣшеніи психологическихъ задачъ. Выдѣливъ изъ философскихъ ученій все то, что относится къ теоріи и системѣ положительныхъ наукъ, мы получимъ въ остаткѣ усилія ума открыть и объяснить законы психической жизни. Крайнее разнообразіе этихъ попытокъ зависитъ не отъ одной только сложности предмета и задачи, но также и отъ того, что психическая сторона человѣка не есть нѣчто однажды навсегда опредѣлившееся и законченное, а развивается, какъ все живое, и въ разные періоды исторической жизни человѣческаго рода является въ различныхъ фазисахъ своего развитія. Сначала психическіе элементы подавлены внѣшней природой и едва заявляютъ свое существованіе; затѣмъ, они мало-по-малу высвобождаются изъ-подъ внѣшнихъ вліяній и вырабатываются до самостоятельности. Ступени такого развитія обозначаются постепеннымъ, все болѣшимъ и болѣшимъ различеніемъ матеріальныхъ элементовъ отъ психическихъ, за которымъ наступилъ совершенный разрывъ между тѣми и другими и ихъ рѣзкое противоположеніе другъ другу. Апогеемъ этого періода развитія было полное торжество психическаго элемента надъ матеріальнымъ; послѣдній ступевался передъ первымъ,

какъ вначалѣ, наоборотъ, перваго почти вовсе не было видно изъ-за послѣдняго. Достигнувъ этой точки, психическіе элементы начинаютъ, точно также постепенно, снова сближаться съ матеріальнымъ міромъ. Полное ихъ соглашеніе и гармоническое сліяніе есть задача будущаго, которое представляется намъ пока въ очень туманныхъ чертахъ, значительно искажаемыхъ воспоминаніями о прожитыхъ фазисахъ развитія. Какъ же, спрашивается, относилась философія къ этому ходу развитія психическаго элемента въ исторіи? Она шла съ нимъ рука объ руку, то опережая его, то отставая и объясняя уже совершившіеся факты. По мѣрѣ того, какъ въ самой дѣйствительности центръ тяжести перемѣщался изъ матеріальнаго міра въ психическій, философія переносила въ идеальный міръ основныя начала бытія, которыя сначала искала въ матеріальныхъ фактахъ и элементахъ; когда же такое перемѣщеніе окончательно совершилось и началось обратное движеніе къ матеріальному міру, философія стала тщательно изучать явленія и факты психической жизни и завершила свои труды изслѣдованіемъ ея основныя началъ и условій, продолжая въ ней видѣть единственный источникъ бытія. Вотъ почему мы думаемъ, что исторія философіи, рано или поздно, должна обратиться въ критическую исторію постепеннаго изученія и объясненія явленій, законовъ и развитія психической жизни. Въ томъ видѣ, какъ теперь передаются философскія системы и ученія, они являются какими-то мистическими космогоніями, чуть-чуть не кабалистическими доктринами, къ которымъ затеряны. Философія, какъ она развилась въ исторіи, представляетъ аналогическое явленіе съ астрологіей, алхиміей и народной медициной, въ которыхъ тоже скрывались зачатки положительныхъ наукъ, но затерянные посреди разнообразнѣйшаго и разнороднѣйшаго матеріала. По своему существенному содержанію, философскія системы и ученія заключаютъ въ себѣ, часто въ иносказательной формѣ, психологическія наблюденія и изслѣдованія, которыя теперь предстоитъ очистить отъ постороннихъ примѣсей, привести въ систему и возвести въ положительную науку о человѣческой душѣ,—Психологию.

Б. Бавелинъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРИИ МАСОНСКИХЪ ЛОЖЪ

III. Возобновленіе масонскихъ ложъ при имп. Александрѣ*).

Первое формальное разрѣшеніе ложъ при императорѣ Александрѣ I и первыя ихъ отношенія съ официальной властью начались, кажется, въ 1810-мъ году. Въ это время всѣ управляющіе ложами призваны были къ министру полиціи, и по высочайшему повелѣнію взяты на разсмотрѣніе всѣ ихъ акты¹⁾. Взятые акты были потомъ возвращены Бёберу (главному руководителю директоріальной ложи Владиміра въ порядку) гр. Разумовскимъ, тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, который такимъ образомъ также принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Существованіе ложъ, ранѣе основанныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и учрежденіе новыхъ, было разрѣшено; но ложи поставлены были подъ официальный контроль: масонское управленіе обязано было представлять министру полиціи отчеты о занятіяхъ и о составѣ ложъ. Причиной, почему правительство обратило тогда вниманіе на ложи, масоны полагали, какъ говорятъ, доносъ, будто бы сдѣланный на нихъ извѣстнымъ Фесслеромъ. Какъ въ точности происходило это дѣло, откуда дѣйствительно шла первая его инициатива, въ чемъ заключалось разсмотрѣніе актовъ и сдѣланные изъ того выводы, пока еще не раскрыто; и

*) См. выше: янв. 174 стр.

¹⁾ Богдановичъ, Ист. VI, стр. 406.

былъ ли дѣйствительно «доносъ», трудно сказать. Въ настоящемъ случаѣ мы укажемъ нѣсколько документовъ, имѣющихъ отношеніе къ этому разсмотрѣнію актовъ и разрѣшенію ложъ.

Эти документы находятся въ коллекціи московскаго Музея, въ сборникѣ различныхъ масонскихъ бумагъ стараго и новаго времени (по каталогу № 2). Изъ нихъ еще не видно связи этого дѣла, но есть однако нѣкоторыя данныя для разъясненія тогдашнихъ масонскихъ отношеній.

Во-первыхъ, любопытенъ здѣсь одинъ документъ, писанный по-французски. Это—записка или докладъ имп. Александру (въ черновой или въ копіи), писанный неизвѣстно кѣмъ, но очевидно въ то самое время, когда поднятъ былъ вопросъ о масонствѣ. Докладъ или записка говоритъ о предметѣ, который уже имѣлся въ виду и подвергался обсужденію. Приводимъ этотъ документъ въ переводѣ:

Я счелъ долгомъ представить В. В-ву нѣкоторыя мысли относительно тѣхъ мудрыхъ мѣръ, которыя В. В-во предполагаете употребить для устройства масонства. Онѣ кажутся мнѣ способными обезпечить успѣхъ вашихъ намѣреній.

Хорошее устройство масонства въ имперіи должно принести двѣ существенныя выгоды:

1. Оно должно остановить увеличеніе испорченности нравовъ, устанавливая добрую нравственность, утвержденную на прочномъ основаніи религіи.

2. Оно должно воспрепятствовать введенію всякаго другого общества, основаннаго на вредныхъ началахъ, и такимъ способомъ образовывать родъ постоянного, но незамѣтнаго надзора, который, по своимъ тайнымъ сношеніямъ съ министерствомъ полиціи, доставилъ бы ему такъ сказать залогъ противъ всякой попытки, противной предполагаемой цѣли.

Чтобы установить это устройство способомъ вѣрнымъ, необходимо слѣдовать двумъ началамъ, которыя неизбѣжно приведутъ къ желаемому результату:

1. Сколько возможно, скрывать дѣйствіе полиціи въ ея прісмотрѣ, такъ, чтобы не только публика вообще, или тѣ, кто пытался бы ввести эти вредныя начала, не подозрѣвали этого надзора; но чтобы самыя члены ложъ оставались въ невѣдѣніи, что они находятся подъ прісмотромъ или покровительствомъ правительства, и чтобы только начальники ордена участвовали въ этой тайнѣ.

2. Установить масонство во всей его первоначальной чистотѣ. Все то, что могли прибавить къ нему въ нѣкоторыхъ странахъ отдаленныя обстоятельства, чуждыя цѣли В. В-ва, должно быть разсматриваемо какъ подробности, чуждыя для насъ и которыя легко отдѣлать отъ существенной части.

Когда устройство этого ордена будетъ разъ очищено и утверждено такимъ образомъ, было бы необходимо образовать центръ соединенія, къ которому примыкали бы и гдѣ сходились бы всѣ учрежденія этого рода, какія могли бы образоваться внутри имперіи, въ какомъ бы то ни было мѣстѣ.

Эти учрежденія сдѣлались бы и единственнымъ предохраненіемъ противъ зла, которое могло бы проникнуть въ страну путями, удаленными отъ присмотра, установленнаго въ столицѣ; и сдѣлались бы удобствомъ надзора для общей полиціи (la police générale des mœurs), которое трудно было бы замѣнить какимъ-нибудь другимъ средствомъ.

Этимъ центромъ соединенія была бы ложа-мать, основанная въ столицѣ.

Всякая другая ложа въ имперіи, не учрежденная этою ложей-матерью, не должна бы быть терпима.

Эти мѣры, государь, проводимыя благоразумно и въ тайнѣ, обезпечили бы успѣхъ предполагаемаго плана, такъ что намѣреніе В. В-ва было бы совершенно исполнено.

Трудно угадывать, кѣмъ могла быть представлена эта бумага, но въ концѣ концовъ дѣло было устроено именно такъ, какъ предлагалось въ этой запискѣ.

Въ томъ же сборникѣ мы имѣемъ другой документъ, относящійся къ этому дѣлу — самое объявленіе министра полиціи начальникамъ петербургскихъ ложъ. Читатель замѣтитъ, что въ этомъ объявленіи есть общія черты съ предыдущей запиской.

Отъ министра полиціи начальникамъ масонскихъ обществъ, въ Спб. существующихъ.

Начальникамъ существующихъ здѣсь масонскихъ обществъ извѣстно, что правительство, зная ихъ существованіе, не полагало никакихъ препятствій ихъ собраніямъ. Съ своей стороны и общества сіи заслуживаютъ ту справедливость, что доселѣ не подавали они ни малѣйшаго повода къ какому-либо на нихъ притязанію.

Но неосторожностію нѣкоторыхъ членовъ, взаимными ложъ составленіями и нѣкоторою поспѣшностію къ разширенію ихъ новыми и непрестанными принятіями, бытіе сихъ обществъ слишкомъ огласилось. Изъ тайныхъ они стали почти явными, и тѣмъ подали поводъ невѣжеству или злонамѣренности къ разнымъ на нихъ нареканіямъ.

Въ семъ положеніи вещей и дабы положить преграду симъ толкованіямъ, правительство признало нужнымъ войти подробнѣе въ правила сихъ обществъ и удостовѣриться въ тѣхъ основаніяхъ, на коихъ они могутъ быть терпимы или покровительствуемы.

Цѣль истиннаго масонства не можетъ быть никому предосудительна.

Правительство надѣется, что начальники обществъ откровенностію своею докажутъ, что они знаютъ сію цѣль и искренно желаютъ ее достигнуть.

На сей конецъ съ начальниками сихъ обществъ учредятся *доверенныя* и отъ обыкновенныхъ полицейскихъ мѣръ совершенно чуждыя *сношенія*. Правительство избересть отъ себя двухъ особъ, знаніемъ и степенями своими въ масонскомъ дѣлѣ извѣстныхъ. Съ сими двумя лицами подѣ непосредственнымъ наблюденіемъ министра просвѣщенія каждый начальникъ ложи войдетъ въ сношенія и изложитъ имъ въ духѣ довѣренности и братства правила, основанія и систему своей ложи.

Между тѣмъ имянемъ кореннаго закона, всѣмъ масонскимъ ложама общаго, назначается: 1) чтобъ съ сего времени до послѣдняго окончанія всѣхъ выше означенныхъ сношеній приостановлены были во всѣхъ ложахъ новыя членовъ принатія; 2) чтобъ сношенія съ начальниками ложъ, отъ правительства устанавливаемыхъ, были сохраняемы каждымъ изъ нихъ лично въ *совершенной тайнѣ* не только для публики, но и для членовъ самыхъ ложъ. Всякое о семъ разглашеніе обратится въ сущій вредъ самимъ симъ обществамъ.

Въ С.-Петербургѣ,
августа > дня,
1810.

Далѣе, мы находимъ въ сборникѣ свѣдѣнія о петербургскихъ ложахъ, собранныя вѣроятно министромъ полиціи, вслѣдствіе упомянутого высочайшаго повелѣнія.

Собранныя свѣдѣнія отъ начальниковъ ложъ: Жеребцова, Вельгорскаго ¹⁾ и Сергѣева.

Ложа Жеребцова, подѣ названіемъ Loge des Amis Réunis, имѣетъ 50 членовъ дѣйствительныхъ и 29 почетныхъ, коимъ реестръ при семъ прилагается:

Жеребцовъ принятъ былъ въ Парижѣ, во время консульства, и получилъ тамъ патентъ и акты, по которымъ онъ управляетъ здѣсь сію ложу.

Сношеній однакожь никакихъ, по увѣренію его, съ французскими ложами онъ не имѣетъ.

Въ ложѣ сей должны быть 5-ть родовъ собраній:

- 1) приѣмныя;
- 2) фамильныя, или хозяйственныя для внутреннихъ распоряженій;
- 3) учебныя;
- 4) праздничныя;
- 5) печальныя.

¹⁾ Такъ и дальше, см. Вельгорскаго.

Въ похвалу сихъ братствъ сказать должно, что они дѣлаютъ много благодѣній, посѣщаютъ тюрьмы, помогаютъ бѣднымъ и проч.

Всѣ акты, протоколы собраній и проч. изъ сей ложи получены.

Ложа Вельгорскаго, подъ названіемъ Loge de la Palestine, не имѣетъ никакихъ особыхъ правилъ, а работаетъ по системѣ Жеребцова.

Весь ихъ архивъ, мнѣ доставленный, состоитъ въ нѣсколькихъ тетрадяхъ, выписанныхъ изъ актовъ вышепоказанной ложи.

Членовъ 75, коимъ списокъ при семъ прилагается.

Ложа Сергѣева учреждена была въ 1805-мъ году подъ названіемъ *Пелликанъ*, потомъ раздѣлилась на три ложи, кои, слѣдя шведской системѣ, находятся подъ управленіемъ четвертой, директоріальной.

Сии три соединенныя ложи, подъ названіями:

<i>Елизавета</i> ,	управляемая	Сергѣевымъ;
<i>Александръ</i> ,	„	Розенштраухомъ;
<i>Петръ</i> ,	„	Еллизеномъ.

Директоріальная, *Владиміръ*, подъ управленіемъ дѣйств. ст. со- вѣтника Бебера.

Членовъ въ 3-хъ соединенныхъ ложахъ, книгъ здѣсь находящихся, 114, коимъ списокъ при семъ прилагается.

Всѣ акты и протоколы собраній получены!

Замѣчанія. О первыхъ двухъ ложахъ, Жеребцова и Вельгорскаго, замѣтить должно: что система ихъ ничего осудительнаго въ себѣ не заключаетъ, что бумаги ихъ состоятъ изъ однихъ обрядовъ и церемоніаловъ; что ученія въ нихъ мало, и предмету никакого, въ чемъ сами начальники согласуются. Оба признавались мнѣ, что они никакой точной цѣли не имѣютъ, и масонской тайны никакой не вѣдаютъ.

Въ такомъ положеніи никакая ложа существовать долго не можетъ. Занимаясь одними наружными обрядами, церемоніалами и приѣмами, въ продолженіи времени занятіе сіе членамъ конечно покажется скучнымъ; и тогда, или вовсе ложа должна рушиться, или превратится въ общество шумное и непристойное, въ коемъ главной цѣлью собраній будетъ ложа столовая. Примѣры такого ходу бывали вездѣ, гдѣ масонскія ложи учреждались не на истинномъ и твердомъ основаніи.

Но сверхъ того замѣтить слѣдуетъ, что система сія весьма удобна къ полученію всякаго направленія, какъ полезнаго, такъ и вреднаго. Въ добромъ намѣреніи она можетъ быть обращена къ полезной для нравственности цѣли. Въ противномъ она же можетъ сдѣлаться средствомъ къ распространенію вредныхъ и опасныхъ внушеній.

О системѣ трехъ соединенныхъ ложъ сказать должно, что она полнѣе французской и весьма близко подходитъ къ истинному масонству.

Слѣдственно, съ нѣкоторымъ исправленіемъ и пополненіемъ, легко можно принять надлежащее и желаемое направленіе.

Документы, мнѣ доставленные отъ всѣхъ начальниковъ, вручены для подробнѣйшаго ихъ разсмотрѣнія чиновникамъ, къ тому назначеннымъ.

Наконецъ, въ томъ же сборникѣ находятся и списки членовъ тѣхъ ложъ, о которыхъ упоминается въ предыдущихъ бумагахъ, т.-е. списки 1810-го года (актовъ и протоколовъ собраний здѣсь нѣтъ). Эти списки даютъ понятіе о составѣ тогдашнихъ ложъ.

Въ ложѣ Amis Réunis, работавшей по французской системѣ Жеребцова съ высшими степенями, мы находимъ между прочимъ слѣдующихъ лицъ.

Въ степени Rose-Croix (это—французская степень съ именемъ розенкрейцерства, которой не слѣдуетъ смѣшивать съ нѣмецкимъ розенкрейцерствомъ) были: герцогъ Александръ Виртембергскій, Алекс. Жеребцовъ, гр. Станиславъ Потоцкій, гр. Александръ Остерманъ-Толстой, генераль-маіоръ Ник. Бороздинъ, Оде-де-Сіонъ и проч. Въ степени «рыцарей Востока», chevaliers d'Orient, упомянуть самъ Балашовъ, министръ полиціи (!). Въ степени «великихъ шотландцевъ», grands Ecossais, названъ въ числѣ другихъ Сергій Ланской. Въ степени «избранныхъ», élus (эта степень называлась въ старину «элюсской»): графъ Иванъ Воронцовъ, гр. Дм. Зубовъ, церемоніймейстеръ двора Ив. Нарышкинъ, вн. Павелъ Лопухинъ, колл. асс. Василій Пушкинъ и проч. Въ степени мастера: гр. Ярославъ Потоцкій, гр. Геракліусъ и Луи Полиньяки и проч. Въ другомъ разрядѣ мастеровъ (вакихъ, неизвѣстно) названъ Алекс. Бенкендорфъ. Далѣе слѣдуютъ товарищи и ученики. Въ числѣ почетныхъ членовъ—Фесслеръ, отст. ген.-лейт. Купелевъ, Боэльдье (композиторъ), Дальмасъ (франц. актеръ и отчасти литераторъ). Членами-основателями этой ложи названы: Жеребцовъ, Остерманъ-Толстой, Оде-де-Сіонъ, Карбоннье, Чаплицъ, Бернаръ, Чекалевскій.

Въ ложѣ *Палестины*, находившейся въ управленіи Вельгорскаго и которой списокъ помѣченъ сентябремъ 1810, мы находимъ между прочимъ и болѣе высокія французскія степени, чѣмъ въ предыдущей.

На первомъ планѣ—Шаррьеръ де-Монтеранъ, который по «гражданскому» своему положенію былъ не болѣе какъ гувернеръ у того же министра полиціи, а по масонскому достоинству былъ Grand Chevalier Elu Kadosch, prince de Liban et de Jerusalem, «великій избранный рыцарь Кадощъ, князь ливанскій и іерусалимскій». Докторъ Беньи былъ Grand Chevalier Ecossais, prince de Jerusalem. Потомъ Rose-croix Вельгорскій; да-

лѣ chevaliers d'Orient, chevaliers écossais, въ числѣ которыхъ упомянуть уроженецъ Меца, инженеръ Pierre Dominique Bazaine (отецъ маршала второй имперіи). Въ числѣ élus мы находимъ кн. Александра Ипсиланти. Между «учениками» забавно встрѣтить извѣстнаго тогда ресторатора—Тардифа. Въ низшихъ степеняхъ большею частію были французскіе и нѣмецкіе купцы, артисты и т. п.

Въ соединенныхъ ложахъ *Елизаветы, Александра и Петра*, подъ управленіемъ Великой Директоріальной Ложи *Владимира*, названы слѣдующія лица: великимъ мастеромъ Директор. Ложи былъ Бѣберъ; — великими и намѣстными мастерами въ ложѣ Елизаветы были дѣйств. ст. сов. Сергѣевъ и ген.-майоръ Синицынъ; — въ ложѣ Александра: Розенштраухъ и Риземанъ; — въ ложѣ Петра: Элизенъ и Свенске. Въ числѣ другихъ членовъ названы ген.-лейт. Кушелевъ, профессора Кайдановъ, Фесслеръ, Лоди, Гауэншильдъ, камергеръ Жеребцовъ, гр. Зубовъ, вавалеріи поручикъ кн. Лопухинъ, семеновскіе и преображенскіе офицеры, иностранные купцы, доктора и проч. Въ числѣ почетныхъ членовъ—сенаторъ Кутузовъ, Лабзинъ.

Какъ происходило разсмотрѣніе актовъ и къ чему именно оно привело, здѣсь нѣтъ о томъ достаточныхъ свѣдѣній. Выше мы упомянули извѣстіе, что акты ложъ были возвращены Бѣберу, управлявшему «соединенными ложами». Что касается другихъ ложъ, то, напр., ложа Палестины не получала своихъ актовъ еще въ октябрѣ 1811-го года; намѣстный мастеръ этой ложи обращался (8 окт. 1811) къ гр. Разумовскому съ просьбой объ ихъ возвращеніи и съ вопросомъ, можетъ ли ложа, получивши документы, возобновить принятія членовъ, остановленныя больше года, Разумовскій рекомендовалъ ему обратиться съ этой просьбой къ министру полиціи ¹⁾).

Въ біографіи Сперанскаго, бар. Корфа, есть свѣдѣнія, что около того самаго времени Сперанскій былъ назначенъ членомъ въ особо учрежденный отъ правительства комитетъ для разсмотрѣнія масонскихъ дѣлъ, и что вслѣдствіе того, онъ «съ вѣдома правительства» принять былъ въ масонскіе обряды подѣ

¹⁾ Сборникъ масонской переписки 1811—1822 г. на французскомъ языкѣ, Муз. № 114. Письмо Разумовскаго отъ 11 октября 1811 года «...J'ai l'honneur de vous assurer qu'il n'y a qu'une seule loge à laquelle j'ai restitué des documens, par ordre suprême (это вѣроятно—ложа Бѣбера). N'étant que le dépositaire de ces papiers, c'est au ministre de la police que vous voudrez bien vous adresser pour tout ce qui concerne cet objet» и проч.

предсѣдательствомъ доктора Фесслера. Едва ли сомнительно, что это было то самое разсмотрѣніе масонскихъ дѣлъ, въ которомъ мы видимъ участвующими министра полиціи Балашова и министра народнаго просвѣщенія, гр. Разумовскаго. Последніе были уже знакомы съ предметомъ, и Балашовъ былъ даже самъ «братомъ» въ ложѣ Соединенныхъ Друзей,—только Сперанскому надо было приобрести необходимыя масонскія познанія, чтобы участвовать въ разсмотрѣніи,—и для этого вѣроятно послужило посвященіе Фесслера ¹⁾. Кто былъ еще въ комитетѣ, мы пока не знаемъ. Въ приведенной выше бумагѣ сказано, что для подробнѣйшаго разсмотрѣнія масонскіе документы были отданы (министромъ полиціи) назначеннымъ для того чиновникамъ. Вѣроятно, къ этому подробнѣйшему разсмотрѣнію относится одинъ документъ, находящійся въ томъ же сборникѣ московскаго Музея.

Это — копія записки (написанной первоначально, очевидно, по-французски) о масонскихъ ложахъ въ Петербургѣ, составленной Розенкампомъ и Фесслеромъ (на 44 стр. въ листъ). Не входя въ ея подробности, мы укажемъ только общее ея содержаніе. Авторы записки или донесенія дѣлятъ его на двѣ части: первая излагала тогдашнее состояніе ложъ; во второй они общаются говорить объ истинномъ масонствѣ и о средствахъ уничтожить масонскія злоупотребленія. Указавъ въ началѣ, что петербургскія ложи основаны по двумъ системамъ: шведской и французской (какъ упомянуто выше), записка представляетъ нѣчто въ родѣ исторіи масонства, довольно подробной, съ изложеніемъ разныхъ системъ, разныхъ обмановъ, происходившихъ въ орденѣ, какъ, напр., въ системѣ тамплиерства. Въ заключеніи, собственная мысль авторовъ высказывается такимъ образомъ: «Истинное масонство соображается со всякимъ христіанскимъ ученіемъ и, какое бы масоны ни исповѣдовали, оно стремится возбудить во всѣхъ человѣкахъ чувства прямо благочестивыя и христіанскія, и сберечь ихъ отъ фанатизма и живой mysticité, не вводя въ нововѣріе...». Упомянувъ о разнообразныхъ системахъ масонства, записка говоритъ: «.....Мы знаемъ обряды по крайней мѣрѣ 50 градусовъ различныхъ системъ (во Франціи), которыя всѣ не иное что какъ вырожденія (modification) и перемѣны, больше или меньше глупыя, новаго англійскаго масонства или системы Клермонъ. Германія представляетъ по крайней мѣрѣ столько же примѣровъ, и потребны

¹⁾ О посвященіи въ масонство Сперанскаго мы упоминали въ «Очерк. общ. движенія», стр. 382 и слѣд. »

цѣлыя книги, дабы изобразить различности ¹⁾ сей части гисторіи заблужденія ума человѣческаго. Ованчивая сіе донесеніе, мы надѣемся изложить въ другомъ представленіи истинную систему древняго масонства, и способы, какіе правительство можетъ употребить не только для избѣжанія злоупотребленій, въ которыя впали касательно сего предмета во всѣхъ земляхъ, но что можно воспользоваться масонствомъ и для просвѣщенія цѣлой націи».

Мы не находимъ въ сборникѣ московскаго Музея этого «другаго представленія» объ истинной системѣ древняго масонства, — но встрѣчаемъ статью, которая могла имѣть сюда отношеніе. Это — статья, гдѣ излагается система берлинской ложи Ройяль-Юркъ, введенная Фесслеромъ въ этой ложѣ еще въ первую пору его масонской дѣятельности въ Германіи, около 1798 года.

Представленіе объ истинной системѣ масонства, исходящее отъ Фесслера, могло естественно быть въ связи съ его собственной системой, съ которой онъ выступилъ въ нѣмецкомъ масонскомъ мірѣ, и если статья о ложѣ Ройяль-Юркъ не была его «представленіемъ», то появленіе ея въ ряду указанныхъ документовъ едва ли было случайно. Эту свою систему Фесслеръ безъ сомнѣнія сообщалъ и Сперанскому, при его посвященіи. Въ музейномъ сборникѣ статья помѣщена подъ заглавіемъ: «Каменьщическая система ложи ²⁾ Ройяль-Юркъ, посвященная дружбѣ, и представленная въ томъ видѣ, въ какомъ составлена бр. Фесслеромъ» (46 стран.; сравн. Kloss, Bibliogr. № 1960).

Перечисленные документы не объясняютъ пока всей исторіи официальнаго разсмотрѣнія актовъ и дѣйствій ложъ, существовавшихъ въ Петербургѣ въ 1810 году, и потомъ разрѣшенія ихъ на послѣдующее время; но очевидно, что Фесслеръ и Розенкампфъ играли довольно дѣятельную роль въ этой исторіи, и припомнивъ рассказы Штейна, занесенные въ его біографіи, — о томъ, какъ въ то время Сперанскій, наклонный къ мечтательному мистицизму и вѣрившій въ возрожденіе міра посредствомъ тайныхъ обществъ, вступилъ въ сношенія съ Фесслеромъ и Розенкампфомъ, домъ котораго сдѣлался центромъ масонскихъ ложъ, и о томъ, какъ Фесслеръ составлялъ для Сперанскаго проектъ соединенія въ одно цѣлое всѣхъ тайныхъ обществъ, т.-е. всѣхъ масонскихъ ложъ, — припомнивъ эти рассказы, можно думать, что они должны относиться именно къ

¹⁾ Т.-е. подробности.

²⁾ Вмѣсто этого слова обыкновенная фигура четверугольника; дальше вм. «посвященная» должно быть: «посвященной», т.-е. ложи.

тому предмету, о которомъ идетъ рѣчь въ указанныхъ документахъ: дѣло только преувеличено въ разсказахъ Штейна, и то, что онъ считалъ частнымъ дѣломъ Сперанскаго, Розенкампа и Фесслера, имѣло официальную подкладку ¹⁾).

Сами масоны, надъ которыми Фесслеръ былъ здѣсь поставленъ какъ бы судьей, относились къ нему, кажется очень не дружелюбно. Они конечно опасались его нововведеній, грозившихъ ихъ преданіямъ и собственному ихъ значенію; какъ выше сказано, они приписывали самое начало этого дѣла его доносу и съ своей стороны принимали противъ него свои мѣры. Во всякомъ случаѣ къ нему были очень враждебны тѣ масоны, которые принадлежали къ старой школѣ и придавали большое значеніе высшимъ степенямъ, потому что Фесслеръ не вѣрилъ въ высшія степени и старался устранить ихъ въ своей реформѣ масонства. Въ другомъ мѣстѣ мы упоминали, съ какою злостью говорить о Фесслерѣ одинъ изъ главныхъ представителей высшихъ степеней, Бёберъ. Въ сборникѣ московскаго Музея есть два документа, въ которыхъ остались слѣды враждебныхъ отношеній, порожденныхъ вмѣшательствомъ Фесслера въ масонскія дѣла. Одинъ изъ этихъ документовъ есть короткая біографическая записка о Фесслерѣ, на нѣмецкомъ и на русскомъ языкѣ, гдѣ изображается въ весьма неблагоприятномъ свѣтѣ его личный характеръ и его масонская дѣятельность. Другой документъ есть русскій переводъ письма, писаннаго къ Бёберу однимъ изъ значительнѣйшихъ берлинскихъ масоновъ, къ которому тотъ обращался за свѣдѣніями о Фесслерѣ. Отвѣтное берлинское письмо помѣчено ноябрёмъ 1810 года; письмо Бёбера писано было въ концѣ сентября, слѣдовательно въ самомъ разгарѣ этой исторіи. Изъ двухъ этихъ документовъ мы вполнѣ приведемъ послѣдній, какъ болѣе любопытный:

Высокопочтенный и любезный братъ,

Почтенное письмо ваше, отъ 20-го сентября, получено мною 1-го сего мѣсяца. Къ сожалѣнію, я не былъ дома, когда г. совѣтникъ Мейеръ принесъ мнѣ оное. Онъ велѣлъ мнѣ сказать, что охотно беретса доставить вамъ отвѣтъ мой, который я ему собственноручно и вручу. Извините, что я не прежде отвѣчалъ вамъ и что пишу къ вамъ съ братскою искренностію; первое потому не могъ прежде исполнить, что хотѣлъ сперва имѣть вѣрное свѣдѣніе о Фесслерѣ, а второе сдѣлалъ въ надеждѣ вступить съ вами въ тѣснѣйшую связь и сношеніе.

Я помню, любезный братъ, что назадъ тому 28 лѣтъ я имѣлъ честь познакомиться съ вами въ то время, когда вы проѣзжали или возвра-

¹⁾ Pertz, т. III, стр. 57 и слѣд.

щались изъ Вильгельмсбада; но я думаю, вы ошибаетесь въ годѣ, ибо мы встрѣтились у покойнаго брата Циннендорфа, который умеръ въ 1782-мъ году¹⁾. Впрочемъ, какъ бы то ни было, мнѣ все очень пріятно начать съ вами переписку. Съ большимъ участіемъ и съ искреннимъ удовольствіемъ видѣлъ я изъ письма вашего и изъ приложеннаго при ономъ, въ какомъ положеніи теперь въ Россіи древній и высокопочтенный нашъ орденъ. Желая отъ всего сердца вамъ и почтенному братству успѣха въ начинающихъ работахъ вашихъ. Да не прервутся никогда оныя.

Наша матеръ-лога почтетъ себѣ за честь вступить въ сношеніе съ вашею Директоріальною Ложею Владиміромъ; для сего нужно лишь вашей Директоріальной Ложѣ изъявить нашей матери-ложѣ свое желаніе; письмо ваше адресуйте ко мнѣ и я берусь сіе исполнить. Пожелайте также вступить въ связь съ прочими двумя здѣшними матерями-логами: я съ удовольствіемъ помогу вамъ въ томъ, ибо три берлинскія матери-логи между собою соединены и находятся въ совершенномъ согласіи²⁾.

Касательно желанія вашего, любезный братъ, знать о Фесслерѣ, отнесся я къ одному изъ братьевъ Королевско-Горьской логи, дабы увѣриться, что то, что я сказалъ вамъ, есть истина. Онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: по пріѣздѣ Фесслера въ Берлинъ, посѣтилъ онъ здѣшнія логи и когда предложенія его Государственною ложею были отвергнуты, тогда обратился онъ къ Королевско-Горьской ложѣ. Его представили братьямъ какъ совершеннаго каменьщика. Едва побывалъ онъ въ ложѣ нѣсколько разъ, какъ объявилъ, что нужно исправить или преобразовать наружныя (formes) работы. Любя объясняться иносказательно, онъ при семъ случаѣ сказалъ: „Ложи сравнить можно съ садами: сады сіи я посѣщалъ только въ Берлинѣ, въ другихъ садахъ находилъ однѣ дикія и ядовитыя растенія, тавія, которыя требуютъ совершенной перемѣны. У васъ нашелъ я все въ лучшемъ порядкѣ, — ограда только не прочна; исправьте ее, дабы ничто нечистое не могло взойти, и тогда вашъ садъ будетъ прекраснѣйшій и едва ли гдѣ былъ лучше“. Итакъ, Фесслеру поручено было исправить. Черезъ нѣсколько времени явился онъ съ новыми обрядами, которые всѣми были одобрены и приняты. Когда работы производились уже нѣкоторое время по сему ритуалу, одинъ изъ братьевъ, которому Фесслеръ давно казался подозрительнымъ, объявилъ, что обряды сіи напечатаны въ системѣ пражскихъ ложъ. Фесслеръ отвѣчалъ: „это справедливо; онъ сдѣлалъ сіе съ намѣреніемъ, дабы не могли его упрекнуть, что онъ издалъ для масон-

1) Циннендорфъ былъ основателемъ особой масонской системы, носившей его имя.

2) Эти три логи были: Grosse Nationalloge zu den drei Weltkugeln, Grosse Landesloge и Grossloge Royal York. Объ ихъ раздорахъ и потомъ соединеніи, см. Keller, Gesch. der Freem. in Deutschland, стр. 219, 234 и слѣд.; совершенное согласіе наступило между ними только съ 1810 года.

ства собственное свое произведеііе“. Онъ требовалъ потощъ отъ братьевъ принять древнюю аглинскую систему съ нѣкоторыми переиѣнами, введенную въ Гамбургѣ Шредеромъ, что и исполнилось: по сей системѣ и теперь работаетъ Королевско-Горская ложа. Изъ сего ясно видно, что ни первая, ни послѣдняя переиѣна не есть собственно Фесслерова, ибо онъ лишь предлагалъ оныя. Будучи обвиненъ во многомъ, его исключили изъ ложи. Напримѣръ: одинъ крещенный жидъ объявилъ желаніе быть принятъ; при балотированіи, большинствомъ голосовъ ему было въ томъ отказано. Фесслеръ далъ ему рекомендательное письмо въ Гамбургъ, въ которомъ пишетъ, что противная партія отвергнула сего человѣка, но онъ просить о его принятіи. Въ слѣдствіе сей рекомендаціи, новокрещенный жидъ принять былъ въ каменьчики и возвратясь въ Берлинъ, тотчасъ явился въ Горскую ложу, дабы быть допущену къ работамъ. Ему въ сѣмъ воспрепятствовали, за что жидъ жаловался своей ложѣ, и дѣло сіе объяснилось тѣмъ, что рекомендательное письмо Фесслера доставлено какъ актъ въ ложу. >

Въ другой разъ передалъ онъ брату, имѣвшему только три іоанновскія степени, самыя высшія градусы; объявилъ о немъ братьямъ, что онъ, высокопочтенный братъ, испыталъ его въ ихъ присутствіи и братъ сей принять былъ въ члены самыхъ вышнихъ степеней (?). Когда узнали о сѣмъ, то онъ оправдывалъ себя разными софизмами, между прочимъ сказалъ, что не онъ ложѣ, а ложа ему предписала скромность, что онъ свободенъ употреблять по своему произволенію то, что есть собственность его духа. Бытность его въ ложѣ ознаменована спорами и гоненіями. Всѣ, знающіе Фесслера, единогласно жалѣютъ, что сердце его не соотвѣтствуетъ его разуму.

Намъ извѣстно теперь, что Фесслеръ хотѣлъ сначала присоединиться къ намъ ¹⁾; но онъ не могъ бы въ томъ успѣть, потому что мы всегда догадывались, что онъ не былъ никогда истиннымъ образомъ принятъ. По крайней мѣрѣ извѣстно то, что при первомъ посѣщеніи ложи въ Силезіи не могъ въ томъ представить законныя доказательства, и былъ допущенъ по поручительству одного изъ первыхъ братьевъ ложи той. Изъ сего видимъ, что выдаваемая имъ система за свою, не есть его, а *мнимая* древняя аглинская, введенная въ Германіи гамбургскимъ братомъ Шредеромъ. Я говорю мнимая, ибо ничѣмъ не доказано, чтобъ сія система была истинно древняя аглинская; слышанныя мною о томъ доказательства такъ слабы и даже, смѣю сказать, такъ смѣшны, что непонятно, какъ благоразумные люди могутъ на нихъ основываться. Положимъ, что шестьдесятъ ложъ въ Германіи приняли систему сію, но все же не Фесслерову, а древнюю аглинскую; едва ли половина сего числа ложъ работаютъ по сей системѣ, и то не въ одно вре-

¹⁾ Рѣчь идетъ вѣроятно о берлинской Grosse Landesloge.

ми. Онъ старается подѣ смиренною ложью пріобрѣсть себѣ послѣдователей въ Россіи, ежели это ему удастся. Вотъ что пишетъ онъ въ Германію: „Вся Россія приняла систему его. Сямъ хочетъ онъ наиболѣе здѣсь выиграть и утвердиться“.

Довольно, а можетъ быть и много разсуждали мы о семъ человекѣ; лучше поговоримъ о томъ предметѣ, который гораздо для меня занимательнѣе, а именно объ образованіи вашихъ ложъ. Вы пишете мнѣ, что три соединенныя ложи, работающія во всѣхъ сообщенныхъ вамъ градусахъ, по прежнимъ шведскимъ актамъ, состоятъ подѣ управленіемъ матери-ложи, Владиміромъ названной. Но неизвѣстно мнѣ, о какихъ градусахъ вы говорите и сколько ихъ сообщено вамъ; хотя, по извѣстнымъ знакамъ и по нѣкоторымъ названіямъ, я догадываюсь. Ежели вы имѣете больше трехъ іоанновскихъ степеней, то я не понимаю, какъ могутъ всѣ три ложи работать въ высокихъ степеняхъ; сіе несогласно съ шведскими актами, а еще менѣе съ прежними, до ихъ преобразования¹⁾. По сямъ актамъ работы въ степеняхъ, превышающихъ іоанновскія степени, производятся въ особенной ложѣ.

Въ надеждѣ, что переписка наша не прекратится, я прошу васъ на сіе сообщить мнѣ объясненіе.

Въ ожиданіи пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ и искреннею любовью, почтенный и любезный братъ,

вашъ покорнѣйшій слуга

Ф. Кастилло.

Берлинъ,

22 ноября 1810.

Я сообщаю при семъ описаніе нашей ложи.

Имя, которымъ подписано это письмо, вѣрнѣе есть Кастилло. Этотъ Кастилло (Фридрихъ, собственно Сальвемини), род. 1747 г. въ Лозаннѣ и умеръ 1814 г., былъ профессоромъ математики въ Ritteracademie и директоромъ философскаго класса берлинской академіи наукъ, а по масонской дѣятельности, онъ въ 1782—89-мъ и въ 1799—1814-мъ г. былъ гросмейстеромъ въ берлинской Grosse Landesloge²⁾.

Исторія возобновленныхъ петербургскихъ ложъ за первую пору ихъ существованія до официального утвержденія въ 1810—1811-мъ году, до сихъ поръ темна. Въ матеріалахъ москов-

¹⁾ Шведская система проникла къ намъ впервые въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Преобразование шведскихъ ложъ, о которомъ здѣсь упоминается, произведено было въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

²⁾ Handb. der Freimaurerei I, 168. II, 618.

сваго Музея, какіе мы имѣли возможность пересмотрѣть, намъ встрѣтилось только небольшое число указаній на дѣятельность ложи до и около этого времени.

О ложѣ Сергѣева упомянуто было въ «свѣдѣніяхъ» 1810-го г., что она была основана въ 1805-мъ году, подъ названіемъ «Пеликана». Эта самая ложа носила и другое названіе—«Александра», и отъ нея получили свое начало двѣ другія ложи: «Елизаветы», которою Сергѣевъ и управлялъ въ 1810-мъ году, и «Петра», которая находилась подъ управленіемъ Эллизена. Въ матеріалахъ московскаго Музея сохранились протоколы этихъ трехъ ложей, писанные по-нѣмецки и по-русски, съ 12 сентября 1810-го до 19 апрѣля 1811-го года. Между прочимъ 11 октября 1810 года, Сергѣевъ открылъ, по-русски, праздничную ложу для празднованія основанія ложи Александра (слѣдовательно, 11-го октября 1805), и въ это торжество включено было празднованіе основанія двухъ другихъ ложей—«такъ какъ ложа Пеликана дала имъ начало и поводъ»¹⁾. Изъ другого указанія видно, что ложа Елизаветы основана была 1-го іюня 1809-го года²⁾.

Въ спискахъ членовъ этихъ ложей упоминаются члены, принятые въ ложѣ Александра въ 1807-мъ г. Великій мастеръ ложи Елизаветы, Александръ Серг. Сергѣевъ (дѣйств. ст. сов.), принятъ былъ въ Москвѣ, въ 1780-хъ годахъ, и управлялъ ложей Елизаветы съ 1809-го до 14 іюня 1811-го года. Намѣстный мастеръ той же ложи, генералъ-майоръ Ѳедотъ Дан. Синицынъ, принятъ былъ въ 1783-мъ году и былъ намѣстнымъ мастеромъ Елизаветы съ 1809 года.

Эллизенъ принятъ былъ въ ложѣ Александра, въ 1809-мъ году. Въ то же время былъ принятъ тамъ Ив. Сем. Орлай³⁾.

Въ перепискѣ Карамзина съ Дмитріевымъ упоминается какой-то шевалье де-Месансъ, который вербовалъ въ Москвѣ масоновъ, «ссылаясь на петербургскую моду» (письмо Карамзина отъ 19 февраля 1811 г.). Это имя встрѣтилось намъ на одномъ изданіи масонской пѣсни ложи Палестины, слова которой были написаны Месансомъ, а музыка—Бозельдѣ⁴⁾.

¹⁾ «Indem die Loge zum Pelikan ihnen Ursprung und Veranlassung gegeben hatte». Муз. рукопись № 3.

²⁾ Французскій циркуляръ ложи Елизаветы 1818-го года, гдѣ говорится между прочимъ: «La loge d'Elizabéth à la vertu, ayant atteint ainsi la 10-me année de son existence, a célébré pour la 9-e fois le 1-r jour du IV-e mois, l'anniversaire de son établissement», etc. (Связка печатныхъ масонскихъ листковъ, въ Моск. Музеѣ).

³⁾ Моск. Музея, № 57.

⁴⁾ Cantique de la loge St. Jean de la Palestine, O. de St.-Pétersbourg, dédié au

О Жеребцовѣ упомянуто было выше, что онъ принять былъ въ Парижѣ во время консульства и управлялъ ложей «Соединенныхъ Друзей» по полученному тамъ патенту и актамъ. Въ дѣлахъ Великой Провинціальной Ложи находится одна бумага, писанная Жеребцовымъ въ мартѣ 1817, гдѣ онъ упоминаетъ, что уже 14 лѣтъ управляетъ молоткомъ—принадлежностью мастера ¹⁾. По другимъ указаніямъ, ложа Соединенныхъ Друзей была основана 10 июня 1802 года.

Мы увидимъ далѣе, что уже съ первыхъ годовъ возобновленія ложъ были въ Петербургѣ разныя высшія масонскія учрежденія, составляющія принадлежность французской и шведской системъ, которыя у насъ были приняты и обѣ были богаты высшими степенями. Въ собраніи масонскихъ дипломовъ, московскаго Музея, есть слѣды этихъ высшихъ учрежденій, хотя не раньше 1811 года. Такъ былъ въ Петербургѣ «верховный капитулъ Горы Фавора», *le souverain chapitre du Mont Thabor, établi en la vallée de St.-Petersbourg*, и составленный изъ *chevaliers et souverains princes Rose-Croix*,—отъ имени котораго выданъ былъ одному масону дипломъ на степень *chevalier d'Orient* (въ началѣ 1812-го г.): этотъ дипломъ подписали упомянутый прежде Шаррьеръ де-Монтеранъ, Вильгорскій, С. Ланскоій, Ржевскій и другіе ²⁾. Далѣе, существовалъ «верховный капитулъ Иерусалима», *le souverain chapitre de Jerusalem à l'or. de St.-Petersbourg*, отъ имени котораго выданъ былъ дипломъ С. Ланскому, въ январѣ 1811 года: Ланскоій (въ то время 34-хъ лѣтъ), членъ ложи Соединенныхъ Друзей, прошедшій уже степени *frère élu, écossais* и *chevalier d'Orient*, получалъ этотъ дипломъ на степень *chevalier prince de l'Aigle et du Pélican, parfait Maçon libre d'Hérédon, sous le titre de souverain Prince Rose-Croix*. Этотъ дипломъ подписанъ Жеребцовымъ, однимъ «*prince de Jerusalem*», однимъ «*prince du Royal secret 32*» и проч. ³⁾. Громкіе титулы, которые мы здѣсь видимъ, унаслѣдованы были большей частью отъ тѣхъ старинныхъ системъ, которыя распространялись съ половины прошлаго столѣтія, особенно во Франціи, и вводили множество новыхъ степе-

T. B. et T. J. G. M. F. Duc de Wurtemberg par Les FF. de Messence, auteur des paroles, et A. Boieldieu, auteur de la musique. A Jerusalem. 12 стран. нотъ. (Въ связи масонскихъ печатн. листковъ, Моск. Музей).

¹⁾ Дѣла Вел. Пров. Ложи, Моск. Муз. № 10.

²⁾ Одна бумага отъ капитула Горы Фавора, 20-го іюня 1811-го, находится еще въ сборникѣ Моск. Музея, № 114.

³⁾ Тамъ же дипломъ, выданный Ланскому отъ ложи *Amis Réunis* на три символическія степени, отъ 30-го іюня 1810.

ней, съ таинственными легендами и напыщенными названіями. Эти «избранные братья», «рыцари Востока», «князья Розоваго Креста», «князья Іерусалима» и проч. повторяются въ много-различныхъ системахъ высшихъ степеней, но здѣсь принадлежатъ, кажется, къ двумъ французскимъ системамъ болѣе поздняго образованія, такъ-называемымъ *rite français* или *moderne*, и *rite écossais ancien et accepté*. Степень «*prince du Royal secret 32*», была именно 32-я степень въ системѣ *rite ancien et accepté*, состоявшей изъ 33 степеней ¹⁾.

Другія высшія степени, существовавшія въ нашихъ ложахъ, принадлежали шведской системѣ. Въ московскомъ собраніи находится подобный документъ нѣсколько болѣе поздняго времени: это — латинскій дипломъ (1815 г.), выданный отъ «викарія Саломона» и членовъ «верховнаго совѣта» на основаніе шотландской директоріи. Викаріемъ Саломона былъ Беберъ.

IV. Директоріальная ложа Владиміра и Великая провинціальная ложа.

Мы рассказывали въ другомъ мѣстѣ, какимъ образомъ Ложи, образовавшіяся въ первые годы царствованія Александра, соединились въ одинъ союзъ подъ управленіемъ «Великой Директоріальной Ложи Владиміра къ порядку» ²⁾. Первый союзъ составилъ изъ трехъ «соединенныхъ ложъ», — Александра, Елизаветы и Петра, основанныхъ по шведской системѣ, и открытіе Директоріальной Ложи, подъ управленіемъ стараго масона Бебера (нѣкогда секретаря старой провинціальной или національной ложи шведской системы, 1779-го года), произошло «на основаніи конституціоннаго патента, полученнаго прежде изъ Швеціи для Великой Національной Ложи».

Въ 1810-мъ году, какъ мы видѣли, рядомъ съ этими «соединенными ложами» шведской системы существовали двѣ ложи французской системы — Соединенныхъ Друзей и Палестины. Эти послѣднія въ 1811—12-мъ году также присоединились къ Директоріальной Ложѣ, которая такимъ образомъ имѣла въ своемъ управленіи всѣ существовавшія тогда ложи, кромѣ «работавшихъ въ тиши мартинистовъ». Въ 1813-мъ году къ Директоріальной Ложѣ приступили и возобновленные въ это время ста-

¹⁾ См. *Handb. der Freim.*, статьи: *Französisches System*, *Schottisches syst.*, *Ritter vom Rosenkreuz* и проч.; также *Ragon*, *Orthodoxie Maçonnique etc.* Paris 1853, стр. 130, 135, 322—325.

²⁾ См. «Вѣстн. Европы» 1870, окт., стр. 765 и слѣд.

рыя ложи — Изиды въ Ревелѣ и Нептуна въ Кронштадтѣ (последняя возобновлена 21-го октября 1813-го года).

Это согласіе и единство продолжались до 1814-го года, но въ этомъ году они были нарушены; въ масонскомъ кругу начался расколъ, который кончился тѣмъ, что Директоріальная Ложа потеряла свое исключительное господство, и вмѣсто одной образовались двѣ Великія Ложи, между которыми и раздѣлилось управленіе масонскими «мастерскими»: это были прежняя Директоріальная Ложа Владиміра, вскорѣ преобразовавшаяся въ Великую Провинціальную Ложу, и Великая ложа Астрея, которая уже скоро получила явный перевѣсъ надъ Провинціальной.

Причиной раздѣленія было то, что въ наши ложи проникло новое представленіе о масонствѣ, которое развилось тогда особенно въ Германіи, и имѣло главными своими представителями Шрёдера и Фесслера. Эта школа хотѣла оживить масонскій союзъ новыми, болѣе опредѣленными идеями объ его достоинствѣ и назначеніи, и потому между прочимъ отвергла масонскую іерархію высшихъ степеней, которая справедливо казалась ей пустымъ и даже вреднымъ извращеніемъ первоначальнаго простаго масонства. Къ этому послѣднему школа и хотѣла возвратиться, дополнивъ его основныя ученія по требованіямъ новаго времени. Директоріальная ложа, какъ мы видѣли, была преисполнена высшими степенями, французскими и шведскими: здѣсь были рыцари Розоваго креста, рыцари Востока, іерусалимскіе принцы, былъ викарій Саломона и т. д. Противъ этого стараго хлама и возстали въ нашихъ ложахъ люди, которые успѣли познакомиться съ движеніемъ, происходившимъ въ ложахъ нѣмецкихъ. Владѣльцы высшихъ степеней конечно не желали отказаться отъ высокихъ титуловъ, которыхъ добивались нѣкогда съ великими усиліями и которымъ безъ сомнѣнія привыкли придавать большое значеніе. Уступки и соглашенія ожидать было трудно, и раздѣленіе должно было совершиться. Дѣло началось въ 1814-мъ году, а въ половинѣ 1815-го года основана была, на особыхъ началахъ, Великая ложа Астрея.

Самымъ дѣятельнымъ представителемъ новаго взгляда и, кажется, первымъ начинателемъ дѣла былъ докторъ Е. Е. Эллизенъ, въ качествѣ мастера стула управлявшій ложей «Петра къ истинѣ». Въ матеріалахъ московскаго Музея находится документъ, который заключаетъ въ себѣ изложеніе основаній, послужившихъ причиной раздѣленія. Это — письмо Эллизена къ Бѣберу, великому мастеру Директоріальной ложи, въ іюль 1814, гдѣ Эллизенъ высказываетъ весьма рѣшительно свои взгляды и новыя требованія. Приводимъ вполнѣ это письмо, представляю-

щее довольно любопытныя разьясненія для исторіи тогдашнихъ ложъ ¹⁾:

Высокопочтенный братъ Вѣберъ! Высокопросвѣщенный префектъ капитула Феникса!

и

Оберъ-мейстеръ шотландскія св. Андрея ложи подъ названіемъ св. Георгія!

Долголѣтнее ученіе и чрезвычайныя отношенія удостовѣрили меня, что такъ-называемыя высшія степени ни мало не состоятъ въ связи съ первоначальнымъ чистымъ свободнымъ каменщицествомъ; что онѣ не только что въ высочайшей степени излишни суть, но даже и вредны; что онѣ, вмѣсто облагороживанія человѣческаго сердца, имѣютъ послѣдствіемъ явное развращеніе нравовъ и легко могутъ сдѣлаться вредными для государства.

Болѣе и болѣе возникающее просвѣщеніе имѣло также послѣдствіемъ, особливо въ послѣдніе годы, отмѣненіе оныхъ во всѣхъ прочихъ земляхъ европейскыхъ, и съ постыженнымъ удивленіемъ взираютъ нынѣ на мелочный торгъ церемоніями и на разнообразное сплетеніе сумасбродства, которые чрезъ долгое время столько могли имѣть приверженцевъ.

Сии приключенія подтвердили мое давнее о семъ мнѣніе, а единообразіе въ мысляхъ со мною всѣхъ почти свѣдущихъ иноземныхъ каменщиковъ превратило оное въ твердую увѣрительность; также сильныя и основательныя выраженія противъ всѣхъ высшихъ степеней одной свѣтлѣйшей особы, къ нашему союзу принадлежащей, съ которою я имѣлъ недавно разговоръ, побудили меня къ рѣшительному намѣренію явно слѣдовать собственному моему убѣжденію, а вѣроятно и желанію нашего, не менѣе иноземныхъ, просвѣщеннаго и благодѣтельнаго правительства, и потому *отойти отъ всего того, что за третью степень распространяется, и такъ отказаться формально, совершенно и навсегда отъ должности моей яко командора, отъ членства въ Капитулъ и въ Шотландской ложѣ*. Притомъ поставляю себя долгомъ изьяснить пространнѣе въ нижеслѣдующемъ побудительныя причины мои и объявить мое желаніе, чтобы онѣ отъ всѣхъ Командоровъ и Капитуляровъ приняты были въ благосклонное, серіозное и общее разсужденіе. Я никакъ не хочу кому-либо навязывать моихъ видовъ и убѣжденій, но съ другой стороны ожидаю, что для всякаго истиннаго и проницательнаго Каменщика точною признанная истина будетъ драгоцѣннѣе всего.

¹⁾ Письмо писано собственно по-нѣмецки, и въ нѣмецкомъ подлинникѣ находится въ сборникѣ Музея № 114. Мы приводимъ современный переводъ, помѣщенный въ сборникѣ № 2. Переводъ, какъ увидимъ, довольно тяжелый.

Убѣдительнѣйшія возраженія, кои противъ высшихъ степеней сдѣланы быть могутъ, проистекаютъ изъ исторіи ихъ происхожденія. Когда въ началѣ прошедшаго столѣтія Свободное Каменьщичество во второй разъ привезено было изъ Англіи, то извѣстны были только три символическія степени. Вскорѣ потомъ услышали объ одной шотландской рыцарской степени, которая (какъ то неоспоримо доказывается въ одной, мною нынѣ читаемой книгѣ) учреждена была, іезуитами совершенно руководствуемымъ Іаковомъ II, когда онъ былъ еще герцогъ Йоркскій, для достиженія цѣли своея. Появились многіе отрывки сея шотландскія рыцарскія степени, изъ коихъ составили степень и, за дорогія деньги, продавали ее. Сія новая рыцарская степень возбудила любопытство, которымъ обманщики весьма хорошо умѣли воспользоваться для частныхъ намѣреній своихъ. Прежде сего еще, въ Англіи, а особливо въ Шотландіи, было Свободное Каменьщичество злоупотребляемо іезуитами для составленія себѣ партіи. Но они скрывали намѣренія свои подъ разными формами, распускали въ Англіи и во Франціи, что Свободное Каменьщичество есть продолженіе Тамплиерскаго Ордена, коего начальники изъ духовенства имѣли великія тайнства и сокровища. Сіе дѣлалъ Рамзей, который учинился католикомъ; но когда и сія уловка не возымѣла желаемаго послѣдствія, то, въ продолженіи нѣкотораго времени, должно было Розенкрейцерству играть главную роль; тогда возстали глупцы и обманщики въ великомъ числѣ и соорудили на сказкахъ нѣсколько степеней высшихъ. Въ Семилѣтнюю войну продавалось уже оныхъ 47, въ коихъ началъ творить свои дѣйствія Клермонтскій высокій капитулъ въ іезуитской коллегіи, въ Страсбургѣ находившейся, учрежденный. Сіе заблужденіе увеличено было фальшивымъ монетчикомъ, предшественникомъ г-на Гунда, основателя Строгаго Наблюденія (*Stricte Observantz*), коея чадо есть Шведская Система. Циннендорфъ, признанный обманщикъ, составилъ систему сію изъ Клермонтскаго высокаго капитула, изъ Строгаго Наблюденія и изъ собственныхъ своихъ выдумокъ, чрезъ кои однакоже оба тѣ сплетенія обмана и нелѣпости инаго ничего не приобрѣли, какъ токмо болѣе систематическій видъ. Король Густавъ шведскій хотѣлъ публично возстановить Тамплиерскій орденъ, хвасталъ великими магическими познаніями и искалъ заманить нѣмецкихъ тамплиеровъ и получить отъ нихъ важныя денежныя суммы. Но необыкновенное приключеніе открыло обманъ и *Charitre Illuminé* короля шведскаго потерялъ свою славу премудрости и истины, а можетъ быть и нѣчто болѣе. Тутъ стали искать помощи и совѣта въ Италіи, и при дворѣ претендента узнали, что вся исторія тамплиеровъ подложна. На всеобщемъ конвентѣ въ Вильгельмсбадѣ 1783 года ¹⁾, когда просвѣщеннѣйшіе Каменьщики изъ всѣхъ европейскихъ земель собраны были подѣ

¹⁾ Должно быть: 1782.

предсѣдательствомъ герцога Брауншвейгскаго, были объявлены за обманъ по сіе время продолжающіяся рыцарскія игрушки и высокія степени, и начертана новая въ обстоятельствамъ времени приличнѣйшая система единого истиннымъ признаннаго Символическаго Масонства. (Читай переписку, въ манускриптѣ, короля шведскаго съ герцогомъ Фердинандомъ Брауншвейгскимъ; шведскихъ ложъ съ Великою ложею въ Берлинѣ; акты Вильгельмсбадскаго Конвента и проч.). Хотя на Вильгельмсбадскомъ конвентѣ Тамплиерство именно объявлено и признано ложнымъ и подкинутымъ, но и по сей день продолжается въ Швеціи (тамъ, можетъ быть, по причинамъ, коихъ основанія искать надобно въ политикѣ государей ея, чему нѣкоторые происшествія придаютъ вѣроятіе) и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ оно введено было, какъ то напри- мѣръ и здѣсь въ Петербургѣ. Въ Швеціи даютъ кровь изъ раны Христовой въ маленькой стьялочкѣ; далѣе показываютъ мощи, состоящія изъ перста св. Іоанна, въ вознагражденіе много истраченныхъ денегъ и времени. Истинно странное воздаяніе за тѣ многія іезуитскія присяги и католическія церемоніи, которыя чрезъ столько лѣтъ дѣлались. Довольно и даже до самой скуки доказано Каменьщикамъ и міру, что чрезъ высшія степени ни въ какое время ни малѣйшаго не произведено добра; что нелѣпыя церемоніи давно уже содѣлались презрительными въ понятіяхъ всякаго мыслящаго Каменьщика и большей части публики, а нерѣдко бывали поприщемъ злобныхъ, праздныхъ и лживыхъ людей и что все цѣлое съ начала до конца есть іезуитизмъ. Тотъ, кто имѣетъ іезуитскій ключъ, видитъ сіе изъ обрядовъ при приемахъ, изъ каждаго слова и изъ каждой морали. Кто захочетъ убѣдиться въ этомъ, пускай прочтетъ: — *Bode's Gutachten*, 2 Theile, in f., Manuscript; *Levesque*, des Rappports de l'homme, Liv. III, chap. II; *Knigge's Glaubens-Bekentniss eines Mannes, der 25 Jahre im Orden gegängelt wurde*; *Knigge's Glaubens-Bekentniss nach neun Jahren bestätigt*; *Signatstern*, 5-er Theil; *Fessler's Kritische Geschichte der Freimaurerey*; *Die Akten des grossen Hamburger Logenvereins*; *Wurmb's* (Ministers in Sachsen), Testament an seine Söhne, in Manuscript; *Beleuchtung der Truggestalten in freimaurerischer Hülle*; *Krause's Drei ältesten Kunsturkunden*, 2 Theil, и проч.

Кому недостааетъ времени самому основательно изучаться масонской исторіи, тотъ да повѣритъ по крайней мѣрѣ примѣру двухъ просвѣщеннѣйшихъ націй, англичанъ и нѣмцевъ, кои отиѣнили высшія степени, яко совершенно вредныя челоѣчеству и государству. Не должны ли непременно убивать нравственность, заглушать уваженіе въ присягѣ, во св. писанію и въ религіи, тѣ четыре присяги, кои берутся съ кандидата при приѣмѣ его въ каждую высшую степень самымъ торжественнымъ образомъ; говорю, четыре присяги о ничего не значущихъ цере-

моніяхъ и басняхъ, кои притомъ даже не тайны, но всѣмъ школьникамъ извѣстны и смѣшны стали. Если кто хочетъ видѣть опасность, кою угрожается государство высшими степенями, то да вспомнить о произведенной 1772 года въ Швеціи перемѣнѣ въ государственномъ правленіи королемъ Густавомъ съ помощію высокопросвѣщенныхъ Каменьщиковъ, умалчивая о другихъ происшествіяхъ, въ сей землѣ событіе имѣвшихъ; да вспомнить о циркулярѣ, коего герцогъ Орлеанскій при началѣ французской революціи старался разослать по орденскимъ начальникамъ и т. д.

Если вліяніе нѣкоторыхъ немногихъ орденскихъ начальниковъ можетъ употреблено быть къ добру, то и противное сему не подлежитъ сомнѣнію. Всякое тайное вліяніе и, изъ темноты происхожденіе свое имѣющее уваженіе исчезнуть, когда подымется завѣса, которая чрезъ высшія степени скрываетъ истину отъ большаго числа братьевъ и ихъ дѣлаетъ если не слѣпыми, то терпѣливыми орудіями тѣхъ, кои на крайнѣйшемъ концѣ за оною завѣсою сидятъ. Да и всегда можно узнать птицу по перьямъ. Учредители высшихъ степеней суть іезуиты: Роза, отрѣщенный священникъ; сумасбродный, католикомъ сдѣлавшійся баронъ Гундъ; Шренферъ, Гугомось, Іонсонъ, Штаркъ, Плуменекъ, Циннендорфъ, Вельнеръ, и проч., коихъ нравственную или интеллектуальную пѣву каждаго однимъ словомъ разрушить можно. Всѣ были апостолы іезуитовъ; всѣ были злые, утонченные обманщики или жалостно обманутые; однако ими одними высшія степени вырождены и распространены. Время положило уже страшный приговоръ на людей сихъ; составъ ихъ по большей части погруженъ въ презрѣніе и ежедневно болѣе и болѣе разрушается. Выдавать себя за послѣдователя ихъ, послѣ признанной и испытанной правды, совсѣмъ противно увѣренію и совѣсти нижеподписавшагося, который обо всемъ вышесказанномъ можетъ представить убѣдительнѣйшія доказательства и который, какъ то само по себѣ разумѣется, въ вышесказанномъ не пѣлитъ частно на здѣсь въ Петербургѣ производимое Каменьщикство, а говоритъ о высшихъ степеняхъ вообще.

Въ нашемъ первоначальномъ договорѣ правда сказано: „мы сохраняемъ орденъ Тамплиеровъ только какъ одежду“, но это пустая токмо слова, когда мы сохранили по прежнему и церемоніи, и акты.

Къ тому же, акты высшихъ степеней *не были* предъявлены правительству, слѣдственно отъ онаго не одобрены и не приняты, а посему здѣшняя шотландская ложа и капитулъ не имѣютъ даже исключительнаго права раздавать высшія степени.

По вышеозначеннымъ причинамъ, почитаю я своимъ долгомъ какъ христіанинъ, гражданинъ и каменьщикъ, слѣдую моему образу мыслей, отказаться отъ всякаго сношенія съ капитуломъ и шотландскою ложею,

прошу васъ, высокопочтенный братъ, сіе мое рѣшительное намѣреніе, яко префектъ и шотландскій оберъ-мейстеръ, объявить почтеннымъ сочленамъ обоихъ отдѣленій; мнѣ же какъ можно скорѣе доставить реверсъ въ томъ, что я просилъ выйти изъ оныхъ. Впрочемъ, я оставляю сей союзъ съ любовью ко всякому члену въ особенности, прося, чтобъ и меня изъ онаго отпустили въ покоѣ и не приписывали бы словамъ моимъ и намѣреніямъ дурнаго толкованія.

Для избѣжанія же всякихъ, произойти могущихъ недоразумѣній, объявляю я, какъ Мастеръ Стула Іоанновской ложи Петра къ Правдѣ, подчиненной здѣшней Директоріальной ложѣ, что я и ложа ¹⁾, кою я правлю, нимало не намѣрены разрывать сношеній обыменованной Іоанновской ложи, подѣ конституцію рѣченной высокопочтенной Директоріальной Ложи работающей; но что мы, напротивъ того, вѣрно будемъ держаться актовъ 3-хъ степеней и книги законовъ, вами, высокопочтенный и высокопросвѣщенный братъ Бѣберъ, подписанныхъ, запечатанныхъ и печатью Директоріальной Ложи скрѣпленныхъ, поволику законы сіи не будутъ касаться до локальныхъ отношеній, которыя всегда всякою Іоанновскою ложею по особеннымъ ея обстоятельствамъ учреждаемы быть могутъ и поволику высокопочт. Дир. Ложа будетъ оказывать уваженія и справедливости ложѣ Петра къ Правдѣ. Что же принадлежитъ до предметовъ увѣренія и ученаго изслѣдованія, то повторяю еще разъ, что я никому не хочу навязывать своихъ убѣжденій и удостовѣреній ложи, къ коей я принадлежу, но требую равномѣрно, какъ старый св. Каменьщикъ 3-й степени и какъ Мастеръ Стула для себя и для членовъ ложи моей, чтобъ и всякій другой человекъ и каменьщикъ съ толикою же терпимостію и со мною обходился. Въ слѣдствіе же разговора, который я недавно съ вами, высокопочтенный братъ, имѣлъ, объявляю я откровенно какъ св. каменьщикъ, что я никакому члену ложи моей не воспрещу говорить истинъ въ рѣчахъ, съ должною благопристойностію излагаемыхъ, хотя бы онѣ касались до масонскихъ событій и мнѣній.

Если же покажется предразсудительно дать право сіе мнѣ и членамъ ложи Петра къ Правдѣ, если вышесказанное принято будетъ противно намѣренію моему, или же если вздумали бы забыть должную терпимость къ чужимъ мыслямъ и увѣреніямъ, то я нисколько не остановлюсь сіе настоящее объявленіе столь же неукоснительно предъявить правительству, какъ вамъ и всѣмъ высокопросвѣщеннымъ членамъ Капитула, даже оное напечатать и болѣе распространивъ со всѣми нужными ссылками и доказательствами, сообщать по частно каждому брату мастеру, мнѣ знакомому или пожелающему оное читать.

16-го іюля 1814 года.

Егоръ Эллизенъ.

1) Въмѣсто этого слова извѣстный четверугольникъ.

Этотъ документъ представляетъ исходную точку того раздѣленія, которое привело въ учрежденію двухъ Великихъ Ложъ. Вслѣдствіе несогласій, возникшихъ по поводу новаго взгляда, Беберъ сложилъ съ себя званіе гросмейстера Директоріальной ложи; новый выбранный гросмейстеръ, графъ Шуваловъ, не принявъ на себя этой должности, и наконецъ выбранъ былъ новый великій мастеръ, графъ В. В. Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ. При немъ вопросъ разрѣшился.

Мы не имѣемъ пока подробностей этого дѣла, и не встрѣтили ихъ въ оффиціальныхъ масонскихъ матеріалахъ московскаго Музея, — но вѣроятно нѣкоторые разъясненія найдутся въ обширной, еще не разобранной перепискѣ. Общій ходъ дѣла состоялъ въ томъ, что при новомъ гросмейстерѣ въ Директоріальной ложѣ постановлена была полная терпимость въ существующимъ и принятымъ масонскимъ системамъ. На этомъ основаніи Элизенъ открыто ввелъ въ своей ложѣ защищаемую имъ систему трехъ степеней, и за нимъ послѣдовали ложи Изиды, въ Ревелѣ, и Нептуна, въ Кронштадтѣ. Этотъ успѣхъ новой системы долженъ былъ еще увеличить столкновенія между нею и владѣльцами высшихъ степеней, такъ что, когда въ Іоанновъ день (24-го іюня) 1815 года приступлено было въ учрежденію для Директоріальной ложи новаго устава (въ замѣну прежняго, неполнаго и утвержденного только на годъ), оказалось совершенно невозможнымъ примирить притязанія двухъ партій. Кончилось тѣмъ, что Директоріальная ложа была закрыта и ея мѣсто заняли, съ согласія правительства, двѣ равныя по правамъ и независимыя Великія ложи: предложеніе объ основаніи двухъ ложъ сдѣлано было Беберомъ.

Въ рукописяхъ московскаго Музея (№ 4), находятся между прочимъ, писанные по-французски, протоколы Великой Директоріальной Ложы за послѣднее время ея существованія, и здѣсь мы встрѣчаемъ слѣды неурстройства, происходившаго тогда въ ложахъ. На первое время подвергалось опасности самое существованіе Директоріальной ложи. Изъ протоколовъ видно, что когда вслѣдствіе упомянутыхъ несогласій возникла мысль объ основаніи Астреи¹⁾, гр. Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ объявилъ, 11 августа 1815 года, что Директоріальная ложа должна считаться закрытой. «Братья» высшихъ степеней, принадлежавшіе въ этой ложѣ, не хотѣли признать власти Мусина-Пушкина: «принимая во вниманіе, что закрытіе этой великой мастерской (atelier) можетъ быть постановлено только нашимъ августѣйшимъ госу-

¹⁾ Она окончательно была основана 30-го августа 1815 г.

даремъ, который ее уполномочилъ (а autorisée), и что ложи, оставшіяся вѣрными обряду, который извѣстенъ этому великодушному императору, не могутъ выбрать болѣе совершеннаго устроителя (régulateur) ихъ трудовъ, чѣмъ эта масонская власть», — братья рѣшили возобновить дѣятельность великой мастерской и выбрать должностныхъ лицъ. На это далъ согласіе и высшій орденскій совѣтъ. На такомъ основаніи старая Директоріальная Ложа была преобразована, и въ засѣданіи 10-го ноября 1815 года опредѣленъ новый составъ властей Великой Директоріальной Ложи.

Бѣберъ далъ полномочіе управлять работами собранія гр. М. Ю. Вѣльгорскому, и въ составъ управленія были выбраны слѣдующія лица: великій мастеръ новой Директоріальной ложи — А. Жеребцовъ (не разъ упомянутый выше); 1-й и 2-й великіе намѣстные мастера — Вѣльгорскій и Павелъ Шуваловъ; 1-й и 2-й великіе надзиратели — Корфъ и Сергѣй Ланской; великій канцлеръ — Буденброкъ; великій маршалъ — Станиславъ Потоцкій и пр. ¹⁾.

Составъ ложъ, принадлежавшихъ къ Астреѣ и Директоріальной ложѣ, опредѣлился только къ концу 1815 года. Съ 1810 года, существовавшія тогда ложи (кромѣ мартинистовъ) распредѣлялись вообще такимъ образомъ:

Директ. Ложа Владиміра:

1810: ложа Соединенныхъ Друзей	ложа Елизаветы
— Палестины	— Александра
(франц. системы)	— Петра
	(швед. сист.).

Въ слѣдующіе годы къ Директоріальной Ложѣ присоединились ложи французской системы и вновь возстановленныя Изида и Нептунъ, и она оставалась единственной высшей властью:

Директоріальная Ложа Владиміра:

	ложа Елизаветы
	— Александра
	— Петра
1811—1812:	— Соединенныхъ Друзей
	— Палестины
1813—1814:	— Изиды (въ Ревелѣ)
	— Нептуна (въ Кронштадтѣ).

¹⁾ Въ этомъ собраніи присутствовали кромѣ Вѣльгорскаго, Корфа, Ланскаго, еще Оде-де-Сюнгъ, Ржевскій, Шуцелиниковъ, Евреиновъ, Прево-де-Лямпанъ, Арсеньевъ и другіе.

Къ концу августа 1815-го года, или въ основанію Астреи, ложи распредѣлились слѣдующимъ образомъ между двумя новыми союзами:

Вел. Директ. Ложа:

(авг. 1815) ложа Елизаветы,
— Александра
— Соед. Друзей

Астрея:

ложа Петра,
— Палестины
— Изиды (въ Ревелѣ)
— Нептуна (въ Кроншт.).

Но это положеніе удержалось недолго. Астрея стала братьевъ перевѣсь, и съ этого же года начала усиливаться отчасти новыми, ею самой основанными ложами, отчасти переходившими къ ней изъ союза Директоріальной ложи. Такъ въ сентябрѣ Астрея основала ложу Избраннаго Михаила, а въ октябрѣ къ ней присоединилась одна изъ старѣйшихъ петербургскихъ ложъ — Александра.

Взамѣнъ того, Директоріальная учреждала новыя ложи. Протоколомъ ея, отъ 10-го ноября 1815-го года, утверждена была ложа Пламенѣющей Звѣзды (de l'Etoile Flamboyante). Черезъ нѣсколько дней, 26-го ноября, постановлено было возобновленіе ложи Трехъ Коронованныхъ Мечей (von drei gekrönten Schwertern), въ Митавѣ. Въ тотъ же день Директоріальная ложа дала свое согласіе на просьбу объ учрежденіи новой ложи Трехъ Добродѣтелей, въ Петербургѣ, инсталляція, т.-е. официальное открытіе которой послѣдовало уже 11-го января 1816 года.

Прежде, чѣмъ излагать дальнѣйшія перемѣны въ составѣ этого союза, остановимся на внутреннихъ дѣлахъ самой Директоріальной ложи¹⁾. Въ слѣдующемъ 1816-мъ году, 19-го мая, происходили въ присутствіи Бёбера новыя выборы должностныхъ лицъ. Великимъ мастеромъ Директоріальной ложи вновь былъ избранъ Жеребцовъ; 1-й и 2-й великіе намѣстные мастера были Віельгорскій и Николай Бороздинъ; 1-й и 2-й великіе надзиратели Репьевъ и Арсеньевъ; великій канцлеръ — Буденбровъ; великій маршалъ — Ржевскій и проч. Но за отсутствіемъ Жеребцова, находившагося въ Митавѣ, дѣла лежали на Віельгорскомъ.

Однимъ изъ первыхъ вопросовъ представлялся для Директоріальной Ложи вопросъ объ отношеніяхъ ея къ Астрей.

Въ собраніи 2-го августа 1816-го года, читано было письмо

¹⁾ См. упомянутые французскіе протоколы Вел. Директ. Ложи (Муз. № 4). Они введены были великимъ секретаремъ, мѣсто котораго занималъ тогда Дальмасъ (Dalmas), актеръ французскаго театра и отчасти литераторъ.

Жеребцова изъ Митавы. Онъ желалъ, во-первыхъ, чтобы Директоріальная Ложа вступила въ дружественныя отношенія съ Великой Ложей Астреей, признанной правительствомъ; во-вторыхъ, чтобъ назначенъ былъ одинъ «братъ» для предварительныхъ переговоровъ съ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ, — *afin d'éviter toute fausse démarche*; и въ-третьихъ, чтобы «посланы были протоколы Директоріальной Ложы министру (т.-е. министру полиціи, Вязмитинову), такъ какъ эта формальность не была исполнена съ тѣхъ поръ, какъ онъ удалился изъ нашего востока». Первое изъ этихъ предложеній принято было 16-ю голосами противъ 5-ти, и Бёберъ, бывший въ собраніи, первый подалъ голосъ за союзъ съ Астреей. По второму, выбранъ былъ тайной балотировкой Оде-де-Сіонъ, которому самымъ настоятельнымъ образомъ поручено было, въ сношеніяхъ съ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ, ничѣмъ не компрометтировать достоинства Директоріальной Ложы ¹⁾).

Въ слѣдующемъ собраніи, 8-го августа, не было ни Жеребцова, ни Віельгорскаго, котораго не было, кажется, въ Петербургѣ. Оде-де-Сіонъ имѣлъ разговоръ съ Мусинымъ-Пушкинымъ и заявилъ, что сообщеніе Директоріальной Ложы, если будетъ сдѣлано, принято будетъ Астреей съ искреннимъ братскимъ чувствомъ, и что Пушкинъ увѣренъ, что Астрея заключитъ этотъ союзъ. При этомъ С. Ланской объявилъ отъ имени ложи Елизаветы, что она желаетъ дожидаться Віельгорскаго, которому она дала свое довѣріе, для того, чтобы высказаться относительно союза съ Астреей. Сомнѣніе этой ложи заключалось въ томъ, что «это сближеніе съ братьями, которые разъ уже насъ покинули и приняли другія системы, т.-е. другія дороги, требуетъ самыхъ глубокихъ размышленій». По мнѣнію Оде-де-Сіона, достоинство Директоріальной Ложы не позволяло обращать вниманіе на это заявленіе, и Директоріальная Ложа должна исполнить сама свое постановленіе. Это и было принято большинствомъ.

Кромѣ ложи Елизаветы, предубѣжденіе противъ союза съ Астреей обнаружилось и въ ложѣ Соединенныхъ Друзей. Четверо изъ ея «братьевъ» возстали противъ рѣшенія Директоріальной ложи, вычеркнули свои имена изъ списка ложи и перешли въ л. Елизаветы, которая приняла ихъ. Директоріальная Ложа наша нужнымъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости; она постано-

¹⁾ «Au nom de l'honneur de ne rien faire et de ne rien dire dans l'entretien qu'il doit avoir avec le f. (frère) Pouschkin, qui puisse compromettre la dignité de la Grande Loge Dir.»

вила (25-го августа) наказать протестовавшихъ исключеніемъ изъ всѣхъ, управляемыхъ ею ложъ, одного — на шесть мѣсяцевъ, остальныхъ на три мѣсяца.

Между тѣмъ пріѣхалъ Жеребцовъ. Въ собраніи 5-го сентября онъ объявилъ отъ имени ложи Соединенныхъ Друзей, что она забываетъ проступокъ упомянутыхъ братьевъ и что ея достоинство удовлетворено постановленіемъ Директоріальной Ложи; на этомъ основаніи братьямъ дана была амнистія. Жеребцовъ сообщилъ Вязмитинову свѣдѣнія о Директоріальной Ложѣ, чего не дѣлалъ Вѣльгорскій около года, — и предложилъ написать Вязмитинову благодарственное письмо за его вниманіе къ ордену....

Сентября 19-го, происходило, подъ предсѣдательствомъ Жеребцова, экстраординарное собраніе. Великій мастеръ говорилъ рѣчь, въ заключеніе которой великіе надзиратели, по его приказанію, объявили «братьямъ», что Директоріальная ложа Владиміра закрывается, и что ее замѣняетъ *Великая Провинціальная Ложа*. вмѣстѣ съ тѣмъ, установлены были основанія союза съ Астреей и подчиненными ей ложами. Затѣмъ учреждена была (24-го октября) коммиссія изъ мастеровъ ложъ, подъ предсѣдательствомъ Жеребцова, для пересмотра (прежде дѣйствовавшего) устава Великой Ложи, и 4-го ноября 1816-го года происходило собраніе всѣхъ ложъ для торжественнаго открытія или инсталляціи управляющей Вел. Провинціальной Ложи. Предсѣдателемъ этого торжественнаго собранія былъ гр. Станиславъ Потоцкій (министръ народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, гроемейстеръ польскаго Востока), какъ представитель верховнаго ордена сѣвѣта; присутствовали также и члены ложъ союза Астреи, напр., члены ложъ Петра, Палестины, Михаила Избраннаго и Александра.

Въ собраніи 14-го декабря, снова явился вопросъ о сношеніяхъ съ Вязмитиновымъ. Жеребцова опять не было, и съ министромъ видѣлся Вѣльгорскій. Вслѣдствіе этихъ разговоровъ Вѣльгорскій объявилъ «братьямъ», что отнынѣ ложи должны сообщать ему, какъ великому намѣстному мастеру, — для представленія министру, — въ теченіе 24-хъ часовъ имя и фамилію, возрастъ, мѣсто рожденія, занятія и мѣсто жительства каждаго вновь принимаемаго члена; кромѣ того, ежемѣсячно доставлять ему отчетъ о всѣхъ работахъ ложи, съ краткимъ изложеніемъ говоримыхъ рѣчей и т. п., — для представленія начальству.

Въ протоколѣ Вел. Пров. Ложи 13 января 1817 года (или по масонскому лѣтосчисленію 5816 года, 13 дня XI мѣсяца) записано, что Вел. Ложа Астрея выразила желаніе, чтобы для

утвержденія ихъ дружественныхъ связей Провинціальная Ложа назначила съ своей стороны уполномоченнаго, чтобы установить основанія договора и опредѣлить взаимныя права и обязанности обѣихъ ложъ. Полпомочіе дано было Провинц. Ложей Вѣльгортскому. Мы упоминали въ другомъ мѣстѣ, что въ результатѣ этого явился формальный «Актъ взаимныхъ отношеній двухъ Великихъ Ложъ на Востокѣ С.-Петербурга», заключенный 1817-го года 12-го декабря обѣими ложами въ лицѣ своихъ великихъ мастеровъ, великихъ чиновниковъ, великихъ офиціаловъ и членовъ.

Такъ водворилось наконецъ согласіе. Договоръ былъ необходимъ, потому что въ отношеніяхъ ложъ легко могли являться поводы къ несогласію. Провинціальная ложа вообще отставала отъ Астреи, и вскорѣ различныя ложи начали дезертировать изъ первой во вторую.

Съ 1816-го года, составъ союза Провинціальной ложи является въ слѣдующемъ видѣ. Въ концѣ этого года, 24-го октября, утверждена была просьба объ основаніи новой ложи—Трехъ Свѣтилъ, которая и была инсталлирована 4-го декабря. Въ томъ же октябрѣ принята, условно, просьба объ основаніи новой ложи—Трехъ Сѣкиръ (Trois Masses d'armes) въ Ревелѣ. Но 11-го декабря уже началось дѣло о двухъ ложахъ, которыя отдѣлялись отъ союза Провинціальной Ложи: это были л. Соединенныхъ Друзей и Пламенѣющей Звѣзды, которыя въ началѣ слѣдующаго года и были приняты въ Астрею. Ревельская ложа Трехъ Сѣкиръ также оказалась въ союзѣ Астреи. Ложа Трехъ Коронованныхъ Мечей, въ Митавѣ, не получала разрѣшенія отъ остзейскаго генералъ-губернатора Паулуччи.

Въ 1817-мъ, замѣнъ отпавшихъ, основались новыя ложи: въ мартѣ этого года утверждены просьбы объ основаніи л. Дубовой Долины и л. Сѣверныхъ Друзей, въ Петербургѣ; началось дѣло объ учрежденіи л. Сѣверной Звѣзды, въ Вологдѣ. Съ 24-го ноября заявлено было объ основаніи л. Ищущихъ Манны, въ Москвѣ, которая и была инсталлирована въ концѣ года. Въ томъ же ноябрѣ началось дѣло объ учрежденіи л. Эвксинскаго Понта, въ Одессѣ.

Но въ слѣдующемъ, 1818-мъ году, уже началось дѣло объ отходѣ л. Сѣверныхъ Друзей, которая и была принята въ Астрею. Въ томъ же году или еще въ 1817-мъ, перешла въ Астрею и митавская ложа Трехъ Коронованныхъ Мечей. Въ декабрѣ 1818-го года, открыта была, впрочемъ, новая ложа—Орфея.

Въ 1819-мъ году заявлено было желаніе основать ложу Вновь

Возженнаго Свѣтила у Трехъ Колоннъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, — о которой не знаемъ, была ли она открыта.

Въ 1820-мъ году упразднена была, давно утвержденная, но совсѣмъ не открывавшаяся, вологодская ложа Сѣверной Звѣзды.

Мы остановимся теперь на отдѣльныхъ ложахъ, и соберемъ нѣкоторые указанія объ ихъ внѣшней судьбѣ, а также о тѣхъ историческихъ матеріалахъ, въ которыхъ болѣе или менѣе сохранились подробности ихъ дѣйствій.

1. Ложа *Соединенныхъ Друзей* (Les Amis Réunis). Основана была 10 іюня 1802-го года, по французской системѣ, которая была вывезена изъ Франціи Жеребцовымъ. Въ 1810-мъ году, когда документы ложъ провѣрялись министромъ полиціи и особымъ комитетомъ, эта ложа состояла подъ управленіемъ Жеребцова, независимо отъ Директоріальной ложи; въ 1811-мъ или 1812-мъ году приступила къ этой послѣдней.

Рѣчи, говоренныя въ этой ложѣ, на французскомъ языкѣ, въ 1810 — 1811-мъ годахъ, находятся въ рукописяхъ московскаго Музея (№ 122). Въ той же коллекціи, въ связкѣ печатныхъ масонскихъ листовъ, встрѣтилось намъ изданіе французскихъ пѣсенъ этой ложи: «Hymnes et Cantiques pour la R. Loge Des Amis Réunis à l'O. de St.-Petersbourg. A Jerusalem. L'an 5810 de L. v. L. (de la vraie lumière)». 56 стр. нотъ со словами ¹⁾).

Съ 11-го декабря 1816-го, началось дѣло объ отпаденіи Соединенныхъ Друзей отъ Провинціальной Ложи. Просьба о принятіи въ союзъ Астреи поступила 28-го февраля 1817-го года. Въ союзъ Астреи Соединенные Друзья оставались до конца существованія масонскихъ ложъ.

Ритуалъ мастерской степени этой ложи (на русскомъ языкѣ), отъ того времени, когда эта ложа принадлежала въ Астреѣ, на-

¹⁾ Всего помѣщено три пьесы: № 1, Paroles du F. Pouschkin, musique du F. Boieldieu. — Нач.

Amitié sainte et fraternelle,
Présent des cieux, vient nous unir etc.

№ 2. Слова Дальмаса, муз. Кавоса (здѣсь опять вставлена пѣсня: Pour la santé du v. (т.-е. vénérable, мастера), paroles du F. Pouschkin). № 3, Слова Пушкина, музыка Кавоса, начин.

Servir, adorer sa Patrie
C'est le devoir d'un bon mason и пр.

Этотъ братъ Пушкинъ былъ вѣроятно извѣстный Василій Львовичъ, принятый въ ложу Соединенныхъ Друзей въ 1810 году (см. рукоп. моск. Музея № 57). Ср. Ешевскаго, Сочинен., т. III, стр. 410—412, прим.

ходится въ рукописи Публ. Библиотеки (Ш. Q. № 30, на 39 лист.).

Въ 1816 — 17-мъ году, когда шло дѣло о переходѣ Соед. Друзей въ Астрею, мастеромъ въ этой ложѣ былъ Жеребцовъ; 1-мъ и 2-мъ намѣстными мастерами — Оде-де-Сюанъ и Павелъ Арсеньевъ; 1-мъ надзирателемъ Прево-де-Люмианъ и пр. ¹⁾

2. *Палестины*. Основана до 1810-го года (кажется 4-го марта 1809) по той же французской системѣ ²⁾. Въ 1810-мъ году управлялъ ею Вильгорскій. Въ 1811-мъ или 1812-мъ году она присоединилась къ Директоріальной ложѣ Владиміра, но въ 1814 — 15-мъ году, когда начался споръ о высшихъ степеняхъ, она держалась новаго взгляда и при учрежденіи двухъ великихъ ложъ, вступила въ Астрею.

Рѣчи, говоренныя въ этой ложѣ въ 1810 — 11-мъ году, на французскомъ языкѣ, находятся въ рукописи моск. Музея (№ 122). Выше мы упоминали печатное изданіе этой логи: «Santique», со словами Мессанса и музыкой Боэльдье.

3. *Александра* (Alexander zur Mildthätigkeit des gekrönten Pelikans). Основана была въ 1805-мъ году по шведской системѣ нѣсколькими старыми масонами, и названіе ея взято было отъ одной прежней логи этого имени. Въмѣстѣ съ происшедшими отъ нея ложами Петра и Елизаветы, эти три «соединенныя логи» находились подъ управленіемъ Директоріальной логи Владиміра, великимъ мастеромъ которой былъ Бёберъ. Въ 1810-мъ году ею управлялъ Розенштраухъ. Протоколы этой логи съ 15-го сентября 1810-го до первыхъ мѣсяцевъ 1811-го, находятся въ рукописи московскаго Музея, вмѣстѣ съ протоколами ложъ Петра и Елизаветы (№ 3).

При основаніи новыхъ великихъ ложъ, л. Александра въ октябрѣ 1815-го перешла къ Астреѣ.

4. *Петра къ истинѣ* (Pierre à la Vérité, Peter zur Wahrheit). Произошла, до 1810-го года, отъ логи Александра къ Коронованному Пеликану; работала по шведской системѣ и въ числѣ «соединенныхъ ложъ» была подъ управленіемъ Директоріальной логи. Въ 1810-мъ году мастеромъ стула былъ въ ней Эллизенъ. Нѣмецкіе протоколы первыхъ мѣсяцевъ 1811-го года (съ 7-го января) находятся въ рукописи Музея (№ 3).

При основаніи великихъ ложъ, эта ложа на первомъ планѣ приступила къ Астреѣ.

¹⁾ См. моск. Музея № 4 и № 10.

²⁾ По одному пригласительному циркуляру, ложа Палестины должна была 4-го марта 1820 г. праздновать 11-ю годовщину своего основанія (въ бумагахъ Н. И. Кусова, сообщенныхъ Е. И. Ламанскимъ).

5. *Елизаветы къ Добродѣтели*. Произошла до 1810-го года (кажется 1-го іюня 1809) отъ ложи Александра; работала по шведской системѣ и была въ числѣ «соединенныхъ ложъ». Съ 1809-го года по 14-е іюня 1811-го года, мастеромъ стула былъ въ ней старый масонъ Ал. Серг. Сергѣевъ; намѣстнымъ мастеромъ—также старый масонъ Ѳедотъ Дан. Синицынъ.

Эта ложа оставалась всегда въ союзѣ сначала Директоріальной, потомъ Великой Провинціальной Ложи.

Въ 1816—17-мъ году мастеръ стула былъ въ ней Виельгорскій, намѣстный мастеръ—Сергѣй Ланской, 1-й надзиратель—Корсаковъ и проч.

Въ 1818-мъ году, мастеръ стула—С. Ланской; намѣстный мастеръ—Андрей Римскій-Корсаковъ; 1-й и 2-й надзиратели—Романъ Шулепниковъ и Петръ Кайсаровъ, и пр.

Въ tableau 1819—20-го года названы: мастеръ—С. Ланской; намѣстный мастеръ—Шулепниковъ; 1-й надзиратель—П. Кайсаровъ и проч.

Относительно этой ложи въ московскомъ Музеѣ находится большое количество историческаго матеріала, именно:

а) Уставъ этой ложи, 1817 года (въ рукописи моск. Музея № 37) и «Должности мастера ложи, намѣстнаго мастера, обоихъ надзирателей и офицеровъ совершенной и справедливой ложи св. Іоанна, подъ названіемъ Елизаветы къ Добродѣтели», подпис. великимъ провинціальнымъ мастеромъ Мих. Велегурскимъ (Виельгорскимъ), вел. канцлеромъ гр. Григ. Чернышевымъ и т. д. и наконецъ великимъ мастеромъ (вѣроятно, ложи) С. Ланскимъ,—въ Публ. Библіотекѣ (Ш. Ф. № 19).

б) Протоколы, на русскомъ языкѣ, съ 12 сент. 1810-го до начала 1811 (въ Муз. № 3). Затѣмъ, почти полные протоколы работъ ученической, товарищеской и мастерской степени, съ 1811-го до 1822-го года (Муз. № 38—46). Также черновые протоколы, протоколы хозяйственнаго комитета, подписи членовъ, посѣщавшихъ ложу, 1817—1822 годовъ, и проч. (Муз. № 47—49).

в) Дѣла ложи 1811—1822 годовъ (Муз. № 50—53). Приходо-расходныя книги, журналы входящихъ и исходящихъ бумагъ, списки членовъ и проч. (Муз. № 54—57).

г) Рѣчи, говоренныя въ ложѣ Елизаветы, въ 1810—22 г. Протопоповымъ, Ланскимъ и другими (Муз. № 123). «Рѣчь, пис. І. А. (т.-е. Поздѣевымъ) для произнесенія гр. М. Ю. В. (Виельгорскимъ) въ ложѣ Елизаветѣ при вступленіи его въ должность м. с. (мастера стула) апрѣля 3-го 1815», находится въ записной книгѣ С. Ланского (Муз. № 855—230, лист. 20—21).

е) Сборникъ переписки по ложѣ Елизаветы: письма къ Левенгагену и др., 1811—1814 года. Между прочими находятся здѣсь письма Эллизена, Егора Кушелева и проч. (Муз. № 113).

6. *Пламеннѣющей Звѣзды* (de l'Etoile Flamboyante, Zum flammenden Stern). Протоколъ Вел. Директоріальной Ложи объ ея учрежденіи, 10-го ноября 1815-го года (въ рук. Муз. № 4). Въ 1816-мъ году мастеръ стула былъ въ ней бар. Корфъ; намѣстный мастеръ—Буденброкъ и проч. Съ 11-го декабря 1816 уже начинается дѣло объ отпаденіи Пламеннѣющей Звѣзды отъ Вел. Провинціальной Ложи; просьба о принятіи въ Астрею поступила 3-го марта 1817. Астрея тогда же приняла ее, на что послѣдовало и согласіе министра полиціи Вязмитинова (Муз. № 10).

7. *Трехъ Добродѣтелей* (Trois Vertus). Утвержденіе на основаніе этой ложи дано было Директор. Ложей братьямъ Ржевскому, Павлу Ланскому, Павлу Лопухину, Сергѣю Волконскому и др., которые всѣ были члены ложъ и желали основать новую ложу. Это утвержденіе состоялось 26-го ноября 1815. Инсталляція новой ложи происходила 11-го января 1816: кромѣ должностныхъ лицъ Директоріальной Ложи, при этомъ присутствовали члены ложъ Елизаветы, Соед. Друзей и Пламеннѣющей Звѣзды. Мастеромъ стула Трехъ Добродѣтелей назначенъ былъ Ржевскій, надзирателями Лопухинъ и Волконскій; потомъ (въ маѣ 1816, при повѣркѣ выборовъ), мастеромъ былъ опять выбранъ Ржевскій; намѣстнымъ мастеромъ—Павелъ Ланской; надзирателями—Лопухинъ и Мих. Ланской.

Эта ложа осталась до конца въ союзѣ Великой Провинціальной Ложи, и въ масонскомъ архивѣ московскаго Музея сохранились отъ нея слѣдующіе документы:

- а) Уставъ (Муз. № 58).
- б) Протоколы засѣданій 1815—20 годовъ, на французскомъ и русскомъ языкахъ (№ 59).
- в) Входящія и исходящія бумаги, дѣла 1816—1822 годовъ (Муз. № 60—63), и списки членовъ 1815—19 годовъ (Муз. № 64).

8. *Трехъ коронованныхъ Мечей* (Zu den drei gekrönten Schwertern, Trois Epées Couronnées), въ Митавѣ. Возобновленіе этой ложи, существовавшей въ Митавѣ въ прошломъ столѣтіи и прекратившей работы уже 22 года, постановлено было Директор. Ложей 26 ноября 1815-го, подъ предсѣдательствомъ Віельгорскаго. Дѣло началось тѣмъ, что нѣсколько масоновъ, въ томъ числѣ и бывшихъ членовъ старой митавской ложи, собрались (въ Митавѣ) подъ предсѣдательствомъ Жеребцова и

просили о восстановленіи ложи подъ прежнимъ ея названіемъ и по статутамъ Директоріальной Ложи.

Существованіе этой ложи было однако очень затруднительное. Генераль-губернаторъ остзейскихъ провинцій, маркизъ Паулуччи закрылъ эту ложу (основанную во время его отъезда въ Италію) по своемъ возвращеніи въ край, и его мѣра удостоилась высочайшаго одобренія ¹⁾. Въ мартѣ 1817-го, Жеребцовъ въ письмѣ къ Віельгорскому изъ Митавы, выражаетъ между прочимъ сожалѣніе, что эта ревностная ложа, состоящая въ союзѣ Провинціальной Ложи и которой онъ считаетъ себя членомъ, была *изглажена* изъ союза безъ всякаго извѣщенія, — потому что хотя маркизъ Паулуччи и не далъ ей разрѣшенія, но это не должно было исключать ея изъ памяти Великой Провинціальной Ложи (см. Муз. № 4 и № 10).

Вѣроятно, вслѣдствіе этихъ послѣднихъ недоразумѣній и неудовольствій, въ слѣдующемъ 1818-мъ году, а можетъ быть еще и раньше, ложа Трехъ коронованныхъ Мечей перешла уже въ союзъ Астреи.

9. *Трехъ Сѣкиръ* (Zu den drei Streithammern, Trois masses d'armes) въ Ревелѣ. Въ 1816-мъ году, 24 октября, принята была Вел. Провинціальной Ложей просьба нѣсколькихъ братьевъ изъ Ревеля объ основаніи новой ложи; но принята съ условіемъ, если братья примутъ ритуаль Провинціальной Ложи (Муз. № 4). Но, или братья не приняли этихъ ритуаловъ, или произошли другія недоразумѣнія, и ложа Трехъ Сѣкиръ въ іоаннову дню 1817-года является въ союзъ Астреи.

10. *Трехъ Свѣтилъ* (Trois Flambeaux). Въ протоколѣ Вел. Провинціальной Ложи, того же 24 октября 1816-го, записано, что нѣсколько братьевъ просили объ основаніи новой ложи подъ этимъ названіемъ, и что рѣшено было приготовить для нихъ конституцію и зачислить новую ложу въ союзъ подъ № 6. Инсталляція происходила 4 декабря 1816-го. Мастеромъ стула назначенъ Евреиновъ; намѣстнымъ мастеромъ — Дм. Зубовъ; 1-мъ и 2-мъ надзирателями — Петровъ и Рубецъ, и проч. (Муз. № 4).

11. *Сѣверной Звѣзды*, въ Вологдѣ. Дѣло объ ея основаніи началось 26 февраля 1817-го (см. Дѣла Провинц. Ложи, Муз. № 11). Затѣмъ, намъ встрѣтился слѣдъ этой предполагавшейся ложи въ бумагахъ Астреи (Муз. № 90); это — бумага, писанная въ Астрею отъ братьевъ имѣющей учредиться ложи Сѣверной Звѣзды на востокъ Вологды, съ благодарностью за присылку

¹⁾ Богдановича, Ист. Алекс. I, т. VI, стр. 408—409.

Code des Lois Астрей и съ просьбой о руководствѣ: бумага (отъ 19 окт. 1817) подписана избраннымъ для управленія будущей ложей мастеромъ Алексѣемъ Волоцкимъ. Но съ января 1820-го явился уже вопросъ о закрытіи ея, и 29 мая 1820-го Великая Провинц. Ложа упразднила эту вологодскую ложу— «по причинѣ непроизводства въ оной работъ со времени ея учрежденія». (См. Дѣла Пров. Ложи, Муз. № 18, и журналъ исход. бумагъ, Муз. № 21).

12. *Сѣверныхъ Друзей* (Les Amis du Nord). Эта ложа основана была вслѣдствіе отпаденія Соединенныхъ Друзей отъ Провинціальной Ложи, и должна была замѣнить отпавшую ложу; какъ слѣдующая дальше ложа Дубовой Долины должна была замѣнить отпавшую тогда же Пламенѣющую Звѣзду. Дѣло объ учрежденіи л. Сѣверныхъ Друзей и Дубовой Долины началось 5 марта 1817-го, и въ Дѣлахъ Провинціальной Ложи сохранился докладъ Вѣльгорскаго Вязмитинову обо всемъ этомъ дѣлѣ, съ просьбой испросить разрѣшеніе государя на то, чтобы оставшіеся члены обѣихъ отошедшихъ въ Астрею ложъ могли продолжать свои труды по прежнему подъ управленіемъ Великой Провинціальной Ложи, — и удовлетвореніемъ этой просьбы «доказать намъ, что союзъ подъ Провинціальною Ложою пользуется равными съ великою ложою Астрею преимуществами, и что въ глазахъ правительства члены сего союза на счету самыхъ вѣрныхъ русскихъ подданныхъ, преданныхъ своему государю, любящихъ отечество и спобойныхъ гражданъ, занимающихся масонствомъ, яко пріятнымъ и полезнымъ для ума и сердца упражненіемъ, утверждающимъ насъ во всѣхъ нашихъ обязанностяхъ въ разсужденіи гражданской и духовной власти въ имперіи Россійской». * (Дѣла 1818-го г., Муз. № 11). Ложа Сѣверныхъ Друзей учреждена была для французскаго языка.

Но и эта ложа не долго осталась вѣрна своему союзу. Съ 1 июня 1818-го г. начинается дѣло о переходѣ ея въ Астрею, гдѣ она и показана уже въ спискахъ на 1818—19 годъ. (См. Дѣла, Муз. № 14).

13. *Дубовой Долины*. Мы говорили сейчасъ о поводѣ къ ея основанію: просьба объ ея учрежденіи представлена была семью членами Пламенѣющей Звѣзды (между прочимъ Утехтомъ, Герландомъ и др.), которые не хотѣли переходить въ Астрею съ своей отпавшей ложей. (Дѣла 1817 года, Муз. № 11).

Эта ложа работала на нѣмецкомъ языкѣ и оставалась до конца въ союзѣ Провинціальной Ложи.

14. *Ищущихъ Манны* (Chercheurs de la Manne), въ Москвѣ. Дѣло объ учрежденіи ея началось съ 24 ноября 1817;

инсталляция происходила 7 декабря того же года (Дѣла Пров. Ложи, Муз. № 12 и № 73). Рѣчи, говоренныя въ этой ложѣ въ 1818-мъ г., въ рукописи Музея (№ 130).

Въ спискѣ членовъ этой ложи за 1819—20 г. названы: мастеръ стула—Серг. Павл. фонъ-Визинъ; намѣстный мастеръ—Курбатовъ; 1-й надзиратель—Камынинъ; риторъ—Алексѣй Ос. Поздѣвъ; 1-й стюартъ—Василій Льв. Пушкинъ (названный членомъ ложи Елизаветы). Въ числѣ почетныхъ членовъ — А. И. Дмитриевъ-Мамоновъ (гус. ротмистръ, 2-й великій надзиратель Вел. Провинц. Ложи и намѣстный мастеръ л. Трехъ Добродѣтелей). Вѣроятно къ этой ложѣ относятся предположенія, высказанныя въ перепискѣ Ланского и Виейлгорскаго объ устройствѣ въ Москвѣ масонскаго кружка изъ лицъ, живущихъ въ Москвѣ и принадлежащихъ къ петербургской ложѣ Елизаветы, — между ними было и нѣсколько мастеровъ, и изъ числа ихъ преимущество отдавалось Дмитриеву-Мамонову (см. Муз. № 112 и связку печатныхъ листовъ).

15. *Эквинскаго Понта*, въ Одессѣ. Дѣло объ учрежденіи этой ложи началось того же 24 ноября 1817 (Дѣла, Муз. № 12). Ритуаль ея, на нѣмецкомъ языкѣ, въ рукописяхъ Музея (№ 146).

16. *Орфея*. Дѣло объ основаніи ложи этого имени, для работъ на французскомъ языкѣ, началось съ 1 декабря 1818-го года; инсталляция ложи 8-го того же декабря, при чемъ она записана въ списокъ ложъ за № 9. При учрежденіи ложи назначены въ ней: мастеръ стула — гр. Гр. Ив. Чернышевъ, д. тайн. сов.; намѣстный мастеръ—А. П. Римскій-Корсаковъ; 1-й и 2-й надзиратели—А. П. Мансуровъ и Ив. Г. Кругликовъ.

Отъ этой ложи сохранилось значительное количество документовъ:

а) Уставъ, *Lois pour la loge d'Orphée*, 1818 года (Муз.—№ 65).

б) Протоколы ученической, товарищеской и мастерской степени и подписи членовъ, за 1818 — 22 г. на французскомъ языкѣ (Муз. № 66—69). Дѣла, журналы входящихъ и исходящихъ бумагъ, списки членовъ, за 1818 — 22 г. (Муз. № 70 — 72).

в) Рѣчи, говоренныя въ этой ложѣ въ 1818—19 г., черновыя и бѣловыя (Муз. № 125—129).

г) Ритуаль этой ложи, на французскомъ языкѣ, въ трехъ книгахъ (Муз. № 143—145).

17. *Вновь Возвсѣннаго Свѣтила у Трехъ Колоннъ*, въ Нижнемъ-Новгородѣ. Письмо нѣкоторыхъ братьевъ о дозволеніи

имѣть ложу этого имени находится въ дѣлахъ Великой Provinci. Ложи, подъ 11 марта 1819 г. (Муз. № 15).

Такъ какъ система Великой Provinciальной Ложи была система высшихъ степеней, то за обыкновенными такъ-называемыми іоанновскими ложами слѣдовали еще ложи и собранія высшего порядка. Такъ въ союзѣ Provinciальной ложи было нѣсколько такъ-называемыхъ шотландскихъ ложъ св. Андрея, для масоновъ, имѣвшихъ высшія степени послѣ мастера. Это были: ложа *Александра Златого Льва* и л. *Сфинкса*. Выше была еще упомянута шотландская ложа «подъ названіемъ св. *Георія*», которой оберъ-мейстеромъ былъ Бѣберъ.

Отъ первой сохранилось нѣсколько документовъ, именно: протоколъ засѣданій 4-й и 5-й степени, 1817—20 годовъ (Муз. № 84—85), журналъ входящихъ и исходящихъ бумагъ и списки членовъ (№ 86 — 87).

Отъ ложи Сфинкса остался списокъ членовъ (№ 87). Въ собраніи масонскихъ дипломовъ московскаго Музея есть латинскій дипломъ, выданный отъ этой ложи Сфинкса (*fraternitas S-ti Andreae a munificentia ad Sphynxgem*) въ апрѣлѣ 1815-го, и гдѣ означены слѣдующіе чины: *m. magister moderans* (великій мастеръ)—Жеребцовъ; *magister legatus* (намѣстный мастеръ)—Корфъ; *primus* и *secundus invigilans praefectus* (1-й и 2-й надзиратели)—Мельниковъ и Евреиновъ; затѣмъ *orator, introductor* (вводитель), *thesaurarius* (казначей), *rituum magister* (обрядоначальникъ), *administer primus* и *secundus* (хранители олтара) и *secretarius*.

Въ 1818-мъ году, по представленію Римскаго-Корсакова въ верховный орденскій совѣтъ (отъ 27 ноября), пачалось дѣло объ основаніи новой шотландской ложи въ Одессѣ, которая должна была назваться ложей *Трехъ царствъ природы* (*des Trois Règnes de la nature*). Въ собраніи дипломовъ сохранилась черновая французскаго диплома, отъ имени президента и членовъ шотландской директоріи на основаніе этой ложи Трехъ царствъ природы. Членами - основателями ложи являются: А. Римскій-Корсаковъ, *du nombre de St. Jean*; Ланжеронъ и другіе — *du nombre des chevaliers d'Occident*; потомъ еще нѣсколько *maîtres écossais* и *frères élus* (см. Муз. № 83).

Для управленія шотландскими ложами существовало особое собраніе—*Шотландская Директорія*. Въ 1818-мъ году для директоріи утверждены были новые законы: проектъ этихъ законовъ

составленный въ верховномъ орденскомъ совѣтѣ, посланъ былъ въ директорію, и затѣмъ законы подписаны совѣтомъ 7 октября 1818-го (см. Муз. № 83).

Въ масонскомъ архивѣ московскаго Музея находятся слѣдующіе документы, касающіеся шотландскихъ ложъ:

а) Законы и статуты этихъ ложъ (Муз. № 74 — 75);

б) Рѣчи, говоренныя въ нихъ (Муз. № 131);

в) Ритуалы шотландскихъ ложъ, катехизисы, инструкціи должностнымъ лицамъ, — 4-й, 5-й и 6-й степени, рыцарей Востока и Иерусалима, — стараго времени и новые (Муз. № 158—167).

Отъ шотландской директоріи сохранились слѣдующіе документы: а) Законы ея, въ двухъ экземплярахъ (Муз. № 76); правила для шотландской директоріи или матери-ложи св. Андрея (Муз. № 77); б) Дѣла и протоколы директоріи, за 1817—20 г. (Муз. № 78); бумаги по казначейству, кассовая книга, книга для записи сбора съ членовъ шотландскихъ ложъ, сборъ для бѣдныхъ (Муз. № 79 — 82).

Другимъ высшимъ учрежденіемъ былъ *Капитулъ Феникса*. Намъ не встрѣтилось свѣдѣній объ его прежнемъ составѣ. Въ 1817-мъ г., октября 5, произведены были новые выборы, по которымъ онъ является въ составѣ слѣдующихъ членовъ:

Префектъ — А. А. Жеребцовъ.

Блюститель вороны — Герландъ.

> лампады — гр. Зубовъ.

> меча — Павелъ Ланской.

> наугольника — Евреиновъ.

> хоругви — Павелъ Ржевскій.

> шпоръ — Утехтъ.

1-й блюститель храма — Левенгагенъ.

2-й > > — Шулепниковъ.

Канцлеръ — гр. Чернышевъ.

Затѣмъ назначены были еще два обрядоначальника, два герольда, секретарь и казначежникъ.

За отсутствіемъ префекта, субпрефектомъ назначено быть гр. Вильгорскому, а въ случаѣ его отъѣзда править командору Сергѣю Ланскому (Муз. № 83).

Протоколы и переписка капитула Феникса, за 1817—19 г. и списки членовъ его за 1818-й годъ находятся въ собраніи Музея (№ 88—89).

Отдѣльно отъ капитула является еще *Верховный орденскій Советъ*, о которомъ намъ встрѣтились свѣдѣнія опять только за послѣднее время, 1817—20 годы, хотя онъ упоминается и раньше. (Дѣла его въ Муз. № 83).

Въ 1819-мъ году, въ высшемъ управленіи ордена является новое видоизмѣненіе. Въ протоколѣ верховнаго совѣта, отъ 3-го апрѣля этого года внесено слѣдующее извѣстіе: предсѣдатель совѣта (Віельгорскій) «послѣ подробнаго изъясненія всѣхъ обстоятельствъ, происшедшихъ въ союзѣ нашемъ и допустившихъ великія измѣненія въ орденскомъ правленіи», объявилъ, что онъ какъ командоръ, вмѣстѣ съ другимъ командоромъ, С. Ланскимъ, «возобновили древне-существовавшее высшее правленіе ордена и отнынѣ имѣеть оно именоваться *Верховною Директорією*, которая состоять будетъ единственно изъ командоровъ». Братья 8-й степени будутъ составлять совѣтъ капитула Феникса, какъ власть исполнительную, на что совѣтъ получить особый регламентъ. Предсѣдатель объявилъ, что нѣкоторые братья уже введены въ Верховную Директорію, другіе будутъ введены, но ихъ имена останутся неизвѣстными, а Верховная Директорія будетъ «вынаружена» только въ двухъ нынѣ извѣстныхъ командорахъ, такъ какъ третій командоръ, *Eques a Leone armato* (Бороздинъ), отсутствуетъ.

Дѣла и протоколы этой Верховной Директоріи, за 1819—20 г., находятся въ архивѣ (Муз. № 27).

Это новое учрежденіе имѣло, кажется, въ виду сосредоточить управленіе орденомъ; какія обстоятельства вызвали эту перемѣну—остается пока неясно; но въ числѣ ихъ едва ли не были упомянуты нами постоянныя отпаденія ложъ; и наконецъ отпаденіе той ложи, которою управлялъ Жеребцовъ, и вмѣстѣ съ которой самъ великій мастеръ Провинціальной Ложи перешелъ также въ Астрю.

Жеребцовъ, повидимому пользовался большимъ уваженіемъ въ союзѣ Провинціальной Ложи, какъ старый масонъ, владѣвшій высокими степенями и какъ одинъ изъ первыхъ возстановителей масонства при имп. Александрѣ. Несмотря на то, что онъ долго отсутствовалъ изъ Петербурга, его продолжали выбирать въ великіе мастера и оставляли во главѣ управленія. Но наконецъ явились недоразумѣнія. Въ началѣ 1817-го года, произошло отпаденіе Соединенныхъ Друзей и переходъ ихъ въ Астрю. Причиной этого отпаденія былъ раздоръ по поводу упомянутаго прежде Дальмаса, который подвергся обвиненію въ томъ, что продалъ за 300 рублей мастерскую степень какому-то Смирнову, оказавшемуся человѣкомъ недостойнымъ. Жеребцовъ, который былъ мастеромъ въ ложѣ Соединенныхъ Друзей, оправдалъ этого Дальмаса, — хотя обвиненіе было очень справедливо. Поэтому, когда отпаденіе совершилось, Віельгорскій, управлявшій за от-

существомъ Жеребцова Провинціальной Ложи, обратился къ нему, въ письмѣ отъ 21 марта 1817, съ вопросомъ, желаетъ ли онъ остаться въ союзѣ Провинціальной Ложи и быть ея великимъ мастеромъ, или быть при ложѣ Соединенныхъ Друзей въ Астрей, и тогда слѣдовательно потерять званіе члена Провинціальной. Жеребцовъ отвѣчалъ изъ Митавы, отъ 27-го марта, что онъ слагаетъ съ себя званіе великаго мастера, по своему недостоинству, защищался однако, что онъ имѣлъ право оправдать Дальмаса. Упомянувъ о своемъ 14-лѣтнемъ управленіи молоткомъ (т. е. управленіи въ качествѣ мастера), Жеребцовъ заявлялъ, что со дня закрытія имъ Соединенныхъ Друзей (въ союзѣ Провинціальной Ложи), онъ считаетъ себя членомъ митавской ложи Трехъ Коронованныхъ Мечей, состоящей въ союзѣ Провинціальной Ложи; — но выражаетъ при этомъ сожалѣніе, что эта ложа изглажена изъ союза, — потому что хотя она и не получила разрѣшенія отъ марквиза Паулуччи, это не должно было исключать ее изъ памяти Великой Провинц. Ложи, отъ которой она долго ждетъ отвѣта на свои вопросы (Муз. № 11). Такимъ образомъ Жеребцовъ привелъ формальное основаніе, по которому онъ продолжалъ оставаться въ союзѣ Провинц. Ложи, и вмѣстѣ дѣлалъ ей упрекъ въ несправедливости. Отказъ его кажется не былъ принятъ, потому что въ концѣ 1817 мы опять видимъ его во главѣ капитула Феникса. Но въ концѣ 1818, вопросъ возобновился (тѣмъ временемъ и ложа Трехъ Коронованныхъ Мечей перешла въ Астрею). Въ собраніи Верховнаго орденаго Совѣта, 7-го октября 1818, читана была копія письма Жеребцова, изъ Митавы, въ ложу Сѣверныхъ Друзей, въ маѣ 1818, гдѣ онъ даетъ свое согласіе на переходъ и этой ложи въ союзъ Астреи. Такимъ образомъ всѣ ложи, гдѣ Жеребцовъ былъ членомъ, находились въ Астреѣ, но по законамъ Провинціальной Ложи членомъ капитула и совѣта можно было быть только состоя дѣйствительнымъ членомъ въ одной изъ подвѣдомыхъ ей ложъ, и потому рѣшено было не считать больше Жеребцова ни членомъ Верховнаго Совѣта, ни предсѣдателемъ капитула Феникса. Должность префекта рѣшено было заступить Вильгорскому. Въ засѣданіи 13-го ноября 1818-го года постановлено было, по случаю выхода Жеребцова, написать ему отъ имени Верховнаго Совѣта благодарственный адресъ за время нахождения его въ союзѣ Великой Провинціальной Ложи (Муз. № 83).

Упомянемъ наконецъ о сохранившихся въ архивѣ документахъ самой Провинціальной Ложи. Эти документы слѣдующіе:

а) Подлинный уставъ В. Провинціальной Ложи, 17-го мая 1817-го года; Должности и права правительствующихъ лицъ Іоанновскихъ ложъ; Актъ взаимныхъ отношеній обѣихъ Великихъ Ложъ, 1817-го года (Муз. № 7—9).

б) Дѣла Великой Провинціальной Ложи, 1816—22 годовъ. Въ этихъ дѣлахъ находятся между прочимъ выписки изъ протоколовъ подвѣдомственныхъ ей ложъ, такъ что по нимъ можно слѣдить исторію также и тѣхъ ложъ, отъ которыхъ не сохранились подлинныя и полныя протоколы (Муз. № 10—18). Журналы входящихъ и исходящихъ бумагъ, за 1816—22 г. (Муз. № 19—22). Протоколы засѣданій Вел. Провинціальной Ложи, за 1817—22 г. (Муз. № 23—24). Протоколы Совѣта Великой Провинціальной Ложи, за 1819—22 г. (Муз. № 26).

в) Подписи членовъ, бывавшихъ въ собраніяхъ ложи. Списки членовъ. Выписки изъ протоколовъ ложъ союза, составлявшіяся для представленія правительству. Дѣла казначейскія; экономическое постановленіе между іоанновскими ложами 12-го сентября 1819; положеніе и протоколы братской вспомогательной кассы (Муз. № 25, 28—36).

г) Рѣчи, говоренныя въ Вел. Провинціальной Ложѣ Ланскимъ и другими, за 1818—22 годы (Муз. № 124).

Списки членовъ, находящіеся въ этомъ масонскомъ архивѣ, даютъ возможность въ подробности видѣть, между прочимъ, и личный составъ масонскаго круга Великой Провинціальной Ложи. Мы уже называли многія лица изъ этого круга. Въ числѣ именъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ и замѣчательныхъ, мы встрѣчаемъ здѣсь, между прочимъ, имена многихъ декабристовъ и также многихъ лицъ, извѣстныхъ впослѣдствіи своею литературною или служебною дѣятельностью. Укажемъ нѣсколько примѣровъ.

Такъ въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ ложи *Amis Réunis*, за 1816-й годъ, находятся имена гвардіи офицеровъ: Петра Чадаева, Александра Грибоѣдова, Авраама Норова, генераль-майора Александра Бенкендорфа, гв. офицера Пестеля. Въ одномъ изъ списковъ Грибоѣдовъ означенъ 1-й степенью; Пестель и Чадаевъ—5-й степенью (Муз. № 10).

Нѣсколько извѣстныхъ именъ встрѣчаются въ ложѣ *Trois Dignitaires*. Въ подробномъ спискѣ этой ложи, съ 11-го января 1816 по 1-е ноября 1819, означены между прочимъ слѣдующія лица съ указаніемъ ихъ масонскихъ прохожденій:

Князь Сергѣй Григ. Волконскій, генераль-майоръ, принять

былъ въ орденъ въ 1812, въ ложѣ Соединенныхъ Друзей, въ Петербургѣ, былъ однимъ изъ учредителей ложи Трехъ Добродѣтелей; вторымъ надзирателемъ въ ней съ 16 янв. 1816 до 1 февр. 1817, и первымъ надзирателемъ съ 1 февр. 1817 до 14 июня того же года.

Князь Илья Андр. *Долоружій*, офицеръ гвардіи, принятъ былъ въ 1814, въ ложѣ Соединенныхъ Друзей; съ 11 января 1816 до 17 апрѣля 1817 былъ въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей сначала секретаремъ, потомъ вторымъ стуартомъ и вторымъ надзирателемъ. Закрылъ работы съ 22 декабря 1818.

Князь Сергій Петр. *Трубецкой*, офицеръ гвардіи, принятъ 25 января 1816 въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, повышенъ во вторую степень 4 января 1817, и въ третью 8 февраля 1817, былъ въ этой ложѣ намѣстнымъ мастеромъ съ 19 августа 1818 до 28 апрѣля 1819, и затѣмъ состоялъ въ ней почетнымъ членомъ.

Князь Александръ *Испиланти*, генераль-майоръ, принятъ былъ въ 1810 году, въ ложѣ Палестины, присоединенъ къ 3-й степени 19 декабря 1816, и въ 1820 году не числился болѣе членомъ.

Матвѣй Иван. *Муравьевъ-Апостолъ*, гвардіи офицеръ, принятъ въ ложѣ Соединенныхъ Друзей, повышенъ (въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей) во вторую и третью степень 26 декабря 1816 и 11-го января 1817, затѣмъ былъ въ числѣ отсутствующихъ и 3 мая 1820 исключенъ.

Сергій Иван. *Муравьевъ-Апостолъ* (род. въ Петербургѣ 28 сентября 1796), принятъ 2 января 1817 въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, повышенъ во вторую и третью степень 24 апрѣля и 10 июня 1817 г. Съ 14 июня того же года былъ обрядоначальникомъ этой ложи, и 22 декабря 1818 закрылъ работы.

Никита Михайловичъ *Муравьевъ*, гвардіи подпоручикъ (род. въ Петербургѣ 19 августа 1795), принятъ 30 января 1817 въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, повышенъ во вторую и третью степень 27 февраля и 12 апрѣля 1817; съ 14 июня 1817 былъ риторомъ въ этой ложѣ и 22 декабря 1818 закрылъ работы.

Павель Ивановичъ *Пестель*, гвардіи офицеръ, присоединенъ къ третьей степени 6 февраля 1817, и въ 1820 не числился болѣе членомъ.

Александръ Николаевичъ *Муравьевъ*, полковникъ, принятъ въ ложѣ Елизаветы; съ 17 апрѣля 1817 былъ избранъ въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей во вторые надзиратели; съ 14 июня 1817 по августъ 1818 былъ намѣстнымъ мастеромъ; затѣмъ показанъ находящимся въ Москвѣ.

Петръ Иван. *Колошинъ*, гвардіи прапорщикъ (род. въ Костромѣ 11 октября 1795), принятъ 18 апрѣля 1817, повышенъ во вторую степень 3 іюня 1817; затѣмъ показано, что членомъ больше не числится.

Авраамъ Серг. *Норовъ*, гвардіи офицеръ, принятъ 10 февраля 1819, повышенъ во вторую степень 6 сентября 1819¹⁾.

Въ протоколахъ капитула Феникса, по VI-й степени, мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія подробности относительно Александра Ник. Муравьева, любопытныя какъ образчикъ масонскихъ связей русскихъ ложъ. Въ засѣданіи капитула 17 марта 1817, Вѣльгорскій объявилъ, что членъ управляемой имъ ложи Елизаветы, мастеръ Муравьевъ, полковникъ свиты его в—ва, «во время пребыванія его, по военнымъ обстоятельствамъ, въ 1814 году во Франціи, въ городѣ Мелюнѣ, познакомился съ братомъ Болтrentалемъ, членомъ верховной митрополиі Гередона²⁾ и четырехъ европейскихъ востоковъ; что сей братъ Болтrentаль, замѣтивъ въ братѣ Муравьевѣ потребныя качества, сообщилъ ему седьмую степень». Вѣльгорскій представилъ капитулу подлинное свидѣтельство, выданное Муравьеву Болтrentалемъ 9 апрѣля 1814, отозвался самымъ благопріятнымъ образомъ объ его поведеніи и качествахъ, и ходатайствовалъ, чтобы Муравьевъ былъ признанъ въ высокихъ степеняхъ, представляя притомъ, что отличныя дарованія этого брата и его ревность къ ордену подають надежду, что онъ можетъ быть очень полезенъ для ордена. Капитулъ по этому ходатайству опредѣлили утвердить Муравьева въ шестой степени, но съ тѣмъ однако, чтобы онъ сперва былъ балотированъ въ шотландской ложѣ Александра въ четвертую степень, и когда всѣ шары окажутся бѣлыми, то былъ бы приведенъ къ присягѣ; затѣмъ, такимъ же порядкомъ балотированъ въ пятую степень и также приведенъ къ присягѣ. Послѣ этого управляющій шотландскою ложей Александра долженъ былъ сообщить о немъ шотландской директоріи, которая представитъ капитулу, и тогда уже постановлено было созвать капитулъ, ввести въ него Муравьева и снявши съ него еще присягу, признать его въ шестой степени и дѣйствительнымъ членомъ капитула³⁾.

¹⁾ Рук. Муз. № 64. Ср. въ журналѣ Великой Провинц. Ложи, 15 мая 1819, извѣщеніе отъ ложи Трехъ Добродѣтелей, что въ ней навсегда покрыли работы Никита Муравьевъ, Пушкинъ(?), кн. Долгорукій, и одинъ Муравьевъ - Апостолъ (Муз. № 21).

²⁾ Французская система высшихъ степеней.

³⁾ Рук. Муз. № 88.

Дѣйствительно, имя Муравьева стоитъ въ спискахъ шотландской ложи Александра. Великимъ мастеромъ въ этой ложѣ сначала былъ тотъ же Вѣльгорскій, съ учрежденія ея до 8-го ноября 1818; потомъ его смѣнилъ С. С. Ланской. Оба они были въ числѣ ея учредителей. Въ спискѣ дѣйствительныхъ членовъ находятся: князь Сергѣй Гр. Волконскій, принятый въ шотландское братство въ ложѣ Сфинкса, и находившійся въ ложѣ Александра съ 17 февр. 1817, въ пятой степени; далѣе Ал. Ник. Муравьевъ, вступившій въ ложу съ 22 марта 1817 и признанный въ томъ же году въ четвертой и пятой степеняхъ; далѣе Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, принятый въ шотландское братство въ ложѣ Александра, получившій четвертую степень 22 іюня 1817, и 8 ноября 1818 выбывшій въ ложу Сфинкса, и т. д. ¹⁾.

Мы остановимся еще на нѣкоторыхъ чертахъ внутренней дѣятельности ложъ того времени, и сообщимъ затѣмъ нѣсколько подробностей объ ихъ закрытіи и наконецъ о нѣкоторыхъ признакахъ дальнѣйшаго существованія масонства этой системы, какіе намъ встрѣтились въ матеріалахъ московскаго Музея.

А. Пыпинъ.

¹⁾ Рук. Муз. № 87.

СОВРЕМЕННАЯ ГЛУШЬ

Изъ воспоминаній мирового судьи.

Посвящается Н. А. Я—ву.

I.

Старые порядки и новый судъ.

Если бы человѣкъ, совершенно чуждый русской жизни, постепенно спускался отъ Петербурга въ какому-нибудь Тамбову или Курску, отъ нихъ въ уѣздному городу Курмышу, а тамъ спустился бы еще ниже, на послѣднюю ступень лѣстницы, и такимъ образомъ волею судьбы очутился бы на самомъ днѣ, въ удаленномъ, какъ будто затерянномъ въ необъятномъ пространствѣ — русскомъ селеніи, то несомнѣнно, что человѣкъ этотъ, спускаясь все ниже и ниже къ самому дну, былъ бы крайнимъ образомъ пораженъ рѣзкими переходами, встрѣтившимися на пути его, такъ же какъ и бьющимъ въ глаза контрастомъ верхней, чисто выложенной, парадной ступени съ нижней, только-что не потонувшей въ вязкомъ, заброшенномъ болотѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что при такихъ рѣзкихъ контрастахъ наши мировыя учрежденія, выработанныя европейскою жизнью, должны были найти себѣ самую благодарную почву въ нашихъ столицахъ, менѣе благодарную въ нашихъ городахъ, имѣющихъ уже свои типичныя, далеко не-европейскія черты, а въ нашей безбрежной глуши они должны были явиться чѣмъ-то совершенно неожиданнымъ, большинству непонятнымъ, многимъ ненавистнымъ, а также неминуемо должны были на

первомъ же шагу встрѣтить тѣмъ особенностей, недоразумѣній и препятствій, несуществующихъ, немислимыхъ ни въ городахъ, ни въ столицахъ нашихъ.

Если обитатели нашихъ столицъ и городовъ, хотя и въ слабой степени, были приготовлены къ воспріятію суда скорого, праваго, а главное равнаго для всѣхъ; если они, хотя и не безъ затрудненій, имѣли возможность отстаивать права свои, то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что обитатели нашей необъятной глуши, какъ будто забытые или обойденные, лишены были не только праваго и скорого, но даже суда — въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, безъ всякихъ прибавленій и украшеній. Судъ замѣнялся «произвольной расправой», въ образѣ невозможнаго въ настоящее время полицейскаго чиновника; но вѣчно скакательное состояніе дѣлало его неудовимымъ, а зависимое положеніе ставило въ обязательныя отношенія къ вліятельнымъ лицамъ уѣзда, распоряжавшимся «расправой» по своему личному усмотрѣнію. Порядки, предшествовавшіе введенію уставовъ 64-го года, порядки вчерашняго дня неожиданно, но далеко, на цѣлые десятки лѣтъ, отодвинувшагося назадъ — эти первобытные, патриархальные порядки, живо отражавшіе въ себѣ порядки приволжской вольницы, знаютъ только коренные обитатели глуши, собственнымъ опытомъ извѣдавшіе всю прелесть хаоса и неурядицы, но главнымъ образомъ находившіеся въ нѣсколько пониженномъ положеніи.

Сотнями лѣтъ складывался своеобразный, полный особенностей и безпредѣльнаго произвола бытъ, выработавшій намъ два болѣе выдающихся и одинаково отталкивающихъ типа: типъ такъ-называемаго «образованнаго» и «порядочнаго» человѣка, относящагося ко всему на свѣтѣ — къ чужимъ деньгамъ, къ чужому праву, къ самому закону, къ общественному дѣлу съ легкостью вѣчнаго недоросля, и безстыдно, не краснѣя, рассказывающаго о своихъ кулачныхъ расправахъ, своемъ безпутствѣ или ловко, но безчестно устроенной аферѣ; и типъ простолюдина безграмотнаго, обнесеннаго всѣми плодами цивилизаціи, съ тою же наивностью хвастающагося хитро совершенной кражей, тремя руб. взятыми за безчестье, наукой, данной своей, всегда и во всемъ виновной, бабѣ, или запирательствомъ въ занятыхъ на слово деньгахъ. Всюду царствовала невообразимая патриархальность и первобытность отношеній. Съ одной стороны, господа, къ которымъ простой народъ причислялъ не только становаго пристава, но и его письмоводителя, — съ другой, простой черный народъ; на одной сторонѣ, смиренная или буйная обломовщина, распущенное самоуправство, одуряющая праздность, — на другой,

одуряющій трудъ, замѣнутое безысходное невѣжество и до послѣдней степени изощрившаяся хитрость. Все было просто, все возможно, такъ что, даже послѣ великаго дня 19-го февраля 61-го года, каждый, въ случаѣ надобности, и нимало не задумываясь, умѣлъ обходиться собственными средствами, не теряя времени на напрасные поиски суда. Является ли къ землевладѣльцу староста съ жалобой на нерадѣніе наемнаго работника, — расправа короткая: «Сюда его!» — «А вы не деритесь! — нынче не прежнее время, — нынче драться не велятъ!» для очистки совѣсти протестуетъ работникъ, и, получивши нѣсколько ручныхъ наставленій, — какъ ни въ чемъ не бывало, возвращается къ своему дѣлу. Усмотритъ ли управляющій, что сосѣдній пастухъ травитъ овсы его довѣрителей, онъ мчится въ поле и, безъ дальнихъ объясненій, вцѣпляется въ бороду пастуха. Задумываться было не надъ чѣмъ: все было просто, очевидно и понятно для каждаго. Каждый изъ обитателей глуши очень хорошо зналъ народную поговорку: «съ сильнымъ не борись» и т. д., — зналъ, что если становой В. полетитъ стрѣлой по одному мановенію уѣзднаго туза, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы тотъ же В. когда-нибудь отозвался на мольбы мелкопомѣстной барыни, написавшей къ нему безчисленное множество писемъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Каждому было извѣстно, что сколько ни толкуй онъ о политическихъ и провинціальныхъ новостяхъ съ почтенными членами и самимъ предсѣдателемъ палаты, сильно обрадованными появленіемъ въ ихъ сонномъ царствѣ свѣжаго человѣка, и по этому случаю преградившими ему на цѣлое утро выходъ изъ присутствія, сколько ни занимай ихъ, но не миновать полной, мягкой руки секретаря, давно и хорошо знакомой цѣлой губерніи.

Сильно укоренилась привычка къ безпредѣльному размаху, къ вольницѣ, къ простымъ, несложнымъ отношеніямъ, къ самоуправству и даже къ мягкой рукѣ секретаря, открыто, какъ должное, бравшей съ праваго, виноватаго, бѣднаго и богатаго; и вдругъ, какъ-бы чудомъ какимъ, упразднены патріархальныя отношенія, поднять походъ противъ вольницы, неизвѣстно куда спряталась знакомая всей губерніи секретарская рука, отъ себя самихъ поспѣшили отречься бывшіе чиновники, забожившись, что между ними, въ прошедшемъ и настоящемъ, нѣтъ ничего общаго, умилилась администрація, предлагая руку объ руку идти съ мировыми судьями; а въ глуши, казалось, обреченной на вѣчное забвеніе, — гдѣ еще вчера самовластно распоряжался письмоводитель станового; гдѣ еще вчера, наводя панику, скабаль исправникъ, въ видѣ развлечения, подпаливая сигарой

лѣнливыхъ ямщиковъ; гдѣ еще вчера не существовало ни такого правила, ни такого закона, которыхъ бы нельзя было обойти, однимъ словомъ, не существовало ничего невозможнаго, — словно изъ земли выросли камеры мировыхъ судей, съ гуманными уставами 64-го года, обстановкой, — неимѣвшей ничего общаго съ труппами станковыхъ, — съ только-что избранными мировыми судьями, отличавшимися мягкимъ обращеніемъ, сіявшими золотомъ цѣпями и своими праздничными, странно-восторженными лицами выражавшими непреодолимое желаніе, какъ можно скорѣе, водворить въ окружающихъ дебряхъ «судъ скорый, правый и равный для всѣхъ». Никогда еще, такъ неожиданно и смѣло, не выступала Фемида, никогда не испытывала она такого затруднительнаго положенія, не зная, какъ устоять, сохранить достоинство въ новомъ, только-что сшитомъ, костюмѣ, на высокомъ пьедесталѣ своемъ.

Тихо и сонно текла жизнь обрестныхъ селъ и деревень; по старому, ничего не подозревая, продолжалъ жить простой народъ, трудясь до изнеможенія въ рабочіе дни, напиваясь въ праздники, и только при столкновеніяхъ съ повымъ судомъ узнавая о его существованіи. За то сильное оживленіе замѣтно было въ меньшинствѣ, между людьми болѣе или менѣе зажиточными и образованными, и каждый, волнуясь любопытствомъ, уже заранѣе усваивалъ себѣ извѣстныя ожиданія и требованія отъ мировыхъ учрежденій.

Эти требованія и ожиданія были, какъ нельзя болѣе, разнообразны.

Одни ожидали, что изъ мировыхъ судей образуются тѣ же мировые посредники, которые сейчасъ же, волей или неволей, войдутъ въ патріархальную, повойную и лѣнливую роль «хозяина своего участка», въ предѣлахъ коего воленъ онъ казнить и миловать. Такимъ возрѣніемъ объясняется буча писемъ, полученныхъ многими изъ мировыхъ судей, въ началѣ ихъ дѣятельности, съ просьбой о томъ или другомъ распоряженіи, или о принятіи подъ крыло свое старосты, вызваннаго на разбирательство. Ожиданія другихъ были еще проще и практичнѣе: они предполагали въ мировыхъ судьяхъ, можетъ быть, нѣскольکو цивилизованныхъ, но при этомъ какъ нельзя болѣе проворныхъ исправниковъ, выказывающихъ каменную твердость и невиданную энергію воли. Третьи, изъ породы размахистыхъ и благородныхъ бутиль, приняли назначеніе мировыхъ судей, какъ личность, прямо и недостойнымъ образомъ на нихъ направленную. Четвертые, изъ разряда унылыхъ и полнокровныхъ, не понимая еще въ чемъ дѣло, не утруждая свою голову, хотя

поверхностнымъ знакомствомъ съ уставами 64-го года, но уже чувствуя неодолимую потребность выпятиться и волноваться, не долго думая, принялись запугивать наше доврчивое общество «новымъ нашествіемъ либераловъ и друзей меньшей братіи». Къ особой группѣ должны быть отнесены, вѣчно присущіе нашему обществу, разнообразнѣйшіе типы провинціальныхъ Маниловыхъ, зажмурившихъ глаза отъ умиленія и увидавшихъ въ мировыхъ учрежденіяхъ не только новый шагъ гиганта, далеко опередившаго Европу, но и мгновенное испѣленіе нашего отечества отъ всѣхъ, историческимъ путемъ сложившихся недуговъ.

Никогда еще члены судебного вѣдомства не пользовались въ обществѣ нашемъ такимъ завиднымъ успѣхомъ, напоминающимъ, по увѣренію сѣдовласыхъ остряковъ, успѣхъ гусарскихъ офицеровъ въ невозвратимыя времена барской широкой жизни. Общій привѣтъ ожидалъ новыхъ жрецовъ Ѡемиды, на расхватъ приглашались они въ великосвѣтскіе салоны, куда еще вчера ни подъ какимъ видомъ не допускались бывшіе, никому ненужные и форменные чиновники; для нихъ давались балы, обѣды, даже отыскали какіе-то особенные, никому до настоящаго времени неизвѣстные цвѣта, и губернскія дамы, одѣваясь въ нихъ и взявъ въ руки букетъ того же цвѣта, привѣтливо улыбались гостямъ своимъ, и послѣдній гость, — только-что пріѣхавшій прокуроръ или членъ суда — на нѣкоторое время, заслонялъ своихъ товарищей, былъ самымъ моднымъ человѣкомъ въ городѣ, изображая невиданное соединеніе ума, честности, но главнымъ образомъ — краснорѣчія. Дошло до того, что затихли междуособныя войны губернскихъ дамъ; полмыслившіе губернскіе Донъ-Жуаны потеряли всякій кредитъ, и тотъ пошловато-пикантный разговоръ, понятный только для посвященныхъ и составляющій принадлежность нашихъ гостинныхъ, мгновенно замѣнился разговоромъ о дѣлахъ, разбиравшихся въ окружномъ судѣ или на сѣздѣ, о послѣднемъ заключеніи прокурора и дѣятельности мировыхъ судей.

Но если во всемъ происходившемъ предъ глазами нашими замѣтно просвѣчиваетъ комическая сторона, если новизна и мода играли видную роль въ общемъ увлеченіи, то несомнѣнно и то, что увлеченіе это имѣло и свою долю искренности, вызванной наплывомъ честныхъ дѣятелей, невиданныхъ въ глуши людей, неизвѣстно откуда наѣхавшихъ и гдѣ находившихся до настоящей минуты, какъ будто общество собрало и выслало на судебную арену весь запасъ свѣжихъ, одушевленныхъ силъ сво-

ихъ, поселяя въ высокой степени отрадную мысль, что силы эти нашлись и существуютъ еще на Руси.

Захваченный общимъ небывалымъ одушевленіемъ, находясь подъ обаяніемъ восторженныхъ маниловскихъ лицъ, съ рѣчами, сказанными по случаю открытія мировыхъ учреждений, въ ушахъ, по необъятной равнинѣ блѣдно-зеленыхъ полей съ кое-гдѣ вблизи и вдали блѣднѣющими точками сельскихъ церквей, спѣшилъ я къ своей камерѣ, и точно не своими, а какими-то просвѣтленными, любящими глазами обзрѣвалъ громадную, одноцвѣтную панораму чисто русскаго пейзажа, и еще болѣе спѣшилъ, въ тихомолку мечтая о лучшемъ будущемъ, о громадной пользѣ, которую ждетъ и въ правѣ ждать общество отъ новаго суда.

Пріѣхалъ батюшка, отслужилъ молебенъ въ камерѣ, рябившей новыми обоями и сильно пахнувшей только-что выкрашенными полами. Всѣ дворовые люди и работники поочередно заглянули въ таинственную комнату; навѣстили два сосѣднихъ землевладѣльца средней руки, сильно насалившіе всей окрестности и цѣлому ряду мировыхъ посредниковъ, до невозможности обрадованные, захлебываясь отъ удовольствія и желанія, какъ можно скорѣе рассказать всѣ свои дразги по порядку, ничего не забывая и не упуская; они съ разу подали мнѣ по десятку прошеній, и все еще неуспокоенные, уходили, останавливались и снова возвращались съ новыми жалобами. Подоспѣла почта, доставивъ цѣлую кипу дѣлъ разнообразнѣйшаго свойства: объ оскорбленіи московской мѣщанки Осоргиной дьячкомъ Травиннымъ, о безчисленныхъ порубкахъ, о крестьянской дѣвицѣ Степанидѣ Степановой, обвиняемой въ нищенствѣ, и о мѣщанкѣ Обуховой, обвиняемой въ подкинутіи ребенка и т. д. Поступила жалоба одного домовитаго и зажиточнаго крестьянина на то, что волостное правленіе, вытребовавъ его сына въ школу, принуждаетъ учиться; поступила жалоба сосѣднаго волостного старшины на одного крестьянина, вопреки всѣхъ мѣропріятій, неоставляющаго арестантской, куда посаженный всего на сутки, самовольно сидитъ уже вторую недѣлю; предъявлено два гражданскихъ иска, въ одномъ изъ коихъ истецъ просилъ взыскать съ его работника 3 руб. 33 коп. за то, что тотъ однажды, не подмазавъ колесъ у тарантаса, едва не испортилъ его лошади, а въ другомъ взыскивалось съ бывшаго старесты 7 руб., отданные послѣднимъ крестьянину Хоярову за обработку ржаной десятины, на томъ основаніи, что крестьянинъ, взявшій работу, можетъ ее дурно выполнить или даже вовсе не исполнить; поступили десятки прошеній отъ угнетенныхъ женъ, изъ коихъ однѣ просили о немедленной выдачѣ имъ какаго-то вольнаго билета, такъ какъ

онѣ уже расписались съ мужьями, а другія напротивъ того отъ-казывались отъ того же вольнаго билета, и заявляли желаніе жить съ мужьями своими.

«Законный мужъ мой», между прочимъ писала крестьянка Осипова, «съ которымъ я и прежде судилась, нынѣ гонитъ меня прочь отъ себя и не хочетъ имѣть меня своею женою, а даетъ мнѣ свой вольный билетъ; но я, какъ законъ господній дозволилъ имѣть при себѣ мужа, не хочу отъ его идти прочь, а онъ не взирая на то сталъ въ волостномъ правленіи просить мнѣ вольный билетъ, такъ чтобы я не могла болѣе быть его женою; но я этого не хочу, потому что мнѣ нельзя быть безъ мужа, такъ какъ я еще молода, да еще есть у меня сынъ. Я сказала: если ты не хочешь имѣть меня своей женою, то выстрой мнѣ съ сыномъ келью и дай мнѣ хлѣбъ; а онъ мнѣ сказалъ: я тебѣ хлѣба не даю, а сына беру себѣ; а я сказала: сына не даю и сама отъ тебя прочь неиду» и т. д.

Быстро смѣнялись впечатлѣнія, невольно вызывая на душу еще смутное, не вполне опредѣлившееся сомнѣніе во всемогуществѣ новаго суда противъ окружающаго мрака и существующаго невѣжества. Но когда изъ 100 человѣкъ, находившихся на разбирательствѣ, не оказывалось ни одного грамотнаго, умѣвшаго подписать свое имя; когда одна изъ свидѣтельницъ, на правахъ вликуши, предъ самой присягой провратилась колесомъ по камерѣ, и никто изъ присутствовавшихъ не нашелъ въ этомъ ничего удивительнаго; когда одна за другой стали являться крестьянскія бабы съ сплошнымъ кровавымъ пятномъ, вмѣсто лица, и, судорожно рыдая, распухшими, дрожащими губами рассказали о звѣрскомъ обращеніи съ ними мужей; когда на столѣ моемъ перебивали десятки оторванныхъ косъ, а послѣ каждаго престольнаго праздника или помочи мнѣ пришлось разсматривать на крестьянскихъ лицахъ таковаго рода увѣчья и слѣды, которые можетъ оставить только русскій кулакъ, и которые только у насъ, при нашихъ порядкахъ и привычкахъ, могутъ быть относимы къ такъ-называемымъ легкимъ побоямъ; когда людьми, уже имѣющими нѣкоторыя претензіи, возбуждаемы были десятки дѣлъ, подходящихъ скорѣе подъ разрядъ невозможныхъ, нежели гражданскихъ или уголовныхъ; когда одинъ вспыльчивый землевладѣлецъ, послѣ разбирательства, тутъ же въ камерѣ, крестясь передъ образомъ, покаялся, вмѣстѣ съ разлитіемъ рѣкъ, забравъ чадъ своихъ, перекочевать въ Персію, гдѣ нѣтъ, и по предположенію его, никогда не должно быть мировыхъ судей, а спустя нѣкоторое время, при судоговореніи проклялъ судившагося съ нимъ крестьянина со всѣмъ его родомъ и племенемъ; когда, на-

вонецъ, одинъ священникъ, въ продолженіи часа, выдержалъ въ осадномъ положеніи мою камеру—тогда зародившееся во мнѣ сомнѣніе, все болѣе и болѣе укрѣпляясь, перешло уже въ твердую увѣренность, что далеко еще отъ насъ то блаженное время, когда старые, вошедшіе въ нашу плоть и кровь порядки, вполнѣ замѣнятся новыми.

II.

Бабій вопросъ и бабій трудъ въ глуши.

Мы видимъ темный лѣсъ, любуемся имъ, съ наслажденіемъ отдыхаемъ въ тѣни его, дышемъ его здоровымъ животворнымъ воздухомъ и робко озираемся, когда въ непогоду разомъ вздрогнетъ и зашумитъ онъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы знали темный лѣсъ, съ его таинственными, едва примѣтными тропинками, съ его завѣтными чащами. Такъ же мало, какъ темный лѣсъ, знаемъ мы жизнь темной массы простого народа, и если человѣкъ, долго жившій съ народомъ, относящійся къ нему искренне, не настраивая себя на извѣстный ладъ, если такой человѣкъ задастся желаніемъ углубиться въ дебри народной души, добраться до завѣтныхъ чащъ, понять темную массу, то онъ невольнымъ образомъ отступить, пораженный трудностью задачи, своимъ очевиднымъ безсиліемъ, и ограничится единственно наблюденіемъ, можетъ быть и слабымъ, но уже выступающихъ на свѣтъ проявленій народной жизни.

У простого народа на все существуетъ своя особенная точка зрѣнія, и каждая новая реформа, каждое явленіе общественной жизни понимается и объясняется массой сообразно съ этой особенной точкой зрѣнія: до всего же остального массѣ пѣтъ дѣла, остального она не знаетъ и знать не хочетъ, въ чемъ и винить ее не можетъ никто.

Случайно, въ такую ростепель, что безъ ужаса вспомнить невозможно, занесло меня на постоялый; тѣснота была страшная: а извѣстно, что стѣбитъ только скучиться празднему народу, какъ сейчасъ же поднимаются толки, откровенные и громкіе, только что не съ другого конца селенія слышны разговоры.

Болѣе всѣхъ отличался, кричалъ во весь голосъ и размахивалъ руками, вѣроятно особенно ловкій на сходбахъ, высокій, осанистый мужикъ съ черной окладистой бородой, — относясь ко всѣмъ возбужденнымъ вопросамъ съ тѣмъ септицизмомъ,

безъ котораго не можетъ обойтись ничѣмъ не удовлетворяющійся русскій человѣкъ. Досталось и сельскимъ властямъ и волостнымъ судьямъ и акцизному вѣдомству, «что вины очень слабодны стали», — всѣмъ досталось по-ровну.

— А что ты скажешь насчетъ мировыхъ судей?—обратился я къ черному мужику: меня интересовало мнѣніе народа о новомъ судѣ.

— Это ты насчетъ чего? на минуту приостанавливаясь и недоувѣрчиво обозрѣвая меня, сказалъ мужикъ;—это ты насчетъ новыхъ правбвъ-то? Какъ же, знаемъ!... Это онъ насчетъ новыхъ правбвъ, что новыя права пришли, тутъ же пояснилъ онъ слушателямъ и продолжалъ: какъ же, знаемъ — указъ былъ избрать, что ни на есть, смирибующихъ людей; вотъ и у насъ сидитъ, —ничего, человѣкъ смиренный, нѣтъ тебѣ отъ него ни чину, ни почину, и не слыхать. Какъ же благодарятъ! а бабы, такъ вдвое благодарятъ—бабы храбрость взяли, какъ сороки хвостами завертѣли.

— И не сказывай, и не сказывай лучше, разомъ, одушевляясь и перебивая другъ друга, заговорили всѣ, бывшіе въ избѣ мужики:—отъ рукъ отбились бабы. Ты ей слово, а она уже ловить слово то, —тоже хочется выше мужика быть. Ты ее дубкомъ, а она на судбище зоветъ: «Я права найду, за ударъ отвѣтишь, а меня, какъ своихъ ушей не увидишь».

— А это все «кладка» дѣлаетъ! уже во весь голосъ кричалъ черный мужикъ, желая разомъ отбить у собесѣдниковъ всякую охоту перебивать его. Теперь пошло заведеніе на кладку,—это, какъ лошадь продаютъ, торгуются, какъ хорошіе цыгане, съ недѣлю торгуются, разъ-другой изъ избы-то выдутъ, да помаленьку, по гривенки сбавляютъ, а женихъ-то зачастую и не видитъ невѣсты. Одинъ у насъ такимъ манеромъ взялъ чистую дуру, загнетъ пальцы въ ротъ, да и сосетъ. Прежде безъ кладки отдавали, да лучше было; я самъ въ бѣленькой рубашкѣ женился, а нынѣ все красныя рубахи пошли, а кладки менѣе 25 руб. или 50, и не думай. Мы сваю женили, такъ одной кладки 75 руб. отдали, да шелки, да кумачи, —сотъ семь уложили на разные подарки да угощенія:—одно разореніе и грѣхъ! Сейчас и говорить свекровь ли, деверь ли: «ты и сама того не стоишь, что мы за тебя заплатили», и дальше и больше—словомъ-то ей въ лобъ да въ лобъ, гладишь и до святыхъ волосъ дошло, —а тутъ и къ мировому приспѣла.

Положеніемъ 19-го февраля уменьшено число рабочихъ женскихъ дней, сравнительно съ мужскими, и такимъ образомъ правительствомъ, дѣятельно идущее впереди общества, въ недоумѣнію

и даже негодованію крестьянъ, уже въ нѣкоторой степени облегчило многострадальную долю нашей бабы. Къ тому же времени относится и появленіе въ быту бывшихъ крѣпостныхъ, такъ-называемой, кладки, — обычая, заимствованнаго отъ вольныхъ крестьянъ и вызвавшаго общій ропотъ и столько нравственныхъ размышленій со стороны чернаго мужика.

Каждый человѣкъ хочетъ жить на божьемъ свѣтѣ, какъ можно пріятнѣе. Что же удивительнаго и въ томъ, что при нежданной, словно съ неба свалившейся, уступкѣ, наша крестьянка, ничего хорошенько не понимая, не соображая, какъ и почему это сдѣлалось, постигла воспользоваться этой уступкой, и въ то же время, нѣсколько разогнувъ свой горбъ и заливаясь благимъ матомъ въ весеннихъ хоровахъ, возмечтала о болѣе пріятномъ, — о красныхъ сарафанахъ и платкахъ, неизвѣстно почему называемыхъ «турецкими». Это-то естественное желаніе имѣть цвѣтные сарафаны и турецкіе платки, вмѣсто бывшихъ, намозолившихъ глаза, домотканыхъ, и вызвало кладку, размѣры которой, увеличиваясь все болѣе и болѣе, на первомъ же шагѣ подрываютъ согласіе молодой четы нескончаемыми упреками, ожидающими молодую — упреками, нерѣдко обанчивающимися полнымъ разладомъ, святыми волосами и судбищами.

Мы говоримъ: открылись мировыя учрежденія, а мужики толкуютъ: «пришли новыя права», а въ судьи избраны, что ни на есть, смиряющіе люди, — и пошли между ними разговоры о новыхъ правахъ и смиренныхъ людяхъ, избранныхъ въ судьи.

Прислушались къ толкамъ и деревенскія бабы; имъ уже мало предоставленнаго простора, хочется новыхъ льготъ, желательно еще пріятнѣе жить на свѣтѣ, и вотъ онѣ возвышаютъ голосъ противъ понятій и правилъ, вошедшихъ въ плоть и кровь русскаго быта, еще до появленія на свѣтѣ извѣстнаго творенія попа Селивестра, и вотъ наперекоръ Домострою, при первой попыткѣ мужей «постегать по винѣ смотря», бабы бѣгутъ изъ виду вонъ къ мировому съ жалобой на своихъ бывшихъ неограниченныхъ властелиновъ.

Около этого же времени коллежскому ассессору Соколовскому приходитъ фантазія, по старой привычкѣ, не только ругнуть свою благовѣрную, но тутъ же на улицѣ трясти ее за плечи, тащить съ дрожжъ съ такимъ усиліемъ, что г-жа Соколовская теряетъ свои юбки, падающія на мостовую. Въ этомъ обыденномъ случаѣ сенатъ видитъ достаточно оснований къ обвиненію коллежскаго ассессора въ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ жены, и слѣдомъ за г. Соколовскимъ сотни, на видъ весьма степенныхъ и хозяйственныхъ мужиковъ въ величайшемъ недоу-

мѣни садятся въ кутузки и много дней сидятъ тамъ, мучась бездѣйствіемъ, опустивъ незнающія отдыха руки, и съ мрачной ироніей размышляя о томъ, какъ это могла засудить мужика слабая, безгласная и всегда покорная баба.

Разнообразіе характеровъ и отношеній порождаетъ и крайнее разнообразіе жалобъ, поступающихъ со стороны женъ на насильственные дѣйствія или самоуправство ихъ мужей. Почерпнемъ же изъ самой дѣйствительности нѣсколько болѣе рельефныхъ фактовъ и войдемъ въ темный, непроницаемый дѣсь.

— Не отъ сласти я пошла сюда, а стало быть Богъ меня за грѣхи за великіе нашель, — пѣвучимъ голосомъ, съ какимъ-то непонятнымъ наслажденіемъ, медленно поднимаясь съ земли, начинаетъ высочая, статная, но уже не молодая баба. Вышла я за Дмитрія Ширданова въ январѣ мѣсяцѣ и до святой пасхи прожили въ согласіи, а тамъ и пошло: «Ты что сидишь!» — хлопъ; — «ты что на дорогѣ стоишь, отойди отъ грѣха» — хлопъ; сталъ приставать изъ каждаго пустого дѣла. Ну двѣ-три плюшки дасть, я все терплю, поплачу и перетерплю, — тутъ удилами голову въ трехъ мѣстахъ пошибъ; я голову-то двѣ недѣли въ охабѣ таскала. Бросилась къ старшинѣ: «ваше степенство! отошлите меня къ большему начальству, мнѣ жить нельзя.» Мужъ тоже на колѣни палъ: «ваше степенство! дайте мнѣ росписку, я ее обижать не стану, только примирите насъ». — «А если онъ меня обидитъ, гдѣ я буду просить ваше степенство?» — Проси стариковъ и меня...

«Не внялъ, бьетъ больше прежняго. Явила священнику. — Узналъ, винца взялъ, пришли старики, сотникъ съ ними — краснехоньки, знамо деревенскій судъ; повалили это они меня днемъ, возлѣ чужого дому, а недѣлку спустя, на самый Петровъ день, еще высѣкли; причастилась, исповѣдывалась и лежала я въ пустой избѣ недвижима; одна старушка пришла, около меня пбсидѣть, а мужъ ее: «проваливай вѣдьма!» а самъ караулитъ, какъ солдатъ на часахъ, чтобы я не смѣла ходить въ волость. Забѣжалъ въ село старшина, я въ ноги. «Ваше степенство, защитите!» Мужъ тоже повлонъ земной: «Ни впредь, ни послѣ не буду, при всемъ собраніи ивону снялъ, — не стану, старичьи, ее обижать», — а старики — «ну-ка мы поглядимъ, какъ онъ тебя билъ, — поглядѣли и говорятъ. — иди, мы будемъ 50 человекъ свидѣтелей, что онъ тебя обижать не будетъ». А старшина говорить мужу: «что получилъ свою жену?» — Получилъ ваше степенство! «Живи же по чести, статуй ты безчувственный! Прошло полтора сутокъ, а мужъ опять за свое. Испекла я два яичка дѣвчонкамъ-сироткамъ. — Не могли печь дѣв-

чонкамъ яиць! Несу щи, онъ грохъ ихъ объ полъ, и билъ меня весь тотъ день, заперши. Когда, говорить, старшина не велѣлъ розгами, такъ я тебя пинками буду бить, руки и ноги обломаю. Я на зады, прижалась, какъ дурочка косматая, а на дворѣ темно, ночь. Розыскалъ, сейчасъ же за косы, я закричала: кровопивецъ! отвѣтишь ты за это, что ты меня растерзалъ. Нынче нѣтъ такихъ правдѣвъ, ничѣмъ не наказываютъ, а онъ свое — храбрость взялъ: «ступай, ступай говорить старая хрѣновка, я тебя своимъ правиломъ разсужу». Въ заключеніе Ширданова просила о поступленіи съ ея мужемъ по всей строгости законовъ.

На разбирательство, бывшее 30-го ноября и назначенное собственно для примиренія сторонъ, казалось бы, невозможнаго въ настоящемъ случаѣ, явилась Ширданова, ея мужъ, къ величайшему изумленію моему, оказавшійся такимъ маленькимъ, безбородымъ, съ вылѣзшими волосами на головѣ и вѣчно смѣющимися глазами человѣкомъ, что невольно и прежде всего являлся вопросъ: какимъ образомъ этотъ, съ виду плюгавенькій мужичишка, болѣе похожій на кантониста, могъ произвести такіа истязанія надъ высовой и здоровой бабой? Явились старцы, два раза высѣвшіе Ширданову, поражая своими апостольскими лицами, степенностью и величавостью каждаго своего движенія.

Тотчасъ же поднялся гвалтъ, предъ которымъ, блѣднѣя, отступаетъ 67 ст. учрежд.

— Не стѣбуй ты крестьянскаго званія, кровопивецъ! завопила Ширданова. Мужъ не отставалъ, и градомъ посыпались обоюдные упреки и хлесткія выраженія, и только старцы, совершившіе экзекуцію, ни на минуту не теряя своей сановитости и степенности, и говоря «по-божьи», спокойно, не упуская даже ненужныхъ подробностей, разсказали о томъ, какъ и гдѣ происходили экзекуціи.

Наконецъ, все угомонилось, черные глаза Ширдановой метали искры, между тѣмъ какъ мужъ, улыбаясь самымъ невиннѣйшимъ образомъ, твердилъ: «я не говорю, что не билъ, а прямо сказываю: билъ!» но за что билъ? онъ объяснить не могъ, несмотря на мои вопросы.

Я уже приготовился передать дѣло, куда слѣдовало, какъ вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, между супругами состоялось примиреніе, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы мужъ «честнымъ манеромъ» разошелся съ женой, и не взирая на то, что послѣднее обстоятельство не могло быть включено въ мировую запись.

Не прошло и мѣсяца, какъ предо мной снова стояла Ширданова и тѣмъ же пѣвучимъ голосомъ, съ тѣмъ же видимымъ

наслаждениемъ, не торопясь и не давая забѣгать впередъ, описывала свои дальнѣйшія похождения.

— Жила я въ чужомъ селеніи, въ земляночѣхъ, и была я голѣ гороху, кусочекъ-то ѣла Христа ради, принесутъ такъ ладно, а нѣтъ—и такъ лягу; отъ маткина роду—столько горя не приняла! Хвать—мужъ! Выздоровѣла, такъ пойдемъ ко мнѣ, —ты мнѣ не столько нужна, а хочу я свое взять. До жизни-крови, говоритъ, разстараюсь, а съ тобой не разстанусь. Сейчасъ вытащилъ меня на улицу въ одной рубашкѣ, ведетъ всей улицей, да вричь: «бѣглу веду, бѣглу веду!» Половина села сбѣжалась на публику, а я иду, какъ на смерть иду; и того показалось мало, сталъ онъ меня въ хвосту лошадиному привязывать, да, ладно, сотникъ помѣшалъ, человекъ угодилъ умный. «Стой самосудецъ! ты безъ суда распорядиться не можешь, —перво въ волость объявись, а тамъ и приступай!» да по шею его изъ селенія-то умный человекъ угодилъ. Мужъ въ волость— «такъ и такъ ваше степенство, дайте бумагу» — «Нѣтъ тебѣ никакой бумаги, статуй!» А я еще пуще боюсь, —можетъ подкараулить гдѣ, убьетъ; такъ и хожу на мѣсто бѣглою съ пустыми руками, и голову-то некуда преклонить. Студено ходить по міру; скотина и та приобретаетъ себѣ мѣсто, — куда же мнѣ дѣваться?

Я слушалъ разсказъ несчастной женщины, ясно сознавая, что защита ея не въ уставахъ, не въ моей власти, а развѣ въ томъ хаосѣ, что существуетъ еще на святой Руси, — въ томъ, что «сотникъ угодилъ умный человекъ» и, не долго думавши, «по шею выгналъ самосудца изъ селенія», и что «его степенство» не только не исполнилъ законнаго требованія мужа, но еще назвалъ его «статуемъ».

Фигуру Настасьи Ширдановой въ воображеніи моемъ смѣняетъ еще болѣе несчастная фигура крестьянки Христины Буревой.

Въ камерѣ появились: одѣтый, въ рубище старикъ, также легко, по времени года, одѣтая старуха и между ними женская фигура съ лицомъ неимѣющимъ въ себѣ ничего человѣческаго: съ самой середины носа до оконечности лба, захватывая часть глазъ, почти во все лицо, расплылась страшно надувшаяся шишка, глаза не глядѣли, а вмѣсто нихъ виднѣлись два черныхъ пятна и два кровавыхъ рубца вмѣсто бровей. Это была Христина Бурева, а по бокамъ мать и отецъ ея.

Добренькій, весь бѣленькій, старичекъ началъ такъ: другой годокъ отдали мы дочку за крестьянина Антипа Бурева, а она четвертый разъ кару отъ него принимаетъ; люди дивуются, а

мы никому и извѣстья не давали: вотъ перемнется, анъ нѣтъ, — повѣсть дали: больно бьютъ, такъ бьютъ дочку вашу, что всѣ шабры даже съ ужаси падаютъ, — что вы сидите? «Намъ сказали, торопливо перебила старуха, бѣгите скорѣе, — я побѣжала, да какъ взглянула, какая она была, сама обмерла съ испугу. Привела сотника; обглядѣлъ онъ ее вездѣ, — вся кнутомъ избита, будто палачемъ изсѣчена, — да нѣтъ, такъ и палачами не бьютъ! Хлыщеть, хлыщеть кнутомъ-то, да сейчасъ за косы къ столу привяжетъ, а боли-то солью натираетъ, а люди глядятъ въ окна, да и говорятъ: полно бить-то, замучилъ бабу! Долго глядѣли, а тамъ ужъ встунились, отняли. Да что ты сама-то молчишь? Сказывай какъ было дѣло! и старуха затормошила дочь, какъ будто хотѣла разбудить ее и вывести изъ того видимаго оупѣнія, въ которомъ она находилась.

— Сказывай дочка, все сказывай! съ другой стороны тормошилъ старикъ.

Дочка сдѣлала видимое усиліе и въ комнатѣ раздалось такое глухое, нечеловѣческое мычаніе, что мурашки забѣгали у меня по спинѣ.

— Мочи мнѣ нѣтъ, отбито вездѣ!.. промычала дочка и заревѣла, какъ режутъ телата.

— А ты, дочка, голову-то, голову-то покажи ихъ благородію! заботливо хлопотала мать, принимаясь развязывать тряпки, бывшія на головѣ дочери.

— Не надо, не надо—говорилъ я, чувствуя, что меня уже бьетъ лихорадка.

Дѣло это также кануло въ вѣчность и кончилось—примиреніемъ.

Припоминается еще одна сцена, едва ли не сама тягостная.

Неистовствовала ноябрьская ночь, страшно было вообразить себѣ, что творилось въ непроницаемой тьмѣ. Говорятъ: «пришла просительница», а вслѣдъ затѣмъ растворились двери и, охая, ползло что-то черное, мокрое, круглое и казалось болѣе способное катиться, нежели идти. Оказалось, что это крестьянская баба въ мокромъ черномъ кафтанѣ и въ послѣднемъ періодѣ беременности, пришла жаловаться на мужа, отставного солдата, пьющаго запоемъ и выгнавшаго ее на улицу вмѣстѣ съ четырьмя дѣтьми.

— Да какъ же ты добралась сюда?

— Все ползкомъ ползла, въ чужой одежонкѣ приползла, — знаешь, мою-то одежонку онъ отобралъ, да пропилъ.

— А далеко шла?

— Верстъ 30 будетъ; да вотъ бѣда-то какая, — горе-то мое

какое! затужила баба, въ совершенномъ безсиліи опускаясь на стуль.

— Какая же бѣда?

— Охъ, уже какое горе,—вѣдь онъ у меня въ рукахъ былъ мужъ-отъ, а теперь я съ пустыми руками пришла къ тебѣ: еще великимъ постомъ онъ у меня носу вырвалъ, — берегла я ее пуще глаза,—да нѣтъ-таки скраль, скраль, Матерь божія, скраль — и баба крестилась въ уголь. Не хвастаю, даже старики знаютъ объ этомъ и тужутъ. Ты бы, Серафима, носу-то берегла бы до времени, подальше бы припрятала до времени, тогда бы онъ у тебя въ рукахъ былъ, а теперь что, съ чѣмъ пришла? съ пустыми руками пришла, и, не обращая вниманія на слова мои, баба безнадежно поникнула головой.

Большая же часть семейныхъ ссоръ и раздоровъ въ крестьянскомъ быту, также какъ и въ быту высшаго общества, вызывается родителями или ближайшими родственниками, обыкновенно считающими своей священной обязанностью путаться во взаимныя отношенія супруговъ и такимъ образомъ въ конецъ портить ихъ.

— Началось со скороды,—разсказываетъ молоденькая, хуленькая бабенка съ подбитымъ глазомъ и поразительно тонкимъ аристократическимъ типомъ лица. Я уронила скороду, а матушка говоритъ сыну: бей ее за скороду! Онъ плюхъ пять даль, — она говоритъ «мало!» Онъ взялъ колодку, ударилъ меня раза два,—матушка говоритъ «мало», да въ двое вудави и принялись: рыло-то все мнѣ разбили. Вечеромъ матушка опять говорить: бей!

— Ложно, ложно показаніе! злобно перебиваетъ хилая старушонка величиною съ муху.

— А намеднясь взяла горячій вартофель, хлысть мнѣ въ лицо.

— Ложно, ложно показаніе!

— Тутъ какъ-то мужъ не бьетъ съ недѣлю, она уже невеселая сидитъ, сейчасъ съ печи слѣзла, за мѣшалку,—да въ въ зубы-то меня.

— Ложно, ложно, гдѣ мнѣ, я вся тутъ, я муха!

— Нѣтъ, это вы мнѣ все еще владку вымѣщаете,—еще тогда пригрозили. А мужъ все время стоитъ съ глупымъ, ничего не выражающимъ, равнодушнымъ лицомъ.

— Сталъ приставать изъ пустого дѣла, жалуется другая баба, тоже избитая какъ слѣдуетъ: у меня зубы заболѣли,—а деверь говоритъ мужу: дуракъ ты, проломилъ бы ей обратью голову, таѣ глядишь и полешало бы. Послушался девера и началъ

бить меня, да видно мало, деверь говорить: если тебѣ жаль жены, то иди со двора и нѣтъ тебѣ никакого надѣла.

— Ей желательно меня отъ родителя отдѣлать, да нѣтъ, я отъ родителя не отойду, — поясняетъ мужъ.

— Нѣтъ у тебя разума!

— Стало быть у бабы больше мужичьяго разума, ей нельзя слова сказать? это выходитъ: мужаа положить, а бабѣ розги въ руки дать! Нѣтъ, ужъ вы лучше разведите насъ ваше благородіе, требуетъ мужъ, требуетъ съ такой настойчивостью, какъ будто это и въ самомъ дѣлѣ было въ моей власти.

Пришла одна баба съ изсѣченной вѣнцомъ спиной и выломаннымъ мужемъ большимъ пальцемъ, какъ лишняя вещь, мотавшимся на рукѣ.

Пришла другая баба, проживавшая уже болѣе года у своихъ родителей и теперь призываемая мужемъ для совместнаго съ нимъ жительства. Нисколько не смущаясь, подступила она къ столу и подала мнѣ бумагу съ несомнѣнной увѣренностью, что въ ней, въ этой бумагѣ заключается полнѣйшее огражденіе отъ всякихъ преслѣдованій и претензій мужа.

Бумага, засвидѣтельствованная сельскими властями и скрѣпленная печатью сельскаго старосты, заключала въ себѣ слѣдующее: <1871-го года іюля 13-го дня, крестьянинъ-собственникъ Федоръ Федоровъ Солдатовъ и жена его Евкатерина Алексѣева, находившіеся между собою во враждѣ, которую прекращаютъ между собою миролюбиво, согласившись другъ отъ друга удалиться навсегда, съ возвращеніемъ собственнаго ея движимаго имущества, какъ-то: постели, перины, двѣ подушки, самоваръ, корова пополамъ, два сундука, при миролюбивомъ раздѣлѣ между собою, не выскывая никакихъ другъ съ друга побой и неудовольствій, и впредь уже должны мы жить особыми домами. Состоявшійся сей миролюбивый актъ въ присутствіи волостнаго старшины, сельскаго старосты и рядовыхъ крестьянъ Ефима Константинова, Зиновія Астафьева и проч. и проч. подписанъ за неграмотныхъ» такими-то.

Приходили десятки другихъ крестьянскихъ женщинъ, лишенныхъ образа и подобія человѣческаго, — ничего не обрѣтая въ моей камерѣ, кромѣ предложенія примириться и продолжать совместное житье. Съ трудомъ, въ виду безвыходнаго положенія, выговаривались заглушаемыми слезами слова примиренія, и безнадежно, опустивъ голову, робко слѣдовали слабыя за сильными на новыя истязанія.

Были три - четыре случая несостоявшаго примиренія; жена выдерживала характеръ, требовала суда и въ ожиданіи

его удалялась къ роднымъ, твердо уповав на скорое облегченіе своей доли. А между тѣмъ дѣло, причисленное судебнымъ слѣдователемъ къ неважнымъ, затягивалось. Къ тому же, неувольнимый уѣздный врачъ, необходимый для освидѣтельствованія ранъ и увѣчій, оказывался миеомъ, существованіе коего также трудно было бы доказать, какъ и существованіе всякаго другого миеа. Такимъ образомъ, во всѣхъ безъ исключенія встрѣтившихся мнѣ случаяхъ, томительныя и болѣе или менѣе продолжительныя ожиданія женщинъ вончались или тѣмъ, что случайно розысканный врачъ, признавая легкими уже успѣвшія зажить раны и увѣчья, предоставлялъ мнѣ полную возможность засадить супруга въ такъ-называемую кутузку,—откуда онъ уже выходилъ въ конецъ озлобленнымъ и раздраженнымъ противъ жены;—или же тѣмъ, что заѣхавшій по дорогѣ судебный слѣдователь, между тѣмой анекдотовъ и новостей, сообщалъ мнѣ, что онъ такихъ-то супруговъ къ немалому своему удовольствію и успѣшному движенію дѣлъ примирилъ.

Встрѣтился мнѣ случай крайне возмутительной эксплуатаціи.

Въ началѣ весны пришелъ ко мнѣ бывшій дворовый чело-вѣкъ, длинный, черный, небритый, внеся съ собою сильный запахъ водки и тютюна, пришла забитая, преждевременно состарѣвшаяся жена его, взятая изъ бѣдной крестьянской семьи, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, подслѣповатымъ старикомъ, болѣе похожимъ на нищаго, нежели на крестьянина.

— Не жить тебѣ у отца!—вскачь дворовый.

— Гдѣ же мнѣ жить? ну на фатеру должна встать!—возражаетъ жена.

— А на фатеру тебя безъ бумаги не пустать! Старикъ тоже не уйдетъ отъ суда, не держи свою дочь, худо тебѣ будетъ, старикъ.

— Мнѣ не на чисто поле свою дочь согнать, я по міру пойду и ей кусочекъ подамъ! Что, видно дѣловая пора пришла, такъ тебѣ ее надо стало? И старикъ объяснилъ: что вотъ уже третій годъ, какъ дворовый женился и съ тѣхъ поръ, въ началѣ каждой зимы, приводитъ жену къ отцу на проворвленіе, съ тѣмъ чтобы снова увести на рабочее время. «Нѣтъ, вы своимъ правиломъ разсудите насъ. Я не для него, лобана, цѣлую зиму пропитывалъ ее своимъ хлѣбомъ, не для того, чтобы въ самое нужное время онъ угонялъ ее со двора» — добавилъ старикъ такимъ тономъ, какъ будто дѣло шло о коровѣ или лошади.

Встрѣтился и такой крайне оригинальный случай.

Является мужъ и жена, оба круглолицые, румяные, молодые и сильные.

— Вот отговаривается работать — началъ мужъ, имѣвшій всѣ приемы богатаго мужика, — вишь тяжело ей, хочется гдѣ-нибудь на легкой работѣ пожить, говорить: «люди не работаютъ тяжелую работу, да вдобавокъ могутъ чай пить»; а на легкой работѣ я съ ней не могу жить, съ насъ подати тоже спрашиваютъ, я съ ней не могу податей добиться, извольте смирить ее!

— А ты бы за самоваромъ больше сидѣлъ! стало быть тебѣ слѣдуетъ чай пить, а на мнѣ воду возить; на тебя молочу, ботаю, ботаю цѣпомъ-то, сотъ на шесть я думаю хлѣба продать, а мнѣ опять ничего!—криливо заговорила баба.

— Только твоего и дѣла, — поработала — отдохнула, опять поработала,—не лежать же тебѣ, протянувъ ноги!—резонировалъ мужъ.

— Я десять лѣтъ жила съ тобой, десять лѣтъ на тебя работала,—въ сильномъ гнѣвѣ, запахиваясь, какъ можно глубже въ кафтанъ, кричала баба.

— Десять лѣтъ работала, десять лѣтъ ѣла,—солидно замѣтилъ мужъ.

— Въ людяхъ не такъ живутъ, въ людяхъ и хлѣбъ ѣдятъ, и жалованье получаютъ — подавай же и ты мнѣ жалованье! подступала баба и настаивала съ такой увѣренностью, что мужъ! видимо впалъ въ сомнѣнiе, слѣдуетъ или не слѣдуетъ ему платить женѣ жалованье.

Пошли переговоры въ болѣе мирномъ духѣ.

— Чтобы одѣвальный, обувальный, какъ слѣдуетъ, чай каждый день,—требовала жена.

— Башмаковъ на каждый день не напасусь, а будутъ тебѣ по праздникамъ и башмаки и чай.

Поспорили и сошлись.

Еще оригинальнѣе былъ слѣдующій, впрочемъ единственный, можно сказать, исключительный случай.

Пришелъ мужикъ, съ виду богатый и степенный, вмѣстѣ съ женою, напоминавшей полного, здороваго, но нѣсколько избалованнаго ребенка; — съ ними же, для пущей важности, пришелъ и сельскій староста.

Жена не хочетъ жить съ мужемъ и проситъ разводное письмо.

— Что же мужъ, обижаютъ, бьютъ?

— Нѣтъ, не обижаютъ и не бьютъ, а не говоритъ со мной,—ничего не говоритъ, ничѣмъ не привѣчаетъ. Сворѣе жизни лишусь, чѣмъ съ нимъ останусь жить, — оживляясь заговорила жена.

— Напрасно! какъ не говорю?!—сейчасъ утромъ встану,— говорю: Софья вставай! пора коровъ доить, али — пора избу топить. Это все напрасно, проговорилъ хозяйственный мужикъ, опуская голову и впадая въ обычную апатію.

Сельскій староста стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ; онъ внимательно вслушивался въ то, что говорила баба и, вздыхая, шепталъ: чудное, братецъ ты мой, дѣло: сыта, обута, одѣта, первый домъ въ селеніи, а туда же блажить.

— Нѣтъ, люди съ женами не такъ говорить, люди по тайности говорить, а я ничего больше не слышу: «Софья вставай, коровъ доить!» и, можетъ быть, чувствуя невозможность высказать словами свое горе, выразить мысль, что кромѣ словъ о хозяйствѣ есть много другихъ нѣжныхъ, хорошихъ словъ, которыхъ она никогда не слыхала отъ мужа, и кромѣ того довольства, которымъ она пользовалась, существуетъ на свѣтѣ другое, невозможное для нея счастье,—молодая женщина горько зарыдала такъ точно, какъ рыдали искалѣченные мужьями Ширданова и десятки другихъ.

Разъ явилась въ мою камеру и татарка сосѣдняго селенія съ жалобой на жестокое обращеніе съ ней мужа; но дѣла такого рода, какъ вытекающія изъ желанія развода и съ тѣмъ вмѣстѣ полученія вторичнаго калыма, простирающагося отъ 100 до 150 руб., представляютъ такой хаосъ, такое смѣшеніе всякой лжи и всевозможныхъ болѣе или менѣе грубыхъ ухищреній, что, вмѣшавшись въ такое дѣло, рискуешь попасть не только въ фальшивое, но даже комичное положеніе.

Убитый старикъ съ птичьимъ лицомъ, только-что не на рукахъ вноситъ въ камеру свою окровавленную, страдающую и находящуюся въ забытій дочь Азизу.

Составляется протоколъ, и несчастная Азиза отправляется для освидѣтельствованія въ городскую больницу, откуда и присылается обратно, но уже вымытая, съ свѣжимъ и здоровымъ лицомъ и объясненіемъ, что ничего сколько-нибудь важнаго не оказалось, и для васъ становится ясно, что Азиза просто хотѣла имѣть предлогъ для развода, чтобы вторично выйти замужъ и взять новый калымъ.

Какъ обращенъ татарскаго дѣла, расскажу слѣдующее: татаринъ Махмудъ Хайбулловъ, пріѣхавъ съ базару, вездѣ на руки своего ребенка и сталъ подчивать пряникомъ; подошла мать, Лейла Белялова, только-что поссорившаяся съ двумя женами Махмуда и стала брать ребенка къ себѣ — мужъ не даетъ: Махмудъ къ себѣ, Лейла къ себѣ; наконецъ, видя, что не осилить, Лейла убѣжала. вонъ, но прежде заперла снаружи

избную дверь, такъ что почтенный Махмудъ съ своими остальными женами, старухами и чадами, остался запертымъ и въ порывѣ гнѣва со всей своей ордой поднимаетъ такой крикъ, что сбѣжались сосѣди, и Махмудъ, не унимаясь, вопить, что жена не только ограбила, но даже подожгла его. Между тѣмъ и Лейла не теряетъ золотого времени и, въ противность всякимъ уставамъ, бѣжитъ въ мечеть, гдѣ въ эту минуту находились ея родные на вечерней молитвѣ. Правовѣрные тотчасъ же выталкиваютъ Лейлу изъ мечети, и сами бѣгутъ вслѣдъ за ней на улицу.

На разбирательство, бывшее 23-го декабря 1870-го года, явилось такое множество Хайбуллово, Хайруллово, Тухветуллово, Хакимово, Халимово, Зямалетдиново, Зюльфетдиново и т. д., что моя камера не могла вмѣстить ихъ. Явилась Лейла Белялова, ея отецъ Белямъ-Валитовъ и даже сельскій староста, каковой-то Шавли-Ханъ-Зякировъ.

Лейла, вся въ крови, и еще двѣ - три, вовсе неприглашенныхъ, старухи, безцеремонно и неспрашиваясь, усѣлись прямо противъ меня на полъ, старательно закрывая свои лица; ихъ обступили родственники, а тѣ, которые не помѣстились, — глядѣли изъ дверей или стояли на крыльцѣ. Видно было, что все селеніе, сильно заинтересованное настоящимъ дѣломъ, раздѣлилось на два враждебныхъ лагеря.

Напрасно покушался я направить разбирательство путемъ, указаннымъ въ уставахъ; лица тотчасъ же загорѣлись воинственнымъ огнемъ; глаза только-что не вдвое расширялись; кулаки судорожно сжимались; всѣ заговорили разомъ и добавокъ такъ скоро, какъ только щебечутъ птицы небесныя. Едва успѣвалъ я унять и урезонить раздраженныхъ отцовъ, готовыхъ уже взяться за бороды, какъ поднимались старухи, и точно скрипъ десятка намазанныхъ колесъ раздавался въ камерѣ. Усмиривъ старухъ, а двери въ свидѣтельскую комнату уже настѣжь, и оттуда два десятка свидѣтелей что-то пронзительно кричатъ по-татарски.

Самый ярый поклонникъ формализма и штрафовъ сталъ бы въ тупикъ въ настоящемъ случаѣ.

Но сколько бы странностей и особенностей ни заключалъ въ себѣ татарскій бытъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что между татарами, въ этомъ быту, полудиномъ, не подходящемъ ни подъ какія условія европейской жизни, встрѣчается, увы! болѣе грамотныхъ, нежели въ нашемъ простомъ народѣ; съ другой же стороны, несомнѣнно и то, что женщина пользуется болѣе правами и несравненно болѣе ограждена отъ безчеловѣчнаго звѣрства и бессмысленнаго, незнающаго границъ деспотизма,

нежели у насъ, имѣющихъ претензіи цивилизовать полудикихъ татаръ и принадлежать къ европейской семьѣ.

Случай жестокаго обращенія и насилія мужей надъ женами также рѣдки между татарами, какъ часты, только что не ежедневны, они у насъ, въ нашемъ простонародномъ быту.

Судебный слѣдователь исключительно татарскаго участка увѣрялъ меня, что за все время его службы встрѣтился единственный случай жестокаго обращенія мужа съ женой.

Началось слѣдствіе:—Вы Хусни Джамаль?—вы обвиняете своего мужа въ жестокомъ обращеніи?—спрашиваетъ слѣдователь стоящую передъ нимъ татарку; но та молчитъ и качаетъ головой. Тутъ съ своей обычной живостью вмѣшались въ дѣло сосѣди и разъяснили, что предъ судебнымъ слѣдователемъ стоитъ вовсе не Хусни Джамаль, жаловавшаяся на мужа, а Биби Шери, новая жена обвиняемаго.

— А мнѣ нужно Хусни Джамаль, я произвожу слѣдствіе по ея жалобѣ; давайте сюда Хусни Джамаль!—настаивалъ слѣдователь.

— Нѣтъ Хусни Джамаль—есть Биби Шери!

— Гдѣ же Хусни Джамаль?

— Хусни Джамаль замужъ пошелъ (татары вообще говорятъ о женщинахъ въ мужескомъ родѣ и наоборотъ) — Казанской губерніи, Чебоксарскаго уѣзда, село Убей. Какъ только ссорился съ мужемъ, сейчасъ по согласію разводъ бралъ и замужъ пошелъ, а мужъ бигла въ Корсунскій уѣздъ, и взяла себѣ Биби Шери.

Тутъ только судебный слѣдователь сообразилъ, что въ то время, пока шла переписка, и онъ, слѣдователь, собирался строго и неуклонно исполнить возложенныя на него закономъ обязанности, — обычай уже разсѣлъ гордіевъ узелъ, который не развязать пока ни самому опытному слѣдователю, ни самому гуманному судѣ, ни даже высоко цѣнимымъ нами уставамъ 64-го года.

Между тѣмъ, лѣсъ продолжаетъ оставаться въ своемъ первобытномъ состояніи, такимъ же темнымъ, запущеннымъ, таинственнымъ, какимъ онъ былъ сто лѣтъ тому назадъ, и вмѣсто заботливости о немъ, вмѣсто того, чтобы старательно расчистить его, дать иную жизнь хотя бы новымъ молодымъ побѣгамъ, появившимся на свѣтъ божій при другихъ условіяхъ, неимѣющихъ ничего общаго съ тѣми, при которыхъ росли отцы ихъ и дѣды, одни въ какомъ-то непонятномъ страхѣ сторонятся отъ него, другіе, воспѣвая его въ стихахъ и прозѣ, бесплодно восторгаются имъ; третьи убѣждены не только въ томъ, что знаютъ всѣ тайны темнаго лѣса, но что оттуда, изъ этихъ недосыгаемыхъ чащей когда-нибудь услышимъ мы слово истины и обновленія; четвертые,

относясь къ дѣлу съ практической точки зрѣнія и не утруждая себя излишними, вредно дѣйствующими на здоровье мыслями, вытягиваютъ изъ темнаго лѣса всѣ жизненные соки, ничего не возвращая обратно и даже никогда въ него не заглядывая.

III.

Наше сельское духовенство.

Несомнѣнно, что въ протоколахъ мировыхъ судей, точно въ зеркалѣ, отражается вся мѣстная интеллигенція, и чѣмъ ближе поставлено это зеркало, тѣмъ ярче и рельефнѣе долженъ отразиться въ немъ извѣстный слой общества, его нравственный уровень, его понятія и нравы,—и наоборотъ. Такимъ образомъ, лица духовнаго званія, а въ особенности священнослужители и монашествующіе, въ большинствѣ случаевъ изъятые изъ вѣдомства мировыхъ учреждений, уже въ значительной степени заслонены судомъ духовнымъ, точно непроницаемою завѣсою, недопускающею ближайшаго знакомства и внимательнаго наблюденія. И только въ исключительныхъ случаяхъ, волей или неволей, поднимается занавѣсъ, и на божій свѣтъ выступаютъ отдѣльныя группы и незначительныя части общей картины.

Открытие мировыхъ учреждений застало нашего приходскаго священника, человѣка достойнаго полнѣйшаго уваженія, въ самомъ угнетенномъ и печальномъ положеніи. Надъ нимъ, какъ и надъ всѣмъ приходомъ, тяготѣла ничѣмъ невызванная, ни на чемъ неоснованная гроза, въ образѣ пьянаго и неувереннаго дьячка Травина, наводившаго невольный страхъ своимъ громаднымъ ростомъ, мрачнымъ взглядомъ и цѣлымъ лѣсомъ волосъ на головѣ, лѣсомъ, точно взбудараженномъ бурей и непризнававшимъ существованія гребня.

Къ длинной эпопеѣ о невѣроятныхъ подвигахъ дьячка присоединились десятки обращенныхъ ко мнѣ мелкихъ жалобъ, что вызвало послѣднее изъ безчисленныхъ слѣдствій, отъ времени до времени производимыхъ отцемъ благочиннымъ надъ дьячкомъ Травинымъ, а затѣмъ, исключеніе его изъ духовнаго званія.

Нисколько не смущаясь, оставаясь все такимъ же нечесаннымъ и нестриженнымъ, Травинъ поселился въ томъ же приходѣ вмѣстѣ съ многочисленной семьей своей, увеличивъ тѣмъ субъектовъ, непостижимымъ образомъ существующихъ въ нашихъ палестинахъ, на положеніи птицъ небесныхъ, безъ вся-

каго занятія, даже безъ всякаго намѣренія когда-нибудь и за что-нибудь взяться, безъ всякихъ опредѣленныхъ средствъ къ процитанію.

Вакантное мѣсто заступилъ дьяконъ Ж., еще молодой человекъ, высокій, краснощекій, съ сросшимися черными бровями, и въ противоположность Травину, какъ нельзя болѣе франтоватый и примазанный. Онъ былъ присланъ въ нашъ приходъ на дьячковскую ваканцію собственно для исправленія и испытанія.

Небывалое затишье, водворившееся въ приходѣ, изрѣдка перерывалось междуособіями дьякона съ уволеннымъ изъ духовнаго званія Травинымъ. Между ними - то завязались самыя тѣсныя, интимныя отношенія: они устроились на одной квартирѣ; взявшись подъ руку, совершали прогулки изъ одного питейнаго въ другой; рядомъ, стоя на влиросѣ, пѣли басами; то неожиданно опять расходились. Травинъ выкидывалъ на улицу подушку, одѣвало и сундучокъ жильца, а потомъ шелъ и выбивалъ раму въ его новой квартирѣ, что, само собою разумѣется, встрѣчало болѣе или менѣе достойное возмездіе и со стороны дьякона. Потомъ обѣ стороны, перегоняя другъ друга, бѣжали ко мнѣ, приносили жалобы, мирились, снова ссорились и снова мирились; но всѣ эти междуособія не только не тревожили мирныхъ обитателей нашего прихода, а даже представляли неистощимый матеріалъ для разговоровъ—своего рода пріятное развлеченіе, хотя на минуту оживлявшее сонную однообразную жизнь. Священникъ благословлялъ свою судьбу, но судьба, произвольно располагающая людьми, подготовила совершенно неожиданную развязку.

Въ концѣ декабря мѣсяца 69-го года, по распоряженію духовнаго начальства, дьяконъ Ж. снова вступилъ въ права своего сана. Видимо возгордившись, онъ еще гуще намазывалъ свои черные волосы, еще тщательнѣе ихъ расчесывалъ и, отправляя дьяконскую обязанность, по мнѣнію прихожанъ, много содѣйствовалъ къ благолѣпію самой службы. Но вскорѣ произошло нѣчто совершенно неожиданное, небывалое и на нѣкоторое время расколыхавшее сонное царство. Какъ будто поспѣшая вознаградить время, безвозвратно потерянное въ болѣе или менѣе тихой, безмятежной жизни, вовсе не сродной вулканической натурѣ—дьяконъ мигомъ превратилъ наше мирное селеніе въ Бородино, — избравъ центромъ сраженія домъ пономаря, нѣсколько разъ переходившій изъ рукъ дьякона въ руки невзрачнаго и всегда старательно наспиртованнаго хозяина, по-

добно Шевардинскому реду, какъ известно, не разъ переходившему отъ русскихъ къ французамъ, и наоборотъ.

«Покорнѣйше прошу почтить меня увѣдомленіемъ: намѣрено ли сельское начальство оказать мнѣ защиту отъ буйства и нападенія дьякона или нѣтъ. Если же нѣтъ, то я съ семействомъ своимъ долженъ буду оставить домъ свой и идти куда-либо искать убѣжище на наступающую ночь»,—писалъ приходскій священникъ въ волостное правленіе; но, недождавшись отвѣта, поспѣшилъ привести въ исполненіе свое намѣреніе, записка же его, неизвѣстно кѣмъ и почему, была препровождена ко мнѣ, такъ какъ сельскія власти оказались въ отсутствіи, если не въ постыдномъ бѣгствѣ. А между тѣмъ сраженіе разгоралось все съ ббльшимъ и ббльшимъ ожесточеніемъ. Растерявшійся сотникъ и десятскіе въ попыткахъ бѣгали по сельской площади, не зная, что предпринять, какъ приступить, и то собирали, то распускали народное ополченіе, набранное для усмиренія дьякона. Възрошенный, пьяный и ожесточившійся Травинъ—то примывалъ къ ополченію и помогалъ вязать дьякона, то появлялся въ арестантской и освобождалъ героя изъ заключенія.

На другой день поступила жалоба полицейскаго сотника. Онъ обвинялъ дьякона въ буйствѣ и оскорбленіи его словами и дѣйствіемъ, при исполненіи обязанности, что уже измѣняло подсудность и подчиняло дьякона мировымъ учрежденіямъ.

14-го января 70-го года, противъ обыкновенія, моя камера была переполнена публикой, собралось нѣсколько лицъ духовнаго званія, пріѣхалъ сосѣдній управляющій, однимъ словомъ, собралось все, что только могло собраться.

Послѣ объясненій побитаго сотника, выступилъ, въ качествѣ свидѣтеля, священникъ сосѣдняго селенія, случайно попавшій на поле сраженія. Онъ началъ такъ: «при мнѣ въ волостное правленіе пришелъ сотникъ и жаловался писарю, что дьяконъ буянить и только-что оттаскалъ его за волосы, а одинъ изъ понятыхъ показывалъ изодранный дьякономъ полшубокъ. Когда же я проходилъ мимо пономарскаго дома, то вышла пономарка и пригласила меня въ домъ, желая засвидѣтельствовать о буйствѣ дьякона; въ домѣ нашелъ я таковой беспорядокъ, какъ будто вошелъ въ него послѣ пожара или непріятельскаго нашествія: божница была отломана, оторванные шпалеры висѣли ключами, полъ валялся, одинъ образъ лежалъ на столѣ, другою былъ разбитъ; тутъ явился сторожъ изъ арестантской и объявилъ, что дьяконъ, выломавъ доски, подступаетъ снова; тотчасъ же всѣ двери были тщательно заперты; но дьяконъ, выбивъ защелку у калитки, влѣзъ гдѣ-то чрезъ крышу въ сѣни,

потомъ отломалъ накладку у избной двери и вошелъ; онъ былъ въ большомъ азартѣ, грозилъ и поминалъ про ножъ. Сотникъ вынужденъ былъ его связать» и т. д.

Прошло много времени, пока выслушаны были остальные свидѣтели и дошла очередь до обвиняемаго. Страшно блѣдный, съ искаженнымъ злобой лицомъ, подошелъ онъ къ столу и, упершись на него обѣими жилистыми руками и уставившись на меня, глухо проговорилъ, что отвѣчать не намѣренъ, — такъ какъ онъ самъ полуполковникъ.

Послѣдовала натянутая, мертвая тишина; но послѣ объясненія, что молчаніе обвиняемаго не останавливаетъ разбирательства, дьяконъ заговорилъ, обдумывая, тщательно отчеканивая каждое слово, видимо любясь самимъ собой, своимъ краснорѣчіемъ, — видимо придавая не только каждой мысли своей, но и каждому слову, движенію — какое-то особенное, высокое значеніе и упорно требуя, чтобы каждое изъ его словъ, безъ всякаго измѣненія или поправки, было внесено въ протоколъ.

Въ жизни своей не встрѣчалъ я въ человѣкѣ, находящемся въ здоровомъ умѣ, соединенія такого безмѣрнаго самообожанія, съ таковой необычайной отвагой.

Показаніе дьякона, послѣ несюнчаемыхъ провѣрокъ, имъ подписанное, за нѣкоторыми пропусками, заключалось въ слѣдующемъ:

«Вечеромъ, наканунѣ новаго года, пономарь купилъ полштофа водки; полштофа оказалось мало; чтобы мнѣ быть пьянымъ, нужно выпить штофъ. Пономарь гдѣ-то добился еще 40 коп., пошли въ кабакъ и купили еще два полуштофа; когда же вернулись домой и стали пить, то явилась пономарица и принялась стучать въ дверь — я отперъ. Въ это время у меня въ рукахъ была чайная чашка, полная виномъ. Пономарица эту чашку вылила на полъ, я налилъ другую; она тоже сдѣлала и съ другой. Пономарь говоритъ: «дьяконъ не виноватъ, а двери заперъ я самъ, такъ какъ ты разыгрываешь разные драматическія роли, а мы съ дьякономъ пьемъ дома!» Въ отмщеніе пономарица поутру выкидала на дворъ мое имущество и въ томъ числѣ 23 руб. денегъ, а мы съ пономаремъ ушли въ кабакъ, гдѣ находился уволенный изъ духовнаго званія Травинъ; у него взята уже была восушка, изъ которой онъ поднесъ по ставану мнѣ и пономарю, а самъ не выпилъ, потому что ему ничего не досталось; потомъ по ставану поднесъ сидѣлецъ, не лишивъ стакана и Травина. Когда же мы вернулись, то явилась пономарица съ сотникомъ и понятыми тащить меня, что и было исполнено, и я заключенъ въ арестантскую, гдѣ пробывъ

полчаса снова ринулся въ пономарскій домъ, гдѣ засталъ священника сосѣдняго прихода. Когда же я безъ зазрѣнія совѣсти назвалъ пономарицу своей любовницей.... (здѣсь выпускается нѣсколько строкъ, уличавшихъ дьякона уже не въ буйствѣ, а въ богохульствѣ); но при этомъ пономарица схватила меня за спину за косу и оттащила прочь. Тутъ священникъ велѣлъ сотнику связать меня, и я, связанный, на саняхъ, запряженныхъ понятными, былъ снова отвезенъ въ арестантскую; во время пути пѣлъ: св. Боже и проч. проч. Вечеромъ снова проявился въ домѣ пономаря; понятые снова атаковали меня, но я, обладая силой, ихъ всѣхъ отстранилъ и ушелъ ночевать къ крестьянину Андрееву въ одной сорочкѣ; въ квартирѣ занимался чтеніемъ поученій Иннокентія — и т. д.

16-го февраля 70-го года, съѣздъ, утвердивъ мой приговоръ, которымъ дьяконъ былъ присужденъ къ двухъ-мѣсячному аресту, передалъ его для исполненія въ духовную консисторію. Прошла недѣля, двѣ, прошло наконецъ, болѣе мѣсяца, а между тѣмъ дьяконъ оставался въ нашемъ приходѣ и, вступивъ въ тѣсный союзъ съ Травиннымъ, продолжалъ свои оргіи.

Священникъ, все это время находившійся въ крайне тревожномъ состояніи и почти не покидавшій своего дома, видимо похуздѣлъ; прихожане съ напряженнымъ вниманіемъ и страхомъ слѣдили за друзьями, неимѣвшими никакихъ обязанностей или опредѣленныхъ занятій, кромѣ прогулокъ изъ одного питейнаго въ другой, и въ то же время непризнававшими надъ собой никакихъ властей — ни духовныхъ, ни свѣтскихъ. Въ смятеніи собрался сельскій сходъ и положилъ регулярно наряжать къ дьякону дневной и ночной караулъ. На обязанности каждаго лежало ни днемъ, ни ночью не упускать изъ виду особу дьякона; но въ ночь на 27-е марта стражниковъ оковалъ глубокой сонъ, дьяконъ вырвался на волю и, чувствуя неодолимую энергію и потребность что-нибудь сокрушить, въ два часа ночи выломалъ ворота у крестьянина Яковлева и забрался на его крыльцо.

Услышавъ шумъ, крестьянинъ Яковлевъ въ страхѣ высочилъ изъ овна и поднялъ гвалтъ. Пришелъ сотникъ, воспрянули отъ сна стражники и на разсвѣтѣ услѣдили дьякона въ одномъ изъ питейныхъ заведеній, гдѣ, снова обидѣвъ полицейскаго сотника, дьяконъ вынулъ изъ бармана украденный имъ Яковлева ременный поперечникъ.

На послѣдовавшемъ затѣмъ разбирательствѣ дьяконъ утверждалъ, что унесъ поперечникъ у крестьянина Яковлева, не съ цѣлью имъ воспользоваться, а съ намѣреніемъ на немъ повѣситься. А между тѣмъ вамера переполнилась крестьянами,

цѣлой толпой явившимся умолять о немедленномъ удаленіи дьякона изъ прихода, такъ какъ новая повинность, т.-е. дневной и ночной караулъ при особѣ дьякона, съ приближеніемъ пашни, становится для нихъ крайне обременительна.

Я рѣшился немедленно выпроводить дьякона подъ надзоръ мѣстнаго станового пристава, а дѣло о кражѣ поперечника и новой обидѣ сотника передалъ судебному слѣдователю.

Вскорѣ дошли до меня слухи о новыхъ подвигахъ дьякона въ становой квартирѣ, о его пребываніи въ одномъ изъ монастырей на испытаніи, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ крайнему недоумѣнію своему, узналъ я, что нашъ герой получилъ дьячковское мѣсто въ одномъ изъ приходоѡ той же губерніи.

Въ мартѣ мѣсяцѣ, т.-е. въ томъ же мѣсяцѣ, когда разбиралось у меня послѣднее дѣло дьякона, вмѣстѣ съ разлитіемъ рѣкъ хлынуло на меня семейство причетника сосѣднаго селенія: точно плотину прорвало, и съ изумляющей быстротой понесло прямо на меня всю накопленную годами запруду, цѣлыя бревна, тѣму всякаго хвороста, массу всякой грязи и мерзости.

Первый толчекъ, пошатнувшій запруду, былъ сдѣланъ безсрочно-отпущеннымъ гусаромъ изъ духовнаго званія, отцемъ причетника.

«Имѣю я роднаго сына—причетника и который не имѣетъ къ родителямъ своимъ не только сыновняго почтенія, но наносить намъ такіа оскорбленія, что невыносимо терпѣть—почему мы и въ прошломъ году подавали жалобу преосвященному, а такъ какъ сынъ сталъ просить у насъ прощеніе съ общаніемъ не дѣлать намъ безчеловѣчныхъ оскорбленій: то и рѣшились подать прошеніе его преосвященству о замиреніи, и указомъ духовной консисторіи, хотя сына мы и простили, но оставленъ въ подозрѣніи благочиннаго. Сынъ же нашъ этимъ не только не исправился, а сдѣлался въ родителямъ ожесточеннымъ врагомъ и по уговору съ волостныхъ старшиною, сельскимъ старостой и полицейскимъ сотникомъ 11-го декабря 69-го года, во время ночи привелъ ихъ въ домъ, а домъ устроенъ общими средствами, а ему хотѣлось насъ выгнать изъ дому съ посрамленіемъ, какъ онъ сдѣлалъ въ прошломъ году, что мать, выгнатая имъ безъ куска хлѣба, жила цѣлое лѣто у священника въ амбарѣ и т. д.»

Прошеніе, растянутое на 5 листовъ, соединявшее въ себѣ нѣсколько уголовныхъ обвиненій и гражданскихъ исковъ, заключалось такимъ образомъ:

«А такъ какъ я честию дорожу болѣе всего на свѣтѣ, то всеповорнѣйше прошу взыскать съ виновнаго за учиненныя

посрамленія законнымъ порядкомъ. Къ сему прошенію рядовой гусарскаго полка руку приложилъ»:

«При семъ имѣю честь добавить, ваше высокоблагородіе, что 13-го мая прошлаго года вышписанный сынъ мой учинилъ мнѣ побой, отъ котораго я страдаю, а какъ въ настоящее время нахожусь въ должности начальника губерніи берейторомъ и уволенъ на короткое время, то прошу скорѣе учинить разбирательство».

За прошеніемъ гусара — хлынули прошенія причетника на отца, жены причетника на деверя, супруги гусара на сына и на всѣхъ вмѣстѣ и т. д.

Плотину окончательно прорвало! Призваны въ качествѣ свидѣтелей десятки, ни въ чемъ неповинныхъ, сосѣдей, потревожены сельскія власти, изъ объясненій коихъ оказалось, что, собственно говоря, въ семьѣ причетника нѣтъ никого особенно виноватаго, а виноваты всѣ вмѣстѣ, и все въ томъ же, въ чемъ виновны дьяконъ съ пономаремъ и уволеннымъ изъ духовнаго званія Травинимъ, то-есть въ крайней, неразлучной съ пьянствомъ, праздности, постоянной готовности превратить въ поле битвы ни въ чемъ неповинный приходъ, вѣчными судьбищами и дѣлежами оторвать мирныхъ поселанъ отъ обыденныхъ запятій, а также среди ночной тишины поднять на ноги все селеніе пронзительными воплями о помощи, звономъ разбитыхъ стеколъ, воинскими криками побѣдителей, столами раненыхъ и побѣжденныхъ.

Въ началѣ марта 71-го года, мнѣ еще разъ пришлось встрѣтиться съ причетникомъ, оскорбленнымъ клеветой, будто бы введенной на него церковнымъ старостой, въ присвоеніи 5 руб. церковныхъ денегъ. При разбирательствѣ оказалось, что вся виновность старосты заключалась въ томъ, что онъ, розыскивая пропавшія изъ церкви деньги, спрашивалъ причетника, не взялъ ли онъ этихъ денегъ въ шутку, а мѣсяць спустя судебнымъ слѣдователемъ начато уже дѣло по обвиненію причетника отцомъ его въ похищеніи тѣхъ же самыхъ 5 руб. церковныхъ денегъ, которыя розыскивалъ церковный староста, спрашивая дьячка не взялъ ли онъ ихъ въ шутку.

Нѣсколько времени спустя пришлось мнѣ познакомиться съ сосѣднимъ дьячкомъ, уже однажды исключеннымъ изъ духовнаго званія, и на этотъ разъ обвиняемымъ полиціей въ томъ, что онъ въ концѣ мая 70-го года подвинулъ ребенка своей дочери.

Вначалѣ дьячекъ предполагалъ окрестить новорожденнаго и уже пригласилъ въ восприемницы крестьянку Елену Семенову, но потомъ раздумалъ и, снова двинувшись въ избѣ Семеновой, гдѣ

на этотъ разъ случились двѣ снохи хозяйки, упалъ на колѣни и убѣдительно просилъ бабъ «помолчать», такъ какъ онъ рѣшился, вмѣсто того, чтобы окрестить, подкинуть младенца.

Три бабы, какъ и слѣдовало ожидать, не только не помолчали, но тотчасъ же подѣлились съ другими двадцатью бабами; тѣ тоже не утерпѣли, чтобы не рассказать своимъ мужьямъ и сосѣдямъ, и такимъ образомъ, въ самомъ непродолжительномъ времени подкинутый ребенокъ сдѣлался предметомъ разговоровъ всего селенія.

Въ камеру набилось болѣе десятка здоровыхъ, круглолицыхъ бабъ-свидѣтельницъ. Одна изъ нихъ держала на рукахъ подкинутого ребенка, и всѣ вмѣстѣ, видимымъ образомъ, то двусмысленными улыбками, то глубокими вздохами, то перешептываніемъ, выражали сильное нетерпѣніе и неодолимое желаніе какъ можно скорѣе развязать свой языкъ и посвятить меня во всѣ подробности исторіи.

Тутъ же, опустивъ глаза, стояла мать новорожденнаго и дьячокъ Бѣликовъ, маленькій, юркій, съ рѣдкими волосами, черной восичкой и крошечными, какъ огоньки, свергавшими глазами.

Дождавшись наконецъ своей очереди, бабы заговорили; и напрасно усаживалъ я тѣхъ изъ нихъ, которыя уже сдѣлали свое показаніе: онѣ рѣшительно не въ состояніи были совладѣть съ собой и оставаться безучастными зрительницами; даже послѣ неоднократнаго запрещенія говорить не могли успокоиться, и все, что происходило на разбирательствѣ, все до послѣдней мелочи продолжало тотчасъ же отражаться на ихъ оживленныхъ, подвижныхъ лицахъ, между тѣмъ, какъ обвиняемый, отрицая не только свою виновность, но и беременность своей дочери, принималъ каждое движеніе свидѣтельницъ, даже невинный вздохъ, какъ направленную противъ него личность и, отдавая свидѣтельницъ огнемъ своихъ глазъ, ежеминутно готовъ былъ тутъ же, въ моемъ присутствіи, за одинъ пріемъ, стереть съ лица земли всѣхъ этихъ бабъ, улыбающихся, счастливыхъ и какъ нельзя болѣе довольныхъ представившимся развлеченіемъ.

На вторичное разбирательство вызвана была акушерка; но еще не успѣла она приступить къ исполненію своихъ обязанностей, какъ дьячковская дочь призвала ребенка своимъ. Послѣдовала вѣроятно заранѣе приготовленная сцена: виновная дочь падаетъ на колѣни передъ раздраженнымъ отцемъ, а тотъ до такой степени входитъ въ роль оскорбленнаго отца, что, кинувшись на нее, начинаетъ безжалостно бить до тѣхъ поръ, пока наконецъ опаматовавшіеся свидѣтели не вырвали жертву изъ его рукъ.

И за всѣми, только-что рассказанными безобразіями, совершаемыми людьми, называющимися служителями церкви, зорко слѣдить безчисленный, какъ наши лѣса, крестьянскій людъ, покачивая головой, мотая себѣ на усъ и все болѣе и болѣе впадая въ тотъ и безъ того уже свойственный русской натурѣ духъ сомнѣнія и равнодушія, а съ другой стороны, какъ бы на помощь сомнѣнію и равнодушію, идетъ нашъ приниженный, нищенствующій священникъ съ мѣшкомъ на плечѣ, торгуясь изъ-за каждой требы, собирая обычную дань и высматривая въ крестьянскомъ амбарѣ, что тамъ находится болѣе цѣннаго и подходящаго. Но духъ времени уже значительно измѣнился; благотворный лучъ, такъ или иначе, проникъ въ темный лѣсъ, нѣтъ болѣе преслѣдованій, нѣтъ крѣпостного состоянія и ничѣмъ необузданнаго деспотизма; народъ уже не тотъ, онъ вздохнулъ свободнѣе, и вотъ все болѣе и болѣе впадая въ сомнѣніе и тщетно отыскивая выходъ, нашъ крестьянинъ отстаеетъ отъ вѣры отцовъ и прадѣдовъ своихъ, а въ обществѣ все чаще и тревожнѣе поднимаются толки о томъ, что цѣлыя села отпадаютъ отъ православія и присоединяются въ расколу.

Нѣтъ прихода, въ которомъ, такъ или иначе, не проявлялось бы это стремленіе простолюдина избавиться отъ частыхъ поборовъ, найти себѣ выходъ, найти болѣе широкій просторъ своимъ душевнымъ потребностямъ, врожденному каждому человѣку стремленію къ Всемогущему, Царю царей, какъ выражаются простолюдины. Смотришь, а уже гдѣ-нибудь въ оврагѣ, въ концѣ селенія, на сворую руку, убирается неказистая на видъ избушка, выбѣлены черныя стѣны, весь передній уголъ занятъ образами, засвѣтились десятки лампадъ и уже въ тихомолву, овольными путями, плетутся благочестивые люди, а сквозь крѣпко-накрѣпко запертыя двери и окна слышится протяжное духовное пѣніе, и внимаешь ему одна темная ночь. Благо тому приходу, гдѣ священникъ не только не подниметъ немедленнаго похода противъ богомольцевъ, но даже самъ явится среди ихъ, направляя, разъясняя непонятное, и такимъ образомъ сберегая свое стадо; но горе тому приходу, гдѣ, придерживаясь устарѣвшихъ взглядовъ, пастырь пригласитъ мѣстнаго пристава, и, рука объ руку съ нимъ, нагрянетъ и разгромитъ отерывшуюся моленную: многихъ овецъ не досчитается такой пастырь въ своемъ стадѣ!

Нѣчто подобное случилось въ концѣ зимы настоящаго года. Священникъ сосѣдняго селенія, пригласивъ становаго пристава, наѣхалъ на раскольничій домъ, сдѣлалъ обыскъ и отобралъ старую, весьма цѣнную раскольниками, книгу, называемую «Маргаритъ», и хотя книга эта, послѣ разсмотрѣнія ея архіереемъ,

и была возвращена обратно, какъ незаключающая въ себѣ ничего протѣвнаго православію, но послѣдствіемъ наѣзда было дѣло, переданное мнѣ прокуроромъ, по обвиненію раскольника въ оскорбленіи священника, во время обыска.

Напрасно старался я примирить стороны. Отвергая свою виновность, раскольникъ отказывался отъ всякихъ соглашеній и твердилъ свое: «Христосъ страдалъ и намъ велѣлъ!» а на увѣщанія противной стороны о смиреніи и уваженіи къ пастырю, пришелъ въ крайнюю степень ожесточенія: онъ давился слезами, дрожалъ отъ гнѣва и, прерывающимся отъ волненія голосомъ, говорилъ:

— Какой ты пастырь, когда отца моего на поселеніе со-
слади!... Книгу отецъ мнѣ оставилъ, часть души своей. Ты сил-
комъ унесъ ее изъ моего дома, а меня на судбище привелъ...
А за свадьбу кто съ меня 15 руб. взялъ! Вѣра Христова ни-
кого не гонитъ, а милуетъ, св. отцы терпѣли, а не гнали, ни-
кого не гнали. Нѣтъ, ты мнѣ не пастырь: добрый пастырь душу
свою полагаетъ за овцы!

Такъ отражаются всякаго рода погромы, крутя мѣры и на-
ѣзды на взаимныхъ отношеніяхъ пастырей и пасомыхъ, на ще-
котливыхъ вопросахъ души и совѣсти человѣческой.

Но все рассказанное нами блѣднѣетъ передъ событіемъ, со-
вершившимся въ моей камерѣ 31-го августа 70-го года.

Разбиралось дѣло по иску, предъявленному священникомъ на
крестьянина Яковлева. Суть иска заключалась въ томъ, что
крестьянинъ, снявъ у истца 3 десятины земли, припахалъ лиш-
нихъ 8 сажень, которыя тотъ просилъ обратить въ его пользо-
ваніе, а также взыскать съ крестьянина за самовольное за-
владѣніе.

Первымъ явился крестьянинъ, и съ видимымъ опасеніемъ за
тишину и наше обоюдное спокойствіе, предостерегъ меня, что
истецъ пріѣхалъ выпивши, а въ такомъ видѣ способенъ на вся-
кое буйство.

Вошелъ истецъ, — человѣкъ немолодой, съ вьющимися чер-
ными волосами, греческимъ типомъ и лицомъ, какъ-будто по-
крытымъ сѣтью мелкихъ морщинъ; онъ заявилъ, что 8 сажень,
излишне запаханныхъ крестьяниномъ, получилъ обратно въ свое
пользованіе и уже засѣялъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ взыскать
еще съ отвѣтчика въ его пользу какихъ-то, ни на чемъ неос-
нованныхъ, 50 руб. сер.

Показаніе свое истецъ не подписалъ, обѣщаясь сдѣлать это
послѣ рѣшенія; но когда рѣшеніе, состоявшееся не въ его пользу,
было ему объявлено, онъ, подступивъ ко мнѣ, насколько это

было возможно ближе, сказалъ: «извольте сейчасъ же перерѣшить дѣло,—а мнѣ бы теперь нужна палка, да палку забылъ въ вагѣ, а то бы я поучилъ Яковлева».

Пробовалъ я прибѣгнуть къ ст. 67-й учр., по этимъ только подлилъ масла въ огонь: въ камерѣ тотчасъ же раздался непріятный старческій смѣхъ,—«ну еще оштрафуй на 10 рублей, или мало такъ на 25, на 50, а если и этого мало на 100 рублей!» глумился истецъ, размахивая руками и расхаживая по камерѣ; потомъ сильно хлопнула дверь, и непріятный смѣхъ истца раздался уже позади меня въ канцеляріи, откуда напрасно старался выпроводить его письмоводитель. Посыпался градъ непрістойнѣйшихъ выраженій, истецъ снова хлопнулъ дверью и чрезъ сѣни намѣревался проникнуть въ камеру; но кругомъ все уже было заперто, въ сѣняхъ поднялась страшная возня, въ пылу коей былъ избитъ мой работникъ и оторвана петля у моихъ дверей.

Обо всемъ случившемся составленъ былъ актъ, а дѣло поступило въ окружную судъ, гдѣ еще недавно разбирался совершенно однородный случай, только страдательнымъ и обруганнымъ ни за что, ни про что, лицомъ являлся не мировой судья, а судебный слѣдователь.

Само собою разумѣется, что во всемъ разсказанномъ нами нѣтъ десятой доли всего, что творится въ описываемой нами замкнутой, недоступной средѣ, и если мы вызвали на божій свѣтъ нѣсколько случаевъ, долженствовавшихъ, рядомъ съ десятками однородныхъ, кануть въ мертвую пучину архивовъ, то вовсе не съ тѣмъ, чтобы глумиться, а еще менѣе смѣшить публику — нѣтъ, чуждые всякаго глумленія и гаерства, мы только воспользовались представившимся случаемъ, насколько это было возможно, приблизились къ дѣйствительности, взглянувъ на нее не сквозь призму маниловщины, а прямо, безпристрастными глазами.

Каждый сколько-нибудь мыслящій человекъ долженъ сознаться, что въ быту нашего сельскаго духовенства, кромѣ смѣшного и пошлаго, можно отыскать много высокаго и трогательнаго, а служебная практика, доставивъ мнѣ случай познакомиться съ большинствомъ священниковъ участка, вмѣстѣ съ тѣмъ доставила возможность напасть на личности, заслуживающія полного сочувствія и уваженія; но вѣроятно благодаря системѣ, принятой въ духовномъ вѣдомствѣ, передъ глазами нашими происходитъ слѣдующее непонятное, необъяснимое и въ высокой степени безотрадное явленіе: съ одной стороны, мы видимъ группу людей вполне достойныхъ, единственныхъ людей, чрезъ посредство ко-

ихъ еще могутъ пролиться въ темную массу простаго народа религіозныя истины,—людей, которые многое могли бы сдѣлать для возвышенія нравственнаго уровня народной массы; но эта, въ сожалѣнію, незначительная группа слишкомъ затерта и обезсилена, между тѣмъ, какъ другая группа, герои которой только что прошли передъ нашими глазами, группа бросающая невыгодную тѣнь на всю среду, не только терпима, но даже неизвѣстно почему и для чьего блага постоянно находятъ себѣ твердую опору и надежное покровительство. Просятся съ языка десятки разнообразныхъ предположеній о томъ, какимъ образомъ поднять наше духовенство, какъ создать изъ него нравственную силу, благотворно дѣйствующую на сельскую школу, на семью, на весь полныи суевѣрій и невѣжества простонародный бытъ; но не рискуя повторять зады, возобновлять въ памяти читателя тѣму темъ всякихъ болѣе или менѣе похожихъ предположеній и проектовъ, не рѣшаясь начать давно устарѣвшую пѣсню объ измѣненіи настоящей системы духовнаго вѣдомства и объ улучшеніи быта сельскаго духовенства, мы во время останавливаемся и торопливо ставимъ точку. Посмотримъ лучше, что творится въ другихъ сферахъ.

На Волгѣ.
Ноябрь, 1871.

В. НАЗАРЬЕВЪ.



ГРОЗА

Наломало вѣтвей, накидало листовъ
Прогумѣвшею бѣшеной бурей,
И побитымъ цвѣтамъ не поднять лепестковъ
Къ засіявшей привѣтно лазури.

Но за то та гроза принесла благодать —
И листвою и цвѣтами сторицей
Облечётъ жадный долъ, переставшій алкать,
Озаряемый яркой денницей.

Что за дѣло до жертвъ ей погибшихъ въ бою!
Солнце высушить крупныя слезы,
И признаетъ весь міръ въ ней царицу свою,
И полюбитъ суровыя гробы.

А—В

Прелестное и слабое созданье,
Люблю тебя любовью я двойной:
Умершаго ты образъ дорогой,
Воскресшее блаженство и страданье.
Воскресшій взоръ, воскресшій тихій смѣхъ
И нѣжныхъ ласкъ знакомые порывы —
Весь этотъ міръ, воскресшій и счастливый,
Со мною вновь, — я вновь счастливѣй всѣхъ!
И если ты лишь тѣнь той милой тѣни,
Мгновенный сонъ, летучій какъ она, —
Передъ лицомъ готовыхъ вновь мученій
Клоню свои молящія колѣни
За каждый мигъ еще таковаго сна!

СИРЕНИ

Подъ лучами тепла, вдругъ въ одинъ вешній день
Вся въ лиловыхъ цвѣтахъ пробудилась сирень,
И дыханье ея ароматной волною
Надъ зелено-густой разлилося листвою.

Я лиловыхъ цвѣтовъ наломаю скорѣй,
Я любимыхъ цвѣтовъ снесу милой моей,
Чтобъ въ день первый весны и въ могильныя сѣни
Благовонной весной ей пахнули сирени.

П. Ковалевскій.

Няцца.
29 декабря, 1871.



ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ

И

ОБРУСЕНІЕ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

(Изъ письма къ редактору).

М. М. Сегодня я получилъ ваше письмо въ отвѣтъ на записку, при которой была отправлена моя статья. Изъ вашихъ словъ я заключаю, что точка зрѣнія на вопросъ, занимавшій меня, не довольно выяснена мною въ текстѣ и можетъ подать поводъ къ заключеніямъ несправедливымъ. Вы пишете мнѣ о „нѣмцеѣдствѣ“ у насъ вообще и о „нѣмцеѣдствѣ“ моей статьи въ особенности. Но дѣло въ томъ, что нѣмцеѣдство нѣмцеѣдству рознь, а мое нѣмцеѣдство отличается отъ всякаго другого прежде всего тѣмъ, что оно не имѣетъ ничего общаго съ французофильствомъ, и я самъ не претендую юношески на званіе „patriote français“. Относиться враждебно къ нѣкоторымъ нѣмецкимъ политическимъ тенденціямъ можно только съ чисто-человѣческой точки зрѣнія, и въ такомъ случаѣ всегда останется мѣсто признанію полезной стороны для прогресса въ характеристическомъ выступленіи единой Германіи на поприще исторіи. Въ такомъ „нѣмцеѣдствѣ“ можетъ найти себѣ мѣсто и патріотизмъ, но уже не напускной, и притомъ требующій приложенія общихъ гуманныхъ началъ къ политикѣ своего отечества и къ критикѣ отношеній къ нему самой Германіи. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, быть безмолвнымъ въ виду того, когда не одинъ или два публициста, а чуть не поголовно вся интеллигенція сосѣдней страны систематически отрицаетъ въ твоёмъ народѣ всякія права на человѣческое развитіе, и сама, стоя

безспорно выше твоихъ соотечественниковъ, не только не думаетъ помочь имъ, — а радуется всякому движенію нашему назадъ, причѣмъ злорадно потопъ насъ же имъ и попрекаетъ? Будетъ ли обличеніе такого рода тенденцій у сосѣда „нѣмцевѣдствомъ“ съ нашей стороны, и указаніе, какъ этотъ же сосѣдъ собирается „обработать“ тебя — напускнымъ патриотизмомъ, шовинизмомъ и т. п.

Вы тысячу разъ правы, проводя параллель между г-нъ Катковымъ и жалкими публицистами второй имперіи; но вы же говорите, что и въ Германіи своихъ Катковыхъ не мало. Вы, именно говорите, — столько же, сколько и у насъ. Но у насъ собственно — одинъ, относительно болѣе способный и образованный, а въ Германіи ихъ можно считать по крайней мѣрѣ сотнями: чуть ли не каждый профессоръ и публицистъ есть такой же Катковъ по всѣмъ національно-политическимъ вопросамъ, а по своему образованию и способностямъ, многіе изъ нихъ стоятъ еще несравненно выше нашего единственнаго экземпляра. Въ томъ-то и состоитъ, на практикѣ, перевѣсъ Германіи и надъ нами, и надъ Франціей, — но это же самое и заставляетъ людей, къ числу которыхъ, и я желалъ бы принадлежать, не жаловать нѣмцевъ національно-политическія тенденціи и опасаться ихъ. Къ сожалѣнію, сходство наше съ Франціей до послѣдней войны не оканчивается тѣмъ, что у насъ есть свои доморощенные московской фабрикаціи Кассаньяки и Жирандены, а и въ томъ, что наши „лѣвые“ держатъ себя не лучше французскихъ. Кассаньячество имъ опротивѣло, — и по-дѣломъ; но они обличаютъ это кассаньячество только у себя, и не видятъ его въ болѣе серьезной формѣ у сосѣда. Желая пристыдить своихъ алармистовъ, „лѣвые“ говорятъ, съ различными вариантами: „помилуйте, можно ли, чтобы такой просвѣщенный и гуманный сосѣдъ имѣлъ такіа возмутительныя идеи, какія ему приписываютъ Кассаньяки и какія способны имѣть только сами Кассаньяки“! Но, во-первыхъ, зачѣмъ же такъ ужъ ручаться за сосѣда, а во-вторыхъ, зачѣмъ закрывать глаза на то, что сосѣдъ идетъ своею дорогою... Сосѣдъ опасенъ именно тѣмъ, что то, что у французовъ и у насъ болтовня, или доктринерство, или наконецъ спекуляція, — у него національное сознаніе; намъ же онъ опасенъ еще и потому, что онъ не только воинъ, но и колонистъ. Потому-то и надо, чтобъ, кромѣ алармистовъ (которыхъ впрочемъ вовсе не надо) и успокоителей, были въ печати голоса еще и указателей, — что вотъ-молъ какія вещи дѣлаются, какія идеи высказываются, и что противъ опасности надобно принимать мѣры... Какія мѣры? — Во все не чрезвычайныя (о коихъ толкуютъ алармисты), — а просто правильное и свободное развитіе нравственныхъ и интеллектуальныхъ силъ отечества, которое одно можетъ создать здоровый патриотизмъ, и искреннее усвоеніе такой программы, а не à la Ollivier. Понимая дѣло такимъ образомъ, я писалъ статью вовсе не для того, чтобы „доложить“ почтенной

публикѣ, какъ то у насъ водится, что вотъ - молъ сосѣдъ готовится отхватить у отечества кусокъ территоріи, и потому всѣ несогласные съ такимъ слухомъ суть измѣнники отечеству и враги; меня больше занимала мысль, какъ слѣдуетъ дѣйствовать въ виду того или другого настроенія сосѣдней интеллигенціи.

Что же касается до нашего цѣломудрія въ такъ - называемомъ нѣмецкомъ вопросѣ и до опасенія быть обвиненными въ возбужденіи національной ненависти, то и то, и другое напрасно, такъ какъ она тамъ уже есть, и говоря по совѣсти, мы въ ней не виноваты, а выражаемъ мы ее меньше нѣмцевъ, т. е. нѣмцевъ, руководящихъ печатнымъ словомъ: на сотни ихъ устъ мы имѣемъ всего только одинъ уста! Доказательства тому найдутся въ самой статьѣ, и возьмите любую нѣмецкую газету, возьмите хоть, наприм., недавнее описаніе поѣздки въ Карпаты, помѣщенное въ „Augsb. Allg. Zeit.“ или специальную статью о Россіи въ „Neue-Freie-Presse“ (я читалъ ее уже по отсылкѣ къ вамъ статьи), да и всякую другую статью о Россіи и русскихъ: и такіе-то мы, и сякіе, и варвары жестокіе, и фанатики религіозные и пр. и пр. Мы и сами себя, конечно, не мало ругаемъ, — да не такъ. Нѣмецкіе передовые публицисты почитаютъ насъ неисправимыми отъ природы, и потому какъ бы ни были мы скромны, но этимъ не угомонишь нѣмецкихъ Катковыхъ. Они даже и знать не хотятъ, что не всѣ органы русской печати тянутъ одну и ту же ноту съ „Московск. Вѣдомостями“, и преспокойно записываютъ всѣхъ въ „Ультра-русскіе органы всеподавляющаго русскаго правительства“. Но вѣдь это черта — чисто Кассаньяковская! Мы пожалуй и помирились бы съ нею, такъ какъ подобная черта можетъ вредить только тѣмъ, кто отличается ею; но у нѣмецкихъ публицистовъ невниманіе и закрываніе глазъ на порядочныя идеи въ русской печати идутъ рядомъ съ ненавистью ко всему прогрессивному и либеральному въ Россіи. Развѣ не характерно то, что рѣдкая корреспонденція изъ Россіи въ нѣмецкую, даже либеральную и чуть не радикальную газету, не обходится безъ восторженной похвалы въ пользу „энергіи административныхъ мѣръ“, которую они вовсе недолюбливаютъ у себя дома, или безъ призванія этой энергіи противъ русскаго общества, зараженнаго будто бы социализмомъ, коммунизмомъ и т. п. Еще на дняхъ я читалъ въ „Allg.-Zeitung“ извѣстіе о пересмотрѣ у насъ законовъ объ общинѣ крестьянской, причемъ непремѣнно сказано, что русская община это - молъ идеаль интернаціонала, и отиѣна общины сильно бы помогла правительству остановить распространеніе социалистическихъ идей въ Россіи, — что правительство будто бы и видитъ. Какъ видите, не одинъ г. Катковъ призываетъ себя въ подмогу „интернаціоналку“. Но неужели подобные „приемы“ не заслуживаютъ обличенія предъ нашей, да и предъ европейской публикой? Я думаю, что такія обличенія тѣмъ паче необходимо сдѣлать именно тѣмъ, кто

не желаетъ возбужденія у насъ „шовинизма“ и національной нетерпимости, — ибо наши доморощенные шовинисты и своеобразные обрусители или своимъ умомъ доходятъ до того же, до чего доходятъ германизаторы, или наивно приказываютъ намъ слѣдовать примѣру послѣднихъ. Такъ не очень еще давно нашъ г. Катковъ, докладывая публикѣ о книжкѣ нѣмецкаго Каткова, г. Каттнера: „О призваніи Пруссіи на Востокъ“, по которой надо, чтобъ Пруссія отобрала у насъ Польшу и т. п., — замѣчаетъ, что, конечно, съ прусской точки зрѣнія, Каттнеръ — хорошій патриотъ!!

Не знаю, нужно ли мнѣ въ заключеніе сдѣлать еще одну оговорку: я вездѣ выражаюсь — „нѣмцы“; но подъ этимъ словомъ, конечно, слѣдуетъ разумѣть — „политическіе классы въ Германіи“. „Народъ“ — это, дѣйствительно „Grosse Unbekannte“, во имя котораго дѣлается такъ много нехорошаго и говорится такъ много пустого. Кто въ самомъ дѣлѣ знаетъ, каковы въ дѣйствительности мысли и убѣжденія этихъ „народовъ“, но, кажется, одинаково подозрительны и нелѣпы фразы о томъ, что народы-моль ливкутъ, „когда оружіе Франціи торжествуетъ на обоихъ полушаріяхъ“, или „когда германская имперія возстаетъ изъ униженія въ величіи временъ Барбаруссы“, — какъ и о томъ, что „народы-моль жаждутъ свергнуть его тиранновъ, опрокинуть границы государствъ, чтобы братски обняться другъ съ другомъ!“ А на дѣлѣ эти „народы“, можетъ быть, вовсе и не думаютъ „ликовать“, и ничего подобнаго не „жаждутъ“. Впрочемъ, я вообще „красиваго слога“, ни стараго, ни новаго, не жалею, и уже по одному тому о „народѣ германскомъ“ говорить не буду, равно какъ и о томъ, раздѣляетъ ли онѣ идеи своихъ „Катковыхъ“; а именно Каттнера, Франца и т. п., толковать съ увѣренностью не стану, какъ о вещи по меньшей мѣрѣ мнѣ невѣдомой. Впрочемъ, думаю, что, получивъ возможность болѣе выгодной колонизаціи въ какую-нибудь Ковенскую или западъ Волынской губерніи, куда и теперь народъ изъ Восточной Пруссіи идетъ въ достаточномъ количествѣ, — нѣмецкій народъ былъ бы не недоволенъ — и во многомъ не безъ основанія.

Мнѣ, конечно, вовсе не желательно, чтобы мое изслѣдованіе смѣшало меня въ глазахъ читателей съ тѣми людьми, съ тенденціями которыхъ я всего менѣе согласенъ, и потому, если вы сочтете нужнымъ, пусть это письмо займетъ мѣсто предисловія.

М. Т.

Гейдельбергъ. Ноябрь, 1871.

I.

Предъ нами теперь новая Германія, а слѣдовательно и новая германская политика, новыя ея цѣли, и во всякомъ случаѣ новыя ея средства. Но какою будетъ эта политика, какія она поставитъ себѣ цѣли, — эти вопросы составили тему оживленныхъ разсужденій въ первый разъ, когда, во второй половинѣ 1871-го года, совершилось такъ-называемое гаштейнское свиданіе канцлеровъ Германіи и Австріи. Среди всѣхъ толковъ по этому поводу произносилось не разъ и имя Россіи, а потому было необходимо прислушаться къ этимъ толкамъ. Толковалось, что въ Гаштейнѣ устроивается союзъ Германіи и Австріи противъ Россіи; потомъ же, — преимущественно нѣмецкія газеты, — заговорили, что канцлеръ Германіи взялся будто бы устроить союзъ Россіи съ Австріею или по крайней мѣрѣ, какъ выражались нѣмецкія газеты, «сладить шероховатости въ отношеніяхъ Россіи съ Австріею», и привести эти державы, если не въ непосредственныя дружескія отношенія, то въ посредственныя, и осуществить слова Бейста, что «трудно быть непріязненнымъ къ другу нашего друга».

Такъ какъ о результатѣ и значеніи гаштейнскихъ переговоровъ ничего оффиціального неизвѣстно, то мы и не будемъ говорить о самихъ переговорахъ, — которые и въ самомъ дѣлѣ могли кончиться одними только династическими и дипломатическими любезностями, — а поговоримъ о толкахъ публицистики по этому поводу. Толки эти, во-первыхъ, не лишены интереса сами по себѣ, а во-вторыхъ, толки эти выражаютъ собою общественное мнѣніе, а это послѣднее служитъ выраженіемъ общественныхъ и національных интересовъ, которые въ наши времена въ рѣшительныя минуты дѣйствуютъ повелительно и на дипломатію.

Остановимся на минуту на общей сторонѣ толковъ нѣмецкой печати о гаштейнскомъ свиданіи, а потомъ перейдемъ къ той, которая ближе касается Россіи. Любопытно, во-первыхъ, что публицисты, разсуждающіе съ видомъ посвященныхъ въ тайны о свиданіи канцлеровъ двухъ имперій, увѣряли преусердно, что свиданія эти имѣютъ цѣлью упроченіе мира въ Европѣ. Священнымъ словомъ «миръ» такъ злоупотребляютъ со временъ знаменитаго «l'empire c'est la paix» (въ послѣднее время ни одна рѣчь въ пользу увеличенія армій и военнаго бюджета въ европейскихъ парламентахъ не обходится безъ панегирика миру), — что уже

одно произнесение слова «миръ» заставляетъ мирныхъ людей довольно подозрительно осматриваться. Гдѣ же тѣ военныя бури, противъ которыхъ надо устраивать лигу мира, инициативу которой беретъ на себя первое военное и воинственное государство въ западной Европѣ? Въ настоящее время въ Европѣ существуетъ только три мѣста, въ которыхъ находятся реальныя основанія для военныхъ взрывовъ, — хотя очень можетъ быть, что и въ нихъ обойдется безъ всякаго взрыва. Мѣста эти: Франція, Турція и сама Австрія. Есть еще и четвертое мѣсто, возможность войны изъ-за котораго не такъ ясно видна, но она черезъ то не становится меньшею. О немъ мы скажемъ дальше.

Франція думаетъ о мести за Седанъ и Парижъ, о возвращеніи Страсбурга и Метца. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Если въ виду этого Пруссія не расположена очищать слишкомъ поспѣшно французскія провинціи, — это тоже довольно естественно; если прусско-германское правительство разсудитъ поступить съ Бельфоромъ, какъ съ Сѣвернымъ Шлезвигомъ, — это не будетъ противно традиціямъ и принципамъ прусской политики. Вотъ и реальныя основанія для военнаго столкновенія между Франціей и Германіей. На этотъ случай устраивается лига мира между Австріей и Пруссіей? Почему-жъ не пригласили сюда Россіи, — которая такъ сильно помогла приобрѣтенію Пруссіей Эльзаса и Лотарингіи? Не чувствуютъ ли въ Германіи, — что Россія и такъ уже сдѣлала много, что въ другой разъ помогать добыванію Франціи будетъ слишкомъ уже внѣ русскихъ интересовъ? Объ этихъ вопросахъ не говорить нѣмецкая печать.

Больше говорятъ о другой возможности военнаго взрыва въ Европѣ: о турецкомъ вопросѣ. Здѣсь взрывъ возможенъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: *или*, если турецкое правительство не только не облегчитъ гнета надъ христіанскимъ населеніемъ и не дастъ ему правъ на постепенное самостоятельное развитіе, но еще усилитъ этотъ гнетъ; на чьей сторонѣ должна стать тогда Россія, — говорить нечего; *или*, если Австрія обнаружитъ рѣшительное намѣреніе прихватить Румынію, или Боснію (не даромъ же австрійское правительство хлопотало объ обученіи молодого экс-эрцгерцога Тосванскаго сербскому языку, посылало его путешествовать по Босніи и Герцеговинѣ, результатомъ чего явилась пока еще только красивенькая брошюра съ типами мѣстнаго населенія и т. п. картинками). Въ европейской печати говорятъ всего чаще о третьемъ поводѣ къ военному столкновенію на Востокѣ, — а именно о нападеніи Россіи на Турцію съ цѣлью завоеванія Константинополя, и всякія заявленія русскаго правительства и органовъ общественнаго мнѣнія о томъ,

что существованіе турецкаго государства, — напрімѣръ, въ видѣ федераціи самоуправляющихся христіанскихъ племенъ подъ главенствомъ султана сообразно программѣ, изложенной нашимъ канцлеромъ во время кандійскаго вопроса, — называютъ лицемеріемъ. Мы не станемъ ручаться за всѣ кружки нашего образованнаго общества, но полагаемъ, что имѣемъ полное право сказать, что для реальныхъ интересовъ Россіи, сохраненіе Турціи въ видѣ федераціи самоуправляющихся племенъ, хотя бы подъ властью магометанскаго правительства, надолго было бы исполнѣе удовлетворительно, — такъ что наиболѣе тревожащая Европу возможность взрыва на Востокѣ, по инициативѣ Россіи, въ нашихъ глазахъ имѣетъ наименѣе вѣроятности. Мало вѣроятно и общее возстаніе балканскихъ христіанъ, если только турецкое правительство вступить на дорогу реальныхъ уступокъ ихъ стремленіямъ въ гражданской свободѣ и самоуправленію; а Турція, несбиваемая посторонними внушеніями и знающая, что подлѣ есть сильное славянское государство, не можетъ не пойти по дорогѣ благоразумія. Остается вторая возможность взрыва, — а именно возможность движенія Австро-Венгріи къ приобрѣтенію новой области на Дунаѣ.

Съ извѣстной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія славянской, это приобрѣтеніе нельзя бы было считать вреднымъ для славянства. Чѣмъ болѣе Австрія наберетъ славянъ, тѣмъ сильнѣе станетъ въ ней славянскій элементъ. А если Австро-Венгрія захватитъ Румынію, то тѣмъ болѣе усилится румынскій элементъ, который въ Трансильваніи представляетъ реакцію венгерскому, а потому въ венгерскихъ дѣлахъ держитъ союзъ съ славянской оппозиціей. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что расширеніе Австріи на югъ, до тѣхъ поръ пока въ ней господствуетъ система дуализма, т.-е. нѣмецкой и венгерской гегемоніи, т.-е., еще разъ, нѣмецкой и венгерской эксплуатаціи остальныхъ племенъ, преимущественно славянъ, было бы распространеніемъ еще и на новыя области этой гегемоніи и эксплуатаціи съ ея политическими, экономическими и нравственными послѣдствіями, было бы шагомъ въ осуществленію «Германіи прилегающей къ четыремъ морямъ», которую бралъ за точку отправленія своихъ экономическихъ разсужденій основатель нѣмецкаго таможеннаго союза, Листъ, шагомъ въ исполненію мечтаній Рошера, который считаетъ «балканскія и дунайскія земли, отведенныя Провидѣніемъ на колонизацію нѣмцевъ» и т. д. Что подобный шагъ невыгоденъ для славянства, — доказательство въ томъ, что какъ ни мечтаютъ сербы въ Бѣлградѣ и Новомъ-Садѣ и хорваты въ Загребѣ о юго-славянской федераціи, но не только

сербы княжества, но сербы и хорваты австрийские всегда протестуютъ противъ всякаго посползованія къ распространенію владѣній австро-венгерскаго правительства на югѣ.

Мысль о естественной принадлежности нѣмецкому племени области до Нѣмана и Днѣстра высказана недавно еще даже въ такомъ изданіи, какъ знаменитый Conversations-Lexikon, изд. Брокгауза въ Лейпцигѣ. Именно въ добавленіи къ нему, представляющемъ энциклопедическое описаніе новѣйшаго времени (вып. 7, 1871), въ статьѣ «Нѣмецкій народъ» читаемъ: «Естественная область нѣмецкаго народа обнимаетъ бассейны Шельды, Рейна, Эмса, Везера, Эльбы, Эйдера, Одера, Вислы, Прегеля и Нижняго Нѣмана (Мемеля), а также область Дуная, Днѣстра, Верхняго Этча и Триестскаго залива. Протяженіе ея отъ устья Дуная до устья Рейна имѣетъ 240, а отъ Монте Розы до Мемеля 200 м.; пространства имѣетъ эта область около 30,000 кв. м. На этой области нѣмецкій народъ двигался съ тѣхъ поръ, какъ онъ выступилъ со всѣми своими племенами на поле исторіи, но теперь въ этой области государства съ существенно нѣмецкимъ характеромъ, по крайней мѣрѣ подъ властію нѣмецкихъ государей и съ духовнымъ или численнымъ преобладаніемъ нѣмецкаго населенія (куда также надо включить и Швейцарію, Голландію, Бельгію и всю Австрію) занимаютъ едва 25—24,000 кв. м. Впрочемъ, несмотря на то, что во время переселенія народовъ земли на востокъ и юго-востокъ до верхнихъ притоковъ Эльбы и за эту рѣку были наводнены славянами и мадьярами,—нѣмецкій духъ и нѣмецкій мечъ стремятся въ теченіи 1000 лѣтъ отобрать вновь землю отцовъ и съ такимъ успѣхомъ, что теперь даже туда перенесены центры тяжести большихъ нѣмецкихъ государствъ, Берлинъ и Вѣна». По этимъ словамъ завоеваніе нѣмецкимъ мечомъ, напр., Польши или Бессарабіи было бы также возвращеніе земли отцовъ, какъ и завоеваніе Эльзаса. Нѣмецкая печать являла недавно еще весьма характерическій образчикъ аргументаціи въ пользу завоеванія Эльзаса, называя эти завоеванія возвращеніемъ эльзасцевъ къ общему отечеству,—хотя жители Эльзаса и сопротивлялись ему. Но тутъ хоть можно было сказать, что возвращаютъ блуднаго и неповорнаго сына «въ отчій домъ». Но приведенная нами выдержка показываетъ, что аргументы въ пользу распространенія предѣловъ германскаго отечества не ограничиваются только кабинетной этнографіей и исторіей, а заимствуются и изъ археологіи. Вѣдь мало гдѣ, въ какихъ земляхъ не «двигались» предки европейскихъ народовъ,—но если въ какой-нибудь землѣ теперь и помину нѣтъ объ извѣстномъ народѣ, а тамъ сидитъ другой,—

то какая же можетъ быть рѣчь о возвращеніи земли отцовъ? Такъ, пожалуй, французы могутъ, по праву происхожденія отъ галловъ, объявить права на Богемію, славяне, начитавшись изысканій своихъ археологовъ-этнографовъ, на Венецію и даже на Андалузію и Португалію и т. д. За аргументами изъ теоріи естественныхъ границъ дѣло не станетъ, — такъ какъ естественныхъ границъ собственно нѣтъ почти нигдѣ на земномъ шарѣ, — ибо рѣки, напр., вовсе не дѣлятъ народовъ и странъ, горные хребты не дѣлятъ рѣчныхъ бассейновъ (то, что называютъ географы водораздѣломъ, очень часто только теоретическая линия, а рѣки долинами проходятъ часто черезъ огромные хребты, — Рейнь, Рона, Эльба, Буремпутерь и т. д.), теперь даже моря не раздѣляютъ народовъ, значить, съ помощію ученой софистики, можно придумать аргументы отъ географіи въ пользу всякаго ученаго захвата. Почему, напр., границы естественной области германцевъ Нѣманъ и Днѣстръ, а не Волховъ и Днѣпръ и т. д.? Къ тому же готы «двигались» по Днѣпру и въ Крыму, а алане даже за Дономъ... Не правда ли, съ такою аргументаціей мы дойдемъ до временъ войнъ «избраннаго народа» съ хананеями? Вотъ до какой ветхозавѣтности доводитъ наука, если она не умѣряетъ національнаго эгоизма, а окрыляетъ его, если ученые такъ узко понимаютъ обязанность свою помогать политикѣ, какъ это, въ сожалѣнію, такъ часто случается теперь въ Германіи. Нѣмецкая литература переполнена жалобами на «нѣмцененавидѣніе» и «нѣмцеѣдство» почти во всѣхъ европейскихъ обществахъ, — и объясняетъ это «нѣмцеѣдство» завистью, или національною «продерзостию» сосѣдей, видитъ во всѣхъ людяхъ, которые не очень-то симпатично настроены въ нынѣшнему національному и общественному направленію въ Германіи, только Кассаньяковъ, Жирарденовъ и т. п. Слова нѣтъ, — въ «нѣмцеѣдствѣ» европейской печати есть не мало кассаньячества, но въ виду того, какъ нѣмецкіе публицисты и ученые возобновляютъ древнія и ветхозавѣтныя идеи объ отношеніяхъ народовъ и служатъ заразительнымъ примѣромъ для сосѣдей, въ европейскихъ интеллигенціяхъ поднимается и другой сортъ «нѣмцеѣдовъ», которыхъ идеи всего болѣе могутъ быть выражены словами героя одного изъ величайшихъ нѣмцевъ, Лессинга, — вложенными имъ въ уста тампліера, который говоритъ Натану, что не любить евреевъ, такъ какъ они вообразили себя привилегированнымъ народомъ и передали эту доктрину исключительности и христіанамъ и магометанамъ.

Допустивъ теперь, что въ Гаштейнѣ была заведена рѣчь о возможности подобнаго распространенія, — спросимъ: не потому

ли не пригласили къ союзу и Россію, что ея мнѣніе не очень отошло бы отъ мнѣнія ея соплеменниковъ въ Загребѣ, Новомъ-Садѣ и Бѣлградѣ? Какія же «шероховатости» по этому вопросу въ отношеніяхъ Россіи и Австріи взялся сгладить кн. Бисмаркъ? Для князя Бисмарка, т.-е. для германской политики всякое распространеніе Австріи на югъ было бы полезно, — ибо приготовило бы наслѣдство для Германіи; не даромъ же предусмотрительный политикъ прусскій на другой день Садовой воспротивился требованію Италіи на Южный Тироль, заключающій важные стратегическіе проходы изъ австро-нѣмецкихъ земель во владѣнія тогдашнихъ союзниковъ Пруссіи.

Европейскій миръ можетъ быть нарушенъ и при извѣстномъ оборотѣ внутреннихъ дѣлъ въ одной изъ державъ, которыя совѣщались въ Гаштейнѣ о сохраненіи будто бы европейскаго мира. Мы говоримъ объ Австріи. Въ этой странѣ теперь предпринять опытъ примиренія всѣхъ народностей въ федеральной формѣ государственной жизни. Ни для кого не тайна, что «непримиримые» въ отношеніи къ этому опыту — австрійскіе нѣмцы, исключая тирольцевъ, которые только потому за федерализмъ, что надѣются на торжество клерикализма въ областномъ сеймѣ, да и то относительно южнаго, итальянскаго Тироля обнаруживаютъ такую же нетерпимость, каковую штирійскіе и варпатскіе нѣмцы обнаруживаютъ относительно словинцевъ. Не тайна также, что печать всей Германіи находитъ, что австрійскіе нѣмцы были бы оскорблены уравненіемъ съ ними въ правахъ «полуварварскихъ народовъ», недостойныхъ отрѣзать у нѣмцевъ ремень у ногъ», ибо нѣмецкая печать не стыдится возстановлять среди XIX-го в. до-христіанское воззрѣніе о варварахъ, которые будто бы должны быть рабами цивилизованныхъ да еще съ китайскою тупостію примѣнять это дикое, варварское ученіе къ такому, напр., народу какъ чехи, которые, конечно, не могутъ быть названы варварами. Всѣ знаютъ также, что австрійская нѣмецкая печать говоритъ о возможности революціи въ австро-нѣмецкихъ земляхъ и обращеніи ихъ къ объединенной германской имперіи за защитой отъ «славянскаго Молоха», созидаемаго графомъ Гогенвартомъ, и что печать Германіи далеко не отрѣзается отъ протягиванія руки помощи «должествующимъ погибнуть въ объятіяхъ славянскаго Молоха нѣмецкимъ братьямъ». Читали мы не разъ въ нѣмецкой печати въ Австріи и Германіи, что предоставленіе славянамъ въ Австріи права на самостоятельное національное развитіе приведетъ къ распространенію «въ самое сердце Германіи русскихъ интригъ и подкоповъ», — а ужъ хуже вліанія русскихъ «кнутолюбивыхъ и каучукопредан-

ныхъ варваровъ» ничего, по понятіямъ публицистовъ Вѣны, Аугсбурга, Берлина и т. п. и быть не можетъ. Передъ всѣмъ свѣтомъ нѣмецкая печать заявила, что гр. Бейстъ есть единственная опора нѣмецкаго элемента въ правительствѣ императора Франца-Иосифа, — а слѣдовательно и охранитель сердца Германіи отъ русско-славянскаго Молоха. Если это такъ, то совершенно понятно, почему русскаго представителя не было вмѣстѣ съ гр. Бейстомъ въ Гаштейнѣ. Но вотъ что непонятно, — какимъ образомъ кн. Бисмаркъ взялся сгладить «шероховатости» въ отношеніяхъ между гр. Бейстомъ и русскими дипломатами! Вѣдь это значить, что кн. Бисмаркъ, напереворъ всему общественному мнѣнію Германіи, взялся склонить гр. Бейста и представляемыя имъ сферы къ уступкамъ планамъ гр. Гогенварта и славянской оппозиціи. Пожимаемъ плечами, — но восклицаемъ: «великъ Аллахъ въ князѣ Бисмаркѣ фонъ-Шенгаузенъ!» Если ужъ и онъ берется сглаживать шероховатости въ отношеніяхъ между австрійскими нѣмцами и славянами, — то какъ не установиться внутреннему миру въ Австріи, а тогда дѣйствительно облегчится и миръ въ Европѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, внутренній миръ въ Австріи зависитъ всецѣло отъ нѣмцевъ. Захотятъ они мирно жить на равныхъ правахъ съ славянами, — Австрія будетъ спокойна, цѣла, сильна. Не захотятъ, — одинъ исходъ — революція, и революція, начатая нѣмцами, затѣмъ война и распаденіе Австріи. Предвидѣли ли и этотъ исходъ политики, толковавшіе въ Гаштейнѣ?... Что за революціоннымъ взрывомъ нѣмецкаго населенія въ Австріи чисто нѣмецкія земли ея обратятся къ германской имперіи съ просьбою принять ихъ подъ свою власть, и что эта имперія, быть можетъ, помявшись нѣсколько для вида, какъ Пьемонтъ передъ Тосканой и Неаполемъ, — протянетъ къ нимъ свои объятія, — объ этомъ и говорить нечего. Является вопросъ: а какъ же будетъ съ Чехіей, Моравіей, съ славянскими округами Штирии и Каринтіи? Нѣмцы австрійскіе, конечно, не захотятъ разстаться съ ними, — иначе затѣмъ же было сопротивляться и планамъ гр. Гогенварта? Захочетъ ли новая германская имперія разстаться съ этими *имперскими* землями, которыя тащилъ къ себѣ даже революціонный франкфуртскій парламентъ 1848-го года? Конечно нѣтъ, — если и въ 1866-мъ году Пруссія требовала отъ Австріи Богеміи, хоть до Эльбы! Коснулись ли гаштейнскіе миротворцы въ своихъ переговорахъ возможности подобныхъ событій? Конечно, невѣроятно, чтобъ канцлеръ государства разговаривалъ съ другимъ о возможности распаденія своего государства и занятія земель его государствомъ, съ пред-

ставителем коего онъ дружески бесѣдуетъ. Невѣроятно, — но послѣ того какъ гр. Бейста величаютъ представителемъ оппозиціи планамъ министерства, его же государемъ назначеннаго, — чему удивляться? А если въ Гаштейнѣ было затронуто что-либо подобное, то безъ всякихъ объясненій понятно, почему туда не позвали русскаго дипломата, потому что трудно найти такого, который бы согласился на предоставленіе Чехіи, Моравіи, Каринтіи и Штиріи германской имперіи, — потому что за этимъ надо было бы согласиться и на отмежеваніе ей и всей области Дуная, — а тогда весь обширный юго-западъ Россіи былъ отданъ бы на эксплуатацію нѣмцамъ, которые теперь, благодаря характеру границъ и теченію рѣкъ, и такъ изъ Кёнисберга и Берлина эксплуатируютъ Польшу и сѣверо-западъ Россіи. Чтобы по вопросамъ, связаннымъ съ распаденіемъ Австріи, князь Бисмаркъ взялся сгладить шероховатости въ отношеніяхъ графа Бейста и русскихъ политиковъ, — совершенно невѣроятно.

Но, говорятъ нѣмецкія газеты, дипломатовъ Россіи не пригласили въ Гаштейнъ потому, что этому препятствуетъ ходъ внутреннихъ дѣлъ въ Австріи, — а именно *опыты гр. Гогенварта съ поляками*. Вотъ по какому пункту вн. Бисмаркъ взялся погладить шероховатости въ отношеніяхъ Россіи и Австріи! Значитъ, какъ поладятъ съ этой стороны внутреннія дѣла Австріи, такъ, пожалуй, пригласятъ въ новому свиданію и русскаго дипломата. Повторяемъ, мы говоримъ не о гаштейнскихъ дипломатахъ, — а о толкахъ нѣмецкихъ газетъ, которые кажутся намъ не безынтересными и независимо отъ того, вѣрно ли онѣ, или нѣтъ передаютъ ходъ переговоровъ въ Гаштейнѣ. Ну, такъ по поводу этихъ толковъ въ органахъ нѣмецкой печати объ отношеніи Россіи «въ внутреннимъ дѣламъ Австріи» и «въ опытамъ гр. Гогенварта» мы не можемъ не сказать, что никогда еще имя Россіи не было въ такой степени жертвою наглої спекуляціи и интриги, какъ въ данномъ случаѣ.

Что за опыты гр. Гогенварта, — извѣстно. Однимъ ли полякамъ онъ обѣщаль автономію? Нѣтъ, — въ его программу вошла автономія всѣхъ коронныхъ областей Цислейтаніи и равноправность всѣхъ населяющихъ ее народностей. Погладить шероховатости автономіи Галиціи и право поляковъ — значитъ погладить шероховатости правъ и чеховъ съ моравами, и словинцевъ и далматинцевъ ¹⁾. Нечего сказать, — поблагодарятъ насъ

¹⁾ Есть одна, и крупная шероховатость въ устройствѣ автономіи Галиціи, — это недостаточное обезпеченіе правъ тамошнихъ русскихъ. Но и сами тамошніе русскіе политики поняли наконецъ, что постоянная поддержка, которую они оказывали нѣ-

славяне, если для установленія добрыхъ отношеній нашихъ къ Австріи въ этой послѣдней произведутъ такую полировку. «Опыты гр. Гогенварта съ поляками!» А давно ли говорили про опыты гр. Бейста съ поляками? А давно ли нѣмцевіе централисты всякихъ оттѣнковъ готовы были дать автономію полякамъ въ Галиціи, только-бъ не давать ея чехамъ, давно ли отдавали полякамъ въ жертву русиновъ, только-бъ сохранить гегемонію нѣмцевъ надъ чехами и словинцами?! Вспоминали тогда о Россіи? Да,—вспоминали, но какъ? Какъ о державѣ, которая ежеминутно грозитъ поглотить Австрію, а потому надо, чтобъ на границѣ ея окрѣпло во враждѣ къ ней племя польское! За ничего нестоящія фразы, за господство надъ русинами, поляки въ 1867-мъ г. продали славянъ нѣмецкой централистической партіи, — и тогда назначенный гр. Бейстомъ намѣстникъ Галиціи гр. Голуховскій, бюрократъ, лично неимѣющій никакихъ убѣжденій, а говорящій сообразно дующему въ официальныхъ сферахъ вѣтру,—отвѣчалъ въ львовскомъ сеймѣ на требованія нѣсколькихъ голосовъ автономіи для Галиціи, — что поляки не должны желать федеральной Австріи, ибо тогда Галиція будетъ слаба и поляки должны будутъ ограничить свою дѣятельность ею, между тѣмъ какъ цѣль поляковъ галицкихъ должна быть восстановленіе Польши въ предѣлахъ 1772-го года; для этого же нужна имъ сильная централизаціей Австрія. Такъ говорилъ официальный представитель власти императора австрійскаго, и тогда ни австрійскіе, ни германскіе политики и публицисты не думали, какъ отзовутся эти слова въ Россіи. Только теперь, когда поляки начинаютъ понемногу понимать, что они вѣчно будутъ игрушкою интригановъ, французскихъ ли, или прусскихъ, если не соединять своихъ судебъ съ судьбами другихъ славянъ, по крайней мѣрѣ западныхъ, когда галицкіе поляки получаютъ автономію не какъ исключительную привилегію въ награду за помощь нѣмцамъ и мадьярамъ противъ другихъ славянъ, а на ряду съ другими славянами, когда поляки выражаютъ готовность сдѣлать (хотя пока и не очень большія) уступки русинамъ, — которымъ гр. Гогенвартъ обѣщалъ на ряду съ другими племенами обезпеченіе правъ, теперь только вспомнили о Россіи и желаютъ, подѣ

мечкому централизму, мало помогла ихъ народности, а теперь только возбудила бы противъ нихъ всѣхъ славянъ. Обративши вниманіе на народное образованіе, на поднятіе экономическаго уровня народа, занявшись вопросами, въ коихъ съ русинами могутъ быть солидарны и депутаты сельскихъ классовъ польской Галиціи, — словомъ, отложивъ на время «высокую политику» для подготовки для нея почвы (какъ дѣлали и чехи въ свое время) русскіе въ Галиціи могутъ повернуть въ свою пользу автономію ея.

видомъ любезности къ Россіи, урѣзать объемъ «опытовъ гр. Гогенварта», т.-е. другими словами представить Россію, а не нѣмцевъ центристовъ, врагомъ не только поляковъ, но и всѣхъ австрійскихъ славянъ. Ловко придумано! Но только, смѣемъ увѣрить нѣмецкихъ публицистовъ, что не всѣ въ Россіи дадутся въ обманъ. Въ Россіи многіе знаютъ, а другіе узнаютъ именно благодаря услужливости нѣмецкихъ публицистовъ, — кому дѣйствительно страшно здоровое развитіе польской народности въ предѣлахъ областной автономіи и въ этнографическихъ границахъ польскаго племени, а тамъ гдѣ оно смѣшано съ другими, какъ въ восточной Галиціи, — съ обезпеченіемъ правъ и не польскаго племени. Все это дѣйствительно страшно, — только не для Россіи; дѣйствительно свободное и здоровое развитіе поляковъ въ Галиціи, ихъ миръ съ русинами не можетъ не отразиться и на положеніи поляковъ въ Познани и въ царствѣ польскомъ, — только опять-таки Россіи нечего бояться вліянія автономной Галиціи. Она страшна кому-то другому. Кому же и почему она страшна, кому выгодно ненормальное и безпокойное положеніе царства польскаго и почему, — это увидитъ читатель, если дастъ себѣ трудъ послѣдовать за нами дальше; здѣсь же довольно и высказанныхъ соображеній о мнимой ловкости нѣмецкой публицистики и пунктахъ, которые представляютъ опасность для европейскаго мира; дальше читатель встрѣтитъ четвертый пунктъ таковой — царство польское.

II.

Отношенія нѣмецкой печати къ полякамъ и къ царству польскому чрезвычайно характерны и не могутъ не наводить и русскихъ и поляковъ на поучительныя размышленія. По поводу поляковъ печать нѣмецкая раздѣляется обыкновенно на два лагеря: кто стоитъ ближе къ официальнымъ прусскимъ сферамъ, тотъ обыкновенно не скупится на рѣзкія выраженія о полякахъ и заявляетъ, что Пруссія и Россія связаны между собою необходимостію сдерживать поляковъ, хотя, конечно, говоря такія вещи, прусскіе ораторы и публицисты прибавляютъ, что они «не думаютъ не порицать всѣхъ дѣйствій и мѣръ русскаго правительства». Такого смысла имѣли рѣчи гр. Бисмарка послѣ польскаго возстанія, въ такомъ смыслѣ выражается о полякахъ Россіи и Пруссіи авторъ брошюры «Deutschland und Russland», происхожденіе которой приписывается официальнымъ сферамъ и которая недавно вышла и по-русски. Чѣмъ болѣе какою ораторъ или органъ печати на-

зываетъ себя независимымъ въ Пруссіи и Германіи, тѣмъ болѣе почитаетъ себя обязаннымъ встать и не встать вспоминать о «московитскомъ варварствѣ въ отношеніи къ Польшѣ, о влутѣ, о жестокостяхъ ген. Муравьева, о преслѣдованіяхъ католицизма въ Польшѣ, о стремленіи къ руссификаціи ея» и т. п. Примѣровъ, право, и приводитъ нечего. Возьмите газеты за одинъ день, и вы найдете хоть въ одной что-либо въ такомъ родѣ. Но вѣдь поляки есть не въ одной только русской имперіи. Если нѣмецкая печать недовольна руссификаціей Польши, — а она недовольна даже «руссификаціей» западнаго русскаго края (недавно нѣмецкія газеты, — кто, а нѣмцы въ географіи и статистикѣ крѣпки не въ примѣръ французамъ, — помѣстили извѣстіе о предстоящемъ открытіи судебныхъ мировыхъ учрежденій въ западныхъ губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ Кіевской, подъ названіемъ: Мировые суды въ Польшѣ), то, навѣрно, она недовольна также и германизацией Познани, готова дать послѣдней автономію и подобныя блага. То-то и есть, что нѣтъ. Въ томъ-то и характеристичность либерализма нѣмецкой публицистики насчетъ русскихъ. Мало того, когда въ 1867-мъ году, во время составленія сѣверо-нѣмецкой конституціи, положено было, что и Познань, прежде не входившая въ составъ Германскаго Союза, будетъ составною частію сѣверо-германскаго, гр. Бисмаркъ отвѣчалъ на протесты польскихъ депутатовъ Познани, что они посягаютъ на цѣлость прусскаго государства, когда этого вовсе ни откуда не было видно, а депутаты желали только сохраненія того положенія, въ какомъ они прожили въ прусскомъ государствѣ болѣе 90 лѣтъ, — что «поляки не знаютъ сами, чего хотятъ, что ихъ старая Польша невозможна, такъ какъ въ ней большинство принадлежало литовцамъ и русскимъ», — между тѣмъ, какъ въ Познани нѣтъ ни литовцевъ, ни русскихъ. И вся палата сѣверо-германская рукоплескала гр. Бисмарку, вся печать нѣмецкая одобрила включеніе Познани въ Германію, какъ одобрила она его и недавно при утвержденіи конституціи германской имперіи, когда кн. Бисмаркъ нашель уже другой резонъ въ отвѣтъ польскимъ депутатамъ, а именно сталъ увѣрять ихъ, что они «не польскіе, а католическіе депутаты». Извѣстно, что въ палатѣ германской только два нѣмецкіе голоса были поданы за невключеніе польскихъ земель въ Германскій Союзъ, въ печати же не нашлось и двухъ органовъ, которые бы поддержали требованіе познанскихъ депутатовъ. Мало того, когда обнародовано было письмо одного клерикальнаго депутата, говорившее въ похвалу партіи центра, что она сочувствуетъ всѣмъ страждущимъ, и даже полякамъ, то, — хотя центръ не сдѣлалъ ни кивка въ поддержку познанскихъ

депутатовъ, — гуляющая теперь насчетъ клерикаловъ нѣмецкая либеральная печать жаловалась, что центръ покровительствуетъ самымъ позорнымъ, самымъ вреднымъ элементамъ въ Германіи, *даже полякамъ!*

Такимъ образомъ, либерализмъ нѣмецкой публицистики по польскому вопросу насчетъ Россіи вовсе не считаетъ себя обязательнымъ быть послѣдовательнымъ, когда зайдетъ рѣчь о тѣхъ же полякахъ въ Пруссіи, и даже употребляетъ русскую аргументацію отъ западнорусскаго края для примѣненія въ Познани. А вѣдь, казалось бы, либералу насчетъ Россіи еще легче быть либераломъ насчетъ Пруссіи: въ Россіи есть, кромѣ области, заселенной сплошь поляками, еще область, гдѣ поляки меньшинство и малое меньшинство, не больше $\frac{1}{20}$, а между тѣмъ претендуютъ на господство; въ Россіи дѣйствительно есть извѣстная доля справедливости, когда говорятъ, что дай полякамъ автономію за Вислою, такъ они захотятъ господства и до Днѣпра и Двины и даже дальше. А въ Познани—поляки большинство, никакихъ стремленій въ расширенію не то господства, а и слабѣйшаго вліянія на западъ,—они и не замышляютъ. А все-таки надо ихъ включить въ Германію, т.-е. *охранить польскія земли силою не только Пруссіи, а всей Германіи*,—и германизировать, елико возможно. И если «слабость» Россіи, ея правительство и общество попуститъ узды польскому элементу на Вислѣ, — надо «научить русскихъ патриотизму», какъ говорили нѣмецкія газеты объ издателѣ «S.-Petersburger Zeitung» г. Мейерѣ, который будто бы «раньше г. Каткова научилъ русскихъ патриотизму»,—только бы вредное движеніе на Вислѣ не отразилось на Варту. Если подобное послабленіе дѣлается въ Галиціи, и если оно такого рода, что можетъ только отражаться безпокойствами и затѣмъ репрессаліями въ Россіи,—можно похвалить гр. Бейста за то, что онъ «не слѣдуетъ примѣрамъ московскихъ нивеллаторовъ, дававшихъ трупъ несчастной Польши»; но чуть въ Галиціи предпримутъ дѣло болѣе серьезное, имѣющее цѣлью не заигрываніе съ мечтаніями польскими, а областную автономію, тогда надо подавить вредные «опыты гр. Гогенварта, долженствующіе вызвать неудовольствіе русскаго правительства противъ Австріи и тѣмъ повредить доброму согласію на востокъ Европы». А если бы «опыты гр. Гогенварта» были дѣйствительно остановлены или укорочены, — тогда стали бы говорить «бѣднымъ полякамъ», что вотъ «сѣверный монгольскій колоссъ не потерпѣлъ даже той скромной свободы, которую готово было дать нѣмецкое правительство несчастному польскому народу въ Галиціи».

Гдѣ же причины такой «мудрой» непослѣдовательности? Ихъ много. Теперь мы поговоримъ объ одной. Дѣло въ томъ, что въ Германіи есть немало людей, которые полагаютъ, что пріобрѣтеніе царства польскаго было бы необходимымъ и естественнымъ дополненіемъ къ Германіи, такимъ же необходимымъ, какъ и пріобрѣтеніе Богеміи и Моравіи, относительно принадлежности которыхъ къ Германіи никто изъ нѣмцевъ не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Очень часто, когда въ Германіи,—какъ, напр., во время настоящей войны,—нужно успокоить Россію,—нѣмецкая печать доказываетъ, что Остзейскій край не нуженъ Германіи, что пріобрѣвъ провинціи, которыя составляютъ береговую линію, непринадлежащей ей во всемъ объемѣ страны, Германія бы пріобрѣла земли вѣчно нуждающіяся, какъ нуждается Восточная Пруссія, составляющая только приморскую часть бассейна, принадлежащаго не Германіи. Дѣйствительно границы между царствомъ польскимъ и Пруссіей невыгодны и если ужъ что пріобрѣтать отъ насъ Германіи, такъ, конечно,—во всякомъ случаѣ не Остзейскія губерніи, а Польшу. Тѣ далеко,—эта близко, да и составитъ прекрасное дополненіе къ теперешней границѣ. Допустите разъ границу Германіи по Нѣману и Бугу,—и посмотрите, какъ легко потомъ провести ее до пересѣченія съ Карпатами. Въ самомъ дѣлѣ,—въ какомъ тогда положеніи очутится узкая полоса западной Галиціи? Утѣшите Россію присоединеніемъ къ ней даже части восточной Галиціи,—но знайте, что страна, которая будетъ владѣть Кѣнигсбергомъ, Варшавой, Краковомъ и Львовомъ будетъ владѣть заповомъ, которымъ можетъ по произволу запираеть дверь изъ Россіи въ Европу. Но вернемся къ царству польскому и приведемъ доказательства, что дѣйствительно есть въ Германіи люди, которые засматриваются на него. Мы собственно приведемъ примѣры поновѣе, потому что и въ русской печати не разъ были уже приводимы выдержки изъ разныхъ нѣмецкихъ брошюръ и книгъ, которыя высказывали, что присоединеніе царства польскаго къ Германіи было бы естественнымъ и полезнымъ для Германіи дѣломъ.

Въ 1870-мъ г., еще передъ войной, вышла въ Бранденбургѣ маленькая, но во многомъ преинтересная, хотя и презабавная брошюрка подъ заглавіемъ: *Europa im Lichte der Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft. Ein politischer Rundblick und ein Mahnruf von einem preussischen Conservativen.* R. (Европа въ свѣтѣ прошедшаго, настоящаго и будущаго. Политическій обзоръ и кликъ напоминанія прусскаго консерватора). Надъ заголовкомъ стоятъ цифры 1800. 1870. 1900,—надъ буквою R

коронка. Мы назвали брошюрку презабавною, потому что она выражает самымъ наивнымъ образомъ мысли бранденбургскаго служащаго дворянина и его симпатіи и обращенія ко всѣмъ державамъ и народамъ Европы; но мы назвали брошюрку эту и интересною, потому что она весьма характерно передаетъ симпатіи и антипатіи, принципы и мечты той среды, изъ коей вышли всѣ птенцы семьи героевъ, прославившихъ прусское оружіе въ послѣднюю войну. Пробѣгая брошюрку г. К. послѣ войны, видишь теперь, какъ готовились къ ней сферы, представляемая г. К., и какъ давно задумано было и предусмотрѣно многое, что казалось и что сами пруссаки выдавали за вызванное необходимою или за случайное. Любопытно обращеніе бранденбургскаго дворянина къ Франціи: «Не думай, Франція, что нѣмецъ такъ враждебенъ къ тебѣ, какъ онъ, къ сожалѣнію, кажется! О, мы умѣемъ хорошо цѣнить эту огненную кровь, которая течетъ въ тебѣ, которая заставляетъ тебя хвататься за мечъ всякій разъ, когда ты думаешь, что кто-нибудь можетъ бросить на твою *gloire* подобіе пятна... И однакожь, Франція, твои дѣла печальны. На твоемъ тронѣ сидитъ человѣкъ, который не имѣетъ ни капли царственной крови въ жилахъ своихъ. Еще перваго Наполеона ты могла допустить себя любить, Франція; хотя онъ и не былъ государь Божіей милостию, онъ былъ однакожь геній, имѣть котораго своимъ господиномъ, всякій народъ счелъ бы себя счастливымъ. Онъ разнесъ твою славу по половинѣ свѣта, положилъ къ ногамъ твоимъ всю Европу... Но лѣнныя и блѣдныя корсиканскія лица теперешнихъ Наполеонидовъ не имѣютъ духа, чтобы править тобою, великая Франція! «Гдѣ-жь взять, если не украсть?» какъ говоритъ берлинецъ... Избери себѣ новаго воеводу изъ твоихъ старыхъ дворянскихъ родовъ. Господствовать надъ Европой, Франція, ты уже не можешь, но распространить свои границы еще можешь: Бельгія—вотъ собственно провинція Франціи, но долину Рейна и нашъ старый Страсбургъ, должна намъ Франція выдать назадъ. О Страсбургъ, Страсбургъ, — тебя мы не уступимъ никогда! Но за то Франція должна получить западную, ббольшую половину Швейцаріи, этого нѣкогда энергическаго маленькаго государства, которое теперь совершенно изжилось».

Посмотримъ теперь, какъ распоряжается бранденбургскій дворянинъ на восточной границѣ. «Россія, восклицаетъ онъ, страна соборей и брильянтовъ, ты не европейская земля!... Тебѣ не удалось еще вступить во владѣніе Турціей. Франція и Англія, съ помощью предательства Австріи, заставили тебя пови-

нуть гордые твои планы. Но времена мести придутъ и для тебя! Австрія—государство, которое не имѣетъ никакой жизненности. На вѣки уничтоженная, какъ нѣмецкое государство, славянскимъ она быть не можетъ. Что же сообразнѣе съ природою, какъ не то, чтобъ нѣмецкія земли возвратились къ ихъ племени, а остальные достались Россіи? И сѣверная часть Турціи и Черное море принадлежатъ тебѣ, Россія! Но южныя нѣтъ. И Балтійское море не тебѣ принадлежитъ! Твои нѣмецкія провинціи вздыхаютъ подъ вnutомъ. Обрусить ихъ ты не можешь, потому что никакая нѣмецкая земля не теряетъ своего старогерманскаго типа,—а потому отдай намъ нѣмецкихъ дѣтей!»

Однако,—гдѣ-жъ тутъ Польша? спроситъ читатель. Добрый бранденбургскій дворянинъ, хоть и гонитъ насъ отъ Балтики, но даетъ Черное море, сѣверъ Турціи, да еще австрійскія славянскія земли. Но авторъ, хоть и не говоритъ, а, конечно, считаетъ Чехію съ Моравіей нѣмецкими землями. Изъ остальныхъ австрійскихъ земель я уже и не знаю, что такое даетъ онъ намъ,—потому что во главѣ о Румыніи онъ говоритъ слѣдующее: «Молодая земля, колыбель новаго рода гогенцоллерновъ (и Струсберговъ, прибавить бы), ты имѣешь возможность великой будущности! Ясно, что должно образоваться великое славянское государство, и вѣроятно, что Россія должна образовать его; но въ Румыніи, на твоёмъ тронѣ сидитъ Гогенцоллернъ, отрасль рода изъ стали и желѣза, а гдѣ Гогенцоллернъ, тамъ и національное чувство, тамъ и честолюбіе, тамъ стремленіе къ расширенію и распространенію могущества... Карлъ, юный князь, какъ бы шли тебѣ короны Венгріи, Трансильваніи и Польши! Венгрія и Польша! зачѣмъ вы не выбрали себѣ никакого Гогенцоллерна, если вы хотѣли достигнуть самостоятельности? Гогенцоллернъ бы возстановилъ вашу старую силу и величіе!» Тутъ авторъ ставитъ двѣ многозначительныя черты. Конечно, послѣ такихъ обѣщаній Румыніи, Венгріи и Польшѣ, всѣ прежніе подарки Россіи уничтожаются и ей только и остается призывъ: «на востокъ, Россія, твоя будущность! борись съ Англіей за владѣніе Азіей!» Въ Европѣ же... Но пусть говоритъ авторъ. «Пруссія, — вослещаетъ онъ въ концѣ брошюры, — ты сердце Европы, ты будешь господствовать въ Европѣ и цвѣсти подъ Гогенцоллернами, какъ сильное христіанско-монархическое государство во славу Бога». А для того, чтобъ господствовать въ Европѣ и обернуть Россію на востокъ къ сомнительной борьбѣ съ Англіей за господство въ Азіи (т.-е. въ степяхъ Коби и Туркестана) надо именно въ томъ или иномъ видѣ, но соединить корону Польши и голову Гогенцоллерна.

Стоить ли впрочемъ обращать вниманіе на бредни бранденбургскаго дворянина?—спросить, быть можетъ, читатель. Не говоря другаго, стоитъ, по нашему, уже и потому, что брошюра этого дворянина есть матеріалъ для характеристики отношеній нѣмецкой печати къ внѣшней политикѣ вообще, а къ Россіи и Польшѣ въ частности, а эта характеристика и составляетъ ближайшую цѣль нашей статьи. Мы остановились на брошюрѣ бранденбургской еще и потому, чтобъ показать, что говорятъ другія въ тѣхъ сферахъ, изъ которыхъ вышла мягкостелющая брошюра «Россія и Германія»¹⁾. Обратимся теперь къ другому, болѣе солидному, очень солидному сочиненію. Мы разумѣемъ книгу Рихарда Бѣкка о числѣ нѣмцевъ и области ихъ языка въ европейскихъ государствахъ (*Der Deutschen Volkszahl und Sprachgebiet in den europæischen Staaten. Eine statistische Untersuchung von Richard Boeckh. Berlin. 1870.*) Сочиненіе это самымъ обстоятельнымъ образомъ слѣдитъ за распространеніемъ нѣмцевъ среди другихъ племенъ и, несмотря на глубокіе поклоны передъ принципомъ національности въ предисловіи своемъ, преисполнено германизаторскихъ идей въ самой грубой ихъ формѣ. Вышедши наканунѣ войны 1870-го года и сопряженныхъ съ нею политическихъ катастрофъ въ Европѣ, сочиненіе Бѣкка можетъ быть названо статистическимъ пособіемъ для политика, администратора и война, долженствующаго расширять германизмъ насчетъ всѣхъ сосѣднихъ народностей. Для насъ особенно важны главы, въ которыхъ авторъ разсматриваетъ «нѣмцевъ въ отношеніяхъ къ полякамъ, латышамъ, эстамъ и русскимъ». Изъ книги Бѣкка явствуетъ, что число нѣмцевъ больше и скорѣе увеличивается въ царствѣ польскомъ и даже въ прилегающихъ къ нему мѣстахъ Литвы, чѣмъ въ остзейскихъ провинціяхъ, особенно, если присчитывать къ нѣмцамъ и говорящихъ по-нѣмецки евреевъ, на которыхъ г. Бѣккъ обращаетъ особое вниманіе. На этомъ основаніи г. Бѣккъ относится съ гораздо болѣею теплотою и вниманіемъ къ нѣмецкому элементу въ царствѣ польскомъ, чѣмъ въ Остзейскомъ краѣ и

¹⁾ Вотъ другая брошюра уже не лирическаго, а ученаго консерватора (*Das Neue Deutsche Kaiserreich und seine Gegner. Ein Mahnruf an die deutschen Patrioten und Conservativen. Gütersloh. 1871*) о новой нѣмецкой имперіи и ея противникахъ. «Пусть не считаютъ, говоритъ авторъ, дружбу съ Россіей за продолжительную. Турецкій вопросъ можетъ вызвать опасныя затрудненія, потому что здѣсь мы не можемъ дѣйствовать заодно съ Россіей». Извѣстно, что во время обсуждения черноморскаго вопроса либеральная печать въ Германіи была вся противъ насъ, и только консервативно-правительственная выражалась въ извѣстной мѣрѣ благоклонно о нашихъ требованіяхъ.

придастъ первому гораздо большее значеніе съ точки зрѣнія германизма. Онъ обращаетъ вниманіе читателей на то, что послѣднія, болѣе точныя данныя касательно населенія, напр., въ Лифляндіи оказываются весьма неблагопріятными для нѣмецкаго элемента. Такъ въ населенной латышами части Лифляндіи, даже въ городскомъ населеніи, изъ 148,000 челов. нѣмцевъ оказывается по счету 1867-го года только 67,100 русскихъ, 30,000 латышей 28,300, эстовъ 18,200, въ Ригѣ нѣмцевъ всего 47,469, русскихъ 25,647, латышей 23,718. По счету, произведенному въ 1860-61 году нѣмецкими писателями (Кёппенъ, Гроссъ) въ Остз. край на 1.803,891 общаго населенія, нѣмцевъ оказывается только 131,071, приче́мъ, относительно, число ихъ становится меньше отъ Курляндіи къ Эстляндіи (Курл. 47,868, Лифл. 65,124, Эстл. 18,079)¹⁾. Въ области литовскаго племени (Ковенская, Виленская и часть Гродн. губ.) по даннымъ того же 1860-го года на число не очень большее, чѣмъ общая цифра населенія Остз. края — 2.010,000 чел., нѣмцевъ было 23,000, но за то евреевъ больше 200,000. Съ тѣхъ поръ нѣмецкая колонизація тамъ усилилась. Что касается царства польскаго, то здѣсь въ 1856-мъ году было 264,436 однихъ нѣмцевъ, въ 1860-мъ году—269,620, въ 1867-мъ году 356,806 принявшихъ подданство россійской имперіи и временнo проживающихъ 213,800 (при общемъ населеніи царства 5.319,363 ч.). Слѣдуетъ имѣть въ виду, что евреевъ (которые въ Познани оказываютъ такое пособіе германизаціи), въ царствѣ польскомъ болѣе 650 т. или 12¹/₂ процентовъ всего населенія²⁾. На этомъ основаніи Бёккъ говоритъ, что «земля литовско-леттскаго племени и эстскаго никоимъ образомъ не можетъ быть названа нѣмецкою, какъ это призналъ во время преній въ прусскомъ парламентѣ и великій государственный человѣкъ». Иначе говорить онъ объ области племени польскаго. «Изъ общаго обзора мѣста пребыванія нѣмцевъ среди поляковъ, говоритъ нашъ статистикъ, выходитъ, что не только часть преже бывшей области польскаго языка стала теперь дѣйствительно нѣмецкой землей, но что даже теперешняя область польскаго языка, особенно вся Вели-

1) Самъ Бёккъ принимаетъ число нѣмцевъ въ Остз. кр. только въ 122,000 ч.

2) Если свести къ единицамъ число нѣмцевъ въ Остзейскомъ крайѣ и Польшѣ, то получимъ слѣдующія цифры: въ Остз. губ. 1 нѣмецъ приходится на 13³/₄ чело-вѣкъ населенія, въ Польшѣ натурализованныхъ нѣмцевъ-христіанъ 1 на 15 чел., съ ненатурализованными 1 на 9, натурализованныхъ съ евреями 1 на 6 чел., *смыслъ съ евреями 1 на 4 чел.*; (евреевъ 1 на 8). Если причислить евреевъ въ Ц. П. къ нѣмцамъ, то шансы германизаціи въ немъ оказываются выше, чѣмъ даже въ Познани.

жая Польша, Силезія и Кузвѣя и, хотя и въ меньшей степени, Мазовія, слѣдовательно три пятыхъ всей области польскаго языка, такъ усѣяны нѣмецкими поселеніями и обывателями, что здѣсь обѣ націи живутъ совмѣстно. Если сложить вмѣстѣ всѣ выше принимаемыя земли, т.-е. польскую часть Пруссіи, Познани, Силезію, Зап. Галицію и большую часть русскаго царства польскаго (безъ литовской части, но съ Бѣлостовомъ), какъ область польскаго языка, то здѣсь на 3,570 □ м. изъ 8.850,000 живутъ почти 7 м. (6.950,000) поляковъ, такъ что къ этой народности принадлежитъ здѣсь 78—79% всего населенія, затѣмъ по меньшей мѣрѣ 730,000 нѣмцевъ, т.-е. свыше 8%, за исключеніемъ евреевъ (а равно какъ и ненатурализованныхъ въ царствѣ польскомъ нѣмцевъ); кромѣ же этого тамъ находится около 800,000 евреевъ, т.-е. около 9%, изъ коихъ 72,000 въ Пруссіи, Познани и Силезіи всѣ, а остальные, по большей части, должны быть причислены къ нѣмцамъ, какъ говорящіе по-нѣмецки. Наконецъ, на рассматриваемой территоріи живетъ около $\frac{1}{3}$ милліона русскихъ, изъ коихъ большая часть живетъ въ отрубномъ кускѣ (въ старорусской области) по Бугу».

«Съ теченіемъ времени, продолжаетъ г. Бѣкъ, отношенія между польскимъ и нѣмецкимъ народомъ измѣнились существенно.... Теперь польская народность фактически отдана подъ покровительство нѣмцевъ. Она нуждается въ этомъ покровительствѣ съ тѣхъ поръ, какъ ея политическая самостоятельность уничтожена и руководящіе представители ея славянскаго, но въ главномъ своемъ племени смѣшаннаго съ финнотатарами, братственнаго народа, задумали уничтожить и ея національное существованіе. Привять на себя это покровительство побуждаетъ нѣмцевъ и общій интересъ, не потому только, что уже теперь въ наполовину окруженномъ прусскими провинціями царствѣ, нѣмецкая народность потерпѣла существенное поврежденіе отъ русскихъ мѣропріятій (ибо, извѣстіе Буша, что число лютеранъ съ 1860 по 1865-й уменьшилось болѣе, чѣмъ на 40,000, едвали можно приписать уменьшенію нѣмецкой народности въ виду представленныхъ цифръ¹⁾),—но потому, что ущербъ интересамъ нѣмцевъ есть необходимое послѣдствіе поведенія руководящей теперь въ Россіи партіи, такъ какъ стремленіе, направленное главнымъ образомъ на уничтоженіе всякой особой національности, направится прежде всего на наивыше стоящій культурный народъ.

¹⁾ Значить, не о чемъ и толковать. Да кромѣ того, съ 1860-го года не слышно было ни о какомъ избіеніи лютеранскихъ младенцевъ въ Россіи, ни вообще о какой-либо противолутеранской мѣрѣ.

Общность интересовъ (поляковъ и нѣмцевъ) не основана только на сотняхъ тысячахъ нѣмцевъ,—хотя и ихъ оставить на волю судьбы было бы униженіемъ для нѣмецкаго народа, такъ какъ признаніе, что нѣмцы, живущіе внѣ границъ Германіи, могутъ быть забыты ею, было бы обильнымъ источникомъ національнаго униженія, ибо нѣмецъ не можетъ отказаться отъ своей природы, онъ *долженъ* идти за-границу, — общность интересовъ въ гораздо высшей степени лежитъ въ томъ, что опасность для нѣмецкаго народа не ограничивается тѣмъ или другимъ кускомъ польской земли, но что отреченіе отъ нѣмцевъ въ польскомъ царствѣ послѣдовательно отразится и на безпомощную Галицію, затѣмъ на соединенныя съ нѣмецкими областями польскія земли, и наконецъ и на самую нѣмецкую землю. Или кто можетъ быть такъ близорукъ, чтобъ думать, что если разъ удастся уничтоженіе поляковъ и нѣмцевъ въ царствѣ польскомъ, то ворвавшаяся туда опустошеніе остановится на берегахъ Дрвенца, Прсны и Премзы. И прямо въ виду подобныхъ обстоятельствъ, которыя теперь для нѣмецкой народности принимаютъ несравненно болѣе грозный образъ, чѣмъ прежде, можно вспомнить, что уже 25 лѣтъ назадъ, К. М. Арндтъ, который не былъ противникомъ русскихъ, въ своей исторіи народовъ призналъ необходимость освобожденія Польши и Литвы (а если этого мало будетъ, чтобъ доставить силу разуму и праву въ русскомъ царствѣ, то и Лифлянді, Эстлянді и Финлянді), словомъ, необходимость защиты польской народности нѣмцами и съ этой цѣлью, равно какъ и для собственной защиты нѣмецкихъ государствъ, отбросить русскихъ въ предѣлы области ихъ языка¹⁾. Довольно трудно понять, какъ обрусеніе поляковъ угрожало бы существованію нѣмцевъ и въ предѣлахъ чисто нѣмецкихъ земель. По этой логикѣ германизация поляковъ грозила бы непосредственно не только интересамъ, но и народности русскихъ, напр., въ Москвѣ. Трудно допустить, чтобъ Бёккель говорилъ это совершенно серьезно. Совсѣмъ напротивъ, — желаніе обрусенія поляковъ въ царствѣ логически ведетъ за собою желаніе, чтобъ поскорѣе они германизовались въ Познани, т.-е. чтобъ облегчена была работа уничтоженія народности, признанной вредною для русскаго государства. У насъ дѣйствительно есть такіе мудрые политики въ обществѣ, которые, чувствуя трудность обрусить все царство польское, высказываются въ пользу того, чтобъ ограничиться областью до Вислы, а остальное готовы отдать пруссакамъ, которые-молъ справятся скоро съ полявами. Гораздо

¹⁾ См. названное сочин. стр. 99—102.

опаснѣе нѣмецкой народности въ Познани и Пруссіи не обрушеніе поляковъ въ царствѣ, а правильное развитіе ихъ народности подѣ властью русскаго правительства. Тогда бы дѣйствительно уже не опустошеніе, а здоровое возрожденіе поляковъ не остановилось бы на берегахъ Дрвенца. Вотъ въ виду того, чтобъ русскіе не приняли подѣ свое покровительство поляковъ, понявшихъ свои интересы реально и безъ фантазій, дѣйствительно нѣмецкимъ публицистамъ и политикамъ надо, — самимъ постоянно дѣйствуя на гибель поляковъ и обращаясь къ солидарности съ русскими, когда нужно, въ то же время говорить полякамъ о томъ, что только нѣмцы могутъ защитить ихъ отъ полумонгольскаго брата ихъ.

Бѣкъ не говоритъ, въ какой формѣ должна явиться защита поляковъ нѣмцами, онъ даже Арндтово «освобожденіе Польши» замѣняетъ чисто отрицательнымъ «отбросомъ русскихъ въ границы ихъ языка»; но такъ какъ онъ считаетъ землю польскую за такую, на которой поляки живутъ совмѣстно съ нѣмцами и такъ какъ, по его словамъ, постыдно Германіи отказываться отъ своихъ сыновъ, то «защита поляковъ» превращается просто въ присоединеніе въ Германіи всей польской области на условіяхъ, на какихъ присоединена Познань. Другой авторъ, пошедшій по слѣдамъ Бѣкка, изложилъ это «освобожденіе Польши» въ гораздо болѣе ясныхъ чертахъ и нашелъ полякамъ прелюбопытное вознагражденіе. Мы говоримъ о вышедшемъ въ Бреславль въ 1870-мъ году сочиненіи о будущности Польши (*Die Zukunft Polens. Historische-politische Studie von W. N.*). «Мы думаемъ, съ Рихардомъ Бѣкомъ, говоритъ это сочиненіе, что ближайшая борьба на востокъ будетъ не между поляками и русскими, а между Германіей и Россіей. Нѣмецкая цивилизація и русское варварство скоро бросятся другъ на друга полныя ненависти, — и военный мечъ рѣшитъ ихъ споръ. Если, какъ мы крѣпко надѣемся, Германія останется побѣдителемъ и какъ таковой, владѣтелемъ Вислы и Нарева, тогда желѣзный законъ самосохраненія (все въ Германіи дѣлается изъ одного самосохраненія!) принудитъ насъ сохранить за собою, какъ клейноды, эту линію Вислы-Нарева, потому что это единственная стратегическая линія между Германіей и Россіей. Мы должны удержатъ то, что приобрѣли, и мы не можемъ предоставить полякамъ ничего, кромѣ справедливаго правленія, безпристрастнаго суда, добросовѣстнаго и бережливаго управленія и вротваго приговора надъ польскими необдуманностями, которыя не замедлятъ явиться (!) Но на самостоятельность государственную на Вислѣ, поляки разъ навсегда пусть не разсчитываютъ, потому что тамъ, гдѣ единственно природа поло-

жила баррикаду между нами и Россіей, и гдѣ единственно лежитъ наша восточная оборонительная линія, мы одни должны и командовать. За то Германія приметъ нравственную обязанность, насколько возможно содѣйствовать, чтобъ Рутенія (Малороссія съ Бѣлоруссіей) стала самостоятельнымъ государствомъ и черезъ то новымъ отечествомъ для поляковъ».

Политическій и нравственный характеръ этой тирады съ ея яснымъ, дѣловымъ тономъ не требуютъ объясненій. Мы обращаемъ вниманіе только на категорическое заявленіе, что линія Нарева и Вислы нужна Германіи, по мнѣнію г. W. N., какъ и г. Бекка.

Мы бы никогда не кончили, еслибы вздумали приводить даже важнѣйшія выдержки изъ нѣмецкихъ писаній, развивающихъ тему о распространеніи нѣмецкаго элемента и прусской власти въ Европѣ. Чтобъ покончить съ мелкими политическими брошюрами, съ политиками національно-либеральной, консервативной и иныхъ близкихъ правительственному направленію партій, мы приведемъ выдержки изъ брошюры Dr. Альберта Шуманна о будущности Германіи (*Die Zukunft Deutschlands. Von Dr. Albert Schumann. Leipzig. 1870*). Авторъ написалъ эту брошюру въ посрамленіе саксонскихъ и иныхъ партикуляристовъ, социальдемократовъ и другіхъ противниковъ «пруссизма» и военной централизаціи въ Германіи. Хотя авторъ и видимо горячится, но его положенія не лишены характеристичности, хотя бы въ психологическомъ отношеніи. Dr. Шуманнъ объявляетъ, что онъ не очень давно самъ былъ противникомъ «коварной Пруссіи», «милитаризма» и т. п., а теперь находитъ, что «милитаризмъ прусскій» есть благодѣтельная вещь не только для Германіи, но и для Европы и цивилизаціи! Пруссаки, по его мнѣнію, — современные римляне, и должны, какъ и старые, образовать всемірное государство. «Было бы, говоритъ онъ, очень странно вообразать себѣ, что государство, которое имѣетъ въ себѣ столько силы, послѣ того какъ оно разрослось въ теченіе двухъ столѣтій, какъ никогда другое въ исторіи, чтобъ государство съ такими крѣпкими силами, говорю я, — вдругъ остановилось въ своемъ распространеніи. И если даны всѣ условія, чтобъ сдѣлать скоро Пруссію мировымъ государствомъ (*Weltreich*), — то она по необходимости имъ и станетъ. Настоящая война вновь показала, что германская раса превосходитъ всѣ другія въ моральномъ и интеллектуальномъ отношеніи. Мы можемъ безъ преувеличенія сказать, что романскія расы созрѣли къ гибели. Что мы во всякомъ случаѣ выше славянъ, — этого и они сами не станутъ отрицать. Къ тому же принципъ національностей непримѣнимъ

на практикѣ». Авторъ въ доказательство приводитъ статистическія цифры о населеніи Европы отъ Атлантическаго океана до Днѣпра,—и повсюду у него выходитъ смѣсь національностей, среди которой только нѣмцы и представляютъ нѣчто компактное; даже во Франціи, по его счету французовъ не много, — а то все нѣмцы (1.800,000), бретонцы (1.100,000), итальянцы (370,000), фламандцы (200,000), баски (250,000), окцитанцы (10.655,000), валлоны (1.800,000), каталонцы (230,000) и бургундцы (6.652,000)¹⁾. Я надѣюсь, говорить въ заключеніе своего статистическаго обзора авторъ, что изъ этихъ чиселъ каждому станетъ ясно, что во всей Австріи, Франціи, восточной части прусскихъ провинцій, западной Россіи и европейской Турціи принципъ національности абсолютно непримѣнимъ. Если же принципъ національности на практикѣ непримѣнимъ, а въ то же время германцы дѣйствительно превосходятъ другія расы въ нравственномъ и умственномъ отношеніи, то ясно, какъ день, что Пруссіи, какъ самому могущественному государству Европы, выпала задача, *германизировать Европу*. «Германизация Европы» — это программа будущаго для прусской политики! И эту программу, собственно говоря, Пруссія давно уже проводитъ на практикѣ. «Каждый день, говоритъ Гейнрихъ Трейчке, Пруссія отодвигаетъ нѣмецкій пограничный столбъ на одну пядь къ востоку». Каждый день славянское населеніе убываетъ въ Пруссіи, а нѣмецкое прибываетъ. Только тогда, когда Пруссія успѣетъ германизировать Европу, станетъ міровой монархіей, когда изъ Европы сдѣлаютъ такъ одно государство, — тогда приблизительно будетъ достигнуто то, о чемъ мечтаютъ социалъдемократы и международная лига мира, т.-е. не то, чтобъ достигнуть былъ вѣчный миръ, но войны станутъ рѣже, короче, менѣе кровавы и варварски. Итакъ, средство сдѣлать войну рѣже, — должно быть и есть — война!» Можно сказать, что нашъ докторъ Шуманнъ погорячился, но погорячился онъ только въ томъ, что съ полной послѣдовательностью развилъ тѣ же начала, которыя высказывали и Трейчке, и Рошеръ, и Зибель и Бёккъ и т. п. ученые

¹⁾ Вообще даже и болѣе серьезные нѣмецкіе писатели стараются представить провинціальныя отличія даже латино-французской расы во Франціи гораздо болѣе, чѣмъ таковыя же различія въ нѣмецкомъ народѣ,—напр., Бёккъ въ названныхъ сочиненіяхъ, какъ Бёмеръ — *Die Provençalische Poesie der Gegenwart*, 1870. Между тѣмъ и литераторы ниже-нѣмецкаго движенія какъ и провансалы, говорятъ, что нынѣшній нѣмецкій литературный языкъ, несмотря на распространеніе школьнаго образованія, не совсѣмъ понятенъ народу сѣверной окраины Германіи. См. предисловіе къ собранію стихотвореній Клауса Грота (*Quickborn, Volksleben in plattdeutschen Gedichten ditmarscher Mundart*. 1854).

вожди германскаго общественнаго мнѣнія. Что касается до ближайшихъ съ Германіей странъ, то о нихъ д-ръ Шуманнъ высказывается еще въ болѣемъ согласіи съ другими политическими писателями Германіи: Австрія, по его словамъ, должна быть германизирована. Россія можетъ надѣяться на согласіе Германіи не мѣшать ея видамъ въ восточномъ вопросѣ только подъ однимъ условіемъ: чтобъ она «отдала Германіи Остзейскія провинціи, а также, быть можетъ, и часть Польши»!

Читатель все имѣлъ дѣло съ авторами, которые чрезвычайно довольны ходомъ дѣлъ въ Германіи и желаютъ только завершения зданія германскаго единства и могущества на востокѣ. Теперь покажемъ ему человѣка, который рѣшительно осуждаетъ ходъ дѣлъ въ Германіи съ 1866 г., упрекаетъ Пруссію и нѣмцевъ, поставившихъ конечною цѣлью національное государство подъ властью ея, въ близорукости, который доказываетъ, что политика не должна уклоняться отъ міровыхъ, идеалистическихъ вопросовъ, замыкаясь въ матеріализмъ государственно-національной политики. На семъ основаніи онъ упрекаетъ Австрію за помощь Турціи, за оставленіе старой задачи священной германской имперіи — изгнать азіатскихъ варваровъ изъ Европы. Повидимому, вы имѣете дѣло съ космополитомъ и гуманистомъ. На самомъ же дѣлѣ весь космополитизмъ этотъ сводится на германизмъ въ квадратѣ. Пруссія не должна была ссориться съ Австріей, потому что черезъ это ослаблялись силы германизма — въ виду кого? — все той же Россіи. Австрія и Пруссія должны выгнать турокъ изъ Константинополя, — для чего? — чтобъ тамъ не сѣли русскіе. Но можетъ быть авторъ желаетъ самоуправленія балканскихъ племенъ, находя его выгоднымъ и для міровыхъ интересовъ? Ничуть не бывало. Неясно, путаясь, но онъ высказываетъ мысль, что и на Балканскомъ полуостровѣ и даже въ Малой Азіи и Сиріи должны господствовать нѣмцы. Видите ли, Россія стремится добраться до Индіи. Авторъ не прочь, чтобъ Россія командовала въ сѣверной и средней Азіи; бери она даже Китай, — все ничего: «цивилизовать, или хотя укротить монгольскій міръ — призваніе Россіи, которое въ такой же степени надо признать, какъ нужно противудѣйствовать всякому движенію ея на западъ. Съ Китаемъ же у Россіи есть нѣчто родственное, и сравнительно съ окостенѣлымъ китайствомъ русская цивилизація есть все-таки прогрессъ! Но Россія не должна переходить Гималаевъ». Кто удержитъ ее? По мнѣнію автора не Англія, потому что Англія въ послѣднее время своей матеріалистической политикой невмѣстательства ослабила и себя и весь цивилизованный міръ. Нужна болѣе энергическая сила, —

Пруссія и Австрія въ союзѣ между собою и во главѣ всего западнаго міра. «Только соединенный Западъ, говоритъ авторъ нашъ, можетъ образовать преграду Россіи и притомъ съ той стороны, съ какой она наиболѣе успѣшно уязвима, т. - е. съ западной стороны. Пусть вытѣснятъ Россію за Двину и Днѣстръ и покажутъ ей силу, ежеминутно готовую къ нападенію, — и Россія будетъ такъ же мало думать о переходѣ черезъ Гималай, какъ и черезъ Балканы». — «Будь въ Англіи еще мужи, какъ въ свое время Питтъ, — давно уже соединеніе западныхъ государствъ для стѣсненія Россіи стало бы *«Caeterum censeo»* англійской политики. Но на почвѣ экономизма, который господствуетъ въ Англіи, какъ политическая философія, растутъ не такіе мужи, а счетчики процентовъ, которые думаютъ наиболѣе выиграть посредствомъ политики невмѣшательства». Читателю не трудно догадаться, на какой почвѣ долженъ вырости политическій мужъ, который пойметъ міровые интересы лучше англійскихъ процентщиковъ и, организовавъ «силу, ежеминутно готовую къ нападенію», прогонитъ Россію за Двину и Днѣстръ. На той самой, которая должна будетъ и оберегать линію Двины и Днѣстра, на той, на какой растутъ ученые, которые съ такимъ безстыдствомъ призываютъ всемірные интересы въ ограду своему эгоизму и китайскому самодовольному презрѣнію къ сосѣдямъ, которые позволяютъ себѣ, не спросясь народовъ, двигать по произволу границами народностей и государствъ. Тамъ уже растутъ «мужи времени», о которыхъ недавно сказала одна англійская газета, что «мудрѣйшій политикъ нашего времени долженъ наиболѣе уподобляться ночному вору».

Но пора назвать сочиненіе и автора, который излагаетъ приведенныя мысли. Мы ихъ нашли у Константина Франца въ сочиненіи «Наука о природѣ государства, какъ основа всякой политической науки» (*Die Naturlehre des Staates, als Grundlage aller Staatswissenschaft. Constantin Franz. Leipzig und Heidelberg. 1870.*)¹⁾ Сочиненіе Франца представляетъ довольно

¹⁾ Замѣчательно, что всѣ цитируемыя нами сочиненія вышли или наканунѣ войны, или во время войны, въ которой Россія такъ помогла Германіи, въ то время, когда такая большая доля нашей печати говорила о дружескихъ чувствахъ, питаемыхъ къ намъ Германіей, о солидарности нашихъ съ нею интересовъ и о миролюбіи ея сыновъ, а одна газета даже прельщала насъ возможностью и готовностію Пруссіи уступить намъ устье Нѣмана. Книга Франца не была предметомъ разбора въ нашей печати, но основныя ея начала изложены были примѣнительно къ самымъ новымъ событіямъ въ брошюркѣ Бетты: *Das neue Deutsche Reich auf dem Grunde germanischer Natur und Geschichte. L. und N. 1871.* Брошюра Бетты была похвалена въ «С.-Петербур. Вѣд.» за то, что авторъ, вслѣдъ за Францомъ, не одоб-

рѣдкій у нѣмцевъ опытъ примѣненія въ политическимъ наукамъ положительнаго метода. Многіе нѣмецкіе рецензенты провозгласили Франца реформаторомъ политическихъ наукъ. Врядъ ли подобныя приговоры найдутъ себѣ раздѣленіе дальше Германіи: вѣрныя замѣчанія у Франца перемѣшаны съ самыми произвольными идеями и всѣ мысли отравлены китаизмомъ и завистливой ворчливостію противъ всего не-нѣмецкаго. Но дѣло не въ разборѣ книги Франца, для насъ довольно, что авторъ ея—лицо не мелкое въ нѣмецкой учено-политической литературѣ, а слѣдовательно мнѣнія его не могутъ не имѣть извѣстнаго значенія и для иностранцевъ. И вотъ это лицо полагаетъ, что задачею цивилизованнаго міра должно быть оттѣсненіе Россіи за Двину и Днѣстръ. По его ученію Россія не имѣетъ ничего общаго съ цивилизованнымъ міромъ, который, вслѣдствіе ученія о политическомъ равновѣсіи и признанія, что всякое государство должно быть признано законной силой и только держимо въ предѣлахъ, не угрожающихъ равновѣсію, сдѣлалъ страшную ошибку, допустивъ въ среду свою варварское государство, которое, въ интересахъ цивилизаціи, слѣдовало бы скорѣе разрушить, или по крайней мѣрѣ отбросить къ востоку, чѣмъ принимать въ семью европейскихъ народовъ. Съ тѣхъ поръ какъ «геніальный полуварваръ», Петръ, похитилъ императорскій титулъ и обличье европейской монархіи, Россія, по ученію Франца, стала вмѣшиваться во всѣ европейскія дѣла, не будучи нравственно заинтересована ни въ одномъ и ни въ чемъ. Потому-то въ результатъ этого вмѣшательства Европа всегда была въ убыткѣ, а Россія въ выигрышѣ. Но пора міру цивилизаціи наконецъ проснуться. Посмотримъ, какъ разсуждаетъ г. Францъ о ловкости и варварствѣ Россіи и о близорукости Европы въ дѣлѣ Польши. «Тайна политики, господствующей въ Пруссіи со времени Фридриха Великаго, говоритъ Францъ, состоитъ въ томъ, что неизбѣжными столкновеніями съ Австріей съ одной

рять централизованнаго парламентаризма, заведеннаго въ Европѣ будто бы на французскій манеръ, и предпочитаетъ ему мѣстное самоуправленіе и представительство интересовъ. Бета тоже не одобряетъ и узкости политики, имѣющей цѣлью только объединеніе государствъ. Но по вопросу о представительствѣ онъ, — какъ и Францъ, — взывъ въ сущности всѣ идеи изъ французскихъ и англійскихъ писателей (Прудона, Миля и даже Ф. Шаля) превозноситъ нѣмецкую будто бы форму самоуправления и доходитъ до того, что въ нѣмецкой имперіи должны быть представители и всѣхъ острововъ нѣмецкаго языка (Sprachinsel) въ Европѣ и вообще на свѣтѣ; что же до самой имперіи, то она не должна быть, по Бетѣ, только національнымъ нѣмецкимъ учрежденіемъ, но, какъ и священная имперія былаго времени, международнымъ и все-таки нѣмецкимъ учрежденіемъ.

стороны, она дѣлаетъ необходимымъ, съ другой, дружбу съ Россіей! Только по этому Россія и могла поглотить Польшу и протиснуться до самой области Одера. Если ужъ старое польское государство должно было исчезнуть, съ тѣхъ поръ какъ оно слишкомъ созрѣло къ гибели, — обстоятельство, что оно стало добычей Россіи, остается европейскимъ несчастіемъ. Но теперь самый тупой глазъ долженъ признать, что за членъ западнаго общества Россія, и какая бездна варварства скрывается за обманчивымъ блескомъ ея цивилизаціи, потому что именно своимъ способомъ управляться въ Польшѣ она и показала свой монгольскій характеръ. Гдѣ слыхано, чтобъ побѣжденному народу запрещали даже языкъ его, и какая тираннія заходила такъ далеко, чтобъ свирѣпствовать даже противъ математическихъ истинъ, какъ теперь въ Польшѣ, гдѣ вводятъ ошибочный русскій календарь? Это не только сумасбродство, но и вызовъ и оскорбленіе, направленное противъ западной цивилизаціи! Если эта цивилизація не впала еще въ маразмъ такъ, чтобы всѣ ея чувства чести и долга заглохли, то можетъ ли она терпѣть подобное оскорбленіе?! Какъ допустить, чтобъ полуазиатское государство, съ его попами, съ его чиновниками, съ его казаками и татарами не только выставлялось на границѣ Запада, но и глубоко входило въ него и старалось оторвать то, что основалъ этотъ Западъ и запечатлѣлъ печатью своего духа, оторвать и сдѣлать восточнымъ? Или должны мы до того дожить, чтобъ обрушеніе Польши образовало новую ограду Россіи, чтобъ оттуда идти дальше впередъ? Польша принадлежитъ западному міру, который обязанъ сжалиться надъ этой раздавленной страной. И, кромѣ долга, онъ имѣетъ и формальное право на вмѣшательство... Въ связи съ польскимъ Францъ разсматриваетъ и восточный вопросъ, который называетъ русскимъ, т.-е. «вопросомъ о томъ, можно ли дозволить Россіи дальше распространяться въ Европѣ, можно ли дозволить, чтобъ московить сѣлъ на мѣсто турка въ Константинополь». Война въ Крыму, по Францу, была произведена съ неясною цѣлью и остановилась на подорогѣ, а потому временной результатъ ея не стоить труда. И коалиція противъ Россіи была неполная: «Пруссія вовсе не входила въ нее, Австрія ограничилась полумѣрами. Вмѣсто того, чтобъ занять Румынію только, она должна была вторгнуться въ Россію и не прежде успокоиться, какъ завоевавъ по крайней мѣрѣ границу Днѣстра, безъ которой устья Дуная никогда не будутъ безопасны. Съ другой стороны, прибалтійскія государства до тѣхъ поръ будутъ въ опасности, пока Россія не будетъ загнана по крайней мѣрѣ за Двину.» Россія, по

Францу, уязвима только съ запада. «Тутъ могутъ дѣйствовать противъ нея и морскія державы, но рѣшительный успѣхъ зависитъ отъ сухопутной войны, которая не имѣетъ никакого стратегическаго основанія безъ Пруссiи и Австрiи. Итакъ, мы приходимъ опять-таки къ своему: эти оба государства должны быть пограничными стражами европейской цивилизаціи, и если, къ сожалѣнію, они не таковы, то мы можемъ въ будущемъ дожить до того, что Россiя будетъ господствовать такъ же въ Прагѣ, какъ и въ Варшавѣ, къ чему готовится уже длиннорукій панславизмъ. Тогда рѣшится и такъ-называемый восточный вопросъ.» Въ виду такого «ужаснаго» для цивилизаціи будущаго, — Францъ видитъ въ политикѣ Европы въ послѣднее время только рядъ ошибокъ. «Если, говоритъ онъ, крымская война была европейскимъ предпріятіемъ для ограниченія Россiи, то три года послѣ парижскаго конгресса не должна была слѣдовать итальянская война, которая насколько ослабляла Австрiю, настолько усиливала Россiю. Это значило собственными руками разрывать то, что было только что было создано¹⁾. Что

¹⁾ Не можемъ не вспомнить, какъ наша либеральная печать читаетъ нотацин «отстаому» Тьеру, и по поводу его Франціи, за его нерасположеніе къ единству Италіи и благосклонно одобряетъ прогрессивную Пруссiю за ея союзъ съ Италіей въ 1866 и за то, что, выжавъ нужное изъ папы и влерикаловъ (которые, ради обѣщаній короля и Бисмарка поддержать папу, отказались отъ оппозиціи присоединенію Баваріи къ имперіи германской), она теперь дѣлаетъ видъ, что защищаетъ правительство Виктора-Эммануила отъ реставраціонныхъ въ пользу папы поползновеній Франціи. Между тѣмъ въ 1849 г. парламентъ франкфуртскій слалъ адресъ Радецкому, въ 1859 г. Германія и Пруссiя (либералы и консерваторы) вооружались, чтобъ оберегать Рейнъ на Минціо, — и вотъ нѣмецкій «реформаторъ политической науки» осуждаетъ итальянцевъ на рабство только потому, что отдѣленіе Ломбардо-Венеціи ослабило Австрiю и черезъ то косвенно усилило Россiю. У насъ лежитъ подъ рукою курьезная брошюрка ученаго нѣмецкаго доктора, тоже встрѣченная не безъ одобренія нѣмецкою критикой, составленная врачомъ, — о психическомъ вырожденіи французскаго народа, его патологическомъ характерѣ, симптомахъ и причинахъ. (*Die psychische Degeneration des französischen Volkes, ihr pathologischer character, ihre Symptome und Ursachen. Ein irrenärztlichen Beitrag zu Völkerpathologie von Dr. Carl Stark. Stuttgart. 1871.*) Авторъ нѣ болѣе ни менѣе, какъ доказываетъ, не безъ учености, что французы всѣ болѣны особымъ видомъ сумасшествія, который онъ называетъ то *paralytische Blödsinn*, то *folie raisonnaute*, что они даже заражаютъ и другія націи и ведутъ ихъ къ вырожденію. Доказательство — сочувствіе, которое питаютъ къ французамъ всѣ народы Европы. «Если, говоритъ ученый авторъ, аристократія Россiи, если полудивилизованные румыны, если внѣшески незрѣлая Италія и извѣстные круги Австрiи носятъ съ симпатіями къ Франціи, то это еще можно объяснить и простить; но если и «гордая» Англія еще и теперь высказываетъ симпатію къ французамъ, то мы обязаны назвать по имени это поведеніе. Съ полнымъ правомъ можно напомнить англичанамъ пословицу: скажи мнѣ, съ кѣмъ ты водьшься, и я скажу, кто ты таковъ». Мы не смѣемъ говорить о нѣмецкомъ на-

еще оставалось изъ приобретений крымской войны, то было погублено событиями 1866 г., которые открыли Россіи двери для вмѣшательства въ дѣла Германіи»¹⁾.

Такъ писалъ К. Францъ наканунѣ войны 1870 года. Но Россія не только не воспользовалась возможностью вмѣшиваться въ дѣла Германіи (а если и вмѣшивалась, то чтобъ побудить южные дворы къ союзу съ Пруссіей), но даже помогла Пруссіи, удержавъ Австрію отъ нападенія. Результатомъ войны вышло возстановленіе нѣмецкой имперіи, которая, по словамъ Франца, была «международнымъ» учрежденіемъ. Истолкователь и панегиристъ Франца, д-ръ Бета, привѣтствовалъ это возстановленіе благожеланіями и совѣтами не забираться исключительно въ дѣла, ограниченныя территоріей Германіи, а взять подъ свою защиту нѣмцевъ и интересы по всему свѣту и сблизиться прежде всего съ Австріей для лучшаго огражденія интересовъ германскихъ и міровыхъ, для выполненія роли «всемірнаго учрежденія». Правда, Россія подъ шумъ войны разорвала трактатъ парижскій 1856-го года,—не безъ поддержки Пруссіи, но нѣмецкая печать весьма настоятельно увѣряла Россію, чтобъ она не обманывалась насчетъ размѣра поддержки, какою можетъ оказать ей Пруссія, что интересы Австріи на Дунаѣ и на Балканскомъ полуостровѣ солидарны съ интересами Германіи. Обмѣнъ канцлеровъ Германіи и Австріи дружескими депешами, наконецъ гаштейнское соглашеніе, можетъ окончателно порадовать гг. Франца и Бету: послѣ событій 1866-го года, Германія не только не ослабѣла, а усилилась и организовалась въ державу, «ежеминутно готовую къ нападенію», и въ этомъ усиленномъ видѣ вступила въ желанный ими союзъ съ Австріей, а потому еще лучше приготовилась для роли «всемірнаго учрежденія», для служенія «міровымъ интересамъ цивилизаціи». Остается только приступить къ исполненію этой роли, — отодвиженіемъ Россіи за Днѣстръ и Двину.

родѣ, — но не можемъ не замѣтить, что ученые, литераторы и политики нѣмецкіе представляютъ поразительное зрѣлище: вообразивъ себя сосудами высочайшей цивилизаціи, какимъ-то богоизбраннымъ народомъ, они вообразили, что интересы всѣхъ народовъ должны быть принесены въ жертву интересамъ одного богоизбраннаго народа, а чуть кто смѣетъ думать иначе, — того записываютъ или въ неизлечимо больные, или поврежденные старостію или безнравственностію, или въ навѣки осужденные на варварство. Особый ли это видъ маіи, или свидѣтельство слабости гуманнаго образованія, при несомнѣнной учености, — не беремся рѣшать, но самъ фактъ самоослѣпленія и чудовищнаго эгоизма, который проявляютъ именно наиболѣе культурные слои Германіи, представляетъ нѣчто безпримѣрное.

¹⁾ К. Францъ, назв. сочин. стр. 433—444, 448—449.

Въ Австріи есть люди, которые уже преоткровенно выдаютъ тайну приготовленій къ этому шагу. Надняхъ появилась въ Лайбахѣ довольно объемистая брошюра, очевидно писанная военнымъ: «Австро-Венгрія въ войнѣ противъ Россіи». (Oesterreich-Ungarn in einem Kriege gegen Russland. Politisch-militär.-geograph. Studie. Laibach. 1871). Собственно брошюра эта не заслуживаетъ разбора: состоитъ она изъ введенія о внутреннемъ положеніи Россіи, представляющаго короткое извлеченіе изъ большой книги Ю. Эккардта: Jung-Russisch und Alt-Lievländisch (1870); за введеніемъ слѣдуетъ обзоръ рѣвъ, горныхъ возвышеній, желѣзныхъ дорогъ, климата, населенія частей Австріи и Россіи, которыя могутъ стать театромъ войны, т.-е. Галиціи, Трансильваніи, Румыніи, Польши, западныхъ губерній и новороссійскихъ съ Бессарабіей. Въ серединѣ вставлена глава о Карпатахъ, какъ оборонительной линіи. Собственно брошюрка имѣетъ видъ какъ бы географическаго пособия, которое можно дать унтеръ-офицеру и грамотному солдату передъ началомъ войны Австріи и Россіи. Какъ географически-статистическое пособие она вполнѣ удовлетворяетъ своей цѣли, но не имѣетъ особаго интереса для русскаго читателя, вромѣ развѣ путаницы въ главѣ о населеніи запада Россіи, путаницы, которая, въ виду того, что на нѣмецкомъ языкѣ есть хорошія пособия по статистикѣ и этнографіи, — умышленна. Вся фразеологія о политикѣ русскою въ западномъ краѣ разлетѣлась бы, въ виду точныхъ статистико-этнографическихъ данныхъ объ этомъ краѣ, поэтому составители брошюры напутали въ главѣ о населеніи западной Россіи слѣдующихъ удивительныхъ вещей: по происхожденію обитатели названныхъ губерній распадаются на слѣдующія группы: 1) На *славянское племя*: а) *великоруссы*. Эти распространены по всему русскому царству; здѣсь преимущественно въ Кіевской губерніи (?); б) *Малоруссы*, — частію въ губерніяхъ Кіевской и Херсонской (!); в) *Бѣлоруссы*: въ губ. Могилевской (и только!); д) *Поляки*. Эти образуютъ 76% населенія въ десяти польскихъ губерніяхъ. 2) на *литовцевъ* и *леттовъ*. Они живутъ въ губерніяхъ Могилевской (!), Виленской, Гродненской, Минской (!), Волынской (!!) и Кіевской (!!!)... Поляки и жители пограничныхъ губерній (а именно литовскихъ; а каковы они—см. выше) исповѣдуютъ почти исключительно римско-католическое вѣроисповѣданіе». Не знаемъ, оказалась ли бы такая ложь о населеніи запада Россіи полезною для солдатъ австрійскихъ при дальнѣйшемъ ходѣ дѣйствій въ войнѣ съ Россіей, когда они встрѣтили бы въ Волынской и Кіевской губерніи вмѣсто какихъ-то страдающихъ отъ московскаго гнета вмѣстѣ съ поляками ли-

товцевъ, сплошное и враждебное полякамъ племя малороссовъ, — но пока такая ложь можетъ произвести затуманивающее впечатлѣніе на мало искуснаго въ этнографической статистикѣ австро-нѣмецкаго читателя. Кромѣ этой курьезной этнографіи западной Россіи, въ брошюрѣ объ Австро-Венгріи въ войнѣ съ Россіей въ политическомъ отношеніи любопытно только введеніе, въ которомъ авторъ взялся объяснить, откуда взялось *всеобщее убѣжденіе въ неизбежности* войны Австріи съ Россіей. Причиной этому мнѣнію и самой будущей войны, авторъ, вслѣдъ за Ю. Экардтомъ полагаетъ внутреннее состояніе Россіи и Австріи. Авторъ начинаетъ еще съ времени до восточной войны, въ которомъ, между прочимъ, видитъ желаніе нашего правительства освободиться отъ руководства меттерниховой политики. Въ это время, подъ давленіемъ правительственной системы, образовалась партія славянофиловъ, демократически-православныхъ и социалистическихъ. Глава послѣднихъ, Герценъ образовалъ органъ печати, который оказывалъ вліяніе на русское общество послѣ парижскаго мира. Несмотря на реформы, предпринимаемыя правительствомъ, русская печать, предводимая Герценомъ, дошла до «крайняго отрицанія всѣхъ унаслѣдованныхъ формъ общества и авторитетовъ, — правительство стояло передъ дико вырваншемся на волю потокомъ, безъ всякихъ средствъ укротить его». Тутъ случилось польское возстаніе, — и «замѣчательное довазательство незрѣлости и несамостоятельности русскаго общества», — «частный человекъ, М. Катковъ, вызвалъ поворотъ въ общественномъ мнѣніи». Этотъ Катковъ, «который самъ никогда не былъ демократомъ, призвалъ на помощь патріотической реакціи противъ поляковъ, демократизмъ и славянофильскій социализмъ, — и освобожденіе массъ на западѣ Россіи, обрусеніе ихъ, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ вышестоящихъ культурныхъ слоевъ, стало паролемъ русскихъ демократовъ, славянофиловъ и панславистовъ». «Правительство счумѣло воспользоваться поворотомъ общественнаго мнѣнія, и употребило прежнихъ противниковъ своихъ, особенно дворянство, орудіемъ для подавленія возставшихъ провинцій. Люди, которые были извѣстны какъ приверженцы стараго рода управленія и враги всякаго свободнаго движенія (какъ Муравьевъ) были призваны для подавленія возстанія Литвы и Польши. Насколько неспособны были въ Москвѣ и Петербургѣ въ 1859—61 г. различить свободу отъ анархіи, но неспособны были и теперь отличить право государственнаго самосохраненія отъ грубѣйшаго варварства и потоптанія всякихъ человѣческихъ правъ». «Всего печальнѣе, что литовская система постепенно примѣняется и въ нѣмецкимъ провинціямъ Лифляндіи, Эстляндіи».

діи и Курляндіи, черезъ что всякое развитіе и образованіе этихъ провинцій должно быть подавлено».

Разумѣется, что принявшая такое направленіе Россія должна вступить въ столкновеніе съ Австро-Венгріей (о Германіи авторъ не говоритъ), потому что Австрія заботится объ удовольненіи всѣхъ своихъ народовъ, чтобъ они не искали добра за границами ея. Россія же поэтому «видитъ въ національномъ развитіи поляковъ галицкихъ опасность для своей силы на берегахъ Вислы и не пощадитъ, вѣроятно, никакихъ усилій, чтобъ стиснуть въ свои желѣзныя когти и этотъ, еще пользующійся національнымъ существованіемъ обломокъ нѣкогда могущественнаго польскаго народа». Къ этому слѣдуетъ прибавить восточный вопросъ и панславизмъ. Доказательство стремленій Россіи къ поглощенію всѣхъ славянъ авторъ брошюры видитъ въ книгѣ ген. Фадѣева (переведенной на нѣмецкій языкъ съ предисловіемъ Ю. Эвгардта). Если въ послѣднее время русская печать высказалась, что *славянская Австрія* не только не будетъ имѣть Россію своимъ врагомъ, но напротивъ того другомъ, — то авторъ брошюры не вѣритъ этимъ заявленіямъ, да, какъ видно, недоуоленъ и самымъ выраженіемъ «славянская Австрія». Главный пунктъ столкновенія Россіи съ Австріей и по мнѣнію автора брошюры: Oesterreich-Ungarn in einem Kriege gegen Russland, выходитъ опять Польша и поляки. По его предположеніямъ, военное столкновеніе произойдетъ скорѣе всего въ Польшѣ, или изъ Польши, гдѣ Россія имѣетъ хорошее стратегическое положеніе, которое однаковъ «ослабляется враждебнымъ ей настроеніемъ народа въ Польшѣ и Литвѣ»....

Что же значать всѣ приведенныя нами выдержки изъ разныхъ нѣмецкихъ книгъ и книжекъ? Значать ли они, что Германія и Австрія только и думаютъ, чтобъ броситься на Россію и отнять у ней Польшу, а, если можно, то и бѣльшій кусокъ земли? Мы этого утверждать не будемъ. Одно только кажется несомнѣнно,—это, что въ Австріи и Германіи есть люди, цѣлыя партіи, которыя считаютъ необходимой войну съ Россіей и отторженіе отъ нея Польши, что въ этой войнѣ и въ Германіи и въ Австріи есть и приготовленія. Трудно, кажется, не видѣть, что для Пруссіи было бы очень выгодно присоединеніе царства польскаго, которое дѣйствительно превосходно бы округлило ея границы и дало бы ей преобладающее положеніе въ отношеніи къ востоку Европы. Выполнить этотъ захватъ въ союзѣ съ Австріей было бы, конечно, легче Пруссіи, чѣмъ одной. Но во всякомъ случаѣ, облегченіемъ для операцій противъ Россіи на берегахъ Вислы было бы враждебное русскимъ настроеніе поль-

скаго населенія, которое Пруссія не затруднилась бы привлечь обѣщаніями національной свободы, — съ которымъ, впрочемъ, она бы не очень церемонилась послѣ, ибо для германизации Польши она здѣсь имѣетъ еще болѣе благопріятное процентное число нѣмцевъ и евреевъ, чѣмъ въ Познани. Повторяемъ, что мы не станемъ приписывать правительствамъ Германіи и Австріи намѣреній приступить къ немедленному исполненію этихъ плановъ. Видовъ правительствъ мы не знаемъ, пускаться въ области догадокъ не желаемъ. Мы говоримъ только о томъ, что видно, т.-е. объ обществѣ и печати. Въ то же время мы не можемъ не видѣть, что и правительствамъ Германіи и Австро-Венгрии (особенно правительству партіи нѣмецко-мадьярской) было бы дѣйствительно выгодно выполнить программу, которую указываетъ имъ часть печати, программу, вытекающую изъ чувствъ и идей, раздѣляемыхъ въ общей своей темѣ (стремленіе на Востокъ), можно сказать, всѣмъ нѣмецкимъ обществомъ. Конечно, для зарождающейся въ высшихъ сферахъ Австріи федерально-славянской партіи программа нападѣнія въ союзѣ съ Пруссіей и Германіей на Россію не была бы пріятною, — но эта партія, разъ, еще только нарождается, во-вторыхъ, — польскіе члены ея были бы даже довольны этой программой, а въ-третьихъ и остальные, даже славяне, могли бы утѣшиться, что съ приобрѣтеніемъ части Польши, или Волини и Подолии и Бессарабіи, усилился бы нѣмецкій и федеральный элементъ въ Австріи. А ужъ много ли бы получила Австрія областей, особенно у Вислы, при раздѣлѣ добычи съ Пруссіей (много она получила послѣ Датской войны), выиграли ли бы поляки и вообще славянскій элементъ отъ введенія страны по Вислѣ и Днѣстру въ область германо-австрийскаго вліянія, — это бы разъяснилось только впоследствии.

Возвращаясь къ толкамъ нѣмецкихъ газетъ о гаштейнскихъ переговорахъ, мы находимъ, что они находятся въ естественномъ соотвѣтствіи съ тѣми разсужденіями и стремленіями, которыя имѣютъ цѣль отодвинутіе германской границы на востокъ. Что нѣмецкая печать видитъ торжество свое въ свиданіяхъ двухъ канцлеровъ, — совершенно понятно; что это свиданіе, еслибъ оно имѣло послѣдствіемъ установленіе солидарности Австріи и Пруссіи въ дѣйствіяхъ на Востокъ — понимая его въ обширномъ смыслѣ: отъ Польши и до Турціи, — есть самый радостный для германизма фактъ, — тоже совершенно естественно. На первый разъ не вяжется, какъ будто, съ желаніемъ расширенія насчетъ Россіи и съ помощью поляковъ, увѣреніе, что Россію только потому и не позвали въ Гаштейнъ, что она недовольна опы-

тами гр. Гогенварта надъ предоставленіемъ полякамъ свободы и автономіи, но что германскій канцлеръ взялся сгладить въ этомъ отношеніи шероховатости между Россіей и Австріей. Но дѣло въ томъ,—какъ мы уже говорили,—опыты гр. Гогенварта относились не до однихъ поляковъ, а всѣхъ народовъ Цислейтани, недовольныхъ нѣмецкой гегемоніей и централизаціей; министерство гр. Гогенварта пользовалось ненавистью всей печати въ Германіи, такъ что, если бы можно было, не жертвуя ничѣмъ существенно въ пользу Россіи, низвергнуть его, представивъ его помѣхой соглашенію Австріи съ Россіей, еслибъ можно было погубить планы гр. Гогенварта и выставить передъ славянами, особенно передъ поляками, что врагъ ихъ автономіи Россія,—то цѣли нѣмецкой партіи въ Австріи и печати въ Германіи были бы блистательнымъ образомъ достигнуты. Спустя известное время, когда бы то найдено было нужнымъ, полякамъ (но не русинамъ) можно бы было дать уступки, — на которыя готово было и министерство Гискры, — но то были бы только уступки однимъ полякамъ, а потому и не имѣли бы той опасной нѣмцамъ прочности, какую имѣло бы признаніе правъ всѣхъ австрійскихъ народовъ на самоуправленіе и національное развитіе. То былъ бы дѣйствительно стратегическій и дипломатическій маневръ,—а не коренная реформа Австріи, которая одна могла бы положить основу для дружественныхъ ея отношеній къ Россіи и вмѣстѣ преграду для нѣмецкихъ захватовъ въ восточной Европѣ отъ Чехіи до Польши и Бессарабіи. Помѣшать этой реформѣ, помѣшать здоровому областному развитію поляковъ въ Австріи и вмѣстѣ вооружить еще больше поляковъ противъ Россіи, — болѣе выгоднаго для завоевательной нѣмецкой партіи результата, трудно себѣ и представить. Мы не станемъ, — подобно другимъ русскимъ публицистамъ, — видѣть въ дѣйствіяхъ дипломатовъ и толкахъ всѣхъ газетъ непременно результатъ заранее условленныхъ и дирижируемыхъ одною волею интригъ. Мы не знаемъ, вѣрно ли истолкованы нѣмецкою печатью причины отсутствія русскаго уполномоченнаго въ Гаштейнѣ. Готовы допустить, что, особенно въ виду присутствія и гр. Гогенварта при второмъ свиданіи императоровъ Германіи и Австріи, гаштейнскіе переговоры на сей разъ кончатся пустяками. Повторяемъ опять-таки, что мы говоримъ не о моментальныхъ и невѣдомыхъ комбинаціяхъ дипломатическихъ, а о толкахъ и инстинктахъ общества, вытекающихъ изъ постоянныхъ реальныхъ интересовъ. Такимъ результатомъ реальныхъ интересовъ мы считаемъ сближеніе Германіи съ нѣмецко-мадьярской партіей въ Австріи, которое не замедлило выявиться со времени войны 1870 годъ

Мы считаемъ совершенно естественнымъ, что нѣмецкіе интересы находятся въ противоположности съ русскими, въ томъ числѣ съ реальными интересами (мы не говоримъ о массахъ народа, которыхъ интересы вездѣ требуютъ мира, но которыя еще нигдѣ не имѣютъ рѣшительнаго вліянія на политику). Потому-то именно, безъ всякаго предварительнаго уговора нѣмецкія газеты и политики и попадаютъ такъ ловко въ тактъ всякой вредной для славянъ комбинаціи, потому-то они и изобрѣтаютъ самыя обидныя для Россіи и вредныя для нея и поляковъ отговорки, почему Россія не была приглашена приступить къ уговору, произведенному въ Гаштейнѣ. Все это дѣлается въ силу естественныхъ законовъ, правящихъ политикой подъ покровомъ произвольныхъ и случайныхъ комбинацій, устрояемыхъ дипломатами, — а такимъ естественнымъ стремленіемъ для нѣмцевъ мы почитаемъ стремленіе къ возможно скорому окончательному захвату Чехіи и Моравіи и царства польскаго и къ введенію въ сферу сильнаго вліянія своего дунайскихъ княжествъ и Бессарабіи.

Что же дѣлать въ виду этихъ стремленій Россіи? Мы съ любопытствомъ прислушивались къ голосу русскихъ газетъ по случаю гаштейнскихъ переговоровъ, ожидая въ нихъ найти то же чуткое пониманіе своихъ интересовъ, какое видимъ въ журналистикѣ и литературѣ нѣмецкой. Мы прочли въ «Голосѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ» выраженіе тревоги въ виду того, что въ Гаштейнѣ можетъ быть задумана какая-либо вредная для Россіи комбинація. Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» мы встрѣтили, по обыкновенію, успокоительныя размышленія о невозможности какой бы то ни было враждебности къ намъ со стороны Германіи послѣ того, какъ Россія оказала ей такую услугу въ послѣдней войнѣ, ни со стороны Австріи, которая становится болѣе славянскимъ государствомъ, а потому теперь болѣе чѣмъ когда-либо странно ожидать ея столкновенія съ Россіей, которая всегда желала реформъ въ Австріи, которыя бы дали въ ней силу славянскому элементу. Все это было бы хорошо, если бы въ Германіи не считали 11-ю заповѣдью мнѣніе, что въ политикѣ не можетъ быть рѣчи о благодарности, и если бы главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ гаштейнскихъ переговорахъ со стороны Австріи не былъ гр. Бейстъ, котораго всего менѣе можно назвать другомъ «славянской» Австріи. Всего характернѣе въ нашихъ газетныхъ толкахъ о гаштейнскомъ свиданіи оказалось, по нашему мнѣнію, письмо «Австрийскаго славянина» въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Этотъ послѣдній предполагаетъ самыя враждебныя Россіи намѣренія

въ уговорахъ двухъ канцлеровъ въ Гаштейнѣ. Его даже не смущаетъ то обстоятельство, что въ окончательныхъ переговорахъ въ Зальцбургѣ долженъ былъ принять участіе и гр. Гогенвартъ, и то, что поѣздкѣ императора австрійскаго въ Ишль предшествовалъ декретъ о распущеніи сеймовъ провинцій, гдѣ противуславянская централистическая партія имѣла большинство, и что такимъ образомъ правительство австрійское, или по крайней мѣрѣ часть его изъявила готовность вступить на путь, который долженъ скорѣе довести до соглашенія его съ Россіей, чѣмъ до вражды. Пишущій для «Московскихъ Вѣдомостей» славянинъ зналъ, для чего писалъ: онъ и въ самихъ планахъ гр. Гогенварта, которые такъ долго нѣмецкія газеты называли задуманными въ Петербургѣ (графомъ Хотекомъ) планами и о которыхъ возлагали надежду на кн. Бисмарка, что онъ разрушитъ ихъ съ гр. Бейстомъ, — приписываетъ тоже долю участія во враждебныхъ Россіи замыслахъ. По предположеніямъ «австрійскаго славянина» планы гр. Гогенварта имѣютъ цѣлью временно задобрить чеховъ и въ то же время поощрить поляковъ въ Галиціи и ослабить русинскую тамъ оппозицію уступками и русинамъ трехъ гимназій и назначеніемъ на разныя служебныя мѣста нѣсколькихъ русиновъ, преимущественно тѣхъ, которые держатъ себя подалеже отъ «Москвы». Словомъ, корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей», — подражая методу, обыкновенно употреблявшемуся самой редакціей, предполагаетъ слишкомъ узъ сложную интригу изъ слишкомъ разнообразныхъ элементовъ. И въ довершеніе корреспондентъ, который боится, что въ нѣмецкой интригѣ противъ Россіи принимаетъ участіе и партія, заявившая свою цѣлью примиреніе съ славянами, — совѣтуетъ Россіи не только «вооружиться съ ногъ до головы», но и провозгласить «славянскую политику», — начавъ ее, вѣроятно, съ протестовъ противъ «опытовъ гр. Гогенварта съ поляками», т.-е. со всѣми славянами въ Австріи. На этотъ разъ обыкновенно смѣлая въ комбинаціяхъ редакція московской газеты не пошла за своимъ корреспондентомъ и оставила на его отвѣтственности его подозрѣнія къ гр. Гогенварту. Правда, что редакція замѣтила, что въ Австріи затѣвается, очевидно, что-то неладное, но что именно и что дѣлать въ виду затѣваемаго тамъ Россіи — редакція, обыкновенно довольно рѣшительная, на этотъ разъ не сказала. Чему же приписать такое замѣшательство редакціи?

Намъ кажется, что тотъ сортъ политиковъ русскихъ, который представляется въ публицистикѣ «Московскихъ Вѣдомостей» и вторящимъ имъ «Голосомъ», дѣйствительно попалъ въ замѣшательство по вопросамъ австрійскимъ и связаннымъ съ нимъ

международнымъ, еще въ худшее, чѣмъ попала по нимъ печать нѣмецкая со временъ заявленія плановъ министерства Гогенварта. Камнемъ преткновенія для нашихъ политиковъ, какъ и для нѣмецкихъ, служатъ поляки, причемъ, надо сознаться, что нѣмецкіе политики не только ловче обходятъ этотъ камень, чѣмъ наши, но даже изобрѣтаютъ не лишеныя ловкости приемы, чтобъ повернуть этотъ камень въ свою пользу. Нѣмецкая печать была предовольна «опытами гр. Бейста» образовать изъ поляковъ вѣчную угрозу Россіи на ея границахъ, его плану, «прижимая славянъ къ стѣнѣ», опереться на нѣмцевъ, мадяровъ и поляковъ. Ихъ только смущало нѣсколько, что автономія поляковъ въ Галиціи невыгодно отразится на полякахъ въ Познани, но они утѣшали себя надеждою, что удайся, съ помощью поляковъ, — «обработать» чеховъ, словинцевъ, и т. п., удайся съ помощью поляковъ диверсія противъ Россіи, они успѣютъ и поляковъ обработать въ свою очередь, а потому они нашлись: отдать полякамъ въ жертву русиновъ, поощрять ихъ фантазіи, но елико возможно не давать имъ реальной автономіи въ ихъ краѣ. Какъ ни затруднено теперь положеніе нѣмецкихъ политиковъ въ виду того, что поляки получаютъ автономію не исключительно, а вмѣстѣ съ другими славянами, но они все-таки не совсѣмъ унываютъ, по крайности, относительно плана употребить поляковъ, какъ орудіе противъ Россіи, или хоть натравливаніемъ поляковъ въ эту сторону отвлекать ихъ отъ здороваго развитія. нашихъ политиковъ положеніе стало хуже. Взявъ себѣ за образецъ прусскую систему дѣйствій въ Познани, рекомендуя ее постоянно нашему правительству въ отношеніи къ Польшѣ, — наши политики, въ то же время, не могли же находить одобрительною ту же политику, напр., въ Чехіи и такимъ образомъ были въ одно время и централистами и врагами принципа народности, и федералистами и народовцами. Пока поляки поудерживали нѣмецко-мадярскую централистическую и дуалистическую партію въ Австріи, пока они рѣшительно не признавали правъ русиновъ, отданныхъ имъ гр. Бейстомъ и министерствомъ Гербста - Гискры, — все шло гладко: можно было говорить, что поляки — выродки славянства, друзья его враговъ, притѣснители, незаслужившіе иной мѣры, кромѣ той, какою имъ мѣряютъ и т. п. Но можно было считать въ уступкахъ имъ со стороны Австріи только враждебную мѣру противъ Россіи и плату за измѣну славянству. Но вотъ сила событій заставляетъ поляковъ обратиться къ славянско-федералистической партіи, побуждаетъ ихъ подумать объ уступкахъ русинамъ, — уступки эти еще въ области обѣщаній и очень не велики, но уже поляки въ Галиціи отъеззались отъ безуслов-

наго отрицанія правъ русиновъ, выражаемаго терминомъ: «*спіеша Ruzi!*». Мало того, въ польской печати начинаютъ раздаваться голоса въ пользу примиренія съ Россіей. Сила событій побуждаетъ и самыя высочія сферы въ Австріи подумать о дарованіи всѣмъ славянскимъ народамъ и областямъ, — въ томъ числѣ и полякамъ, — національной и областной автономіи. Что теперь говорить нашимъ политикамъ, особенно въ виду того, что теперь нѣмецкіе публицисты начинаютъ пользоваться именемъ Россіи для того, чтобъ подорвать ненавистныя имъ мѣры къ установленію федерализма и національнаго равноправія въ Австріи?

Связать очевидно нечего, — остается пробормотать что-нибудь. Вотъ куда обыкновенно и заходятъ люди, которые не имѣютъ твердыхъ политическихъ убѣжденій, основанныхъ на логически проводимыхъ моральныхъ началахъ, а держатся, вмѣсто политики, принциповъ «*политики мѣропріятій*». Горе такимъ политикамъ, если они не обладаютъ вполне послѣдовательнымъ самоослѣпленіемъ, въ родѣ того, напр., которое присуще всѣмъ нѣмецкимъ политикамъ, разсуждающимъ о славянахъ въ Познани и Чехіи. Эти могутъ, сохраняя полнѣйшую вѣру въ свою правоту, кричать на весь міръ о своихъ правахъ на Эльзасъ, жаловаться на притѣсненія нѣмецкаго элемента въ Лифляндіи и въ то же время не видѣть въ стремленіяхъ чеховъ къ равноправію съ нѣмцами на своей землѣ ничего другого, какъ «*славянскую продерзость*» (*Slavische Uebermuth*), потому что нѣмецкіе публицисты и политики застрахованы отъ всякихъ колебаній и угрызеній совѣсти въ такихъ случаяхъ ученіемъ о безконечномъ превосходствѣ нѣмцевъ надъ всѣми народами, а потому и о правахъ ихъ на исключительное положеніе. Къ сожалѣнію, или къ счастью, подобная вѣра въ себя не оvrѣпла еще до такой степени въ умахъ и сердцахъ нашихъ публицистовъ и политиковъ, — оттого имъ приходится играть теперь по отношенію къ австрійскимъ и связаннымъ съ ними международнымъ дѣламъ роль по истинѣ жалвую. Бѣда была бы не велика, если бы, вслѣдъ за публицистами толка «*Московскихъ Вѣдомостей*» и «*Голоса*», не была вовлечена въ то же неблестательное положеніе и добрая доля послѣдовавшаго за ними общества нашего. Ахиллесова пята всѣхъ разсужденій нашихъ политиковъ объ австрійско-славянскихъ дѣлахъ, — поляки, царство польское. Это же, какъ мы видѣли, и пунеть, куда мѣтять и часть нѣмецкой публицистики, поставившая своимъ девизомъ продолженіе наступленія нѣмцевъ на востокъ, и начавшая теперь съ Чехо-Моравіи и царства польскаго. При враждебности поляковъ въ Россіи выполнить это движеніе будетъ легче не только въ

царствѣ польскомъ, но и въ Чехіи, которая можетъ быть охранена отъ германизма только дружнымъ союзомъ славянства, хотя бы духовнымъ (если Австрія сохранится), а то и матеріальнымъ (если дойдетъ дѣло до распаденія Австріи). Итакъ, вопросъ о легкости или трудности исполненія замысловъ, по крайней мѣрѣ одной партіи, — если не всей интеллигенціи въ Германіи (что, кажется, будетъ вѣрнѣе), — сводится на вопросъ объ отношеніяхъ между русскими и поляками. Если при враждебности между тѣми и другими всякое наступленіе нѣмцевъ на востокъ, напр. хотъ, согласно программѣ К. Франца и Р. Бёкка, въ видѣ принятія поляковъ подъ защиту нѣмцевъ, — облегчается, то ясно, что надо подумать о средствахъ въ устраненію этой враждебности. Объ этомъ мы сейчасъ и поговоримъ, а прежде остановимся на томъ, точно ли враждебность въ намъ поляковъ такъ опасна, и на томъ, какъ сложились наши отношенія въ Польшѣ, которыя, очевидно, мы должны перемѣнить, — точно ли эти отношенія таковаго рода, что перемѣна ихъ была бы затруднительна.

III.

Убѣдившись, что въ нѣмецкомъ обществѣ существуетъ партія, желающая захвата царства польскаго и рассчитывающая на враждебность въ намъ поляковъ, мы должны обратиться въ вопросу о томъ, насколько эта враждебность можетъ быть намъ опасна. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, въ случаѣ вступленія въ Польшу арміи пограничныхъ намъ державъ, или хотъ одной изъ нихъ, еслибы противъ насъ стала даже одна часть населенія въ Польшѣ, то дѣйствія нашей арміи были бы порядкомъ затруднены, даже если бы вся помощь враждебной намъ арміи состояла только изъ такъ-называемой польской революціонной партіи. Но есть много основанийъ предполагать, что въ случаѣ вступленія въ Польшу непріятельской арміи, не только записные революціонеры, но и добрая доля дворянства и горожанъ пошла бы противъ насъ, если бы надѣялась какого-либо улучшенія своего національнаго существованія. Извѣстно, что послѣднее польское возстаніе, 1861—63 года, имѣло наибольшую поддержку въ мѣщанахъ. До сихъ поръ не выяснено отношеніе къ нему крестьянства: въ нашихъ газетахъ, — напр., въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» писалось разъ, что крестьяне «поддерживаютъ законный порядокъ», другой, — что «населеніе равнодушно» въ борьбѣ нашихъ войскъ съ мятежниками. Въ настоящее время, послѣ мѣръ въ пользу крестьянъ въ царствѣ поль-

скомъ, принятыхъ съ 1864-го года, можно а priori сказать, что масса крестьянскаго населенія не равнодушна, а скорѣе сочувственна къ власти нашего правительства. Но сочувствіе, которое держится исключительно памятью объ одной матеріальной мѣрѣ, не долговѣчно. И тутъ, какъ и во внѣшней политикѣ—благодарность долго не живетъ. Необходимо, чтобы сочувствіе партіи, или даже массы поддерживалось постоянно рядомъ дѣйствій, постоянно и органически развивающихся одно изъ другого. Но въ отношеніи къ царству польскому надо замѣтить, что послѣ мѣры по крестьянскимъ надѣламъ 1864-го года и отчасти по преобразованію городовъ, не предпринято до сихъ поръ ничего, въ родѣ земскихъ учрежденій, или судебной реформы, что бы вело къ явному улучшенію матеріальнаго и юридическаго положенія массъ. Съ тѣхъ поръ главное количество мѣропріятій въ этомъ краѣ направлялось къ тому, чтобы «административно слить его съ Россіей», — мѣропріятія, изъ коихъ многія могутъ быть и полезны въ административномъ отношеніи, но польза вторыхъ мало понятна для массъ городского и сельскаго населенія, а конечная цѣль которыхъ — обращеніе такъ-называемаго «царства польскаго» въ «Привислинскій край» особенно пріятна польскому населенію, даже самому удаленному отъ революціонныхъ мечтаній, быть не можетъ. Послѣ мѣры по устройству сельскихъ поземельныхъ отношеній, съ 1864-го года принятыхъ въ царствѣ польскомъ, наиболѣе затрогиваютъ тамошнее населеніе мѣры по народному образованію. Но эти мѣры послѣ 1864-го года потерпѣли сильное измѣненіе: указы 1864-го года имѣли цѣлью предоставленіе каждому народному элементу въ краѣ возможности образованія на родномъ языкѣ (польскомъ, русскомъ въ униатскихъ областяхъ и литовскомъ въ части Августовской губерніи), причемъ принципъ народности доведенъ былъ даже до крайности устройствомъ на государственный счетъ системы нѣмецкаго образованія для нѣмецкихъ колонистовъ, которые не составляютъ народности въ царствѣ польскомъ, какъ не составляютъ ее колонисты въ Таврической или Самарской губерніи. Съ 1866—67 годовъ, эта система, возвѣщенная торжественнымъ государственнымъ актомъ, рескриптомъ и указами 1864-го года, стала, рядомъ чисто административныхъ мѣропріятій, превращаться въ систему «обрусенія» Польши посредствомъ образованія на русскомъ языкѣ. Извѣстная часть нашей публицистики, привѣтствующая подобныя мѣры и включающая губерніи «Привислинскаго края» въ число «девятнадцати западно-русскихъ губерній», придумала даже, передѣлавъ ad hoc гипотезу польскаго историка Шайнохи о норманнскомъ проис-

хожденіи польскаго государства (какъ и русскаго), оригинальное ученіе о польской народности и цивилизаціи, по коему масса польскаго народа (мазуры, малополяне, великополяне и т. п.) не имѣеть ничего общаго съ своими высшими классами (лехитами), что первая такъ близка къ русскому народу, что ей все равно, учиться ли по-польски, или по-русски и что даже обученіе ея по-русски будетъ завершеніемъ освобожденія славяно-польскаго населенія Привислинскаго края отъ ига лехитовъ. По этому оригинальному ученію, нашедшему себѣ прибѣжище преимущественно въ газетѣ «Голосъ», вся предшествовавшая польская исторія и вся польская литература есть исторія и литература не поляковъ, а лехитовъ, и потому народъ славяно-польскій не только можетъ, но и долженъ быть воспитанъ вдали отъ этой исторіи и литературы, и совершенно на тѣхъ же началахъ, по тѣмъ же приемамъ, какъ и народъ славяно-русскій. Врядъ ли нужно серьезно доказывать, что эта теорія есть только перелицованная на русскій ладъ теорія Духинскаго и К^о, то ученіе, по коему «нѣтъ Руси», а есть только Польша и Москва, причемъ Польша обнимаетъ и Бѣлоруссію съ Малороссіей, народъ которой есть такая провинціальная разновидность поляковъ, какъ и бракусы и мазуры, а «Москва», т. - е. великоруссы — финно-татарскій народъ, тираномъ налегшій на славянъ привислинскихъ и приднѣпровскихъ и т. п. Обѣ теоріи передъ лицомъ науки имѣють одинаковую цѣну, — и нельзя поздравить того политическаго дѣятеля, который бы положилъ въ основу своей дѣятельности которую-нибудь изъ нихъ. Надо впрочемъ сказать, что если у насъ и есть приверженцы перелицованной теоріи Духинскаго въ примѣненіи къ «обрусенію», или «разлехичиванію» Польши, то не всѣ сторонники этого «обрусенія» опираются на теорію «Голоса», да и сами «сферы», представляемыя «Голосомъ» иногда высказываютъ и другія основанія въ пользу «обрусенія» Польши.

Совершенно другое подраздѣленіе обрусителей представляютъ «Московскія Вѣдомости», хотя и они по временамъ не совсѣмъ нечужды вышеупомянутыхъ «лехитскихъ» теорій «Голоса», который, въ свою очередь, по временамъ забѣгаетъ въ сферу аргументовъ «Московскихъ Вѣдомостей». Эти послѣдніе, защищая исключительное употребленіе русскаго языка въ публичной жизни и образованіи «Привислинскаго края», опираются на государственную точку зрѣнія, понимаемую, конечно, въ извѣстномъ смыслѣ. Собственно говоря, эта точка зрѣнія выражается въ вопросѣ, который часто слышишь отъ людей извѣстнаго направленія устно и въ печати: *почему мы не можемъ и не должны сдѣлать того,*

что дѣлала Франція въ Эльзасъ и дѣлаетъ и до сихъ поръ Пруссія въ Познани? Оба эти государства въ государственной жизни не знали нѣмецкой народности въ Эльзасѣ или польской въ Познани. Тутъ мы попадаемъ на трудный вопросъ о государственности и народности, — который составляетъ одинъ изъ камней преткновенія новаго времени и который въ нашей печати разрабатывается преимущественно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Эта послѣдняя газета не разъ провозглашала, что государство должно опираться на національность, что въ видахъ единства государственнаго та этнографическая народность, которая составляетъ большинство въ государствѣ и которая приняла наибольшее участіе въ сложеніи этого государства, должна быть принята за государственную (политическую) національность; ея признакъ, — языкъ, долженъ одинъ считаться государственнымъ, языкомъ политической жизни. Такова народность французская въ отношеніи ко всѣмъ народамъ, входящимъ въ составъ французскаго государства (французамъ съ провансалами, бретонцамъ, нѣмцамъ, фламандцамъ и т. п.), нѣмецкая въ Германіи по отношенію къ датчанамъ, литовцамъ, полякамъ; а такова же и народность русская въ Россіи. Рядомъ съ этою народностью политической могутъ существовать и даже развиваться другія, народности меньшихъ племенъ, но они имѣютъ право на проявленіе только въ частной жизни, а не въ государственной. Нельзя не видѣть, что послѣднія уступки какъ-то мало гармонируютъ съ первымъ общимъ положеніемъ, и что здѣсь, какъ и въ вопросѣ о религіи и государствѣ, только и могутъ быть признаны логическими двѣ системы: или равноправность національностей, или уничтоженіе меньшихъ національностей въ пользу бѣльшей, какъ въ религіозной политикѣ или равноправность религій или преслѣдованіе уклоненій отъ государственной религіи. Всякій же болѣе или менѣе средній терминъ и здѣсь будетъ страдать неопредѣленностью и непослѣдовательностью, какою, на примѣръ, отличается терпимость къ религіямъ, а не вѣротерпимость.

Въ самомъ дѣлѣ, обувшіе въ послѣднее время Европу войны и споры внутри государствъ изъ-за національности, всѣ эти заботы о германизаци, колонизаци, обрусеніи и т. п. напоминаютъ во многомъ религіозныя войны XVI-го и XVII-го в., а заботы о государственной народности во многомъ аналогичны съ заботами о государственной религіи. Въ тѣхъ религіозныхъ преслѣдованіяхъ, которыми полна исторія XVI-го и XVII-го в., кромѣ чисто религіозной стороны, обусловливаемой свойственнымъ извѣстной степени развитія человѣческаго инстинктомъ

религіозной исключительности и фанатизма, была еще и политическая сторона. Какой-нибудь Филиппъ II-й Испанскій, когда защищалъ свою политику преслѣдованія отклоненій отъ католичества, ссылался и на примѣръ государей протестантскихъ и утверждалъ, что имѣеть цѣлю огражденіе единства государственнаго, которое, говорилъ онъ, несомнѣнно съ религіознымъ раздѣленіемъ. Отнюдь нельзя отрицать, что дѣйствительно религіозное единство облегчаетъ единство государственное, усиливая связь между членами государства. Но изъ этого, во-первыхъ, не слѣдуетъ, чтобы государство имѣло право силою устанавливать единство религіозное, разъ когда оно нарушено или не существовало, потому что государство тогда нарушить священнѣйшія права личности и породить такія явленія и стремленія внутри себя, которыя уничтожатъ самую цѣль государственной жизни: благо матеріальное и нравственное по возможности каждаго члена его. Во-вторыхъ, погнавшись, съ цѣлю установленія единства государственнаго, за установленіемъ единства религіознаго, политическая власть именно ослабитъ единство государственное, — потому что гонимыя партіи будутъ стремиться образовать государство въ государствѣ, стараться войти въ союзъ съ родственными имъ элементами въ другихъ государствахъ и т. п. Такъ, во время религіозныхъ войнъ въ XVI-мъ и XVII-мъ в. французскіе гугеноты призывали на Францію войска Англии, а католики — Испаніи, пока наконецъ истинные патриоты французскіе не дошли до пониманія, что только свобода совѣсти, т.-е. отдѣленіе понятія о государствѣ отъ понятія объ религіи, и можетъ установить единство государства. Хотя у насъ и не было религіозныхъ войнъ (исключая западной Россіи, находившейся подъ властію католической Польши, исторія которой вполне подтверждаетъ мысль о томъ, что политика, заботящаяся о насильномъ религіозномъ объединеніи для единства государства, ведетъ къ противоположному результату), однакожь и у насъ долговременное господство ученія, что православіе и русская народность и затѣмъ государство — синонимы, довело до того, что у насъ католикъ, протестантъ, еврей считаютъ себя не русскими, — чѣмъ наше національное и государственное единство и ослабляется. Борьба религій между собою, борьба государствъ съ разновѣрціями повела Европу къ множеству кровопролитій, къ гибели и распаденію многихъ государствъ, къ истребленію нѣсколькихъ и религіозныхъ обществъ, но въ концѣ концовъ Европа пришла къ убѣжденію въ необходимости, именно для спасенія единства государственнаго, раздѣленія области церкви и государства, и хотя почти во всей западной Европѣ остались

учрежденія «государственной церкви», но учрежденія эти сдѣлались чисто номинальными, на дѣлѣ же, даже и теперь, въ западной Европѣ всѣ церкви могутъ быть названы равно государственными и все идетъ къ тому, чтобъ ни одна изъ нихъ не была таковою, какъ это почти и осуществлено въ сѣверо-американскихъ штатахъ. Весьма поучительно, что, во время кровопролитій изъ-за стремленій государственныхъ людей установить и охранить единство государствъ посредствомъ единства религіознаго, гораздо больше государствъ погибло и распалось, чѣмъ религіозныхъ обществъ и ученій.

Подобное же мы видимъ и въ исторіи попытокъ къ насильственному установленію національнаго единства, — ставшихъ особенно частыми въ послѣднее столѣтіе. Вообще до сихъ поръ только огнемъ и мечомъ да долговременной колонизаціей и могли быть истреблены національности, — что особенно имѣло мѣсто въ исторіи стремленія на востокъ нѣмцевъ и русскихъ. Но объ огнѣ и мечѣ теперь и говорить нечего; колонизація теперь по большей части (исключая опять-таки колонизаціи нѣмцевъ среди сѣверозападныхъ славянъ и русскихъ, среди финновъ, т.-е. исключая случаевъ многочисленной и издавна подвигающейся колонизаціи) приводитъ къ обратному результату, т.-е. къ тому, что колонисты усваиваютъ народность, среди коей поселились. Стремленія обезнародить извѣстныя племена, съ цѣлью упроченія государственнаго единства, вызываютъ по большей части національную энергію въ племени, надъ которымъ хотятъ произвести нравственную операцію, и приводятъ иногда къ распаденію государствъ или отпаденію отъ нихъ частей: такъ, мѣры Іосифа II къ германизаціи австрійскихъ народовъ послужили къ пробужденію ихъ народнаго самосознанія; такъ отпала отъ Австріи Венгрія (тогда какъ Тессинскій кантонъ остался за Швейцаріей); такъ распалась Голландія возстаніемъ не только валлоновъ, но и фламандцевъ. Новая исторія представляетъ только одинъ примѣръ относительнаго успѣха мѣръ національнаго централизма, а именно извѣстное офранцузеніе Эльзаса и Лотарингіи и фламандскихъ частей Франціи, ставшее особенно сильнымъ со времени французской революціи и не сопровождавшееся ни многочисленной колонизаціей, ни кровопролитными насиліями. Но тутъ характерно то обстоятельство, что — какъ признаютъ сами нѣмецкіе патріоты, — наиболѣ хлопотали объ офранцузеніи Эльзаса и Лотарингіи мѣстные уроженцы, нѣмцы же (подобное же было и въ фламандской Бельгіи послѣ присоединенія ея къ французской республикѣ), — что объясняется тѣмъ, что, говоря современнымъ той эпохѣ выраженіемъ, «языкъ, на

которомъ написано было провозглашеніе нравъ человѣка,—стать языкомъ свободы»¹⁾. Другое характерное обстоятельство въ распространеніи французскаго языка въ эпоху революціи шло въ связи съ крайне-централистическими идеями, которыя наконецъ погубили революцію и ослабили Францію. Грегуаръ, въ своемъ докладѣ «о необходимости и средствахъ уничтожить разнорѣчія (patois) и ввести въ общее употребленіе французскій языкъ и въ составленномъ имъ декретѣ, который обнародовалъ Конвентъ въ 1794-мъ году, обратился къ народу французскому съ слѣдующими словами: «Граждане, вы имѣете счастье быть французами!... вы проклинаете федерализмъ политическій; откажитесь же отъ федерализма въ языкѣ: языкъ долженъ быть одинъ, какъ и республика; съ сѣвера на югъ, на всемъ пространствѣ земли французской надо, чтобъ рѣчь была также объединена, какъ и сердца. Разные діалекты вышли изъ нечистаго источника феодализма: это соображеніе должно сдѣлать ихъ вамъ ненавистными.... Свободные люди, бросьте языкъ рабовъ и усвойте языкъ вашихъ представителей, языкъ свободы!» Но несмотря на всѣ старанія центрального правительства, несмотря на помощь представителей мѣстной интеллигенціи, не только не удалось уничтожить нѣмецкій и фламандскій языкъ въ населеніи не-французскихъ департаментовъ Франціи, но въ послѣднее время произошло явно обратное движеніе въ интеллигенціи этихъ

¹⁾ См. Rich. Boeckh. Die Statistische Bedeutung der Volksprache, als Kennzeichen der Nationalität (въ Zeitschr. der Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, 1866 г. III Heft. 365, 382 и слѣд.—Hautteville. La Nationalité Belge ou Flamands et Wallons. 1870. 26 и слѣд.—Беккъ говоритъ, что средства, которыми французское правительство пользуется для офранцузенія Эльзаса не похожи на тѣ, которыя употребило датское противъ нѣмцевъ въ Шлезвигѣ. Датское правительство хотѣло «одавить» смѣшанные округа посредствомъ посланныхъ датчанъ, а въ нѣмецкихъ округахъ Франціи, хотя на высшія должности и назначаются по возможности французы національнаго направленія (National-Franzosen), но какъ орудіе для исполненія своихъ плавовъ служатъ имъ сами нѣмцы. Они доставляютъ составъ народныхъ учителей, которые теперь всѣ способны давать образованіе на французскомъ языкѣ; даже въ высшемъ (педагогическомъ) персоналѣ двѣ пятыхъ именъ нѣмецкаго происхожденія и вообще утверждаютъ, что именно члены (страсбургской) академіи съ нѣмецкими именами принадлежать къ самымъ ревностнымъ распространителямъ французскаго языка».—Если мы обратимъ вниманіе на то, что не только не можетъ быть рѣчи о сколько-нибудь значительной колонизаціи изъ Франціи въ Эльзасъ, но что наоборотъ эта провинція шлетъ давно уже избытокъ населенія во Францію, Алжиръ и Америку, что въ послѣднее время до 100,000 нѣмцевъ изъ Германіи, привлекаемые, какъ говоритъ Беккъ, французской свободой промысловъ (Gewerbefreiheit) жло въ Эльзасъ, что французскій языкъ сильно распространился въ Люксембургѣ (Беккъ, 388), — то выведемъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло болѣе съ само-офранцузеніемъ, чѣмъ съ распространеніемъ французскаго элемента мѣрами государственнаго централизма и даже колонизаціи, какъ на востокѣ Пруссіи.

департаментовъ, — а именно забота о сохраненіи и развитіи народныхъ языковъ. Стремленіе это выразилось въ основаніи газетъ и библиотекъ фламандскихъ и нѣмецкихъ, — и, замѣчательно, что просвѣщенные люди во Франціи, преимущественно изъ французовъ же, не только не сопротивлялись этому движенію, но, — какъ, напр., основатель «лиги образованія» Жанъ Массе, помогали ему. Самъ Наполеонъ III, посѣтивъ въ 1867-мъ году Эльзасъ, выразилъ свое сочувствіе «прекрасному нѣмецкому языку» и пожелалъ «выдвиженія его впередъ, какъ языка преподаванія въ прирейнскихъ департаментахъ»¹⁾. Только благодаря такому прежнему значенію французскаго языка и такой терпимости общества и правительства къ попыткамъ сохраненія и развитія языка народнаго, и объясняется то обстоятельство, что въ Эльзасѣ не было никакого нѣмецкаго сепаратизма, хотя, безъ сомнѣнія, что въ недалекомъ времени языкъ нѣмецкій въ тѣхъ краяхъ получилъ бы и въ силу чисто общественнаго движенія большее и политическое значеніе. Тамъ же, гдѣ французскій языкъ, вводимый административными мѣрами попадалъ въ край, не столько выигравшій, сколько проигравшій въ политическомъ отношеніи отъ союза съ Франціей, тамъ административное принужденіе, хотя и поддержанное сначала частью мѣстной интеллигенціи, вызвало реакцію въ пользу языка народнаго, напр., въ Голландіи и Бельгіи. Въ послѣдней, по отдѣленіи ея отъ Голландіи, языкъ французскій воспреобладалъ, вопреки конституціи, надъ фламандскимъ; но въ послѣднее время въ Бельгіи произошло сильное движеніе къ уравниенію правъ фламандскаго языка съ французскимъ во всѣхъ проявленіяхъ учебной и общественной жизни. Фламандское возрожденіе отразилось и въ сѣверныхъ департаментахъ Франціи. Мало того, въ послѣднее время, въ связи съ стремленіемъ провинцій и общинъ французскихъ къ самоуправленію, по всей Франціи началось обращеніе къ мѣстнымъ, не только языкамъ (бретонскій, фламандскій), но и нарѣчіямъ (провансальское и др.), и теперь можно фразу Грегуара обернуть такъ: вы ненавидите централизацию, вы стремитесь къ федерализму, — и потому вспомните о народныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Подобное же явленіе замѣчается и въ Италіи, гдѣ тосканское нарѣчіе послужило связующей силой раньше (XV в.), чѣмъ сѣверофранцузское нарѣчіе

¹⁾ Объ успѣхахъ германскаго возрожденія подъ правленіемъ французскимъ, правленіемъ въ прирейнскихъ департаментахъ, см. Allgemeine Chronik des Volksschulwesens, herausg. v. Wolfram. Altona. 1866, 1868.—Allg. Kirchliche Chronik, brg. Schulze, 1868.

получило рѣшительное преобладаніе во Франціи (XVII в.) и чѣмъ выше-нѣмецкій языкъ сталъ классическимъ (собственно съ XVIII в.), но гдѣ теперь началось обратное движеніе въ пользу другихъ народныхъ нарѣчій, которыя начинаютъ дѣятельно изучаться, на южнхъ (пьемонтское, миланское, венеціанское, сицилійское) дѣлаются попытки литературной дѣятельности. И дѣйствительно, — въ вопросѣ объ элементарномъ народномъ образованіи, о словесномъ судѣ, объ областномъ и общинномъ самоуправленіи необходимо замѣшанъ и вопросъ не только о народныхъ языкахъ, но отчасти и нарѣчійхъ. Другими словами, — чѣмъ болѣе государство становится свободнымъ, и потому прочнымъ союзомъ людей для достиженія развитія душевнаго и матеріальнаго, тѣмъ болѣе подходитъ оно къ равноправности языковъ и народностей, въ него входящихъ, въ общественной жизни. Образцомъ такого государства служить пока Швейцарія, гдѣ есть три народности, — всѣ три пользуются равными правами. *Тамъ есть и національность государственная, только она не состоитъ въ преобладаніи одной этнографической народности, а въ общемъ вѣсѣмъ тремъ сознанимъ, что принадлежность къ единому союзу государственному выгодна и въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи каждому изъ составляющихъ его членовъ.* Гдѣ нѣтъ подобнаго сознанія, — а оно не можетъ быть тамъ, гдѣ принимаются административныя мѣры въ доставленію преобладанія какому то признаку одной этнографической народности, т.-е. гдѣ понятіе о государствѣ смѣшивается съ понятіемъ о народности, — тамъ нѣтъ и условія для образованія политической національности, тамъ именно государственное единство ослабляется самими мѣрами, которыя имѣютъ цѣлью усилить и создать это единство.

Обращаясь теперь въ частности къ царству польскому, мы и не можемъ не видѣть, что, исключая русскихъ его краевъ около Холма и Сѣдлеца, «обрусеніе» въ немъ имѣетъ весьма малые шансы. Если бы кто и говорилъ, что это «обрусеніе» и не имѣется въ виду, а имѣется въ виду только сближеніе Привислинскаго края съ русскимъ государствомъ, — то, конечно, слова эти можно заподозрить или въ неискренности, или въ необдуманности: если такія мѣры, какъ введеніе русскаго языка во всѣ проявленія публичной и учебной жизни въ край польскомъ не имѣютъ цѣли слитіе поляковъ съ русскими въ одну этнографическую народность, тогда они не имѣютъ вовсе цѣли, потому что изъ простой формы хлопотать очень не стоитъ. Во всякомъ случаѣ важнѣе всего то, что всѣ подобныя мѣры принимаются польскою интеллигенціей, какъ мѣры къ обрусенію Польши, и потому, конечно, только усиливаютъ нерасположеніе

ея къ намъ. Можно утѣшать себя сколько угодно теоріями о лехитско-варяжскомъ происхожденіи польскихъ высшихъ классовъ, польской литературы и цивилизаціи,—но дѣло въ томъ, что эта литература и цивилизація была и есть, что другого культурнаго слоя, кромѣ того, который былъ и есть въ Польшѣ, тамъ,—очень просто,—не было и нѣтъ. Этотъ же культурный слой,—украсть ли онъ у славянъ языкъ, или нѣтъ,—а языкомъ связанъ съ тѣмъ польскимъ народомъ, который и мы удостоиваемъ считать славянскимъ. Связь же эта не можетъ ограничиваться однимъ языкомъ. Нѣтъ спора, въ прежней исторіи польской цивилизаціи было много темныхъ сторонъ, которыя отразились и на нынѣшнихъ культурныхъ слояхъ Польши; нельзя не видѣть, что неблагопріятныя обстоятельства (главнымъ образомъ эмиграція) наложили болѣзненный тонъ на польскую литературу и мысль XIX-го вѣка; вѣрно и то, что исключительно политическое направленіе умовъ польской интеллигенціи довело наконецъ польскую литературу и науку въ послѣднее время до весьма жалкаго состоянія, именно въ то время, когда русская стала шибко развиваться (что недавно признала и польская газета «Крај»), хотя реакціонно-политическое направленіе «обручительнаго» періода отразилось неблагопріятно и на русскомъ развитіи. Но дѣло въ томъ, что, при всей болѣзненности прежней польской цивилизаціи и новой литературы со временъ Мицкевича, въ этой цивилизаціи все же есть человѣческія стороны и, главное, есть стороны, находящія откликъ во всемъ польскомъ народѣ; въ новой литературѣ польской дѣйствовали люди съ большими талантами и одушевленіемъ, отчего она не можетъ утратить обаянія на народъ польскій. Къ тому же всякія стѣсненія только увеличиваютъ привязанность ко всему родному, безъ различія темнаго отъ свѣтлаго, и нѣтъ сомнѣнія, что печальное политическое состояніе Польши въ послѣднее столѣтіе, способствовало усиленію въ польскомъ обществѣ темныхъ сторонъ прежней цивилизаціи до ультрамонтанства и аристократизма включительно, а во всякомъ случаѣ препятствовало развитію въ этомъ обществѣ духа критики. Для послѣдняго надо спокойствіе, — а можетъ ли оно развиваться при постоянномъ страхѣ за свою народность? Поэтому всякаго рода мѣры, неоправдываемыя самою настоятельною и очевидною государственною потребностью, а избобрѣаемыя въ кабинетахъ теоретическими послѣдователями своеобразно понятой идеи о единствѣ государства, мѣры, имѣющія цѣлью сообщеніе польскому краю русской оболочки не только дальше поверхности не идутъ, но возбуждаютъ въ образованномъ обществѣ польскомъ чувства діаметрально

противоположныя государственному единству. Затѣя воспитать польское общество внѣ всякаго вліянія историческихъ традицій, польской литературы, — будетъ всегда химерической затѣей, которая вдобавокъ затрудняется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что польская народность въ Австріи уже ничѣмъ не можетъ быть остановлена въ своемъ развитіи, научномъ, литературномъ и политическомъ, потому что федеральная Австрія не имѣетъ никакихъ силъ противъ поляковъ въ Галиціи. Въ виду этого скажите же, — выгодно ли для единства російской имперіи, если поляки привислинскіе будутъ тянуть нравственно въ Кракову?

Если же бы Галиція вошла въ сферу нѣмецкаго вліянія, что случится, если Австріи не удастся устроиться на федеративныхъ началахъ, тогда, конечно, польская народность можетъ получить поддержку только въ силу интриги дипломатической, съ цѣлью оторванія царства польскаго отъ Россіи и потомъ, конечно, германизации его. Но, скажутъ, — и есть такіе, которые это говорили и говорятъ, — вы толкуете только о высшихъ классахъ польскихъ, а какое намъ дѣло до этого шляхто - папистскаго элемента, наша сила въ польскомъ народѣ, а этотъ не враждебенъ намъ вовсе и можетъ слиться совершенно съ русскимъ. Въ отвѣтъ на это надо сказать, что слой населенія въ Польшѣ, который сознаетъ себя польскимъ и потому уже станетъ обижаться всякими мѣрами въ обрусенію его, не ограничивается шляхтой, а обнимаетъ почти все городское населеніе. Что же до народа, — то такъ какъ замѣна въ его быту языка польскаго русскимъ потребовала бы чрезвычайныхъ усилій и со стороны его самого, то, совершенно естественно, что по мѣрѣ образованія, хотя бы и даннаго въ полурусскихъ школахъ, онъ только станетъ постепенно увеличивать токъ культурный въ населеніи, которое чувствуетъ себя въ національномъ смыслѣ польскимъ, а потому, если съ нашей стороны будутъ продолжаться попытки въ обрусенію поляковъ, то образованіе народа въ Польшѣ, хотя бы и съ нашей помощью, будетъ только увеличивать число элемента, раздражаемаго нашими мѣропріятіями. Такія фразы, какъ «создать новую породу людей», «создать новый культурный слой», легко говорить, — на дѣлѣ же новая порода органически связывается съ старою. Грамотный польскій простолюдинъ станетъ читать все - таки польскія, а не русскія книжки, да мы и не можемъ же сочинить особую русскую литературу для поляковъ; а польская литература, польскія книжки писались, пишутся и будутъ писаться тѣмъ существующимъ уже польскимъ культурнымъ слоемъ, который всего менѣе можетъ сочувствовать уничтоженію польской національности. Поэтому

намъ надо, чтобъ въ этомъ слоѣ явилась завязь партіи, которая бы видѣла пользу въ союзѣ съ Россіей; къ этой только партіи и можетъ приставать поднимающійся изъ надѣленнаго нами землей культурный слой польскаго крестьянства и постепенно создавать «новую породу польскихъ людей» дружественныхъ Россіи. Но подобной завязи (если не считать ничтожнаго числа голосовъ въ польской публицистикѣ, да и то за границей:— одинъ студентъ въ Берлинѣ, державшій рѣчь въ прошломъ году, одинъ публицистъ въ Галиціи и авторъ одной брошюры въ Парижѣ, писанной передъ войною: *La France, la Prusse et la Russie*) въ нашемъ «Привислинскомъ Краѣ» что-то не замѣчается. А между тѣмъ она могла бы уже образоваться даже съ 1864-го года, если бы мы остались вѣрны принятой тогда системѣ не обрусенія Польши, а возрожденія ея посредствомъ устройства массъ народа и образованія на національныхъ языкахъ.

Достойно вниманія,—въ другихъ мѣстахъ, гдѣ идетъ борьба народностей, среди народности центробѣжной успѣли образоваться партіи, которыя тянутъ къ народности центростремительной: такъ у хорватовъ, сербовъ, словиновъ, угорскихъ русскихъ есть мадяроны, такъ поражаемые нашими публицистами; даже въ Галиціи, гдѣ централистическую силу представляютъ поляки, далеко необладающіе политическимъ тактомъ, все же есть хоть небольшой кружокъ русскихъ, не уклоняющійся отъ соглашенія съ ними; мало того, даже національныя партіи славянской и румынской оппозиціи въ Венгріи вовсе не ставятъ цѣлью отдѣленіе отъ мадяръ, во что бы то ни стало (любопытно, что и партія мадяроновъ образовалась въ Венгріи не во время политическаго преобладанія мадяръ, а въ то время, когда австрійское централистическое правительство подавляло мадяровъ), а желаютъ только болѣе удобной для своихъ народностей организаціи союза съ мадярскимъ государствомъ и народомъ. Только у насъ въ Польшѣ нѣтъ ничего похожаго на «русскую партію». До тѣхъ же поръ пока такая партія не образуется, мы всегда будемъ держаться въ Польшѣ только бюрократіей и войскомъ. Все говорить въ пользу того, что система обрусенія Польши только препятствуетъ образованію такой партіи и будетъ способствовать только тому, что, по мѣрѣ усиленія теперешняго оппозиціоннаго слоя приливомъ богатѣющихъ и образующихся людей изъ сельскаго класса, будетъ расти сила этого оппозиціоннаго слоя. Отъ людей, которые имѣли случай видѣть ходъ дѣлъ въ Польшѣ не изъ прекрасной дали кабинетовъ, часто приходится слышать слова въ родѣ слѣдующихъ: «ну, вотъ мы надѣлили крестьянъ въ Польшѣ землю, подняли ихъ благо-

состояніе и тѣмъ пока усмирили мятежь», — но результатомъ того, что мы «создали польскій народъ», выйдетъ то, что черезъ 10 — 15 лѣтъ можетъ быть новое возстаніе, только въ немъ приметъ участіе уже и весь «призванный нами къ жизни польскій народъ». Если это случится, черезъ 10, 15, 20 или болѣе лѣтъ, въ этомъ не будетъ ничего противуестественнаго, несогласнаго съ законами исторіи, а потому политикъ не можетъ не сообразовать своихъ мѣропріятій съ такимъ естественнымъ явленіемъ. Теперь представляется вопросъ: выгодно ли будетъ русскому государству усмирять войскомъ не только шляхту и мѣщанство, но и сельское населеніе?

А пока дойдетъ дѣло до такого положенія вещей, — что, конечно, случится не сегодня и не завтра, является вопросъ: если раньше того какое-либо пограничное государство введетъ свои войска въ царство польское и изъявитъ желаніе, говоря языкомъ нѣмецкихъ ученыхъ и публицистовъ, «принять подъ свое покровительство польскую народность, которой угрожаетъ обрусеніе», — не будутъ ли оборонительныя дѣйствія нашихъ военныхъ силъ парализованы самымъ рѣшительнымъ образомъ? Намъ кажется, что если бы въ Польшу ввела свои войска Германія и если бы передъ тѣмъ въ польскомъ обществѣ не распространилось убѣжденіе, что Россія не имѣетъ цѣли обезнародить поляковъ, — то удержать послѣднихъ отъ помощи нѣмцамъ могло бы только убѣжденіе, что Германія современемъ дѣйствительно обезнародила бы поляковъ, тогда какъ Россія никогда не успѣетъ въ этомъ. Все дѣло, значить, сводится на то только, — насколько дальновидны будутъ поляки, насколько холодный расчетъ и вѣра въ будущее станеть у нихъ выше настоящаго горячаго нерасположенія къ русскому государству. Если бы въ союзъ съ Германіей къ берегамъ Вислы явилась и Австрія, и поляки могли надѣяться, что въ случаѣ пораженія Россіи берега Вислы достанутся Австріи, тогда и сомнѣнія быть не можетъ, что послѣдняя задержка поляковъ стать противъ насъ пала бы: отъ нея осталось бы только сомнѣніе, — основанное на предыдущихъ примѣрахъ изъ исторіи прусской политики, — въ томъ, чтобъ Пруссія безкорыстно затѣяла «освобожденіе Польши» и чтобъ она согласилась на присоединеніе всего царства польскаго къ Австріи. Безъ всякаго сомнѣнія совмѣстное завоеваніе царства польскаго Австріей и Пруссіей, при помощи польскаго возстанія, повело бы по меньшей мѣрѣ къ новому «раздѣлу Польши», послѣ котораго вопросъ объ окончательной германизациі, съ присоединеніемъ къ Германіи

частей, доставшихся Австріи по раздѣлу, былъ бы только вопросомъ времени.

Повторяемъ, всѣхъ страховъ, о которыхъ мы говоримъ, можетъ быть, и не будетъ. На отклоненіе ихъ возможности имѣетъ сильное вліяніе распространяющееся во Франціи убѣжденіе въ необходимости сближенія съ Россіей и славянствомъ. Но страхи, о возможности которыхъ мы говоримъ, существуютъ не въ нашемъ воображеніи. Мы основываемся на толкахъ нѣмецкихъ публицистовъ и ученыхъ, равно какъ на естественныхъ географическихъ данныхъ и историческомъ стремленіи народа германскаго на востокъ. Уже одной возможности достаточно для того, чтобъ публицистика страны, на рѣшеніе судьбы которой спекулируетъ хотя бы и часть только публицистики сосѣдняго народа, обратила вниманіе на возможную бѣду и указала средства,—или хотъ подняла вопросъ о средствахъ къ предотвращенію этой опасности. Съ своей стороны мы считаемъ нравственной обязанностью передъ родиной указать на замыслы, сильно питаемые въ нѣмецкой литературѣ на царство польское, и высказать, что облегченіемъ къ исполненію этихъ замысловъ, можетъ служить распространеніе между поляками убѣжденія, что Россія, правительство и общество стремятся къ обрусенію Польши и къ уничтоженію польской народности. Это же убѣжденіе выведено поляками изъ образа мыслей, высказываемаго нѣкоторыми весьма вліятельными органами нашей печати о мѣрахъ къ обезпеченію единства русскаго государства, и изъ нѣкоторыхъ мѣръ, принятыхъ въ послѣднее время сообразно этому образу мыслей.

Въ виду важности послѣдствій мѣръ, имѣющихъ цѣлью обрусеніе Польши, и для произнесенія критической оцѣнки этихъ мѣръ, необходимо обратиться къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, чѣмъ вызваны эти мѣры и тотъ порядокъ идей, на которомъ они основаны, какъ взшли эти идеи въ наше общество и не была ли поставлена другая система отношеній къ царству польскому и къ польской народности, которая представляла болѣе гарантій для достиженія успѣшнаго результата въ огражденіи единства государства отъ польскаго сепаратизма?

М. Т — овъ.



З О Л О Т О

Изъ Томаса Гуда.

Золото! золото! золото! золото!
Ясное, твердое, вѣчно холодное,
Лито и ковано, плющено, колото....
Все кабалащее, вѣчно свободное,
Золото, золото, золото, золото!
Лѣгко хранимое, трудно добытое,
Гордостей сколько тобою уеолото!
Сколько разъ по́томъ и кровью обмытое —
Коплено, мѣняно, крадено, теряно,
Занято, роздано, быстро промотано,
Чищено, рѣзано, вѣшано, мѣряно! —
Вотъ оно — золото! золото! золото!...
Старость до гроба его съ наслажденіемъ
Нѣжно лелѣеть; все же, что́ молодо,
Мимо проходить съ пренебреженіемъ.
Ты, что́ добыто цѣною злодѣйствъ,
Всякихъ страданій, холода, голода, —
Благо или ужасъ миллионовъ семействъ, —
Золото! золото! золото! золото!
Странно въ немъ разныя слиты стихіи:
Благо, несчастье!... — и роль его въ свѣтѣ
Даже видна на чеканной монетѣ:
То на ней ликъ доброй англійской Бетти,
То ликъ кровавой Маріи!

Л. М. Н.

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РЕФОРМЪ

1861—1871 гг.

СТАТЬЯ ДЕСЯТАЯ*).

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА.

I. Общій взглядъ на ходъ реформы.

Приступая въ послѣдней части своего труда — къ критической оцѣнкѣ нашихъ судебныхъ уставовъ, мы чувствуемъ нѣкоторую робость передъ важностию той задачи, которая намъ предстоитъ. Несмотря на это, мы не считаемъ себя въ правѣ, говоря о реформахъ послѣдняго десятилѣтія, умолчать о той, которая представляется намъ едва ли не самой важной и наиболѣе серьезной изъ всѣхъ. Только одно уничтоженіе крѣпостного права по важности своего значенія въ жизни могло бы стать на ряду съ нашей судебной реформой, но если взглянуть пристально, то нельзя не замѣтить, что послѣдняя имѣла болѣе непосредственное вліяніе на весь строй нашей государственной и общественной жизни. Конечно, мы убѣждены въ томъ, что отмѣна крѣпостного права была главной задачей нашего времени, что она есть краеугольный камень, безъ котораго была бы немислима и судебная реформа, но она дѣйствовала и продолжаетъ дѣйствовать на общество путемъ отрицательнымъ; результаты этой мѣры еще не вполне обнаружены и вся польза ея еще впереди. Она положила только предѣлъ развитію въ обществѣ тѣхъ вредныхъ инстинктовъ, которые неразлучны съ крѣпостнымъ произволомъ и которые влекутъ къ полному нравственному растлѣнію цѣлое общество; но она не могла уничтожить въ насъ самыхъ инстинктовъ: мы съ ними родились и

*) См. выше: янв. 296 стр.

выросли. Вылечить насъ отъ этого нравственнаго недуга можетъ только время, а ускорить это излеченіе могутъ только тѣ начала, которыя введены въ жизнь судебными уставами. И эти уставы дѣйствительно внесли въ цѣлый строй нашей жизни совершенно новыя начала, чуждыя нашимъ традиціямъ и притомъ не отрицательнаго, но положительнаго свойства, состоящія въ замѣнѣ царства произвола царствомъ закона. Безъ этой спасительной реформы мы долго не отвыкли бы отъ нашихъ крѣпостныхъ замашекъ и, Богъ знаетъ, какая судьба ожидала бы крестьянскую реформу, еслибъ вскорѣ за нею не были громко провозглашены тѣ начала, на которыхъ основаны наши судебные уставы? Недостаточно написать въ законѣ, что крѣпостное право уничтожено, — надо уничтожить его на практикѣ, въ жизни, а это-то и есть задача судебной реформы. Вотъ почему мы не перестанемъ сожалѣть, что судебные уставы введены не вмѣстѣ съ крестьянской реформой, правильное примѣненіе которой на практикѣ только они одни могли бы гарантировать.

Другая причина нашей робости при оцѣнкѣ судебныхъ уставовъ, — это достоинство новаго закона какъ по мысли, такъ и по исполненію. Въ самомъ дѣлѣ, разбирая всѣ наши законодательныя работы послѣдняго десятилѣтія, мы не можемъ поставить ни одной на ряду съ судебными уставами. Если читатель внимательно слѣдилъ за нашими статьями, то онъ конечно припомнитъ, что въ большей части разсмотрѣнныхъ нами законоположеній замѣчается полное отсутствіе общихъ руководящихъ началъ, вслѣдствіе чего намъ приходилось встрѣчать поразительныя противорѣчія не только съ основными научными выводами и опытомъ другихъ государствъ, но и между отдѣльными статьями одного и того же закона. Кромѣ того намъ приходилось встрѣчать мѣры, вызывавшія результаты прямо противоположныя тѣмъ цѣлямъ, которыхъ желали достигнуть. Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами реформъ только реформы, выработанныя при государственномъ контролѣ, отличаются одной общей руководящей цѣлью; всѣ же другія, повидимому, не имѣютъ ничего общаго между собою. Совсѣмъ другое представляется даже при поверхностномъ разсмотрѣніи труда комиссіи, составившей судебные уставы. Здѣсь съ перваго раза бросается въ глаза, что люди, призванные къ дѣлу, стояли вполне въ уровень съ тою задачею, которая была предложена имъ для разрѣшенія, а задача эта, по всему строю нашей государственной жизни, была задачей нелегкой. Въ самомъ дѣлѣ, проведеніе такихъ великихъ принциповъ, какъ полное отдѣленіе судебной власти отъ административной и обвинительной, публичность и гласность суда, независимость судей, адвокатура и состязательный порядокъ судопроизводства, и наконецъ, предоставленіе общественной совѣсти, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, рѣшенія фактическихъ вопросовъ по

дѣламъ уголовнымъ, — принципѣвъ, которыхъ такъ чужда была наша общественная жизнь, было дѣломъ весьма труднымъ; оно вызывало противъ себя борьбу всѣхъ тѣхъ элементовъ общества, для которыхъ старыя порядки были выгодны. Конечно, составители судебныхъ уставовъ въ своихъ тенденціяхъ могли опираться не только на полную несостоятельность прежнихъ порядковъ вообще и судебныхъ въ особенности, но и на большинство русской интеллигенціи, которое вполне имъ сочувствовало и жадно ожидало осуществленія новой реформы. Но, именно это сочувствіе массы образованнаго русскаго общества и дѣлало задачу комиссіи болѣе трудной. Оно обязывало составителей судебныхъ уставовъ къ той послѣдовательности, которую мы такъ высоко цѣнимъ въ ея трудахъ, обязывало строго держаться тѣхъ общихъ началъ, о которыхъ мы упомянули выше, и дѣлать какъ можно меньше уступокъ; между тѣмъ то же самое сочувствіе вызывало въ противномъ лагерѣ боязнь за утрату дорогого имъ произвола и особую тактику, состоящую не въ открытомъ, но тайномъ противо-дѣйствіи. Противники реформы, изъ опасенія стать въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ, не высказывались тогда прямо противъ реформы, тѣмъ болѣе, что были не въ силахъ выдержать прямой и открытый споръ. Только впоследствии они заговорили громче на страницахъ „Московскихъ Вѣд.“, а въ то время они старались только разсѣять на пути защитниковъ реформы тѣ невидимыя препятствія, о которыхъ часто разбивается энергія и въ особенности наша, русская энергія, еще не окрѣпшая въ борьбѣ. Люди эти вполне понимали, какой удар наноситъ эта реформа любезнымъ для нихъ порядкамъ стараго времени; они понимали, что судъ, основанный на новыхъ началахъ, не даромъ вызываетъ сочувствіе общества и не только ограничить для нихъ возможность распоряжаться произвольно, но сдѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ общественной школой, въ которой будутъ учиться понимать общественные вопросы не отдѣльныя личности, а цѣлыя массы; что, такимъ образомъ, новый судъ способенъ вызвать ихъ личную дѣятельность на судъ общественнаго мнѣнія, передъ которымъ имъ было бы трудно оправдаться. Они понимали, говоримъ мы, что новый судъ есть первая попытка гарантировать тѣ начала, которыя впервые были провозглашены Положеніемъ 19-го февраля, хотя крестьянское дѣло и не подчинено ему. Положеніе 19-го февраля уничтожало крѣпостные порядки въ самомъ грубомъ ихъ проявленіи, тогда какъ новый судъ преслѣдуетъ ихъ вездѣ и во всѣхъ видахъ. Такимъ образомъ, сочувствіе общества къ началамъ, положеннымъ въ основаніе реформы, — сочувствіе, въ которомъ противники ея видѣли появленіе краснаго призрака на горизонтѣ Россіи, а защитники зарю новаго времени, удаляло все болѣе и болѣе однихъ отъ другихъ и усложняло задачу составителей судебныхъ уставовъ. Но чѣмъ труднѣе была за-

дача, тѣмъ болѣе чести тѣмъ почтеннымъ дѣателямъ, которые умѣли провести въ уставахъ идеи, добытыя опытомъ образованныхъ народовъ, и удержать реформу на той высотѣ, до которой достигли не всѣ европейскія законодательства: русское общество, конечно, не забудетъ этихъ дѣателей, — заслуга ихъ была велика.

Что дѣло судебной реформы было дѣломъ не легкимъ, то это доказывается не только самымъ содержаніемъ судебныхъ уставовъ, но и всѣмъ послѣдующимъ порядкомъ ихъ введенія.

Разсматривая судебные уставы, мы видимъ прежде всего вліяніе общихъ, руководившихъ комиссіей началъ, но не можемъ отрицать и того факта, что уставы носятъ характеръ компромисса во многихъ случаяхъ. Заслуга комиссіи состоитъ въ томъ, что подобныя уступки вездѣ являются какъ исключенія, онѣ сейчасъ же замѣтны и хотя вредятъ достоинству новаго закона, но не искажаютъ главныхъ его основаній. Всѣ подобныя недостатки до такой степени мало связаны съ общимъ характеромъ реформы, что исправленіе ихъ, при наступленіи удобныхъ для этого обстоятельствъ, не представитъ никакихъ затрудненій даже по отношенію къ системѣ изложенія. Можно ли допустить мысль, что люди, вполне понимавшіе значеніе суда въ обществѣ и тѣ условія, при которыхъ онъ въ состояніи выполнить это назначеніе, не замѣтили этихъ недостатковъ и допустили ихъ безъ особенныхъ причинъ? Нѣтъ, мы думаемъ, что эти недостатки (на которые ниже и постараемся указать) вошли въ уставы потому, что составители ихъ не могли не дѣлать подобныхъ уступокъ, въ виду невозможности безъ этого провести общія основанія реформы. Уступки, несогласныя съ общимъ характеромъ реформы, могли явиться только вслѣдствіе противодѣйствія противнаго лагеря, главнымъ стремленіемъ котораго было затормозить развитіе тѣхъ началъ, введенію которыхъ онъ помѣшать не могъ. Обойти всѣ эти подводные камни, придать этимъ уступкамъ видъ исключеній и удержатъ за основными чертами реформы первенствующее значеніе—было дѣломъ нелегкимъ, при которомъ требовалось много знанія, много умѣнья и много такта.

Итакъ, первое доказательство трудности осуществленія реформы даетъ намъ самое содержаніе судебныхъ уставовъ. Но если мы обратимся къ послѣдующей ихъ судьбѣ, то мы найдемъ и здѣсь много фактовъ, тормозившихъ дѣло. Къ числу такихъ фактовъ мы должны отнести прежде всего то обстоятельство, что лица, которымъ принадлежитъ честь составленія судебныхъ уставовъ и первые шаги на пути ихъ введенія въ дѣйствіе, не имѣли большого вліянія на дальнѣйшій ходъ реформы; между тѣмъ, какъ намъ бы казалось, что главные виновники реформы были бы болѣе компетентными лицами не только при истолкованіи общихъ началъ, положенныхъ въ основаніе реформы, но и при оцѣнкѣ юридическихъ познаній и способностей тѣхъ

лицъ, которымъ ввѣрялось примѣненіе новаго закона на практикѣ. Вопросъ: почему первые дѣятели реформы отступили на дальній планъ и остаются въ тѣни, — не подлежитъ конечно нашему разсмотрѣнію, но можетъ подать поводъ думать, что въ нашихъ правительственныхъ сферахъ существуетъ убѣжденіе въ невозможности допустить на практикѣ полное осуществленіе тѣхъ принциповъ, которые положены въ основаніе реформы. Другого объясненія этому факту дать нельзя, тѣмъ болѣе, что онъ подтверждается дальнѣйшимъ ходомъ дѣла. Въ литературѣ, наприм., уже было заявлено объ ограниченіи самостоятельности судебныхъ слѣдователей, которыхъ въ настоящее время не утверждаютъ въ должностяхъ, а поручаютъ имъ лишь исправленіе этихъ должностей, какъ чиновникамъ министерства юстиціи. Какъ чиновники министерства, они всегда могутъ быть отозваны отъ своихъ должностей. Такая система есть конечно нарушеніе принципа независимости судебной власти, составляющаго краеугольный камень всей реформы. Намъ могутъ возразить, что эта система принята изъ осторожности, въ виду того, чтобъ утвержденіе въ означенныхъ должностяхъ происходило не иначе, какъ по надлежащемъ испытаніи. Но на это можно замѣтить, что для испытанія лицъ, на основаніи судебныхъ уставовъ, есть званіе кандидатовъ на судебныя должности, что обязанности судебныхъ слѣдователей слишкомъ важны, чтобъ можно было допускать къ исправленію ихъ людей, недоказавшихъ еще своей способности и знанія и, наконецъ, что испытаніе не можетъ производиться нѣскольکو лѣтъ. Намъ кажется, что для этого достаточно нѣсколькихъ мѣсяцевъ, — если въ это время человѣкъ доказалъ свою способность, то онъ долженъ быть утвержденъ, въ противномъ же случаѣ устраненъ: другого выхода здѣсь быть не можетъ. Такая осторожность, при которой три-четыре года службы недостаточно рекомендуютъ человѣка, чтобъ быть утвержденнымъ въ званіи судебного слѣдователя, по меньшей мѣрѣ излишняя и заставляетъ предполагать не эту, а другую причину. Намъ кажется, что вслѣдствіе независимаго положенія, въ которое поставлены уставами судебныя слѣдователи, они имѣли бы право, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отказывать въ исполненіи тѣхъ требованій лицъ прокурорскаго надзора, которыя они находили незаконными, и представлять таковыя на разсмотрѣніе суда. Вѣроятно же всего, что такое право судебныхъ слѣдователей признано неудобнымъ. Чтобъ устранить это неудобство, лучшимъ средствомъ было поставить ихъ въ зависимость отъ прокуроровъ. Какъ чиновникъ министерства, котораго оно можетъ всегда лишить мѣста, слѣдователь не рѣшится дѣйствовать самостоятельно, а долженъ исполнять всякое требованіе прокурора, какъ лица пользующагося ббльшимъ довѣріемъ министерства. Что касается до насъ, то мы не думаемъ, чтобъ подобное отступленіе отъ одного изъ глав-

ныхъ условій новой реформы могло содѣйствовать ея успѣху. Конечно, мѣра эта представляетъ нѣкоторыя удобства для прокурорскаго надзора, но мы не думаемъ, чтобъ для этого удобства слѣдовало ослаблять дѣйствіе высочайше утвержденнаго закона простымъ административнымъ распоряженіемъ. Намъ кажется, что если подобная мѣра вошла въ систему, то только вслѣдствіе недоразумѣнія, т.-е. вслѣдствіе того, что вопросъ: насколько порядокъ этотъ измѣняетъ значеніе обвинительной власти и ея отношеніе къ судебной, остался неразъясненнымъ. По смыслу судебныхъ уставовъ, власть обвинительная должна быть отдѣлена отъ судебной и должна являться передъ послѣдней только въ качествѣ одной изъ спорящихъ сторонъ. Въ этомъ порядкѣ весь смыслъ состязательнаго процесса: измѣнить его, значитъ уничтожить всякую гарантію, предоставляемую подсудимому этимъ порядкомъ судопроизводства. Хотя во время предварительнаго слѣдствія обвиняемый и не пользуется защитой, но это потому, что законъ предполагалъ въ лицѣ слѣдователя самостоятельную судебную власть, которой можно было ввѣрить интересы обвиняемаго, тѣмъ болѣе, что предварительное слѣдствіе должно провѣряться на судѣ. Тѣмъ не менѣе, предварительное слѣдствіе есть рядъ судебныхъ дѣйствій, производимыхъ судебнымъ слѣдователемъ. Прокурорскій надзоръ, по смыслу основныхъ положеній, является здѣсь лишь обвинителемъ, и всякое его требованіе, повидимому, должно быть провѣрено судебной властью въ лицѣ судебного слѣдователя и удовлетворено лишь тогда, когда найдено правильнымъ. Хотя судебные уставы нѣсколько измѣняютъ отношеніе прокурорскаго надзора къ судебнымъ слѣдователямъ, но все-таки послѣдніе являются лицами не обязанными безусловно исполнять требованія прокурорскаго надзора. Но дѣйствовать такимъ образомъ можетъ лишь то лицо, которое не зависитъ отъ прокурора; чиновникъ же министерства юстиціи долженъ необходимо подчиняться волѣ прокурора, иначе онъ можетъ быть отозванъ, т.-е. лишенъ мѣста. Такимъ образомъ, слѣдователь является въ силу административныхъ распоряженій лицомъ подчиненнымъ прокурору, а съ тѣмъ вмѣстѣ въ лицѣ послѣдняго соединяется какъ обвинительная, такъ и судебная власть, по крайней мѣрѣ настолько, насколько она предоставлена судебному слѣдователю. Возьмемъ простой вопросъ о пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ суда и слѣдствія, т.-е. вопросъ о томъ, подлежитъ ли обвиняемый аресту или нѣтъ. Такъ какъ вопросъ этотъ разрѣшается смотря по роду наказанія, къ которому виновный долженъ быть приговоренъ, то онъ, во время предварительнаго слѣдствія, часто бываетъ весьма спорнымъ. Разрѣшеніе его есть дѣйствіе чисто судебное, предоставленное по закону судебному слѣдователю, а въ случаѣ протеста прокурора окружному суду; но если судебный слѣдователь можетъ быть причисленъ къ министерству по

требованію прокурора, то онъ не можетъ не исполнить его воли, и такимъ образомъ чисто судебное дѣйствіе, въ настоящее время, зависитъ отъ усмотрѣнія обвинительной власти. Гдѣ же то отдѣленіе власти судебной отъ обвинительной, которая установлена судебными уставами?

При этомъ надо замѣтить, что подобное соединеніе обвинительной и судебной власти въ рукахъ прокурорскаго надзора является всегда орудіемъ весьма опаснымъ. Обвиняемый не имѣетъ защитника, и если слѣдователь поставленъ въ такое положеніе, что онъ долженъ исполнять требованіе прокурора объ арестѣ, то свобода, честь и доброе имя каждаго частнаго человѣка отдается на произволь одного лица и притомъ на безсрочное время, такъ какъ всѣ жалобы его на неправильный арестъ могутъ доходить до окружнаго суда только черезъ прокурора, который, конечно, не посмѣшитъ передать эту просьбу въ судъ, въ особенности если жалоба основательна. Между тѣмъ, по самой сущности своихъ обязанностей, прокуроры весьма склонны видѣть виновнаго въ обвиняемомъ, и требованія ихъ объ арестѣ могутъ быть очень часто ошибочны. Требования эти могутъ быть уже и потому неосновательны, что задача обвинительной власти значительно облегчается, если обвиняемый состоитъ подъ арестомъ, такъ какъ для послѣдняго затрудняется изысканіе средствъ къ своему оправданію. Такимъ образомъ единственная гарантія, которая была предоставлена обвиняемому судебными уставами на время предварительнаго слѣдствія, въ лицѣ самостоятельной судебной власти, — уничтожена и даже не путемъ законодательнымъ, а простымъ административнымъ распоряженіемъ. На этомъ основаніи мы возвратились къ прежнему порядку слѣдствій. Если прежняя слѣдственная система возбуждала противъ себя жалобы, то главное потому, что обвинительная власть соединялась въ однихъ рукахъ съ судебной, а не потому, что она находилась въ рукахъ полиціи. Замѣна полиціи прокурорскимъ надзоромъ, въ этомъ случаѣ, конечно, есть шагъ впередъ, есть улучшеніе прежней системы, но не измѣненіе ея въ духѣ судебныхъ уставовъ. Увлеченія лицъ прокурорскаго надзора судебный слѣдователь въ настоящее время исправить не можетъ, а увлеченіе для людей, большею частію молодыхъ, весьма возможно. Опытъ подтверждаетъ какъ нельзя болѣе наши слова. Войдите въ любой тюремный замокъ и вы непременно найдете въ немъ между слѣдственными арестантами лицъ, задержанныхъ не совсѣмъ правильно, потому что проступокъ ихъ подведенъ не подъ ту статью уложенія о наказаніяхъ. Постановленія судебныхъ мѣстъ очень часто подтверждаютъ это и присуждаютъ виновнаго къ такому наказанію, которое вовсе не дозволяетъ предварительнаго ареста, а между тѣмъ виновный уже содержался и иногда даже долѣе, нежели судъ его присуждаетъ. На этомъ основаніи, человѣкъ подлежитъ двой-

ному наказанію совершенно незаслуженнымъ образомъ. Такіе факты остаются безнаказанными, такъ какъ не было примѣра, чтобы судъ привлекалъ къ судебной отвѣтственности виновныхъ за подобное нарушеніе законовъ. Мы не будемъ приводить примѣровъ этому изъ судебной хроники, такъ какъ всякому, слѣдившему за нею, факты эти хорошо извѣстны.

Въ подтвержденіе того обстоятельства, что неправильные аресты бывають, приведемъ еще тотъ фактъ, что число слѣдственныхъ арестантовъ не уменьшается, тогда какъ по новому порядку ограничено число случаевъ, когда подсудимый подвергается предварительному аресту, и самая процедура слѣдствій сокращена.

Итакъ, если даже послѣ изданія судебныхъ уставовъ допускаются подобныя важныя ограниченія тѣхъ принциповъ, которые положены въ основаніе реформы, то мы никакъ не можемъ допустить, чтобы не было попытокъ къ ограниченію этихъ принциповъ во время проектированія и разсмотрѣнія судебныхъ уставовъ.

Во всякомъ случаѣ, всякій съ нами согласится, что инициатива подобныхъ мѣръ къ ограниченію самостоятельности слѣдователей не можетъ исходить изъ среды защитниковъ новаго суда. При всемъ нашемъ уваженіи къ личному составу министерства юстиціи, мы не можемъ одобрить подобной системы: рано или поздно оно само убѣдится, что путь этотъ удаляетъ изъ состава судебныхъ слѣдователей наиболѣе полезныя силы.

Если мы обратимся къ тому обстоятельству, что несмотря на семь лѣтъ, истекшихъ со времени изданія судебныхъ уставовъ, они введены далеко еще не во всей европейской Россіи, то и въ этомъ нельзя не видѣть тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаетъ на своемъ пути новая реформа, потому что первоначальное предположеніе было ввести ее въ четыре года. Препятствіями къ исполненію этого предположенія выставляють обыкновенно финансовыя затрудненія государственнаго казначейства и недостатокъ людей для замѣщенія всѣхъ судебныхъ должностей.

Мы имѣли уже случай высказать читателю наше мнѣніе объ этихъ финансовыхъ затрудненіяхъ со стороны казначейства и доказали достаточно ясно, что даже при введеніи крестьянской реформы эти препятствія не могли и не должны были считаться серьезными; а тѣмъ болѣе впоследствии, когда доходы государства сильно возвысились, — университеты же ежегодно доставляли новый контингентъ дѣятелей. Судъ есть одна изъ первыхъ государственныхъ функцій, а потому средства для его организаціи должны быть во чтобы то ни стало, и если мы нашли возможнымъ со времени изданія судебныхъ уставовъ увеличить нашъ бюджетъ на военное министерство болѣе чѣмъ на сорокъ милліоновъ и притомъ въ мирное время, то ясно, что не-

достатка въ средствахъ на организацію суда быть не могло. Что касается недостатка людей, то, конечно, перемѣна въ личномъ составѣ министерства могла нѣсколько замедлить первоначальное предположеніе, такъ какъ новымъ людямъ необходимо было ознакомиться съ тѣмъ составомъ судебныхъ учреждений, которыя были уже организованы, а равно и съ подготовленнымъ контингентомъ новыхъ силъ. Но во всякомъ случаѣ, это обстоятельство не могло задержать реформы на нѣсколько лѣтъ. Мы твердо убѣждены въ томъ, что при личномъ составѣ, которое имѣло министерство въ своемъ распоряженіи и при тѣхъ ежегодныхъ выпускахъ, которые представляли наши университеты и училище правовѣдѣнія, можно было организовать новыя судебныя учреждения гораздо скорѣе, нежели это дѣлалось. Позволимъ себѣ замѣтить, что и въ другихъ вѣдомствахъ есть много образованныхъ юристовъ, занимающихъ должности, на которыхъ вовсе не требуется спеціальнаго юридическаго образованія, и которыя, слѣдовательно, могутъ быть занимаемы людьми, получившими образованіе въ другихъ факультетахъ; при недостаткѣ юридически образованныхъ лицъ, состоявшихъ въ распоряженіи министерства, можно было бы обратиться и къ этимъ лицамъ.

Удовлетвореніе такой потребности, какъ организація новыхъ судебныхъ учреждений, слишкомъ важно, чтобы другія вѣдомства не оказали въ этомъ случаѣ содѣйствія министерству юстиціи указаніемъ наиболѣе способныхъ изъ числа служащихъ подъ ихъ начальствомъ лицъ. Во всякомъ случаѣ, мы бы поняли промедленіе, еслибъ, во-первыхъ, министерство юстиціи считало нужнымъ строго слѣдовать при опредѣленіи къ должностямъ по судебному вѣдомству тѣмъ соображеніямъ, которыя помѣщены при ст. 202-й учрежденія судебныхъ установленій (изд. госуд. канцеляріи), т.-е. требовать отъ опредѣляемыхъ лицъ юридическаго образованія и вмѣстѣ доказанныхъ на службѣ познаній по судебной части. Изъ этихъ соображеній мы видимъ, что законодательная власть хотя и не нашла возможнымъ ограничить въ самомъ текстѣ закона право выбора непременно обоими условіями и допустила опредѣленіе съ одной практической опытностью, но только въ видѣ исключенія, чтобы не лишиться тѣхъ лицъ, которыя продолжительною службой приобрѣли основательныя познанія по судебной части. Необходимость юридическаго образованія законодательная власть доказываетъ слѣдующими многозначительными словами: „Если будущіе адвокаты должны соединять въ себѣ оба эти условія, то нельзя не требовать того же и отъ судей, которые при рѣшеніи дѣлъ должны не только правильно оцѣнять факты и законы, но и раскрыть истину, несмотря на противоположные доводы, представляемые адвокатами обѣихъ тяжущихся сторонъ“ (тамъ же стр. 135). Повторяемъ, еслибъ министерство юстиціи находило необходимымъ строго держаться этого

правила, то мы понимаемъ, что при извѣстной осторожности въ выборѣ личнаго состава и при ограниченномъ кругѣ, который можетъ быть лично извѣстенъ министру, необходимо продолжительное время для замѣщенія всѣхъ должностей, во всей Россіи. Но мы видимъ, что министерство пользовалось довольно широко своимъ правомъ представлять на судебныя должности не только лицъ съ одной практической опытностью по судебной части, но даже и безъ оной, такъ какъ иногда опредѣлялись на должность члена или предсѣдателя окружнаго суда лица, или неслужившія по судебной части, или не получившія не только юридическаго, но и какого бы то ни было образованія. Хотя и позволительно сомнѣваться, чтобъ люди, не получившіе, по крайней мѣрѣ, общаго образованія, могли пріобрѣсти одной практикой такія свѣдѣнія, которыя дали бы имъ возможность распутать иногда весьма сложное дѣло и найти истинный смыслъ какъ факта, такъ и закона; но мы думаемъ, что люди эти совершенно способны въ исполненію ихъ высокихъ обязанностей, если министерство юстиціи рѣшилось представить ихъ на высочайшее утвержденіе. Мы приводимъ это обстоятельство для того только, чтобъ доказать наше положеніе, что недостатка въ людяхъ не могло быть, если представлялось возможнымъ находить способныхъ людей даже между тѣми, которые не получили ни высшаго, ни средняго образованія. Кромѣ того мы убѣждены, что былъ избытокъ людей, такъ какъ мы знаемъ многихъ достойныхъ лицъ, получившихъ серьезное образованіе, практически знакомыхъ съ дѣломъ и не получившихъ мѣстъ, несмотря на ходатайство. Вообще, намъ кажется, что министерство юстиціи при назначеніи должностныхъ лицъ судебного вѣдомства не стѣсняется тѣми правилами, которыя изложены въ ст. 203 — 211-й учрежденія судебныхъ установленій, несмотря на то, что по истеченіи шести лѣтъ отъ введенія реформы въ первыхъ двухъ округахъ, условія эти могли быть соблюдаемы. Еслибъ въ министерствѣ юстиціи чувствовался недостатокъ въ людяхъ, способныхъ занять судебныя должности, то министр юстиціи конечно не рѣшился бы закрыть доступъ къ судебнымъ должностямъ всѣмъ тѣмъ лицамъ, которымъ въ теченіе университетскаго курса случилось быть замѣшанными въ какую-нибудь университетскую исторію. Увлеченіе молодости весьма понятно, и законъ всѣ подобныя проступки предоставляетъ судить и наказывать въ стѣнахъ университета, исключая ихъ совершенно изъ вѣдѣнія общихъ судебныхъ мѣстъ въ виду ихъ маловажности, а потому надо имѣть слишкомъ значительный контингентъ способныхъ силъ, чтобъ быть настолько осторожнымъ и рѣшиться отнять у молодого человѣка всякую надежду на судебную карьеру, только потому, что онъ въ минуту увлеченія нарушилъ какія-нибудь дисциплинарныя правила университета. Мы конечно увѣрены въ томъ, что всѣмъ извѣстный циркуляръ, ограни-

чивающій служебныя права извѣстной категоріи лицъ за такіе проступки, которые по суду не признаны подлежащими подобной карѣ, не будетъ строго исполняться, тѣмъ болѣе, что онъ не имѣетъ строго законнаго основанія; но за всѣмъ тѣмъ фактъ этотъ все-таки указываетъ, что недостатка въ людяхъ нѣтъ.

Несмотря однакожь на всѣ подобныя соображенія, недостатокъ людей выставляется многими, какъ положительное препятствіе къ повсемѣстному введенію реформы. Правда ли это? мы не знаемъ, такъ какъ министерство юстиціи никогда не находило нужнымъ сообщать обществу причины, задерживающія ходъ реформы. Между тѣмъ, очень бы не мѣшало успокоить на этотъ счетъ общественное мнѣніе, такъ какъ въ обществѣ безпрестанно ходятъ разные слухи о томъ, что нашимъ судебнымъ учреждениямъ грозятъ коренныя измѣненія. Говорятъ, что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ замѣтно сильное неудовольствіе на то самостоятельное положеніе, которое обнаруживается въ судебномъ сословіи, и что въ виду этого министерство юстиціи старается, хотя отчасти, замедлить рѣшительный шагъ, сдѣланный на этомъ пути судебными уставами. Говорятъ, что съ этой цѣлью выборъ лицъ на судебныя должности ограничивается кругомъ людей извѣстной категоріи, которые, во-первыхъ, положительно доказали свою политическую благонадежность, а во-вторыхъ, не выказываютъ поползновеній на значительную самостоятельность или потому, что не имѣютъ ея по своему характеру, или потому, что жаждутъ повышеній и награды, и что вслѣдствіе этого встрѣчается положительное затрудненіе въ замѣщеніи вакансій. Вотъ, къ какому нелѣпымъ слухамъ приводитъ иногда молчаніе высшихъ правительственныхъ мѣстъ о ходѣ такого дѣла, съ которымъ связано осуществленіе завѣтныхъ ожиданій общества. Мы конечно не придаемъ никакой вѣры этимъ слухамъ на томъ простомъ основаніи, что не можемъ допустить мысли, чтобъ министерство юстиціи желало исказить на десятки, а можетъ быть и сотню лѣтъ направленіе дѣятельности нашихъ судовъ, такъ какъ первоначальный личный составъ всегда будетъ имѣть вліяніе на замѣщеніе открывающихся вакансій и, сверхъ того, вырабатываетъ судебный обычай, который даетъ на долго тонъ всему дѣлу. Понятно, что люди безъ серьезныхъ убѣжденій всегда могутъ прикинуться вполне благонадежными, и получивъ мѣста, получать и возможность исказить начала, которыми дорожатъ всѣ образованныя общества. Но чѣмъ дороже для человѣка какое бы то ни было учрежденіе, чѣмъ болѣе онъ надѣется плодотворныхъ отъ него результатовъ, тѣмъ болѣе опасается онъ и за судьбу этого учрежденія, въ особенности при отсутствіи гарантій въ прочности порядка, не вполне согласнаго съ прежними традиціями и другими условіями государственной жизни. На этомъ основаніи возникновеніе различныхъ слуховъ хотя и понятно,

но нельзя однакожъ не указать на ихъ неосновательность. Откуда, напр., министерство юстиціи могло бы получать свѣдѣнія при сужденіи о благонадежности извѣстнаго лица, не опороченнаго судомъ? Очевидно, что только отъ постороннихъ вѣдомствъ; но это значило бы отказаться отъ той самостоятельной роли, которую признаетъ въ этомъ случаѣ законъ за министерствомъ юстиціи, и подчинить заключеніе свое о способностяхъ и нравственныхъ достоинствахъ избираемыхъ людей мнѣніямъ другихъ административныхъ вѣдомствъ, — это бы значило обратить министерство въ департаментъ другого вѣдомства и поставить судебную власть совершенно въ зависимость отъ административной. Можетъ ли какое-нибудь министерство рѣшиться на это? Мы считаемъ необходимымъ предостеречь читателя противъ этихъ слуховъ въ особенности потому, что причинами, возбуждающими подобные слухи, бываютъ часто явленія, хотя и печальныя, но чисто случайныя, зависящія отъ минутной ошибки и не имѣющія въ себѣ ничего систематическаго. Такъ, какое-нибудь неудачное назначеніе на важный постъ лица, извѣстнаго въ данной мѣстности своей неспособностью или выказавшаго своей прежней дѣятельностью незнакомство съ судебными постановленіями, и наоборотъ, отказъ въ повышеніи лица, заслужившаго довѣріе общества, непремѣнно вызываютъ толки и обобщеніе этихъ фактовъ въ цѣлую систему. Точно также случайное возвышеніе лицъ прокурорскаго надзора, безъ соблюденія правилъ указанныхъ въ 203-й и послѣдующихъ статьяхъ, даетъ поводъ предполагать, что прокурорскій надзоръ пользуется преимущественнымъ довѣріемъ министерства. Что касается послѣдняго обстоятельства, то нелѣпность обращающихся въ обществѣ слуховъ доходить до геркулесовыхъ столбовъ. Намъ случалось слышать такого рода вещи, что отъ прокуроровъ требуются свѣдѣнія о нравственныхъ качествахъ судей тѣхъ судебныхъ мѣстъ, при которыхъ они состоятъ. Допустить мысль о подобной оцѣнкѣ лицъ, которыя должны пользоваться, по существу своей власти, гораздо большимъ довѣріемъ, нежели прокуроры, — есть очевидная нелѣпность, и если мы приводимъ подобный слухъ, то только для того, чтобъ указать до какихъ нелѣпныхъ предположеній можетъ доходить общество въ виду нѣкоторыхъ исключеній, допущенныхъ въ пользу лицъ прокурорскаго надзора. Общество чрезвычайно чутко къ своимъ интересамъ; оно требуетъ отъ судьи полнаго безпристрастія, а между тѣмъ, зная по собственному опыту, какъ трудно отвыкать отъ сдѣланныхъ привычекъ, опасается, чтобъ назначеніе на высшія судебныя должности прокуроровъ не сдѣлалось системой. Сущность обвинительной власти состоитъ именно въ томъ, чтобъ отыскивать связь между существующими уликами, группировать ихъ такъ, чтобъ существующее подозрѣніе представлялось очевидной виновностью; судебная же власть имѣетъ совершенно другое

назначеніе: она должна строго взвѣшивать представленныя доводы и придавать имъ значеніе тогда только, когда они имѣютъ безусловно необходимую связь между собою. Если для должности прокурора нуженъ человекъ находчивый и впечатлительный, то для должности судьи нуженъ человекъ хладнокровный, способный отнестись критически къ каждому явленію и анализировать его подробно. Отсюда вытекаетъ необходимость строго отличать эти различныя способности людей при выборѣ кандидатовъ для замѣщенія должностей по судебному вѣдомству. Отличный прокуроръ можетъ быть очень плохимъ судьей, и наоборотъ. Если же принять въ соображеніе, что умъ нашъ, вслѣдствіе привычки, изощряется особенно въ томъ, чѣмъ онъ преимущественно занимается, то мы по необходимости придемъ къ заключенію, что прокуроръ, привыкшій въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ отыскивать въ дѣлѣ однѣ улики виновности, будетъ очень одностороннимъ рѣшителемъ спора и будетъ безсознательно склонять вѣсы правосудія на сторону обвиненія. Если же онъ человекъ вполне добросовѣстный, то, опѣнивъ значеніе привычки, онъ можетъ, не довѣряя себѣ, влаться въ противоположную крайность. Во всякомъ случаѣ произойдетъ вредъ для правосудія, и тѣмъ болѣе, чѣмъ на высшую судебную должность назначается лицо прокурорскаго надзора. Намъ кажется, что человекъ, серьезно относящійся къ своимъ обязанностямъ, понимающій, какая громадная разница должна быть въ способностяхъ прокурора и судьи и разъ посвятившій себя прокурорской дѣятельности, не можетъ принять на себя обязанностей судьи, не становясь въ разрѣзъ съ своей совѣстью. Тѣмъ болѣе слѣдовало бы обратить вниманіе на это обстоятельство тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ Россія ожидаетъ судей не только честныхъ вообще, но и безпристрастныхъ по отношенію къ различнымъ взглядамъ и убѣжденіямъ людей. Лица же прокурорскаго надзора врядъ ли будутъ хорошими судьями: практика приучаетъ ихъ дѣлать слишкомъ послѣшныя приговоры о виновности. Если намъ возражать, что вердиктъ о виновности принадлежитъ присяжнымъ, а не судьямъ, то на это мы замѣтимъ, что не всѣ дѣла въ судѣ рѣшаются съ присяжными засѣдателями, что предсѣдатель суда можетъ имѣть огромное вліяніе на рѣшеніе присяжныхъ въ своей заключительной рѣчи, что постановка вопросовъ имѣетъ также весьма важное значеніе и что, наконецъ, въ судебной палатѣ присяжныхъ вовсе нѣтъ, а въ ней разсматриваются и обвинительный актъ и аппеляція на приговоръ суда. Намъ кажется, что такія назначенія не требуются даже и съ той цѣлью, чтобъ у лицъ прокурорскаго надзора была извѣстная карьера, такъ какъ въ этомъ отношеніи люди, посвятившіе себя этого рода дѣятельности, могли бы возвышаться до должностей оберъ-прокуроровъ правительствующаго сената. Конечно, молодые люди могутъ ошибиться въ своемъ призваніи и выбрать прокурорскую дѣя-

тельность не согласно своимъ способностямъ. На этомъ основаніи необходимо доставить имъ возможность поправить свою ошибку и допустить одно исключеніе изъ этого правила—это назначеніе членовъ окружнаго суда изъ числа товарищей прокуроровъ онаго, пожелавшихъ измѣнить родъ своей дѣятельности. Въ этихъ лицахъ, конечно, не можетъ еще укорениться привычка относиться легко къ обвиненію, а коллегіальное устройство суда приучило бы ихъ скоро къ болѣе серьезному анализу.

Мы уклонились нѣсколько отъ занимавшаго насъ вопроса указаніемъ того вреда, который можетъ происходить отъ выбора кандидатовъ для высшихъ судебныхъ должностей изъ числа лицъ прокурорскаго надзора; но мы не могли не высказать этихъ мыслей въ данномъ случаѣ въ виду слуховъ, порождаемыхъ подобными назначеніями, тѣмъ болѣе, что статьи 203, 206, 207 и 208-я учрежденій судебныхъ установленій, опредѣляющія, кто можетъ быть членами судебныхъ мѣстъ, не дѣлаютъ никакого различія между прокурорскимъ надзоромъ и остальными лицами судебного вѣдомства, какъ будто между обязанностями этихъ должностныхъ лицъ нѣтъ никакой разницы и какъ будто отъ судьи требуется тотъ же самый практическій приемъ, какъ и отъ прокурора. Взглядъ этотъ намъ кажется весьма ошибочнымъ, и мы никакъ не можемъ согласить его со взглядомъ, выраженнымъ въ статьѣ 204-й, по которой присяжные повѣренные допускаются только къ должностямъ членовъ окружныхъ судовъ и притомъ когда они пробывли въ семъ званіи не менѣе десяти лѣтъ. Между тѣмъ, для поступленія въ званіе присяжныхъ повѣренныхъ требуется, кромѣ юридическаго образованія, болѣе продолжительный срокъ службы по судебной части, нежели для поступленія въ члены окружнаго суда, т. е. пять лѣтъ для перваго, и три года для послѣдняго. Въ соображеніяхъ къ этой статьѣ сказано, что для членовъ суда необходимо хорошо ознакомиться съ судебною частью; но вѣдь то же самое требуется и для присяжнаго повѣреннаго, собственный интересъ котораго заставляетъ его приобрести необходимую опытность, безъ которой онъ не будетъ имѣть никакой практики. По нашему мнѣнію, адвокатская обязанность есть лучшая школа для судьи, такъ какъ на этомъ поприщѣ человѣкъ долженъ заниматься не только уголовными, но и гражданскими дѣлами. Такъ смотрять на дѣло въ классической странѣ адвокатуры,—въ Англии, гдѣ коронные судьи, пользующіеся громаднымъ авторитетомъ и почетомъ, преимущественно назначаются изъ адвокатовъ. Хотя Бенгамъ и вооружается противъ такого порядка вещей,—но многолѣтній опытъ Англии доказываетъ прямо, какъ жестоко ошибался онъ въ своихъ теоретическихъ соображеніяхъ. Между тѣмъ, у насъ, какъ оказывается, отдано предпочтеніе этому взгляду Бенгама, потому что десятилѣтній срокъ, положенный для присяжныхъ повѣ-

ренныхъ для поступленія только въ члены окружнаго суда все равно, что совершенное воспрещеніе выбора судей изъ этого сословія. Человѣкъ, остававшійся въ семъ званіи десять лѣтъ и притомъ исполнявшій свои обязанности безукоризненно, какъ того требуетъ законъ, необходимо долженъ настолько уже упрочить свое положеніе, что должность члена окружнаго суда не представить для него ничего привлекательнаго. Намъ кажется, что въ этой статьѣ выразилось только желаніе составителей уставовъ оградить судебную карьеру отъ конкуренціи тѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые не успѣли пріобрѣсти себѣ достаточной практики. Противъ этого мы можемъ замѣтить, что едвали полезно приносить въ жертву интересы цѣлаго государства — выгодамъ судебного сословія.

Но, возвратимся къ нашему предмету. Мы видѣли, какіе печальные слухи распространяются вслѣдствіе медленнаго введенія судебной реформы. Мы называемъ ихъ печальными не потому, чтобы считали ихъ правдоподобными, а потому, что они служатъ намъ доказательствомъ существованія въ нашемъ обществѣ противниковъ судебной реформы, которые въ угоду своей фантазіи навязываютъ высшимъ правительственнымъ сферамъ Богъ-знаетъ какія тенденціи. Но если медленность введенія судебной реформы въ великорусскихъ губерніяхъ подвергается различнымъ комментаріямъ, то еще болѣе удивляетъ общество то обстоятельство, что она не вводится въ остзейскихъ провинціяхъ. Какъ, слышатся голоса въ обществѣ, въ то время, когда большая половина Россіи пользуется судомъ общимъ, для всѣхъ сословій, въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ столицы существуетъ до сихъ поръ сословный судъ средневѣковыхъ временъ, и русскій подданный перестаетъ пользоваться тѣми гарантіями, которыя предоставляютъ ему законы его отечества, не покидая его, а только переѣзжая границу Петербургской губерніи. Дѣйствительно, фактъ поразительный, который можетъ быть комментированъ на тысячу ладовъ и все-таки ему не найдешь достаточныхъ основаній. Здѣсь уже нѣтъ возможности утверждать, что недостатокъ людей тому причиной. Въ остзейскихъ провинціяхъ, несомнѣнно, образованіе развито гораздо болѣе, чѣмъ въ остальныхъ губерніяхъ: это доказывается и числомъ учебныхъ заведеній и процентомъ учащихся. Кромѣ того, мы видимъ въ нашихъ судебныхъ мѣстахъ очень много уроженцевъ остзейскихъ губерній, которые конечно не отказались бы служить на своей родинѣ. Намъ конечно могутъ сказать, что особенности края, состояющія въ разноплеменности населенія, требуютъ нѣкоторыхъ измѣненій въ судебныхъ уставахъ. Мы не будемъ спорить противъ этого, такъ какъ эти особенности дѣйствительно существуютъ, но мы думаемъ, что примѣненіе судебныхъ уставовъ къ этимъ особенностямъ должно касаться лишь мелкихъ подробностей, и возникающія отсюда затрудненія, конечно не таковы, чтобы ихъ нельзя было

устранить въ теченіи семи лѣтъ. Чтожь касается до главныхъ и существенныхъ основаній реформы, то они, составляя результатъ общевропейской цивилизаціи, конечно приложимы вполне и къ остзейскимъ губерніямъ, какъ и ко всей Россіи. Утверждать противное значить утверждать, что три губерніи въ западномъ углу Россіи не имѣютъ ничего общаго съ Европой и ихъ цивилизація совершенно иная отъ европейской. Если найдено возможнымъ примѣнить дѣйствіе судебныхъ уставовъ на Кавказѣ и за Кавказомъ, гдѣ конечно представлялось несравненно болѣе затрудненій всякаго рода и по языку, и по разноплеменности населенія и по неразвитости и даже дикости массъ, и по огромнымъ пространствамъ и по недостатку людей; если всѣ эти затрудненія были побѣждены просвѣщеннымъ стремленіемъ мѣстнаго управленія, то мы не видимъ никакихъ причинъ, препятствующихъ введенію судебной реформы въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Здѣсь нужна только добрая воля и ничего болѣе. Несмотря однакожь на всю ясность дѣла, судебная реформа не вводится до сихъ поръ въ эти губерніи и даже проекты о примѣненіи ея не выработаны окончательно, хотя коммиссіи для этой цѣли были давно составлены. Въ виду подобныхъ обстоятельствъ трудно не согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, которое ходитъ въ обществѣ, что камнемъ преткновенія въ этомъ дѣлѣ служатъ права остзейскаго дворянства. Если это дѣйствительно такъ, если меньшинство населенія имѣетъ такіа права, которыя несовмѣстны съ началами, положенными въ основаніе судебныхъ уставовъ, то мы, съ своей стороны, не находимъ въ этомъ обстоятельствѣ никакихъ затрудненій. Права эти должны исчезнуть и ничего болѣе. Вѣдь это не имущественное право, за потерю котораго необходимо отыскать средства вознагражденія, а слѣдовательно нужно время. Судебная власть не можетъ принадлежать отдѣльному сословію, это есть принадлежность государственной власти, которая облечаетъ ее въ такіа формы, которыхъ требуетъ современный порядокъ вещей. Средневѣковыя формы остзейскаго суда устарѣли и должны исчезнуть, несмотря ни на какіа привилегіи тамошняго дворянства. Наконецъ, не будемъ обходить послѣдняго слова, а выскажемъ прямо, какъ думаютъ русскіе люди объ этомъ вопросѣ. А думаютъ они такъ, что введеніе въ остзейскомъ краѣ судебныхъ уставовъ есть вопросъ чести для министерства юстиціи, и наше личное уваженіе къ этому министерству заставило насъ совершенно откровенно высказать такое мнѣніе русскихъ людей. Мы рѣшились высказать это мнѣніе еще и потому, что такой образъ дѣйствій совершенно бы совпадалъ съ той политикой, которой должна держаться Россія на своихъ окраинахъ. Эта политика должна состоять въ покровительствѣ большинству и уничтоженіи тягостныхъ привилегій.

Только такая гуманная политика и может оправдывать наши права на владѣніе окраинами.

Затѣмъ, мы обращаемся еще къ одному факту, который также доказываетъ, что судебная реформа имѣетъ противниковъ. Припомнимъ проектъ объ усиленіи власти губернаторовъ, который хотя и не былъ опубликованъ, но содержаніе котораго далеко не тайна. Самое названіе этого проекта уже показываетъ, что въ немъ проводилась мысль о необходимости вліянія администраціи на судебную власть. Припомнимъ и тѣ заключенія, которыя были присылаемы на этотъ проектъ. Многія изъ нихъ, какъ мы слышали, весьма энергично высказывались противъ самостоятельности суда и за необходимость зависимости его отъ администраціи. Самая существенная сторона реформы, условіе, безъ котораго немислимо правосудіе, безъ котораго судъ не можетъ пользоваться довѣріемъ общества и поддерживать уваженія къ существующимъ законамъ,—всего болѣе подвергается нареканіямъ и представляется въ невыгодномъ свѣтѣ, какъ что-то вредное, парализующее дѣйствіе административныхъ властей. Не доказываетъ ли это лучше всего, какъ ерѣпостныя замашки сроднились съ нашимъ обществомъ и не отстаютъ отъ него, несмотря ни на какія реформы? Вдумались ли люди, высказывающіе подобныя мысли, что они тѣмъ самымъ подрываютъ значеніе той власти, которую хотятъ возвысить? Въ самомъ дѣлѣ, что такое административная власть? Она распоряжается матеріальной силой, которая непосредственно заставляетъ управляемыхъ исполнять постановленія власти законодательной. По своей сущности она есть представитель матеріальныхъ силъ государства и слѣдовательно не можетъ имѣть исключительно нравственного авторитета. Власть же судебная есть власть чисто нравственная. Истинное назначеніе суда—устранить необходимость употребленія грубой, матеріальной силы и замѣнить ее, въ умахъ людей, идеей права и справедливости, установить такой порядокъ, чтобы люди подчинялись рѣшеніямъ суда, какъ безусловной необходимости. Государственная власть, издавая законъ, беретъ на себя только наблюденіе за его исполненіемъ, но устраняетъ себя отъ сужденія виновнаго въ его нарушеніи. Этотъ судъ она предоставляетъ особымъ органамъ, ставя, такимъ образомъ, какъ бы посредниковъ изъ среды самихъ гражданъ между собою и подданными. Она передаетъ всякое судебное дѣло особенной власти и исполняетъ потомъ ея приговоръ. Такимъ образомъ, правительственная или административная власть устраняетъ отъ себя всякое нареканіе, если требуется приложеніе физической силы, которая есть только орудіе силы нравственной, выраженной въ приговорѣ суда. На этомъ основаніи распоряженія административныхъ властей, дѣйствующихъ при посредствѣ физическихъ силъ государства, могутъ получать великую нравственную силу только при содѣйствіи суда. И дѣй-

ствительно, институтъ судебной власти имѣеть громадное, могущественное вліяніе на умы людей. Но, чтобъ она дѣйствительно получила это нравственное значеніе и могла бы поддерживать значеніе административныхъ распоряженій, необходимо, чтобъ она была независима отъ администраціи и произносила свои приговоры совершенно свободно. Только при такомъ положеніи судебной власти административныя распоряженія, поддержанныя судомъ, получаютъ въ глазахъ общества характеръ не простой силы, а водворенія законности и справедливости. Безъ этого же условія, распоряженія правительственныхъ властей хотя и будутъ исполняться, но довѣрія къ нимъ общество имѣть не будетъ. Вслѣдствіе всего сказаннаго ясно, что лица, желающія поставить судъ подъ вліяніе администраціи, стремятся къ тому, чтобъ подорвать въ корнѣ всякое нравственное вліяніе администраціи на общество, что, конечно, ни къ чему хорошему привести не можетъ, потому что безъ довѣрія общества при настоящемъ порядкѣ вещей управлять имъ невыгодно. Но, говорятъ противники реформы, подобный порядокъ ведетъ къ постояннымъ пререканіямъ и столкновеніямъ.—Держитесь строго законности и не выходите изъ предѣловъ вашей власти, отвѣтимъ мы, и вы конечно не придете въ столкновеніе съ властью судебной. Коллегіальное судебное учрежденіе конечно не можетъ дѣйствовать настолько неосторожно, чтобъ присвоить не принадлежащую ему власть; но, если бы случился такой казусъ, то это можетъ быть только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ и притомъ развѣ вслѣдствіе неясности или неполноты законовъ. Законъ предвидѣлъ подобные случаи и для разрѣшенія ихъ установилъ особый порядокъ; слѣдовательно, для предупрежденія ихъ нельзя искажать главнаго основанія реформы. Кромѣ того, судебная власть не можетъ дѣлать ни шагу, не приводя законнаго основанія своихъ дѣйствій, между тѣмъ какъ административная дѣятельность трудно поддается опредѣленію. Къ тому же, наши старыя административныя замашки еще не вполне вывелись, и усмотрѣніе администраціи до сихъ поръ иногда играетъ довольно значительную роль, даже вопреки существующихъ законовъ. Если свести перечень столкновеній администраціи съ судебной властью, то навѣрное можно сказать, что $\frac{2}{3}$, если не $\frac{3}{4}$ этихъ столкновеній происходятъ по винѣ полицейскихъ и административныхъ чиновъ. Судъ встрѣчается съ неправильными дѣйствіями и не можетъ обходить ихъ молчаніемъ, и вотъ поводъ къ столкновенію. Поэтому, не правы ли мы были, сказавши: держитесь законности, и у васъ не будетъ столкновеній съ судомъ. Мы могли бы представить много примѣровъ тому, съ какими преградами должно еще встрѣчаться примѣненіе великихъ началъ судебной реформы, и можно ли удивляться послѣ этого, что благотворныя послѣдствія этихъ началъ не развиваются въ той степени, какъ можно было того ожидать при появленіи самыхъ

уставовъ. Но мы указали только нѣкоторыя, чисто внѣшнія причины, мѣшающія полному развитію и примѣненію этихъ началъ и притомъ такія, которыя извѣстны всѣмъ и каждому, а сколько есть такихъ, которыя хотя и существуютъ, но не замѣчены нами, такъ какъ мы не обладаемъ даромъ всевѣднія. Впрочемъ, еслибъ наши свѣдѣнія были и обширнѣе, то и тогда мы не стали бы распространяться слишеюмъ много, въ силу старой русской поговорки: „не все, что знаешь, говори“. Впрочемъ, кромѣ этихъ внѣшнихъ причинъ въ самыхъ уставахъ есть правила, которыя, какъ мы замѣтили выше, вовсе не вытекаютъ изъ главныхъ основаній и съ которыми мы не можемъ никакъ согласиться. Мы будемъ говорить объ нихъ при разсмотрѣніи отдѣльныхъ частей реформы,—къ которому и перейдемъ теперь.

II. Общее раздѣленіе судебныхъ установленій и предѣлы ихъ власти.

Судебные уставы опредѣляютъ три вида судебной власти: обвинительную, слѣдственную и собственно судебную. Обвинительная власть принадлежитъ прокурорскому надзору, состоящему при судебныхъ мѣстахъ: назначеніе ея—обличать передъ судомъ виновныхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ и защищать, въ нѣкоторыхъ закономъ опредѣленныхъ случаяхъ, интересы частныхъ лицъ и казны — въ дѣлахъ гражданскихъ. Слѣдственная часть ввѣряется особымъ чинамъ, именуемымъ судебными слѣдователями и состоящимъ при окружныхъ судахъ въ качествѣ его членовъ. Наконецъ, собственно судебная власть или постановленіе приговоровъ въ порядкѣ гражданскомъ, исправительномъ или уголовномъ принадлежитъ мировымъ судьямъ, сѣздамъ мировыхъ судей, окружнымъ судамъ, судебнымъ палатамъ и наконецъ правительствующему сенату, въ качествѣ верховнаго кассационнаго суда. Мировые судьи и ихъ сѣзды вѣдаютъ на пространствѣ своего округа дѣла о преступленіяхъ или проступкахъ менѣе важныхъ, влекущихъ за собой содержаніе въ тюрьмѣ не болѣе одного года, дѣла же гражданскія не свыше 500 руб. Всѣ остальные дѣла подлежатъ вѣдѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ.

Нельзя не согласиться, что раздѣленіе судебной власти необходимо и вытекаетъ изъ ея сущности. Судъ долженъ приступать къ разрѣшенію уже возбужденныхъ вопросовъ, а начинать дѣла по собственной инициативѣ онъ можетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ. Онъ не стоитъ въ непосредственномъ отношеніи къ жизни общества, а имѣетъ дѣло съ отдѣльными фактами и существующими законами. Его дѣло, если можно такъ выразиться, болѣе кабинетное. На этомъ основаніи необходимы особыя органы обвинительной власти, обязанность которыхъ состоитъ въ преслѣдованіи правонарушеній, невызывающихъ обвиненія со стороны частныхъ лицъ, между тѣмъ какъ

въ преслѣдованіи ихъ общество и государство живо заинтересованы. Мы думаемъ даже, что на основаніи новыхъ законовъ уголовного судопроизводства кругъ дѣятельности прокурорскаго надзора не совсѣмъ основательно ограниченъ только дѣлами, подлежащими вѣдѣнію окружнаго суда. Намъ кажется, что вѣдѣнію мировыхъ судебныхъ учреждений предоставлены многіе весьма важные проступки и преступленія, которые остаются совершенно безгласными по неимѣнію обвинителя и слѣдователя. Сюда относятся нѣкоторые проступки противъ полицейскихъ правилъ, противъ народнаго здоровья, противъ личной безопасности, затѣмъ кража ниже 300 руб., обманъ различнаго рода и т. д. Всѣ эти нарушенія законовъ могутъ быть очень важны по отношенію къ общественной жизни; между тѣмъ частное лицо, имѣя въ виду преступленіе, не рѣшается явиться обвинителемъ, такъ какъ не имѣетъ возможности собрать доказательствъ, и въ случаѣ недостатка ихъ, опасается быть обвиненнымъ въ клеветѣ, а полиція, въ силу освобожденія ея отъ слѣдственной части, почти вовсе не обращаетъ вниманія на подобныя преступленія. На этомъ основаніи было бы желательно, чтобъ прокурорскій надзоръ имѣлъ право возбуждать обвиненіе и въ мировыхъ учрежденияхъ. Мы не можемъ только согласиться съ правиломъ, по которому обвинительная власть находится въ полной и непосредственной зависимости отъ министра юстиціи. Намъ кажется, что всѣ другія вѣдомства могутъ имѣть болѣе близкія отношенія къ обвинительной власти, чѣмъ министерство юстиціи. Для послѣдняго вовсе нѣтъ надобности имѣть мѣстныхъ, непосредственно подчиненныхъ ему органовъ власти. По существу судебной власти, неподлежащей контролю администраціи, роль министерства юстиціи сводится только къ выбору лицъ для замѣщенія должностей, къ представленію ихъ на высочайшее утвержденіе и къ разассигнованію кредитовъ на содержаніе судебныхъ мѣстъ и лицъ согласно штатамъ. Но для этого не требуется никакихъ мѣстныхъ органовъ. Наблюдать же за правильностью дѣйствій прокурорскаго надзора министерство не можетъ ни въ какомъ случаѣ. Повѣрка обвинительныхъ актовъ предоставляется не администраціи, а судебной власти и заключенія свои передъ судомъ прокурорскій надзоръ даетъ на основаніи собственнаго убѣжденія, по совѣсти. Что же касается бездѣйствія прокурорскаго надзора, то оно можетъ быть извѣстно скорѣе судебному слѣдователю и полиціи, чѣмъ министерству юстиціи.

Для того, чтобъ опредѣлить правильное отношеніе обвинительной власти къ другимъ учреждениямъ, рассмотримъ подробнѣе, въ чемъ она должна состоять и въ какія условія поставлена нашимъ законодательствомъ. Въ кругѣ дѣйствій обвинительной власти не должно быть никакихъ судебныхъ функций, исключая развѣ права освобождать изъ-подъ ареста неправильно задержанныхъ лицъ. Во всемъ

остальномъ прокурорскій надзоръ долженъ обращаться къ суду, и заключенія его только тогда должны имѣть значеніе, когда судъ признаетъ ихъ правильными. По крайней мѣрѣ таково положеніе обвинительной власти, которое создавалось основными положеніями. Ст. 51-я прямо говоритъ, что эта обязанность состоитъ въ обнаруженіи и преслѣдованіи *передъ судомъ* всякаго нарушенія законнаго порядка. Между тѣмъ, такое положеніе нѣкоторыя статьи судебныхъ уставовъ измѣняютъ, къ чему также стремятся и нѣкоторыя административныя распоряженія, какъ мы видѣли выше; но мы не думаемъ, чтобъ эти измѣненія характера обвинительной власти повели бы къ лучшему и соотвѣтствовали главной цѣли законодателя, выраженной въ основныхъ положеніяхъ. Законъ обязываетъ слѣдователя исполнять только законныя требованія прокурора по предмету изслѣдованія и по собранію доказательствъ. На этомъ основаніи казалось бы, что судебный слѣдователь имѣетъ право обсуждать требованіе и, въ случаѣ незаконности, отказать въ исполненіи. Въ такомъ смыслѣ выражены статьи 281 и 285-я устава уголовного судопроизводства; между тѣмъ статьи 282 и 286-я вмѣняютъ слѣдователю въ обязанность непремѣнное исполненіе требованія прокурорскаго надзора, хотя бы слѣдователь и признавалъ эти требованія неправильными. Намъ кажется, что законъ 282-й ст., требующій, чтобъ судебный слѣдователь ожидалъ разрѣшенія прокурора или его товарища даже въ тѣхъ случаяхъ, когда требованіе послѣдняго исполнить невозможно, а также законъ 286-й ст. о правѣ прокурорскаго надзора требовать дополненія слѣдствія, которое слѣдователь считаетъ оконченнымъ, не согласны съ существомъ обвинительной и судебной власти. Что-нибудь одно: или слѣдователь есть представитель судебной власти и тогда онъ долженъ быть самостоятельнымъ лицомъ въ отношеніи обвинительной, или онъ лицо, подчиненное прокурорскому надзору, и тогда не можетъ быть представителемъ судебной власти. Намъ кажется, что тѣ статьи, которыя устанавливаютъ извѣстный родъ подчиненія судебныхъ слѣдователей прокурорскому надзору, составляютъ противорѣчіе не только съ принципомъ самостоятельности суда, но и съ тѣмъ положеніемъ, по которому судебные слѣдователи утверждаются высочайшею властью, а товарищи прокуроровъ министромъ юстиціи. Не можетъ быть предоставлена ббльшая власть лицу, утверждаемому министромъ, въ сравненіи съ тѣмъ лицомъ, которое опредѣляется высочайшею властью. Мы думаемъ, что эти статьи должны быть отнесены къ тѣмъ уступкамъ, о которыхъ мы говорили выше, тѣмъ болѣе, что на основаніи 48-й статьи основныхъ положеній, не только товарищей, но и прокуроровъ окружныхъ судовъ предположено было утверждать министру юстиціи, и что это правило измѣнено въ 221-й ст. учрежденій судебныхъ установленій, вѣроятно для того, чтобы отчасти согласить то

противорѣчіе, о которомъ мы говоримъ. Между тѣмъ это противорѣчіе все-таки остается, такъ какъ въ уѣздахъ наблюдаютъ за производствомъ слѣдствій товарищи прокурора, самъ же онъ только въ рѣдкихъ случаяхъ. Намъ кажется, что это неестественное отношеніе обвинительной власти къ судебной имѣло дальнѣйшимъ послѣдствіемъ то административное распоряженіе, по которому должность судебного слѣдователя поставлена въ другое положеніе, нежели какое создано для нея закономъ. Такъ одинъ шагъ, сдѣланный несогласно съ основнымъ положеніемъ, ведетъ непременно къ дальнѣйшему противорѣчію цѣлой системѣ.

Изучая порядокъ уголовного процесса мы рѣшительно не можемъ понять, съ какою цѣлью необходимо было возвышать обвинительную власть на счетъ судебной? Для чего лицамъ, зависящимъ отъ министерства, придавать значеніе большее, нежели лицамъ судебного вѣдомства? Намъ могутъ возразить, что прокурорскій надзоръ долженъ поддерживать обвиненіе на судѣ и что, поэтому, онъ долженъ имѣть вліяніе на производство слѣдствія. Но на этомъ основаніи слѣдовало бы поставить обвинительную власть при судебномъ слѣдствіи въ то же положеніе, въ какомъ она поставлена въ отношеніи судебного слѣдователя, такъ какъ при обвиненіи въ судѣ прокурорскій надзоръ можетъ сослаться только на факты, добытые судебнымъ, а не предварительнымъ слѣдствіемъ. Но мы видимъ, что прокурорскій надзоръ далеко не имѣетъ здѣсь тѣхъ правъ, которыя ему предоставлены при производствѣ предварительнаго слѣдствія: всѣ документы предварительнаго слѣдствія читаются на судѣ только съ его разрѣшенія. Если же обвинительная власть не имѣетъ права требовать извѣстныхъ дѣйствій на судебномъ слѣдствіи, результаты котораго должны быть основаніемъ обвинительной рѣчи, то тѣмъ менѣе она нуждается въ такомъ правѣ при слѣдствіи предварительномъ, документы котораго не принимаются вовсе въ соображеніе, если они не подтверждены или не прочтены на судебномъ слѣдствіи. Отсюда слѣдуетъ, что обвинительная власть должна имѣть то же положеніе передъ лицомъ судебного слѣдователя, какое она имѣетъ на судѣ, съ правомъ обжаловать каждое слѣдственное дѣйствіе въ окружный судъ. Она есть представитель правительственной власти передъ судомъ, истецъ по дѣламъ о преступленіяхъ болѣе важныхъ, въ преслѣдованіи которыхъ заинтересовано и общество и государство, а потому не можетъ и не должна имѣть никакой самостоятельной власти. Если само правительство отказывается отъ права самостоятельно карать преступленіе и предоставляетъ это особымъ органамъ въ лицѣ судебной власти, къ обязанностямъ которой относить не только постановленіе приговора, но и производство слѣдствій, то откуда же обвинительная власть, зависящая отъ администраціи, получить право самостоятельно распоря-

жаться производствомъ того или другого слѣдственнаго дѣйствія? Допустить такой порядокъ не будетъ ли значить, что правительственная власть становится въ двоякое положеніе, вслѣдствіе котораго она съ одной стороны отказывается отъ своего права карать преступника, съ другой, желаетъ удержать за собою это право. Но вромѣ нелогичности такихъ отношеній, они не соотвѣтствуютъ и справедливости. Прокурорскій надзоръ, по нашимъ законамъ, не только имѣетъ право обвинять, но и направлять слѣдствіе по своему усмотрѣнію, тогда какъ подсудимый не пользуется правомъ защиты, что нарушаетъ условія состязательнаго процесса. Отсутствие защиты во время предварительнаго слѣдствія еще можно понимать, если обвинительная власть не пользуется самостоятельнымъ правомъ давать направленіе дѣлу, если слѣдователь, какъ представитель судебной власти, можетъ вести его по своему усмотрѣнію и является такимъ образомъ до извѣстной степени защитникомъ обвиняемаго. Но если, при отсутствіи защиты, обвинительная власть вооружена еще правами самостоятельной слѣдственной власти, тогда такой порядокъ можетъ угрожать свободѣ и чести частныхъ лицъ: та и другая будетъ отдана на произволъ одного лица. Представимъ себѣ, что какой-нибудь товарищъ прокурора вздумаетъ, быть можетъ изъ желанія повредить извѣстному лицу, произвести обыскъ въ его домѣ. Судебный слѣдователь не въ правѣ отказать въ этомъ, и вотъ хорошій человѣкъ можетъ потерять и довѣріе и уваженіе своихъ сосѣдей, не говоря уже о томъ нравственномъ униженіи, которое испытываетъ человѣкъ во время подобныхъ дѣйствій. Положимъ, что за подобный поступокъ товарищъ прокурора получить выговоръ или даже будетъ удаленъ отъ должности, но развѣ это можетъ вознаградить потерпѣвшаго отъ подобнаго поступка? Не говоря уже о томъ, что имущественный убытокъ отъ потери кредита не можетъ быть не только вознагражденъ, но даже исчисленъ, здѣсь всего важнѣе нравственное униженіе, которое иногда убиваетъ человѣка, въ особенности, если онъ преклонныхъ лѣтъ и пользуется уваженіемъ общества. Намъ кажется, что вся цѣль новой реформы состоитъ въ доставленіи обществу необходимыхъ гарантій противъ административнаго, полицейскаго, судебного и всякаго другаго произвола: къ этому направлены, повидимому, всѣ тѣ великія начала, которыя положены въ основаніе судебныхъ уставовъ. Но достигнется ли эта цѣль, если прежній административный и полицейскій произволъ будетъ переданъ товарищу прокурора, и что изъ этого выиграетъ общество? Вотъ вопросъ, надъ которымъ стоить задуматься тѣмъ, которые считаютъ необходимымъ расширеніе власти прокурорскаго надзора.

Если сущность обвинительной власти есть преслѣдованіе передъ судомъ нарушенія закона, то она есть не болѣе, какъ та же полиція,

только высшаго порядка: ей поручается преслѣдованіе передъ судомъ нарушеній закона въ случаяхъ болѣе важныхъ, тогда какъ исполнительная полиція является обвинительной властью въ случаяхъ менѣе важныхъ. Обѣ эти власти служатъ представителями правительства передъ судомъ: одна въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, другая въ мировыхъ учрежденіяхъ. На этомъ основаніи, обвинительная власть должна находиться въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ одной стороны къ правительственной власти, представителемъ которой она служитъ, съ другой—къ полиціи низшаго порядка или исполнительной какъ по однородности предметовъ вѣдомства, такъ и потому, что исполнительная полиція составляетъ орудіе всякой правительственной власти. Между тѣмъ, по существующему не только у насъ, но и въ другихъ европейскихъ государствахъ порядку, правительственная власть по отношенію къ общему управленію сосредоточена въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ, которому принадлежитъ и высшая полицейская власть въ государствѣ и охраненіе общаго порядка и благоустройства. На этомъ основаніи, мы не видимъ никакихъ причинъ относить обвинительную власть къ вѣдомству министерства юстиціи: мѣсто ея въ средѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ высшей полицейской инстанціи. Постараемся выставить практическія удобства подобнаго порядка вещей.

Если между обвинительной властью съ одной стороны и административной и судебной съ другой, возможны и происходятъ столкновенія, то это зависитъ именно оттого, что наша обвинительная власть поставлена въ совершенно неестественное отношеніе какъ къ первой, такъ и къ послѣдней. Полиція состоитъ въ вѣдѣніи губернатора, а между тѣмъ, по производству дознаній, она подчинена прокурорскому надзору; судебный слѣдователь есть членъ окружнаго суда и долженъ дѣйствовать подъ его контролемъ, а между тѣмъ прокурорскій надзоръ можетъ требовать отъ него извѣстныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, въ которыхъ онъ не имѣетъ права отказать ему. Прокуратура можетъ расходиться съ администраціей въ своихъ мнѣніяхъ по многимъ предметамъ, и тогда полиція, зависящая вполнѣ отъ администраціи, не только можетъ сѣять неудовольствіе между обѣими властями, сваливая неисполненіе требованій одной стороны на предписаніе другой, но можетъ совершенно парализовать дѣйствіе обвинительной власти, такъ какъ все-таки полиція остается единственнымъ орудіемъ, посредствомъ котораго дѣйствуетъ всякая правительственная власть. Обстоятельство это можетъ породить массу столкновеній обвинительной и административной власти, въ особенности, если прокуроръ воспользуется своимъ правомъ, предоставленнымъ ему 485-ю ст. уголовного судопроизводства и привлечетъ полицію къ отвѣтственности передъ оружнымъ судомъ. Съ другой стороны, прокурорскій над-

зорь имѣть много поводовъ къ разногласію не только съ судебными слѣдователями, но и съ другими лицами судебного вѣдомства, въ особенности съ лицами, руководящими преніями и потому очень возможны между ними столкновения и даже неприязнь. Между тѣмъ высшія лица прокурорскаго надзора, состоя въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ министромъ юстиціи, необходимо должны пользоваться его личнымъ довѣріемъ. Если же при этомъ принять въ соображеніе, что повышеніе второстепенныхъ лицъ судебного вѣдомства зависитъ отъ министра юстиціи, на мнѣнія котораго могутъ имѣть вліяніе даже словесно выраженные мнѣнія, напримѣръ, прокуроровъ судебныхъ палатъ, то нельзя не допустить, что высшія лица прокурорскаго надзора, по своимъ отношеніямъ къ министру, могутъ имѣть вліяніе на самостоятельность мнѣній, по крайней мѣрѣ, тѣхъ членовъ судебныхъ мѣстъ, которые не близко извѣстны министерству, а это можетъ исказить важнѣйшій принципъ реформы. Таковы могутъ быть послѣдствія того обстоятельства, что обвинительная власть состоитъ въ одномъ вѣдомствѣ съ судебной, въ прибавокъ къ тому вреду, который можетъ явиться слѣдствіемъ подчиненія слѣдователей прокурорскому надзору.

Но если обвинительная власть будетъ находиться въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ, вся возможность такого вреда совершенно исчезаетъ. Подобный порядокъ опредѣлитъ бы точнымъ и положительнымъ образомъ права и обязанности должностныхъ лицъ и сдѣлалъ бы невозможнымъ какое бы то ни было столкновение между ними. Въ отношеніи полиціи прокуратура заняла бы мѣсто высшей инстанціи по преслѣдованію проступковъ и преступленій, и обвинительная власть сосредоточилась бы въ одномъ вѣдомствѣ, что способствовало бы однообразному примѣненію законовъ и однообразной системѣ дѣйствій. Подчиненіе одному общему начальству уничтожило бы всякую возможность антагонизма между этими властями. Кромѣ того, намъ кажется, что введеніе въ составъ администраціи такого элемента, какъ обвинительная власть, внесло бы въ дѣятельность администраціи болѣе правильныя юридическія воззрѣнія, которыхъ, какъ показываетъ опытъ, ей иногда недостаетъ, и она начинаетъ процессы безъ достаточныхъ доказательствъ или не исполнивъ всѣ нужныя формальности. Подобныхъ благотворныхъ результатовъ для достоинства административной власти отъ присоединенія къ ней прокурорскаго надзора мы ожидаемъ потому, что условія опредѣленія къ этимъ должностямъ, т.-е. юридическое образованіе и практическая опытность по судебной части, должны остаться тѣ же самыя. Намъ кажется, что такое подчиненіе прокуратуры административной власти не можетъ имѣть никакихъ неудобствъ, такъ какъ прокуратура не имѣетъ самостоятельнаго права преслѣдовать преступленія по должностямъ, а приступаетъ

къ этому только по распоряженію начальства лица, совершившаго преступленіе. Что касается права, выраженного въ 485-й ст. уголовного судопроизводства, представлять окружному суду объ упущеніяхъ и безпорядкахъ полиціи по слѣдственной части, то прокурорскій надзоръ еще удобнѣе будетъ въ состояніи исполнить эту обязанность, представляя объ нихъ общему начальству, даже помимо суда. Относительно же этого права, какъ орудія противъ излишней снисходительности начальства (замѣтимъ, между прочимъ, права весьма полезнаго во многихъ случаяхъ), скажемъ, что во-первыхъ, оно можетъ быть предоставлено судебнымъ слѣдователямъ; во-вторыхъ, судъ, при разсмотрѣніи дѣла, и самъ можетъ замѣтить эти безпорядки, наконецъ, въ-третьихъ, лучшимъ мѣрою противъ излишней снисходительности начальства есть отвѣтственность служащихъ прямо передъ судомъ, по жалобѣ частныхъ лицъ и въ порядкѣ частнаго обвиненія. Отношенія обвинительной власти къ суду сдѣлались бы также весьма ясны. Она явилась бы представителемъ административной власти передъ судомъ, безъ всякаго самостоятельнаго вліянія на ходъ дѣла, вооруженная лишь требованіями закона и получила бы то самое значеніе, которое предназначалось для нея ст. 51-ю основныхъ положеній. Министерству юстиціи не было бы надобности, въ огражденіе вліянія прокурорскаго надзора и предупрежденіе столкновеній его съ судебными слѣдователями, изыскивать косвенныхъ средствъ къ ограниченію власти послѣднихъ: возможность подобнаго столкновенія исчезла бы сама собою, такъ какъ обвинительная власть, не принадлежа къ составу судебной власти, ограничивалась бы только ходатайствомъ и жалобами въ общемъ установленномъ порядкѣ и не могла бы имѣть никакихъ поползновеній къ ограниченію власти судебныхъ слѣдователей, не говоря уже о томъ, что, состоя въ другомъ вѣдомствѣ и слѣдовательно не имѣя никакихъ отношеній къ министру юстиціи, она не имѣла бы возможности вліять на самостоятельность судей.

Но независимо отъ всѣхъ этихъ удобствъ есть еще одно, довольно важное. Мы уже указывали, что прокурорская практика можетъ легко вызвать привычку группировать факты, служащіе къ обвиненію, и потому кандидатуру прокуроровъ на судебныя должности мы не считали полезной. При томъ порядкѣ, на который мы указываемъ, замѣщеніе высшихъ судебныхъ должностей необходимо производилось бы только лицами, занимающими низшія судебныя должности. Такимъ образомъ, въ судебной практикѣ скорѣе устанавливался бы тотъ характеръ, который необходимъ для судебной дѣятельности, характеръ способный глубоко анализировать явленія жизни и относиться къ нимъ безъ всякихъ предвзятыхъ идей и увлеченій, а судебная карьера была бы обезпечена гораздо лучше, чѣмъ привлекало бы къ ней и лучшія силы. Обвинительной же власти открылось бы болѣе широкое поле на пути

административномъ. И то и другое вѣдомство приобрѣло бы новыя силы служить на пользу общую.

Намъ могутъ возразить, что ни въ одномъ законодательствѣ нѣтъ примѣра, чтобъ прокуратура не принадлежала къ министерству юстиціи. Мы не считаемъ подобнаго возраженія серьезнымъ. Изъ того, что этого примѣра нѣтъ, нельзя еще вывести заключенія, что этого и не должно быть. При рѣшеніи вопросовъ объ отнесеніи извѣстныхъ органовъ власти къ тому или другому вѣдомству, необходимо обращать вниманіе, во-первыхъ, на сущность власти извѣстнаго органа и затѣмъ на практическія удобства и неудобства, вытекающія изъ подчиненія извѣстной части тому или другому министерству. Что касается перваго, то несмотря на то, что обвинительная власть должна имѣть извѣстныя юридическія свѣдѣнія и знакомство съ судебными обрядами и формами, она не можетъ и не должна имѣть никакой самостоятельной юрисдикціи, слѣдовательно не имѣетъ ничего общаго съ судебной властью, состоящей въ вѣдѣніи министерства юстиціи, къ которому и не должна принадлежать. Относительно же практической пользы, мы представили, повидимому, достаточно поводовъ, указывающихъ на вредъ соединенія въ одномъ вѣдомствѣ такихъ самостоятельныхъ органовъ власти, изъ которыхъ одинъ является лишь ходатаемъ, а другой рѣшителемъ вопроса. Первый естественно будетъ вторгаться въ область послѣдняго и даже парализовать его дѣятельность, если представится возможность. Необходимо принимать въ соображеніе, что органы эти состоятъ не изъ машинъ, а изъ людей, имѣющихъ и самолюбіе и страсти. Мы относимъ обвинительную власть къ министерству внутреннихъ дѣлъ на томъ основаніи, что по нашему законодательству ему принадлежитъ высшая полиція: если бы у насъ существовало особое министерство полиціи, то мы бы сказали, что обвинительная власть должна быть отнесена къ его вѣдомству.

Выше мы сказали, что судебные уставы отдѣляютъ отъ судебной власти не только обвинительную, но и слѣдственную часть, по крайней мѣрѣ въ преступленіяхъ болѣе важныхъ, гдѣ слѣдственная часть или изысканіе истины значительно усложняется. Хотя подробное изслѣдованіе вопросовъ: совершилось ли извѣстное преступленіе, кто въ немъ виновенъ и насколько злая воля со стороны виновнаго участвовала въ извѣстномъ дѣяніи,—необходимо должно быть произведено передъ лицомъ судей и присяжныхъ засѣдателей; хотя послѣдніе только на основаніи передъ ихъ глазами развивающейся исторіи извѣстнаго событія могутъ вынести правильное о немъ заключеніе; хотя поэтому судебное слѣдствіе есть нераздѣльная часть уголовного процесса, но тѣмъ не менѣе прямое изслѣдованіе дѣла въ судѣ, безъ предварительнаго изысканія доказательствъ, обвиняющихъ и оправдывающихъ заподозрѣнное лицо, представляетъ много практическихъ

неудобствъ, а часто и полную невозможность придти къ какому-нибудь результату. Руководствоваться однимъ первоначальнымъ полицейскимъ дознаніемъ, произведеннымъ по горячимъ слѣдамъ, во многихъ случаяхъ невозможно, на томъ основаніи, что собраніе доказательствъ часто бываетъ сопряжено съ обысками, выемками, арестами какъ имущественными, такъ и личными, т.-е. такими дѣйствіями, которыя касаются самыхъ священныхъ правъ гражданъ и которыя, на этомъ основаніи, составляютъ чисто судебныя дѣйствія и не могутъ быть ввѣрены исполнительнымъ чинамъ. Въ нашемъ отечествѣ всѣ эти затрудненія усложняются еще рѣдостью населенія и значительнымъ пространствомъ, которое подвѣдомственно извѣстному окружному суду. На основаніи этихъ соображеній и признано необходимымъ производство предварительныхъ изслѣдованій поручить особымъ должностнымъ лицамъ судебного вѣдомства, обязанность которыхъ состоитъ въ собраніи нужнаго матеріала для того, чтобы судебное слѣдствіе могло быть ведено въ томъ направленіи, котораго требуютъ обстоятельства дѣла, безъ потери времени, а также для того, чтобы обвинительная власть съ одной стороны, и защита съ другой, имѣли достаточныя данныя для вызова и допроса свидѣтелей. Хотя акты предварительнаго слѣдствія могутъ имѣть силу и значеніе только въ томъ случаѣ, если они подтверждаются на судебномъ слѣдствіи, но въ виду того обстоятельства, что предварительное слѣдствіе даетъ направленіе судебному, оно имѣетъ весьма важное значеніе въ процессѣ. Вотъ почему мы думаемъ, что оно должно производиться лицомъ самостоятельнымъ, независающимъ отъ обвинительной власти. Въ противномъ случаѣ на судебномъ слѣдствіи можетъ оказаться, что обвинительная власть явится во всеоружіи, тогда какъ защита не будетъ имѣть достаточныхъ данныхъ для разъясненія истиннаго характера событія. Такимъ образомъ, равноправность сторонъ можетъ быть нарушена и подсудимый лишается всѣхъ тѣхъ гарантій, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, весь смыслъ и все значеніе новой реформы. Намъ кажется, что равноправность сторонъ была бы нарушена даже и тогда, еслибъ обвинительная власть могла дѣйствовать во время предварительнаго слѣдствія только въ роли ходатая, а защита не имѣла бы этого права. Но когда обвинительная власть имѣетъ прямое наблюденіе за производствомъ слѣдствій и можетъ требовать непремѣннаго исполненія извѣстныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, а защита въ это время не имѣетъ никакого участія въ дѣлѣ, тогда о равноправности сторонъ передъ судомъ не можетъ быть и рѣчи.

Затѣмъ, обращаясь къ собственно судебной власти, мы встрѣчаемся съ раздѣленіемъ оной по предметамъ вѣдомства. Мы согласны съ тѣмъ, что такое дѣленіе необходимо, что жизнь представляетъ массу вопросовъ, требующихъ разрѣшенія судебной власти, что одни изъ

этихъ вопросовъ весьма просты, нисколько несложны и для разрѣшенія ихъ нужно лишь вниманіе и добросовѣстность; другіе же, наоборотъ, требуютъ не только знанія отечественнаго законодательства и всѣхъ формъ судопроизводства, не только практической опытности въ примѣненіи законовъ, но и юридическаго образованія для того, чтобъ умѣть понять духъ законодательства и быть въ состояніи разрѣшать согласно съ общимъ его направленіемъ даже и такіе вопросы, на которыя нѣтъ прямого отвѣта въ законѣ, т.-е. не отказывать въ правосудіи подъ предлогомъ неясности или неполноты закона. На этомъ основаніи нѣтъ возможности и не встрѣчается надобности устанавливать для всѣхъ случаевъ однѣ и тѣ же формы и обряды и требовать отъ всѣхъ судей одинаковой степени подготовки. Есть много вопросовъ такого рода, гдѣ отвѣтъ нуженъ сейчасъ или его вовсе не нужно, гдѣ слѣдовательно быстрота рѣшеній должна быть на первомъ планѣ. Поэтому дѣленіе органовъ судебной власти по предметамъ вѣдомства представляется вполне необходимымъ съ точки зрѣнія чисто практическихъ удобствъ, хотя теорія не можетъ оправдывать его. Въ виду этой практической необходимости, мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе этого спора теоріи и практики о пользѣ и вредѣ такого дѣленія, а перейдемъ къ разсмотрѣнію самаго способа этого дѣленія или тѣхъ признаковъ, на основаніи которыхъ наше законодательство признаетъ дѣло подсуднымъ мировому суду или общимъ судебнымъ мѣстамъ.

Не считая возможнымъ оспаривать необходимость установленія особой судебной власти для разбора дѣлъ менѣ важныхъ и особыхъ упрощенныхъ формъ для ихъ производства, мы однакожъ никакъ не можемъ назвать правильнымъ выборъ признаковъ, на основаніи которыхъ законъ опредѣляетъ предметы вѣдомства и предѣлы власти мировой юрисдикціи. Эти признаки состоятъ по дѣламъ уголовнымъ въ родѣ и степени наказанія, которому подлежитъ обвиняемый, по дѣламъ же гражданскимъ въ цѣнѣ иска, за исключеніемъ исковъ о недвижимыхъ имуществахъ, которые, несмотря ни на какую цѣну, не подлежатъ вѣдѣнію мировыхъ судей.

Необходимо прежде всего указать, что подобный способъ опредѣленія подсудности не могъ быть проведенъ послѣдовательно, вслѣдствіе чего потребовалось допустить исключенія. Такъ, напр., дѣла о печати необходимо было изъять изъ вѣдѣнія мирового суда, хотя, по роду и степени наказанія, они во многихъ случаяхъ не выходятъ изъ опредѣленной рамки; точно также по дѣламъ гражданскимъ признано необходимымъ исключить дѣла о недвижимыхъ имуществахъ.

Затѣмъ, подобное опредѣленіе признаковъ подсудности дѣла тому или другому суду можетъ вести къ весьма частымъ недоразумѣніямъ и къ неправильному направленію дѣла въ порядкѣ его производства.

Родъ и степень наказанія опредѣляется судомъ и всякая попытка опредѣлить его до судебного разбирательства будетъ преждевременна и во многихъ случаяхъ ошибочна. Между тѣмъ дѣлу можетъ быть дано совершенно неправильное направленіе. Практика часто указываетъ, что судъ приговариваетъ обвиненнаго вовсе не къ тому наказанію, которому требовала подвергнуть его обвинительная власть и часто къ такому, которое не выходитъ изъ предѣловъ власти мирового суда. Законъ даже предвидѣлъ этотъ случай и предписываетъ не останавливать рѣшенія дѣла по этой причинѣ. Между тѣмъ, на основаніи совершенно гадательныхъ предположеній о слѣдующемъ наказаніи, обвиненный могъ содержаться подъ стражей и выдержать длинную процедуру предварительнаго и судебного слѣдствія, несмотря на то, что дѣло не представляетъ никакой особой сложности. Кромѣ того, зачѣмъ, спрашивается, судебная палата должна была разсматривать обвинительный актъ, окружный судъ былъ вовлеченъ въ необходимость вызывать присяжныхъ засѣдателей, свидѣтелей и исполнять всю необходимую обрядность публичнаго суда, когда дѣло могло быть разсмотрѣно у мирового судьи, на которое быть можетъ подсудимый и жаловаться бы не сталъ. Намъ могутъ сказать, что подобной ошибки быть не можетъ, такъ какъ дѣло разсматриваетъ судебный слѣдователь, прокурорскій надзоръ и судебная палата. Но мы приведемъ весьма простой примѣръ. Представимъ себѣ, что произошла кража и что гражданскій истецъ заявляетъ о повражѣ болѣе 300 рублей. Заподозрѣнный не сознается, а слѣдствіемъ положительно доказано, что онъ совершилъ эту кражу. Затѣмъ, на судебномъ слѣдствіи, при перекрестномъ допросѣ оказывается, что истецъ не имѣлъ трехсотъ рублей, а что у него было всего 200 руб. Развѣ подобный случай невозможенъ? Но есть кромѣ того много такихъ обстоятельствъ, въ которыхъ нельзя предугадать ту статью закона, подъ которую судъ можетъ подвести извѣстное дѣяніе, т.-е. нельзя сказать, на примѣръ, составляетъ ли извѣстный видъ кражи простую или такъ называемую квалифицированную кражу, изъятую изъ мировой юрисдикціи на основаніи 181-й ст. улож. о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. То же самое можно сказать и о дѣлахъ гражданскихъ, что искъ, направленный въ окружный судъ, можетъ оказаться ниже той цѣны, которая для этого опредѣлена, и судъ долженъ терять время на веденіе такихъ дѣлъ, которыя не принадлежатъ къ его вѣдомству.

Впрочемъ мы готовы согласиться, что тамъ, гдѣ было сомнѣніе, какому суду подсудно дѣло, — лучше, чтобъ его разсматривалъ окружный судъ и что вслѣдствіе подобныхъ недоразумѣній большой бѣды быть не можетъ. Но мы спрашиваемъ, обусловливается ли родомъ и степенью наказанія непременно бѣльшая или меньшая труд-

ность разрѣшенія какъ фактическаго, такъ и юридическаго вопроса? А въ этомъ-то вся суть дѣла. Всѣ согласны въ томъ, что мировой судъ необходимо допустить только для такого рода дѣлъ, которыя съ фактической стороны не представляютъ сложности, а съ юридической не требуютъ особыхъ соображеній и разрѣшаются простымъ примѣненіемъ закона къ данному случаю. Между тѣмъ извѣстное наказаніе, которое предоставлено налагать мировымъ судьямъ, вовсе не доказываетъ еще, что преступленія и проступки, подлежащіе этому наказанію, были не важны, а обстоятельства ихъ сопровождающія были такъ просты, что не представляютъ большого затрудненія для рѣшенія дѣла. Напротивъ, рассматривая уложеніе о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, мы видимъ, что имъ предоставлено рѣшеніе такихъ важныхъ вопросовъ, съ которыми не легко справиться и окружнымъ судамъ. Разберемъ по порядку всѣ болѣе серьезныя дѣла, предоставленныя рѣшенію мирового суда.

1) *Дѣла объ оскорбленіяхъ чести.* Необходимо принять въ соображеніе, что дѣла подобнаго рода общество считаетъ весьма важными, и не далеко еще то время, когда разборъ ихъ производился не иначе, какъ съ пистолетомъ въ рукахъ. Люди образованные до такой степени чутки въ этомъ отношеніи, что готовы перенести Богъ знаетъ какія непріятности, лишь бы не навлечь себѣ какого-нибудь оскорбленія, а если оно сдѣлано, то человѣкъ часто готовъ пожертвовать жизнью, чтобъ только возстановить свою честь въ общественномъ мнѣніи. Мы конечно не одобряемъ подобныхъ взглядовъ и не понимаемъ подобной расправы, въ которой выражается лишь одно кулачное право. Но въ виду такого настроенія общественнаго мнѣнія, законъ долженъ принимать самыя энергическія мѣры, чтобъ защитить личность человѣка не только отъ клеветы, но и отъ всякаго другого оскорбленія: только этимъ путемъ можно ограничить случаи самоуправства. Преступленія эти не могутъ считаться маловажными, по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя ими вызываются, въ особенности нельзя считать маловажнымъ преступленіемъ клеветы, которая часто мараетъ доброе имя человѣка. Съ другой стороны, и наказаніе оскорбителей, состоящее въ лишеніи свободы даже до трехъ мѣсяцевъ, для человѣка развитаго можетъ быть очень тяжкимъ, вслѣдствіе чего необходимы особыя гарантіи правильности судебного приговора. Если дѣла подобнаго рода имѣютъ важное значеніе для лицъ въ нихъ участвующихъ, то и вопросы, подлежащіе разрѣшенію суда представляются очень часто настолько сложными и затруднительными, что разрѣшеніе ихъ требуетъ большой осторожности и весьма глубокаго психологическаго анализа. Такъ, напр., вопросъ: что можетъ считаться оскорбленіемъ въ данномъ случаѣ? одно и то же слово, связанное людьми разнаго воспитанія и разныхъ положеній въ обществѣ, можетъ

имѣть совершенно различный смыслъ; то же самое выраженіе, связанное однимъ и тѣмъ же лицомъ при различныхъ обстоятельствахъ и произнесенное различнымъ тономъ можетъ имѣть совершенно другое значеніе; не даромъ говорятъ французы: *c'est le ton, qui fait la musique*. Затѣмъ, вопросъ объ обоюдности оскорбленій представляется еще болѣе сложнымъ: здѣсь судья долженъ взвѣсить силу того негодованія, которое было вызвано первоначальнымъ рѣзкимъ выраженіемъ и обсудить, достаточна ли была эта рѣзкость, чтобъ извинить то выраженіе, которое позволилъ себѣ отвѣтчикъ, а также, какъ великъ былъ интересъ обвиняемаго, затронутый въ дѣлѣ. Кромѣ того, необходимо замѣтить, что оскорбленіе и клевета очень часто близко сходятся, а иногда и совершенно сливаются между собою. Вопросъ, гдѣ оканчивается личная обида и гдѣ начинается клевета, иногда трудно рѣшить, и для этого рѣшенія надо много взвѣсить, въ особенности при неопредѣленности нашихъ законовъ по этому предмету. Вообще вопросъ объ оскорбленіи и клеветѣ мало разработанъ и въ другихъ европейскихъ законодательствахъ, у насъ же онъ представляетъ, какъ говорится, непочатой уголь. Хотя въ теченіи трехлѣтія, съ 1866—1869 годъ, по этимъ вопросамъ состоялось до 25-ти рѣшеній уголовнаго кассационнаго департамента, но со всѣмъ тѣмъ примѣненіе этихъ рѣшеній на практикѣ весьма затруднительно, такъ какъ отдѣльные случаи не походятъ одинъ на другой. Въ виду этихъ соображеній, намъ бы казалось, что предоставленіе такихъ щекотливыхъ и деликатныхъ вопросовъ одноличному суду мировыхъ судей, по меньшей мѣрѣ, неосторожно, такъ какъ большинство мировыхъ судей состоитъ изъ лицъ, не получившихъ высшаго образованія, въ особенности въ провинціи, а самый порядокъ судопроизводства вовсе не способствуетъ къ уясненію всѣхъ оттѣнковъ даннаго случая. Кромѣ того мы думаемъ, что въ этихъ случаяхъ содѣйствіе присяжныхъ, какъ представителей общественнаго мнѣнія и общественной совѣсти, необходимо. Намъ могутъ возразить, что въ составъ присяжныхъ входятъ люди вовсе необразованные и что они еще менѣе въ состояніи оцѣнить силу нанесеннаго оскорбленія. Но на такое возраженіе мы скажемъ то же, что говорили о составѣ присяжныхъ для дѣлъ о печати, — а именно, для рѣшенія этихъ дѣлъ нуженъ особый списокъ присяжныхъ съ извѣстнымъ цензомъ по образованію. Въ судѣ съ присяжными засѣдателями обвиненіе, защита и заключительное слово-предсѣдателя должны вполне выяснитъ всѣ обстоятельства дѣла и представляютъ гораздо болѣе гарантій правильности приговора, нежели сокращенный порядокъ производства дѣлъ у мировыхъ судей. Но для того, чтобъ не обременять окружный судъ дѣлами этого рода, необходимо отличать нѣкоторыя изъ нихъ, непредставляющія особыхъ затрудненій. Такъ, мы бы предложили оставить въ вѣдѣніи мировыхъ судей дѣла объ обидахъ,

по которымъ требуется денежное вознагражденіе, затѣмъ дѣла по жалобамъ на простую брань, безъ оскорбленія чести, или добраго имени человѣка. Всѣ же остальные дѣла мы считаемъ подлежащими преслѣдованію передъ окружнымъ судомъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, если оскорбленіе нанесено словесно или письменно и чрезъ прокурорскій надзоръ, если оно нанесено дѣйствіемъ и притомъ въ публичномъ мѣстѣ. Только тогда можно ожидать, что дуэли выведутся изъ употребленія, когда законъ будетъ самъ преслѣдовать обидчиковъ, и въ этихъ видахъ мы бы желали, чтобъ виновные въ нанесеніи обиды дѣйствіемъ подвергались не аресту, а тюремному заключенію и притомъ на срокъ болѣе продолжительный, чѣмъ три мѣсяца. Въ переходное время отъ кулачнаго права строгость наказанія бываетъ не только полезна, но иногда необходима,—безъ нея наши бретеры не выведутся.

2) *Самоуправство и насиліе*. Проступки эти также могутъ быть сдѣланы при такихъ различныхъ обстоятельствахъ и имѣть такія различныя послѣдствія, могутъ затрогивать такіе важные интересы человѣка, что при рѣшеніи подобныхъ дѣлъ очень возможны весьма сложные вопросы и притомъ не только фактическіе, но и юридическіе, которые могутъ быть разъяснены только подробнымъ изслѣдованіемъ на мѣстѣ и притомъ по горячимъ слѣдамъ, правильное же заключеніе по дѣлу можетъ требовать серьезныхъ юридическихъ познаній. Самоуправство и насиліе могутъ быть вызваны иногда необходимостью, въ особенности, когда оно употреблено въ такихъ мѣстахъ, или такихъ случаяхъ, когда не было возможности прибѣгнуть къ общественной власти. Вопросъ, дѣйствительно ли самоуправство вызвано было необходимостью и въ той ли мѣрѣ допущено, какъ требовали обстоятельства? не составляетъ вовсе простаго вопроса, который можетъ быть предоставленъ мировому суду.

3) *Кража*—невыше 300 рублей. Почему, напримѣръ, человѣкъ, укравшій 301 рубль, имѣетъ право пользоваться на судѣ всѣми гарантіями, которыя выработало наше время для обезпеченія правильности приговора, и почему укравшій 299 рублей не имѣетъ этого права и подлежитъ единоличному суду мирового судьи? Развѣ сумма украденнаго указываетъ на чтѣ-нибудь? Человѣкъ рѣшается на воровство въ большинствѣ случаевъ, не имѣя никакого понятія о томъ, сколько ему удастся украсть. Это чистая случайность, и по ней еще нельзя заключить, какія трудности представляетъ собою рѣшеніе дѣла. Иногда дѣло о кражѣ не представляетъ никакихъ затрудненій, хотя сумма украденнаго весьма велика; въ другой разъ, кража незначительна, но обстоятельства, при которыхъ она совершена такъ сложны, а доказательства такъ неясны, что только цѣлымъ рядомъ посылокъ можно вывести заключеніе о виновности или невинности подсудимаго. Для послѣд-

няго весьма часто совершенно безразлично, болѣе или менѣе строгому наказанію онъ будетъ подвергнутъ, для него важно одно: будетъ онъ обвиненъ, или нѣтъ? Въ этомъ же все значеніе вопроса и для общества, въ особенности, если человѣкъ заподозрѣнъ въ первый разъ и притомъ невиненъ. Какъ же на такомъ шаткомъ основаніи, какъ цифра украденнаго, дѣлать выборъ между тѣмъ или другимъ порядкомъ судопроизводства, когда одинъ изъ этихъ порядковъ обставленъ всѣми возможными гарантіями правильности приговора, другой же очень немногими, а въ дѣлѣ затронуты самые дорогіе интересы одного изъ членовъ общества, до сихъ поръ незапятнаннаго ничѣмъ? На должно быть дворяниномъ, священнослужителемъ, монашествующимъ или почетнымъ гражданиномъ, чтобъ эти интересы получили значеніе, такъ какъ только этимъ лицамъ, несмотря на кражу менѣе 300 руб., предоставлено судиться въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, — хотя бы по простотѣ своей дѣла эти могли быть рѣшены чисто по здравому смыслу и не требовали особыхъ юридическихъ свѣдѣній.

4) *Мошенничество разнаго рода, если цѣна похищеннаго не выше 300 руб.* Преступленіе этого рода всегда предполагаетъ обманъ, слѣдовательно заранѣе обдуманное намѣреніе и расчетъ. На этомъ основаніи дѣла подобнаго рода всегда являются болѣе затруднительными, нежели дѣла о кражѣ, которая можетъ быть слѣдствіемъ минутнаго соблазна. Мошенничество производится большею частью систематически и притомъ прикрывается всегда тѣмъ, что совершается подъ видомъ законныхъ и всѣмъ дозволенныхъ дѣйствій. Мошенничество изобличить довольно трудно, и если оно открыто, то почти всегда можно сказать, что открытый фактъ есть только одинъ случай изъ цѣлаго ряда преступленій: рѣдко человѣкъ попадаетъ на первомъ своемъ мошенничествѣ. Вотъ почему мы думаемъ, что по дѣламъ о мошенничествѣ необходимо строгое изслѣдованіе, и преступленіе это вовсе не принадлежитъ къ разряду маловажныхъ. Намъ кажется, что подобныя преступленія наносятъ особенный вредъ обществу, потому именно, что противъ мошенника трудно уберечься и трудно его уличить. Отъ вора можно спрятать или запереть деньги, мошенникъ у васъ выманитъ и вы сами отдадите ихъ. На этомъ основаніи мы думаемъ, что эти преступленія должны быть и наказываемы строже, нежели воровство, и притомъ открытое мошенничество должно считаться поводомъ къ разслѣдованію дальнѣйшему. Нельзя удовлетвориться тѣмъ, что данное преступленіе доказано, надо употребить всѣ средства, чтобъ прослѣдить прежнюю дѣятельность преступника и тогда подвергать его отвѣтственности по совокупности преступленій. Вотъ почему мы думаемъ, что преступленія подобнаго рода не должны подлежать вѣдѣнію мировыхъ судей, а передаваться на распоряженіе судебныхъ слѣдователей и прокурорскаго надзора.

Если мы взглянемъ на дѣла, которыя по закону подлежатъ вѣдѣнію окружнаго суда, то и здѣсь найдемъ очень много такихъ, которыя по простотѣ своей могли бы подлежать рѣшенію мировыхъ судей. Сюда относятся, напримѣръ, всѣ дѣла о такъ-называемой квалифированной кражѣ, т. е. кражѣ при извѣстныхъ обстоятельствахъ, какъ-то шайкой, во время пожара, со взломомъ и т. д., о кражѣ и мошенничествѣ выше трехъсотъ рублей, а также при повтореніи этихъ преступленій до трехъ разъ. Между дѣлами этого рода могутъ быть такія, которыя разрѣшаются простымъ приложеніемъ закона къ данному случаю, и нѣтъ никакой надобности по такого рода дѣламъ утруждать палату разсмотрѣніемъ обвинительнаго акта и прибѣгать къ торжественной обстановкѣ, при которой происходятъ засѣданія окружнаго суда. Дѣла этого рода изъяты изъ вѣдѣнія мирового суда не по сложности ихъ, а только потому, что наказаніе, опредѣленное за эти преступленія по закону, выше того, которое имѣютъ право налагать мировые судьи. Но намъ кажется, что нѣтъ никакой опасности расширить въ этомъ отношеніи права мировыхъ судей и сѣздовъ, лишь бы дѣла, поступающія на ихъ разсмотрѣніе, не представляли трудныхъ и сложныхъ вопросовъ. На этомъ основаніи можно было бы предоставить рѣшенію мировыхъ судовъ всѣ тѣ дѣла о кражѣ на всякую сумму и при всякихъ обстоятельствахъ, если есть собственное сознаніе, подтверждаемое обстоятельствами дѣла. Для обезпеченія же участи подсудимаго достаточно предоставить ему или его защитнику право жаловаться судебной палатѣ, въ качествѣ обвинительной камеры, на неправильную передачу дѣла въ вѣдѣніе мирового суда.

Точно также цѣна иска гражданскаго не составляетъ признака простоты или сложности дѣла. Для чего, напримѣръ, взысканія по безспорнымъ заемнымъ обязательствамъ производятся окружнымъ судомъ? Всѣ подобнаго рода дѣла, если подпись не оспаривается, могли бы производиться мировыми судьями безъ малѣйшаго неудобства.

Изъ вышеизложеннаго читатель можетъ видѣть, что основанія для опредѣленія подсудности дѣла мировому суду весьма шатки. Намъ кажется, что въ дѣлахъ уголовныхъ почти по всѣмъ родамъ преступленій бывають случаи весьма простые, разрѣшаемые простымъ приложеніемъ закона къ данному случаю. На этомъ основаніи правильнѣе было бы указать, при какихъ условіяхъ и по какому роду преступленій дѣла должны поступать на разсмотрѣніе мирового суда; и то и другое можетъ быть опредѣлено такимъ образомъ, чтобъ дѣла дѣлились на менѣе и болѣе важныя не въ силу того наказанія, которое слѣдуетъ обвиненному, но въ силу сложности вопроса, подлежащаго обсужденію: въ этомъ случаѣ упрощенный порядокъ судопроизводства обусловливался бы существомъ самаго дѣла. Къ сознанію, такое дѣленіе не

допускается нашимъ закономъ, и вслѣдствіе этого является, какъ мы видѣли, множество неудобствъ, а можетъ быть и вреда.

Говоря о предѣлахъ власти судебныхъ установленій, мы не можемъ не упомянуть о правилѣ, выраженномъ во 2-й ст. учрежденій, что власть новаго суда распространяется на лица всѣхъ сословій и на всѣ дѣла какъ уголовныя, такъ и гражданскія. Несмотря на такое категорическое постановленіе, рядомъ съ нимъ помѣщено примѣчаніе, которое измѣняетъ радикально весь смыслъ и все значеніе такъ безусловно выраженнаго закона. „Судебная власть, говорится въ примѣчаніи, духовныхъ, военныхъ, коммерческихъ, крестьянскихъ и инородческихъ судовъ опредѣляется особыми постановленіями.“ На этомъ основаніи нельзя сказать, что такъ-называемыя общія судебныя установленія вѣдаютъ дѣла всѣхъ сословій, они созданы только для всѣхъ дѣлъ дворянъ и мѣщанъ; дѣла же другихъ сословій поступаютъ на ихъ разсмотрѣніе только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, т.-е. когда въ дѣлѣ участвуютъ лица разныхъ сословій, когда искъ превышаетъ извѣстную сумму, а проступокъ извѣстную мѣру взысканія. Последнее правило не относится впрочемъ до лицъ военнаго вѣдомства. Такимъ образомъ, исключеніе является болѣе общимъ правиломъ нежели самый законъ, такъ какъ исключеніе относится къ пяти классамъ общества, а общее правило только къ двумъ. Даже тотъ законъ, что при участіи въ дѣлѣ лицъ разныхъ сословій, оно поступаетъ въ общій судъ, смягчаетъ рѣзкость исключенія по отношенію къ судамъ крестьянскимъ, что же касается до лицъ духовныхъ и военныхъ, то законъ этотъ примѣняется только въ рѣдкихъ случаяхъ.

Постановленія устава уголовного судопроизводства по всѣмъ проступкамъ духовныхъ лицъ, нелишающихъ ихъ духовнаго званія и несопряженныхъ съ лишеніемъ и ограниченіемъ правъ и преимуществъ, весьма неясны, такъ что можно всегда оспаривать подсудность ихъ общимъ судамъ. Ст. 1017-я, наприм., говоритъ, что духовному суду подлежитъ всякое нарушеніе обязанностей духовнаго званія, установленныхъ церковными правилами. Но спрашивается: какой же проступокъ изъ числа подвѣдомственныхъ мировымъ судамъ, совершенный лицомъ духовнымъ, не есть нарушеніе обязанностей духовнаго званія. Церковныя правила обнимаютъ не только дѣятельность духовнаго лица, какъ служителя церкви, но и какъ человѣка, живущаго въ обществѣ и имѣютъ въ виду преимущественно нравственную сторону этой дѣятельности. На этомъ основаніи всѣ обыденныя проступки духовныхъ лицъ могутъ быть изъяты изъ вѣдѣнія мировыхъ судовъ. Хотя 1029-я ст. уголовного судопроизводства и ст. 5-я уложенія о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями и допускаютъ возможность присужденія духовнаго лица къ наказаніямъ за подобныя проступки судомъ свѣтскимъ, но въ какихъ случаяхъ существуетъ такая возможность, законъ

не опредѣляетъ нигдѣ. Только одно рѣшеніе кассационнаго уголовнаго департамента, 1868-го года № 12, указываетъ, что лица духовнаго вѣдомства за оскорбленіе должностныхъ лицъ при исполненіи обязанностей службы и въ томъ числѣ полицейскихъ служителей, судятся судомъ свѣтскимъ: другого же указація мы не знаемъ. Стало бытъ, даже дѣла объ обидахъ, нанесенныхъ лицами духовнаго званія свѣтскимъ не могутъ подлежать суду свѣтскому, что уже прямо нарушаетъ права свѣтскихъ людей, которые не въ состояніи защищать часто самыхъ дорогихъ для нихъ интересовъ въ общемъ судѣ, а должны обращаться въ судъ сословный и, притомъ, если на это послѣдуетъ согласіе епархіальнаго начальства.

Исключеніе изъ вѣдомства общихъ судовъ для лицъ военнаго вѣдомства является еще болѣе рѣзкимъ, нежели для лицъ духовнаго званія, такъ какъ всѣ вообще проступки и преступленія лицъ, состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ, подлежатъ суду военному, исключая лишь тотъ случай, когда преступленіе совершено вмѣстѣ съ лицомъ гражданскаго вѣдомства. Такимъ образомъ, лица военнаго вѣдомства, живя въ небольшихъ городахъ и деревняхъ, могутъ позволить себѣ всякіе проступки и на мѣстѣ не будетъ никакой власти, которая могла бы подвергнуть ихъ должному взысканію, такъ какъ военные суды существуютъ въ губернскихъ городахъ, при воинскихъ управленіяхъ. Военный офицеръ, внѣ губернскаго города, можетъ себѣ позволить всякое безчинство, насиліе, самоуправство и оскорбленіе, и почти всегда останется безнаказаннымъ, такъ какъ не только крестьянинъ, но и всякій другой человѣкъ въ рѣдкихъ случаяхъ рѣшится исхать далекаго суда въ губернскомъ городѣ, и притомъ такого суда, который врядъ ли будетъ въ состояніи изслѣдовать дѣло надлежащимъ образомъ. Къ тому же преданіе суду виновнаго зависитъ отъ усмотрѣнія начальства, а человѣкъ уважающій себя не захочетъ, чтобъ его права зависѣли отъ взглядовъ и усмотрѣній другихъ лицъ: онъ можетъ обратиться съ жалобой лишь къ суду, а не къ отдѣльнымъ лицамъ, въ особенности въ дѣлахъ, касающихся частной жизни должностныхъ лицъ. Мы отчасти понимаемъ, что дѣйствія должностнаго лица при исполненіи имъ обязанностей службы сначала входятъ на разсмотрѣніе начальства и передаются въ судъ только съ его согласія; понимаемъ также, что по преступленіямъ должностей спеціального рода службы существуютъ спеціальныя суды, и хотя противъ такихъ правилъ можно сдѣлать много весьма серьезныхъ возраженій, заимствованныхъ даже изъ нашего законодательства, но все-таки эти правила понятны. Но мы рѣшительно не можемъ себѣ объяснить тѣхъ причинъ, на основаніи которыхъ всѣ обыкновенныя уголовныя преступленія и проступки военныхъ лицъ, совершенныя ими не при исполненіи обязанностей службы, должны судиться военнымъ судомъ,

вслѣдствіе чего послѣдній обращается изъ спеціальнаго въ чисто сословный судъ.

Самое лучшее возраженіе, которое можно сдѣлать противъ духовнаго и военнаго судовъ, получившихъ у насъ значеніе чисто сословныхъ судовъ, находится въ разсужденіяхъ, послужившихъ основаніемъ для 2-й статьи учрежденій. „*Коренной недостатокъ,—сказано тамъ,—существованія сословныхъ судовъ въ разныхъ управленіяхъ состоитъ въ томъ, что суды эти, замыкая собою, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, суды общіе, но большею частію, неимѣющіе никакой связи съ общою судебною организаціею и не подчиненные почти никакому контролю, дѣйствуютъ нерѣдко произвольно, разнообразно и весьма часто въ виду интересовъ своего сословія: слѣдовательно они не могутъ имѣть ни единства въ дѣйствіяхъ, ни безпристрастія, сего необходимаго условія суда*“ (Изд. госуд. канц., стр. 17). Нельзя выразиться болѣе основательнымъ и болѣе энергическимъ образомъ. Какъ же согласить то противорѣчіе, которое существуетъ между приведеннымъ мѣстомъ и примѣчаніемъ, помѣщеннымъ нѣсколькими строками ниже, гдѣ признается необходимость существованія сословныхъ судовъ? Намъ кажется, что мысль составителей судебныхъ уставовъ—въ приведенныхъ словахъ, примѣчаніе же введено ими какъ уступка, по необходимости.

Въ заключеніе, мы укажемъ на тѣ послѣдствія, которыхъ можно ожидать отъ различныхъ исключеній изъ вѣдомства общихъ судебныхъ мѣстъ. Если характеристика сословныхъ судовъ, представленная въ подчеркнутыхъ нами словахъ вѣрна, если частныя лица не имѣютъ права защищать своихъ интересовъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ даже противъ тѣхъ дѣйствій служебнаго персонала, который имѣютъ совершенно частный характеръ, и должны въ этихъ случаяхъ искать какого-то особаго и гдѣ-то находящагося суда, а чаще милостиваго вниманія начальства къ нарушеннымъ правамъ, тогда самоуправство будетъ единственнымъ средствомъ противъ людей буйныхъ и безпкойныхъ. Подобныхъ послѣдствій можно ожидать тѣмъ болѣе, что врядъ ли какой судъ присяжныхъ обвинить человѣка, прибѣгнувшаго къ самоуправству, въ виду невозможности привлечь къ отвѣту лицо, посягнувшее на его права. Не мѣшало бы на это обстоятельство обратить вниманіе защитникамъ сословныхъ судовъ.

Г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го февраля 1872.

Путешествіе г. Георгіевскаго по вопросу о реальныхъ училищахъ. — Различіе между Mittelschule и Realschule. — Мнѣніе г. Баха о проектѣ реальныхъ училищъ въ Россіи. — Актъ въ рижской реальной гимназій. — Государственная роспись на 1872-й годъ и отсутствіе дефицита. — Очередная сессія петербургскаго земскаго собранія. — Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1870-й годъ. — Вопросъ объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ передъ частными лицами.

„Что же касается до научнаго образованія, то привлечь къ нему не слѣдуетъ никого, но особенно людей бѣдныхъ и недостаточныхъ“.

Читатель подумаетъ, что мы тревожимъ прахъ Магницкаго и намѣрены опубликовать какую-нибудь изъ его завѣтныхъ думъ. Совсѣмъ нѣтъ! Мы нашли эти драгоценныя строки въ декабрьской книгѣ Ж. М. Н. Пр. 1871-го года, и именно на первой страницѣ описанія ученой экспедиціи г. Георгіевскаго за границу прошлымъ лѣтомъ. Статья носитъ заглавіе: „О реальномъ образованіи въ Пруссіи, Саксоніи, Австріи, Баваріи и Швейцаріи“. Подъ „Пруссією“ у г. Георгіевскаго слѣдуетъ разумѣть одинъ городъ Бреславль въ Силезіи, гдѣ вообще реальныя училища не представляютъ особенно высокаго развитія, сравнительно съ центральною Пруссією, Нижне-Рейнскими провинціями и Вестфалією, куда г. Георгіевскій остерегся, вѣроятно, захватить, и потому поспѣшилъ изъ Бреславля, въ Саксонію и въ Австрію, а именно въ Чехію. Въ Бреславлѣ и Дрезденѣ встрѣчали г. Георгіевскаго „съ самою изысванною любезностію“ и иные нѣмецкіе знаменитости „почтили своимъ посѣщеніемъ“ нашего путешественника; но, говоритъ онъ, „нѣмецкіе директоры и ученые по большей части довольствовались краткими отзывами о нашемъ проектѣ реальныхъ училищъ, изрѣдка касаясь его подробностей“; за то въ Чехіи, откуда мы получили и ожидаемъ еще получить учителей латинскаго и греческаго языковъ, „проектъ, по словамъ г. Георгіевскаго, былъ

подвергнуть всестороннему разсмотрѣнію, и отзывы пражскихъ директоровъ и профессоровъ имѣють характеръ почти цѣлыхъ трактатовъ, вызванныхъ искреннимъ желаніемъ *послужить* дѣлу просвѣщенія Россіи и на этомъ поприщѣ. Все это прекрасно, но зачѣмъ г. Георгіевскій объявилъ въ „Заключеніи“ своей статьи, что онъ объѣхалъ „нынѣшнимъ лѣтомъ значительную часть Европы“; не было ли бы лучше для цѣли его путешествія объѣхать менѣе значительную часть Европы, но за то именно ту, гдѣ, какъ мы выше указали, особенно процвѣтають реальныя школы? Кромѣ того, зачѣмъ г. Георгіевскій, какъ то видно на каждой его страницѣ, задался мыслью обнаруживать одни недостатки реальныхъ училищъ? Въ этомъ отношеніи ему удалось впасть въ смѣшное: онъ далъ себѣ трудъ съ любовью записывать ошибки учениковъ реальныхъ училищъ въ латинскомъ языкѣ; такъ въ одномъ мѣстѣ онъ отмѣчаетъ: „ученикъ принялъ *notis publicis* за дательный падежъ и не зналъ, къ чему отнести *per quae*“ (это ужасное происшествіе случилось въ Вѣнѣ 4/16 іюля); въ Швейцаріи г. Георгіевскій отмѣтилъ: „одинъ ученикъ въ переводѣ на латинскій языкъ употребилъ *eo* вмѣсто *ei* и объяснилъ *eo*, какъ дательный падежъ отъ *is*; другой вмѣсто *sibi* поставилъ *zuo*, какъ дательный падежъ отъ *se*; пять учениковъ перевели фразу: „Цезарь приказалъ посламъ ожидать своего прихода“, слѣдующимъ образомъ: „*Caesar jussit legatos adventum ejus exspectare*“ (всѣ эти печальныя событія случились въ Бернѣ около 17/29 іюля). Г-ну Георгіевскому уже приходилось издавать на казенный счетъ *fac-simile* съ грамматическими ошибками на одномъ прошеніи русскихъ дамъ; теперь онъ украсилъ описаніе своего путешествія донесеніемъ о пойманныхъ имъ ошибкахъ учениковъ реальныхъ школъ въ латинскомъ языкѣ.

Но всѣ эти особенности путешествія г. Георгіевскаго ничтожны съ добытою имъ на первомъ шагу идеею относительно того, что не слѣдуетъ никого привлекать къ научному образованію, и особенно людей бѣдныхъ и недостаточныхъ. Онъ далъ намъ теперь ключъ къ разгадкѣ причинъ того негодованія и злобы, съ которою свирѣпствовали наши московскіе *graeculi* въ дѣлѣ, повидимому, столь сноскойномъ, какъ дѣло объ общественномъ просвѣщеніи. Какая страна, какъ не Россія, со времени Петра Великаго только и заботится о томъ, чтобы какъ можно болѣе привлекать всѣхъ къ научному образованію; и вотъ, скоро исполнится 200 лѣтъ со дня рожденія великаго Преобразователя, а у насъ безъ застѣнчивости говорятъ вслухъ, что молъ къ научному образованію не слѣдуетъ привлекать никого, и особенно людей бѣдныхъ и недостаточныхъ! Утѣшиться можно развѣ тѣмъ, что такія идеи, кажется, не требуютъ серьезнаго опроверженія, и едва ли имъ послѣдуютъ тамъ, гдѣ, если не ошибаемся, считаютъ до 40% стипендіатовъ, т.-е. привлеченныхъ, въ однихъ университетахъ.

Впрочемъ, мы заговорили о путешествіи г. Георгіевскаго главнымъ образомъ потому, что оно находится въ связи съ начатою у насъ реформою среднеучебныхъ заведеній: дѣловина ея, а именно вопросъ о гимназіяхъ съ двумя древними языками, окончена. Другая половина— вопросъ о реальныхъ гимназіяхъ отложенъ до осени прошедшаго года и до сихъ поръ еще не разрѣшенъ окончательно. Прошлымъ лѣтомъ г. Георгіевскій ѣздилъ за границу именно съ цѣлю показать составленный у насъ проектъ реальныхъ училищъ, и въ ноябрьской книжкѣ Ж. М. Н. Пр. (1871) были опубликованы тѣ видоизмѣненія, которыя были сдѣланы въ немъ, по указаніямъ нѣмецкихъ педагоговъ, какъ то читатель можетъ найти въ статьѣ, озаглавленной: „Къ вопросу о реальныхъ училищахъ“. Въ проектѣ, какъ онъ былъ прежде представленъ въ государственный совѣтъ, цѣль реального училища опредѣлялась слѣдующимъ образомъ: „Реальные училища имѣютъ цѣлю доставлять учащемуся въ нихъ юношеству образованіе, приспособленное къ занятіямъ различными отраслями промышленности и торговли“ (Общ. Пол. § 1). Въ объяснительной запискѣ къ этому же проекту мысль эта была выражена такъ: „Цѣлю (реальныхъ училищъ) поставлено сообщеніе познаній, непосредственно полезныхъ для будущихъ сельскихъ хозяевъ, купцовъ, заводчиковъ и фабрикантовъ, а также для будущихъ механиковъ на заводахъ, фабрикахъ, желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ“ (стр. 36). Такая мысль министерства была весьма ясна; съ нею можно было несоглашаться, мы много писали противъ нея, но все же мы ее понимали.

Послѣ путешествія г. Георгіевскаго, министерство, повидимому, пришло къ иному убѣжденію, весьма уже близкому къ тому, на чемъ мы настаивали, но въ то же самое время оно сохранило и прежній свой взглядъ. Въ новѣйшей редакціи этого проекта (Ж. М. Н. Пр., ноябрь, 1871, стр. 61) мы читаемъ, что реальнымъ училищамъ „предполагается дать такой курсъ, который, доставляя *общее* (этого слова не было прежде) образованіе и открывая, въ потребныхъ(?) случаяхъ, доступъ въ высшія спеціальныя заведенія, не упускалъ бы изъ виду и *практическія* цѣлей, *примѣнительно* къ мѣстнымъ потребностямъ“. Ниже (стр. 71) эта же мысль выражается такъ: „По убѣжденію министерства народнаго просвѣщенія, задача реального училища должна заключаться въ доставленіи учащимся *общаго* образованія, *примѣненнаго* (?) къ практическимъ цѣлямъ, смотря по разнообразнымъ *потребностямъ* различныхъ мѣстностей; приготовленіе же къ высшимъ спеціальнымъ заведеніямъ не можетъ(?) и не должно(?) быть главною цѣлю реального училища“.

Читая проектъ министерства, представленный прежде въ государственный совѣтъ, мы оспаривали его анти-научное направленіе, осуждавшее огромную массу молодыхъ людей, неидущихъ въ классическія гим-

нази, на прикладное, слѣдовательно механическое образованіе, которое можно назвать простою дрессировкою; но мы все же понимали, чего хочетъ министерство, и оно хотѣло собственно возможнаго, хотя и невыгоднаго для общественныхъ успѣховъ Россіи. Теперь же, когда проектъ реальныхъ училищъ является видоизмѣненнымъ, мы не можемъ болѣе оспоривать его, и именно потому, что теперь мы вовсе не понимаемъ его значенія: въ немъ удержана прежняя профессиональность реального училища, а образованіе, получаемое въ немъ, названо *общимъ*. Какъ же это понять? Образованіе въ реальномъ училищѣ будетъ преслѣдовать „практическія цѣли“ и будетъ къ нимъ „примѣнено“, т.-е. оно не будетъ общее и въ то же время оно будетъ общее; все это является намъ чѣмъ-то въ родѣ квадратуры круга. Что же значитъ тутъ это слово: *общее*? Подъ *общимъ* образованіемъ можно разумѣть только *научное*, и потому въ прусскомъ уставѣ реальныхъ училищъ получаемое тамъ образованіе названо „allgemein wissenschaftlich“; но такое образованіе не можетъ быть „примѣняемо“ къ практическимъ цѣлямъ, да еще „смотря по разнообразнымъ потребностямъ различныхъ мѣстностей“, или оно можетъ быть примѣняемо настолько, насколько примѣняется и классическое образованіе. Вотъ почему, прочтя видоизмѣненія министерскаго проекта въ ноябрьской книгѣ оффиціального журнала, мы остались въ полномъ недоумѣніи: во что же будутъ превращены наши реальные гимназіи, если ихъ замѣнятъ какія-то реальные училища, которыя будутъ давать *общее* образованіе, но *не-научное*, а примѣненное къ практическимъ цѣлямъ?

Наше недоумѣніе разрѣшилось однако вполне и скоро, а именно вышеупомянутою статьею г. Георгіевскаго въ декабрьской книгѣ того же журнала. Въ Германіи, какъ извѣстно, среднеучебныя заведенія, а именно классическія гимназіи и реальные школы всѣхъ разрядовъ, носятъ общее всѣмъ имъ названіе: *Die höheren Schulen*; этимъ словомъ и выражается нашъ русскій терминъ: *среднеучебное заведеніе*. Но въ Германіи есть еще *Mittelschulen* (среднія училища), которыя однако вовсе не наши среднеучебныя заведенія, такъ какъ они не принадлежатъ къ числу *höheren Schulen*; это — народныя училища. Вотъ почему насъ на первыхъ же страницахъ путешествія г. Георгіевскаго весьма удивило одно обстоятельство: онъ отправился съ министерскимъ проектомъ *реальныхъ училищъ*, а между тѣмъ въ Бреславлѣ оберъ-бюргермейстеръ, тайный совѣтникъ Гобрехтъ — говорить г. Георгіевскій — „совѣтовалъ мнѣ обратить *особенное* вниманіе на такъ-называемыя *Mittelschulen* (среднія училища), которыхъ съ 1863-го года учреждено уже три въ Бреславлѣ: два евангелическихъ и одно католическое“. Почему же человѣку, отправленному съ проектомъ реальныхъ училищъ, т.-е. среднеучебныхъ заведеній,

нужно обратить *особенное* вниманіе не на реальныя же училища въ Пруссіи, а на *Mittelschule*? Не потому ли, что нѣмецкое слово *Mittel* ближе стоитъ къ русскому выраженію: *среднеучебный*, нежели *die höhere Schule*, какою считается въ Пруссіи реальная школа? Неужели французъ, отправленный въ Россію для ознакомленія съ гимназіями, обратилъ бы особенное вниманіе, напримѣръ, на Александровскій лицей, потому что во Франціи гимназія называется лицеемъ. Но почему же г. Гобрехтъ рекомендовалъ особенному вниманію г. Георгіевскаго народныя школы, *Mittelschulen*? не потому ли, что и г. Георгіевскій сообщилъ ему, что министерскій проектъ только названъ проектомъ реальныхъ училищъ, т.-е. среднеучебныхъ заведеній, а собственно дѣло идетъ о „среднихъ“, т.-е. народныхъ училищахъ? На этотъ вопросъ мы находимъ положительный отвѣтъ у самого г. Георгіевскаго въ описаніи имъ своей бесѣды съ д-ромъ Бахомъ, ректоромъ одного изъ бреславльскихъ среднихъ училищъ. „Онъ — какъ говоритъ г. Георгіевскій— успѣлъ обстоятельно ознакомиться съ проектомъ нашихъ реальныхъ училищъ и вполнѣ одобряетъ главныя его основанія, въ томъ числѣ и то, что „въ высшихъ ихъ классахъ выстѣпаетъ стремленіе выставить на первый планъ практически пригодное въ промышленномъ быту изъ того, что будетъ въ нихъ преподаваемо“.

„Это хорошо и разумно придумано“, — говоритъ д-ръ Бахъ въ письменномъ своемъ отзывѣ. „Означенныя училища (т.-е. русскія реальныя училища) съ ихъ ннѣшнимъ планомъ и дѣлью кажутся мнѣ учебными заведеніями, несомнѣнно приноровленными къ потребностямъ *народа*, такъ что имъ можно предсказать не менѣе жизненное и отрадное развитіе, какъ и германскимъ 6-ти-класснымъ *среднимъ училищамъ*“.

Такой отвѣтъ г. Баха отерываетъ намъ весь секретъ; теперь мы понимаемъ, почему въ Германіи отозвались съ похвалою о министерскомъ проектѣ реальныхъ училищъ: въ Германіи онъ былъ отрекомендованъ, какъ проектъ „среднихъ“ училищъ, *Mittelschulen*, а не какъ проектъ реальныхъ училищъ, которыя въ Германіи, какъ всѣ знаютъ, имѣютъ „равное положеніе“ съ гимназіями. Только при такомъ предположеніи, г. Бахъ могъ говорить о приноровленіи ихъ къ потребностямъ „народа“, а не общества, между тѣмъ какъ реальныя училища должны отвѣчать однимъ потребностямъ строго научнаго развитія, безъ всякой профессиональности; вотъ почему нѣмецкій педагогъ посулилъ нашимъ реальнымъ училищамъ не лестную будущность нѣмецкихъ „среднихъ училищъ“; это все равно, еслибы кто предсказалъ нашимъ университетамъ будущность нѣмецкихъ гимназій.

Теперь сдѣлалось все понятно: русское общество смотрѣло на министерскій проектъ, какъ на проектъ „преобразованія“ реальныхъ гимназій, и разумѣло подъ „преобразованіемъ“ улучшение ихъ и приближеніе къ совершеннѣйшему типу прусскому; между тѣмъ именно

этого-то улучшения и не было въ проектѣ, да и не могло быть, такъ какъ въ немъ дѣло шло объ уничтоженіи реальныхъ гимназій и о замѣнѣ ихъ народными и притомъ профессиональными школами. Нѣмецкій же педагогъ отнесся къ этому проекту съ похвалою, и весьма справедливо, такъ какъ онъ видѣлъ въ немъ проектъ „среднихъ“ училищъ, а не среднеучебныхъ, общеобразовательныхъ школъ. Мы вполне готовы сами раздѣлить это мнѣніе г. Баха, и готовы также предсказать этимъ училищамъ прекрасную будущность; но зачѣмъ было называть ихъ реальными училищами, подъ которыми въ Германіи разумѣются общеобразовательныя школы, равныя гимназіямъ? Это невѣрное названіе породило у насъ лишній споръ. Во-вторыхъ, если для Россіи нужны *Mittelschulen*, то какимъ образомъ изъ этого слѣдуетъ, что ей не нужны *Realschulen*? Въ Германіи есть и то, и другое; въ Германіи не говорятъ о „преобразованіи“ реальныхъ школъ въ „среднія школы“. Въ Германіи выше всего цѣнятъ „научное“ образованіе, и такого характера требуютъ равно и отъ классическихъ гимназій, и отъ реальныхъ школъ. Почему же у насъ, которые стоимъ такъ низко въ научномъ отношеніи, нужно ограничить однѣ гимназіи научнымъ характеромъ? Неужели потому, что г. Георгіевскій убѣжденъ, будто „привлекать къ научному образованію не слѣдуетъ никого, но особенно людей бѣдныхъ и недостаточныхъ“? Пусть г. Георгіевскій справится съ цифрою у насъ стипендіатовъ классическихъ и тогда онъ увидитъ, что классическая система обученія требуетъ именно привлеченія къ научному образованію и даже поддерживается этимъ привлеченіемъ. Мы готовы съ нимъ согласиться пожалуй, что не слѣдуетъ привлекать къ научному образованію, но слѣдуетъ устроить его на такихъ широкихъ основаніяхъ и въ такомъ соотвѣтствіи съ духомъ времени, чтобы люди стремились къ нему сами, и бѣдные, и богатые безразлично. Только *научное* образованіе, на всѣхъ его ступеняхъ, и можетъ быть задачею министерства народнаго просвѣщенія; приложимость же образованія и удовлетвореніе мѣстнымъ потребностямъ могутъ составлять интересъ всякаго другого министерства, но только не министерства народнаго просвѣщенія. Одно только научное образованіе носить на себѣ строго-гуманный и строго-нравственный характеръ; вотъ почему мы и думаемъ, что превращеніе реальныхъ гимназій въ училища съ прикладною цѣлью, не можетъ быть сдѣлано иначе, какъ въ ущербъ нравственнымъ выгодамъ нашего отечества. И классическое, и реальное образованіе должны быть одинаково строго-научными; самый споръ о томъ, должны ли реальныя училища у насъ быть научными заведеніями — по существу своему страненъ, и конечно мы не можемъ не выразить своего недоумѣнія въ виду того, что противникомъ научнаго характера реальныхъ училищъ у насъ явилось само министерство народнаго просвѣщенія, между

тѣмъ какъ въ Пруссіи министерство всегда и съ большимъ достоинствомъ поддерживало вездѣ научный характеръ общеобразовательныхъ школъ, были ли это гимназій, или реальныя школы.

Очень жаль, что г. Георгіевскій, „обѣхавъ значительную часть Европѣ“, не заглянулъ къ намъ въ Ригу, гдѣ онъ могъ бы найти и образецъ, и хорошій совѣтъ¹⁾. Въ концѣ прошедшаго года это превосходное общеобразовательное и вмѣстѣ реальное учебное заведеніе совершило свой 11-й актъ. Изъ напечатанной имъ „Programm“ видно, что довѣріе къ нему мѣстнаго общества возрастаетъ съ каждымъ годомъ: при началѣ 1871-го года учениковъ было 201; къ началу нынѣшняго года, за выпускомъ окончившихъ курсъ, это число поднялось до 227. За второй семестръ 1870-го года и за первый 1871-го года выпущено 10 человѣкъ: изъ нихъ 7 для поступленія въ дерптскій университетъ, 2 въ рижскій политехникумъ, и 1 въ здѣшній институтъ путей сообщенія. Вотъ какимъ образомъ отозвался о рижской реальной гимназій мѣстный органъ, „Рижскій Вѣстникъ“, по поводу послѣдняго выпуска изъ нея окончившихъ курсъ: „Выпускъ учениковъ, окончившихъ курсъ въ реальной гимназій, которая существуетъ не болѣе 11-ти лѣтъ и начала свои дѣйствія съ открытіемъ трехъ классовъ и только 78-ю учащимися, начался съ декабря 1863-го года. Тогда окончено курсъ 5, въ 1864-мъ 6, въ 1865-мъ 7, въ 1866-мъ году 6, въ 1867-мъ году 8, въ 1868-мъ году 8, въ 1869-мъ году 12, въ 1870-мъ году 8, въ 1871-мъ году 10, всего въ продолженія 9-ти лѣтъ 70. Экстерновъ, подвергавшихся въ эти годы окончательному экзамену наравнѣ съ гимназистами, было 10. О 66-ти воспитанникахъ, кончившихъ курсъ въ реальной гимназій, знаемъ мы, что наименьшее число поступило для дальнѣйшаго образованія въ политехническое училище, а именно не болѣе 15, наибольшее же число поступило въ университеты, на физико-математическій факультетъ, а именно въ дерптскій 37, въ петербургскій 6, въ берлинскій 1, въ инженерное училище и институтъ путей сообщенія 5, въ военное училище 2. Эти цифры о результатахъ образованія, получаемого въ рижской реальной гимназій, ясно доказываютъ, что *это учебное заведеніе вовсе не профессиональная школа, за какую хотѣли бы ее признать теперешніе приверженцы*

¹⁾ Г. Георгіевскій, вѣроятно, имѣетъ дурное понятіе о рижской реальной гимназій. Это правда, министерство народнаго просвѣщенія, опровергая похвальный отзывъ о ней, заявило въ прошломъ ноябрѣ (Спб. Вѣд. № 309), что рижская училищная коллегія сама желаетъ преобразования этой гимназій, слѣдовательно недозвольна ей; но въ новый годъ директоръ рижской реальной гимназій былъ такъ лестно отличенъ этимъ же министерствомъ, что нельзя было не видѣть въ этомъ выраженіи признательности директору за отличное состояніе и успѣхи реальной гимназій въ гор. Ригѣ. Но въ такомъ случаѣ, авторъ, котораго опровергали за лестный отзывъ, былъ правъ.

безусловнаго классицизма, но имѣетъ характеръ общеобразовательный и въ научномъ развитіи воспитанниковъ едва ли уступаетъ своей сверстницѣ, гимназіи губернской“, т.-е. классической.

„Московскія Вѣдомости“ благоразумно промолчали о такомъ отзывѣ, обращенномъ, конечно, къ нимъ, а не къ намъ; но въ подобномъ случаѣ поневолѣ приходится быть благоразумнымъ и благоразумно промолчать. Другой вопросъ: добросовѣстно ли такое молчаніе? Но защитникамъ утилитаризма и профессионализма даже въ просвѣщеніи нравственная сторона дѣла мало интересна, а изъ классицизма они почерпнули искусство доказывать все, что угодно, и точно также все опровергать, лишь бы достигнуть какой-нибудь посторонней цѣли въ родѣ той, какую поставилъ г. Георгіевскій, выставивъ тезисъ о непривлеченіи къ научному образованію кого не слѣдуетъ.

Благодаря признаніямъ г. Георгіевскаго, мы можемъ теперь надолго отложить всѣ наши прошлогодніе споры съ классиками, и заняться текущими дѣлами новаго года. Новый годъ принесъ намъ пріятный подарокъ: финансовую роспись безъ дефицита. Такого явленія не бывало у насъ давно, а именно съ 1831-го года, когда въ послѣдній разъ показанъ былъ излишекъ дохода въ 1 м. 853 тысячи рублей. До того времени, года съ избыткомъ дохода чередовались съ годами дефицитными. Послѣдимъ, впрочемъ, оговорить, что показаніе незначительнаго дефицита и даже избытка доходовъ по росписи еще не составляетъ само по себѣ окончательнаго удостовѣренія въ удовлетворительности положенія финансовъ вообще;—въ справедливости того насъ убѣждаетъ старый примѣръ, а именно, что въ росписи на 1813 годъ, то-есть въ бюджетѣ, составленномъ въ годъ разоренія, въ памятный 1812 годъ, показанъ былъ избытокъ дохода передъ расходами въ 8 м. 620 тысячъ рублей.

Послѣ 1866-го года принимаемы были систематически мѣры къ ограниченію дефицита. Съ 60 мил. его вдругъ сократили до 5 мил. (1867 г.), но эта исходная точка оказалась слишкомъ требовательною, а потому мы вновь отступили нѣсколько шаговъ назадъ, до 19¼ мил. (1868 г.), чтобы удобнѣе размѣрить наше приближеніе къ цѣли, т.-е. къ равновѣсію. И вотъ, въ послѣдующіе года дефициты уже представляли непрерывное пониженіе: съ 19 мил. онъ понизился до 11 мил. (1869 г.). Это цифры по отчетамъ контроля. Затѣмъ, финансовыя росписи на 1870 и 1871-ый годы предусматривали дефициты уже только въ 9 мил. и 4 слишкомъ мил. Наконецъ, теперь на 1872 годъ предусматривается уже не дефицитъ, а излишекъ дохода на сумму 384,221 рубль. Обращеніе этого избытка на уменьшеніе податей или на какую-либо иную цѣль, впрочемъ, еще не предполагено въ росписи.

Еслибы нашъ бюджетъ раздѣлялся на двѣ самостоятельныя части:

на роспись доходовъ съ расходами и отчетъ о наличности кредитныхъ ресурсовъ, и еслибы сверхсметныя ассигнованія у насъ не достигали 37 мил. рублей, какъ то оказалось въ 1869 году, по отчету контроля, то при такихъ условіяхъ предвидѣніе избытка доходовъ, безъ сомнѣнія, получило бы бѣольшую положительность. Но какъ бы то ни было, мы радуемся и теперь такому явленію не столько въ смыслѣ признака удовлетворительнаго положенія финансовъ, сколько въ смыслѣ признака бѣольшей удовлетворительности въ составленіи росписей. Поправленіе финансовъ только до нѣкоторой степени зависитъ отъ министра финансовъ, но улучшеніе росписей, приведеніе ихъ къ бѣольшей ясности отъ него зависитъ, и вотъ въ этомъ-то отношеніи мы замѣчаемъ въ росписи на 1872-ой годъ нѣкоторые приемы, которые заслуживаютъ полнѣйшаго одобренія, и на необходимость которыхъ, для ясности государственнаго хозяйства, мы сами указывали годъ тому назадъ.

Вотъ съ этой именно, преимущественно съ этой точки зрѣнія мы привѣтствуемъ и отсутствіе въ росписи дефицита. Извѣстно, что цифра доходовъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Извѣстно также изъ отчетовъ государственнаго контроля за 1869-й и 1870-й годы, что по росписямъ этихъ годовъ предвидѣлось доходовъ слишкомъ на 29 мил. и на 31½ мил. рублей *менѣ*, чѣмъ ихъ поступило затѣмъ въ дѣйствительности. Стоитъ только предвидѣть это возрастаніе нѣсколько точнѣе и отбросить цифру недобора въ податяхъ, неимѣющую значенія, когда предвидится возвышеніе общей суммы доходовъ—и вотъ дефицитъ въ росписи и исчезнетъ. Пусть, затѣмъ, въ контрольномъ отчетѣ, по дѣйствительному исполненію этой росписи, и окажется дефицитъ. Такой результатъ, по наружности, будетъ менѣ блестящъ, чѣмъ когда контрольный отчетъ удостовѣряетъ, что дефицитъ оказался менѣ того, какой былъ предвидѣнъ росписью. Но за то это будетъ результатъ настоящій, а не подготовленное самимъ себѣ впередъ удовольствіе. Министерство финансовъ, какъ видно, и пошло теперь по этому пути. Возрастаніе обыкновенныхъ доходовъ оно предвидѣло по росписи 1871 года на цифру менѣ 14 мил. р., а по росписи 1872 года оно принимаетъ это возрастаніе уже въ слишкомъ 16½ мил. р., т.-е. на 2½ мил. болѣе. Но это не все: оно отказалось отъ прозрачной цифры почти 4½ мил. р. „особыхъ ресурсовъ отъ заключенныхъ росписей прошлыхъ лѣтъ“, цифры не имѣвшей никакого значенія при неизбѣжномъ въ концѣ концовъ дефицитѣ каждаго года. Затѣмъ, оно еще другую, неимѣющую значенія цифру, именно, „на недоборъ“ при возрастаніи дохода, уменьшило теперь вдвое, именно съ 2 мил. на 1 мил. Сложите цифры этого точнѣйшаго опредѣленія, цифры 2½, 4½ и 1 мил. и окажется, что возрастаніе дохода, которое на 1871 г. оцѣнялось всего менѣ чѣмъ 14 мил. р., теперь оцѣнено **восемью милліонами**

выше. Около половины этой суммы представляет только прежнюю цифру „особыхъ ресурсовъ“ отъ прежнихъ сметъ, но затѣмъ все-таки еще оставалось около 4 мил., которые и заполнили собою 4-хъ-милліонный дефицитъ прошлагодной росписи, такъ что нынѣшняя роспись вышла безъ дефицита.

То же самое можно было сдѣлать уже и въ прошломъ году; стоило только взять повыше, поточнѣе къ дѣйствительно ожидавшемуся, цифру возрастанія доходовъ. Итакъ, отсутствіе дефицита въ росписи на 1872-й годъ интересуется насъ вовсе не какъ финансовый фактъ, а какъ результатъ болѣе рациональныхъ приѣмовъ при составленіи росписи. Для полной ясности отчетовъ нашего государственнаго хозяйства и теперь остается еще желать весьма многого. Но во всякомъ случаѣ заслуживаютъ полнаго одобренія улучшенныя приѣмы нынѣшняго года: исключеніе счетныхъ остатковъ, уменьшеніе ненужной цифры недобора, наконецъ рѣшимость вѣрнѣе показать возрастаніе доходовъ для уравновѣшенія хотя бы самой только росписи, и отказать въ будущемъ контрольномъ отчетѣ за 1872-й годъ отъ блестящаго, но призрачнаго результата. Что касается излишка доходовъ какъ факта финансоваго, то въ этомъ смыслѣ мы не можемъ, разумѣется, давать ему большого значенія. Что значать 400 тысячъ р. предвидимаго избытка доходовъ, когда на основаніи точнаго опыта прежнихъ лѣтъ извѣстно, что сверхсметныхъ ассигнованій будетъ на десятки милліоновъ рублей? Достаточно указать на неизбѣжные расходы по военному вѣдомству. Правда, прибавка къ содержанію начальниковъ и офицеровъ строевыхъ частей, объявленная въ новомъ году, составляющая 3½ мил. рублей, уже была впередъ учтена въ новой росписи. Но возьмемъ въ примѣръ, что предполагалось бы въ нынѣшнемъ же году увеличить содержаніе нестроевыхъ офицеровъ— и вотъ уже избытокъ доходовъ исчерпался бы съ лихвою.

Мы говорили выше о постепенномъ возрастаніи доходовъ. Фактъ этотъ утѣшительнаго свойства, конечно: утѣшительно видѣть ежегодное возрастаніе обыкновенныхъ, то-есть дѣйствительныхъ доходовъ милліоновъ на 20-ть слишкомъ (роспись, впрочемъ, даже и нынѣ показываетъ цифру увеличенія въ совокупности обыкновенныхъ доходовъ только, какъ выше сказано, въ 16 съ полов. милл. р.). Фактъ этотъ и подаетъ министру финансовъ поводъ указывать на „возрастающее въ послѣдніе годы общее благосостояніе и соответственное усиленіе всѣхъ отраслей доходовъ“. Оно отчасти такъ и есть; нѣтъ сомнѣнія, что производительныя силы государства дѣйствительно поднимаются, главнымъ образомъ въ связи съ желѣзно-дорожнымъ строительствомъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что возрастаніе дохода соответствуетъ не только дѣйствительному усиленію благосостоянія и производительности, а также и постоянному удешевленію денегъ, то-

есть возвышенію цѣнъ на всѣ предметы. Это обстоятельство, т.-е. возвышеніе цѣнъ удостовѣряется, между прочимъ, и въ докладѣ министра финансовъ, по нѣкоторымъ расходнымъ статьямъ. Отъ удешевленія денегъ возвышаются заработки, и уплата прямыхъ податей становится легче, а поступленіе косвенныхъ сборовъ обильнѣе. Но возрастаніе доходовъ, насколько оно зависитъ именно отъ этой причины (а зависитъ оно отъ нея немало), не составляетъ никакой выгоды для государства, ибо рядомъ съ возвышеніемъ доходовъ, по той же причинѣ, возрастаютъ постоянно и расходы. Результатъ того одинъ, именно, что балансъ выражается высшими цифрами. Положимъ, прежніе расходы и не возрастаютъ въ той мѣрѣ, въ какой возрастаетъ поступленіе сборовъ; сумма расходовъ увеличивается болѣе отъ прибавленія новыхъ расходовъ; дороговизна же или удешевленіе денегъ вліяетъ собственно только на смѣты управленій хозяйственныхъ; но это все-таки не измѣняетъ отношенія, такъ какъ, по мѣрѣ удешевленія денегъ, прочіе, нехозяйственные расходы, если они и производятся въ прежнихъ нормахъ, настолько же недостигаютъ предполагаемой цѣли, насколько деньги упали въ цѣнѣ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ и оказывается необходимымъ возвышать эти нормы, единственно вслѣдствіе возвышенія цѣнъ, какъ то въ послѣдніе годы было сдѣлано по содержанію личнаго состава въ центральныхъ управленіяхъ, и какъ то въ нынѣшнемъ году сказывается прибавкой къ содержанію строевыхъ офицеровъ. Итакъ, возрастаніе цифры доходовъ само по себѣ еще не все можетъ быть отнесено прямо къ увеличенію благосостоянія и производительныхъ силъ.

Изъ отчета государственнаго контроля за 1870 годъ видно, что доходовъ въ этомъ году поступило болѣе противъ смѣтнаго предположенія на 31½ милл. рублей. Это и указываетъ на ту неточность росписи по предвидѣнію дохода, о цѣли которой мы уже сказали выше. Несмотря на такое огромное превышеніе, оказался все-таки дефицитъ, какой предвидѣлся росписью. Куда же пошли эти 31½ милл. рублей? На покрытіе сверхсмѣтныхъ ассигнованій, которыхъ въ 1870 году оказалось опять на 35¾ милл. руб., то-есть немного менѣе чѣмъ за 1869-й г. Эта цифра какъ бы роковая; съ 1867-го года она такъ и держится ежегодно выше 30 милл. рублей. Министерство финансовъ хотя и знаетъ, что такое превышеніе неизбежно, но, повидимому, считаетъ неловкимъ показать въ росписи впередъ „на непредвидѣнные расходы 35 милл. рублей“. Но это обстоятельство тоже препятствуетъ ему опредѣлить и возрастаніе доходовъ съ достаточной вѣрностью. Оно какъ бы говоритъ себѣ: покажемъ, на всякій случай, милліоновъ на 30 доходовъ меньше, чѣмъ мы должны получить, иначе у насъ тотчасъ ихъ расхватаютъ; а такъ какъ у насъ все-таки переберутъ противъ нашего смѣтнаго назначенія, а отчасти и прямо, вопреки нашему несогласію, милліоновъ тоже

30, то въ результатѣ и окажется, что дефицитъ, нами предвидѣнный, не только не будетъ превзойденъ, но даже еще нѣсколько уменьшится. Но все это отнимаетъ у росписи немало ея значенія. Вотъ почему мы съ такимъ удовольствіемъ увидѣли въ росписи на 1872 годъ хоть сколько-нибудь болѣе точное опредѣленіе дохода. Затѣмъ, хотя по отчету контроля, конечно, все-таки окажется, что доходовъ поступило милліоновъ 25 болѣе, чѣмъ предвидѣно, и сверхсметныхъ ассигнованій почти на 35 милл., такъ что за покрытіемъ послѣднихъ окажется въ результатѣ небольшой дефицитъ, но это все-таки уже вступленіе на путь къ болѣе ясному и откровенному веденію счетовъ.

Предполагая помѣстить въ слѣдующей книгѣ особую статью, посвященную росписи 1872 года, мы ограничимся здѣсь этими замѣчаніями, относящимися собственно къ балансу и его условіямъ, не входя въ разсмотрѣніе этого бюджета съ точки зрѣнія государственной экономіи. Единственно для соблюденія исторической полноты нашихъ обзоровъ выпишемъ здѣсь главныя цифры свода нынѣшняго бюджета въ сравненіи съ прошлогодними. Бюджетъ 1872 года дошелъ уже до 497 слишкомъ милліоновъ, по валовому доходу и общему расходу, вмѣстѣ съ избыткомъ дохода. Чистый же доходъ опредѣленъ въ $451\frac{3}{4}$ милл. руб., а расходъ, безъ издержекъ взиманія, въ $451\frac{1}{2}$ милл. рублей (круглою цифрою полмилліона мы и означимъ избытокъ дохода, которой точная цифра приведена выше). Въ росписи 1871 года этимъ цифрамъ соотвѣтствовали: валовой доходъ, съ придачею суммы на покрытіе дефицита и общій расходъ 489 милл. рублей. Чистый же доходъ опредѣлялся въ 434 милл. рублей, а расходъ, безъ издержекъ взиманія, въ $438\frac{1}{2}$ милл. рублей, такъ что предвидѣно было дефицита $4\frac{1}{2}$ милл. рублей. Что въ нынѣшней росписи дефицита вовсе не положено, это, повторимъ, составляетъ вполнѣ удовлетворительный фактъ, но преимущественно въ счетномъ отношеніи, — фактъ, доказывающій улучшение для приведенія въ полный порядокъ нашей отчетности.

Отъ государственнаго хозяйства перейдемъ къ хозяйству земскому, а именно земства петербургской губерніи, котораго губернское собраніе заключило свою очередную сессію въ прошломъ мѣсяцѣ. Нынѣшняя сессія его не ознаменовалась никакими особенно важными постановленіями, и обсужденіе главнѣйшихъ изъ новыхъ предположеній губернской управы, именно объ учрежденіи всесословныхъ волостей и земской учительской школы, отложено. Затѣмъ, важнѣйшимъ рѣшеніемъ собранія представляется открытіе имъ управѣ кредита въ 50 тысячъ рублей изъ губернскаго продовольственнаго капитала и полномочіе ходатайствовать о выдачѣ заимообразно на три года изъ общаго продовольственнаго капитала таковой же суммы собственно на

пособія для покупки скота. По смѣтѣ губернской управы на 1872 годъ испрашивалось расходовъ на 90,341 рубль, въ зачетъ которыхъ обращается свободный остатокъ отъ 1870 года 5,895 р., остальная же сумма разверстана между уѣздами. Итогъ уѣздныхъ смѣтъ составляетъ 488,743 р. Изъ суммы годовыхъ расходовъ губернской управы въ 90 т. р. нѣсколько менѣе половины принадлежитъ къ категоріи расходовъ обязательныхъ, болѣшую же половину, именно 49 т. р., составляютъ расходы необязательные. Впрочемъ, такъ какъ изъ этой послѣдней суммы 14 т. р. идетъ на содержаніе губернской управы и расходы по собранію, то на необязательные расходы, то-есть на шоссированіе новыхъ участковъ губернскихъ дорогъ, на пособія уѣздамъ въ случаѣ появленія повальныхъ болѣзней и на народное образованіе, остается около 35 т. р. Замѣтимъ еще, что за 1870, 1871 и 1872 годы сумма расходовъ обязательныхъ постоянно уменьшается, а сумма необязательныхъ расходовъ увеличивается. Изъ разверстки суммы, нужной на 1872 годъ за зачетомъ свободнаго остатка оказывается, что изъ этой суммы гораздо болѣе половины (70,2 проц.) земскихъ повинностей падаетъ на городъ Петербургъ. Такъ предполагалось по проекту разверстки земскою управою, и хотя разверстка эта была собраніемъ измѣнена, какъ составленная неравномѣрно, именно изъ оцѣнки, по которой производится разверстка, исключены для Петербурга торговыя помѣщенія, а для уѣздовъ казенныя заводы, по отношенію между долею Петербурга и уѣздовъ отъ этого существенно не измѣнилось, да по справедливости нѣтъ и основанія къ тому, чтобы облегчить долю Петербурга и отяготить уѣзды. Вѣдь не будь Петербурга, и требованія отъ уѣздовъ были бы совсѣмъ не тѣ, какъ нынѣ. Достаточно сказать, что почти половина всего губернскаго бюджета уходитъ на содержаніе и постройку губернскихъ же дорогъ. Не будь тутъ столицы, не было бы, можетъ быть, и половины тѣхъ дорогъ, и во всякомъ случаѣ требованія относительно ихъ содержанія были бы иными; и повальныхъ болѣзней было бы менѣе, и перевозки по губернскимъ дорогамъ не требовали бы однихъ трехъ слишкомъ тысячъ рублей, и содержаніе самаго управленія стояло бы меньше. На губернскіе пути сообщенія издержано, со времени открытія губернской управы, до ноября прошлаго года, 125½ т. р. — сумма весьма значительная при общемъ губернскомъ бюджетѣ всего до 90 т. р. Вообще успѣхи губернской управы по приведенію въ порядокъ дорогъ и мостовъ, ея постепеннымъ шоссированіемъ, едва ли не замѣтнѣе всѣхъ прочихъ успѣховъ, и извѣстно, что при большихъ маневрахъ, происходившихъ лѣтомъ прошлаго года, этотъ успѣхъ земства получилъ официальное признаніе. При этомъ наши казенныя хозяйственныя управленія должны бы обратить вниманіе на такой фактъ, что петербургское земство признало хозяйственный способъ исполне-

нія работъ болѣе выгоднымъ для сбереженія средствъ, чѣмъ способъ подрядный.

Расходы по народному продовольствію за три послѣдніе года опредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ 1867 и 1868 годахъ были неурожаи, и на губерніи къ половинѣ 1868 года состояло долгу общему продовольственному капиталу 50 т. р. Но въ 1870 и 1871 годахъ ссуды селеніямъ изъ губернскаго продовольственнаго капитала потребовались въ ничтожномъ размѣрѣ, и въ настоящее время долгъ общему продовольственному капиталу уплаченъ, но за то наличный губернской капиталъ противъ 1867 года состоитъ почти на 30 т. р. менѣе, да въ ссудахъ за уѣздами состоитъ около 50 т. р. болѣе чѣмъ въ 1867 году, въ общемъ же результатѣ сумма продовольственнаго капитала противъ 1867 года возрасла почти на 23 т. р.

Прошлый годъ потребовалъ особыхъ средствъ на врачебную часть, по случаю появленія холеры. Сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ губерніи, за исключеніемъ Петербурга, холера развивалась въ Новоладожскомъ уѣздѣ. Мѣры, принятія губернскою управою для оказанія помощи этому уѣзду состояли въ отправленіи туда пятерыхъ медицинскихъ студентовъ, посылкѣ фельдшерскихъ инструментовъ и лекарствъ и ассигнованіи въ пособіе уѣзду пятисотъ рублей изъ губернскихъ суммъ. Петербургскому уѣзду было оказано пособіе изъ губернскихъ суммъ по случаю появленія холеры въ слободѣ Рыбацкой (15 верстъ отъ Петербурга по шлиссельбургскому тракту). Холера въ Рыбацкой развилась чрезвычайно сильно, и на пособіе тамъ губернская управа, по требованію уѣздной, ассигновала триста рублей. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то изумительное обстоятельство, что по уѣздной смѣтѣ на этотъ предметъ не было назначено никакой суммы! Вѣдь холера въ Петербургѣ открылась еще осенью 1870 года и развитіе ея было только прервано наступленіемъ зимы. Неужели же петербургская уѣздная управа не предвидѣла, что та же возможность возникновенія холеры весной, какая всѣми была признаваема для Петербурга, представлялась и для окружающихъ Петербургъ селеній? Это упущеніе составляетъ фактъ столь замѣтный, что нельзя на немъ не остановиться. Холера вообще уже показала нѣсколько примѣровъ того, какъ мало выдержанности и способности къ серьезному труду въ нашей общественной дѣятельности, разумѣя здѣсь — не одну дѣятельность земства, конечно. Холерная эпидемія посѣтила Петербургъ уже четыре раза, въ томъ числѣ три раза за послѣдніе 24 года, а именно въ 1848, 1866 и 1871 годахъ. И что же? Каждый разъ она заставляла насъ врасплохъ. Всѣ приготовленія и соображенія о мѣрахъ начинались уже тогда, когда эпидемія начала свое разрушительное дѣйствіе. Если опытъ 1866 года послужилъ ученіемъ для 1870 и 1871 годовъ, то едва ли мы ошибемся сказавъ,

что это зависѣло отъ того, что начальникомъ полицейскаго управленія оставалось то же самое *лицо*, которое и примѣнило къ новому случаю *свою* прежнюю опытность. Въ самомъ дѣлѣ, для предупрежденія развитія холеры въ Петербургѣ въ 1871 были заблаговременно приняты мѣры только по очисткѣ дворовъ. Мѣры эти были въ дѣйствительности весьма полезны, но развѣ же въ приготовленіяхъ слѣдовало ограничиться одной очисткою? А вѣдь холера въ 1871 году, точно также какъ и прежде застала насъ неимѣющими ни суммы, ни штатовъ на усиленіе врачебной части, ни свода статистическихъ свѣдѣній, собранныхъ во время прежнихъ эпидемій, ни вообще того стройнаго, заранѣе обдуманнаго специалистами положенія, которое стоило бы только привести въ дѣйствіе. Все приходилось не только дѣлать, но и соображать вновь, не исключая и лучшаго способа леченія. Несмотря на то, что появленіе довольно сильной холеры осенью 1870 года предвѣщало развитіе ея весною слѣдующаго года, не было даже припасено достаточно специфическихъ лекарствъ, такъ что „летучія аптечки“ стали готовить, когда уже холера вновь развивалась и было время, когда въ аптекахъ отказывали покупателямъ за неимѣніемъ запаса этихъ „аптечекъ“. А куда дѣвались всѣ тѣ наблюденія и статистическія данныя, которыя были собраны врачебнымъ комитетомъ 1848 года? Были ли они разработаны и систематизированы, были ли извлечены изъ нихъ практическіе выводы? Сколько намъ извѣстно, ничего этого сдѣлано не было, и всѣ тѣ данныя такъ и остались подъ спудомъ. Хорошо если врачъ, практиковавшій уже въ 1848 году, самъ сохранилъ свои личныя наблюденія того года; онъ и могъ употребить ихъ въ дѣло въ послѣдующіе годы. Но найти сводъ наблюденій, справиться, напр., съ услѣхомъ леченія по той или другой системѣ въ 1848 году, даже врачъ не могъ.

Во время холеры мы готовы горячо браться за дѣло, но лишь только опасность миновалась, то все добытое нами изъ опыта сдается въ архивъ и мы не хотимъ его знать, точно повтореніе опасности уже совершенно невозможно. Это до такой степени вѣрно, что даже во врачебныхъ приемахъ, повторяемъ, собственный нашъ опытъ почти пропадаетъ даромъ, хотя за нимъ все-таки слѣдить нѣчто вѣчное и серьезное, именно наука. Такъ въ холеру 1871-го года, нѣкоторые врачи принимались дѣлать вновь наблюденія надъ такими способами леченія, которые уже были испытаны и оказались безуспѣшными въ 1848-мъ году. А большинство врачей дѣйствовало на основаніи выводовъ, сдѣланныхъ не изъ нашихъ опытовъ, а изъ опыта Парижа въ 1867-мъ году! Если мы такъ мало можемъ отыскивать плоды прежнихъ своихъ опытовъ, даже въ дѣлѣ собственно врачеванія, то гдѣ же намъ имѣть налицо, на случай нужды, результаты опытовъ по

всѣмъ другимъ статьямъ, которыхъ не хранить ни медицинскіе журналы, ни цѣлое сословіе, постоянно занимающееся тою же профессіею?

Со стороны петербургской уѣздной управы совершенно необъяснимо такое упущеніе, какъ то, что ею не было испрошено по сметѣ вообще никакой суммы на расходы по слишкомъ вѣроятной въ то время холерѣ. Но того факта, напр., что холера можетъ грозить особой опасностью именно Рыбацкой свободѣ, уѣздная управа могла и не знать. Откуда ей знать это, когда наблюденія 1848-го года такъ и пропали безъ всякаго вывода? Петербургская уѣздная управа, узнавъ наконецъ, что въ одной деревнѣ, называемой Рыбацкой слободою заболѣло холерою 26 ¹⁾ человекъ, да еще холериною 48, могло быть очень удивлено такимъ страшнымъ мѣстнымъ развитіемъ эпидеміи—и больше ничего. Но всѣ, кто ѣзжалъ по шлиссельбургскому тракту еще въ 1848-мъ году, помнятъ, что и тогда именно въ Рыбацкой слободѣ холера приняла непомѣрное развитіе и была сильная смертность; такъ что это должно зависѣть отъ какихъ-либо причинъ, которыя быть можетъ своевременными мѣрами можно было и устранить. Вѣдь какъ разъ напротивъ этой деревни, на томъ берегу Невы находится колонія, гдѣ холеры не бывало, хотя правый берегъ Невы не изъять вовсе отъ холеры, чему доказательствомъ служило всегда сильное развитіе ея на Охтѣ и на Васильевскомъ острову. По всей вѣроятности въ Рыбацкой есть именно мѣстныя причины, въ виду которыхъ необходимо было принять мѣры на 1871-й годъ впередъ, такъ какъ осень 1870-го года уже произвела холеру въ Петербургѣ. Но уѣздное земство не назначало по сметѣ даже „никакой на этотъ предметъ суммы“!

Болезни на Петербургъ постоянно идутъ съ востока. Такъ и чума рогатаго скота, и сибирская язва въ 1871-мъ году появились первоначально въ Новоладожскомъ и Шлиссельбургскомъ уѣздахъ. Относительно чумы, въ отчетѣ прямо указанъ слѣдующій фактъ: болѣзнь эта занесена была гуртомъ купца Суздальцева, пришедшимъ изъ низовыхъ губерній и дошедшихъ до Петербурга чрезъ Новую Ладогу и Шлиссельбургъ. „Заболѣвшія животныя этого гурта были продаваемы за безцѣнокъ и спекулянты не преминули этимъ воспользоваться: мясо, кожа, кости, рога, словомъ всѣ части дешево купленныхъ воловъ разносились на пути слѣдованія гуртовъ“. Отчетъ свидѣтельствуетъ, что и быстрое распространеніе и продолжительность заразы, несмотря на принимаемыя мѣры, обусловливаются неосторожностью крестьянъ и неисполненіемъ ими мѣръ, совѣтуемыхъ ветеринарами. Замѣтимъ, что въ подобномъ нарушеніи санитарныхъ мѣръ сказываются главнымъ образомъ двѣ причины: остатокъ опасеній крестьянъ вообще имѣть дѣла съ полиціею и нежеланіе понести потерю. Первый изъ этихъ мо-

¹⁾ Изъ нихъ умерло 17.

тивовъ побуждаетъ крестьянина зарывать павшее животное, не давая о томъ знать. Въ этомъ отношеніи мировые судьи, несмотря на пагубность послѣдствій такого поступка, все-таки не должны выказывать слишкомъ большой строгости; допустивъ даже, что становые въ качествахъ своихъ сдѣлали испанскіе шаги „на пути къ прогрессу“, слишкомъ ясно, что нравы, взгляды народа не могутъ слѣдовать по этому пути съ равною быстротою. Но второй изъ мотивовъ, который выражается просто сдираниемъ съ павшаго животного шкуры и продажей ея, есть уже только обереганіе себя отъ убытка, и за это дѣйствіе, или за распродажу завѣдомо большого скота — какъ то было съ гургомъ Суздальцева — нѣтъ причины оказывать какую бы то ни было снисходительность, какъ бы великъ ни былъ для крестьянина ущербъ, предстоящій отъ падежа скотины.

Мѣры петербургскаго губернскаго земства по народному образованію относятся собственно къ приготовленію учителей для начальныхъ училищъ, а содержаніе этихъ училищъ остается на попеченіи уѣздовъ, городскихъ и волостныхъ обществъ. На земскія суммы учреждены были 20 стипендій въ педагогическихъ курсахъ при андреевскомъ приходскомъ училищѣ въ Петербургѣ и производились лѣтніе педагогическіе курсы для учителей начальныхъ народныхъ училищъ. Такіе курсы были устраиваемы въ 1870-мъ году въ трехъ городахъ губерніи и мы говорили въ свое время о нихъ, а также и о встрѣченыхъ ими затрудненіяхъ. Въ 1871-мъ году, курсы эти были устроены въ Петербургѣ, Гдовѣ, Новой-Ладогѣ и Лугѣ. Учителей и учительницъ на нихъ являлось въ 1870-мъ году—42, а въ 1871-мъ году уже 73. Педагогическіе курсы при андреевскомъ училищѣ закрыты, но по ходатайству земства, стипендіатамъ его, уже бывшимъ на этихъ курсахъ, разрѣшено окончить свое двухгодичное образованіе въ особыхъ курсахъ, устроенныхъ для нихъ на счетъ земства. На народное образованіе вообще по сметамъ губернскаго земства было ассигновано въ 1870-мъ году 3,663 р., въ 1871-мъ г. 7,800 р., и на 1872-й годъ внесено уже 10 т. р., при чемъ исполнительный комитетъ земства по народному образованію внесъ въ собраніе проектъ объ учрежденіи земской учительской школы—проектъ, рассмотрѣніе котораго собраніемъ отложено по неполнотѣ доклада управы по этому предмету. Издержки же уѣздныхъ земствъ петербургской губерніи на содержаніе школъ составляетъ 26,877 р., такъ что всѣ издержки земства губерніи на этотъ предметъ доходятъ до 37 т. р. Собственно Петербургскій уѣздъ одинъ издерживаетъ на школы почти треть всей цифры расхода уѣздовъ на этотъ предметъ, а именно 7,500 р., за нимъ идетъ Царскосельскій. Шлиссельбургскій же уѣздъ находитъ возможнымъ ограничить свои издержку на дѣло образованія 504-мя рублями.

Вообще нельзя не замѣтить неравномѣрности уѣздныхъ издержекъ

на одинаковыя цѣли. Пусть одни уѣзды даютъ пособія на изданіе мѣстныхъ вѣдомостей, другіе не даютъ. Это, положимъ, дѣло желанія; мы - молъ въ Лугѣ не станемъ читать ямбургскихъ вѣдомостей. Но много ли пользы принесутъ издержки Царскосельскаго уѣзда въ 700 р. на составленіе юридическаго описанія недвижимыхъ имуществъ въ уѣздѣ, когда другіе уѣзды издержекъ у себя съ этой цѣлью не производятъ? На народное образованіе уѣздъ Петергофскій изъ бюджета въ 59 т. р. удѣляетъ 2,300 р., а уѣздъ Гдовскій изъ бюджета въ 57 т. р., т.-е. почти равнаго, удѣляетъ на это всего 1,500 рублей. Еще страннѣе: весьма различны и съ бюджетомъ несоразмѣрны даже суммы ассигнуемыя на *непредвидѣнные* расходы. Петербургскій уѣздъ предвидитъ непредвидѣнныхъ расходовъ $5\frac{1}{4}$ т. р. на бюджетъ въ 94 т. р.; пусть онъ и стоитъ, вмѣстѣ съ Царскосельскимъ, въ особыхъ условіяхъ. Но почему Гдовскій уѣздъ изъ бюджета въ 57 т. р. вкладетъ 2 т. р. на непредвидѣнные расходы, когда Ново-ладожскій изъ бюджета почти равнаго полагаетъ на это вдвое меньше, всего 1 т. р.? А вѣдь опытъ послѣдняго же года указываетъ, что въ Ново-ладожскомъ уѣздѣ непредвидѣнные расходы могутъ потребоваться совершенно настоятельно, именно внезапнымъ появленіемъ эпидеміи.

Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что въ такой неравномѣрности издержекъ земства разныхъ уѣздовъ на однѣ и тѣ же цѣли, отражается не только различіе мѣстныхъ потребностей (потребность въ образованіи, напр., вездѣ одинакова), но и существенное разногласіе во взглядахъ на важность разныхъ цѣлей; короче, что дѣятельность земствъ не только разныхъ губерній, но даже и разныхъ уѣздовъ одной губерніи, при совокупности почти одинаковыхъ условій, идетъ нѣсколько въ разбродъ. Тѣ свѣдѣнія, какія, независимо отъ сметныхъ распредѣленій, имѣются о самомъ ходѣ земскихъ дѣлъ по уѣздамъ, вполне подтверждаютъ фактъ значительнаго разногласія въ направленіи земской дѣятельности. Защитники принципа полной самостоятельности уѣзда, какъ земской единицы, не находятъ въ такомъ разногласіи ничего аномальнаго. Но нельзя не замѣтить, что общій успѣхъ дѣятельности земства требуетъ именно солидарности и общности направленія. Вотъ въ какомъ смыслѣ самое положеніе о земскихъ учрежденіяхъ страдаетъ весьма чувствительнымъ пробѣломъ. Не говоря уже о томъ, что земства различныхъ губерній совершенно разобщены между собою, и самыя уѣздныя земства одной губерніи не поставлены подъ общее руководство губернскаго собранія, которое, состоя изъ представителей тѣхъ же уѣздныхъ земствъ, имѣло бы по существу дѣла полное право служить и высшимъ представительствомъ по уѣзднымъ дѣламъ. Предоставленіе губернскому собранію нѣкоторой доли вліянія на общее направленіе уѣздной дѣятельности могло бы только принести пользу, устраняя тѣ старанія, которыя могутъ

быть бесплодны именно потому, что они не согласованы между собою. Въ настоящемъ положеніи дѣла, большаго единства земской дѣятельности возможно все-таки достигать посредствомъ включенія большаго числа статей расхода въ смѣту губернскую, а не уѣздную, и петербургское земство хорошо бы сдѣлало, еслибы послѣдовало въ этомъ отношеніи примѣру земствъ нѣкоторыхъ иныхъ губерній.

Кромѣ государственнаго бюджета, другой обычный предметъ нашей февральской хроники—отчетъ оберъ-прокурора св. синода, не отличается на этотъ разъ почти ничѣмъ новымъ, за исключеніемъ предположеній духовнаго управленія объ отмигнѣ отдѣльнаго существованія духовной цензуры. Комиссія, которой былъ порученъ пересмотръ духовно-цензурнаго устава, предположила освободить отъ предварительной цензуры духовныя періодическія изданія, если издатели того пожелаютъ, и за нѣкоторыми исключеніями всѣ оригинальныя духовныя сочиненія, имѣющія объемъ не менѣе 10 печатныхъ листовъ, и переводныя объемомъ не менѣе 20 листовъ, а также повсемѣстно всѣ вообще сочиненія священнослужителей, за исключеніемъ собственно догматическихъ; однако сочиненія священнослужителей предположено оставить подъ *наблюденіемъ* (?) архіереевъ. Означаетъ ли это—представленіе такихъ сочиненій на предварительный просмотръ архіереевъ,—мы не знаемъ. Затѣмъ, всѣ догматическо-богословскія сочиненія положено оставить подъ цензурою и издавать не иначе какъ съ разрѣшенія синода. Наконецъ, комиссія предположила *слить* духовную цензуру со свѣтскою, такъ чтобы она принадлежала только цензурнымъ комитетамъ и главному управленію по дѣламъ печати, но съ тѣмъ чтобы во всѣ эти учрежденія были назначены лица съ высшими духовно-учеными степенями. Въ предположенныхъ же началахъ къ руководству общей цензуры включено правило о преслѣдованіи судебнымъ порядкомъ всѣхъ вообще сочиненій, въ которыхъ будетъ усмотрѣно богохуленіе, вошунство или такое направленіе, котораго цѣлью было бы признано привлеченіе и совращеніе православныхъ въ иное исповѣданіе или ересь. Предположенія комиссіи были рассмотрѣны синодомъ и въ прошломъ, т.-е. 1871-мъ году, были переданы въ комиссію, учрежденную подъ предсѣдательствомъ князя Урусова, для пересмотра вообще цензурныхъ постановленій. Такъ какъ рассмотрѣніе самого проекта, составленнаго этой послѣдней комиссіею, по слухамъ отложено, то излишне было бы заниматься теперь разборомъ однихъ предположеній комиссіи о духовной цензурѣ. Замѣтимъ только, что послѣднее изъ нихъ явно основано на тѣхъ старыхъ узаконеніяхъ отрицающихъ самый принципъ религіозной свободы, которыя по общему убѣжденію уже рѣшительно не соотвѣтствуютъ гуманнымъ стремленіямъ современнаго общества, отрицающимъ всякое преслѣдованіе

въ дѣлѣ совѣсти, которое должно быть исключительно дѣломъ личнаго внутренняго убѣжденія.

Притомъ, тутъ есть и неясность, весьма опасная на практикѣ: а если будущая духовно-свѣтская цензура найдетъ, что всякое богословское и даже историческо-церковное сочиненіе, написанное лютераниномъ или католикомъ, можетъ быть признано привлеченіемъ и совращеніемъ православныхъ?—какъ тутъ быть? Можно ли напечатать рѣчь Лютера противъ католицизма, если Лютеръ оспариваетъ какой-нибудь принципъ, общій католичеству и православію? можно ли напечатать сочиненіе, излагающее преимущества протестантской церкви, безъ опасенія быть обвинену въ замыслахъ совращенія?

Вообще говоря, въ настоящую минуту мы не беремъ на себя рѣшить вопросъ: выиграетъ ли духовная цензура отъ ея слиянія съ свѣтскою, или свѣтская потеряетъ вслѣдствіе предстоящаго ихъ соединенія?

Извѣстно, что отчеты по духовному вѣдомству, какъ и отчеты государственнаго контроля представляются по прошествіи не года, а почти полныхъ двухъ лѣтъ. Такъ въ минувшемъ январѣ публиковался отчетъ оберъ-прокурора за 1870-й годъ, въ то время, когда вышелъ уже и отчетъ контроля за тотъ же годъ. Такое промедленіе понятно въ отчетахъ контроля, такъ какъ исполненіе росписи заключается только въ половинѣ года слѣдующаго за тѣмъ, по которой она составлена. Таковой причины нѣтъ для отчетовъ по другимъ вѣдомствамъ, а между прочими и вѣдомства оберъ-прокурора синода. Новаго въ этихъ отчетахъ вѣроятно ничего и не будетъ до тѣхъ поръ, когда будетъ осуществлено устройство духовно-судебной части. Что касается ясности и полноты, качествъ, которыя до нѣкоторой степени постепенно болѣе и болѣе усваиваются нашею финансовою росписью и контрольнымъ отчетомъ, то и въ этомъ отношеніи отчеты духовнаго вѣдомства, или по крайней мѣрѣ тѣ извлеченія изъ нихъ, которыя публикуются, не идутъ впередъ. Въ отчетѣ за 1870-й годъ, при всей его обширности, мы не находимъ точнѣйшаго указанія ни на нужды духовенства, ни на предположенія духовнаго управленія. Въ сущности повторяются тѣ же наблюденія, указываются тѣ же общіе факты и приводятся цифры весьма близкія къ прежнимъ. Замѣчательно, напримѣръ, что цифры, выражающія число обращеній въ православіе и сумму добротныхъ приношеній на церкви и монастыри, изъ году въ годъ весьма близки.

Нашъ духовный отчетъ за 1870-й годъ обратилъ между прочимъ особое вниманіе на весьма важный фактъ, происшедшій въ средѣ римско-католической церкви, именно на провозглашеніе догмата папской непогрѣшимости и возникшее, вслѣдствіе того, оппозиціонное въ католичествѣ движеніе. Что отчетъ упоминаетъ о крупномъ фактѣ

современнаго нравственнаго движенія, вполне естественно; относится къ нему отчасти совершенно вѣрно. Но тѣмъ болѣе желательно было бы знать мнѣніе нашего высшаго духовнаго управленія и о желаніяхъ или стремленіяхъ ближайшей намъ духовной среды, и вообще включенія въ отчетъ живого отношенія къ современности. Теперь же, мы и изъ нынѣшняго отчета узнаемъ, напрямѣрь, что нѣкоторые преосвященные предоставляютъ избраніе благочинныхъ самому духовенству, и узнаемъ также, что такіа мѣры сопровождалась полнымъ успѣхомъ; но ни однимъ словомъ не выражено какъ же относится къ развитію выборнаго начала вообще въ церковномъ управленіи само наше высшее духовное управленіе; какъ смотритъ оно на тѣ несомнѣнныя стремленія въ этомъ смыслѣ, которыя высказались въ средѣ нашего собственнаго духовенства? Отчетъ могъ бы много выиграть и принести болѣе пользы самому духовенству, еслибъ онъ касался прамѣе и ближе вопросовъ современной жизни, такъ какъ дѣятельность духовенства не должна бы ни оставаться чуждою потребностямъ современнаго общества, ни даже сама безусловно замыкаться отъ тѣхъ его стремленій, которыя вполне согласны съ вѣрою.

Фактъ провозглашенія догмата папской непогрѣшимости отчетъ упоминаетъ слѣдующимъ образомъ: „Папа Пій IX, въ своемъ стремленіи довести папство до послѣднихъ предѣловъ его величія, дошелъ до такого ослѣпленія, что не усомнился поставить себя выше чело-вѣчества и усвоить себѣ и своимъ преемникамъ свойство, принадлежащее человѣческой природѣ“. Охарактеризовавъ такимъ образомъ совершенно вѣрно самый фактъ, и назвавъ это новое ученіе „противнымъ ученію божественному и несообразнымъ съ самымъ духомъ христіанства и здравымъ смысломъ“, отчетъ указываетъ на то замѣчательное явленіе, что именно вслѣдствіе провозглашенія папской непогрѣшимости обнаружилось въ нѣкоторыхъ католическихъ средахъ стремленіе къ обращенію въ православіе исповѣданіе. Впрочемъ отчетъ и здѣсь, къ сожалѣнію, выказалъ обычную несклонность относиться яснымъ образомъ къ фактамъ современной жизни. Что новый догматъ возмущилъ совѣсть многихъ католиковъ, это отчетъ говоритъ, но не упоминаетъ о конгрессахъ старо-католиковъ и о побѣдѣ въ Мюнхенѣ профессора Осинина. Правда, эти факты относятся уже къ 1871-му году, но вѣдь отчетъ по другимъ статьямъ не исключаетъ безусловно факты 1871-го года, когда они существенно нужны для дополненія изложенія.

Какъ же было, относясь къ историческому факту провозглашенія папской непогрѣшимости, о возникшемъ, какъ послѣдствіе его, смущеніи совѣсти католиковъ и не упомянуть равно какъ и о мюнхенскомъ конгрессѣ, на которомъ было торжественно провозглашено старо-католиками желаніе воссоединенія церквей?

Но отчетъ упоминаетъ только о личныхъ случаяхъ обращенія. Изъ нихъ имѣетъ значеніе, въ связи съ папскою непогрѣшимостью, только переходъ въ православіе въ Петербургѣ 21 католиковъ-чеховъ, а также еще нѣсколькихъ чеховъ внутри имперіи. Чехи, какъ извѣстно, прямо объявили, что къ оставленію католичества ихъ побудило провозглашеніе догмата непогрѣшимости папы. Вообще католиковъ перешло въ православіе въ прошломъ году въ разныхъ епархіяхъ около 3,000 душъ, а лютеранъ 969 душъ, въ томъ числѣ 603 въ одной рижской епархіи. Если не ошибаемся, число обращенныхъ изъ лютеранства превосходитъ примѣры послѣднихъ лѣтъ; число же обращенныхъ изъ католичества держится почти на той же цифрѣ, какъ въ 1869-мъ году (3,332). Цифра обращенныхъ изъ магометанства на этотъ разъ въ отчетѣ вовсе не показана, между тѣмъ какъ въ прошлогоднемъ отчетѣ она была болѣе 8-ми тысячъ душъ. Извѣстно, что пропаганда въ средѣ мусульманской наиболѣе трудна. Столь значительная въ 1869-мъ году цифра обращеній здѣсь объяснялась причиною болѣе политической, чѣмъ религіозною, такъ какъ почти все число обращеній послѣдовало собственно въ Абхазіи, чему содѣйствовало выселеніе жителей, отличавшихся мусульманскимъ фанатизмомъ. Татарская же среда въ нашихъ восточныхъ губерніяхъ, по отзыву отчета, „оказывается едва ли не самою неблагодарною“ для успѣха миссіонерскаго дѣла. „Сравнительно съ предшествовавшими годами, продолжаетъ отчетъ, менѣе было прискорбныхъ случаевъ совращенія крещенныхъ татаръ въ магометанство, но съ другой стороны, весьма немногочисленны были и случаи обращенія магометанъ къ христіанству.“

Съ несравненно болѣшимъ успѣхомъ идетъ миссіонерская дѣятельность среди прочихъ инородцевъ востока: черемисовъ, чувашей, мордвы и вотяковъ. Прежде чѣмъ перейти къ дѣйствию миссіонерства среди раскола, остановимся еще на минуту на пропагандѣ среди лютеранъ, тѣмъ болѣе, что на обстоятельство это обращается вниманіе и за границею, гдѣ не всегда вѣрно его толкуютъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманіе письмо, недавно присланное въ редакцію „Голоса“ г. Вурстембергеромъ, швейцарскимъ членомъ депутаціи евангелическаго союза. Изъ этого письма мы теперь приведемъ только слѣдующія строки: „я объѣздилъ теперь всѣ три прибалтійскія провинціи и хотя имѣлъ случай убѣдиться, что въ предѣлахъ остзейскаго края всякія религіозныя преслѣдованія—въ настоящее время, по крайней мѣрѣ—прекратились, однако не подлежитъ сомнѣнію, что возможность ихъ, все-таки, существуетъ и что они могутъ возобновиться еще съ болѣшею силой, доказательствомъ чему могутъ служить многіе факты, совершающіеся и теперь еще, недалеко отъ остзейскихъ границъ.“ Г. Вурстембергеру, который самъ былъ на мѣстахъ, должны быть

извѣстны обстоятельства обращеній, и вотъ какъ онъ охарактеризовалъ пропаганду на двухъ различныхъ точкахъ нашей западной окраины. Его свидѣтельство достаточно убѣждаетъ, что въ губерніяхъ остзейскихъ, хотя случаевъ обращенія было и немало, а именно до 1,000 въ одномъ году, но здѣсь не дѣйствовали нисколько какія-либо преслѣдованія, „по крайней мѣрѣ теперь,“ какъ заботливо оговаривается онъ.

Противъ усилій самой церкви, безъ всякаго понужденія со стороны мѣстныхъ гражданскихъ властей, къ обращенію иновѣрныхъ никто ничего возразить не въправѣ, а православное общество въправѣ и радоваться имъ, и имъ содѣйствовать, лишь бы они носили именно характеръ мирной религіозной борьбы, законной борьбы убѣжденія. Но въ этомъ отношеніи можно удивляться, какъ еще мало сдѣлано для того, чтобы возможно было надѣяться на успѣхъ именно такой, чисто-христіанской борьбы. Правда, изъ государственнаго казначейства назначено было 600 тысячъ рублей на постройку церквей въ прибалтійскомъ краѣ, и присланы значительныя приношенія съ той же цѣлью изнутри Россіи. Но всего важнѣе было бы видѣть усилія самихъ мѣстныхъ духовныхъ дѣателей для успѣха ихъ проповѣди среди эстовъ и латышей. А между тѣмъ оказывается, по удостовѣренію отчета, что на латышскомъ и эстонскомъ языкахъ не существуетъ ни русской исторіи, ни церковной исторіи, ни сборника проповѣдей, ни даже руководство къ изученію русскаго языка латышами и эстами и что только недавно, на 1,000 рублей, собранныхъ рижскимъ православнымъ братствомъ, издана и самая русская азбука для эстонцевъ и руководство къ изученію русскаго языка, и только приготовлены къ изданію на латышскомъ и эстонскомъ языкахъ русская грамматика, словарь для латышей и другія самыя первоначальныя книги для русской проповѣди. Ничего этого не существовало до сихъ поръ, а между тѣмъ число православныхъ эстовъ и латышей, какъ извѣстно, около 150-ти тысячъ душъ, и отчетъ замѣчаетъ, что „духъ православія болѣе и болѣе укрѣпляется въ инородческой православной [частѣ] рижской епархіи и сродняетъ ее съ остальною православною Россіею.“ Нельзя не согласиться, что сродненіе сдѣлало бы большіе успѣхи, еслибы давно были готовы хоть азбука и словарь, для изученія русскаго языка. У насъ часто ссылаются съ нѣкоторымъ раздраженіемъ на успѣхи, какіе дѣлаетъ германизация въ славянскихъ земляхъ, подвластныхъ нѣмцамъ, сравнительно съ успѣхами обрусенія на нашихъ окраинахъ. Между тѣмъ, стоить только сравнить средства: нѣмцы не много заботятся о религіозной пропагандѣ, но объ азбуку и словарь они ужъ никакъ не забываютъ. Мы же назначаемъ безъ особеннаго затрудненія сотни тысячъ рублей изъ государственнаго казначейства, охотно жертвуемъ иконостасы и облаченія, но даже

для отправления православнаго богослуженія на латышскомъ и эстскомъ языкахъ у насъ оказывается недостатокъ печатныхъ богослужебныхъ книгъ, и комитетъ для провѣрки и продолженія этихъ переводовъ учрежденъ всего въ 1869-мъ году, такъ что онъ еще не успѣлъ ничего вновь и напечатать.

Протестантство, съ которымъ церковь борется на окраинѣ, произвело въ свою очередь любопытное явленіе среди чисто-православнаго населенія въ Таращанскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи. Тамъ появилась новая секта „штундистовъ“, о которой въ свое время были, неясныя впрочемъ, извѣстія въ газетахъ. Штундисты отвергали священство, таинство и все внѣшнее обрядовое богослуженіе. Отчетъ о нихъ выражается такъ: „плевели эти были занесены въ означенный приходъ нѣсколькими лицами изъ крестьянъ, бывшихъ на полевыхъ работахъ у колонистовъ въ Херсонской губерніи, но скоро исторгнуты при пастырскихъ увѣщаніяхъ приходскаго священника, благочиннаго и командированнаго по сему случаю опытнаго увѣщателя изъ духовенства того же уѣзда.“ Относительно миссіонерской дѣятельности среди раскольниковъ вообще нельзя не убѣдиться изъ отчета, что она ведется нынѣ и гуманно, и рачіонально, и съ большимъ усердіемъ. Впрочемъ, числовой результатъ ея за 1870-й годъ еще весьма малъ: 2,511 обращеній изъ всего раскольниковьяго населенія имперіи, которое, по показанію военно-статистическаго сборника, вообще принимается въ 8 милліоновъ душъ. Впрочемъ само духовное управленіе, какъ выражено въ отчетѣ, ожидаетъ важныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи только въ будущемъ, и, прибавимъ, имѣетъ полное право ожидать такихъ результатовъ, не столько даже отъ внутреннихъ раздоровъ въ средѣ раскола, сколько отъ успѣховъ образованности. Въ настоящее время, разумѣется, трудно предвидѣть, выработается ли современемъ изъ нѣкоторыхъ сектъ, принадлежащихъ къ такъ-называемой „безпоповщинѣ“, нѣчто такое, что могло бы, подъ вліяніемъ образованія, устоять или даже окрѣпнуть. Но не можетъ быть сомнѣнія, что тѣ изъ сектъ, которыя основаны просто на какомъ-нибудь вздорномъ суевѣріи, какъ, напр., скопческая, по мѣрѣ распространенія образованія исчезнутъ. Что касается „поповщины“, то-есть раскола признающаго австрійское священство, съ бѣлокриницизмъ митрополитомъ Кирилломъ во главѣ, то такъ какъ догматическое разногласіе ея съ церковью заключается собственно въ вопросѣ преемства іерархіи, успѣхи образованности по всей вѣроятности и ее приблизятъ къ церкви. Затѣмъ, чѣмъ болѣе сама церковь будетъ склоняться къ осуществленію древне-христіанскаго начала выборнаго управленія, тѣмъ болѣе оажется вѣроятности, что поповцы возвратятся въ лоно церкви, хотя бы и на правилахъ единовѣрія, которыя охраняютъ ихъ обрядовые обычаи. Раздоры въ этой части раскола такъ велики, бѣлокриницкая митрополія, выпрашивающая у московскихъ купцовъ по сот-

нямъ рублей, такъ мало можетъ имѣть авторитета, что поповщина и можетъ держаться единственно только потому, что въ ней общество имѣетъ вліяніе на церковныя дѣла вообще и даже на назначеніе пастырей. Вотъ въ сущности все ея *реальное* значеніе. Пусть выборное начало будетъ примѣнено въ церковномъ управленіи православной церкви, и тогда, съ помощью успѣховъ народа въ образованіи, эта секта лишится многочисленныхъ приверженцевъ.

Что касается мѣръ, нынѣ принимаемыхъ какъ къ обращенію раскольниковъ путемъ убѣжденія, такъ и просвѣщенія самого православнаго народа, и какъ сказано въ отчетѣ „чтобы мало-по-малу выводить народъ, особенно поселянъ, изъ того мрака невѣдѣнія въ отношеніи религіи, въ которомъ нѣкоторые изъ нихъ доселѣ находятся“, то для этого на первомъ планѣ стоитъ одно средство, конечно: усердная и живая проповѣдь. Отчетъ выражаетъ надежду, что по мѣрѣ усвоенія самими духовно-учебными заведеніями жизненнаго направленія, должны увеличиться успѣхи проповѣди, и священнослужители окончательно перестанутъ смотрѣть на дѣло проповѣданія какъ на одно неизбежное исполненіе начальственныхъ предписаній и относиться къ нему только съ формальной стороны“. Это само по себѣ, конечно, справедливо, но бѣда пожалуй еще не столько въ томъ, если священники говорятъ проповѣди потому, что предписываетъ начальство; бѣда скорѣе въ томъ, если случается, что они не говорятъ проповѣдей или нарочно дѣлаютъ ихъ совершенно безжизненными, изъ опасенія какъ бы „чрезмѣрное“ усердіе не показалось „неумѣстнымъ“. Отчетъ упоминаетъ даже о взисканіяхъ за уклоненіе отъ дѣла проповѣди. Но дѣйствительнѣе и предписаній, и даже взисканій была бы *омота*, собственное желаніе, которыя немислимы безъ нѣкотораго простора и безъ большей снисходительности.

О ходѣ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній достаточно будетъ сказать здѣсь, что св. синодомъ было предположено осуществленіе полнаго преобразованія всѣхъ среднихъ и высшихъ духовно-учебныхъ заведеній въ теченіе пяти лѣтъ, то-есть именно къ 1871—72 учебному году, но что преобразование всѣхъ семинарій въ 1871 году не могло окончиться потому, что не окончились работы по устройству для нихъ зданій, работы, на которыя разрѣшены и еще испрашиваются вновь значительныя суммы.

Изъ другихъ реформъ, отчетъ, какъ уже сказано, хотя и упоминаетъ о допущеніи выборнаго начала къ избранію благочинныхъ и о сѣздахъ духовенства, но перваго изъ этихъ фактовъ касается крайне сдержанно, говоря только, что многіе архіереи предоставляютъ духовенству право избирать кандидатовъ на должность благочинныхъ. Между тѣмъ отчетъ тутъ же удостовѣряетъ, что благочинные выборы оказываются и лучшими дѣятелями, чѣмъ благочинные, назна-

ченныя непосредственно епархіальнымъ начальникомъ. Но развѣ, въ виду такого факта, высшее духовное управленіе не считаетъ себя въ правѣ рекомендовать избраніе благочинныхъ для всѣхъ епархій безъ исключенія? О сѣздахъ духовенства также говорится одобрительно. Но и тутъ говорится только, что такіе сѣзды бывають съ разрѣшенія архіереевъ, и притомъ, что всѣ рѣшенія, принимаемыя на сѣздахъ, приводятся въ исполненіе не иначе какъ съ ихъ утвержденія. Выходитъ какъ будто такъ, что сѣзды духовенства тамъ, гдѣ ихъ разрѣшаютъ архіереи и насколько архіереи утверждаютъ рѣшенія ихъ, приносятъ пользу, но остается неизвѣстнымъ, могла ли-бы быть польза отъ такихъ сѣздовъ и тамъ, гдѣ мѣстные архипастыри еще не вызвали сами этого учрежденія.

По весьма важному дѣлу устройства церковно-приходскихъ попечительствъ мы находимъ въ нынѣшнемъ отчетѣ замѣчательныя цифры пожертвованій, собранныхъ такими попечительствами въ нѣкоторыхъ епархіяхъ. Попечительства одной епархіи собирали въ годъ по нѣскольку десятковъ тысячъ рублей, а въ подольской епархіи ими было собрано даже 138 тысячъ рублей. Мы не разъ уже указывали на важность устройства прочныхъ и самостоятельныхъ приходскихъ общинъ, какъ для дѣла церковнаго, такъ и благотворительности и школы. Вся сила протестантизма въ его свободной приходской общинѣ и ея преобладающемъ значеніи въ дѣлѣ церковнаго хозяйства. У насъ, къ сожалѣнію, отъ приходской общины въ дѣлѣ церковнаго управленія все еще принимаются одни „пожертвованія“. Извѣстно однако, что представленіе общинамъ даже выбора себѣ приходскаго пастыря изъ посвященнаго духовенства не представляло бы ничего анти-каноническаго. Что касается вліянія общины на хозяйственное управленіе приходской церкви, то только за допущеніемъ такого вліянія и можно ожидать кореннаго улучшенія въ этомъ хозяйствѣ, обилія приношеній, которое дало бы возможность въ каждомъ приходѣ устроить и школу и пріютъ; оно необходимо и для укрѣпленія самой приходской общины. Церковно-приходскія попечительства проникнутся жизнью и силою именно только при такихъ условіяхъ.

Перейдемъ теперь, въ заключеніе, къ одному изъ тѣхъ практическихъ вопросовъ, которые представляются блестящимъ и огромнымъ развитіемъ въ Россіи желѣзныхъ дорогъ, къ вопросу вдвойнѣ „жизненному“, не потому только, что онъ вызывается современной общественной жизнью, но еще и потому, что онъ касается единичной жизни каждаго изъ насъ, въ общемъ качествѣ пассажировъ перевозимыхъ, а иногда задержанныхъ, нерѣдко и убиваемыхъ нашими „подвижными составами“.

„Правительственный Вѣстникъ“ съ нѣкотораго времени сталъ печатать исчисленія несчастныхъ случаевъ, происходящихъ на нашихъ

железныхъ дорогахъ. Изъ этихъ списковъ оказывается, что не проходить недѣли безъ несчастнаго случая, а иногда бываетъ ихъ и по нѣсколькѣ въ одинъ день. Такое прискорбное обстоятельство дѣлаетъ, какъ нельзя болѣе, современнымъ вопросъ объ отвѣтственности железныхъ дорогъ предъ частными лицами. Вопросъ этотъ весьма обстоятельно разработанъ въ статьѣ Б. И. Утина, помѣщенной въ декабрьскомъ нумерѣ журнала „Гражданскаго и Торговаго права“, на которую мы и хотимъ обратить вниманіе нашихъ читателей. Число лицъ, пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ на нашихъ железныхъ дорогахъ было: въ 1867 году—216, въ 1868—268, въ 1869—402. Отношеніе этихъ чиселъ къ числу пассажировъ, проѣхавшихъ по железнымъ дорогамъ, авторъ находитъ болѣе невыгоднымъ, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Указывая тѣ начала, которыхъ держатся иностранныя законодательства и судебная практика за-границею, относительно имущественной отвѣтственности железныхъ дорогъ, авторъ ограничивается въ настоящей статьѣ собственно вопросомъ объ отвѣтственности за вредъ, причиненный людямъ.

Примѣръ Англій въ этомъ отношеніи, конечно, особенно важенъ, такъ какъ тамъ железныя дороги существуютъ на большомъ протяженіи давнѣе чѣмъ гдѣ-либо, и такъ какъ нигдѣ въ Европѣ нѣтъ на дорогахъ столь колоссальнаго движенія, какъ въ Англій, а наконецъ еще и потому, что нигдѣ для поѣздовъ не принята такая скорость, какъ въ Англій. Извѣстно, что англійскіе суды присуждаютъ понесшимъ увѣчья и семействамъ лицъ, встрѣтившихъ смерть при несчастныхъ случаяхъ на железныхъ дорогахъ, такія вознагражденія, которыя не только, въ совокупности своей, составляютъ весьма чувствительное для железно-дорожныхъ обществъ побужденіе къ содержанію и служащихъ при ней въ исправности, но и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ представляютъ дѣйствительную помощь пострадавшимъ. Напримѣръ; компанія лондонской и сѣверозападной железной дороги въ пятилѣтіе съ 1853 по 1858 годъ уплатила въ вознагражденіе за тѣлесныя поврежденія 110,371 фунтовъ, т.-е. немногимъ менѣе милліона рублей, или по 250 т. р. въ годъ. Въ 1865 году общая сумма вознагражденія, уплаченная англійскими железными дорогами, простирается—за одинъ годъ, замѣтите—до трехсотъ т. фунтовъ или около двухъ съ половиною милліоновъ рублей. Цифры эти объясняются размахомъ вознагражденій, присуждаемыхъ судомъ въ Англій въ отдѣльныхъ случаяхъ. Достаточно привести два: на юго-восточной дорогѣ въ 1858 лишился жизни пасторъ Томасъ Вудъ; вдова его осталась безъ средствъ и ей уплачено было 1,500 фунтовъ, или около 12 т. р.; на брайтонской дорогѣ въ 1866 погибли супруги Дру, оставивъ послѣ себя пятерыхъ сиротъ; этимъ дѣтямъ компанія была присуждена уплатить 8 т. фунтовъ, т.-е. капиталъ около 65 тысячъ рублей.

Таковыми мѣрами достигается, во-первыхъ, цѣль обезпеченія или

вознагражденія пострадавшихъ, а во-вторыхъ, и притомъ самымъ практическимъ образомъ предупреждается небрежное отношеніе къ дѣлу безопасности пассажировъ со стороны желѣзнодорожныхъ компаній: имъ нѣтъ никакого расчета нанимать за полцѣны какихъ-нибудь пьяныхъ служащихъ, или откладывать нужныя починки, когда все это можетъ отозваться на ихъ карманѣ такою совокупностью пеней, которая превышаетъ цифру подобныхъ „сбереженій“, дѣлаемыхъ въ ущербъ безопасности пассажировъ. Замѣтимъ еще, что англійскіе суды присуждаютъ насчетъ компаній вознагражденіе не только за прямое увѣще, но и за иное разстройство здоровья, если оно произошло по винѣ администраціи. Сверхъ того, есть даже примѣры, что суды присуждали компанію уплатить пассажиру, который лишился какой-либо выгодной сдѣлки по неаккуратности отъ хода поѣздовъ, вознагражденіе равное доказанному имъ ущербу. Относительно же собственно несчастныхъ случаевъ въ Англии, обязанность доказать, что случай этотъ произошелъ по винѣ управленія, не лежитъ на истцѣ; наоборотъ, самому управленію предоставляется доказывать, что случай произошелъ не отъ его вины и не отъ вины его служащихъ.

Тотъ же принципъ признанъ и французскимъ законодательствомъ. Во Франціи отвѣтственность желѣзнодорожныхъ компаній опредѣляется тѣми общими статьями наполеонова кодекса, въ которыхъ установлена отвѣтственность каждаго за вредъ, причиняемый другому его небрежностью или неосторожностью, а также небрежностью и неосторожностью лицъ или уполномоченныхъ или служащихъ у него. Въ германскомъ законодательствѣ недавно также состоялся законъ о вознагражденіи, насчетъ „предпринимателя“ желѣзной дороги, лицъ, пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ на ней, если предприниматель не докажетъ, что несчастіе произошло отъ дѣйствія неотвратимой силы (*höhere Gewalt, force majeure*) или по винѣ самого пострадавшаго. Итакъ, и здѣсь признается принципъ отвѣтственности компаній за небрежность ихъ служащихъ. Для исковъ о вознагражденіи, германсей законъ опредѣлилъ срокъ не однолѣтній, каковой принятъ въ Англии, но двугодичный.

Въ Россіи до сихъ поръ, несмотря на множество несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ, дѣла эти доходили до суда уголовного или гражданскаго очень рѣдко. Кромѣ извѣстнаго дѣла о гибели на рязанско-козловской дорогѣ поѣзда, который пьяные машинисты и оберъ-кондукторъ вели со скоростью ста верстъ въ часъ, имѣется въ виду еще только дѣло по несчастію на петергофской дорогѣ и нѣсколько исковъ предъявленныхъ грузоотправителями. Дѣло на рязанско-козловской дорогѣ, при которомъ убиты 7 человекъ и сто ранено, повело къ присужденію машиниста Ланге къ аресту на 3 недѣли, оберъ-кондуктора Яеоби къ тюремному заключенію на 4 мѣсяца, а двухъ начальниковъ станцій къ аресту на гаушвахтѣ на 2 съ полов.

и 1 мѣсяцъ. Оказывается, что законы наши объ отвѣтственности по несчастнымъ случаямъ на желѣзныхъ дорогахъ до того неопредѣленны, что прокурорскій надзоръ предлагалъ примѣненіе статьи, полагающей лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ каторжную работу на 8—12 лѣтъ, а дѣло кончилось опредѣленіемъ четырехмѣсячнаго тюремнаго заключенія для наиболѣе виновнаго изъ судившихся лицъ. При предъявленіи же къ той же компаніи исковъ гражданскихъ со стороны семействъ убитыхъ лицъ, возникалъ еще вопросъ о томъ, можно ли, на основаніи закона, привлечь компанію къ отвѣтственности, въ качествѣ третьяго лица, за дѣйствія ея агентовъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, авторъ статьи весьма справедливо настаиваетъ, чтобъ при обсужденіи „проекта положенія объ эксплуатациіи желѣзныхъ дорогъ“, въ этомъ положеніи непременно были осуществлены слѣдующія начала: 1) перенесеніе на правленія желѣзныхъ дорогъ, какъ условія для освобожденія отъ отвѣтственности, обязанности доказать, что несчастіе произошло отъ причинъ, которыя нельзя было предотвратить никакими мѣрами; 2) признаніе за служащими на дорогахъ, пострадавшими при исполненіи обязанностей, права на вознагражденіе, хотя бы даже они сами совершили неосторожность, исполняя свой долгъ. Впрочемъ, важнѣйшее требованіе автора заключается въ томъ, чтобы въ проектъ была включена статья въ слѣдующемъ смыслѣ: „судъ, признавъ желѣзную дорогу обязанною отвѣчать за вредъ и убытки, опредѣляетъ размѣръ ихъ по своему усмотрѣнію, основанному на соображеніи обстоятельствъ дѣла, съ истребованіемъ предварительно, когда найдетъ то нужнымъ, заключенія свѣдущихъ людей“. Необходимость предоставить размѣръ вознагражденія усмотрѣнію суда очевидна изъ невозможности точно выяснитъ ущербъ, причиняемый лицамъ отъ несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ. Совершенно раздѣляя мнѣнія автора, мы съ своей стороны прибавимъ, что необходимо при слѣдствіяхъ по несчастнымъ случаямъ на желѣзныхъ дорогахъ тщательно опредѣлять, насколько каждый данный случай могъ быть предупрежденъ соблюденіемъ правилъ осторожности не только при движеніи, но и при самой постройкѣ. Затѣмъ необходимо возбужденіе отвѣтственности строителей и пріемщиковъ дороги, независимо отъ присужденія компаніи къ вознагражденію пострадавшихъ. Наши желѣзныя дороги еще вновѣ: если уже теперь несчастные случаи на нихъ нерѣдки, что-то будетъ еще, когда и земляныя насыпи опадутъ, и шпалы попортятся, и подвижной составъ постарѣетъ!

ИЗЪ СУДЕБНАГО МІРА

Посвящается «Московскимъ Вѣдомостямъ».

Во внутреннемъ обзорѣни послѣдней, январской книжки „Вѣстника Европы“ обращено, между прочимъ, вниманіе на цѣлый рядъ статей, напечатанныхъ въ концѣ истекшаго года „Московскими Вѣдомостями“ противъ судебной реформы и по достоинству оцѣнена вся эта агитація, поднятая московскимъ ех-потентатомъ. Но оцѣнка эта, сдѣланная въ общихъ чертахъ, сама по себѣ едва ли достаточна. Риторы пошиба г. Каткова, какъ извѣстно, не имѣютъ привычки дѣйствовать просто, они, по бѣльшей части, поднимаютъ звонъ, бьютъ въ набатъ въ то время, когда знаютъ, что онъ въ состояніи произвести тревогу. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, напрасная тревога, поднятая въ Москвѣ, должна, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ остаться въ Петербургѣ безъ послѣдствій. Да и сами „Московскія Вѣдомости“ стараются теперь уже отретироваться на попятный дворъ. Но чтобы имъ впредь неповадно было такъ дѣлать и затѣвать наѣзды въ область судебной реформы, нельзя оставить всѣ безчинства послѣдняго наѣзда безъ подробнаго изслѣдованія и заслуженной кары. Общее убѣжденіе, что „Моск. Вѣдомости“ ни одной полемики, противъ кого бы и противъ чего она ни была направлена, честно не вели, что онѣ, по бѣльшей части, не знаютъ того предмета, о которомъ начинаютъ писать задорныя статьи, и узнаютъ его уже во время спора отъ противника, а потомъ, когда ошибочность ихъ взгляда имъ фактически доказана, начинаютъ запутывать дѣло и окончательно стараются, по крайней мѣрѣ, утомить общественное вниманіе безконечными статьями, въ которыхъ истина и ложь съ софизмами перемѣшаны, — это убѣжденіе уже теперь довольно далеко распространено. Но убѣжденіе, что такова именно обыкновенная процедура „Моск. Вѣдомостей“ въ каждой полемикѣ, обильно приправляемой ими инсинуаціями и обвиненіями противника въ измѣнѣ, не избавляетъ еще отъ обязанности обстоятельнѣе съ ними побесѣдовать и, въ отвѣтъ на голословныя обвиненія, представить фактическую сторону искаженнаго ими дѣла полнѣе, чѣмъ обвиненія эти сами по себѣ заслуживали бы. А такъ какъ въ данномъ случаѣ есть множество отрезвляющихъ фактовъ, которые полезно поставить на видъ этимъ рыцарямъ печальнаго образа — не для того, конечно, чтобы унять ихъ горячечный бредъ, но чтобы другіе не приняли этотъ бредъ за плодъ серьезной и здоровой мысли, — то нелишне будетъ въ дополненіе къ тому, что уже сказано было о

полемиѣ, которую московскій органъ завершилъ свои подвиги прошлаго года, сказать еще нѣсколько словъ.

Отношеніе московскаго ех-потентата къ судебной реформѣ не всегда было одинаковое. Нельзя именно сказать, чтобы относительно этой реформы бывшая московская пиеія отличалась большимъ яснovidѣніемъ, чѣмъ относительно другихъ реформъ. Въ долгій періодъ, когда выработывались судебные уставы, отношеніе „Моск. Вѣдомостей“ къ комиссіи, занятой этимъ трудомъ, было вообще довольно скептическаго свойства. Не кончится ли всеготовящееся преобразование чѣмъ-нибудь въ родѣ маскарада, въ которомъ старые судебные чины переряжены будутъ въ новые костюмы и званія и все пойдетъ по-старому? На эту преимущественно тему печатала въ то время статьи редакція „Моск. Вѣд.“. Очень въ претензіи за это быть нельзя, такъ какъ не даромъ же мы заднимъ умомъ крѣпки. Да зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, было такъ широко ставить вопросъ судебной реформы и не благоразумнѣе ли было бы ограничиться постепеннымъ введеніемъ въ старыя судебныя мѣста нѣкоторыхъ началъ гласности и устной защиты, на подобіе правилъ 11 октября 1865 г.! И если труды многоглавой комиссіи вышли лучше, чѣмъ вообще можно было ожидать, и на нихъ почилъ духъ времени, то не очень доброжелательное отношеніе „Моск. Вѣд.“ къ комиссіи мы имъ въ особую вину не ставимъ,—простой недостатокъ предвидѣнія. Потомъ вниманіе этихъ политическихъ мудрецовъ отвлечено было земскою реформою. Въ то время (начало 1865 г.) они, какъ извѣстно, носились преимущественно съ мыслию о крупномъ землевладѣніи и требовали, по обнародованіи земскаго положенія, дополненія его правомъ личнаго голоса въ пользу бранныхъ землевладѣльцевъ. Великіе публицисты, заботясь о нравственномъ здоровьѣ русскаго крестьянства, высказывали опасенія, что хотя это здоровье находится еще въ хорошемъ состояніи, но никто не можетъ поручиться, что оно не испортится, что не явятся демагоги, которые деморализируютъ массу, внушатъ ей алчныя инстинкты и она захочетъ „генеральскаго жалованья“. Нѣсколько позже, когда „Вѣсть“, созрѣвавшая на листахъ „Моск. Вѣдомостей“, совсѣмъ уже народилась и начала печатать свои филиппики противъ только-что открытыхъ судовъ, „Моск. Вѣд.“, по духу противорѣчія и потому, что порожденный ими органъ началъ хлѣбъ у нихъ отбивать, стали защищать судебную реформу и даже, помнится, однажды проговорились о великодушій тѣхъ, которые, вѣруя въ живыя силы русскаго общества и народа, полагали, что эта реформа у насъ примется. Идя за толпой, понявшей все значеніе судебной реформы уже тогда, когда она была приведена въ исполненіе, „Московскія Вѣдомости“—спасибо имъ и за это—открыто стали въ то время на сторонѣ новаго суда, правителю котораго въ самомъ началѣ устранила всякія сомнѣнія насчетъ благотворнаго его вліянія на русскую дѣй-

ствительность. Помнится, около этого же времени, когда длился еще медовый мѣсяцъ судебной реформы, „Моск. Вѣд.“ обронили нѣсколько словъ о томъ, какое сильное возникаетъ у насъ судебное сословіе (правы или не правы онѣ были въ этомъ отношеніи—это другой вопросъ). Послѣ, когда выступили на сцену окраины, „Моск. Вѣд.“ не одну статью посвятили на разоблаченіе стремленій остзейскаго рыцарства—уклониться отъ введенія въ прибалтійскомъ краѣ нашей судебной реформы и въ особенности отъ введенія суда присяжныхъ. Наконецъ, въ самое послѣднее время „Моск. Вѣд.“, не возвращаясь что-то давно уже къ стоящему на очереди вопросу о введеніи судебныхъ уставовъ въ остзейскомъ краѣ, начали, вмѣсто того, печатать статью за статью о несостоятельности новаго нашего суда. Подобно плакальщицѣ надъ усопшимъ, завывали онѣ съ осени прошлаго года объ излишествахъ въ адвокатскихъ рѣчахъ, о сыплющихся безъ конца оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ, о недостаточномъ образованіи нашего судебного сословія, о вторженіи мирового суда въ такія области, въ которыхъ должны господствовать одни дисциплинарныя отношенія и т. д. Выхватить изъ обширной практики нашихъ судовъ нѣсколько приговоровъ, обязательно сопоставить ихъ и начать, по поводу этихъ приговоровъ, подлежащихъ еще можетъ быть разсмотрѣнію и отгнѣвъ въ установленномъ порядкѣ, голосить, точно сыр-боръ загорѣлся, — дѣло это не очень трудное и само по себѣ оно не заслуживало бы того, чтобы на немъ долѣе останавливаться, чѣмъ до сихъ поръ на немъ останавливалась наша печать. Во всѣхъ этихъ іереміадахъ собственно заслуживаетъ особаго вниманія, потому что не предвѣщаетъ ничего добраго—это союзъ московскаго органа съ силами, враждебными судебной реформѣ. На этотъ союзъ указываетъ учащенное появленіе этихъ іереміадъ за послѣднее время и негодный тонъ ихъ.

I.

При бѣдности интересовъ русской общественной жизни, общество и печать особенно много занимаютъ нашимъ судебнымъ міромъ. Но, знаете ли, что дѣятели въ этомъ мірѣ очень уже желали бы перестать быть новинкой и часто хотѣлось бы имъ сказать: занимайтесь нашимъ серомнымъ существованіемъ поменьше. Не такъ у нихъ дурно, какъ можетъ быть полагаетъ безпардонная критика сама и какъ она, во всякомъ случаѣ, старается увѣрить другихъ, но и не такъ все хорошо, въ ихъ специальной сферѣ, чтобы они предъ великими требованіями, поставленными имъ судебными уставами, имѣли основаніе очень уже возноситься.

Что многое въ нашихъ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ могло бы, при нѣсколько болѣе внимательномъ къ нимъ отношеніи, лучше уст-

роиться, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. То, что у другихъ народовъ слагалось въ теченіи вѣковъ, не могло у насъ въ короткое время сложиться такъ, чтобы не вызывать никакихъ нареканій. Совершенныхъ учрежденій нѣтъ и быть не можетъ, а особенно новыхъ, которыя, превосходя въ тысячу разъ старыя, сами однако нуждаются въ благотворномъ дѣйствіи времени, чтобы внутренно окрепнуть. Тѣмъ не менѣе, несмотря на множество золь, съ которыми новые суды должны бороться и которыя зарождаются не въ собственной ихъ сферѣ и не по собственной ихъ винѣ, отправленіе правосудія стоять у насъ въ настоящее время въ Россіи, благодаря реформѣ, ужъ никакъ не на на низшей степени, чѣмъ въ большей части европейскихъ государствъ, и намъ заимствовать отъ послѣднихъ въ этомъ отношеніи нечего. Всего остального, что требуется, чтобы судебныя уставы вполнѣ стали правдой въ жизни — добрыхъ традицій, большаго юридическаго образованія, меньшей письменности, занесенной изъ старыхъ судовъ, и, главное, искорененія той медленности, которая рядомъ „съ правдою и милостію“ уже теперь, вслѣдствіе недостаточности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ личнаго состава (что легко можно бы устранить небольшими средствами), царствуетъ въ судахъ — всего этого слѣдуетъ ожидать отъ времени и отъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Но если „Моск. Вѣд.“ именно по поводу судебной реформы высказываютъ такія истины, „что великія преобразованія застигли насъ врасплохъ, и даютъ намъ сильнѣе, чѣмъ когда либо, чувствовать наше безлюдье“ (1871, № 217), то спрашивается, ужъ не слѣдовало ли намъ сначала выждать преобразованія нашихъ юридическихъ факультетовъ и училища правовѣдѣнія, появленія новаго поколѣнія юристовъ съ болѣе солиднымъ образованіемъ, чтобы приступить къ судебной реформѣ? Въ дѣйствительности великія преобразованія, даже такія, потребность которыхъ сознавалась уже въ теченіи многихъ поколѣній, всегда застаютъ людей врасплохъ, потому что только новыя учрежденія могутъ воспитать вполнѣ годныхъ для нихъ дѣятелей. Общій подъемъ уровня образованія въ странѣ можетъ, конечно, и долженъ выгодно отозваться и на органахъ суда, но практика гласно дѣйствующихъ учрежденій имѣетъ сама образовательную силу.

Во всякомъ случаѣ бояться нашихъ судамъ критики — нечего, такъ какъ дѣло ведется въ нихъ честно и по крайнему разумнію. Критическое отношеніе печати къ дѣятельности нашихъ судовъ можетъ быть для нихъ только полезно. Но критика критикъ — рознь. Если печать, слѣдя съ интересомъ за тѣмъ, что дѣлается въ нашемъ судебномъ мѣрѣ, будетъ безъ задора указывать на такія явленія, которыхъ лучше не было бы и которыя несогласны съ значеніемъ и достоинствомъ новыхъ судовъ, то за это можно быть только благодарнымъ. Но если

органъ, ставшій всякими правдами и неправдами вліятельнымъ, будетъ пользоваться своею широкою гласностію, чтобъ ежедневно дискредитировать новыя учрежденія, подрывать авторитетъ судебной власти и привлекать къ своему самозванному трибуналу сегодня адвокатуру, завтра мировую юстицію, а тамъ цѣлое судебное сословіе, о необразованности котораго говорится съ тономъ гражданской будто бы скорби, а далѣе увѣрять, что въ организациі нашего суда присяжныхъ кроется какая-нибудь ошибка, а въ чемъ эта ошибка заключается, критикъ благоразумно умалчиваетъ—и если притомъ тѣни будутъ сгущаться и краски одна мрачнѣе другой, густо наводиться, тогда мы вправѣ сказать, что такой органъ, дѣйствуя въ союзѣ съ враждебными реформѣ силами, поступаетъ недобросовѣстно. Если бы „Московскія Вѣдомости“ позволили себѣ высказать хоть десятую часть тѣхъ любезностей, которыми онѣ ежедневно осыпали судебныя учрежденія, какому-нибудь другому учрежденію, положимъ, какому-нибудь губернскому правленію, то онѣ очень хорошо знаютъ, что это даромъ не прошло бы имъ. Учрежденія, какъ и отдѣльныя лица, имѣютъ свое доброе имя, которое онѣ не могутъ не оберегать. Судебныя учрежденія дѣйствуютъ открыто и гласно, и уже потому о дѣятельности ихъ можно говорить все или очень многое, безъ страха быть привлеченнымъ къ отвѣту. По крайней мѣрѣ тѣ процессы, которые были возбуждаемы, въ порядкѣ публичнаго обвиненія, противъ покойной „Вѣсти“ и нѣкоторыхъ другихъ изданій за оскорбленія судовъ, не встрѣчали, сколько извѣстно, одобренія въ средѣ самыхъ судовъ и ими произносились по этимъ дѣламъ по большей части оправдательные приговоры. Но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы сколько-нибудь уважающій себя органъ печати долженъ былъ, пользуясь исключительнымъ положеніемъ, въ какомъ находятся въ настоящее время въ средѣ всѣхъ другихъ нашихъ учреждений суды, позволять себѣ въ отношеніи къ нимъ, съ забвеніемъ всякихъ приличій, ежедневныя выходы, обращаться къ нимъ съ жалобными словами, систематически заподозривать ихъ дѣятельность и показывать имъ гримасы—это другой вопросъ.

„Моск. Вѣдомости“ особенно охотно, кстати и некстати, любятъ возвращаться къ нечаевскому дѣлу. Мы не имѣемъ надобности распространяться въ настоящее время объ этомъ дѣлѣ. Не касаясь самаго существа дѣла, достаточно, въ опроверженіе „Моск. Вѣдом.“, сказать, что на предсѣдательскомъ креслѣ по этому процессу сидѣлъ человѣкъ, имѣющій несомнѣнныя заслуги по участию въ составленіи устава уголовнаго судопроизводства. Но справедливо то, что только незадолго до производства этого дѣла онъ былъ посаженъ на это кресло. Болѣе или менѣе ловкіе приемы въ веденіи огромнаго процесса не могутъ быть иначе приобрѣтены, какъ долговременнымъ опытомъ въ са-

ныхъ судебныхъ учрежденійхъ. Затѣмъ, тѣ вѣжливыя—и допускаемъ— витіеватыя формы, въ которыхъ происходило обращеніе предсѣдателя къ нѣкоторымъ изъ оправданныхъ подсудимыхъ, и на чемъ главнымъ образомъ строить свое обвиненіе „Моск. Вѣд.“, не составляютъ, кажется, такого крупнаго недостатка, который, еслибъ приговоръ палаты былъ протестованъ въ установленномъ порядкѣ прокуроромъ и дѣло доведено до высшей инстанціи, до правительствующаго сената, могъ быть признанъ за существенное нарушеніе обрядовъ судопроизводства. „Моск. Вѣдомости“, такъ часто возвращающіяся къ этому дѣлу, кажется, упускаютъ изъ виду, что многіе изъ подсудимыхъ одной группы, оправданные или осужденные, должны были являться потомъ свидѣтелями по обвиненіямъ противъ подсудимыхъ другой группы. Попробуйте въ такомъ случаѣ съ предсѣдательскаго кресла заговорить тѣмъ тономъ, въ которомъ обращаются къ подсудимымъ французскіе президенты, и вы такимъ обращеніемъ не заставите въ послѣдствіи ничѣмъ этихъ подсудимыхъ-свидѣтелей давать показанія, а между тѣмъ, сколько извѣстно, въ высшей степени важно было, чтобъ такіе подсудимые, какъ, напр., кн. Черкесовъ, дали свои свидѣтельскія показанія противъ нѣкоторыхъ подсудимыхъ другихъ группъ, потому что только на такихъ показаніяхъ и основывался обвинительный актъ противъ очень многихъ, привлеченныхъ къ этому дѣлу. Впрочемъ, эта недостаточная привязчивость со стороны „Моск. Вѣдомостей“ объясняется гораздо проще тѣмъ, что по поводу исторіи съ проф. Полунинимъ въ московскомъ университетѣ, исторіи, въ связи съ которой находилась одна группа подсудимыхъ въ нечаевскомъ дѣлѣ, для самихъ „Московск. Вѣдомостей“, въ свое время не совсѣмъ вѣрно и безпристрастно излагавшихъ эту исторію, высказаны были нѣкоторыми защитниками крайне непріятныя вещи. *Inde irae.*

II.

Другой пунктъ постоянныхъ обвиненій „Московскихъ Вѣдомостей“ противъ новыхъ судовъ—это излишество въ рѣчахъ нашихъ адвокатовъ. „Еслибы наши судебные ораторы не позволяли себѣ заноситься на крыльяхъ незрѣлой мысли, а держались положительной почвы, то и для подсудимыхъ было бы это во многихъ отношеніяхъ полезнѣе, и съ авторитетомъ судебныхъ учреждений во всякомъ случаѣ согласнѣе. Мы были бы избавлены отъ скандаловъ, которыми такъ обильны были судебныя пренія по нечаевскому дѣлу въ с.-петербургской судебной палатѣ; мы были бы также избавлены отъ чудовищной обмолвки, сдѣланной однимъ изъ защитниковъ по Кудринскому дѣлу“ (1871 № 217). Неуважительный отзывъ, сдѣланный въ рѣчи какимъ-нибудь защитникомъ о „Московскихъ Вѣдомо-

стяхъ“, по поводу невѣрно изложенной ими университетской исторіи, которой пришлось коснуться, — безъ всякаго сомнѣнія великій скандалъ. Что же касается обмолвки, сдѣланной по дѣлу о скопцахъ Кудринныхъ однимъ изъ защитниковъ ихъ, бывшимъ прокуроромъ московскаго окружнаго суда и замѣчательнымъ ораторомъ, г. Громницкимъ, то она заключалась въ слѣдующемъ: „Вопросъ Спасителя: что есть истина? остается не разрѣшеннымъ до сихъ поръ.“ Даже не раздувая этой обмолвки, по которой вопросъ, предложенный Спасителю Пилатомъ, приписанъ самому Спасителю, до разбѣровъ чего-то чудовищнаго, такъ какъ обмолвка остается не болѣе, какъ обмолвкой, нельзя не пожалѣть, что она сорвалась съ языка. Но спрашивается, можно ли по такому поводу, безъ крайняго легкомыслія или очевидной недобросовѣстности, дѣлать какіе-нибудь общіе выводы о нашей адвокатурѣ и топтать ее въ грязь? Другіе народы имѣютъ привычку гордиться своими судебными ораторами и рѣчамъ ихъ, обращеннымъ къ общественной совѣсти, внимаютъ не затѣмъ только, чтобы доискиваться въ нихъ оговорокъ и обмолвокъ. Допустимъ однако, что слабая сторона нашей адвокатуры на первыхъ же порахъ состоитъ не въ черезъ-чуръ сильномъ аппетитѣ къ крупнымъ кушамъ, какъ полагаетъ г. Шедринъ, не въ нѣкоторой бѣдности умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, какъ полагаемъ мы, а въ излишней многорѣчивости, какъ думаютъ „Московскія Вѣд.“. Но это такое зло, которое до извѣстной степени неизбѣжно и встрѣчается въ гласномъ судѣ цѣлаго міра. Крайнее развитіе письменности при тайномъ процессѣ и излишества въ адвокатскихъ рѣчахъ при гласномъ судопроизводствѣ—явленія однородныя. Если бы редакторы „Моск. Вѣдомостей“, забывъ о безконечныхъ, растянутыхъ до невозможнаго судебныхъ рѣчахъ Цицерона—этихъ вѣчныхъ образцовъ фразѣрства—провели день-другой во французскомъ ассизномъ судѣ и послушали тамъ весь verbiage адвокатовъ средней руки, все словоизверженіе ихъ, простое и мрачное,—съ біеніемъ себя по груди и другими трагическими жестами, то они убѣдились бы, что уже теперь наши суды выгодно отличаются въ этомъ отношеніи отъ французскихъ. Къ тому же, развѣ риторы „Моск. Вѣдомостей“ всегда отличаются сдержанностью въ своихъ безконечныхъ рѣчахъ, когда они сами являются защитниками или обвинителями по какому-нибудь неправому дѣлу! Какой изъ нашихъ самыхъ нещепетильныхъ адвокатовъ можетъ похвалиться такимъ количествомъ дутыхъ, ябедническихъ исковъ, какое ежедневно предъявляютъ „Московскія Вѣдомости“ къ русскому общественному мнѣнію! Развѣ эти почтенные и зрѣлые мужи могутъ для нашихъ юныхъ судебныхъ ораторовъ служить образцами мѣры и сдержанности? Между печатнымъ и всякимъ публичнымъ словомъ существуетъ въ этомъ отношеніи необходимая связь. Требуется извѣстное развитіе граждан-

своей свободы въ странѣ, чтобы люди выучились публично владѣть словомъ, говорить разумно и убѣдительно, не уклоняясь отъ дѣла, и мы думаемъ, что суды наши будутъ въ значительной степени тому содѣйствовать. Чѣмъ больше гражданской свободы, тѣмъ больше сдержанности и менѣе задора какъ въ печатномъ, такъ и во всякомъ другомъ публичномъ словѣ. Пока же мы можемъ указать на тотъ несомнѣнный фактъ, что, несмотря на равенство сторонъ по закону, обвиненія и защиты, — въ дѣйствительности рѣчи обвинителей пользуются въ нашихъ судахъ большею свободою, чѣмъ рѣчи защитниковъ. Тогда какъ остановка предсѣдателемъ защитника представляется самымъ обыкновеннымъ дѣломъ и повторяется часто умѣстно и неумѣстно, остановка прокурора, какъ бы онъ ни уклонялся отъ дѣла, представляется чѣмъ-то неслыханнымъ и можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ возбужденіе дисциплинарнаго производства противъ предсѣдательствующаго. Но правомъ остановить защитника предсѣдатель во всякомъ случаѣ долженъ пользоваться осторожно, такъ какъ иначе частыя остановки могутъ произвести крайне невыгодное впечатлѣніе на присяжныхъ и гораздо легче привести къ неправильному разрѣшенію дѣла, чѣмъ состязаніе, въ которомъ защита, хотя бы и прибѣгавшая къ нѣкоторымъ, не особенно вреднымъ излишествамъ, не была стѣснена. Обращаясь къ человѣческой совѣсти и требуя отъ свободнаго ея убѣжденія разрѣшенія такихъ вопросовъ, отъ которыхъ зависитъ участь человѣка и самыя дорогіе интересы общества, вы не можете насиловать этой совѣсти. Но будьте увѣрены, что „сатурналіямъ фразерства вмѣсто идеи, съ замѣною мысли безшабашною удалью дикихъ парадоксовъ“ и всякому „сѣмороществу“ гораздо легче предаваться въ типѣ своего кабинета и на бумагѣ, которая терпѣть ваши цѣломудренныя измышленія и отсылается въ типографію для набора передовыхъ статей, чѣмъ когда вы среди торжественной обстановки суда стоите предъ живыми людьми, къ совѣсти которыхъ вы обращаетесь.

III.

Гоняясь за эффектомъ, „Моск. Вѣд.“ имѣютъ дурную привычку пичкать свои передовыя статьи, посвященныя печальному состоянію нашихъ судовъ, такими случаями изъ дѣятельности этихъ судовъ, по которымъ не состоялось еще вовсе приговоровъ, вошедшихъ въ окончательную законную силу. Наша новая судебная система тѣмъ и хороша, что, отвергнувъ безчисленное множество инстанцій, существовавшихъ въ старомъ порядкѣ, и сосредоточивъ въ кассационныхъ департаментахъ сената верховный надзоръ за дѣятельностію всѣхъ судебныхъ мѣстъ и лицъ, она до крайности упростила и облегчила способы отмѣны и исправленія всякихъ приговоровъ, уклонившихся

отъ прямого смысла закона или состоявшихся съ нарушеніемъ въ судѣ существенныхъ формъ и обрядовъ. Легкость обращенія къ сенату даже по самымъ ничтожнымъ дѣламъ и краткость сроковъ на принесеніе кассационныхъ жалобъ и протестовъ дѣлаютъ какъ нельзя болѣе дѣйствительнымъ этотъ коррективъ противъ неправильностей, допущенныхъ судомъ при производствѣ дѣла до постановленія приговора и невѣрнаго примѣненія или толкованія закона въ самомъ приговорѣ. Судебная система, введенная уставами 20-го ноября, имѣетъ такимъ образомъ сама въ себѣ всѣ способы къ исправленію ошибочныхъ или неправильныхъ дѣйствій судовъ. Но, разумѣется, что „Московскія Вѣдомости“, какъ и всякая другая газета, не могутъ ждать, чтобъ дѣло завершило сначала свой законный ходъ и потомъ уже говорить о немъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ дѣло это для печати потеряло бы значительную долю интереса новизны. Говорите поэтому сколько угодно о дѣлѣ, но если вы этимъ дѣломъ, этимъ частнымъ случаемъ пользуетесь для того, чтобы дѣлать какіе-нибудь общіе выводы, а тѣмъ болѣе невыгодные, о состояніи правосудія въ странѣ, то не мѣшало бы вамъ нѣсколько пообождать сужденіемъ объ этомъ дѣлѣ и справиться, что скажутъ объ немъ люди болѣе васъ компетентные, которые и изучать дѣло нѣсколько полнѣе васъ и съ закономъ, непризваннымъ защитникомъ котораго вы являетесь, ведутъ нѣсколько болѣе близкое чѣмъ вы знакомство. Но въ томъ-то и сила, что ждать намъ нельзя; съ одной стороны мы—газета, для которой гоньба за эффектомъ, за интересомъ минуты превыше всего, а съ другой мы—риторы, которые не можемъ говорить о какомъ бы то ни было дѣлѣ, не обобщивши его, и чѣмъ менѣе мы знакомы съ сущностью этого дѣла, тѣмъ больше для насъ потребность обобщеній, и чѣмъ меньше у насъ положительнаго знанія о предметѣ, тѣмъ больше должно быть о немъ краснорѣчія. И льются потоки краснорѣчія сегодня о мировой юстиціи („Моск. Вѣд.“ 1871, № 233), которая принимаетъ къ своему разсмотрѣнію дѣло объ оскорбленіи какого-то учителя грамоты директоромъ вечернихъ курсовъ при одномъ изъ петербургскихъ уѣздныхъ училищъ—и тѣмъ очевидно колеблетъ всѣ отношенія не только въ учебной, но и во всѣхъ другихъ сферахъ дѣятельности, въ которыхъ должна господствовать дисциплина,—а завтра о петербургскомъ окружномъ судѣ, въ которомъ на этотъ разъ присяжные—о чудо!—признали подсудимаго съ товарищемъ виновными, обвинили ихъ въ дѣйствіяхъ, которыя слѣдуетъ признавать мошенничествомъ, а судъ взялъ, да и освободилъ ихъ, потому что ему угодно было признать въ этихъ дѣйствіяхъ обыкновенныя коммерческія спекуляціи. „Присяжные, не внявъ на этотъ разъ народной мудрости, глаголавшей устами защиты, обвинили не карасей дремавшихъ, а щукъ, признали Косача и Тимоеева виновными въ совершеніи

тѣхъ проступковъ, за которые они преданы суду. Судъ удалился для постановки резолюціи, для опредѣленія виновнымъ наказанія, а вышелъ съ освобожденіемъ ихъ отъ суда и слѣдствія (?), такъ какъ, по мнѣнію суда, обманныя дѣйствія Косача и почтенной компаніи суть дѣйствія уголовнымъ закономъ не преслѣдуемыя, уложеніемъ о наказаніяхъ не предусмотрѣнныя, то-есть по-просту обыкновенныя коммерческія спекуляціи“ („Моск. В.“ 1871 г., 20 ноября, № 254). Что нужды, что объявленный черезъ нѣсколько дней (24 ноября) послѣ этой статьи и тогда же появившійся въ печати („Бирж. Вѣд.“ 1871 г. № 325) приговоръ оружнаго суда съ мотивами, по дѣлу Косача, весь основанъ на рѣшеніяхъ уголовного кассационнаго департамента правит. сената и этотъ приговоръ дойдетъ до сената, вслѣдствіе кассационнаго протеста со стороны прокурора и жалобъ со стороны подсудимыхъ за преданіе ихъ суду! Нѣтъ также никакой нужды, что дѣло г. Вальха и г. Андреева подвергнется въ законномъ порядкѣ пересмотру не только сѣзда, но и сената, до котораго оно по всей вѣроятности дойдетъ, какъ дошло до него однородное дѣло объ оскорбленіи г-жи Щебальской директоромъ музыкальнаго училища въ Мосевѣ, г. Рубинштейномъ. Пересматривайте тамъ, отмѣняйте и перерѣшайте эти приговоры, а мы свое дѣло сдѣлали, пѣсенку спѣли и дали понять многимъ нашимъ читателямъ, что если Россія еще не совсѣмъ погибла отъ новыхъ судовъ, которые производятъ расслѣніе нравовъ и ослабляютъ дисциплину во многихъ сферахъ, то это потому, что мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ не дремлемъ. Чтб бы, въ самомъ дѣлѣ, судамъ нашимъ принять къ своему руководству не рѣшенія сената, а передовыя статьи г. Каткова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“! Не даромъ же этотъ царекъ фразы, этотъ верховный судія, для котораго законы не писаны, все еще мнитъ себя сидящимъ на картонномъ тронѣ русскаго общественнаго мнѣнія! Жаль только, что онъ нѣкоторыхъ дѣлъ не принимаетъ къ своему разсмотрѣнію. Мировой судья второму „Московскія Вѣдомости“ задали острастку, оказался виновнымъ въ томъ, что онъ „ничто же сумняся, принимаетъ къ своему производству дѣло (по жалобѣ учителя Вальха), находитъ г. Андреева виноватымъ и приговариваетъ его къ штрафу....“ Дѣло это, какъ извѣстно, возникло изъ оскорбленія, нанесеннаго г. Вальху словомъ: „вонъ.“ Московская газета находитъ это слово, нѣсколько разъ повторенное директоромъ въ присутствіи цѣлаго класса, неоскорбительнымъ для учителя. Казалось бы, какъ не возмутиться по этому случаю доходившаго до правительствующаго сената дѣла, по оскорбленію г. Рубинштейномъ дочери г. Щебальскаго словами: „ступайте вонъ!“ Дѣло это не могло не быть извѣстно „Московскимъ Вѣдомостямъ“, такъ какъ, касалось дочери ихъ сотрудника и для полноты разсужденій объ оскорбленіи, нанесенномъ г-ну Вальху, его не слѣдовало упускать изъ

виду. А такъ-таки ни единымъ словомъ и не упомянули объ этомъ дѣлѣ „Моск. Вѣд.“ По этому дѣлу г. Рубинштейнъ былъ мировымъ судьей оправданъ, но приговоренъ московскимъ мировымъ съѣздомъ къ денежному взысканію въ размѣрѣ 25-ти руб. Сенатъ рассуждалъ по этому дѣлу (Сб. рѣш. 1870 г. № 177): „Если Рубинштейнъ относился къ дѣвицѣ Щебальской, какъ наставникъ къ ученицѣ вѣреннаго ему заведенія, чего не отрицаетъ и мировой съѣздъ, то ни вызовъ ея, для сдѣланія ей внушенія въ свой кабинетъ, хотя бы это было и не въ принятомъ порядкѣ, ни возвышеніе противъ нея голоса, ни приказаніе выдти вонъ невнимательной къ его внушенію ученицѣ не могутъ быть признаны обхожденіемъ для нея унижительнымъ. Нельзя обсуждать въ подобномъ дѣлѣ дѣйствія наставника по общимъ формамъ приличія между посторонними лицами, такъ какъ на наставникѣ или учителѣ лежатъ особая обязанности, для успѣшнаго выполненія которыхъ необходимы съ одной стороны извѣстная степень власти надъ ученикомъ или ученицею, а съ другой подчиненіе и смиреніе предъ наставникомъ“. Кажется, достаточное признаніе дисциплинарныхъ отношеній тамъ, гдѣ они дѣйствительно существуютъ. Руководствуясь этими соображеніями, сенатъ отмѣнилъ приговоръ съѣзда. Спрашивается теперь: въ правѣ ли былъ мировой судья, слѣдуя разуму сенатскаго рѣшенія, принимать къ своему разсмотрѣнію дѣло по жалобѣ г. Вальха? Не слѣдовало ли мировому судѣй приравнять къ ученикамъ учителя, въ которому директоръ обращается въ классѣ съ нѣсколько разъ повтореннымъ „вонъ“, отказать въ принятіи къ разсмотрѣнію этого дѣла и признать, что дисциплинарныя отношенія тутъ не вышли изъ нормы и не позволяютъ учителю обижаться такою малостью?..

Надняхъ въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ сената разсматривалась дѣло, производившееся въ великолуцкомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію крестьянъ Антипова, Антонова, Никифорова и Никитина въ разбой. Присяжные признали ихъ виновными и судъ приговорилъ ихъ къ наказанію за разбой. Сенатъ, кассируя по жалобѣ обвиненныхъ рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ суда, обратилъ вмѣстѣ съ тѣмъ вниманіе на то, что пренія, происходившія по этому дѣлу въ великолуцкомъ судѣ, вышли изъ предѣловъ, предоставленныхъ закономъ сторонамъ, и что предсѣдательствовавшій членъ суда не сдерживалъ стороны и не оставилъ во время защитника и обвинителя, перенесшихъ пренія на почву личныхъ нападовъ и пререканій. Такъ товарищъ прокурора, объясняя присяжнымъ, „что защитникъ сбиваетъ ихъ съ толку, что онъ называетъ ихъ разбойниками“, въ заключеніе пожелалъ защитнику провести такую же ночь, какую провела потерпѣвшая отъ преступленія Виноградова. Защитникомъ же были употреблены выраженія:

„судебный грабеж“, „товарищъ прокурора не знаетъ рѣшеній кассационнаго департамента“, „такую теорію поддерживать могутъ только фарисеи и разжирѣвшіе буржуа“. Въ виду такихъ преній, сенатъ, независимо отъ отмены рѣшенія присяжныхъ и приговора суда, постановилъ: дѣйствія товарища прокурора передать на разсмотрѣніе министра юстиціи, дѣйствія защитника подсудимыхъ (присяжнаго повѣреннаго)—на обсужденіе совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, а дѣйствія предсѣдавашаго въ судѣ разсмотрѣть въ распорядительномъ засѣданіи, что практически означаетъ подвергнуть его отвѣтственности въ такомъ или другомъ порядкѣ, опредѣленномъ судебными уставами.

Маленькій великолудкій окружной судъ можетъ благодарить Бога, что дѣло, которое мы привели, подверглось нелицепріятному контролю сената прежде, чѣмъ оно поступило на разсмотрѣніе московскихъ блюстителей порядка. Какой бы вопль о скандалахъ на судѣ подняли они, какой бы кошачій концертъ устроили они новымъ судамъ всѣхъ округовъ за допущеніе такихъ преній, если бы извѣстились они о нихъ ранѣе сената! Верховный жрецъ, слѣдуя первообразу своему въ „Прекрасной Еленѣ“, закричалъ бы прежде всего: „apporte-moi le tonnerre!“ И принесли бы ему громъ, и началъ бы онъ потрясать имъ вселенную, вселяя страхъ и ужасъ въ робкія сердца служителей Оемиды. И какую бы видную роль сыграли въ громовой статьѣ эти „разжирѣвшіе буржуа!“ Если защитникъ на судѣ позволяетъ себѣ употреблять такіа выраженія и предсѣдательствующій не останавливаетъ его, не велитъ его вывести, не прекращаетъ преній по дѣлу, то, значитъ, онъ сочувствуетъ такому языку, такому жаргону социализма! До „интернационалки“ уже не далеко было бы.

Впрочемъ, лишившись по совершенно-случайному обстоятельству громовой статьи, мы не лишились по поводу великолудкаго дѣла спокойной статьи, наполненной перлами обыкновенной діалектики „Моск. Вѣдомостей“. Говоря объ этомъ дѣлѣ въ передовой статьѣ (1872 г. № 3), посвященной обзору событій внутренней жизни за истекшій годъ, онѣ сопровождаютъ этотъ казусъ нѣсколькими общими разсужденіями, которыя служатъ новымъ доказательствомъ недобросовѣстнаго ихъ отношенія къ судебной реформѣ, и потому заслуживаютъ вниманіе. „Моск. Вѣд.“ начинаютъ нѣсколько издаека: „Въ прошломъ году мы были свидѣтелями перваго гласнаго политическаго процесса въ Россіи. Слишкомъ прогремѣвшее Нечаевское дѣло памятно нашимъ читателямъ, и мы не будемъ повторять нашего мнѣнія о дѣйствіяхъ суда въ этомъ странномъ процессѣ. Отмѣтимъ лишь тотъ фактъ (?), что начиная съ этого дѣла наша печать отерываетъ рядъ усилій, чтобы заглушить гласное обсужденіе дѣйствій новыхъ судебныхъ мѣстъ. Указаніе на частныя ошибки въ дѣятельности судовъ, на тѣ или другія условія недостаточно гарантирующія правильность отправленія

правосудія объявляются усиліями дискредитировать его въ глазахъ общества, готовить порчу судебныхъ уставовъ. Какое жалкое измышленіе! Дѣйствительно, болѣе жалкое измышленіе, чѣмъ какимъ является вся эта исторійка объ усиліяхъ печати со времени нечаевского дѣла заглушить гласное обсужденіе дѣйствій новыхъ судовъ, трудно себѣ представить. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, что за прелесть въ этомъ измышленіи и каково умственное истощеніе нашихъ риторовъ, когда они должны прибѣгать къ такимъ презрѣннымъ аргументамъ! Только родилось оно, это измышленіе, впервые въ головѣ „Моск. Вѣд.“. „Моск. Вѣд.“ очень хорошо знаютъ, что никогда ни одинъ органъ нашей печати не открывалъ ряда усилій, чтобы заглушить гласное обсужденіе дѣйствій новыхъ судебныхъ мѣстъ, но что сами онѣ, съ осени прошлаго года, начали рядъ усилій, чтобъ представить въ ложномъ, превратномъ свѣтѣ всѣ дѣйствія новыхъ судебныхъ мѣстъ и что пока эти ихъ усилія и извращенія не достигли колоссальныхъ размѣровъ, никто на нихъ въ печати не обращалъ вниманія и никакого отпора имъ не давалъ. Да на нихъ и не стоило бы обращать вниманіе, если бы они ограничивались указаніемъ на однѣ „частныя ошибки“, а не подкапывались подъ самую основу новаго суда, не доискивались органическихъ недостатковъ въ нашемъ институтѣ присяжныхъ, не ставили, напримѣръ, такого вопроса: „Совершенно ли правильно поставленъ у насъ институтъ присяжныхъ, которымъ нельзя не дорожить? Нѣтъ ли какой-нибудь ошибки въ его организаціи? Мы несомнѣнно увѣрены что такая ошибка есть“... („Моск. Вѣд.“ 1871 года № 254). Единственныя сколько-нибудь серьезныя обвиненія, которыя появились въ нашей печати, противъ этихъ систематическихъ усилій дискредитировать судъ, заключались въ одной чрезвычайно спокойной корреспонденціи изъ Москвы въ „Голосѣ“ и въ нѣсколькихъ страницахъ внутренняго обзорѣнія „Вѣстника Европы“. Но корреспонденція въ „Голосѣ“ указываетъ уже на большую часть тѣхъ номеровъ „Моск. Вѣдодостей“ за октябрь и ноябрь прошлаго года (№№ 217, 223, 227, 233 и 254), на которые и мы ссылаемся, и слѣдовательно явилась уже тогда, когда „Моск. Вѣд.“ успѣли уже достаточно высказаться, совершили свой славный походъ, а замѣтка во внутреннемъ обзорѣнии подводитъ уже итогъ всей этой агитаціи и называетъ ее принадлежащимъ ей именемъ.

Послѣ приведеннаго измышленія, „Моск. Вѣд.“ увѣряютъ, что политическая печать наша „въ настоящую минуту разыгрываетъ изъ себя труса—такова нынѣшняя мода, новѣйшій „mot d'ordre“—и что въ этой роли всякіе наши литераторы особенно натуральны.“ Далѣе газета продолжаетъ: „Боязнь свободнаго и правдиваго слова до того въ нихъ (литераторовъ) въѣлась, что они боятся произнести его, даже когда этого и требуютъ отъ нихъ. А между тѣмъ не того давала

право ожидать отъ себя печать, крича въ былое время о преимуществахъ гласнаго суда, не того должны были ожидать отъ этой печати и общество, привѣтствовавшее гласный судъ, и правительство, положившее гласность въ основу судебной реформы, и поставившее тѣмъ судъ подъ контроль общественный. Гдѣ же онъ, этотъ контроль, и чѣмъ онъ сказывается?" Изъ того, что этотъ контроль со стороны „Моск. Вѣдомостей“ казался безчисленнымъ множествомъ недостойныхъ выходовъ противъ новаго суда, что онѣ не хотѣли или не смѣли стать къ нему въ честныя, порядочныя отношенія, не слѣдуетъ еще, чтобы этого общественного контроля не существовало. Зайдите въ судъ и посмотрите на эту массу ежедневно присутствующихъ при отправленіи правосудія постороннихъ лицъ, изъ всѣхъ классовъ общества, и вы убѣдитесь, что тотъ контроль, который вездѣ возможенъ со стороны общества надъ гласнымъ судомъ, существуетъ у насъ не въ однихъ судебныхъ хроникахъ, занимающихъ въ нашей ежедневной печати такое видное мѣсто и не въ однихъ безчисленныхъ статьяхъ и корреспонденціяхъ, появляющихся въ газетахъ по поводу каждаго сколько-нибудь крупнаго процесса. „Моск. Вѣдомости“ увѣряютъ, что наша печать теперь разыгрываетъ труса. Нечего разыгрывать труса, когда сами „Моск. Вѣдомости“ сдѣлали даже большія дороги не совсѣмъ безопасными для печати, и когда на этихъ дорогахъ нужно оглядываться на каждый кустъ, не спрятался ли тамъ какой-либо бандитъ, или по крайней мѣрѣ ташкентецъ изъ почтенной журнальной братіи „Моск. Вѣдомостей“. Чѣмъ больше юридическаго смысла распространится — благодаря самимъ новымъ судамъ — въ обществѣ, тѣмъ дѣйствительнѣе станетъ общественный контроль надъ гласнымъ отправленіемъ правосудія, а чѣмъ нормальнѣе и обеспеченнѣе станетъ постепенно положеніе нашей печати, тѣмъ болѣе сильнымъ органомъ этого контроля она въ состояніи будетъ сдѣлаться. Но какъ бы ни выросъ этотъ общественный контроль, онъ никогда, разумѣется, по существу своему, не можетъ стать столь дѣйствительнымъ, чтобы идти въ какое-либо сравненіе съ тѣмъ верховнымъ контролемъ, который имѣетъ своимъ законнымъ органомъ кассационные департаменты правительствующаго сената и подъ которыми стоятъ всѣ судебныя мѣста и должностныя лица судебного вѣдомства, съ момента введенія въ какой-либо мѣстности судебныхъ уставовъ. Именно поэтому „Московскія Вѣдомости“ превратно излагаютъ дѣло, если онѣ, послѣ заявленія своего о какомъ-то нѣмомъ, безгласномъ отношеніи общества къ дѣятельности новыхъ судовъ, продолжаютъ: „Противодѣйствіе этому направленію сказалось наконецъ изъ среды самого новаго суда. Помѣщаемый въ сегодняшней судебной хроникѣ отчетъ объ одномъ дѣлѣ, разсматривавшемся въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ правительствующаго сената по жалобѣ на рѣ-

шеніе Великолуцкаго окружнаго суда, показываетъ что судебная власть въ лицѣ кассационнаго департамента правительствующаго сената сочла нужнымъ обратить вниманіе на дѣйствіе членовъ суда“. Если бы „Моск. Вѣдомости“ нѣсколько ближе были знакомы съ предметомъ, о которомъ онѣ взялись публично говорить, то онѣ въ самомъ обыкновенномъ разсмотрѣніи дѣла великолуцкаго суда сенатомъ и въ возбужденіи имъ отвѣтственности участвовавшихъ въ томъ дѣлѣ лицъ не могли бы усмотрѣть какого-то противодѣйствія какому-то несуществующему направленію, да еще прибавлять, что это противодѣйствіе сказалось „наконецъ“. Не наконецъ, а съ самаго начала судебной реформы, всегда, постоянно сказывался и сказывается контроль кассационныхъ департаментовъ правит. сената надъ всѣми мѣстами и должностными лицами, которымъ принадлежитъ по закону судебная власть. Въ назиданіе „Моск. Вѣдомостямъ“ мы должны коснуться весьма элементарныхъ вещей. Именно о всемъ происходящемъ на судѣ, съ участіемъ, какъ по великолуцкому дѣлу, присяжныхъ, ведется протоколъ засѣданія, въ который вносится, какъ по заявленіямъ защитника и прокурора, такъ и безъ подобныхъ заявленій, все сколько-нибудь существенное въ смыслѣ производства на судѣ дѣла. На этомъ протоколѣ, если онъ невѣрно передаетъ что-либо происходившее на судѣ, защитникъ вправе сдѣлать свои замѣчанія. По этимъ замѣчаніямъ судъ обязанъ изложить свои объясненія. Въ такомъ видѣ протоколъ судебного засѣданія, представляемый вмѣстѣ съ цѣлымъ дѣломъ по жалобѣ ли защитника, или по протесту прокурора, въ сенатъ, представляетъ наглядное изображеніе всѣхъ дѣйствій, одного за другимъ слѣдовавшихъ на судѣ, и служить для сената обличеніемъ всякой неправильности, если она кѣмъ-либо изъ участвовавшихъ въ производствѣ на судѣ, дѣла была допущена. Теперь возьмите эти тысячи дѣлъ, которыя поступаютъ на разсмотрѣніе кассационнаго сената изъ новыхъ судовъ и скажите, есть ли возможность, чтобы какая-нибудь неправильность, сколько-нибудь крупная, существенная, а тѣмъ болѣе какіе-нибудь скандалы, о которыхъ говорили „Моск. Вѣдомости“, могли имѣть мѣсто въ гласномъ судѣ безъ того, чтобы сенатъ не покаралъ виновныхъ. Еслибъ „Моск. Вѣдомости“ прежде, чѣмъ говорить о безконтрольности новаго суда, дали себѣ трудъ заглянуть въ сборники рѣшеній кассационныхъ департаментовъ правит. сената, то онѣ убѣдились бы, что не впервые по дѣлу великолуцкаго суда, сенатомъ, независимо отъ отмѣны рѣшенія и приговора, возбуждена отвѣтственность лицъ судебного вѣдомства. А въ такомъ случаѣ, что же въ результатѣ остается отъ всей этой статьи „Моск. Вѣдомостей“, написанной уже въ новомъ году для защиты образа дѣйствій ихъ въ истекшемъ году по отношенію къ судамъ и для прикрытія ихъ отступленія? Остается одной грубой неправдой и безтактностью больше!

Изъ нелѣпнаго положенія, когда нѣтъ духа сознаться въ винѣ и ошибкѣ, не бываетъ другого выхода.

IV.

Еще одно послѣднее сказанье—о наиболѣе капитальныхъ обвиненіяхъ „Моск. Вѣд.“ противъ нашего суда присяжныхъ. До начала шестидесятихъ годовъ, до самаго того времени, когда судебная реформа была рѣшена не только въ принципѣ, но и стала принимать опредѣленные очертанія, очень немногіе думали о возможности введенія въ Россіи суда присяжныхъ. При такомъ ли нравственномъ и политическомъ состояніи, въ какомъ находится русскій народъ, думать о введеніи у насъ суда присяжныхъ! Таково было весьма распространенное мнѣніе даже въ средѣ наиболѣе образованной части русскаго общества, раздѣляемое и юридическими кружками. Въ основѣ такого весьма распространеннаго мнѣнія лежалъ взглядъ на судъ присяжныхъ, преимущественно какъ на политическое учрежденіе. Между тѣмъ исторія этого института на самой родинѣ его убѣждала, что въ Англіи судъ присяжныхъ возникъ прежде всего, какъ чисто юридическое учрежденіе и что юридическая сторона его и теперь едва ли не важнѣе политической. Если 12 человекъ, взятыхъ изъ различныхъ общественныхъ слоевъ, познакомились съ исторіей дѣла изъ обвинительнаго акта, выслушали свидѣтелей, дающихъ показанія подъ перекрестнымъ допросомъ сторонъ, выслушали обвинителя и защитника и взаимное ихъ состязаніе, и если послѣ заключительнаго слова предсѣдателя, резюмирующаго улики за и противъ подсудимаго, они вынесутъ свой обвинительный или оправдательный вердиктъ, данный по убѣжденію совѣсти, — то въ такомъ способѣ рѣшенія дѣла сама по себѣ заключается значительная гарантія правды и достовѣрности юридической, насколько она вообще доступна человѣческому правосудію. Постоянные судьи, наторѣлые въ практикѣ до того, что „спокойно зрять на правыхъ и виновныхъ“, въ безконечномъ разнообразіи дѣлъ, которыя имъ представляются, отыскиваютъ прежде всего общіе юридическіе признаки дѣянія, которые законъ совмѣщаетъ въ понятіи объ извѣстномъ преступленіи. Это стремленіе къ подведенію всѣхъ частныхъ дѣлъ подъ общія юридическія категоріи становится второю природою юристовъ по профессіи. Но такое отношеніе къ преступнымъ дѣйствіямъ, которыя въ самыхъ простыхъ случаяхъ представляются часто явленіями довольно сложными, вызванными въ жизни весьма различными причинами и условіями среды, въ которыхъ жилъ обвиняемый, можетъ крайне невыгодно отозваться на опредѣленіи его вины. Все, что есть индивидуальнаго въ каждомъ случаѣ въ личности подсудимаго и въ тѣхъ житейскихъ условіяхъ, при которыхъ онъ не

устоялъ и совершилъ преступленіе, будетъ поэтому гораздо лучше оцѣнено людьми, взятыми непосредственно изъ различныхъ сферъ жизни. Человѣческія отношенія и дѣйствія не вытекаютъ изъ законовъ, а подводятся подъ нихъ, и насколько самое подведеніе такихъ дѣйствій подъ норму закона есть дѣло юриста, настолько же удостоеніе этихъ дѣйствій, признаніе ихъ совершившимися, оцѣнка ихъ, и притомъ не какъ голыхъ фактовъ, а какъ актовъ воли, не предполагаетъ никакого спеціальнаго знанія. Эта старая истина о дѣйствительномъ значеніи суда присяжныхъ, о его *raison d'être*, еще недавно подкрѣплена была новыми доводами въ замѣчательномъ трудѣ вѣнскаго профессора Вальберга (*Das Princip der Individualisirung in der Strafrechtspflege*). Чтò дѣлать: чрезъ все новое уголовное право, и въ наукѣ его и въ законодательствѣ, давно уже проходитъ черта гуманности, и идеалы, которые оно ставитъ отправленію уголовного правосудія, нѣсколько возвышеннѣе тѣхъ, чтò ставятъ „Московскія Вѣдомости“!

Взглядъ на юридическое достоинство суда присяжныхъ нашелъ себѣ во время-оно признаніе, одержалъ верхъ и былъ принятъ приступавшими уже въ эту пору (конецъ 1861 года) къ составленію основныхъ положеній преобразованія судебной части. Судъ присяжныхъ включенъ былъ ими въ систему преобразованія и государственнымъ совѣтомъ, послѣ всесторонняго обсужденія дѣла, одобренъ. Такъ какъ у насъ даже въ посвященныхъ въ дѣло кружкахъ, иногда черезъ нѣсколько лѣтъ уже забываютъ основную, руководящую мысль, рѣшившую участь даже весьма крупнаго дѣла, то мы позволимъ себѣ привести здѣсь одно мѣсто изъ разсужденій государственнаго совѣта въ 1862 году о введеніи въ Россіи суда присяжныхъ: „Мнѣніе нѣкоторыхъ теоретиковъ, что судъ присяжныхъ имѣетъ политическій характеръ, много препятствовало введенію въ разныхъ государствахъ этого учрежденія. Не говоря о томъ, что такое мнѣніе не имѣетъ надлежащаго основанія, нельзя не замѣтить, что отъ законодателя зависить обставить это учрежденіе такими условіями, при которыхъ оно не могло бы имѣть никакого политическаго характера, какъ сіе сдѣлано въ другихъ государствахъ, установившихъ у себя въ недавнее время судъ присяжныхъ. Лучше допустить, *на первое время*, нѣкоторыя изъятія изъ общаго правила о рѣшеніи вопроса о виновности или невиновности присяжными, нежели совершенно лишить народъ самаго естественнаго и справедливаго суда. Введеніе суда присяжныхъ въ Россіи болѣе необходимо, чѣмъ гдѣ бы то ни было, потому что нигдѣ, можетъ быть, историческая жизнь народа не положила такихъ рѣзкихъ разграниченій между различными слоями общества, какъ у насъ, отчего между понятіями, обычаями и образомъ жизни нашихъ посто-

янныхъ судей, принадлежащихъ вообще къ высшему сословію, и подсудимыхъ изъ низшихъ сословій, замѣчается большое различіе“.

Конечно, гораздо лучше было бы, если бы у насъ противники реформы въ свое время высказались и противъ суда присяжныхъ, и онъ былъ бы введенъ уже послѣ горячей борьбы мнѣній. Но такая борьба мнѣній у насъ обыкновенно не предшествуетъ реформѣ, а слѣдуетъ уже за нею. Оттого относительная легкость, съ которою у насъ вводятся инныя учрежденія, готовитъ самимъ этимъ учрежденіямъ впослѣдствіи довольно тернистое существованіе. Также легко, какъ новое учрежденіе вербуетъ себѣ на самыхъ первыхъ порахъ сторонниковъ, — подъ него, когда дѣйствіе его оказывается въ чемъ-нибудь не безупречнымъ, начинаютъ всячески подкапываться и доискиваться въ немъ органическихъ недостатковъ. Съ другой стороны, когда рѣшался у насъ въ законодательномъ порядкѣ вопросъ о введеніи суда присяжныхъ, можно было надѣяться, что если не предшествующая борьба мнѣній обезпечитъ этому учрежденію прочное существованіе, то его можетъ обезпечить по крайней мѣрѣ то обстоятельство, что оно является у насъ не вынужденною уступкою народнымъ требованіямъ со стороны власти, въ минуту кризиса — какъ это было во многихъ европейскихъ государствахъ — а вполне свободнымъ актомъ законодательной воли и довѣрія ея къ успѣхамъ гражданственности въ родной странѣ.

Оправдалъ ли судъ присяжныхъ ожиданія, которыя на него возлагались, представляетъ ли практика его достаточныя гарантіи для правосудія? На этотъ вопросъ существуетъ весьма различный отвѣтъ, смотря по тому, въ какую сторону мы обратимся за нимъ. Мы имѣемъ въ этомъ отношеніи, съ одной стороны, упражненія риториковъ „Моск. Вѣдомостей“ на тему объ оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ и цитуемныя ими же стихотворныя измышленія автора „Потока“ о томъ, какъ преступникъ сознается на судѣ, что онъ отца и мать убилъ, и все-таки выходитъ оправданнымъ изъ суда, а съ другой стороны, намъ представляются отзывы о судѣ присяжныхъ, идущіе непосредственно изъ судебной практики. Мы не споримъ, что риторика и поэзія, хотя весьма убогаго свойства, имѣютъ для иныхъ умовъ весьма обаятельную силу при рѣшеніи вопросовъ общественной жизни, но мы думаемъ, что не слѣдуетъ при такихъ вопросахъ пренебрегать и болѣе положительными данными, идущими изъ тѣхъ именно сферъ, къ которымъ вопросы эти относятся.

Займемся сначала риторикой. Въ томъ самомъ номерѣ „Моск. Вѣд.“ (254), въ которомъ рѣчь шла о дѣлѣ Косача, заявлено о сиплющихся безъ конца оправдательныхъ приговорахъ и положительно высказано, что „мы несомнѣнно увѣрены, что такая ошибка (въ организаціи суда присяжныхъ) есть“, — въ томъ же листѣ газеты дано читателямъ обѣщаніе побесѣдовать съ ними „о причинахъ печальныхъ

явленій, замѣчаемыхъ въ нашей судебной практикѣ“. Вотъ этихъ „причинъ“ мы ждали съ большимъ нетерпѣніемъ съ 20-го ноября прошлаго года, когда „Московскія Вѣдомости“ обѣщали объ нихъ поговорить, и не можемъ ихъ дожидаться и по сей день. Такъ-таки эти „причины“ и не появляются. Въ одинъ листъ газеты были понадерганы отовсюду всевозможные судебные случаи, одинъ другого страшнѣе. Здѣсь была рѣчь и о нѣкоемъ чиновникѣ, дошедшемъ до того, что укралъ чужое платье, часть котораго онъ продалъ, и все-таки былъ оправданъ присяжными, и о такомъ же оправданномъ, несмотря на сознание вины, подсудимомъ, служившемъ въ конторѣ г. Полякова, и о Богѣ въстѣ зачѣмъ вставленномъ сюда циническомъ сознании вора-матроса, который и впредь не отказывается красть, потому что не онъ одинъ, а всѣ кто можетъ крадутъ, но который судился въ Кронштадтѣ вовсе не присяжными, а мировымъ судьей,—и о Косачѣ, который присяжными обвиненъ, а судомъ не подвергнутъ наказанію, и о какомъ-то случаѣ предумышленнаго покушенія на убійство, въ которомъ на сторонѣ обвиненія были, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“, полныя доказательства, а на сторонѣ оправданнаго подсудимаго лишь безобразная жизнь и пьянство, и наконецъ о корреспонденціи изъ Одессы, что одинъ изъ служащихъ въ одесской почтовой конторѣ растратилъ казенныя и укралъ частныя деньги, увлекшись будто бы примѣромъ другого вора-казначея, оправданнаго присяжными, — точно подобныя увлеченія не встрѣчались на Руси безъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ. Всѣ эти столь различныя и неимѣющія ничего общаго между собою дѣла—нагромождены одно на другое, утрамбованы, и настилка, имѣющая видъ чего-то фактическаго и прочнаго, уже приготовлена для общихъ заключеній объ ошибкахъ въ самой организаціи суда присяжныхъ. Для сколько-нибудь правильной оцѣнки дѣйствій судебного учрежденія въ каждомъ изъ приведенныхъ случаевъ, нужно бы конечно войти въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла, нужно бы просидѣть вмѣстѣ съ присяжными все засѣданіе отъ начала до конца и посмотрѣть, что имъ представлялось на судѣ, что показывали свидѣтели, что показывалъ самъ подсудимый, что доказывали обвиненіе и защита, что сказалъ въ заключеніе предсѣдатель. Иначе вѣдь это значитъ залѣзть въ чужую совѣсть и производить въ ней обыски,—что не годится. Впрочемъ, читатель конечно замѣтилъ, что здѣсь приведено собственно четыре оправдательныхъ приговора присяжныхъ: о нищемъ чиновникѣ, укравшемъ платье, о служившемъ въ конторѣ г. Полякова, обвинявшемся въ поддѣлкѣ документа, о покушавшемся на убійство и о казначеѣ, подавшемъ собою такой дурной примѣръ чиновнику почтовой конторы, который самъ впрочемъ еще не судился. И вотъ, на основаніи такихъ четырехъ приговоровъ, дѣлается общее, вѣрнее невыгодное заклю-

ченіе о цѣломъ положеніи у насъ института присяжныхъ и дѣлается притомъ съ такою самоувѣренностью, что даже высказывается совершенно повидимому искренно, на этотъ разъ, намѣреніе поговорить и о „причинахъ“ столь печальныхъ явленій! Развѣ это не пріемъ самой легкомысленной, выѣзжающей на фразѣ риторикѣ, которая сама, повидимому, сбита съ толку фактами, вырванными за хвостъ изъ міра ей совершенно чуждаго и которая всю силу своего діалектическаго искусства употребляетъ, чтобъ сбить ими съ толку другихъ!

Чтобъ быть справедливымъ, мы должны привести одно смягчающее вину обстоятельство. На ловца, говорится, и звѣрь бѣжитъ, но гонясь за звѣремъ въ мѣстности, мало извѣданной, неосторожный охотникъ можетъ очутиться по поясъ въ болотѣ. Уже съ самой осени г. Катковъ охотился въ области судебной реформы и оглашалъ всю чуждую, мало знакомую ему мѣстность выстрѣлами, пущенными зря и пролетавшими мимо добычи, такъ что только заряды тратилъ. На бѣду ему издается въ Москвѣ маленькій журналъ „Юридическій Вѣстникъ“, а въ томъ журналѣ напечатаны въ 1871 году двѣ крошечныя замѣтки одного начинающаго и неизвѣстнаго намъ писателя г. Обнинскаго, объ оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ. Вотъ этимъ замѣткамъ и суждено было ввести „Московскія Вѣдомости“ въ заблужденіе. Печатавъ въ іюльской книжкѣ первую замѣтку г. Обнинскаго, на двухъ страничкахъ (92—94), осторожная редакція „Юридическаго Вѣстника“, понимая, лучше своего сотрудника, всю важность вопроса, о которомъ шла рѣчь, сочла необходимымъ предпослать ей возраженіе, по величинѣ равнявшееся самой замѣткѣ. На этомъ г. Обнинскій не успокоился и въ сентябрьской книжкѣ „Ю. В.“ напечаталъ по поводу приговоровъ присяжныхъ засѣдателей необходимое объясненіе, которое редакція снова сопроводила примѣчаніемъ, что „институтъ присяжныхъ, если не есть послѣднее слово уголовной юстиціи, то, по крайней мѣрѣ, еще умъ человѣческій лучше его ничего не придумалъ“. Еслибы г. Обнинскій, говоря о значеніи оправдательныхъ приговоровъ при наличности вины, по поводу одной сессіи въ московскомъ окружномъ судѣ, при которомъ присяжные засѣдатели ознаменовали себя рядомъ оправдательныхъ приговоровъ, далъ себѣ трудъ, вмѣсто категорическихъ и совершенно голо высказанныхъ мнѣній, безъ поименованія подсудимыхъ, характеристики ихъ и означенія преступленій, въ которыхъ они обвинялись, хотя сколько-нибудь подробно разобрать тѣ дѣла, по которымъ „большую часть такихъ приговоровъ награждены сознавшіеся подсудимые и въ особенности—рецидивисты въ кражахъ“,—тогда была бы возможность провѣрить дѣлаемые имъ выводы и отзывы съ фактами. Намъ нужно знать не „большую часть“ такихъ приговоровъ, а сколько именно такихъ приговоровъ было и каково ихъ отношеніе къ числу обвинительныхъ приговоровъ; каковъ былъ самый составъ присяжныхъ,

такъ какъ составъ на составъ не приходится; долго ли находились такіе сознавшіеся, но оправданные подсудимые подъ предварительнымъ слѣдствіемъ и въ тюремномъ заключеніи, каковъ былъ возрастъ ихъ, какъ велика цѣнность украденнаго, такъ какъ и за квалифицированную кражу цѣнностью меньше рубля можно, какъ бывали у насъ примѣры, прогнать въ тюрьмѣ—до суда—около года; каково было показаніе на судѣ потерпѣвшаго отъ преступленія, такъ какъ это показаніе имѣетъ большое вліяніе на присяжныхъ; равны ли были, во время судебныхъ преній, силы обвиненія и защиты; каковъ общій смыслъ былъ заключительной рѣчи предсѣдателя и т. д. Оправдательныхъ приговоровъ, при наличности вины, безъ всякаго сомнѣнія, быть не должно, потому что они представляютъ собою аномалію; но такъ какъ въ вопросѣ „виновенъ-ли“, заключается, при утвердительномъ отвѣтѣ, не одно признаніе извѣстнаго, голаго факта, входящаго въ объективный составъ преступленія, совершившимся,—но и признаніе, что по обстоятельствамъ дѣла этотъ фактъ долженъ быть вмѣненъ въ вину подсудимому, то судъ по совѣсти не только у насъ, но и вездѣ бываетъ здѣсь иногда поставленъ въ крайне трудную внутреннюю борьбу съ самимъ собой, и результатомъ, хотя и нежелаемымъ, можетъ быть оправдательный приговоръ, при искреннемъ сознаніи подсудимаго въ совершеніи дѣянія, особенно, когда присяжные, послѣ первыхъ дней сессіи, узнаютъ, какія тяжкія уголовныя послѣдствія это дѣяніе влечетъ за собою по закону. Всего чаще такіе оправдательные приговоры, и при сознаніи и безъ сознанія подсудимаго, выносятся присяжными тогда, когда судебное слѣдствіе, какъ это весьма нерѣдко бываетъ, обнаруживаетъ или крайнюю неполноту предварительнаго, или и совершенною его несостоятельностью и недостоверностью. Въ томъ случаѣ, когда обвиняемый на предварительномъ слѣдствіи сознается, только очень немногіе и опытные слѣдователи соберутъ улики, которыя впослѣдствіи на судѣ позволили бы воспроизвести дѣло въ истинномъ его свѣтѣ, а не въ томъ, которое сообщить ему подсудимый. Именно поэтому выраженіе г. Обнинскаго: „Тяжелый трудъ слѣдователя, усилія обвинителя разлетаются дымомъ“ не имѣетъ серьезнаго значенія. Можетъ ли, далѣе, г. Обнинскій серьезно защищать свою мысль, напр., „что устанавливается убѣжденіе, что для полнаго оправданія требуется сознаться, принннуться казанской сиротой или расплакаться“. Въ тюремныхъ замкахъ устанавливаются, конечно, всякія убѣжденія, но рѣшится ли г. Обнинскій настаивать на мысли, что подсудимые проводятъ присяжныхъ, какъ пошлыхъ дураковъ, и тѣ оправдательные приговоры, о которыхъ онъ говоритъ, достаются на долю только такихъ казанскихъ сиротъ! Вопросъ тутъ гораздо сложнѣе, чѣмъ думаетъ г. Обнинскій, и отдѣливаться отъ него такими поверхностными, голословными замѣтками, какія онъ на-

писалъ, очевидно нельзя. Во всемъ, что онъ говоритъ, встрѣчается только одна фактически-вѣрная мысль, ненуждающаяся въ доказательствахъ, потому что она имѣетъ за себя опытъ, вынесенный почти повсемѣстно новымъ судомъ изъ выѣздовъ уголовныхъ отдѣленій по округу — это, что присяжные въ уѣздѣ, состоя въ значительномъ большинствѣ изъ однихъ крестьянъ, отличаются вообще несравненно большею строгостью, чѣмъ городскіе присяжные, и особенно столичные. Впрочемъ, это до такой степени уже общеизвѣстная вещь, что председательствующіе въ уѣздахъ никогда не должны ее упускать изъ виду, иначе присяжные склонятся къ обвиненію подсудимаго даже при самыхъ слабыхъ уликахъ, особенно когда товарищъ прокурора уже нѣсколько искусился въ обвиненіи, а защитникомъ является, какъ это часто бываетъ въ уѣздѣ, какой-нибудь начинающій кандидатъ на судебныя должности. Еслибы г. Обнинскій далъ себѣ трудъ нѣсколько больше выискнуть въ дѣло и сначала навести побольше наблюденій, а потомъ уже писать замѣтки, то онъ, можетъ быть, остановился бы на этомъ вопросѣ, отчего въ столицахъ составъ присяжныхъ бываетъ иной разъ хуже, чѣмъ въ какомъ-нибудь глухомъ уѣздѣ. Это, конечно, не потому, чтобы „въ первобытно-грубомъ, неразвитомъ составѣ присяжныхъ“ было чувства правды всегда больше, чѣмъ въ болѣе развитомъ городскомъ классѣ. Дѣло въ дѣйствительности объясняется тѣмъ, что у насъ въ столицахъ все что по-интеллигентнѣе состоитъ на службѣ государственной или общественной и нѣкоторыя мѣста черезъ-чуръ легко выдаютъ служащимъ у нихъ лицамъ, вызываемымъ въ судъ въ качествѣ присяжныхъ, удостовѣренія объ особыхъ порученіяхъ по службѣ, хотя они и заняты совершенно обыкновенными, текущими дѣлами. Такія особые порученія освобождаютъ по закону отъ обязанности проводить двѣ-три недѣли въ судѣ. И нельзя себѣ представить, сколько вдругъ является такихъ занятыхъ лицъ, имѣющихъ особые порученія! Затѣмъ, то, что остается, представляетъ изъ себя часто уже довольно сѣренькій составъ присяжныхъ. А „сѣренькіе“ въ городѣ и въ столицѣ дѣйствительно менѣе благонадежны въ качествѣ присяжныхъ, нежели „сѣренькіе“ въ уѣздѣ. По замѣчанію прокурора одного окружнаго суда объ оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ, купцы и мѣщане представляютъ наименѣе надежный элементъ для состава присяжныхъ, „и не рѣдко приходится слышать объ отводѣ нѣкоторыхъ изъ городскихъ жителей изъ числа присяжныхъ самими же присяжными... Причиною такихъ просьбъ указывалось на грубое обращеніе, дѣлавшее невозможнымъ совѣщаніе съ этими лицами и не совсѣмъ трезвое состояніе при явѣ въ судебное засѣданіе.“ Титы Титычи вездѣ остаются себѣ вѣрными.

Замѣтки г. Обнинскаго сами по себѣ не заслуживали бы того, чтобы на нихъ такъ долго останавливаться. Для читателей „Юриди-

ческаго Вѣстника“, знакомыхъ съ судомъ присяжныхъ изъ ежедневнаго соприкосновенія съ нимъ и имѣющихъ въ журналѣ рядомъ съ замѣтками и возраженіе редакціи, односторонность этихъ замѣтокъ не могла не броситься въ глаза, и если пользы отъ нихъ немного было, то и вреда отъ нихъ большого для читателей-специстовъ также не могло быть. Конечно, г. Обнинскій не виноватъ въ томъ, что „Моск. Вѣдомости“ на бѣду его и на свою собственную затрубили объ этихъ замѣткахъ гласомъ великимъ и не только сослались на нихъ, какъ на нѣчто серьезное, но и значительно позаимствовались изъ нихъ. Но въ такомъ случаѣ значеніе этихъ невинныхъ замѣтокъ становилось уже другое, и обращаясь къ источнику заблужденій „Москов. Вѣд.“ и къ автору, на котораго онѣ ссылались, нельзя уже было не указать на то, что есть не продуманнаго въ его маленькомъ произведеніи. Между тѣмъ изъ этого произведенія буквально заимствованы „Московскими Вѣдомостями“ именно тѣ наиболѣе характерныя строки, которыми онѣ приправили свои скорбныя размышленія о нашемъ судѣ присяжныхъ: „эти оправдательные приговоры, сыплющіяся безъ конца и безъ видимой причины, представляютъ собою явленіе ненормальное, болѣзненное“. Но г. Обнинскій относится къ этому явленію добросовѣстнѣе „Моск. Вѣдомостей“: онъ не ставитъ этихъ оправдательныхъ приговоровъ въ вину суду. „Призадуматься, говоритъ онъ, надъ этимъ (явленіемъ) всего прежде придется самимъ присяжнымъ засѣдателямъ, такъ какъ прочіе органы судебной власти тутъ ни причемъ“. Напротивъ, „Московскія Вѣдомости“ (1871 г. № 217) полагаютъ, что „подобные приговоры присяжныхъ въ большей части случаевъ падаютъ на отвѣтственность суда или его предсѣдателя. Вердикты присяжныхъ подготавливаются ходомъ судебныхъ преній, заключительнымъ словомъ предсѣдателя и постановкой вопросовъ, предлагаемыхъ присяжнымъ для разрѣшенія“. Очевидно, „Моск. Вѣд.“ пошли нѣсколько дальше г. Обнинскаго, потому что еще менѣе его вникая въ сущность дѣла, онѣ поэтому самому нѣсколько смѣлѣе и рѣшительнѣе въ своихъ приговорахъ. И если онѣ до сихъ поръ остаются въ долгу предъ своими читателями и не общаются „причинъ“ печальныхъ явленій, замѣчаемыхъ въ нашей судебной практикѣ, то это все-таки не мѣшаетъ имъ намекнуть, что онѣ обладаютъ секретомъ, объясняющимъ неудачное дѣйствіе у насъ суда присяжныхъ. Въ томъ самомъ № 254, въ которомъ онѣ высказали увѣренность, что въ организациі этого суда есть ошибка, онѣ въ заключеніе замѣтили: „мы предвидѣли и послѣдствія этой ошибки (какой?), когда обсуждались самыя основанія нашей судебной реформы, которая, къ сожалѣнію, слишкомъ держалась фальшиво-оглаженныхъ французскихъ образцовъ. Къ этому важному вопросу мы не замедлимъ возвратиться“. Хотя къ этому вопросу онѣ не возвращались до на-

стоящаго времени, но относительно французскихъ образцовъ мы должны замѣтить, что наши судебныя уставы во всемъ, что касается суда присяжныхъ, далеко не такъ исключительно держались французскихъ образцовъ, какъ многія другія законодательства. Какъ судебное слѣдствіе, такъ и порядокъ дѣйствій, слѣдующій за преніями сторонъ, представляютъ нѣкоторыя весьма существенныя черты отличія. А затѣмъ остается то общее, что обусловлено болѣе или менѣе сущностью этого учрежденія и тѣми условіями континентальной государственной жизни, въ которыя ему вездѣ суждено было быть довольно поздно вставленнымъ. Безъ всякаго сомнѣнія, какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, такъ и у насъ, было бы вообще менѣе оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ, еслибы вся остальная процедура до суда не основывалась, и послѣ судебной реформы, на началахъ слѣдственнаго процесса. Но развѣ возможно было думать у насъ, чтобы, напр., уже вопросъ о преданіи суду разрѣшался, какъ въ Англіи, присяжными? А допущеніе, какъ въ той же Англіи, защиты уже во время предварительнаго слѣдствія? Попытка провести ее, когда выработывались судебныя уставы, даже со всевозможными ограниченіями, должна была остаться *pium desiderium*.

V.

Настоящей бесѣдой нашей съ „Московскими Вѣдомостями“, которая нѣсколько затанулась уже и которою мы сами начинаемъ тяготиться—потому что больно уже мелко онѣ плаваютъ—мы желали бы достигнуть одного, чтобы впередъ онѣ не отзывались такъ непростительно поверхностно о вещахъ, въ которыхъ онѣ очень мало смыслятъ. Судъ нашъ, поставленный въ очень трудныя условія, скромно ведеть свое дѣло, но это не даетъ никому право нагло о немъ отзываться. Со стороны, для иного непризваннаго критика многое можетъ въ разрѣшеніи какаго-либо дѣла показаться страннымъ и непонятнымъ, а въ дѣйствительности оказывается, что судъ по закону иначе поступить не могъ. Напримѣръ, дѣло о графѣ Апраксинѣ, судившемся осенью прошлаго года въ петербургскомъ окружномъ судѣ, „Москов. Вѣдом.“ выставили какъ „случай, не очень выгодно рекомендующій нашу судебную практику“. Набралъ этотъ 20-ти-лѣтній графъ обманымъ образомъ въ магазинахъ вещей на 1,000 руб., но въ каждомъ магазинѣ отдѣльно на сумму менѣе 300 руб., вещи эти передалъ разнымъ женщинамъ, а между тѣмъ судомъ былъ поставленъ вопросъ: не въ крайности ли онъ совершилъ это преступленіе, и присяжные отвѣчали на этотъ вопросъ утвердительно. Что за странность въ самомъ дѣлѣ? Между тѣмъ исторія этого юноши, раскрывшаяся на судебномъ слѣдствіи, одна изъ самыхъ печальныхъ. Безъ домашняго кро-

ва—родители его въ Австріи—безъ мѣста и безъ занятій, онъ много лѣтъ уже былъ оставленъ на произволь судьбы. Если въ бѣдственномъ положеніи, въ которомъ онъ находился, много виноваты его невыдержанность, его легкомысліе и неокончаніе имъ курса въ учебномъ заведеніи, въ которомъ онъ воспитывался, то виноваты также и домашнія его обстоятельства. Мѣсяцевъ около семи содержался онъ до суда въ заключеніи и, оставленный всѣми родными и знакомыми, дошелъ до нищенскаго положенія, такъ что не имѣлъ уже даже самаго необходимаго верхняго платья. Крайность — понятіе относительное, и иная крайность простолюдина, и иная графа Апраксина. Тѣмъ не менѣе и несмотря на искреннее, повидимому, раскаяніе подсудимаго и обѣщаніе, данное на судѣ, обратиться къ труду, къ честной, порядочной жизни, переродиться, загладить прошлое и вознаграждать потерпѣвшихъ лицъ за убытки, судъ первоначально, въ виду обманнаго забора вещей въ магазинахъ, самъ собою не ставилъ вопроса о крайности: онъ былъ поставленъ уже послѣ прочтенія предположенныхъ вопросовъ, по заявленію защиты. Имѣлъ ли судъ право отказать въ этомъ ходатайствѣ? Нѣтъ, не имѣлъ, потому что по закону и по кассационнымъ рѣшеніямъ вопросы ставятся не только по выводамъ обвинительнаго акта, но и по тѣмъ предметамъ, которые обнаружены судебнымъ слѣдствіемъ или о которыхъ рѣчь шла въ судебныхъ преніяхъ. Да, кромѣ того, вопросъ этотъ, въ данномъ случаѣ, не могъ имѣть и въ дѣйствительности не имѣлъ никакого существеннаго вліянія на наказаніе, которое слѣдовало подсудимому по закону. Высшая мѣра наказанія за преступленіе, въ которомъ обвинялся графъ Апраксинъ, для лицъ привилегированныхъ сословій — лишеніе всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и тюремное заключеніе на три мѣсяца. Но такъ какъ гр. Апраксинъ не достигъ полнаго совершеннолѣтія, двадцати одного года, то о лишеніи всѣхъ особенныхъ правъ состоянія рѣчи не могло быть и оставалось, какъ maximum, заключеніе въ тюрьму на три мѣсяца. А приговоренъ онъ судомъ, въ виду признанія его присяжными по первому вопросу (выдача въ магазинахъ въ уплату за вупленные вещи чековъ на контору Карповича, съ знаніемъ, что по этимъ чекамъ деньги не могутъ быть получены), виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденіе,—въ тюремному заключенію на два мѣсяца, такъ что сбавка на одинъ мѣсяцъ послѣдовала именно вслѣдствіе признанія его заслуживающимъ снисхожденія, и утвердительно отвѣченный присяжными вопросъ о крайности не имѣлъ ровно никакого вліянія на мѣру наказанія.

Еще ранѣе, чѣмъ гр. Апраксинъ, за обманный заборъ вещей въ магазинахъ, гдѣ не могъ расплатиться, былъ задержанъ на станціи финл. желѣзной дороги и только полицейскимъ заарестованіемъ оста-

повлечь отъ покушенія на самоубійство, — его однажды въ пьяной компаніи, въ 5-мъ часу ночи, доставили въ полицейскій домъ Литейной части, и здѣсь, какъ показывалъ смотритель дома, онъ замahнулся на него палкой. По этому обстоятельству производилось особое слѣдствіе. На судѣ оскорбленный смотритель съ помощникомъ показывали одно, а подсудимый съ товарищами его по заарестованію, вызванными въ качествѣ свидѣтелей—другое, объясняя, что оскорбленіе было вызвано самимъ оскорбленнымъ. Безусловной вѣры нивоторая сторона, какъ одинаково заинтересованная, не заслуживала. Однако такіа выраженія, которыя занесены въ протоколы предварительнаго слѣдствія и съ которыми, по согласнымъ показаніямъ свидѣтелей, смотритель обратился въ приемномъ покоѣ къ гр. Апраксину, съ угрозой отправить его въ общую арестантскую: „такихъ графовъ мы видали“, „ты не графъ, а лакей графа“, впоследствии не придумываются. На предложенный присяжнымъ вопросъ объ этомъ оскорбленіи, они отвѣчали отрицательно. По этому поводу „Моск. Вѣд.“ сами ставятъ вопросъ: „Если мы примемъ себѣ за правило, что полиція, являясь въ судѣ, всегда и во всемъ виновата, то не будетъ ли это достаточною причиною для нея вовсе не обращаться къ суду, а расправляться своимъ судомъ? Нетрезвый видъ, въ которомъ подсудимый совершилъ свой поступокъ, не можетъ служить къ его оправданію. Пьянство *вездѣ* признается обстоятельствомъ отягчающимъ вину“ (sic). Мы думаемъ, что постановкѣ подобнаго вопроса должна бы предшествовать хотя тѣнь ка-кого либо доказательства, будто принято за правило, что полиція, являясь въ судѣ, всегда и во всемъ виновата.

VI.

Чтобы показать всю неосновательность такого милаго предположенія, имѣющаго очень серьезную сторону, мы должны уже проститься съ обобщающей риторикой „Моск. Вѣд.“ и заглянуть въ болѣе положительные источники. Нельзя не пожалѣть прежде всего, что отчеты министерства юстиціи печатаются нынѣ далеко не такъ своевременно, какъ въ былыя времена, когда они представляли гораздо меньшій интересъ. Предъ нами послѣдній напечатанный въ прошломъ 1871 году отчетъ министерства юстиціи за 1868 г. Полнотой своей онъ въ значительной степени искупаетъ нѣсколько позднее свое появленіе. Прежде однако, чѣмъ обратиться къ цифрамъ, мы должны, для недостаточно посвященныхъ въ наши законы, упомянуть, что за побой или другое явно насильственное дѣйствіе, нанесенное какъ полицейскому, такъ и всякому другому чиновнику, при исполненіи имъ обязанностей службы,—285 ст. улож. грозитъ смирительнымъ домомъ отъ 8-ми мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ. Слѣдующая, гораздо чаще примѣ-

няемая на практикѣ 286 ст. улож., — такъ какъ до побоевъ крайне рѣдко доходить, — полагаетъ за оскорбленіе всякаго чиновника, а значить и полицейскаго, ругательными или поносительными словами, также при исполненіи обязанностей службы, заключеніе въ смирительномъ домѣ отъ 2-хъ до 4-хъ мѣсяцевъ. Но при этомъ законъ, не упуская изъ виду дѣйствительной жизни и тѣхъ условій, при какихъ всего чаще такіа оскорбленія наносятся, отступаетъ отъ общаго своего начала, по которому пьянство не признается за обстоятельство смягчающее вину, и приравниваетъ пьянство къ невѣжеству и неразумнью. („Моск. Вѣдомости“ имѣютъ на этотъ счетъ, какъ мы сейчасъ видѣли, свои особые законы). Именно 2-я часть 286 ст. гласитъ: „Когда будетъ доказано, что оскорбленіе чиновника словами учинено не съ умысломъ оказать неуваженіе къ мѣсту или лицу, а въ пьянствѣ или по невѣжеству и неразумнью, или же что произнесенныя виновнымъ слова были хотя неприличныя, но не ругательныя или поносительныя, то онъ за сіе присуждается къ денежному взысканію не свыше 100 рублей.“ Эта 2-я ч. 286 ст. улож. находитъ самое обширное примѣненіе во всѣхъ окружныхъ судахъ, всего чаще приводится въ обвинительныхъ актахъ по дѣламъ объ оскорбленіи чиновъ полиціи и по ней судятся по крайней мѣрѣ девять десятыхъ этого рода дѣлъ. Только по дѣламъ объ оскорбленіи низшихъ чиновъ полиціи, такъ-наз. полицейскихъ стражей и служителей, наприм., городовыхъ, примѣняется судами 31 ст. устава о нак. нал. мир. судьями, по которой за словесную обиду полагается арестъ не свыше 1-го мѣсяца, или денежное взысканіе не свыше 100 руб., а за обиду дѣйствіемъ — арестъ не свыше трехъ мѣсяцевъ.

- Теперь посмотримъ, какъ примѣняются новыми судами эти статьи закона объ оскорбленіи чиновъ полиціи и принято ли за правило, что полиція, являясь въ судѣ, всегда и во всемъ виновата. Оскорбленіе чиновъ полиціи представляетъ на практикѣ самую обширную категорію дѣлъ въ томъ отдѣлѣ уложенія (гл. 2 разд. IV), который трактуетъ вообще объ оскорбленіи и явномъ неуваженіи къ присутственнымъ мѣстамъ и чиновникамъ при отправленіи должности (ст. 276—288). Въ этомъ отдѣлѣ и находятся сейчасъ приведенныя нами статьи закона (285 и 286). Что именно дѣла объ оскорбленіяхъ полиціи представляютъ здѣсь наиболѣе обширную категорію дѣлъ, такъ что всѣ остальные упоминаемыя въ этомъ отдѣлѣ преступленія или проступки доставляютъ судамъ относительно ничтожный процентъ дѣлъ, объясняется тѣмъ, что полиція находится въ наиболѣе частыхъ, ежедневныхъ прикосновеніяхъ съ населеніемъ. Если, поэтому, въ отчетѣ министерства юстиціи дѣла объ оскорбленіяхъ полиціи не выдѣлены изъ цѣлаго отдѣла уложенія о неуваженіи къ должностнымъ лицамъ, то мы тѣмъ не менѣе изъ практики знаемъ, къ какому именно роду

преступленій и проступковъ всего болѣе относятся цифры, показывающія отношеніе числа судившихся и оправданныхъ подсудимыхъ, обвинявшихся въ такомъ „неуваженіи“. Изъ таблицы, помѣщенной на стр. 42-й отчета, въ которой показано распредѣленіе подсудимыхъ по роду преступленій, дѣла о которыхъ окончательно рѣшены окружными судами и судебными палатами въ 1868-мъ году, мы видимъ, что въ неуваженіи къ присутственнымъ мѣстамъ и чиновникамъ при отправленіи должности обвинялось 720 лицъ, освобождено отъ суда 141 и обвинено 579 человекъ. Эти цифры, какъ оказывается при разсмотрѣніи отчета, извлечены изъ вѣдомости (№ 9) о числѣ лицъ, освобожденныхъ отъ суда, оправданныхъ и приговоренныхъ къ наказаніямъ окружными судами и палатами въ 1868-мъ году. Въ этой вѣдомости подробно показаны и самыя наказанія, которыя, всего болѣе совпадая съ тѣми, что положены въ законѣ за оскорбленія чиновъ полиціи, еще болѣе убѣждаютъ, что наибольшій контингентъ обвиняемыхъ по 276—288 ст. улож. доставляютъ именно дѣла о такихъ оскорбленіяхъ. Такъ, изъ общаго числа 579 человекъ, признанныхъ судами виновными, приговорены къ наказаніямъ: 269 человекъ (въ томъ числѣ 15 женщинъ) къ аресту, 239 лицъ обоого пола (17 ж.) къ денежнымъ взысканіямъ, выговорамъ и т. д.; къ заключенію въ тюрьмѣ 40, къ смиренному дому 20, къ отдачѣ въ рабочій домъ 3 и къ другимъ наказаніямъ 8 человекъ. По роду наказаній, положенныхъ здѣсь закономъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ влекущихъ за собою какое-либо ограниченіе правъ состоянія, значительная доля этихъ дѣлъ судится безъ присяжныхъ, такъ что съ участіемъ ихъ разсматривается не болѣе одной пятой всѣхъ дѣлъ этого рода, а именно: изъ общаго числа окончательно рѣшенныхъ по этой категоріи въ 1868-мъ году окружными судами и палатами 566 дѣлъ, по которымъ обвинялось 720 человекъ, съ участіемъ присяжныхъ разбиралось 136 дѣлъ и безъ ихъ участія 430. Цифры эти во всякомъ случаѣ показываютъ всю голословность и негнѣпность мнѣнія, что полиція, являясь въ новый судъ, всегда и во всемъ считается виноватою.

Не менѣе любопытныя данныя представляетъ отчетъ объ общемъ состояніи уголовного правосудія. Всѣхъ подсудимыхъ по дѣламъ, окончательно рѣшеннымъ окружными судами и палатами въ 1868-мъ году въ трехъ бывшихъ тогда округахъ, въ которыхъ введены были судебныя уставы, состояло 6,279 человекъ. Изъ этого общаго числа, оправдано—1,200; освобождено отъ суда—56; и приговорено къ наказаніямъ—5,023. Изъ вѣдомости же, которою мы уже пользовались, видимъ, что общее число дѣлъ, по которымъ судились эти 6,279 человекъ, простиралось до 4,379, и изъ нихъ почти двѣ трети, именно 2,828 дѣлъ, разсматривались съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей и

1,551 дѣло безъ ихъ участія. А слагая по этой вѣдомости тѣ числа подсудимыхъ, которые приговорены къ наказаніямъ, соединеннымъ съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, и которыя могли быть назначены только съ участіемъ присяжныхъ, — мы получимъ слишкомъ 4 т. человекъ. Все это необходимо приводитъ къ тому общему въ нашемъ судебномъ мірѣ убѣжденію, что съ введеніемъ судебной реформы уголовное правосудіе въ Россіи стало не только дѣйствительнѣе, но и гораздо *строже* прежняго, несмотря на допущенныя судебными уставами средства защиты и другія гарантіи для подсудимыхъ. Поговорите съ бывшими предсѣдателями нашихъ старыхъ уголовныхъ палатъ и справитесь у нихъ, каково было отношеніе признанныхъ виновными подсудимыхъ къ общему ихъ числу и къ числу оставленныхъ по суду въ сильномъ и простомъ подозрѣніи! Въ высшей степени замѣчательно то, что говорится въ отчетѣ объ общемъ результатѣ дѣятельности суда съ присяжными за 1868-й годъ. Отчетъ, на основаніи множества поступившихъ въ министерство юстиціи замѣчаній о дѣйствіи на практикѣ судебныхъ уставовъ, — замѣчаній, изъ которыхъ составлены цѣлыя своды — становится на единственно вѣрную точку зрѣнія, какая только возможна при оцѣнѣ дѣятельности нашихъ присяжныхъ. Именно, „слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду ту массу обыкновенныхъ дѣлъ, которыя ежедневно предлагаются на разрѣшеніе присяжныхъ и которыя ни по личности подсудимыхъ, ни по обстоятельствамъ, среди которыхъ совершилось преступленіе, не представляютъ никакихъ особенностей, т.-е. наиболѣе обширную категорію дѣлъ. Въ этихъ дѣлахъ въ приговорахъ присяжныхъ незамѣтно никакой склонности къ оправданію преступниковъ, противъ которыхъ обнаружены какія бы то ни были серьезныя улики. Особенно строго относятся къ дѣлу присяжные засѣдатели въ уѣздныхъ городахъ, а по родамъ преступленій наибольшую строгость обнаруживаютъ всѣ присяжные къ преступленіямъ противъ собственности“ (стр. 28). Отчетъ не отрицаетъ того факта, что по нѣкоторымъ дѣламъ существуетъ у присяжныхъ склонность къ оправданію и къ признанію обстоятельствъ заслуживающихъ снисхожденіе, но по какимъ именно? — „... Относительно такихъ преступныхъ дѣйствій, которыя недостаточно вѣрно опредѣлены *въ законѣ* (курсивъ въ Отчетѣ) или наказываются закономъ съ излишнею строгостію. Такъ, нарушеніе устава о паспортахъ, несопряженное съ вредомъ ни для казны, ни для частныхъ лицъ, сопротивленіе властямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это сопротивленіе происходитъ отъ невѣжества и отъ несознанія важности самаго дѣянія, и наконецъ нѣкоторые случаи, подводимые закономъ подъ понятіе важнаго преступленія — святотатства, но въ сущности составляющіе лишь нарушеніе церковной собственности, нерѣдко вызываютъ оправда-

тельные приговоры присяжныхъ.“ Наконецъ, официальный источникъ, которымъ мы пользуемся, указываетъ на нѣкоторые случаи, въ которыхъ присяжные, признавая кражу, не признають взлома, и имъ трудно усвоить себѣ законную точку зрѣнія на взломъ, какъ обстоятельство, увеличивающее вину кражи. „Значительная часть кражъ со взломомъ совершается у крестьянъ; но при этомъ замки, которыми крестьяне запирають свои амбары и гумна, такого рода, что ихъ можно отворить безъ труда палочкою или рукою и кромѣ того часто бываетъ украдено имущества на одинъ или на 2 руб.“ А увеличиваетъ взломъ наказаніе ровно на 20 степеней, если сравнить 170 ст. ул. о наказ. налаг. мировыми судьями (за простую кражу) и 1647 ст. улож.—Очевидно, что съ стоящимъ на очереди пересмотромъ нашихъ уголовныхъ законовъ и съ устраненіемъ изъ нихъ многого, что было рассчитано на старую теорію формальныхъ доказательствъ и на старый безгласный судъ, въ нашемъ судѣ присяжныхъ все рѣже будутъ встрѣчаться и такіе упоминаемые отчетомъ оправдательные приговоры, которые пока въ судѣ по совѣсти неизбѣжны, но причина которыхъ кроется, конечно, не въ самой организаціи этого суда и не въ общемъ положеніи его, созданномъ судебными уставами.

В. О



ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го февраля, 1872.

Двойное значеніе Тьера для Франціи. — Пренія о налогахъ. — Правительственный кризисъ. — Увольненіе прусскаго министра фонъ-Мюлера и взглядъ на его дѣятельность. — Д-ръ Фалькъ. — Австрійское правительство, Галиція и Кромачія. — Англо-французскій торговый трактатъ. — Возмущеніе въ Индіи. — Дѣло «Эллемби». — Требованія Америки. — Распущеніе испанскихъ кортесовъ. — Отношеніе германской печати къ русскимъ дѣламъ.

Тьеръ, безспорно, не только очень умный человѣкъ, но и очень способный администраторъ. Сверхъ того, онъ еще при орлеанской монархіи славился своей парламентской тактикою, къ которой] всегда подмѣшивалъ значительную дозу закулисной интриги. Но умъ Тьера не включаетъ въ себѣ именно творческой способности. Пристрастіе его къ своимъ личнымъ взглядамъ, упрямство его въ проведеніи лично нравящейся ему программы, не имѣютъ ничего общаго съ фанатизмомъ мыслителя, который самъ создалъ идею; пристрастіе и упрямство Тьера гораздо ближе къ тому, что называется рутинною; они зависятъ болѣе отъ неспособности къ критикѣ и анализу, чѣмъ отъ глубины и силы самостоятельнаго убѣжденія. Умъ Тьера, повторяемъ, лишенъ творческой способности. Онъ способенъ вдуматься въ готовую, не имѣя изобрѣтенную систему, усвоить себѣ ее и затѣмъ уже слѣпо и упрямо держаться ея, тѣмъ слѣпѣе и упрямѣе, что самъ онъ ей не судья, и не знаетъ гдѣ начинается, и гдѣ кончается ея примѣнимость. Какъ историкъ-публицистъ, онъ усвоилъ себѣ систему перваго Наполеона, проникся ею, и въ администраціи не имѣетъ иныхъ идеаловъ, кромѣ традицій наполеоновской системы. Въ политикѣ, то-есть въ высшей, теоретической сферѣ управленія, онъ проникся узкими идеалами достаточной буржуазіи, которая была истиннымъ царемъ въ правленіе Людовика-Филиппа, и эти традиціи до сихъ поръ служатъ ему единственными идеалами, несмотря на то, что нынѣшнее время совсѣмъ не похоже на мирное, буржуазно-либеральное, добродушно-

повиннистское время Юльской монархіи. Что общаго между тѣмъ временемъ и нынѣшнимъ положеніемъ и нынѣшнимъ настроеніемъ умовъ во Франціи, когда пошатнулось то матеріальное благосостояніе, которымъ она при Людовикѣ-Филиппѣ жила въ дѣйствительности, когда пошатнулись еще болѣе тѣ идеалы наполеоновскаго повинниста, смѣшаннаго съ дозой шумнаго, но невинно-буржуазнаго радикализма, которыми она въ то время жила въ своемъ міросозерцаніи, когда, наконецъ — значительно выросъ *народъ*, и не приобрѣвъ еще достаточнаго развитія, чтобы всегда рационально пользоваться своимъ полномочіемъ, все-таки привыкъ уже къ мысли о своей *souveraineté*, къ мысли прямо противоположной буржуазной теоріи объ имущественномъ цензѣ?

И вотъ, Тьеръ, точно такъ, какъ въ роли историка - публициста онъ безъ всякой критики относился къ системѣ Наполеона, ограничивался только распространеніемъ и популяризovanіемъ ея традицій, такъ теперь, онъ является человѣкомъ традицій въ то время, когда времена глубоко измѣнились, когда тѣ традиціи уже рѣшительно непригодны, когда нужно не продолжать систему, а создавать ее, однимъ словомъ, когда болѣе всего требуются люди съ умомъ творческимъ, съ силою и глубиною самостоятельнаго мышленія, со способностью указать обществу новыя пути и съ даромъ сообщить обществу единодушный порывъ ко вступленію на эти пути.

Такимъ образомъ, въ Тьерѣ, въ настоящее время, мы видимъ двѣ личности, одну полезную для современной Франціи, но только на самое короткое время, другую — не только ненужную, но и весьма вредную. Онъ полезенъ Франціи какъ человѣкъ энергическій, искренно любящій свою страну, какъ человѣкъ стараго покроя, того поколѣнія, которое не искалѣчилось смолоду подъ деморализующимъ вліяніемъ сарданапальскаго духа второй имперіи, вполне заслужившей названіе *Vas-empire*; въ моментъ всеобщаго разгрома и потрясенія нуженъ былъ прежде всего человѣкъ вѣрный и вѣрующій во Францію. Онъ полезенъ какъ честный, усердный и способный чиновникъ, бухгалтеръ, кассиръ и письмоводитель, чтобы разобрать растрепанныя дѣла, привести въ ясность запутанные и разбросанные счета, подвести концы къ концамъ, возстановить прерванные сношенія, и произвести ту бѣдственную, но неизбежную ликвидацію, къ которой привели Францію безумные и вмѣстѣ злостные банкроты. Онъ поддерживаетъ спокойствіе, онъ уплатитъ контрибуцію и освободитъ страну отъ присутствія непріятельскихъ войскъ. Заслуга огромная — нѣтъ никакого сомнѣнія, и Тьеръ получитъ въ исторіи Франціи весьма почетное мѣсто среди достойныхъ патриотовъ, но онъ никогда не будетъ имѣть мѣста среди великихъ людей.

Но за то для оказанія другой, величайшей услуги — для обновле-

нія страны разъясненіемъ путей и духомъ бодрости, единодушнаго желанія вступить на эти пути, Адольфъ Тьеръ рѣшительно не имѣетъ никакихъ задатковъ. Наоборотъ, какъ человѣкъ традицій, рутинны и притомъ весьма древней, непригодной рутинны, онъ настолько, насколько возьмется за устройство будущности Франціи, — повредитъ ей. Въ то время, когда главное зло, которое требуется излечить во Франціи, есть разрывъ между различными слоями населенія, Тьеръ, вѣрящій только въ буржуазію и непризнающій въ смыслѣ политическихъ классовъ ни рабочихъ, ни крестьянъ, только поддерживаетъ ту ровную рознь, которая и есть настоящій корень крайней враждебности и необузданности различныхъ партій. Въ то время, когда Франціи нужна народная армія, Тьеръ, вѣрящій только въ армію перваго Наполеона, для побѣды надъ внѣшними врагами, и въ буржуазную національную гвардію для покоренія мятежныхъ попытокъ массы — хотѣлъ бы исказить военную реформу, раздвоивъ армію на профессиональную съ пяти-лѣтнимъ срокомъ и на вовсе неслужащій и необучаемый запасъ конскриптовъ. Въ то время, когда Парижу нужнѣе всего амністія для мятежныхъ рабочихъ, Тьеръ хлопочетъ гораздо болѣе о возвращеніи собранія и правительства въ Парижъ, въ видахъ барышей парижскихъ продавцовъ, то-есть излюбленной имъ буржуазіи. Въ то время, когда Франціи нѣтъ и не можетъ быть, по крайней мѣрѣ на долгое время, ни одного союзника, кромѣ Англіи и родственной ей Италіи, Тьеръ, въ угоду богатой буржуазіи сѣверныхъ промышленныхъ городовъ, намѣревается оттолкнуть Англію, разорвавъ торговый трактатъ съ нею, проникнутый принципомъ свободной торговли; а въ угоду богатымъ буржуа — церковнымъ старостамъ (*marguilliers*) и набожнымъ дамамъ буржуазіи, которыя держатся набожности и моды вмѣстѣ съ графинями — *parce que cela est bien porté* — дѣлаетъ всевозможное для отвращенія Италіи отъ Франціи, сѣчетъ сѣмена положительной вражды къ самому французскому народу, которою и начинаетъ уже проникаться весьма замѣтная часть либеральной партіи въ Италіи. Наконецъ, въ то время, когда французская промышленность всего болѣе нуждается въ оживленіи именно посредствомъ увеличенія работы, Тьеръ является съ налогомъ на сырые продукты, и говоритъ промышленности: „работайте меньше, но продавайте дороже — барыши будутъ тѣ же самыя.“ Прежде, чѣмъ обратиться къ этому спеціальному вопросу, въ которомъ обнаружились вновь вся рутинность и все упрямство Тьера, и который едва не повелъ къ кризису, заключимъ нашъ общій взглядъ на Тьера повтореніемъ, что полезный въ данную минуту, какъ надежный чиновникъ, Тьеръ не только ненуженъ въ дѣлѣ приготовленія будущности Франціи, но именно повредитъ этой будущности, связавъ ея правильное развитіе, затормозитъ обновленіе своей страны настолько, насколько онъ зай-

мется ея организаціею, насколько ему удастся предрѣшить тѣ вопросы, которые требуютъ и болѣе свѣжихъ умовъ, и болѣе рѣшительныхъ рукъ для правильнаго, сообразнаго съ настоящими потребностями рѣшенія.

Начнемъ съ начала. Откуда явилась у Тьера мысль объ этомъ несчастномъ налогѣ на первоначальные матеріалы фабричной обработки? Тьеръ и его министръ финансовъ, Пуе-Кертё, намѣреваются не только уплачивать контрибуцію, но въ то же время приступить теперь же и къ уплатѣ долга, которую контрибуція наложитъ на Францію. Они предполагаютъ послѣдовать примѣру Соединенныхъ Штатовъ и уплачивать ежегодно значительную сумму для возстановленія и поддержанія кредита страны. Для этой цѣли имъ требуется ежегодно лишнихъ отъ 200 до 250 мил. фр. О самой мысли приступить къ столь значительному погашенію не послѣ уплаты всей суммы контрибуціи, а уже теперь, до ея уплаты, мы говорить не будемъ. Вопросъ здѣсь собственно въ томъ, возможно ли это сдѣлать, и если возможно, тѣмъ лучше. Подоходный налогъ, предлагаемый Воловскимъ и другими экономистами, Тьеръ отрицаетъ, какъ налогъ „безпорядка.“ Въ дѣйствительности этотъ прямой налогъ на капиталъ противенъ всѣмъ воззрѣніямъ Тьера, представителя привилегированной буржуазіи, буржуазіи въ худшемъ ея смыслѣ, какъ такого сословія достаточныхъ людей, которое хочетъ само быть всѣмъ въ государствѣ и не только преобладать надъ рабочею массою, но еще и эксплуатировать ее, освобождая самоё себя отъ всякихъ личныхъ тягостей. Итакъ, Тьеръ и Пуе-Кертё возымѣли мысль обложить такъ-называемые сырые продукты, то-есть матеріалы фабрикаціи 20%-ною пошлиною. Эта пошлина рекомендовалась Тьеру въ двухъ видахъ: во-первыхъ, она не подоходный налогъ, а такой налогъ на промышленность, который промышленность можетъ до извѣстной степени нейтрализовать возвышеніемъ цѣнъ своихъ издѣлій; во-вторыхъ, она по сущности своей принадлежитъ къ теоріи о „покровительствѣ національной производительности“, къ теоріи, которую Тьеръ усвоилъ себѣ давно и которой онъ былъ постояннымъ и ревностнымъ защитникомъ.

Само собою разумѣется, что когда первоначальные матеріалы фабрикаціи обложены высокою пошлиною, то интересъ фабриканта заключается въ томъ, чтобы оставить изготовленіе издѣлій дешевыхъ, и приняться за фабрикацію издѣлій высшихъ сортовъ. На сортахъ дешевыхъ пошлина, падающая на матеріалъ, дастъ себя чувствовать весьма значительно, на сортахъ же высшихъ, которые стоятъ гораздо дороже, обложеніе первоначальнаго матеріала дастъ себя чувствовать гораздо менѣе. При этомъ, конечно можетъ произойти явленіе не совсемъ выгодное для рабочихъ: количество работы можетъ уменьшиться,

такъ какъ фабриканты будутъ расчитывать не на скорой оборотъ капитала выдѣльною дешевыхъ сортовъ, а на высокіе проценты съ капитала, полученные отъ продажи издѣлій дорогихъ. Но интересы рабочихъ не стоятъ на первомъ планѣ въ глазахъ Тьера. Въ своемъ ослѣпленіи традиціями буржуазной монархіи, онъ не видитъ той серьезной опасности, какая возникла бы для Франціи, еслибы и рабочіе, и армія окончательно увѣрились, что парламентскія правленія всегда пренебрегали доселѣ ихъ интересами, а обращалъ на нихъ вниманіе Наполеонъ III-й. Тьеръ беззаботно поселяетъ неудовольствіе среди арміи пересмотромъ чиновъ и содержаніемъ солдатъ въ баракахъ, въ холодное время, а среди рабочихъ, полнымъ невниманіемъ не только къ ихъ политическимъ сочувствіямъ, но и къ ихъ матеріальнымъ интересамъ.

Но въ настоящемъ случаѣ противниками предложенной правительствомъ Тьера мѣры явились уже не рабочіе, мнѣніемъ которыхъ оно пренебрегаетъ, а сами фабриканты и торговцы. Протекціонизмъ есть не что иное, какъ регламентація, примѣненная къ потребностямъ и отправленіямъ промышленности, которыя, совершенно также какъ потребности и отправленія умственныхъ, никакой регламентаціи подлежать не могутъ, и регламентаціею только искажаются. Посредствомъ своей пошлины на сырые продукты, Тьеръ расчитывалъ получить сумму въ 165 мил. франковъ. Еслибы онъ спросилъ у самихъ фабрикантовъ, на какіе предметы они признаютъ выгоднымъ для себя обложить эту сумму пошлиною, то очень вѣроятно, что фабриканты указали бы ему какую-нибудь протекціонистскую мѣру, ведущую къ огражденію ихъ монополіи во внутреннемъ сбытѣ. Но Тьеръ даже не справился съ мнѣніемъ фабрикантовъ и предложилъ свою регламентацію по собственному своему и Пуье-Кертэе усмотрѣнію.

Предлагая обложить 20%-ной пошлиною матеріалы обработки, онъ исходилъ изъ слѣдующаго высказаннаго имъ убѣжденія: всемірное значеніе французской фабрикаціи таково, что въ ея продуктахъ ищутъ не дешевизны, но превосходства. Пусть французскія издѣлія будутъ дороги, но превосходны, тогда французская промышленность сохранитъ свое значеніе. Если же она вступила бы на путь дешевизны продуктовъ, то на этомъ пути она прежнее свое значеніе теряетъ, а новаго не приобрѣтаетъ, потому что ей въ дешевизнѣ не совладать ни съ англійскою фабрикаціею, которая уже господствуетъ дешевыми товарами на всемірномъ рынкѣ, и въ виду его работаетъ громадною силою машинъ, расчитывая на огромность сбыта, ни съ германскою промышленностью, которая до нѣкоторой степени живетъ именно дешевою контрафакціею французскихъ и нѣкоторыхъ англійскихъ продуктовъ. Стало быть, французская фабрикація вовсе не заинтересована въ томъ, чтобы продавать свои издѣлія дешево; пусть она произво-

дѣть преимущественно высшіе сорта, и пусть продаетъ ихъ дороже. А при такомъ направленіи, для нея ничего не будетъ значить хотя бы и высокое обложеніе первоначальнаго, грубаго матеріала; это обложеніе, напротивъ, будетъ очень полезно для промышленности потому, что побудитъ ее держаться истиннаго пути, т.-е. дорогихъ цѣнъ.

Но фабриканты любятъ регламентацію только тогда, когда сами диктуютъ ей, что и какъ именно должно быть регламентировано. Въ настоящемъ случаѣ, промышленное и торговое сословіе во Франціи высказалось рѣшительно противъ мѣры правительства, и можно сказать, что настоящее поражение своему благодѣтелю нанесла именно богатая промышленная буржуазія, а не національное собраніе, которое въ этомъ случаѣ поступило безъ всякой предвзятой цѣли, просто подъ вліяніемъ мнѣній промышленной среды, и кромѣ того еще подъ впечатлѣніемъ неумѣстно-рѣзкаго тона, съ которымъ въ концѣ отнесся къ нему президентъ республики. Мѣра Пуйе-Кертъе и Тьера произвела сильное волненіе въ главныхъ промышленныхъ городахъ Франціи, и именно въ средѣ фабрикантовъ и торговцевъ. Но и рабочіе, повидимому, не были равнодушны къ тому, что предполагалось правительствомъ. Въ странахъ, гдѣ въ политической жизни участвуетъ весь народъ, и экономическій вопросъ тотчасъ получаетъ политическое значеніе. Носились уже слухи, что въ Лионѣ и Марсели готовятся безпорядки. Префекты издали прокламаціи, а эскадра была отозвана отъ Корсики и приблизилась къ Марсели. Въ Парижѣ безпорядковъ не ожидали; Парижъ, отдавшій недавно на дополнительныхъ выборахъ предпочтеніе г. Вотреню передъ Викторомъ Гюгô, слыветъ теперь благонравнымъ. Но и въ Парижѣ, и фабриканты, и рабочіе не могли оставаться равнодушны къ вопросу, поднятому правительствомъ, такъ какъ изъ числа 340 матеріаловъ, подлежащихъ обложенію, 160 такихъ именно, которые требуются для специально-парижской фабрикаціи. Сенскій префектъ, Леонъ Сè, лично возстававшій противъ тьеровой пошлины, подалъ въ отставку (онъ взялъ ее назадъ, когда дѣло не состоялось). Уполномоченные торговыхъ палатъ стеклись въ Версаль, чтобы воспротивиться пошлинѣ на матеріалы. Пятьдесятъ фабрикантовъ подписали резолюцію, которою, отрицая эту пошлину, ругаются, что промышленность готова платить въ казну лишнихъ 165 мил. фр., но не матеріаломъ, а именно по цифрѣ своихъ оборотовъ (*impôt sur le chiffre des transactions*), которая должна быть опредѣлена особою парламентскою комиссіею.

Итакъ, сама промышленная буржуазія пришла къ тому, что предпочитаетъ даже налогъ съ цифры оборотовъ, то-есть съ валового дохода, или, иными словами, съ капитала, лишь бы только не подвергнуться пошлинѣ, придуманной Тьеромъ и Пуйе-Кертъе. Въ основной мысли ихъ есть нѣчто справедливое, именно: спеціальность француз-

скаго производства безъ сомнѣнія есть достоинство, красота, добротность французскихъ продуктовъ. Но совершенно невѣрно предположеніе, будто французская промышленность могла бы по производу вышпять свои цѣны, не уменьшая своего сбыта за-границею. Напротивъ, теперь именно болѣе всего опасно было бы для нея сдѣлать такой опытъ. Торговля сношенія, особенно Парижа, были довольно долго прерваны, самые размѣры французскаго производства еще не успѣли вполне возстановиться, Парижу недостаетъ рабочихъ,—а между тѣмъ во время перерыва сношеній, за-границею въ разныхъ мѣстахъ стали на-ново основываться нѣкоторыя производства, которыя принадлежали доселѣ специально Франціи, и нѣкоторыя изъ нихъ, благодаря высокой своей цѣнѣ, успѣли, въ короткое время, сравниться съ французскими. Пусть только французскія издѣлія возвысятся теперь въ цѣнѣ, и вотъ этотъ фактъ, созданный войною, разростется и представитъ такую конкуренцію, отъ которой сбытъ Франціи можетъ значительно уменьшиться. А откуда же Франціи достать все то золото, которое нужно для окончательной уплаты контрибуціи, какъ не изъ заграничной торговли? Всевозможное увеличеніе вывоза, вотъ что нужно Франціи именно теперь, а не уменьшеніе его посредствомъ возвышенія цѣнъ и протекціонистскихъ экспериментовъ.

Въ національномъ собраніи пренія по вопросу объ обложеніи сырья продолжались уже двѣ недѣли слишкомъ, когда Тьеръ, наконецъ, потерялъ терпѣніе. Между тѣмъ, собраніе разсматривало этотъ вопросъ не подл опредѣленнымъ угломъ какой-либо политической мысли, и многіе изъ противниковъ мѣры, узнавъ, что она составляетъ вопросъ о существованіи самого правительства, уже готовы были уступить и принять пошлину. Таково было расположеніе собранія 18-го января, послѣ рѣчи, произнесенной министромъ финансовъ. Но на другой день, Тьеръ самъ испортилъ дѣло. Онъ уже прежде неоднократно говорилъ въ защиту своей мѣры, но никогда не говорилъ съ такой рѣзкостью и раздражительностью, какъ въ засѣданіи 19-го января—замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ день—годовщина послѣдней попытки большой вылазки изъ Парижа противъ пруссаковъ. Въ этотъ день, Тьеръ, желая предрѣшить вопросъ о принципѣ, въ видѣ рѣшенія о порядкѣ обсужденія, выступилъ на защиту предложенія Марселя Барта, слѣдующаго содержанія: „Собраніе принимаетъ систему пошлинъ на первобытные матеріалы въ смыслѣ дополненія нужнаго для равновѣсія бюджета. Собраніе назначить комиссію изъ 10-ти членовъ, которая подвергнетъ пересмотру съ этой цѣлью таможенный тарифъ, между тѣмъ какъ въ самомъ собраніи будетъ продолжаться обсужденіе прочихъ налоговъ. Затѣмъ, когда собраніе произнесетъ свое мнѣніе о каждомъ налогѣ, комиссія внесетъ свой докладъ о пересмотрѣ тарифа“. Предложеніе это, отстраняя окончательное рѣшеніе

и имѣя своей прямой цѣлью какъ будто только установить порядокъ обсуждения, въ дѣйствительности рѣшало вопросъ въ принципѣ, въ пользу мѣры, предложенной Тьеромъ.

Тьера раздражило главнымъ образомъ огромное вмѣшательство въ это дѣло самого промышленнаго сословія. Люсьенъ Брѣнъ заявилъ собранію прошеніе 50-ти фабрикантовъ и уполномоченныхъ отъ торговыхъ обществъ, которое предлагало разверстать сумму 165 милліон. немедленно по цифрѣ оборотовъ. Г. Брѣнъ внесъ предложеніе въ этомъ смыслѣ, послѣ предложенія Барта, и замѣтилъ, что предложеніе это и по своему источнику уже довольно солидно, а впрочемъ его легко и провѣрить, не затягивая всего хода вопроса о налогахъ, такъ какъ мнѣнія всѣхъ торговыхъ палатъ можно имѣть въ теченіи 48-ми часовъ. Въ то время, какъ Люсьенъ Брѣнъ стоялъ на трибунѣ, пристава собранія принесли ему двѣ телеграммы: это было одобреніе торговыхъ палатъ гаврской и марсельской.

Тьеръ началъ говорить прямо подъ вліяніемъ того пораженія, которое ему наносила такимъ образомъ сама промышленность, являясь сама какъ *deus ex machina*, чтобы участвовать въ рѣшеніи своей судьбы. „Надо выйти изъ того замѣшательства, въ какое ввергли насъ эти пренія“, сказалъ онъ; „пренія эти производятъ волненіе въ странѣ и ставятъ насъ передъ глазами Европы въ положеніе плачевное“. Уже этотъ выговоръ вызвалъ протесты, но Тьеръ продолжалъ въ томъ же тонѣ. Надъ предложеніемъ Брѣна онъ издѣвался. Пятьдесятъ шелковыхъ фабрикантовъ, отъ которыхъ оно исходитъ, по его мнѣнію, сами никогда не согласятся представить свои торговыя книги, для оцѣнки своихъ торговыхъ оборотовъ. Тьеръ не отрицаетъ, что эти фабриканты—люди заслуживающіе уваженія, не отрицаетъ этого тѣмъ болѣе, что онъ ихъ не знаетъ; но онъ отрицаетъ серьезность ихъ предложенія. Могутъ ли они ручаться за 165 милліоновъ? И куда поведетъ страну система ревизованія частныхъ коммерческихъ книгъ, для опредѣленія налоговъ? Это система *инквизиціонная*; вѣдь потому именно собраніе и отвергло подоходный налогъ (и у насъ, какъ извѣстно, противники подоходнаго налога употребляли именно это слово „инквизиціонная“ мѣра). Тьеръ назвалъ предложеніе Брѣна и его друзей ребяческимъ. Онъ заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Правительство заботится о томъ, чтобы возратить этой націи, столь много пострадавшей послѣ Седана, твердость и спокойствіе ума. Прошу васъ, господа, мы должны являться передъ Европою какъ нація, у которой есть достаточно достоинства, чтобы противостать интересамъ не только слишкомъ далеко заходящимъ въ своемъ возбужденіи, но даже лишеннымъ всякаго чувства стыда (*toute pudeur*)“. Итакъ, Тьеръ хотѣлъ уловить собраніе въ сѣти предложенія Барта, но въ своемъ раздраженіи слишкомъ неосторожно дернулъ ее и порвалъ.

За послѣдними словами произошла одна изъ тѣхъ бурь, во время которыхъ ничего не слышно, кромѣ общаго шума. Депутатъ Ферэ, первый, которому удалось проговорить внятныя слова, началъ съ протеста противъ Тьера: „Пренія по этому предмету—сказалъ онъ—продолжаются уже 18 дней, но я не думаю, чтобы собраніе уменьшило ими сколько-нибудь уваженіе къ себѣ въ странѣ“. Затѣмъ, Ферэ внесъ предложеніе въ томъ смыслѣ, чтобы теперь не рѣшать принципа относительно налога на матеріалы, но назначить комиссію для пересмотра тарифовъ, съ тѣмъ, что если, по разсмотрѣннн всѣхъ прочихъ налоговъ, собраніе признаетъ ихъ недостаточными, то уже только тогда обратиться къ налогу на первобытныя матеріалы. Предложеніе Ферэ въ сущности заключало тотъ самый способъ обсужденія дѣла, какъ и предложеніе Барта, поддержанное Тьеромъ; но устраняя допущеніе теперь же въ принципѣ пошлины Тьера, оно устраняло ловушку. А собраніе, оскорбленное словами Тьера, не могло имѣть особой охоты. Поэтому оно сперва, большинствомъ 377 противъ 329, рѣшило, что первымъ будетъ пущено на голоса предложеніе Ферэ, а не предложеніе Барта; затѣмъ, большинствомъ уже болѣе значительнымъ, именно 367 противъ 297 приняло предложеніе Ферэ.

Тьеръ потерпѣлъ не только пораженіе, но и то, что называется „блестательнымъ фіаско“. Его мѣру осудила сама промышленность, а собраніе не послушалось его, несмотря и на угрозу его подать въ отставку. Тьеръ, какъ извѣстно, привелъ-было эту угрозу въ исполненіе, но когда собраніе сдѣлало постановленіе, что рѣшеніе его не заключало въ себѣ никакого недовѣрія къ правительству, и когда вице-президентъ и квесторы собранія явились къ нему съ просьбою остаться президентомъ, онъ остался. Все это прекрасно, но нельзя не замѣтить, что Тьеръ во всемъ этомъ дѣлѣ поступилъ и неискусно, и не вполне добросовѣстно. Грозить отставкою по вопросу личной прихоти, осуждаемой самими фабрикантами, было не вполне добросовѣстно. А употребить это „послѣднее средство“ въ такомъ слабомъ дѣлѣ, по такому плохому поводу, значило умалить значеніе самой угрозы. Теперь, еслибы Тьеръ потребовалъ, напр., амністіи и сталъ угрожать выйти въ отставку, ультра-консервативное большинство съ гораздо меньшимъ опасеніемъ могло бы отвергнуть такое рациональное требованіе правительства.

На этомъ кризисѣ сосредоточился, въ теченіи прошлаго мѣсяца, интересъ французскихъ дѣлъ. Что касается другихъ вопросовъ, то достаточно будетъ сказать, что предложеніе о дарованіи амністіи, внесенное депутатомъ Прессансе и переданное въ комиссію, представляетъ мало надежды на успѣхъ; а другое предложеніе, о перенесеніи собранія въ Парижъ, въ засѣданіи 10-го января было представлено собранію съ докладомъ комиссіи въ смыслѣ отрицательномъ, и

затѣмъ, въ томъ же засѣданіи собранія, согласно мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ и президента республики, положило отсрочить обсужденіе этого вопроса до окончанія преній о налогахъ. Изъ объясненій, данныхъ комиссіи военнымъ министромъ оказывается, что въ заключеніи содержится еще 12—13 тысячъ человѣкъ, изъ числа которыхъ 7 тысячъ, по легкости взводимыхъ на нихъ обвиненій, вѣроятно будутъ вскорѣ освобождены безъ суда, а остальные будутъ разсортированы на двѣ категоріи, изъ которыхъ одна также будетъ подлежать освобожденію. Министръ высказалъ мнѣніе, что чрезъ два съ половиною мѣсяца судьба всѣхъ заключенныхъ будетъ окончательно рѣшена. Вотъ почему министръ высказался рѣшительно противъ амнистіи. Дюфоръ, министръ юстиціи, замѣтилъ при этомъ: „Всѣ наши возмущенія окончивались или оправданіемъ массою, или ссылкой массою, безъ суда; пусть же нынѣ судьба каждаго отдѣльнаго обвиненнаго будетъ рѣшена, въ томъ или другомъ смыслѣ, не кѣмъ-либо инымъ, но единственно судомъ“. Вопросъ о преобразованіи арміи все еще обсуждается спеціальною комиссіею. Комиссія постепенно измѣняетъ его такъ, что онъ приближается къ прусской системѣ. Въ послѣднее время возобновились слухи, что сліяніе между обѣими отраслями дома Бурбоновъ—дѣло рѣшенное. Сообщали даже, будто графъ Парижскій уже отправился въ Фросдорфъ. Но появившійся новый манифестъ графа Шамбора, что онъ не согласится ни на какія уступки, не желая, какъ онъ весьма остроумно выразился, быть „законнымъ королемъ революціи“,—по всей вѣроятности снова уменьшитъ довѣріе къ извѣстіямъ о сліяніи. А между тѣмъ, орлеанскимъ принцамъ остается одно изъ двухъ: или ждать смерти „законнаго короля“, или признать его законность и отказаться отъ революціи!

Въ то самое время, когда во Франціи благополучно несостоялась отставка Тьера и его министровъ, въ Пруссіи, къ общему удовольствію, состоялась отставка пресловутаго фонъ-Мюлера, министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Извѣстно, что фонъ-Мюлеръ, соединяя въ своемъ лицѣ эти должности, смѣшивалъ вмѣстѣ и оба понятія, которыя ими представляются. Вопреки основнымъ прусскимъ законамъ, обезпечивающимъ свободу науки и религіозную свободу, фонъ-Мюлеръ поставилъ школы подъ исключительный надзоръ духовенства тѣхъ исповѣданій, къ которымъ принадлежатъ общества, содержащія эти школы. Мало того, всѣ предписанія этого министра и весь тотъ духъ, каковой онъ старался внести въ дѣло преподаванія, въ теченіи десятилѣтняго своего управленія, истекали изъ мысли о подчиненіи всего свѣтскаго церковному. Удаленіе учителей въ низшихъ школахъ и пріисканіе новыхъ зависѣло совершенно отъ мѣст-

наго духовенства, которому поручено было не только законоучительство и надзоръ за этимъ предметомъ, но и вообще вся инспекція преподаванія. Наконецъ, и самыя руководства для преподаванія, изданныя при фонъ-Мюлерѣ, были составлены преимущественно съ цѣлью катихизической, такъ что даже для ариметическихъ задачъ избирались, по преимуществу, разные библейскіе примѣры и цифры изъ церковныхъ счисленій.

Общественное мнѣніе въ Пруссіи давно требовало удаленія Мюлера, и мѣтъ сомнѣнія, что увольненіе его нынѣ,—каковы бы ни были непосредственныя причины этого факта,—въ дѣйствительности истекло все-таки изъ этого общаго факта, состоялось именно подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія. „Кѣльнская“ газета въ торжествующей статьѣ, написанной по поводу этого факта, видитъ въ немъ даже доказательство, что въ политической жизни Пруссіи впервые одержаль-таки побѣду принципъ парламентарнаго правленія, такъ какъ министръ былъ уволенъ потому собственно, что онъ былъ непріятель сейму. Въ этомъ фактѣ „Кѣльнская“ газета видитъ „блестящее свидѣтельство въ пользу парламентарнаго принципа, который такимъ образомъ сдѣлалъ шагъ изъ области теоріи на поле практическаго своего осуществленія, именно въ томъ нѣмецкомъ государствѣ, гдѣ высшія сферы до сихъ поръ особенно рѣзко отрицали этотъ принципъ“; „рѣшительная побѣда, каковую одержала въ настоящемъ случаѣ палата депутатовъ, хотя и не прямо, а чрезъ посредство многихъ постороннихъ факторовъ (mancher Zwischenglieder)—говоритъ газета въ другомъ мѣстѣ—состоялось именно въ такой области, отъ которой, по убѣжденію высшихъ сферъ, ея вліяніе слѣдовало самымъ рѣшительнымъ образомъ устранить (т.е. отъ вліянія на составъ министерства), и гдѣ это считалось доселѣ какъ бы вопросомъ чести, завѣщаніемъ старо-прусскаго традиціи“.

Такое торжество „Кѣльнской“ газеты, очевидно, преувеличено. Видѣть побѣду палаты депутатовъ въ увольненіи того министра, который въ 1862 году былъ назначенъ прямо въ отрицаніе права палаты депутатовъ въ Пруссіи вліять на составъ министерства и съ тѣхъ поръ, цѣлыхъ десять лѣтъ, держался на мѣстѣ наперекоръ всѣмъ желаніямъ палаты, едва ли возможно. Впрочемъ, сама нѣмецкая газета допускаетъ, что побѣда эта одержана не непосредственно палатою, а чрезъ посредство разныхъ „промежуточныхъ“ факторовъ. Промежуточные факторы въ увольненіи г. Мюлера всѣ соединяются въ лицѣ князя Бисмарка, который собственно не „промежуточный“ факторъ, а факторъ совершенно посторонній палатѣ, внѣ ея контроля находящійся и отъ нея независящій глава и прусскаго управленія, и всего имперскаго устройства. Прусская палата десять лѣтъ не желала видѣть Мюлера министромъ и не разъ положительнымъ образомъ выражала свое въ нему нерасположеніе — и однакоже онъ оставался

министромъ. Странно послѣ этого говорить, что именно теперь надъ нимъ одержала побѣду палата, теперь, когда она даже и не приняла никакого рѣшенія въ смыслѣ выраженія недовѣрія Мюлеру.

Но тѣмъ не менѣе остается фактъ, что князь Бисмаркъ, въ концѣ концовъ, отказался поддерживать непопулярнаго министра и отказался именно потому, что этотъ министръ былъ непопуляренъ, и наконецъ, надоѣлъ своимъ пѣтизмомъ не только обществу, но и самому канцлеру имперіи. Что наслѣдникъ престола раздѣлялъ въ отношеніи къ Мюлеру мнѣніе общества, извѣстно; что при преклонныхъ лѣтахъ короля, князь Бисмаркъ могъ сообразоваться съ мнѣніемъ наслѣдника престола нынѣ болѣе, чѣмъ восемь лѣтъ тому назадъ — довольно вѣроятно. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, Мюлеръ уволенъ все-таки потому, что того требовало — не палата — *общественное мнѣніе*. Общественное мнѣніе въ Пруссіи, примиренное съ другими членами правительства великими національными побѣдами, къ одному Мюлеру не стало относиться мягче. Наоборотъ, побѣды не только не подкупили общество въ Пруссіи въ пользу Мюлера, а даже побудили естественно еще сильнѣе и единодушнѣе прежняго желать, чтобы министръ народнаго просвѣщенія — ретроградъ, былъ уволенъ, потому именно, что „стыдно передъ Европою“ такой странѣ, какъ Пруссія, имѣть министромъ народнаго просвѣщенія ретрограда. Трейчке недавно высказалъ въ имперскомъ сеймѣ, что въ Мекленбургѣ необходимо ввести конституцію уже потому, что нынѣшнее положеніе мекленбургскихъ дѣлъ служить иностранцамъ главнымъ упрекомъ, которымъ они стыдятся Германію. Вотъ совершенно такое же побужденіе заставило общество въ Пруссіи, да и большинство образованнаго общества во всей Германіи, усиленно желать, чтобы Мюлеръ былъ наконецъ уволенъ. „Когда бы не Мекленбургъ, да не Мюлеръ“, то наше нынѣшнее величіе было бы безъ пятенъ“ — вотъ выводъ изъ множества заявленій въ печати о необходимости удалить Мюлера точно также, какъ и устранить безобразные феодальные порядки, существующіе въ Мекленбургѣ. Мнѣніе наслѣдника престола о Мюлерѣ не только сходилось съ мнѣніемъ общества, но само истекало именно изъ мнѣнія общества объ этомъ министрѣ. Итакъ, ретроградный министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ Пруссіи уволенъ потому, что этого единодушно желало общество, сознававшее, что онъ непригоденъ для пользы дѣла просвѣщенія. Случилось это не потому, что Пруссія имѣетъ конституцію, такъ какъ ея конституція оставляетъ правительство независимымъ отъ палаты, а просто потому что и самъ князь Бисмаркъ — образованный человѣкъ, который не можетъ не принимать въ свой личный расчетъ бесплодности системы всѣмъ противной и правительству нисколько ненужной, не можетъ изъ-за одного упрямства поддерживать того, кто наконецъ сталъ даже казаться обиднымъ для національной

гордости. Все это могло бы случиться, если бы въ Пруссіи и не было конституціи. Во всякомъ случаѣ, невозможно не согласиться съ заключительными словами цитируемой нами статьи „Кёльнской“ газеты: „Г. фонъ-Мюлеръ — говоритъ она, — безконечно долгое время переносилъ и сознание бесплодности собственныхъ своихъ усилій, и нападки своихъ противниковъ. Онъ заслуживалъ бы удивленія и состраданія, если бы тѣ неприятели, которымъ дѣятель подвергается за свою упрямую настойчивость на пути ложномъ, по единогласному мнѣнію всѣхъ разсудительныхъ людей, не были способны вызвать скорѣе злобную радость и насмѣшку, чѣмъ участіе. Но теперь, когда онъ удалился, можно быть довольнымъ, что все это произошло именно такъ. Страна имѣетъ въ князѣ Бисмаркѣ министра, котораго примѣръ показываетъ, какимъ блескомъ можетъ быть окруженъ тотъ государственный человѣкъ, который постоянно готовъ предложить парламенту свою отставку. Къ этому примѣру мы имѣемъ теперь pendant: страна видитъ, чѣмъ кончается карьера такого министра, который мнитъ униженіемъ для себя подобную же готовность. Такое поученіе, станемъ надѣяться, не будетъ потеряно для министровъ и всѣхъ расчитывающихъ быть министрами“. Если въ этомъ сужденіи поставимъ вмѣсто „парламента“ „общественное мнѣніе“, то вѣрность сужденія отъ этого не только не уменьшится, но выиграетъ, и даже въ примѣненіи къ самой Пруссіи. Едва ли можно думать, что князь Бисмаркъ вышелъ бы въ отставку вслѣдствіе одного рѣшенія прусской палаты депутатовъ, или хотя бы и имперскаго сейма. Но нѣтъ сомнѣнія, что еслибы понадѣлавъ неисправимыя ошибки и вступивъ на ложный путь къ осуществленію чего-либо невозможнаго, онъ увидѣлъ бы, какъ все общество единодушно потеряло бы къ нему довѣріе и стало бы считать его непригоднымъ и неспособнымъ министромъ, то Бисмаркъ, какъ умный человѣкъ, съумѣлъ бы сойти со сцены, потому что для такого человѣка, какъ онъ, одного формальнаго почета, доставляемаго министерскимъ званіемъ, слишкомъ недостаточно.

Приведемъ теперь нѣсколько свѣдѣній о Мюлерѣ, его паденіи и его преемникѣ. Мюлеръ былъ назначенъ министромъ въ мартѣ 1862-го года, въ самый разгаръ конституціоннаго столкновенія между прусскою палатою и правительствомъ. Вслѣдствіе враждебнаго министерству рѣшенія палаты, она была распущена, и министерство измѣнено въ смыслѣ реакціонерномъ: изъ него вышли Ауэрсвальдъ, графъ Шверинъ, Патовъ, графъ Пюллеръ и Бернутъ, старые либералы, а вмѣсто нихъ вступили отъявленные реакціонеры. Яговъ — министромъ внутреннихъ дѣлъ, графъ Липпе — министромъ юстиціи, графъ Иценплицъ — министромъ сельскаго хозяйства, а оберъ-консисторіальный совѣтникъ Мюлеръ — министромъ народнаго просвѣщенія, на мѣсто Бетманна-Гольдвега, который подалъ въ отставку еще ранѣе своихъ

товарищей. Эти новые министры соединились въ кабинетѣ съ оставшимися въ немъ ультра-консерваторами, фонъ-деръ-Гейдтомъ и Роономъ, который и теперь военный министръ. Главные дѣятели этого новаго министерскаго состава остались министрами и впоследствии, когда министромъ иностранныхъ дѣлъ, вмѣсто графа Бернсторфа, былъ назначенъ г. фонъ-Бисмаркъ-Шёнгаузенъ. Этотъ-то составъ министровъ и провелъ послѣдовательную реакцію въ Пруссіи, и одержалъ наконецъ, при помощи успѣшныхъ войнъ, окончательную побѣду надъ палатою депутатовъ. По мѣрѣ того, какъ усиливался Бисмаркъ, онъ отдѣлялся отъ тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые не хотѣли подчиняться его суровому нраву: отъ фонъ-деръ-Гейдта, отъ графа Липпе. Но Мюлеръ былъ не похожъ на нихъ. Не онъ бы сталъ перечить Висмарку, и если Бисмаркъ теперь отрекся отъ него, то только потому именно, что ему надоѣло носить на своихъ плечахъ это непопулярное бремя. Самъ же Мюлеръ, какъ человекъ мягкій, готовъ былъ на всѣ уступки могущественному главѣ министерства. Такъ, когда за провозглашеніемъ догмата непогрѣшимости папы, въ Пруссіи начались столкновенія съ католическими епископами, Мюлеръ, который до того времени предоставлялъ католической партіи полную свободу дѣйствій и оставлялъ совершенно подъ ея вліяніемъ особое отдѣленіе своего министерства, посвященное духовному управленію собственно - католическому, тотчасъ спохватился. Требования политики, представляемой главою кабинета, указали на необходимость рѣшительно дѣйствовать противъ католическихъ клерикаловъ. И вотъ, фонъ - Мюлеръ, въ своемъ министерскомъ сообщеніи 29-го іюня прошлаго года къ епископу эрландскому, по поводу законоучителя браунсбергской гимназій, заявилъ, что государство не потерпитъ вмѣшательства духовныхъ властей въ свои отношенія къ школѣ. Затѣмъ послѣдовало королевское повелѣніе 8 іюля, отмѣнившее существованіе особаго отдѣленія для управленія католическихъ дѣлъ.

И къ нынѣшней сессіи прусскаго ландтага фонъ-Мюлеръ представилъ съ проектомъ закона, вызваннымъ опять требованіемъ не его личнаго убѣжденія, а Бисмарковой политики. Онъ внесъ въ палату проектъ закона объ инспекціи народныхъ школъ. Этимъ проектомъ только восстанавливается принципъ, который никогда закономъ въ Пруссіи отмѣненъ не былъ, именно, что надзоръ за школами принадлежитъ государству. Въ этомъ смыслѣ либералы, несмотря на такую уступку Мюлера, не очень были довольны появленіемъ такого проекта закона, который какъ бы еще требуетъ вновь для государства право уже давно ему принадлежащее, и тѣмъ бросаетъ сомнѣніе на смыслъ прежнихъ законовъ, будто бы недостаточныхъ. Въ дѣйствительности, они были бы совершенно достаточны, но ихъ исказило то, что было допущено и къ чему намѣренно стремился Мюлеръ на практикѣ,

а именно — порабощеніе школъ духовенствомъ. Во всякомъ случаѣ, внесеніе Мюлеромъ нынѣшняго проекта было равносильно собственному его отреченію отъ принципа, которому онъ энергически слѣдовалъ десять лѣтъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. И вдругъ, послѣ того, какъ самъ онъ предлагалъ наложить руку на собственное свое созданіе, — ему же говорятъ: не надо, это будетъ поручено другому.

Кромѣ закона о надзорѣ за школами фонъ-Мюлеръ хотѣлъ внести въ нынѣшнюю же сессію ландтага окончательный законъ объ устройствѣ учебной части, законъ, который былъ обѣщанъ еще конституціею 1850-го года, но до сихъ поръ откладывался. Фактъ, что именно непопулярный министръ взялся за проведеніе проекта реорганизаціи своей части, можетъ показаться страннымъ. Но Мюлеромъ при этомъ руководилъ понятный расчетъ. Проведеніемъ закона объ окончательномъ устройствѣ учебной части, онъ именно и рассчитывалъ упрочить свое положеніе. Кому была бы охота потомъ браться за исполненіе Мюлеровыхъ предназначеній? А одной возникшей отсюда трудности найти ему преемника уже было достаточно, чтобы отсрочить, быть можетъ, на нѣсколько лѣтъ, его отставку, еслибы законъ прошелъ.

Но законъ этотъ по всей вѣроятности не прошелъ бы въ палатѣ, а между тѣмъ обсужденіе его, сопровождаемое неизбежной критикою всѣхъ дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія, отняло бы у палаты много времени. Прямымъ назначеніемъ нынѣшней сессіи считается обсужденіе закона о провинціальномъ управленіи (Kreisordnung). Сверхъ того, законъ объ устройствѣ учебной части и не могъ быть пущенъ впередъ сейчасъ названнаго закона, по причинѣ нѣкоторой зависимости перваго изъ этихъ двухъ законовъ отъ послѣдняго. Итакъ, когда Мюлеръ внесъ свой проектъ въ совѣтъ министровъ, то онъ встрѣтилъ тамъ неожиданныя затрудненія. Возраженія товарищей противъ обсужденія своего закона онъ принялъ за нежеланіе дать ему средство укрѣпиться на своемъ посту. Онъ написалъ королю письмо съ изъявленіемъ готовности выйти въ отставку и уѣхалъ изъ Берлина, въ ожиданіи отвѣта. Просьба его была принята по совѣту Бисмарка, и преемникомъ ему назначенъ оберъ-юстицратъ докторъ Фалькъ, который и объявилъ въ палатѣ, что онъ изъ проектовъ своего предѣстника намѣренъ провести въ палатѣ только тотъ, который касается исключительнаго права государства на надзоръ за школами, а прочіе откладываетъ.

Генрихъ фонъ-Мюлеръ родился въ 1813-мъ году; ему 59 лѣтъ. Отецъ его былъ прусскимъ министромъ юстиціи въ началѣ сороковыхъ годовъ. Самъ Генрихъ Мюлеръ постоянно находился на государственной службѣ; послѣдняя должность его, передъ министерскою, была должность члена берлинской консисторіи. Преемникъ его, Фалькъ

былъ уже нѣсколько разъ членомъ палаты депутатовъ и принадлежитъ къ партіи праваго центра, то-есть къ наименѣе враждебнымъ либерализму консерваторамъ. Онъ занималъ теперь мѣсто члена-добладчика въ совѣтѣ министерства юстиціи.

Въ австрійскихъ дѣлахъ все еще стоитъ на очереди вопросъ о соглашеніи съ Галиціею. Польскіе депутаты, явившись въ рейхсратъ, придали ему законную численную силу. Но, затѣмъ, правительство стало выказывать желаніе, чтобы эти депутаты, предварительно полученія какихъ-либо уступокъ для автономіи Галиціи, поддержали министерство еще и въ проведеніи закона о прямыхъ выборахъ въ рейхсратъ. Законъ этотъ невыгоденъ для поляковъ потому, что онъ открылъ бы доступъ въ рейхсратъ представителямъ русинской національной партіи въ Галиціи. Вслѣдствіе того, поляки потребовали, чтобы законъ этотъ въ Галиціи не примѣнялся, такъ какъ если правительство хочетъ опираться на нихъ, то ему не для чего подкапывать ихъ преобладаніе въ Галиціи. Вопросъ, такимъ образомъ, сведенъ теперь къ тому, что обѣ стороны торгуются обѣ уступкахъ; но при этомъ надо замѣтить, что поляки, явись въ рейхсратъ, одну уступку уже сдѣлали, а теперь у нихъ требуютъ и другой, а исполненіе обѣщаній откладываютъ. Если они сдѣлаютъ эту вторую уступку, тогда имъ пожалуй уже ничего не останется уступать, а стало быть и обѣщаній данныхъ имъ не для чего будетъ осуществлять. Еслибы это случилось, то надъ поляками оправдалось бы предсказаніе чешскихъ газетъ, что они все уступать и ничего не получаютъ въ вознагражденіе. Впрочемъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, соглашеніе между министерствомъ и поляками въ конституціонномъ комитетѣ палаты депутатовъ представляется вѣроятнымъ.

За то другое соглашеніе, по ту сторону Лейты, окончательно состоялось, именно соглашеніе между представительствомъ Кroatіи и венгерскимъ министерствомъ. Члены національной кроатской партіи были призваны въ Пешть для обсужденія основаній окончательнаго примиренія. Но переговоры эти, уже близкіе къ успѣху, вдругъ прервались въ половинѣ января, и 19-го числа банъ кроатскій прочелъ въ аграрномъ сеймѣ королевскій рескриптъ, которымъ сеймъ распускается.

Общественное мнѣніе въ Англіи, по устраненіи опасности для жизни наслѣдника престола, было занято намѣреніемъ Тьера заявить о прекращеніи дѣйствія торговаго трактата между Франціею и Англіею, возстаніемъ бугасовъ въ Индіи и американскимъ счетомъ обѣ убыткахъ, нанесенныхъ торговлѣ Америки признаціемъ Англіею за мятежными южанами правъ воюющей стороны. Въ силу торговаго тракта-

та 1860-го года между Франціею и Англіею, объявленіе о намѣреніи которой-либо изъ сторонъ отказаться отъ его возобновленія должно быть выражено за годъ до срока. Намѣреніе нынѣшняго французскаго правительства отказаться отъ трактата, основаннаго на принципѣ торговой свободы, извѣстно. Объявленіе о томъ должно быть сдѣлано 4 февраля (н. с.). Французское правительство, въ засѣданіи 29-го января, предложило національному собранію произнести рѣшеніе по этому предмету. Британское же правительство объявило, что дабы дать національному собранію время обсудить это дѣло, оно будетъ считать дѣйствіе трактата продолжающимся еще годъ съ того числа, когда будетъ заявлено со стороны Франціи о нежеланіи сохранять его въ силѣ, хотя бы заявленіе это было сдѣлано и послѣ срока опредѣленнаго въ трактатѣ, т. е. послѣ 4-го февраля.

Возстаніе племени кукасовъ въ Пенджабѣ началось въ первыхъ числахъ января. Первое же извѣстіе объ этомъ возстаніи объявляло возстаніе уже усмираннымъ. Между тѣмъ, въ половинѣ мѣсяца получено было извѣстіе, что военныя дѣйствія въ Индіи не прекращаются, и даже въ концѣ мѣсяца, какъ оказывается, произошло сраженіе, въ которомъ былъ раненъ англійскій генераль. Эти послѣднія дѣла происходили уже съ племенемъ лушаевъ.

Открытіе парламентской сессіи назначено на 6 февраля (н. с.).

Вопросъ о вознагражденіи за убытки американской торговли въ войну 1861—1865 годовъ, въ принципѣ, какъ извѣстно, рѣшенъ тѣмъ, что англійское правительство, не признавая себя виновнымъ въ нарушеніи относительно сѣвероамериканскихъ штатовъ какого-либо принципа международнаго права, согласилось, однако, дать имъ денежное удовлетвореніе за убытки, причиненные имъ федералистскимъ каперомъ „Элебемою“, вышедшимъ изъ англійскаго порта. Такое свое согласіе Англія мотивируетъ желаніемъ сохраненія дружественныхъ отношеній къ Америкѣ; размѣръ вознагражденія долженъ затѣмъ быть опредѣленъ третейскимъ судомъ, состоящимъ изъ уполномоченныхъ бразильскаго императора, итальянскаго короля и президента Швейцарскаго Союза, уполномоченные которыхъ собираются съ этой цѣлью въ Женевѣ.

Само собою разумѣется, что сторона, требующая удовлетворенія, при формулированіи своихъ требованій могла высказать и такія, на уваженіе которыхъ третейскимъ судомъ она не можетъ имѣть большой надежды. Этого нельзя было не ожидать отъ всякаго правительства, а тѣмъ болѣе отъ президента сѣвероамериканской республики, который вскорѣ долженъ подвергнуться шансамъ вторичнаго избранія. Ограничить кругъ требованій со стороны генерала Гранта, въ настоящемъ случаѣ было бы равносильно выраженію имъ неувѣренности въ правотѣ иска Америки и сомнѣнія насчетъ дѣйствительности

вины Англiи въ тѣхъ убыткахъ, которые вызвали въ Америкѣ столь сильное раздраженiе противъ Англiи. Само собою разумѣется, повторимъ, что Грантъ долженъ былъ предъявить именно maximum тѣхъ требованiй, какiя онъ предъявить можетъ. И дѣйствительно, онъ такъ и сдѣлалъ. Уашигтонскiй кабинетъ, въ своей запискѣ о вознагражденiи за убытки, упомянулъ не объ однихъ ущербахъ, причиненныхъ „Элебемою“, но и о всякихъ убыткахъ вообще, происшедшихъ для американскаго мореходства и торговли отъ образа дѣйствiй Англiи во время междоусобной американской войны, то-есть о захватѣ судовъ каперами, и о нарушенiяхъ блокады, и объ убыткахъ отъ возникшей, вслѣдствiе того, необходимости денационализировать американскiя торговыя суда и переводить владѣнiя ихъ на имя иностранныхъ подданныхъ, преимущественно англичанъ.

Когда американская записка стала извѣстна, англiйскiй ежедневный журналъ „Saturday Review“, отличавшiйся во время войны сочувствiемъ къ дѣлу южанъ, подвергъ нынѣшнiя требованiя Америки критикѣ и постарался доказать ихъ несообразность. Для этого, онъ объяснилъ, что если допустить подлежащими возмѣщенiю со стороны Англiи всѣ тѣ убытки для американской торговли, которые выразились упадкомъ ея во время войны, то сложивъ цифры годичныхъ потерь ея за все это время, Англiи пришлось бы уплатить Соединеннымъ Штатамъ баснословную цифру 600 миллiоновъ фунтовъ стерлинга или около 4,800 миллiоновъ рублей. Такая цифра, какъ справедливо замѣчалъ „Saturday Review“, была бы несравненно (почти вдвое) больше той, какую нѣмцы заставили заплатить себѣ Францiю послѣ того, какъ они окончателно побѣдили ее рядомъ великихъ побѣдъ. И таковой-то контрибуцiи осмѣливаются требовать у Англiи, которая только изъ дружбы согласилась заплатить что-нибудь!

Эта статья, какъ часто бываетъ со статьями болѣе эффектными, чѣмъ добросовѣстными, массою публики была принята за окончательное уясненiе всего дѣла, и публика стала думать, что записка уашигтонскаго кабинета такъ именно и выражаетъ требованiе, чтобы Англiя уплатила Америкѣ 600 миллiон. фунтовъ вознагражденiя. Между тѣмъ, статья англiйскаго журнала выражаетъ мнѣнiе, которое само по себѣ не лишено основательности,—но цифра 600 мил. фунтовъ принадлежитъ этой статьѣ, просто какъ аргументъ для приведенiя противника ad absurdum. Въ запискѣ же американскаго правительства такой цифры нѣтъ. Въ этой запискѣ, вознагражденiе требуется по убыткамъ прямымъ, то-есть по захвату каперами, вышедшими изъ англiйскихъ портовъ, американскихъ судовъ съ ихъ грузами; эти убытки могли быть приведены въ извѣстность, и въ возмѣщенiе ихъ американское правительство требуетъ 14 мил. долларовъ, то-есть около 20 мил. рублей. Впрочемъ, сумма эта можетъ еще нѣсколько увеличиться,

если будутъ доказаны еще такіе захваты судовъ, о которыхъ доселѣ не было заявлено. Затѣмъ, уашигтонскій кабинетъ требуетъ также вознагражденія и за всѣ убытки, причиненные американской торговлѣ нарушеніями блокады и переводомъ собственности судовъ на иностранцовъ, но по самой сущности дѣла, цифра такихъ убытковъ не можетъ быть опредѣлена теперь же; она можетъ опредѣлиться только по каждому отдѣльному иску о возмѣщеніи доказаннаго убытка. Американское правительство и не назначаетъ теперь никакой суммы, но требуетъ только, чтобы третейскій судъ въ принципѣ призналъ подобныя косвенныя убытки подлежащими удовлетворенію. Затѣмъ, присужденіе цифры вознагражденій по такимъ убыткамъ американское правительство предоставляетъ или дружественному соглашенію, или опредѣленію по каждому отдѣльному случаю, который будетъ доказанъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ предполагать, что вводя это требованіе, американское правительство надѣется *незамыслимымъ образомъ* принудить Англію къ уплатѣ американцамъ пяти миллиардовъ рублей! Такое намѣреніе было бы очевидно нелѣпо, и съ англійской стороны легко было бы нейтрализовать его опредѣленіемъ въ нѣсколькихъ лишнѣхъ милліонахъ фунтовъ *максимума*, котораго не должна превышать вся сумма, съ тѣмъ чтобы она подлежала затѣмъ разверсткѣ между частными лицами, по цифрѣ доказанныхъ ими до опредѣленнаго срока убытковъ.

Итакъ, нельзя допустить даже, чтобы американское правительство имѣло въ виду заявить нѣчто подобное тому, что охарактеризовано въ „Saturday Review“ именемъ контрибуціи въ 600 милліоновъ фунтовъ. Но сверхъ того, повторяемъ, уашигтонскій кабинетъ, формулируя свои требованія и безъ такого невозможнаго преувеличенія, все-таки вѣроятно и самъ сознавалъ, что не всѣ его требованія могутъ быть уважены, какъ вѣроятно они въ данномъ или слишкомъ обширномъ смыслѣ и дѣйствительно не будутъ признаны третейскимъ судомъ. Итакъ, нѣтъ ни малѣйшаго повода теперь же предвидѣть изъ непомѣрныхъ требованій Соединенныхъ Штатовъ вѣроятность кризиса, въ родѣ войны ихъ съ Англією. Рѣшенію третейскаго суда подчинятся обѣ стороны не только потому, что онѣ къ тому обязались, но еще и потому, что предпринимать войну съ Англією, для полученія нѣсколькихъ лишнѣхъ десятковъ милліоновъ рублей — было бы со стороны Соединенныхъ Штатовъ весьма невыгодно спекуляцією.

Въ Испаніи произошелъ неизбежный „ежемесячный“ кризисъ: кортесы отвергли предложеніе своего президента Херреры, чтобы прекратить пренія по финансовымъ запросамъ сдѣланнымъ министерству. Пренія въ самомъ дѣлѣ слѣдовало прекратить, потому что они пере-

шли въ безплодныя личности, но министр-президентъ Сагаста испортилъ все дѣло, объявивъ, что онъ изъ прекращенія преній дѣлаетъ вопросъ о существованіи кабинета. Кортесы на это совершенно неправильное вмѣшательство министерства отвѣчали отказомъ. Тогда, въ засѣданіи 24-го января (н. с.) Сагаста прочелъ королевскій декретъ о распущеніи палаты и о назначеніи новыхъ выборовъ на 2-ое апрѣля, съ возобновленіемъ сессіи 24-го апрѣля. Нѣтъ сомнѣнія, что тогда снова произойдетъ министерскій кризисъ; но до тѣхъ поръ Сагаста „поуправляетъ“. Положеніе дѣлъ весьма печальное. Замѣчательно, что въ совѣщаніе, гдѣ рѣшено распустить кортесы, были призваны не только Санта-Крусъ и Херреро — какъ президенты палатъ, и Топете и Серрано, какъ друзья Сагасты, только расхваленные имъ въ томъ самомъ засѣданіи, въ которомъ произошла буря, но и Руисъ Сорилья. Но Сорилья не явился.

По поводу помѣщаемой въ этой же книгѣ „Вѣст. Европы“ статьи „Восточная политика Германіи и обрусеніе“, мы хотимъ сдѣлать здѣсь одну оговорку. Намѣреваясь, въ виду нѣкоторыхъ присоединительныхъ поползновеній, высказавшихся въ нѣмецкой печати, рассмотреть мѣры къ обезпеченію нашего государственнаго единства на западной границѣ, авторъ естественно долженъ былъ начать съ того, чтобы указать на упомянутыя поползновенія. Это начало само по себѣ не могло не получить характера обличенія. Между тѣмъ, обличеніе всевозможныхъ „интригъ“ составило въ нѣкоторой части нашей печати отдѣльную спеціальность, такую спеціальность, которой цѣль не что иное какъ разжиганіе ненависти между національностями, потворство грубымъ инстинктамъ самовосхваленія и злоупотребленія силою, наконецъ, ежедневная ложь въ примѣненіи къ одному вопросу однихъ началъ, а къ другому, однородному — началъ прямо противоположныхъ. Отъ такой спеціальности порядочные органы должны бережно сторониться. Вотъ почему начало статьи г. Т—ова, въ которомъ авторъ хотя и обнаруживаетъ цѣли совсѣмъ иного рода, цѣли практическія и достойныя сочувствія, но еще не уясняетъ своихъ цѣлей съ достаточной опредѣлительностью, а преимущественно занимается только первою, менѣе благодарной частью своей задачи, именно обличеніемъ, — заставило насъ пожелать, чтобы различіе намѣреній автора съ намѣреніями нашихъ нѣмцевъдовъ и полонофобовъ было оговорено прежде всего.

Такова была цѣль письма, съ которымъ мы обратились къ автору, и напечатанный вмѣсто предисловія къ статьѣ отвѣтъ его вполне достигаетъ этой цѣли. Прочтя его, читатель уже приступитъ къ самой статьѣ безъ предвзятаго, но невольнаго предубѣжденія, будетъ слѣ-

дѣть за авторомъ въ его изложеніи, зная, что имѣеть дѣло не съ однимъ изъ нашихъ присяжныхъ „травителей“ національностей, но съ человѣкомъ мыслящимъ, которому обличеніе понадобилось не для удовольствія ругать чужихъ и восторгаться собственнымъ превосходствомъ, а для достиженія серьезной цѣли, для извлеченія поучительныхъ намъ самимъ уроковъ.

Совершенно справедливо, что нынѣшняя нѣмецкая печать, несмотря на различіе своихъ принциповъ, сходится въ недостойномъ отношеніи къ русскому народу, отрицая въ немъ всякія права на человѣческое развитіе и дѣйствуя съ расчетомъ такъ, чтобы по мѣрѣ своихъ силъ вредить ходу этого развитія, причемъ она не гнушается нравственно-низкимъ приемомъ доносить русскому правительству на русское же общество, что составляетъ еще и довольно смѣшную претензію. Корреспонденты нѣмецкихъ газетъ изъ Россіи не любятъ въ г. Катковѣ только обрусителя балтійскихъ провинцій. Во всемъ остальномъ, они идутъ его же путемъ. Они радуются всякой мѣрѣ въ Россіи противъ печати, подобно тому, какъ и г. Катковъ настаиваетъ на необходимости давать предостереженія; они отрицаютъ всякіе умственные успѣхи русскаго общества, точно также какъ и г. Катковъ видитъ во всемъ одинъ нигилизмъ. Подобно г. Каткову, и они заподозриваютъ наши судебныя учрежденія. Мало того, они стараются доказывать русскому правительству, что обращать вниманіе на общественное мнѣніе въ Россіи вовсе не слѣдуетъ, потому что это значило бы вводить конституціонную систему (!!). Для обращенія выписываемъ слѣдующее мѣсто одной изъ январскихъ корреспонденцій изъ остзейскихъ губерній въ „Кѣльнской“ газетѣ, по поводу преобразованія воинской повинности: „Если уже теперь вся русская молодежь, и штатская, и военная, заражена ядомъ нигилизма, который уже далъ поводъ къ заговорамъ хотя и глупымъ, но не безопаснымъ, то какимъ же образомъ хотять, при установленіи общей воинской повинности, устранить внесеніе этого зловреднаго сѣмени и въ нетронутыя имъ доселѣ, преданныя Царю массы солдатъ? Самое одобреніе, встрѣчаемое проектомъ въ нѣкоторыхъ кругахъ, кругахъ, едва дающихъ себѣ трудъ скрывать свои тенденціи, должно бы внушать осторожность. Или Россія въ самомъ дѣлѣ уже родъ конституціонной монархіи, какъ многіе утверждаютъ, и которою управляетъ влика журналистовъ (!!), а верховная власть сохранила только право отсрочки (*suspensives veto*). А вѣдь до сихъ поръ, въ концѣ концовъ, происходило все почти именно такъ, какъ желали того эти господа (т.-е. журналисты). *Saveant consules!*“

Почему же и для чего порядочная нѣмецкая газета, какова „Кѣльнская“, печатаетъ такую мерзость и вмѣстѣ глупость? *Потому*, что „Кѣльнская“ и всѣ нѣмецкія газеты при обсужденіи русскихъ

дѣла становятся исключительно на точку зрѣнія національной особенности остзейскихъ нѣмцевъ. До чело^вѣческ^{ихъ}ъ правъ 70-ти миллионнаго народа этимъ публицистамъ нѣтъ дѣла; и они повидимому охотно принесли бы все развитіе и самое существованіе этихъ миллион^{овъ} въ жертву охраненію малѣйшей фантазіи самомагѣйшаго барона. *Для чего* они это пишутъ? Для того, чтобы какіе-нибудь ультра-нѣмцы въ Петербургѣ, служащіе или неслужащіе, но „солидные“, могли носиться съ этими гадеими статейками и показывать въ тѣхъ „сферахъ“, хотя бы и невысокихъ, куда они вхожи: „вотъ-моль что пишутъ *за границей*, вотъ-моль какъ вѣрно смотритъ на наши дѣла *заграничная печать*, несмотря на то, что она знакома со всякими конституціями“. А какая тутъ заграничная печать!! Просто, корреспонденціи, присылаемыя тѣми же нѣмцами, которые потомъ всѣмъ показываютъ эти статьи.

Разсчетъ всего этого понятенъ. Что онъ окажется über kurz oder lang невѣренъ, это должна бы разумѣть сама нѣмецкая печать, такъ какъ подобныя приемы ея едва ли могутъ достигнуть своей прямой цѣли—компрометтировать русское общество передъ его же правительствомъ, знающимъ свой народъ ближе, чѣмъ его могутъ знать за границей. А между тѣмъ приемы эти весьма способны къ тому, чтобы вызывать въ русскомъ обществѣ раздраженіе вообще противъ нѣмцевъ, что для здѣшнихъ нѣмцевъ, въ концѣ концовъ, едва ли можетъ быть выгодно. Нашей же цѣлью, при цитированіи приведенныхъ строкъ, было не побуждать русскаго читателя къ такому раздраженію, но показать ему на чужомъ примѣрѣ всю прелесть и все нравственное достоинство нашихъ собственныхъ ультра-націоналовъ. Полюбуйтесь въ нѣмецкомъ образчикѣ на букву ихъ же системы заподозриванья, инсинуаціи и отрицанія всѣхъ чело^вѣческихъ правъ во мнѣмую славу изступленнаго націонализма! Такъ и статья г. Т—ова, указывая читателю на тѣ чудовищныя крайности, къ которымъ приводитъ печать даже высоко-просвѣщеннаго народа, на фанатизмъ самоубійствъ, покажетъ ему, какъ въ зеркалѣ, наши собственные прегрѣшенія въ этомъ же самомъ смыслѣ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24 (12) января, 1872.

КОНСТИТУЦІЯ И САМОУПРАВЛЕНІЕ ВЪ ПРУССІИ.

Въ послѣднемъ своемъ письмѣ я не могъ еще говорить о закрытіи рейхстага. У васъ сообщили о немъ въ иностранномъ обзорѣни январьской книжки журнала; но я желалъ бы воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы привести цѣликомъ слова, сказанныя въ рейхстагѣ нашимъ государственнымъ министромъ Дельбрюкомъ, такъ какъ вслѣдствіе краткости отзыва по поводу этихъ словъ въ обзорѣни, можно подуматъ, что въ Пруссіи сохраняется размѣръ военнаго бюджета еще на три года съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого срока Германія могла снова напасть на Францію. Пренія по военному бюджету происходили 18/30 ноября, и министръ Дельбрюкъ сказалъ именно слѣдующее: „Самое важное значеніе предложенія заключается по моему въ томъ, чтобы міръ зналъ, что Германія въ 1874-мъ году будетъ столь же готова къ войнѣ, какъ и въ настоящее время. Хотя я не считаю, чтобы намъ грозила, какъ говорятъ нѣкоторые, опасность неизбѣжной войны, но не думаю также, чтобы мы могли считать періодъ мира гарантированнымъ. Хотя миръ и заключенъ, но всѣмъ вамъ извѣстно, что онъ проченъ лишь до 2-го марта 1874-го года. Нельзя не признать, что во Франціи существуетъ сильная партія, желающая возмездія *до* и, самое позднее, *по* истеченіи срока выполненія условій мирнаго договора....“

Еслибы Германія желала оставаться на военной ногѣ затѣмъ, чтобы по уплатѣ военной контрибуціи снова напасть на Францію, то это было бы чистымъ разбоемъ, напоминающимъ классическій способъ борьбы римлянъ съ Карфагеномъ, отъ котораго они сначала потребовали выдачи оружія, а затѣмъ, когда тотъ исполнилъ требованіе, предложили ему такія условія, которыя нельзя было принять. Между тѣмъ извѣстно, что послѣдніе три милльярда военной контрибуціи Франція должна уплатить 2-го марта 1874-го года, а уже весьма многіе французы и теперь того мнѣнія, что лучше было бы не платить когда наступитъ этотъ день, а употребить три милльярда на войну. Вотъ въ ожиданіи *этого-то* оборота дѣль, Германія желаетъ оставаться на военной ногѣ. Я долженъ сознаться только въ одномъ, что никогда не могъ хорошенько понять, какимъ образомъ Бисмаркъ могъ распредѣлить такъ странно сроки уплаты контрибуціи. Какъ вамъ

известно, первые три миллиарда уплачены вскорѣ по заключеніи мира; четвертый полу-миллиардъ уплачивается теперь, между 15-мъ января и 15-мъ мая, и послѣ того, французамъ не придется почти два года производить никакихъ платежей; но затѣмъ они должны внести разомъ такую огромную сумму, что даже менѣе впечатлительный и страстный народъ, чѣмъ французскій, могъ бы придти къ мысли: не лучше ли взяться за оружіе, чѣмъ платить?

Для этого факта существуетъ пока *одно* объясненіе, а именно: Бисмаркъ считалъ необходимымъ дать Франціи время оправиться, чтобы быть въ состояніи выполнить взятія на себя обязательства. Но какъ бы то ни было, если 2-го марта 1874-го года Франція дѣйствительно уплатитъ послѣднія три миллиарда, то Европа можетъ рассчитывать на продолжительный періодъ мира, потому что лучшаго доказательства своего миролюбія Франція не можетъ дать. Въ послѣднее время много говорятъ о томъ, чтобы отсрочить платежъ послѣднихъ трехъ миллиардовъ. Это возможно, хотя и невѣроятно, потому что Франція должна желать возможно скорѣе освободиться отъ оккупации, а это несовмѣстимо съ отсрочкой платежа, развѣ только Пруссія дѣйствительно задалась той политикой, которую недавно одна французская газета приписывала Бисмарку, а именно вернуть Франціи Эльзасъ и Лотарингію и подарить ей послѣдніе три миллиарда контрибуціи съ тѣмъ, чтобы купить ея нейтралитетъ въ предстоящей войнѣ между Германіей и Россіей!!

Но отсрочка въ платежъ послѣдней суммы очевидно возможна лишь въ томъ случаѣ, если Франція до наступленія весны 1874-го года серьезно докажетъ свое мирное настроеніе и въ ней упрочится известныя порядки. Хотя весьма возможно и то, что вопросъ о войнѣ или мирѣ рѣшится гораздо раньше весны 1874-го года, такъ какъ нельзя ручаться, что партія Гамбетты не восторжествуетъ или что не случится другого какого непредвидѣннаго событія. Опасность была особенно велика въ концѣ ноября и въ началѣ декабря, послѣ оправданія Тоннелѣ и Бергена, потому что доктрина, провозглашавшая, что убійство чужестранца не только не подлежитъ наказанію, но даже приноситъ честь патриотизму, грозила получить преобладаніе, пока депеша Бисмарка отъ 7-го декабря не поставила ей преграды. Объ этой депешѣ безконечно много разсуждали, но теперь, мѣсяць спустя послѣ ея обнародованія, невозможно оспаривать, что она произвела свое дѣйствіе, потому что тѣ событія, которымъ она желала положить конецъ, съ тѣхъ поръ не повторялись, и солдаты оккупационной арміи могутъ себя считать до нѣкоторой степени обезпеченными противъ вѣроломныхъ нападеній.

Вообще же иностранная политика—за исключеніемъ обидна дружескихъ заявленій между Россіей и Пруссіей, о которыхъ было бы без-

ходою вамъ говорить — не представляла ничего замѣчательнаго. Австрія видитъ, послѣ того какъ улеглось первоначальное одушевление, съ какими привѣтствовалося либеральное и преданное конституціи министерство, что этимъ далеко еще не разсѣваются ея внутреннія затрудненія, а Пруссія, вѣрная тому принципу, котораго до сихъ поръ держалась, старательно остерегается выказать особенную симпатію какой-нибудь изъ партій, борющихся между собой. Отношенія между обоими дворами очень хороши, чѣмъ мы главнымъ образомъ обязаны германскому посланнику при вѣнскомъ дворѣ, дипломатическіе таланты котораго теперь весьма прославляются.

Вотъ этимъ и исчерпывается все, что можно сказать объ иностранной политикѣ; за то внутренняя наша политика шагнула впередъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе отставки министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ фонъ-Мюлера. Чтобы дать понятіе значеніе этого событія, слѣдуетъ изложить въ главныхъ чертахъ исторію конституціи въ Пруссіи съ 1860-го года. Впрочемъ, достаточно будетъ указать на главные ея пункты. Въ Пруссіи министерство—коллегіальное. Конституція гласитъ въ статьѣ 45-й: „Король назначаетъ и отрѣшаетъ министровъ“, но ничего не упоминаетъ о внутреннихъ отношеніяхъ министровъ другъ къ другу. Чтобы познакомиться съ этимъ, слѣдуетъ заглянуть далеко назадъ въ исторію до-конституціонной Пруссіи. *Кабинетъ министровъ* существуетъ въ Пруссіи съ 1808-го года. Онъ составляетъ высшую правительственную власть въ странѣ ¹⁾ и состоитъ изъ всѣхъ министровъ, управляющихъ отдѣльными министерствами. Они—высшіе государственные сановники, непосредственно подчиненные королю и назначаются и отрѣшаются этимъ послѣднимъ. *Предсѣдательствующій* также назначается королемъ и называется теперь *министромъ-президентомъ*; онъ не имѣетъ надъ остальными министрами никакой дисциплинарной власти, а наблюдаетъ лишь за порядкомъ и ведетъ пренія во время совѣщаній, происходящихъ въ кабинетѣ министровъ. Министерскимъ указомъ отъ 3-го іюня, 1814-го года, была учреждена должность *государственнаго канцлера*.

По закону этотъ послѣдній стоялъ во главѣ *всѣхъ* управленій, безъ исключеній, и былъ ближайшимъ и первымъ совѣтчикомъ короля; ему, т.-е. государственному канцлеру, должны были ежедневно присылаться всѣ дѣла, повергаемыя на усмотрѣніе короля, и государственный канцлеръ долженъ былъ выбирать самъ, какія дѣла онъ лично доложить королю и какія будутъ докладываться различными министрами *въ присутствіи государственнаго канцлера*, вслѣдствіе чего (говоритъ фонъ-Осфельдъ), образовался такой кабинетъ мини-

¹⁾ См. очень хорошую книгу: *Preussen in staatsrechtlicher Beziehung. Von Max V. Oesfeld. Breslau. 1870/71. 2 Bände.*

стровъ, который представлялъ прочный правительственный организмъ, среди абсолютнаго государства и при господствѣ неограниченныхъ правъ короны, опиравшійся на единствѣ *совета короны*, на *единствѣ юсударственнаго управления* и на *единствѣ и зависимости другъ отъ друга законодательства и управления*, какого не существуетъ болѣе въ настоящее время (т. I, стр. 423).

Кабинетъ министровъ—учрежденіе коллегіальное и собирается разъ еженедѣльно. Отдѣльные министры могутъ вносить различныя предложенія о дѣлахъ, касающихся ихъ вѣдомствъ. Такъ какъ министръ-президентъ не облеченъ властью *перваго* сановника кабинета и совѣтника короля, какъ прежде государственный канцлеръ (Гарденбергъ былъ первымъ и единственнымъ государственнымъ канцлеромъ; позднѣе президентство было передано крон-принцу, а наконецъ министру-президенту), то совѣтъ министровъ самъ по себѣ *не* представляетъ болше въ настоящее время *единства*, что далеко не соответствуетъ требованіямъ настоящей конституціи и даже уступаетъ здравому направленію законодательства 1810-го года, слѣдовательно абсолютной правительственной системѣ. Прусскіе либералы или не могли измѣнить этого обстоятельства (подобное измѣненіе всегда является дѣломъ въ высшей степени щекотливымъ, такъ какъ при этомъ задѣваются прерогативы короны), или не сообразили важнаго значенія этого обстоятельства, или же предпочли коллегіальную систему системѣ президентской.

Послѣдняя, какъ извѣстно, принята въ Англіи, хотя и тамъ она не опирается на какомъ-нибудь опредѣленіи законодательства, которое страннымъ образомъ даже игнорируетъ о существованіи какого бы то ни было *кабинета*, но развилась постепенно. Алфеусъ Тоддъ въ своемъ основательномъ и богатомъ примѣрами сочиненіи о парламентской формѣ правленія въ Англіи говоритъ: „Отношеніе премьеръ-министра къ остальному кабинету довольно своеобразно. Несмотря на то, что онъ глава кабинета и во всякомъ случаѣ самый значительный и вліятельный членъ его, онъ стоитъ на совершенно равной ногѣ со всѣми своими собратами. Въ засѣданіяхъ кабинета единственный членъ, который имѣетъ нѣкоторое превосходство надъ своими собратами—это президентъ *Privy Council*. Но такъ какъ полная отвѣтственность за правленіе лежитъ на премьеръ-министрѣ, то весьма естественно, что онъ пользуется болшимъ почетомъ и болшимъ вліаніемъ въ кабинетѣ, чѣмъ его другіе собраты. Обыкновенные вопросы могутъ быть рѣшены болшинствомъ голосовъ въ противность мнѣнію премьера. Но онъ можетъ, если захочетъ, повліять на рѣшеніе какого-нибудь вопроса въ своемъ смыслѣ и во всякомъ случаѣ съ его отставкой рушится весь кабинетъ. Если онъ никакъ не можетъ придти къ согла-

шенію съ своими собратами, то можетъ требовать, чтобы они вышли въ отставку и чтобы кабинетъ былъ распущенъ.“

Но при обсужденіи положенія премьеръ-министра не слѣдуетъ забывать одного весьма важнаго обстоятельства, а именно: король ему поручаетъ составить министерство. Алфеусъ Тоддъ говоритъ по этому случаю:

„Уже много лѣтъ, какъ стало правиломъ, чтобы политическимъ вождямъ, на которыхъ государь возлагаетъ заботу образовать кабинетъ, предоставлена была полная свобода въ выборѣ лицъ, изъ которыхъ они желаютъ, чтобы онъ состоялъ, и имена которыхъ они представляютъ государямъ на утвержденіе. Это право необходимо для процвѣтанія нашей (англійской) парламентской системы и завоевано послѣ долгой борьбы со стороны каждой изъ политическихъ партій, попеременно достигавшихъ господства. Первый коронный министръ, съ конституціонной точки зрѣнія, необходимо долженъ быть въ состояніи принять относительно парламента полную личную отвѣтственность за назначеніе каждаго члена кабинета. Но онъ только тогда въ состояніи сдѣлать это, когда ему предоставлена возможность предлагать свои совѣты коронѣ относительно выбора лицъ, которыя вмѣстѣ съ нимъ должны заниматься государственными дѣлами. За государемъ неоспоримо признается право выражать свои желанія, касательно допущенія или устраненія извѣстныхъ лицъ, совсѣмъ тѣмъ, рѣшающій голосъ при выборѣ каждаго изъ нихъ, согласно конституціонной практикѣ новѣйшаго времени, принадлежить не ему, но премьеръ-министру. Во всякомъ случаѣ здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ сферахъ, личная симпатія или антипатія государя, относительно допущенія или устраненія нѣкоторыхъ лицъ въ министерскомъ спискѣ, долгое время еще будетъ играть важную роль, но даже это самое соображеніе должно вліять на уваженіе государственныхъ интересовъ, и государь долженъ пойти на то, чтобы выбирать въ свои совѣтчики и въ государственные сановники тѣхъ лицъ, которыхъ ему укажетъ премьеръ. Также и въ случаѣ очистившейся вакансіи въ кабинетѣ, происходящей въ силу естественнаго хода событій или вслѣдствіе несогласій между отдѣльными его членами, на обязанности перваго министра лежитъ, при назначеніи лица, которое должно занять открывшееся мѣсто, принимать во вниманіе желанія короны“.

Существенно при этомъ обезпечить единство дѣйствія. Въ Пруссіи, какъ мы уже упомянули, такого единства не существуетъ. Король избираетъ своихъ министровъ, а этимъ послѣднимъ предоставляется ладить другъ съ другомъ, какъ умѣютъ. (При этомъ конечно не слѣдуетъ упускать изъ вида то главное различіе, что въ Англій однородность кабинета обезпечивается уже тѣмъ, что онъ долженъ выражать собою парламентское большинство).

Со времени подавленія революціи осенью 1848-го года, перемѣны министерствъ не были особенно многочисленны въ Пруссіи. Министерство Мантѣйфеля, которое образовалось 9-го ноября 1848-го года, существовало съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями до ноября 1858-го года. 5-го ноября этого года принцъ-регентъ созвалъ такъ называемое министерство „новой эры,“ состоявшее изъ слѣдующихъ господъ: фонъ-Бонина, фонъ-деръ-Гейдта, фонъ-Шлейница, Симонса, графа Пюклера, графа Шверина, фонъ-Бетмана-Гольвега и во главѣ котораго стоялъ генералъ принцъ Антонъ фонъ-Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ, отецъ того Леопольда, который въ 1870-мъ году подалъ предлогъ къ франко-прусской войнѣ. Министерство не было однородно, потому что изъ прежняго удержались фонъ-деръ-Гейдтъ и Симонсъ, первый въ качествѣ министра торговли, второй въ качествѣ министра юстиціи. Оба эти министра, въ качествѣ либераловъ, вмѣстѣ съ Мантѣйфелемъ, прошли сквозь огонь и воду и поэтому особенно были ненавидимы, какъ ренегаты, когда вступили въ новое министерство. Позднѣе, 5-го декабря 1859-го года, Роонъ назначенъ былъ военнымъ министромъ на мѣсто Бонина, что дало уже тогда поводъ говорить, что въ либеральномъ министерствѣ клинъ клиномъ выбиваютъ. Вслѣдствіе принятія предложенія ввести большую специализацію въ государственный бюджетъ, внесеннаго Гагеномъ (требованія въ высшей степени невиннаго, которое съ тѣхъ поръ было приведено въ исполненіе, но тогда показалось министрамъ посягательствомъ на права короны), министры подали въ отставку. Гогенцоллернъ, очень хорошій человекъ, но очень важный баринъ, вышелъ уже раньше въ отставку, наскучивъ неурядицами, съ которыми связана политическая дѣятельность; вмѣсто него президентство въ кабинетѣ принялъ на себя Ауэрсвальдъ, а мѣсто Симонса занялъ либеральный Бернутъ. Всѣ они подали въ отставку. Остались только Роонъ да фонъ-деръ-Гейдтъ. Министромъ-президентомъ избранъ былъ принцъ Гогенлоз, бывший до того времени президентомъ палаты господъ. Этотъ старый господинъ никогда не занимался политикой и небольшія рѣчи, которыя онъ по обязанности произносилъ иногда въ палатѣ господъ, бывали дотого сбивчивы, что одинъ злоязычный литераторъ поставлялъ себѣ за удовольствіе выдавать ихъ за образецъ краснорѣчія новаго министра-президента. Принцъ Гогенлоз удалился съ политической арены, напутствуемый громкимъ хохотомъ. Гейдтъ назначенъ былъ временнымъ министромъ-президентомъ, пока не смѣнилъ его Бисмаркъ, назначенный предсѣдательствующимъ въ кабинетѣ министровъ 23-го сентября 1862-го года. Самъ кабинетъ составленъ былъ изъ слѣдующихъ лицъ: Роонъ (военный министръ), графъ Липпе (министръ юстиціи), Мюллеръ (народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ) и др. Въ декабрѣ 1862-го года, графъ Эйленбургъ занялъ мѣсто министра внутреннихъ

дѣлъ и въ министерствѣ началась та ожесточенная борьба, которая извѣстна подѣ именемъ внутренняго столкновенія и въ сожалѣнію все еще ждетъ своего историка. Быть можетъ не существуетъ въ исторіи другого періода, когда бы велась такая упорная борьба за конституціонныя права и монархическія прерогативы, какъ въ 1862—1868-мъ годахъ, и событія этого періода получаютъ особенный интересъ отъ слѣдующаго обстоятельства: министерство только потому могло выдти изъ борьбы побѣдителемъ, что преслѣдовало грандіозную внѣшнюю политику, которой Пруссія не знавала со времени Фридриха-Великаго и его гениальнаго министра, графа Герцберга.

Только на *одномъ* пунктѣ сходились тогдашніе министры: на необходимости противодѣйствовать всѣмъ конституціоннымъ требованіямъ, которыя заявляла либеральная партія. Такъ какъ законодательство совершенно пріостановилось, то со стороны министровъ не требовалось никакой положительной программы, а потому одно время дѣйствительно казалось, будто у министерства одна душа и одно сердце. Совсѣмъ тѣмъ дальнзоркіе люди вскорѣ увидѣли, что это не совсѣмъ такъ. Тогда открыли „теорію двухъ душъ.“ Бисмаркъ былъ представителемъ бѣлой, либеральной души, Мюлеръ-Эйленбургъ представителемъ черной, реакціонной души въ министерствѣ. Никто не потѣшался столько надъ этой теоріей, сколько „Крестовая Газета“, и по временамъ либералы бывали настолько простодушны, что дозволяли себя запугать. Событія показали самымъ близорукимъ людямъ, что въ министерствѣ дѣйствительно царили двѣ души, и что Бисмаркъ былъ душой либеральной. Конечно, существуютъ забавные чудачки, которые требуютъ, чтобы Бисмаркъ явственно высказался за либерализмъ, чего онъ конечно никогда не сдѣлаетъ по весьма понятнымъ причинамъ. Эти самыя простаки, заяви только Бисмаркъ торжественно о своемъ *profession de foi*, сквозь пальцы глядѣли бы на то, еслибы онъ проводилъ реакціонную политику, какъ это уже бывало со многими министрами. Но проникательный наблюдатель долженъ будетъ согласиться, что Бисмаркъ чрезвычайно содѣйствовалъ либеральному ходу дѣлъ,—конечно не по личному влеченію, но подѣ давленіемъ крайнихъ обстоятельствъ.

Онъ болѣе всего содѣйствовалъ паденію старой консервативной партіи и хотя привлекалъ повсюду, особенно же на высшіе правительственные посты, людей этой партіи, но за то на ряду съ ними выступали все болѣе и болѣе чиновники, которые только администраторы, а не политики.

Положеніе фонъ-Мюлера было поколеблено уничтоженіемъ католическаго отдѣленія министерства народнаго просвѣщенія. Фонъ-Мюлеръ былъ весьма близокъ съ совѣтниками этого отдѣленія и пожертвовалъ ими. Между тѣмъ Бисмаркъ увидѣлъ ясно невыгоды,

наносимыя его политикѣ тайнымъ противодѣйствіемъ, а также непопулярностью министра народнаго просвѣщенія. Особенно на югѣ Германіи имя Мюлера было самымъ сильнымъ аргументомъ на устахъ всѣхъ противниковъ Пруссіи. Тѣмъ не менѣе, Бисмаркъ не былъ въ состояніи заставить своего товарища выйти въ отставку. Мюлеръ оставался глухъ относительно всякихъ намековъ въ этомъ направленіи, пока наконецъ не случилось нѣчто такое, что сдѣлало для него невозможнымъ дальнѣйшее продолженіе службы и вынудило его подать въ отставку, которая, по совѣту всего министерства, и была принята. Въ чемъ заключалась причина выхода Мюлера въ отставку о томъ ходятъ безчисленные рассказы; самое вѣроятное, что всѣ или большинство этихъ рассказовъ заключаютъ въ себѣ частичку правды. Надо полагать, что накопилось многое, что дѣлало положеніе министра все болѣе и болѣе шаткимъ, а вѣдь извѣстно, что одной капли достаточно, чтобы переполнить сосудъ. Я однако не намѣренъ сегодня касаться личныхъ вопросовъ. Черезъ нѣсколько недѣль будетъ возможно уже произнести свое сужденіе о новомъ министерствѣ, теперь же я намѣренъ продолжать изложеніе своихъ взглядовъ на организацію прусскаго министерства.

Когда, въ мартѣ 1867-го года, первому рейхстагу сѣверо-германскаго союза былъ предъявленъ проектъ союзной конституціи, главнѣйшимъ упрекомъ со стороны либеральной партіи было то, что въ этой конституціи не было отвѣтственныхъ министровъ. Опытъ ввести отвѣтственность министровъ былъ сдѣланъ при разсмотрѣніи 11-го параграфа проекта конституціи. Депутатъ Анфельдъ съ товарищи и Эрслебенъ съ своимъ кружкомъ предложили измѣненіе этого параграфа, вслѣдствіе котораго должно быть введено отвѣтственное министерство, и послѣ довольно оживленныхъ споровъ, въ которыхъ Бисмаркъ не принималъ участія, предложенія обоихъ депутатовъ были отклонены. Въ томъ же засѣданіи однако, при обсужденіи параграфа 17-го, было принято предложеніе Беннингсена объ отвѣтственности союзнаго канцлера. Предложеніе же Ласкера, по которому, на ряду съ союзнымъ канцлеромъ, и представители отдѣльныхъ отраслей управленія получаютъ право отвѣтственнаго контрастигированія, было отклонено. Принятіе послѣдняго измѣненія ввело бы на дѣлѣ коллегіальныхъ министровъ. Я прочелъ со вниманіемъ стенографическій отчетъ этихъ преній, именно рѣчи Бисмарка, но мало вынесъ изъ этого чтенія. Бисмаркъ указалъ на невозможность достигнуть въ союзномъ совѣтѣ постояннаго предварительнаго соглашенія прусскихъ голосовъ. Отвѣтственные начальники департаментовъ будутъ, конечно, при каждомъ случаѣ дѣйствовать на основаніи своихъ убѣжденій, между тѣмъ какъ неотвѣтственный долженъ исполнять то, что ему предписывается. Пренія были поверхностны потому, что никто не

имѣлъ яснаго понятія о томъ, въ какомъ видѣ установится управленіе союза. Мало-по-малу управленіе это организовалось, и 13-го марта 1869-го года депутаты Твестень и графъ Мюнстеръ внесли въ рейхстагъ для разрѣшенія слѣдующее предложеніе: „предложить государственному канцлеру, для дѣлъ, подлежащихъ власти государства, установить законодательнымъ порядкомъ правильный надзоръ и управленіе посредствомъ отвѣтственныхъ государственныхъ министерствъ а именно для иностранныхъ дѣлъ, финансовъ, войны, флота, торговли и сообщеній?“

Въ время преній по поводу этого предложенія, Бисмаркъ высказался съ полною искренностью. „Мм. Гг., сказалъ онъ: кто былъ министромъ, стоялъ во главѣ министерства и бывалъ вынужденъ брать рѣшенія на свою отвѣтственность, тотъ не испугается этой отвѣтственности, но испугается необходимости убѣждать семь человѣкъ въ справедливости того, чего онъ желаетъ. Это совершенно другого рода работа, чѣмъ управлять государствомъ. Всякій изъ членовъ министерства имѣетъ свои честныя, положительныя убѣжденія, и чѣмъ честнѣе и дѣльнѣе эти люди, тѣмъ труднѣе имъ связать себя. Всякій изъ нихъ окруженъ цѣлой толпой совѣтчиковъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои убѣжденія и министр-президентъ долженъ стараться, если у него есть на то время, — и я бы отъ этого не уклонился — убѣдить единственнаго совѣтника, который въ этомъ дѣлѣ имѣетъ зліяніе на его главу. Убѣдить въ чемъ-нибудь человѣка само по себѣ зесьма трудно. Удалось уговорить кого-нибудь, склонить на свою сторону личною любезностью, если такой обладаешь, и что же, — пригодится повторять тѣ же усилія семь или болѣе разъ. Я считаю — и этимъ отличаюсь отъ тѣхъ, кто говорилъ доселѣ, и твердо увѣренъ, что мой собственный опытъ можетъ подрѣшить мое мнѣніе — *коллегіальное* министерское учрежденіе во всѣхъ отношеніяхъ государственнымъ заблужденіемъ и ошибкой, отъ которой всякому государству слѣдуетъ избавиться по мѣрѣ возможности, а потому далеко отъ того, чтобы помогать перенести это ошибочное учрежденіе и въ союзъ, и даже нахожу, что Пруссія сдѣлала бы громадный успѣхъ, еслибы приняла принципъ, господствующій въ союзѣ, и ограничилась бы только однимъ отвѣтственнымъ министромъ“.

Краснорѣчіе канцлера пропало тогда даромъ, рейхстагъ принялъ предложеніе Твестена и графа Мюнстера большинствомъ 111 голосовъ противъ 100, но союзный совѣтъ не одобрилъ этого рѣшенія, причеиъ конечно онъ имѣлъ въ виду опасеніе, которое маленькія государства итали къ назначенію отвѣтственнаго министра, боясь, что это еще зильнѣе ограничить ихъ собственныя верховныя права. Слова Бисмарка произвели сильное впечатлѣніе, и потомъ были забыты среди грохота войны, но теперь любопытно припомнить ихъ. Они показываютъ

отношеніе Бисмарка къ весьма важному конституціонному вопросу. Во всякомъ случаѣ его точка зрѣнія требуетъ самой строгой проверки, главнымъ образомъ потому, что вдвойнѣ необходимая, при системѣ президентства, отвѣтственность главы министерства недостаточно твердо установлена.

Неизвѣстность рѣшенія насчетъ судьбы министра народнаго просвѣщенія затормозила дѣятельность палаты, и по всей вѣроятности проекты законовъ, изготовленные и частью даже внесенные Мюллеромъ вовсе не стануть обсуждаться. Правительство желаетъ расширить сферу областной дѣятельности, и большинство палаты депутатовъ, а именно умѣренно-либеральная партія, раздѣляетъ это желаніе, вѣроятно потому что видитъ, что именно теперь пройдетъ законъ, который соотвѣтствуетъ желаніямъ и взглядамъ умѣренной партіи. Здѣсь мы снова сталкиваемся лицомъ къ лицу съ великою задачей, о которой каждый толкуетъ, въ которой каждый видитъ настоятельную потребность и которая, однако, до сихъ поръ весьма мало ушла впередъ, — съ вопросомъ о *самоуправленіи*. Среди безчисленныхъ голосовъ, которые судятъ и рѣдятъ за это послѣднее время объ этомъ вопросѣ, особеннаго вниманія заслуживаетъ одна брошюра профессора Телькампа¹⁾. Телькампъ образованный человѣкъ и практикъ, даромъ, что нѣмецкій профессоръ. Въ 1835-мъ году онъ былъ доцентомъ въ Гёттингенѣ и оставивъ кафедру и отечество, вслѣдствіе паденія ганноверской конституціи, отправился путешествовать съ ученой цѣлью въ Сѣверную Америку; но въ томъ же году принялъ профессуру въ *Union College*, а позднѣе въ *Columbia-College* въ Нью-Йоркѣ. Состоя профессоромъ въ послѣднемъ заведеніи, онъ совершилъ поѣздку въ Англию и Германію и союзные штаты, и въ 1846-мъ году вернулся въ Германію, гдѣ получилъ профессуру въ Бреславлѣ, и объѣздилъ Англию, Францію и Бельгію. Хотя сочиненіе его и нельзя назвать гениальнымъ, но оно отличается ясностью мысли, здравымъ смысломъ, богатымъ опытомъ. Онъ превосходно изучилъ самоуправленіе тамъ, гдѣ оно существуетъ въ настоящее время въ самомъ обширномъ и въ самомъ чистомъ видѣ, въ Англии и въ Сѣверной Америкѣ; между тѣмъ какъ въ Германіи, — откуда оно получило начало и было германскимъ народнымъ учрежденіемъ, — оно уступило мѣсто бюрократіи, основанной частью по французскому образцу. Съ 1808-го года оно тѣмъ не менѣе существуетъ въ городахъ, и народъ доказалъ, что способенъ къ самоуправленію. Телькампъ признаетъ за аксіому, что въ народѣ должна быть извѣстная закваска, необходимая для самоуправленія. Романскіе народы тяготеютъ къ безусловному един-

¹⁾ *Selbsterwaltung und Reform der Gemeinde und Kreisordnungen in Preussen und Self-government in England und Nordamerika*. Berlin, 1872. Julius Springer.

ству, военной субординаціи, церковной іерархіи и бюрократической централизаціи, помимо всякаго самоуправленія, потому что они люди страстные, любящіе наслажденія и честолюбивые, а потому менѣе способны, чѣмъ германскіе народы, управлять самими собой и соединить свободу съ порядкомъ: самоуправленіе требуетъ самообладанія. Въ Англии отъ государства требуютъ только, чтобы оно обезпечивало права каждаго, а затѣмъ оставляютъ за собой свободу дѣйствія, посредствомъ самоуправления. Поэтому тамъ исполнительная власть раздѣлена между короной и народомъ; во Франціи же она всегда исключительно сосредоточивается въ рукахъ существующаго правленія, отличающагося мягкой формой, но автократической манерой централизующаго управленія. Вольности, болѣе любезныя имъ, входятъ въ разрядъ тѣхъ, которыя носятъ политическій характеръ: выборное право, право сходовъ, свобода печати и ораторской рѣчи,—тѣ вольности, которыя льстятъ ихъ тщеславію и честолюбію, которыя носятъ на себѣ характеръ правительственной власти и дозволяютъ низвергать облеченныхъ властью министровъ и дѣлить ихъ почести и преимущества. Поэтому централизующее бюрократическое управленіе пережило тамъ всѣ перемѣны правленій и конституцій. Побѣдоносное правительство замѣщаетъ всѣ должности своими приверженцами и даже создаетъ новыя въ награду имъ. Политическіе вожди, которымъ не удалось пристроиться на службу, требуютъ отъ государства всякихъ концесій и привилегій для обезпеченія успѣха своихъ предпріятій и спекуляцій. Изъ этого возникла колоссальная бюрократія, централизующее, дорого стоящее учрежденіе, опирающееся на полицію и войско и по своему существу представляющее бюрократически-полицейское государство. Черезъ это создается бесполезная дѣятельность и страшное развитіе письменной процедуры, затрудняется свободное развитіе общинной жизни, развивается страсть къ занятію служебныхъ должностей и растутъ налоги. Поперемѣнно учреждавшіяся правительства во Франціи подавили посредствомъ централизующей системы управленія конституціонныя вольности, чтобы имѣть возможность дѣйствовать произвольно; вслѣдствіе этого они лишили себя поддержки со стороны народа, который, привыкнувъ къ постоянной опецѣ, не умѣлъ дѣйствовать безъ приказаній начальства, между тѣмъ какъ въ странахъ, гдѣ существуетъ самоуправленіе, народъ умѣетъ помогать самому себѣ и правительству.

Я самъ на основаніи личнаго опыта, пережитаго мною въ послѣднюю войну съ Франціей, могу подкрѣпить вѣрность этого замѣчанія. Французскій народъ по собственной инициативѣ умѣетъ только *дѣлать революціи*, для ниспроверженія существующаго правительства, но не умѣетъ оказать поддержки государству, и то, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи послѣ Седанской катастрофы, было сдѣлано

Гамбеттой при содѣйствіи имѣвшихся на лицо властей. Уваженіе къ этимъ послѣднимъ — до жандармовъ и полевыхъ сторожей включительно — развито во французской массѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ оклеветанной на этотъ счетъ Пруссіи, съ тою только разницей, что галльскій темпераментъ приводитъ иногда ко взрывамъ, незнакомымъ хладнокровному германцу.

Насколько у насъ всѣ партіи сходятся въ стремленіи къ самоуправленію доказываетъ голосъ изъ консервативнаго лагеря. Графъ Гю де-Грѣ говоритъ въ одной брошюрѣ¹⁾: „Нельзя не признать, что наше управленіе въ такой мѣрѣ тяготѣетъ надъ дѣятельностью и имуществомъ отдѣльныхъ лицъ и общинъ, какая не соотвѣтствуетъ интересу населенія къ общественнымъ дѣламъ и нашему настоящему образованію. Это вмѣшательство въ безконечное множество дѣлъ, и зачастую самыхъ пустяшныхъ, требуетъ несоразмѣрнаго напряженія силъ у нашихъ чиновниковъ. Оно невольно ведетъ къ тому, что имъ приходится довольствоваться внѣшнимъ формализмомъ, мало полезнымъ для дѣла, вслѣдствіе невозможности проникать въ самую суть вещей. Нескончаемый контроль зачастую не охраняетъ опекаемое населеніе отъ произвола, злоупотребленій и небрежности должностныхъ лицъ. Оно влечетъ за собой медленность процедуры, роняетъ въ глазахъ населенія значеніе власти даже и въ тѣхъ сферахъ, гдѣ вмѣшательство ея вполне законно. Далѣе: болѣе значительное участіе населенія въ управленіи является необходимымъ послѣдствіемъ государственной конституціи. Нельзя оспаривать у націи, которая сама себя предписываетъ законы, право приводить ихъ въ исполненіе. Здѣсь заключается самое дѣйствительное средство противъ гибельныхъ столкновеній между законодательными факторами; здѣсь же открывается самый вѣрный путь освободить народное представительство отъ занятія мѣстными, частными вопросами, которое въ настоящее время, въ ущербъ ихъ настоящей задачи, тяготѣетъ надъ ними. Наконецъ, правильно организованное самоуправленіе самымъ благотѣльнымъ образомъ вліяетъ на населеніе. Постоянное и дѣятельное участіе въ управленіи различными отраслями общественной жизни является школой общественного служенія, и плоды этого изученія полезны всѣмъ членамъ государственнаго тѣла. Оно облагораживаетъ и является самымъ могущественнымъ рычагомъ для развитія гражданскихъ чувствъ и сознанія своихъ правъ. Оно принуждаетъ отдѣльныхъ лицъ вмѣшиваться въ общинныя учрежденія и усиливая интересъ къ нимъ, побуждаетъ охотнѣе принимать на себя обязательства, связанные съ ними. Оно дѣлаетъ то, что всякое учрежденіе находитъ свою опору въ со-

¹⁾ *Gr. Hue de Grais, Reorganisation der innere Verwaltung Preussens auf Grundlage der Selbstverwaltung. Berlin. 1871. Jul. Springer.*

знаніи, существующемъ у гражданъ, о его необходимости и частныхъ лица являются, такимъ образомъ, настоящими столпами всего государственнаго зданія. Государство, жиламъ котораго сообщается живительное дѣйствіе, получаетъ прочное основаніе, внутреннюю связь. Оно воспитываетъ населеніе въ духѣ свободы и порядка и даетъ самое вѣрное ручательство въ томъ, что необузданному своеволію никогда не удастся низвергнуть существующій порядокъ; поэтому оно останется всеильнымъ, опираясь на свѣи внутреннія силы и при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ французское полицейское государство безильно рушится“.

Вотъ что говорятъ наши консерваторы. Но само собой разумѣется, что если всѣ партіи сходятся въ похвалахъ самоуправленію, то расходятся въ способахъ его примѣненія.

Для того, чтобы иностранные читатели могли судить о современномъ положеніи этого вопроса, необходимо сдѣлать краткій его историческій очеркъ.

До 1807 года окружныя собранія (называвшіяся тогда окружными конвентами) состояли исключительно изъ дворянъ-владѣльцевъ рыцарскихъ помѣстій, по старинному окружному дѣленію. Ландрать былъ представителемъ и управителемъ общинныхъ дѣлъ; онъ былъ избираемъ дворянами-владѣльцами рыцарскихъ помѣстій изъ своей среды. Должность эта носила чисто представительный характеръ; ландратъ, выборный округа былъ представителемъ членовъ окружнаго конвента и на него возложено было взиманіе и уплата налоговъ, вотируемыхъ окружными штатами, и другія мѣстныя дѣла. Это учрежденіе, существовавшее первоначально въ Бранденбургѣ, мало-по-малу распространилось и въ другихъ областяхъ, присоединенныхъ къ Бранденбургско-Прусскому государству. Со времени тридцатилѣтней войны государи возложили на представителей округа (т.-е. на ландратовъ), кромѣ дѣлъ входящихъ въ кругъ ихъ мѣстной дѣятельности, также исполненіе *государственныхъ* дѣлъ: полицейскую власть въ округѣ и наборъ рекрутовъ въ войско. Къ концу XVIII-го столѣтія они отправляли полицейскую обязанность, взимали прямыя государственныя налоги, надзирали за общинами, за помѣстьями своего округа, заботились о развитіи земледѣлія, словомъ, наблюдали за всѣми сельскохозяйственными интересами. О представительствѣ со стороны сельскихъ общинъ не было въ тѣхъ окружныхъ конвентахъ и рѣчи, потому что свободное первоначально населеніе мало-по-малу съ теченіемъ времени превратилось въ крѣпостныхъ. Города съ ихъ должностными лицами не принадлежали къ окружнымъ сословіямъ и слѣдовательно не подлежали вѣдѣнію ландратовъ. Законодательная реформа 1807 года призвала перемѣну въ старинномъ устройствѣ, которая вполнѣ коснулась городовъ, вслѣдствіе городскихъ учреждений, но для селъ осталась почти нечувствительной. Первоначальныя либе-

ральныя законоположенія того времени мало-по-малу улетучивались при дальнѣйшемъ примѣненіи ихъ на практикѣ и на дѣлѣ не оказалось ни равномѣрнаго окружнаго, ни коммунальнаго учрежденія. Между тѣмъ положеніе ландрата измѣнилось, хотя конечно въ ущербъ самоуправленію, потому что его должность утратила свой выборный характеръ и превратилась въ простой правительственный органъ. Въ промежутокъ между 1825 и 1828 гг. въ восьми провинціяхъ были введены окружныя учрежденія, но каждое изъ нихъ носило свой собственный отличительный характеръ. Отличія, существовавшія между ними, были конечно весьма незначительны, но въ Пруссіи господствуетъ неописанная любовь къ таеъ-называемымъ „своеобразнымъ правамъ“, которая составляетъ большое препятствіе къ уравниванію законодательства.

Окружныя представительства страдаютъ общимъ недостаткомъ: громадной несоразмѣрностью между представительствомъ трехъ сословій (владѣльцевъ рыцарскихъ помѣстьевъ, городскихъ общинъ и крестьянства), которая давила все тяжелѣе, по мѣрѣ расширенія дѣятельности окружныхъ сословій, въ особенности при сооруженіи шоссе и дорогъ въ округѣ, распредѣленія окружныхъ, коммунальных повинностей и проч.

Вообще *округъ* (старая Пруссія насчитывала 327 округовъ) считается самымъ важнымъ организмомъ, а поэтому реформа въ управленіи началась съ округа, причемъ, конечно, должны измѣниться важныя пункты въ общинномъ устройствѣ. Только революція 1848 года хотѣла перевернуть все сразу и таила въ себѣ такую силу, что черезъ годъ слишкомъ послѣ ея подавленія, по рѣшенію обѣихъ палат и съ согласія правительства, 11-го марта 1850-го года, вышло общинное учрежденіе для прусскаго государства и окружное—волостное и провинціальное учрежденіе. По этому законоположенію ¹⁾ волостной совѣтъ, вводимый въ отдѣльные правительственные департаменты, долженъ былъ состоять изъ правительственнаго президента и изъ 4-хъ волостныхъ депутатовъ, избранныхъ провинціальнымъ собраніемъ и подавать свое мнѣніе насчетъ предложенныхъ президентомъ вопросовъ. Депутаты въ провинціальное собраніе должны были избираться окружными собраніями. Права у окружнаго собранія были почти тѣ же, что и у прежнихъ окружныхъ сословій. Новымъ же и самымъ кореннымъ пунктомъ реформы было образованіе *окружнаго комитета*, который избирался изъ среды окружнаго управления на шесть лѣтъ и на него возложено было управленіе окружными дѣлами, — и составъ окружнаго собранія изъ *выборныхъ* депутатовъ окружнаго сейма, причемъ эти послѣдніе должны были избираться на основаніи всеобщаго,

¹⁾ См. Lette, „Zur Reform der Kreisordnung“. Berlin, 1867 г. C. G. Lüderitz.

непосредственнаго избирательнаго права; только для пассивнаго избирательнаго права (права быть выбраннымъ) былъ назначенъ довольно высокой цевъ. Уже было приступлено ко введенію этого закона, когда въ мартъ 1851-го года разразилась съ необыкновенной силой контръ-революція, исходившая изъ первой палаты; введеніе новыхъ учреждений было приостановлено, законы упразднены и мало-по-малу все вошло въ прежнюю колею, существовавшую до 1848-го года. Слабая либеральная партія не въ силахъ была ничего поддѣлать; она могла только поддерживать мысль о реформѣ и выработала нѣсколько проектовъ законовъ, хотя безъ всякой надежды на успѣхъ. Съ 1860 года само правительство сознало необходимость реформы и энергически занялось ею по окончаніи внутренняго столкновенія, но какъ извѣстно, до сихъ поръ еще не пришло ни въ какому результату.

Въ силу нѣнѣ дѣйствующихъ постановленій каждый округъ имѣетъ два *юридическихкія* органа: онъ является *корпорацией* для всѣхъ оружныхъ, общинныхъ дѣлъ, помимо всякихъ переговоровъ съ отдѣльными общинами или частными лицами, и вмѣстѣ съ тѣмъ *государственнымъ уезднымъ управленіемъ*.

Къ чрезвычайнымъ дѣламъ округа принадлежатъ оружные институты, оружныя предприятия, какъ-то приобрѣтеніе, эксплуатація и превращеніе оружной собственности. Каждый *округъ* имѣетъ правительственный органъ, а именно—назначаемаго королемъ ландрата и, какъ органъ самоуправленія, оружное собраніе (оружный сеймъ), дѣлъ котораго заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать управленію ландрата. Оно состоитъ изъ 15—50 членовъ: владѣльцевъ рыцарскихъ помѣстьевъ, городскихъ депутатовъ и 3 депутатовъ отъ сельскихъ общинъ, избираемыхъ общинными совѣтами на шесть лѣтъ. Городскіе депутаты должны быть или изъ должностныхъ лицъ или изъ выборныхъ города, сельскіе изъ *старостъ* или изъ *сельскихъ судей*.

Оружной сеймъ собирается ежегодно по приглашенію ландрата или старѣйшаго изъ оружныхъ депутатовъ, который предсѣдательствуетъ безъ права голоса. Всѣ сословныя прошенія должны быть обсуждаемы, составляемы и приводимы въ исполненіе на оружномъ сеймѣ. Рѣшенія оружнаго сейма подтверждаются правительствомъ и приводятся въ исполненіе ландратомъ.

Проектъ оружнаго учрежденія, который былъ внесенъ въ палату депутатовъ, подвергался большимъ колебаніямъ, обусловливаемымъ съ одной стороны упорствомъ консервативной партіи и стремленіями либераловъ, которые надѣялись придти къ соглашенію. Въ основаніи учрежденія является *окружный комитетъ*, избираемый изъ среды оружнаго сейма и долженствующій управлять дѣлами округа сообща съ ландратомъ въ такомъ родѣ, въ какомъ дѣйствуютъ въ городскихъ магистратахъ члены изъ юристовъ и члены изъ бюргеровъ. Далѣе

особая статья (4-я) проекта опредѣляла, что связанная съ владѣніем помѣстья полицейская власть упраздняется и что отправленіе правосудія отнынѣ отходить къ числу *королевскихъ должностей*. Отноительно полицейскаго управленія и другихъ общественныхъ дѣлъ, каждый округъ, за исключеніемъ городовъ, долженъ былъ быть раздѣленъ на *волости*, долженствовавшія насчитывать отъ 2,000 — 10,000 жителей. Согласно общему правилу волость должна состоять изъ нѣсколькихъ сельскихъ общинъ и самостоятельныхъ помѣстьевъ, или (согласно мѣстнымъ условіямъ) только изъ однихъ сельскихъ общинъ или изъ однихъ помѣстьевъ. Въ волости полицейская должность отправляется отъ имени короля должностнымъ лицомъ, называемымъ *волостнымъ старшиной* (*Amtshauptmann*) (это названіе впервые появилось при великихъ курфюрстахъ, но потомъ вышло изъ употребленія). Волостной старшина назначается королемъ, срокъ службы его 3-хъ-лѣтній и онъ приноситъ присягу. Въ кругъ его служебныхъ обязанностей входятъ: 1-е, полиція, какъ во всей волости вообще, такъ и въ принадлежащихъ къ ней общинахъ и помѣстьяхъ въ частности, причемъ спеціальныя его обязанности слѣдующія: наблюдать за общественной безопасностью, за бѣдными, за дорогами, водяными путями, полями, рыбными ловлями, ремеслами, постройками; 2-е, непосредственный надзоръ за общинными дѣлами въ общинахъ, входящихъ въ составъ волости; 3-е, рѣшеніе спорныхъ вопросовъ, возникающихъ по нѣкоторымъ дѣламъ; 4-е, право заключать въ рабочіе дома лѣнвыхъ и бродягъ; 5-е, раздача патентовъ на содержаніе трактировъ и питейныхъ домовъ; 6-е, временное рѣшеніе по спорнымъ дѣламъ, возникающимъ между самостоятельными хозяевами-ремесленниками и ихъ подмастерьями и т. д. Волостной старшина имѣетъ право получать вознагражденіе за расходы по должности. *Ландратъ* (высшее должностное лицо въ округѣ) точно также назначается королемъ. Онъ въ качествѣ правительственнаго органа, ведетъ дѣла по всеобщему земскому управленію въ округѣ и руководитъ, въ качествѣ предсѣдателемъ окружнаго сейма, окружнаго комитета и окружныхъ комиссій, общиннымъ управленіемъ.

Окружное собраніе (окружной сеймъ) состоитъ изъ округовъ, насчитывающихъ 25,000 жителей и менѣе; на 25,000 членовъ, въ округахъ, насчитывающихъ отъ 25,000—100,000 жителей приходится на каждые 5,000, а въ округахъ въ слишкомъ 100,000 на каждые дальнѣйшіе 10,000 по 1 депутату ¹⁾).

¹⁾ Въ 8-ми старинныхъ провинціяхъ только 9 округовъ насчитываютъ болѣе 100,000 жителей и только 17 пространствомъ превосходятъ 80 квадратныхъ миль; 24 округа насчитываютъ менѣе 80,000 жителей и 98 по пространству не превышаютъ 10 квадратныхъ миль.

Для выбора депутатовъ въ окружной сеймъ образуются три избирательныхъ кружка: 1-е, кружокъ крупныхъ землевладѣльцевъ; 2-е, кружокъ сельскихъ общинъ; 3-е, городовъ. Въ тѣхъ округахъ, гдѣ есть такіе крупные землевладѣльцы, которые платятъ поземельнаго налога въ общей сложности не менѣе 6,000 талеровъ, они образуютъ *четвертый* кружокъ. Между этими кружками распредѣляется число избираемыхъ окружныхъ депутатовъ, которые затѣмъ пользуются равными правами въ окружномъ сеймѣ. *Города*, насчитывающіе 30,000 жителей, образуютъ *городской округъ* и въ главныхъ чертахъ сохраняютъ свое теперешнее управленіе.

Три пункта въ этомъ проектѣ послужили предметомъ особенно жаркихъ споровъ между правительствомъ и депутатами: *назначеніе* волостного старшины королемъ (причемъ либеральная партія желала, чтобы онъ былъ *выборнымъ*), составъ окружнаго комитета (который согласно проекту долженъ былъ состоять изъ ландрата, 3-хъ выборныхъ окружныхъ сеймомъ, 3-хъ городскихъ выборныхъ изъ должностныхъ лицъ и бургомистровъ) и величина волости.

Волостной старшина является, въ подражаніе англійскому мировому судѣ, который также назначается королемъ, независимымъ джентльменомъ, который считаетъ себя вознагражденнымъ за обязательства, неразлучныя съ его должностью, почестями, связанными съ ней. Онъ не подчиненъ, подобно чиновникамъ континента, дисциплинарной власти министра, но получаетъ свое полномочіе отъ равныхъ себѣ и въ случаѣ нужды можетъ быть ими општрафованъ; но онъ независимъ также и относительно низшихъ, потому что управляетъ на основаніи королевскаго назначенія и несмѣняемъ.

За эту мысль ухватились какъ либералы, такъ и консерваторы. Первые желали выборнаго волостного старшину, консерваторы желали по крайней мѣрѣ для крупныхъ землевладѣльцевъ создать исключительное положеніе, чтобы не дать исчезнуть безслѣдно помѣщичьей власти, этому обломку старыхъ феодальныхъ порядковъ.

Новый проектъ, внесенный теперь въ палату депутатовъ, въ однихъ пунктахъ удовлетворяетъ желаніямъ либераловъ, въ другихъ—консерваторовъ. Волостные старшины упразднены, ихъ мѣсто замѣняютъ волостные представители, обязанности которыхъ въ главномъ почти тѣ же самыя, но которые назначаются не королемъ, но провинціальнымъ оберъ-президентомъ. Волости уменьшены, такъ что даже волости, состоящія изъ помѣстьевъ и могущія собственными силами устроить полицейское управленіе, признаются отдѣльными волостями. Наконецъ члены окружнаго комитета выбираются абсолютнымъ большинствомъ голосовъ изъ среды депутатовъ окружнаго собранія.

Взгляды на характеръ этихъ измѣненій весьма различны. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, профессоръ Гнейстъ высказался въ пользу

назначенія (не избранія) должностныхъ лицъ, дѣйствующихъ при самоуправленіи и привлекая много приверженцевъ. Уменьшеніе волостей по пространству встрѣчено благоприятно, потому что, очевидно, челоуѣку, управляющему волостью безвозмездно, нельзя навязывать слишкомъ обширныхъ дѣлъ; но затѣмъ возникаетъ вопросъ: можно ли найти достаточное число людей, пригодныхъ для этой должности? Другимъ спорнымъ пунктомъ является слѣдующій: палата депутатовъ требовала въ 1869-мъ году, чтобы города, насчитывающіе 20,000 жителей, образовали отдѣльный городской округъ; современный проектъ даетъ это право только городамъ, насчитывающимъ 30,000 жителей. Но неоспоримое преимущество настоящаго проекта заключается въ томъ, что между тѣмъ, какъ въ проектѣ 1869-го года апелляціонными инстанціями противъ постановленій и распоряженій комитета назначаемы были провинціальныя правленія, теперь этими инстанціями должны служить депутаціи, состоящія не изъ однихъ только чиновниковъ, но изъ выборныхъ депутатовъ для завѣдыванія туземными дѣлами.

Въ настоящую минуту нельзя произнести окончательнаго приговора о судьбѣ, ожидающей проектъ закона. Одно только можно сказать: если онъ будетъ принятъ, то послужитъ компромиссомъ между либеральными требованіями новѣйшаго времени и понятіями консерваторовъ, которые все еще оказываютъ вліяніе на законодательство, хотя оно и превосходитъ ихъ фактическое, какъ и нравственное значеніе. Основнымъ условіемъ для истиннаго самоуправления, которое въ Германіи почти не существуетъ или существуетъ въ весьма ничтожныхъ размѣрахъ, между тѣмъ какъ въ Англіи развито вполне, есть отвѣтственность всѣхъ должностныхъ лицъ передъ закономъ. Софисты въ Германіи утверждаютъ, что въ такомъ случаѣ суды будутъ облечены верховной властью, но, какъ справедливо замѣчаетъ г. Телькампфъ, верховной властью въ такомъ случаѣ будутъ облечены не суды, а законы. Первоначально самоуправленіе существуетъ тамъ, гдѣ нѣтъ цѣлесообразно организованнаго государственнаго управленія, а при современномъ европейскомъ устройствѣ господствующій принципъ *раздѣленія труда* составляетъ противовѣсъ самоуправленію. Каждый челоуѣкъ, зарабатывающій свое дневное пропитаніе, охотно предоставляетъ управленіе государственному чиновнику и уплачиваетъ за то часть его налога, такъ какъ это обходится ему дешевле непосредственнаго участія въ самоуправленіи — особенно если управленіе сколько-нибудь сносно. Поэтому, при существующихъ отношеніяхъ, самоуправленіе можетъ развиваться или, лучше сказать, снова прививаться лишь при развитіи богатства съ одной стороны и политической свободы съ другой. Самоуправленіе не имѣетъ никакого смысла, если оно не обнимаетъ всего государства. Исходя изъ общины, изъ округа, оно должно найти свое высшее выраженіе въ формѣ политическаго представительства.

ства. Тогда оно служитъ прочнымъ фундаментомъ для государства и вливаетъ въ него свѣжую жизнь.

Какъ бы ни были различны понятія различныхъ партій у насъ о самоуправленіи, какъ бы мало они ни соответствовали у нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣйствительной сущности дѣла, самый фактъ, что самоуправленіе требуется отовсюду, что никто, по крайней мѣрѣ публично, не выступаетъ противъ него, весьма утѣшительнъ, потому что доказываетъ прежде всего, что война и военная слава не отуманили народа, что онъ ревностно предается прозаическимъ задачамъ мирнаго времени и живетъ не только настоящимъ, но смотритъ и въ будущее, такъ какъ ясно для всякаго, что столь крупныя реформы для тѣхъ, кто ихъ проводить, приносятъ только трудъ и горечь, плодами же ихъ воспользуются позднѣйшія поколѣнія, черезъ многіе годы. Вообще, для меня несомнѣнно, что вопросъ, причинившій столько жаркихъ споровъ о томъ, какое вліяніе имѣла война 1870—71-го года на конституціонное и либеральное развитіе Германіи, вредное или полезное — долженъ считаться поконченнымъ: политическая свобода при этомъ выиграла. Я вовсе не желаю обобщать это положеніе и утверждать, что война всегда должна производить такое дѣйствіе. Совершенно наоборотъ. Но положеніе дѣлъ въ Пруссіи особенное; даже для самаго ограниченнаго ума должно быть ясно, что довольство новымъ положеніемъ дѣлъ, уваженіе со стороны чужихъ и частью враждебно настроенныхъ народовъ, могутъ быть достигнуты только тѣмъ, что успѣхъ въ политической свободѣ несомнѣненъ. Весьма существенное вліяніе на ходъ дѣлъ имѣетъ еще и то обстоятельство, что старая консервативная партія въ Пруссіи, по всѣмъ своимъ принципамъ и отъ всей души, не сочувствуетъ политикѣ, которой правительство держалось начиная съ 1866-го года, и что вслѣдствіе этого правительство не можетъ на нее опираться. Вліяніе этой партіи, продолжавшееся двадцать лѣтъ, съ небольшими перерывами, мѣшало развитію прогресса, такъ что Пруссія отстала отъ другихъ государствъ въ конституціонномъ отношеніи и ей предстоитъ теперь вознаградить потерянное время. Взглядъ прусскихъ государственныхъ людей расширился не только вслѣдствіе политическихъ событий, но также и вслѣдствіе значительныхъ социальныхъ перемѣнъ. Законы, передъ которыми всякая государственная власть безсильна, даютъ себя чувствовать. Такъ случилось съ процессомъ паденія денежной цѣнности. Какъ безсильно государство противъ такого процесса: ему остается только подчиняться и увеличить содержаніе чиновникамъ, чтобы спасти ихъ отъ послѣдствій паденія денежной цѣнности. Я привожу это какъ весьма рельефный примѣръ, ясно показывающій, что при быстромъ развитіи условій новѣйшаго времени всемогущество правительства, направляющая дѣятельность его во многихъ отношеніяхъ стали невозможны.

Послѣдняя перепись показала 828,000 жителей въ Берлинѣ; увеличеніе народонаселенія (выраженное въ процентахъ) было менѣе, чѣмъ въ предыдущее четырехлѣтіе. Тѣмъ не менѣе недостатокъ въ квартирахъ возрастаетъ, а за нимъ и наемная плата. Газеты рассказываютъ невѣроятныя вещи, возвышеніе платы сразу на 150 — 200 процентовъ, и наниматели бывають вынуждены подчиняться этимъ тягостнымъ требованіямъ, потому что при перемѣнѣ квартиры имъ приходится обыкновенно платить еще больше. Разростаніе Берлина имѣетъ еще и другія худыя стороны, а именно увеличеніе общественной безнравственности. Проституція увеличилась не только въ численномъ отношеніи, но ея промыселъ, уже много лѣтъ, какъ совершается съ безстыдной публичностью. Въ различное время, со стороны духовныхъ лицъ или изъ среды бюргеровъ поднимались на это жалобы, но оставались постоянно безъ всякихъ послѣдствій. Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ въ Берлинѣ все чаще и чаще встрѣчается одно явленіе, не существующее, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ. Публичныя женщины нанимають себѣ защитниковъ, молодыхъ людей, которые живутъ на ихъ счетъ, и, потрзая по уши въ развратѣ, представляютъ собою истинное отребіе общества. Не имѣя никакого занятія, кромѣ своего отвратительнаго ремесла, они находятъ развлеченіе въ скандалахъ, выманиваніи денегъ, воровствѣ, даже грабежѣ и убійствѣ. Они носятъ при себѣ ножъ, какъ оружіе на случай ссоры, и полицейская хроника полна ихъ дѣяніями. Эти люди, получившіе прозвище „Louis“, представляютъ собою дѣйствительно большое зло; нѣкоторые практическіе люди утверждаютъ, что единственный путь для искорененія этого зла состоитъ въ томъ, чтобы взять публичныхъ женщинъ подъ защиту закона, которой онѣ здѣсь не пользуются и за неимѣніемъ которой прибѣгаютъ къ наемнымъ защитникамъ. Другимъ источникомъ публичнаго разврата служить то обстоятельство, что въ Пруссіи запрещены публичные дома, а такой большой городъ какъ Берлинъ, гдѣ такая масса неженатыхъ людей, войско и иностранцы, — не монастырь. Въ прямомъ противорѣчій съ упомянутымъ запрещеніемъ находятся множество публичныхъ заведеній, распространяющихъ пороки: прежде всего великолѣпныя, ежедневно открытыя танцевальныя залы, Орфеумъ, Бальгаузъ и многіе другіе по своему великолѣпію и роскоши неимѣющіе ничего подобнаго; циркъ и нѣсколько маленькихъ театровъ, въ которыхъ разрѣшено ѣсть, пить и курить (число берлинскихъ театровъ доходить въ настоящее время до 24), служатъ мѣстами для свиданій; нѣкоторыя кондитерскія, винныя и пивныя погребки, въ особенности тѣ, гдѣ есть женская прислуга, не запираются во всю ночь; словомъ, столица германской имперіи не можетъ похвалиться избыткомъ добродѣтели.

Но съ другой стороны нельзя упускать изъ виду, что вмѣшательство власти никогда не можетъ быть размѣрено и ограничено извѣст-

нымъ предѣломъ; что если закрыть сегодня Орфеумъ, то завтра придется закрыть театры, что вообще вѣдательство власти влечетъ за собой увеличеніе полицейскаго надзора (между тѣмъ какъ постоянно хлопочутъ объ его уменьшеніи), что въ этомъ дѣлѣ замѣшаны значительные промышленные интересы, и что, наконецъ, добродѣтель не много выиграетъ отъ того, что порокъ принужденъ будетъ прятаться. Но именно либералы всего болѣе свирѣпствуютъ въ этомъ случаѣ; они требуютъ усиленія полиціи, готовы согласиться на всевозможныя уступки, не спрашивая даже никакихъ гарантій. Мнѣ вспоминаются при этомъ англійскіе пуритане, которые изъ весьма похвальныхъ и высоко нравственныхъ причинъ ввели также систему ужасающей тиранніи.

Я очень хорошо знаю, что отъ современнаго состоянія Берлина и до пуританизма еще далеко, но принципъ одинъ и тотъ же. Неоспоримо также, что либеральное законодательство, въ особенности ограниченіе свободы переселенія, отчасти если не вызвало, то сдѣлало возможнымъ настоящее положеніе. Что же могутъ возразить либералы, если ихъ поймать въ этомъ случаѣ на словѣ? Конечно, тяжело плыть противъ течения, и въ настоящемъ случаѣ требуется особенное мужество, потому что тѣ, которые не кричатъ заодно съ другими, рискуютъ быть обвиненными въ пристрастіи къ пороку; но я напиралъ на тотъ фактъ,—который въ прежнее время либералы отлично признавали и защищали,—а именно: что никакая полиція въ мірѣ не можетъ сдѣлать людей нравственными, а только вынуждаетъ порокъ дѣйствовать осмотрительнѣе. Конечно иные люди въ этомъ самомъ обстоятельствѣ уже видятъ доказательство уваженія къ добродѣтели; я же могу прировнять такого рода мѣры только къ тому, какъ если бы какой-нибудь врачъ вздумалъ вогнать внутрь высыпавшую наружу сыпь. Нравственность можетъ развиваться лишь подъ вліяніемъ хорошаго воспитанія, политической свободы, которая каждому вселяетъ чувство самоуваженія, и благодаря распространенію гражданскихъ добродѣтелей, которыя вытѣсняють порокъ изъ всѣхъ слоевъ, гдѣ онъ приходитъ въ соприкосновеніе съ честностью и семейственностью. Это тоже одна изъ задачъ самоуправленія.

Если счастливый исходъ послѣдней войны далъ сильный толчокъ финансовой, промышленной и политической жизни, то нельзя сказать того же самого про литературу и искусство. Здѣсь все развитіе распространяется такъ сказать въ ширину, а не въ глубину. Газеты притягиваютъ самыя лучшія литературныя силы. Число выходящихъ въ Берлинѣ газетъ возрасло до 22, и онѣ поглощаютъ громадную массу силъ и таланта. Даже самыя извѣстные писатели, вынужденные жить произведеніями своего пера, обращаются къ журналистикѣ. Кромѣ того на романистовъ повидимому напелъ какой-то стихъ безплодія.

къ своему отцу изъ Кёнигсберга и Москвы, какъ они ни официальные, однакожъ ужъ по нимъ отчасти можно судить о свойствахъ Екатерины. Отецъ ея, очевидно, безпокоился тѣмъ обстоятельствомъ, что дочь его должна переимѣнить вѣру; Екатерина утѣшаетъ его и клянется, что сѣмена лютеранской религіи останутся въ душѣ ея, что хотя обряды лютеранской и греческой церквей „очень различны, но церковь видитъ себя вынужденною къ тому во вниманіе къ грубости народа“; мѣсяца черезъ три она ужъ писала, что „не находить никакой разности между вѣрами греческою и лютеранскою.“ Изъ писемъ матери ея, мы видимъ, что Екатерина съ первыхъ же шаговъ своихъ при русскомъ дворѣ умѣла поставить себя очень выгодно для себя; здѣсь мы должны замѣтить, что между 1744-мъ и 1756-мъ годомъ лежитъ почти ничѣмъ не наполненная пропасть, т.-е. за эти годы въ государственномъ архивѣ, вѣроятно, не нашлось ничего достойнаго занять мѣсто въ „Сборникѣ“. Съ 1756-го года начинаются болѣе или менѣе важные документы: Екатерина занимаетъ деньги у иностранныхъ банкировъ, переписывается тайкомъ съ Елагиннымъ, который былъ арестованъ въ 1758-мъ году, вмѣстѣ съ графомъ А. Бестужевымъ-Рюминимъ; письма эти обнаруживаютъ, что Екатерина находилась съ графомъ Бестужевымъ-Рюминимъ и Елагинимъ въ близкой приязни; лица, о которыхъ упоминается въ письмахъ, скрыты подъ псевдонимами Золотого Человѣка, Недвижнаго, Нетерпѣливаго Человѣка (Поятовскаго): „Нетерпѣливый человѣкъ уѣхалъ уже мѣсяцъ тому назадъ, и скука и горестъ моя велика“; въ другомъ письмѣ; „я къ Нетерпѣливому человѣку пошлю письмо ваше, которое его безъ сумнѣнія обрадуетъ. По сихъ поръ весь трудъ къ его обороту былъ все, но, не теряючи надежды и оказая, я никогда не перестану о немъ трудиться и, покажѣсть духъ во мнѣ, буду помнить его“. Затѣмъ идутъ собственныя замѣтки Екатерины, писанныя въ разное время, начиная съ 1758-го года, почти до времени вступленія своего на престолъ. Въ этихъ замѣткахъ прежде всего видна начитанность Екатерины, потомъ въ нихъ сквозитъ идея о царствованіи; умъ ея занимаютъ государственные вопросы и она думаетъ о самостоятельномъ ихъ разрѣшеніи; читая это, можно подумать, что Екатерина исподоволь приготавливала себѣ тронъ, и ея вступленіе на него — было плодомъ долговременной работы; дѣятельный умъ, чувство своего превосходства надъ всѣмъ окружающимъ, традиціи, говорившія въ пользу царствованія женщины — все это могло только подталкивать къ достиженію цѣли, и она какъ будто дальновидно готовила себѣ друзей и укрѣпляла умъ свой чтеніемъ. Нѣкоторымъ мыслямъ, набросаннымъ въ въ этихъ замѣткахъ, она оставалась вѣрна цѣлую жизнь, напр., „великой склонности чтить древніе роды“: „государи кажутся болѣе великими по мѣрѣ того, какъ природные знатные и приближенные

благоденствуютъ въ отношеніи богатства“; другія указываютъ на практическое направленіе ума ея, какъ, напр., мысль о томъ, что надо „принуждать нехристіанъ - инородцевъ принимать нашу вѣру: многоженство болѣе полезно для умноженія населенія“; третьи, наконецъ, характеризуютъ лишь теоретическія воззрѣнія великой княгини, какъ результатъ ея чтеній и знакомства съ философскою литературою того времени; для характеристики практики ея царствованія эти мысли почти ничего не даютъ, такъ какъ она ихъ не примѣняла къ дѣлу, а иногда поступала совершенно наоборотъ тому, что усвоила себѣ въ это время. Такъ, она мечтала о необходимости освободить крестьянъ и придумала даже способъ для того: „постановить, что отнынѣ при продажѣ имѣнія, съ той минуты, когда новый владѣлецъ приобретаетъ его, всѣ крѣпостные этого имѣнія объявляются свободными. Такимъ образомъ, въ сто лѣтъ большая часть имѣній перемѣнитъ господъ и вотъ народъ освобожденъ.“ Практическаго значенія эта мысль, конечно, не имѣетъ; но для характеристики личныхъ свойствъ Екатерины важно это замѣчаніе о крѣпостномъ правѣ, которое она такъ усилила, можно сказать даже, утвердила въ нашемъ отечествѣ. „Миръ необходимъ этой обширной имперіи: мы нуждаемся въ населеніи, а не въ опустошеніяхъ: заставьте, если это возможно, кишмя кишить народъ въ нашихъ пространныхъ пустыняхъ.“ Мысль очень мѣткая, свидѣтельствующая о зрѣломъ умѣ Екатерины, но она менѣе всего ей слѣдовала. Выписываемъ еще нѣсколько ея мыслей, чисто теоретическаго свойства, приложенія которыхъ къ практикѣ мы не видимъ вовсе, или видимъ только отчасти, во время ея царствованія:

„Свобода, душа всего на свѣтѣ, безъ тебя все мертво. Хочу повиновенія законамъ, но не рабовъ; хочу общей цѣли — сдѣлать счастливыми, но вовсе не своенравія, ни чудачества, ни жестокости, которыя не совмѣстны съ нею“. „Власть безъ довѣренности народа ничего не значить. Легко достигнуть любви и славы тому, кто этого желаетъ: примите въ основу вашихъ дѣйствій, вашихъ постановленій благо народа и справедливость, никогда неразлучныхъ. У васъ нѣтъ и не должно быть другихъ видовъ. Если душа ваша благородна — вотъ цѣль ея.“

„Виданъ ли болѣе варварскій и достойный турковъ способъ дѣйствовать какъ тотъ, который заключается сначала въ наказаніи, а потомъ въ производствѣ слѣдствія? Если вы найдете человѣка виновнымъ, что вы сдѣлаете? Онъ уже наказанъ, и развѣ вы будете столь жестоки, чтобъ наказать его дважды? А если онъ невиненъ, чѣмъ оправите вы несправедливость его арестованія, лишенія всѣхъ почестей, званій и проч., хотя онъ не былъ ни въ чемъ виновенъ. Вы сдѣлаетесь презрительными, поступая такъ легкомысленно.“

„Нѣтъ ничего болѣе ненавистнаго для меня, какъ конфискаціи имѣній виновныхъ, потому что кто можетъ отнимать у дѣтей такого лица наслѣдство, достигающееся имъ отъ самого Бога?“

„Не знаю, но мнѣ кажется, что у меня во всю мою жизнь будетъ отвращеніе къ назначенію чрезвычайной комиссіи для сужденія виновнаго, особенно когда эта комиссія должна оставаться негласною. Зачѣмъ не допускать до судовъ дѣла, относящіяся до ихъ вѣдѣній? Быть истцомъ и назначать еще судей — это значить выказывать опасеніе имѣть противъ себя справедливость и законы.“

„Самое неудобное дѣло, это — составленіе новаго закона; въ такомъ случаѣ не будутъ излишни никакія размышленія и обдуманность. Единственное (?) средство чтобъ узнать хорошую сторону того, что вы хотите постановить, заключается въ распространеніи слуха о томъ на рынкахъ и потомъ приказаніе точно доносить вамъ, какіе возбудитъ это тамъ толки.“ (Эту обязанность еще при Екатеринѣ начала принимать на себя печать....).

„Не будетъ болѣе опасности отпускать въ путешествіе нашихъ молодыхъ людей (бѣгства которыхъ часто опасаются), когда имъ будетъ сдѣлано *любезнымъ* (aimable) (курсивъ въ подл.) ихъ отечество. Я подразумеваю великій смыслъ въ этомъ словѣ. Государство во всякое время не потеряетъ много отъ утраты двухъ или трехъ головъ, конечно отуманенныхъ. Когда бы отечество было таковымъ, какимъ бы я желала видѣть его, то мы бы болѣе имѣли новообращенныхъ, чѣмъ перебѣжчиковъ.... Снисходительность, примирительный духъ властителя сдѣлають болѣе, чѣмъ миллионы законовъ, а политическая свобода дастъ душу всему. *Часто лучше вдохновлять къ преобразованіямъ, чѣмъ приказывать о нихъ*“ (курсъ въ подл.)

Мысли эти столь превосходны, что подъ ними подпишутся образованнѣйшіе люди настоящаго времени; но еслибы кто-нибудь выставилъ ихъ эпиграфомъ къ исторіи Екатерины — то было бы величайшее лестство этой государынѣ: заслуги ея, въ другихъ отношеніяхъ, настолько значительны, что преувеличивать ихъ, на что у насъ много охотниковъ, нѣтъ никакой надобности. Въ Екатеринѣ очень различаются между собою два лица — теоретикъ и практикъ. Какъ теоретикъ, она стояла цѣлою головою выше своихъ современниковъ, какъ практикъ — она часто впадала въ такія же ошибки, въ какія впадали правители самые ординарные; она слѣдовала иногда рутиннымъ приемамъ, увѣковѣченнымъ съ отдаленныхъ временъ исторіи, съ такою же вѣстойчивостью, какъ и ея предшественники. Но эта теоретическая сторона въ Екатеринѣ, ея развитой, философскій умъ плѣнялъ и современниковъ, плѣняетъ и потомство въ такой мѣрѣ, что реальная сторона ея царствованія часто остается въ тѣни, или, по крайней мѣрѣ, обливадается этимъ лучезарнымъ свѣтомъ ея необыкновеннаго ума и

покупаает историка, смягчая его краски и приговоры. Не будь она на престолѣ, она составила бы себѣ славу чрезвычайно привлекательной и въ высокой степени даровитой женщины.

Вступивъ на престолъ „желаніемъ всего народа, а паче божіимъ всемогущимъ вспоможеніемъ“, какъ говоритъ она въ указѣ къ командиру въ арміи, графу Чернышову, Екатерина издала извѣстный указъ отъ 29-го іюня 1762-го года; впоследствии, по приказанію имп. Павла, выданный изъ печатныхъ указныхъ книгъ, онъ не помѣщенъ и въ „Сборникѣ“, хотя подлинникъ его хранится въ государственномъ архивѣ. Причины непомѣщенія его не объяснены, и сказано только, что въ послѣдній разъ онъ напечатанъ въ „Осемнадцатомъ Вѣкѣ“, Т. IV, и что онъ только подписанъ Екатериною, а писанъ неизвѣстною рукою; вообще время вступленія на престолъ Екатерины крайне бѣдно въ „Сборникѣ“, документами: нѣсколько коротенькихъ писемъ Екатерины къ разнымъ лицамъ съ увѣдомленіемъ о своемъ вступленіи и больше ничего. Но затѣмъ „Сборникъ“ становится богаче. Первымъ дѣломъ Екатерины, какъ извѣстно, была мысль о награжденіи всѣхъ тѣхъ, кто способствовалъ ей занять престолъ послѣ Петра III-го. Она выказала большую щедрость, въ особенности относительно раздачи крестьянъ: изъ собственноручнаго ея росписанія о наградахъ видно, что она назначила наиболѣе усерднымъ своимъ приверженцамъ 24,000 душъ крестьянъ, причемъ четырнадцати человѣкамъ опредѣлено было дать по тысячѣ душъ. Кромѣ того, смѣта денежныхъ наградъ простиралась до 850-ти тысячъ рублей, въ томъ числѣ 25 тысячъ ежегодныхъ пенсій, не считая 47-ми тысячъ, назначенныхъ Орловымъ. Въ манифестѣ о наградахъ число душъ было уменьшено до 17,500. Мы не говоримъ о наградахъ чинами и орденами и о наградахъ деньгами и душами, произведенными нѣкоторое время спустя, ибо, какъ видно изъ „Сборника“, люди, содѣйствовавшіе Екатеринѣ вступить на престолъ, очень часто утруждали ее воспоминаніями о своихъ заслугахъ и просьбами о награжденіяхъ и пособияхъ. Подобныхъ документовъ очень достаточно въ „Сборникѣ“, какъ и вообще приказовъ о выдачѣ денегъ разнымъ лицамъ; но, разумѣется, Екатерина не удовлетворяла всѣ обращенія къ ней просьбы, и иногда приказывала сказать просителямъ, что въ казначействѣ нѣтъ денегъ. Елисавета Воронцова, очевидно, безпокоила императрицу особенно, и она принимала всѣ мѣры къ тому, чтобъ успокоить ее и предупредить какую-нибудь выходку съ ея стороны. Такъ она писала къ И. Елагину: „Перфильевичъ, связывалъ ли ты кому изъ Лизаветиныхъ родственниковъ, чтобъ она во дворецъ не размахнулась, а то боюсь къ общему соблазну завтра прилетитъ“. Вслѣдъ затѣмъ она приказываетъ ей жить въ Москвѣ и покупаетъ ей тамъ домъ. Нечего и говорить, что рядомъ съ распоряженіями, касающимися

личныхъ интересовъ государыни, идутъ распоряженія государственнаго свойства: Екатерина ничего не забываетъ и, какъ добрая хозяйка, осматривается въ новомъ хозяйствѣ и знакомится съ подробностями. Между тѣмъ льстецы не дремлютъ и между ними особеннымъ усердіемъ отличается старикъ А. Вестужевъ-Рюминъ: онъ пишетъ докладъ о поднесеніи Екатеринѣ титула матери отечества, пишетъ его 18-го сентября 1762-го года, т.-е. съ небольшимъ два мѣсяца спустя послѣ восшествія ея на престоль, когда она не имѣла даже физической возможности сдѣлать для Россіи что-нибудь выдающееся. Докладъ мотивированъ тѣмъ, что Екатерина избавила Россію отъ „разрушенія и погубленія“. Екатерина написала на докладѣ: „Видится мнѣ, что проектъ еще рано предложить; потому что растолкуютъ въ свѣтѣ за тщеславіе, а за ваше усердіе благодарствую“. Въ числѣ государственныхъ мѣръ, проектированныхъ въ первое время по вступленіи ея на престоль, заслуживаетъ вниманія проектъ Панина о раздѣленіи сената на департаменты и объ учрежденіи „императорскаго совѣта“; совѣтъ этотъ былъ задуманъ аристократическою партіей для того, чтобъ положить нѣкоторые предѣлы неограниченному правленію; Екатерина сначала было соглашалась на это учрежденіе и утвердила проектъ его, но потомъ оно оставлено было безъ послѣдствій. По всему видно, что проектъ этотъ не нравился императрицѣ, она очень хорошо понимала заднюю цѣль его, хотя она была ловко прикрыта искусною рукою Н. И. Панина; сначала Екатерина не хотѣла противорѣчить, потомъ оттягивала съ обычнымъ своимъ искусствомъ и умомъ и наконецъ заставила позабыть о немъ. Но проектъ этотъ — хорошій матеріалъ для историка. Панинъ мѣтко характеризуетъ самовластіе фаворитовъ въ предшествовавшія царствованія. Онъ вспоминаетъ, что у Петра Великаго былъ „домовый Кабинетъ, изъ котораго, кромѣ партикулярныхъ приказаній, ордеровъ и писемъ, ничего не выходило“; но вотъ Елизавета Петровна учреждаетъ у себя тоже Кабинетъ и „тогдашніе случайные и припадочные люди воспользовались симъ домашнимъ мѣстомъ для своихъ прихотей и собственныхъ видовъ.... сдѣлали въ немъ, яко въ безгласномъ и никакова образа государственнаго неимѣющемъ мѣстѣ, гнѣздо всѣмъ своимъ прихотямъ, чѣмъ оно претворилось въ самый вредный источникъ не токмо государству, но и самому государю. Вредное государству, потому что стали изъ него выходить всѣ сюрпризы и обманы, развращающіе государственное правосудіе, его уставы, его порядокъ и его пользу подъ формою именныхъ указовъ и повелѣній во всѣ мѣста; вредное самому государю, потому что и тѣ сами, кои такіа коварныя средства употребляютъ для прикрытія себя передъ публикою, особливо стараются возлагать на счетъ собственнаго государева самоизволенія все то, что они такимъ образомъ ни производили, ибо въ такомъ безгласномъ и

въ основаніи своемъ несвойственномъ правительству государственному мѣстѣ опредѣленная персона для производства дѣлъ можетъ себя считать неподверженнымъ суду и отвѣту предъ публикою, слѣдовательно свободнымъ отъ всякаго обязательства передъ государемъ и государствомъ, кромѣ исполненія“. Нѣсколько далѣе о тѣхъ же фаворитахъ: „въ наслѣдство и дѣлежъ партикулярныхъ людей безъ законовъ и причинъ мѣшались; дома печатали; у одного отнимали, другому отдавали. Между тѣмъ большіе и случайные господа предѣловъ не имѣли своимъ стремленіямъ и дальнимъ видамъ; государственные—оставались безъ призрѣнія; все было смѣшано; всѣ najważнѣйшія должности и службы претворены были въ ранги и въ награжденія любимцевъ и угодниковъ; вездѣ фаворъ и старшинство людей опредѣляло; не было выбору способности и достоинству. Каждый по произволу и по кредиту дворскихъ интригъ хваталъ и присвоивалъ себѣ государственныя дѣла, какъ кто которыми думалъ удобнѣе своего завистника истребить или съ другимъ противъ третьяго соединиться“.

Нарисовавъ мрачную картину Кабинета и своеволія фаворитовъ, которые, къ сожалѣнію, и въ екатерининское время играли видныя роли, Панинъ говоритъ: „Можетъ ли и партикулярный хозяинъ управлять своимъ домомъ, когда онъ добрымъ раздѣленіемъ своего домоводства не оставитъ прежде порядокъ? И какъ искусный фабрикантъ учредить свою фабрику, если мастеровъ *не по званію, а по любви* къ нимъ будетъ распоряжаться по станамъ разныхъ работъ? Нашъ сапожный мастеръ не мѣшаетъ подмастерью съ работникомъ и нанимаетъ каждаго по своему званію. А мнѣ, напротивъ того, случилось слышать у престола государева отъ людей, его обружающихъ, пословицу льстивую за штатское правило: была бы милость, всякаго на все станеть“.

Мы не имѣемъ возможности въ этомъ бѣгломъ обзорѣ документовъ „Сборника“ останавливаться на всѣхъ тѣхъ, которые выдаются; мы пропускаемъ многіе изъ нихъ, между прочимъ „докладъ комиссіи о правахъ и преимуществахъ русскаго дворянства, сочиненный Г. Тепловымъ и переписанный рукою Екатерины“. Мы выбираемъ лишь то, что характеризуетъ личныя свойства Екатерины и ея взгляды, да и тутъ должны соблюдать экономію ужъ потому, что настоящій томъ „Сборника“ относится лишь къ первымъ двумъ годамъ царствованія Екатерины, не составляющимъ особаго періода въ ея управленіи: принимая во вниманіе только напечатанные теперь документы, можно придти къ такимъ заключеніямъ, которыя не будутъ оправдываться послѣдующими томами „Сборника“. Мы намѣчаемъ только извѣстныя черты и отгѣнки въ характерѣ Екатерины и дальше неидемъ. Вслѣдствіе этого для насъ иногда важны документы въ нѣсколько строчекъ, какъ, напр., коротенькое письмо Екатерины къ Бестужеву-Рюмину (онъ просилъ монаршаго милосердія къ арестованному) по поводу

арестованія Арсенія Маѣвѣвича: „Я чаю ни при которомъ государѣ столько заступленія не было за оскорбителя величества, какъ нынѣ за арестованнаго синодомъ митрополита ростовскаго, и не знаю, какую я бѣ причину подала сумѣваться о моемъ милосердіи и человѣколюбіи. Прежде сего и безъ всякой церемоніи и формы по не столь еще важнымъ дѣламъ преосвященнымъ головы сѣкали, и не знаю какъ бы я могла содержать и укрѣпить тишину и благоденствіе народа (умолча о защищеніи и сохраненіи мнѣ отъ Бога данной власти), еслибъ возмутители не были бы наказаны“. Или письмо къ Панину: „Завтра будетъ перенесеніе мощей св. Димитрія...; вчерашній день еще чудеса были, женщина одна исцѣлилась, а преосвященный Свѣченой хочетъ запечатовать раку, дабы мощей не украли; однако, я пришла, дабы подлый народъ не подумалъ, что мощи отъ меня скрылись, оставить ихъ еще нѣсколько времени снаружи“. Или слѣдующій день письмо въ нему же: „Не смѣйтесь мнѣ, что я со стула вскочила, какъ получила извѣстіе о кончинѣ короля польскаго: король прусскій изво стола вскочилъ, какъ услышалъ“; и другое: „Никита Ивановичъ! поздравляю васъ съ королею, котораго мы дѣлали“, и проч. Въ виду желанія Екатерины знать мнѣнія подданныхъ о новыхъ законахъ чрезъ распространіе слуховъ объ этихъ законахъ на рынкахъ, о чемъ она мечтала будучи великой княгиней, очень характеренъ указъ ея „о молчаніи“: такъ она сама называетъ манифестъ о томъ, чтобъ въ публикѣ не разсуждали о государственныхъ дѣлахъ (Полн. Собр. Зак., т. XVI, № 11,843), въ слѣдующей запискѣ къ генералъ-прокурору Глѣбову: „Александръ Ивановичъ! Манифестъ о молчаніи будутъ ли публиковать барабаннымъ боемъ, или такъ разошлетъ“. Его публиковали, въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, съ барабаннымъ боемъ.

Также любопытенъ указъ противъ распространія въ Россіи иностранныхъ сочиненій, направленныхъ противъ религіи, нравственности и самой государыни: „Слышно, говоритъ она, что въ академіи наукъ продаютъ такія книги, которыя противъ закона, добраго нрава, насъ самихъ и російской націи, которыя во всемъ свѣтѣ запрещены (?), какъ напримѣръ: Эмилъ Руссо, Меморіи Петра III, письма жидовскія, по французскому и много подобныхъ“ и пр. Къ тому же порядку относится указъ о сожженіи чрезъ палача пасевиля на московское высшее общество (стр. 392—94) и подложнаго манифеста о томъ, что дворянство при Петрѣ Великомъ соблюдало законъ, „а нынѣ правду всю изринули, да изъ Россіи вонъ выгнали, да и слышать про насъ не хотятъ, что російскій народъ осиротѣлъ, что дѣти малыя безъ матерей осиротѣли, или онымъ дворянамъ не умирать, или имъ предъ Богомъ на судѣ не быть, еже мѣру мѣрите возмѣрится и вамъ“.

Изъ происшествій, въ особенности замѣчательныхъ въ первые два года царствованія Екатерины, надо упомянуть о намѣреніи ея выдти

замужъ за Григорія Орлова и о смерти Іоанна Антоновича. „Сборникъ“ даетъ объ этихъ дѣлахъ нѣсколько документовъ, ничего почти не прибавляющихъ къ извѣстнымъ фактамъ. Несомнѣннымъ только становится, что императрица дѣйствительно помышляла о замужествѣ съ Орловымъ и покинула эту мысль только потому, что слухъ объ этомъ возбудилъ всеобщее неудовольствіе и даже заговоръ на жизнь Григорія Орлова. Къ числу документовъ, относящихся къ Іоанну Антоновичу, мы причисляемъ и слѣдующее, безъ помѣтки числа и года и имени того лица, о комъ идетъ рѣчь. Это письмо къ Панину: „Мое мнѣніе есть чтобъ... изъ рукъ не выпускать, дабы всегда въ храненіи отъ зла остаться; только постричь нынѣ и переимѣнить училище въ не весьма близкой и въ не весьма отдаленной монастырь, особливо въ такой, гдѣ богомолья нѣтъ, и тутъ содержать подъ такимъ присмотромъ, какъ и нынѣ; еще справиться можно, нѣтъ ли посреди Муромскихъ лѣсовъ, въ Колѣ, или въ Новгородской епархіи такихъ мѣстъ“. Письмо къ Панину по поводу убіенія принца Іоанна, Екатерина начинаетъ такъ: „Н. И. Я съ великимъ удивленіемъ читала ваши репорты и всѣ дивы, происшедшія въ Шлиссельбургѣ: руководство божіе чудное и неиспытанное есть!“

Въ заключеніе нашего обзора мы обратимъ вниманіе на замѣчательную собственноручную инструкцію Екатерины генераль-прокурору Вяземскому, который назначенъ былъ ею на мѣсто Глѣбова, оказавшагося взяточникомъ; Екатерина приписываетъ испорченность Глѣбова близкому „обхожденію его съ графомъ Петромъ Шуваловымъ, въ котораго онъ рукахъ совершенно находился и наполнился принципіями, хотя и не весьма для общества полезными, но достаточно прибыльными для нихъ самихъ!“ Слѣдующія выписки читатели оцѣнятъ и какъ историческій матеріалъ и какъ мудрыя мысли государыни:

„Всѣ мѣста и самый сенатъ вышли изъ своихъ основаній разными случаями, какъ неприлежаніемъ къ дѣламъ моихъ нѣкоторыхъ предковъ, а болѣе случайныхъ при нихъ людей пристрастіями. Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ, почти все и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ, такъ что и мнѣ случалось слышать въ сенатѣ, что одной коллегіи хотѣли сдѣлать выговоръ за то только, что она свое мнѣніе осмѣлилась въ сенатъ представить, до чего однажды я тогда не допустила, но говорила господамъ присутствующимъ, что сему радоваться надлежитъ, что законъ исполняютъ. Черезъ такія гоненія нижнихъ мѣстъ они пришли въ толь великій упадокъ, что и регламентъ вовсе позабыли, которымъ повелѣвается противъ сенатскихъ указовъ, есть ли оны не въ силѣ законовъ, представлять

въ сенатъ, а напоследокъ и ко мнѣ. Работѣнство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное, и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется. Одна форма лишь канцелярская исполняется, а думать еще иные и нынѣ прямо не смѣютъ, хотя въ томъ интересъ государственный страдаетъ...

„Труднѣй вамъ всего будетъ править канцелярією сенатскою и не быть подчиненными обману. Сію мелкость яснѣе вамъ чрезъ примѣръ представлю: французскій кардиналъ де-Ришелье, сей премудрый министръ, говаривалъ, что ему меньше труда править государствомъ и Европу вводить въ свои виды, нежели править королевскою антикаморю, понеже всѣ праздноживущіе придворные ему противны были и препятствовали его большимъ видамъ своими низкими интригами. Одинъ для васъ только остается способъ, котораго Ришелье не имѣлъ, переимѣнить всѣхъ сумнительныхъ и подозрительныхъ безъ пощады.

„Малая Россія, Финляндія и Лифляндія суть провинціи, которыя правятся подтвержденными имъ привилегіями, нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бѣ было, однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше, нежели ошибка, а можно назвать съ *достоверностью глупостью*. Сіи провинціи, также и смоленскую, надлежитъ *лучайшими способами привести къ тому, чтобъ оны обрусьли и перестали бы глядѣть какъ волки къ лѣсу*. Къ тому приступъ весьма легкій, есть ли разумные люди избраны будутъ начальниками въ тѣхъ провинціяхъ; когда же въ Малороссіи гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобъ вѣкъ и имя гетмановъ исчезло, не токмо бѣ персона какая была произведена въ оное достоинство“.

Библиотека современныхъ писателей. *Иванъ Буцескій*. Николай Негоревъ или благополучный россиянинъ. 2 т. Спб. Изданіе А. Ѳ. Базунова. 1872.

Внукъ Обломова. Романъ въ двухъ частяхъ *Л. Ф. Привольскаго*. Спб. 1871.

Русскіе и иностранные современные романисты и ихъ произведенія (въ извлеченіи), составлено и издано подъ редакцію (?) *В. Радичева*. Въ трехъ частяхъ. Спб. 1871.

Романъ г. Куцескаго „Николай Негоревъ или благополучный россиянинъ“, былъ помѣщенъ въ одномъ изъ нашихъ журналовъ и первюю свою частью обратилъ на себя вниманіе читающей публики. Нѣкоторые простерли свое снисхожденіе въ новому писателю до того, что готовы были видѣть въ немъ русскаго Дикенса; по мѣрѣ того, какъ романъ развивался далѣе, по мѣрѣ того, какъ являлись послѣдующія его части, романъ все менѣе и менѣе нравился и кончился при полномъ разочарованіи читателей, которые также не въ мѣру стали

унижать новаго писателя, какъ прежде не въ мѣру его хвалили. На самомъ дѣлѣ, г. Куцевскій не Диккенсъ и не посредственность; достаточно одной первой части его романа, чтобъ признать въ немъ несомнѣнный талантъ. Избранные имъ герои являются лицами довольно тонко очерченными и выдержанными во всѣхъ мелочныхъ проявленіяхъ ихъ дѣтской природы; сцены дѣтскаго быта нарисованы иногда замѣчательно хорошо; нѣкоторый юморъ и способность схватывать яркія черты характеровъ г. Куцевскій обнаружилъ и въ описаніи взрослыхъ людей при столкновеніи ихъ съ дѣтьми, но лишь въ незначительной степени. Авторъ освоился съ этимъ міромъ настолько, что почти всѣ лица дѣтей, въ особенности дѣти, явились съ опредѣленными чертами, — и Николая Негорева, брата его Андрея, Овѣрина нельзя смѣшавать другъ съ другомъ. Особенной тонкости и глубины въ очертаніи ихъ характеровъ читатель не найдетъ, но все же это лица, которыя легко себѣ представляешь.

Романъ ведется отъ лица Николая Негорева, который и есть „благополучный россиянинъ“. Подмѣтитъ зачатки этого „благополучія“ въ ребенкѣ и послѣдовательно развить ихъ въ романѣ — задача не совсѣмъ легкая, и однако г. Куцевскій справился съ нею въ первой части своего произведенія настолько удовлетворительно, насколько можно этого требовать отъ писателя если не начинающаго (г. Куцевскій писалъ и печаталъ и прежде), то во всякомъ случаѣ таковаго, который впервые взялся за большую работу. Всѣ поступки героя достаточно убѣждаютъ васъ, что изъ него долженъ выдти человекъ солидный, съ опредѣленными взглядами и стремленіями; каковы будутъ эти взгляды и стремленія — конечно зависитъ отъ окружающей среды, отъ воспитанія. Среда эта — гимназическій пансіонъ, наполненный на подборъ уродами, начиная отъ директора и инспектора и кончая учителями. Панорама этихъ уродовъ представлена авторомъ въ грубыхъ и однообразныхъ чертахъ, съ едва замѣтными вспышками юмора; о тонкой рисовкѣ, которая встрѣчается при изображеніи дѣтскихъ характеровъ, тутъ почти и помину нѣтъ, и если есть кое-какіе намеки на нее, то они немедленно уничтожаются грубыми штрихами не безталантнаго, но мало развитаго каррикатуриста, который мажетъ, не заботясь о правдѣ, хотя правда необходима и въ каррикатурѣ. Сначала такое раздвоеніе таланта въ писателѣ, обнаруживающемъ гораздо большее умѣнье и чутье при изображеніи дѣтскихъ характеровъ, чѣмъ при изображеніи характеровъ взрослыхъ людей, кажется страннымъ, но потомъ начинаешь понимать причину этого раздвоенія, или лучше сказать слабую сторону таланта, когда и характеры дѣтей, по мѣрѣ того, какъ они мужаютъ, становятся блѣднѣе и блѣднѣе или высказываютъ нежданно — не гаданно, помимо всякихъ логическихъ соображеній, дюжинными каррикатурами на дѣйствительность.

Намъ кажется, что г. Куцевскій раздѣляетъ судьбу всѣхъ такъ-называемыхъ беллетристовъ новаго поколѣнія: они не въ состоянн возвыситься надъ разнообразнымъ міромъ житейскихъ явленій настолько, чтобъ смотрѣть на него глазами понимающаго, разумнаго художника, который видитъ внутреннюю связь явленій, вполне объясняетъ себѣ логическую ихъ послѣдовательность и способенъ оживить сырой матеріалъ и построить изъ него нѣчто цѣльное и гармоническое. Современные молодые беллетристы, въ томъ числѣ и г. Куцевскій, не обижены талантомъ, но они обижены развитіемъ. Можно назвать множество повѣстей и романовъ, гдѣ авторы рисуютъ довольно удачно дѣтскіе характеры, дѣтскія сцены, обстановку своего воспитанія, сцены изъ народной жизни, разные фотографическіе очерки, однимъ словомъ, все то, что требуетъ почти только одной памяти и нехитраго анализа, но мы затруднимся въ указаніи такихъ произведеній, которыя представили бы намъ современную жизнь взрослыхъ людей, ихъ характеры и стремленія въ формѣ мало-мальски удовлетворительной. Геніальнымъ талантамъ удастся это даже при сравнительно невысокомъ образованіи, но во всякомъ случаѣ при тщательной отдѣлкѣ произведенія; геніальное чутье помогаетъ имъ тамъ, гдѣ талантъ обыкновенный долженъ напрягать всѣ свои интеллектуальныя силы, весь запасъ своихъ наблюденій и опыта. Такимъ образомъ, одного наблюденія недостаточно, какъ недостаточно одного таланта; безъ выработки, безъ ученья, талантъ заржавѣетъ и не дастъ ничего, кромѣ очерковъ. Поэтому намъ всегда кажется страннымъ, когда наши молодые и талантливые писатели, въ оправданіе однообразія и незаконченности своихъ произведеній, говорятъ, что имъ необходимо отдохнуть на лонѣ природы, необходимо уѣхать въ деревню и пожить съ крестьянами, ихъ крестьянскою жизнью. Они только обманываютъ себя, отыскивая причину своего безсилія совсѣмъ не тамъ, гдѣ она кроется. Запасъ наблюденій у нихъ достаточенъ относительно всего того, что стоитъ ниже ихъ по развитію, къ чему они могутъ относиться вполне сознательно, но онъ недостаточенъ относительно того слоя населенія, который играетъ въ современной жизни по преимуществу интеллигентную роль. И тутъ недостаетъ этимъ писателямъ не одного наблюденія, но также знаній, того развитія, которое ставило бы ихъ въ независимое, сознательное и крѣпкое положеніе въ изображаемой средѣ; имъ недостаетъ той работы надъ собою, которая помогаетъ заключить наблюденія въ живые образы и стройныя формы. Имъ, этимъ писателямъ, по большей части съ первобытнымъ, необработаннымъ талантомъ, слишкомъ много натолковали о ихъ дарованіяхъ, о необыкновенномъ будто бы ихъ дарѣ изобразительности, о близкомъ знакомствѣ съ народомъ и типичномъ его представленіи; ихъ провозгласили какими-то путеводными звѣздами въ словесности,

открывателями новыхъ рудъ, новыхъ элементовъ въ народной жизни. Увлеченные этими восхваленіями, они запрудили литературу очерками и разсказами, черновыми набросками съ блестящими сомнительнаго юмора, ибо весь онъ вертѣлся вокругъ меньшей братіи и свалилъ зубы почти надъ первобытными дикарями. Переберите всю литературу очерковъ и разсказовъ и вы едва ли выберете изъ всей этой массы порядочный томикъ, достойный того, чтобъ перейти въ потомство. Мы того мнѣнія, что современнымъ беллетристамъ не талантовъ не хватаетъ, а умственнаго развитія, которое далеко не всегда удобозамѣнимо такъ-называемымъ художественнымъ чутьемъ. Оттого-то такъ часто случается, что одинъ и тотъ же писатель оказывается сильнымъ въ изображеніи крестьянской среды и совершенно безсильнымъ въ изображеніи среды, стоящей болѣе или менѣе высоко. Оттого-то у г. Куцевскаго такъ рѣзко выдѣляется первая часть романа и такъ слабы остальные, гдѣ съ героями дѣлаются неожиданныя превращенія, ничѣмъ не мотивированныя. Какъ въ первой части авторъ послѣдовательно развивалъ разныя стороны школьниковъ и читатель съ интересомъ слѣдилъ за всѣми перипетіями, такъ въ остальныхъ частяхъ исчезаетъ всякая послѣдовательность, всякая логика, а на мѣсто этого являются какіе-то скачки. Авторъ не знаетъ даже что дѣлать съ своими героями и чуть не на каждой страницѣ повторяетъ одно и то же: Николай Негоревъ пошелъ туда-то, встрѣтилъ тамъ того-то, тотъ-то пришелъ къ Николаю Негореву, встрѣтилъ тамъ Андрея Негорева, поговорилъ съ нимъ о пустякахъ и пошелъ съ нимъ къ Володѣ, но на дорогѣ встрѣтилъ Софью Васильевну, которая уговорила ихъ идти къ Лизѣ. Безыскусственность умиленная, быть можетъ, но мы не поклонники ея. Особенное неумѣнье обнаружилъ г. Куцевскій въ изображеніи женскихъ характеровъ: это или тѣни, или невозможныя самки, какъ Анненька, страдающія какою-нибудь женскою болѣзнью. Такіе характеры могутъ существовать только въ воображеніи, или въ домахъ умалишенныхъ, но отнюдь не въ дѣйствительности. Очевидно, г. Куцевскій незнакомъ даже съ первоначальными законами психическаго и физиологическаго развитія женскаго организма, иначе онъ не измыслилъ бы Анненьки въ томъ видѣ, какъ она у него представлена. Лучше другихъ написана Софья Васильевна, но и тутъ очень много неразвитаго и недосказаннаго. Самъ герой, отъ имени котораго ведется разсказъ, теряетъ въ этихъ частяхъ всякій интересъ, потому что авторъ совершенно теряетъ тонъ автобіографическаго разсказа, теряетъ объективность, которая довольно удачно выдержана имъ въ первой части: Николай Негоревъ, этотъ „благополучный россиянинъ“, выказывающій постоянное благоразуміе и нѣкоторый умъ, позволявшій ему хитро и тонко замазывать передъ другими неприглядныя прорѣхи своего характера, вдругъ обращается въ яростнаго обличителя своей

собственной особы, рассказывает о себѣ всевозможныя гадости, точно онъ пишетъ разсказъ для маленькой газеты, вылавливающей всевозможные скандалы. Такимъ образомъ, отъ романа остается только первая часть, да и то не вся, а лишь нѣкоторыя сцены изъ дѣтской жизни и довольно яркіе очерки дѣтскихъ характеровъ. Это немного, но это все-таки кое-что, говорящее въ пользу таланта писателя, отъ котораго, быть можетъ, дождемся и болѣе серьезнаго и зрѣлаго произведенія.

Для чего г. Привольскій написалъ „Внука Обломова“, мы не понимаемъ. Начать съ того, что Гончаровскій Обломовъ вовсе не такъ старъ, чтобъ можно было ожидать отъ него внука и главное, чтобъ этотъ внукъ могъ обратить на себя просвѣщенное вниманіе г. Привольскаго. Но если этотъ внукъ дѣйствительно родился и замѣченъ г. Привольскимъ, то ради чего на изображеніе его потрачено 291 страница большого формата? Пробѣжавъ эти страницы, мы могли вывести только такое заключеніе: „такого-то числа и года родился у Обломова внукъ, по фамиліи Лялинъ, который прожилъ нѣсколько десятковъ лѣтъ и умеръ спокойно; воспріемникомъ его отъ купели былъ г. Л. Ф. Привольскій“. Больше ничего и не надо было, по нашему мнѣнію. Мало ли родится людей? Всѣ они имѣютъ метрическія свидѣтельства, но далеко не всѣ представляютъ собою поучительное зрѣлище. Впрочемъ, судя по вѣдшимъ приемамъ, г. Привольскій желалъ устроить хитрую штуку, именно состязаніе съ г. Гончаровымъ. Въ самомъ дѣлѣ, отчего г. Привольскому не написать „Внука Обломова“, когда г. Гончаровъ написалъ „Обломова“? Для этого надо только досугъ, и ничего больше. У Обломова былъ человекъ Захаръ; у внука Обломова—Авдотьюшка, нѣчто въ родѣ Захара; по крайней мѣрѣ, она подражаетъ Захару, какъ Лялинъ, внукъ Обломова, подражаетъ Обломову. У Обломова былъ докторъ—и у Лялина есть докторъ; у Обломова была Ольга, у Лялина—Рая; у Обломова Агафья Матвѣвна, у Лялина—Феклуша. Всѣ эти лица обязаны копировать болѣе или менѣе свои прототипы, и дѣло въ шляпѣ. Такъ придумалъ г. Привольскій; онъ хорошо придумалъ, хотя изъ его думы вышла скучнѣйшая и бездарнѣйшая вещь. Но онъ ею доволенъ, и хотя внукъ Обломова, Лялинъ, умеръ, но будетъ еще правнукъ Обломова, ибо г. Привольскій заявляетъ: „читатели увидятъ своихъ знакомыхъ въ другомъ романѣ, на новой дорогѣ“. Когда г. Привольскій уморитъ правнука Обломова, явится пра-правнукъ и т. д., такая же длинная серія романовъ, какъ длинны генеалогическіе аттестаты заводскихъ лошадей. Въ добрый путь, г. Привольскій.

Что касается послѣдней обозначенной выше книги, то это безремонная спекуляція съ эпиграфомъ: „знакомство съ наиболѣе выдающимися произведеніями, какъ отечественной, такъ и иностранной бел-

летристики, составляет насущную потребность каждого образованнаго чловѣка“. Если хотите, г. Радищевъ выдумалъ еще болѣе тонкую штуку, чѣмъ г. Привольскій: онъ купилъ романы Гончарова, сочиненія Тургенева и Достоевскаго, романъ Гюго („Человѣкъ, который смѣется“) и романъ Шпилъгагена „Пионеры“, взялъ въ руки карандашъ и, пробѣгая страницы, зачеркивалъ однѣ и оставлялъ чистыми другія. При этомъ выборѣ, онъ поступалъ, какъ поступаютъ пансіонеры при чтеніи романовъ: все, что не разговоръ — пропускается и читаются одни разговоры, да и то такіе, которые не состоятъ изъ цѣлыхъ періодовъ, а лишь изъ нѣсколькихъ фразъ, то, что называется бѣглымъ разговоромъ. Сокративъ такимъ образомъ романы названныхъ писателей, т.-е. нѣсколько страницъ зачеркнувъ и нѣсколько перепечатавъ, г. Радищевъ напечаталъ ихъ въ одномъ томикѣ и сказалъ въ предисловіи: „Насколько трудъ (?) нашъ удовлетворяетъ своей задачѣ, судить, конечно, не намъ“. Мы прибавимъ только, что безцеремонное выворачиваніе чужихъ произведеній, при которомъ г. Радищевъ не отдѣляетъ того, что перефразировано, для краткости, самимъ г. Радищевымъ, и что принадлежитъ обираемымъ имъ писателямъ, къ литературнымъ дѣяніямъ не принадлежитъ и можетъ быть судимо развѣ въ другомъ какомъ-нибудь специальномъ мѣстѣ. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ г. Радищева, который беретъ, напр., „Героя нашего времени“, зачеркиваетъ въ немъ нѣсколько страницъ, а другія перепечатываетъ, и потомъ издаетъ подѣ слѣдующимъ заглавіемъ: „Герой нашего времени“, соч. Лермонтова, подѣ редакціей (!) В. Радищева“. Развѣ это литературный поступокъ?...

Изъ Жизни. Педагогическія наблюденія. И. Бѣлова. Спб. 1872.

Г. Бѣловъ принадлежитъ къ числу довольно извѣстныхъ петербургскихъ педагоговъ; онъ не разъ уже выступалъ съ своими „наблюденіями“ на литературное поприще, и довольно удачно, такъ какъ „наблюденія“ его, помимо нѣкоторыхъ недостатковъ, отличались здравымъ смысломъ и носили на себѣ печать опытности. Изданная имъ теперь книжка состоитъ изъ нѣсколькихъ статей не одинаковаго достоинства, но всѣ онѣ написаны по одному и тому же масштабу: авторъ беретъ какой-нибудь случай изъ жизни, причемъ папаша или мамаша выказали свое неразуміе относительно воспитанія дѣтей, рассказываетъ его и затѣмъ начинаетъ весьма пространно толковать, почему родители поступили неразумно. Иногда онъ себя самого вводитъ въ рассказъ о семьѣ, неимѣющей понятія о воспитаніи, въ качествѣ дѣйствующаго лица, которое шагъ за шагомъ оспариваетъ неправильный взглядъ родителей на воспитаніе и обращаетъ ихъ на путь истинный или присутствуетъ при пагубныхъ послѣдствіяхъ упор-

ства родителей. Такой приемъ, безспорно, оживляетъ изложеніе для людей, почему-либо не читающихъ ничего серьезнаго и систематическаго о наукѣ воспитанія; но этотъ же приемъ ведетъ къ безчисленнымъ повтореніямъ одного и того же, къ тратѣ словъ на совершенные пустяки, на доказательства такихъ положеній, что здоровая жена, напр., сподручнѣе для мужа, чѣмъ больная, или на то, что жизнь коротка. При этомъ надо замѣтить, что г. Бѣловъ не особенно часто отдѣляетъ важное отъ неважнаго, такъ что иногда неважному и безспорному посвящается нѣсколько страницъ, а вопросы спорные разрѣшаются безапелляционно и съ тѣмъ аллобмомъ непогрѣшимости, который у нѣкоторыхъ педагоговъ встрѣчается довольно часто. Такъ, напр., беретъ г. Бѣловъ вопросъ „обученіе музыкѣ“, начиная его описаніемъ знакомаго ему семейства, которое мучило свою дочь уроками на фортепіано. Пока г. Бѣловъ рассказываетъ „примѣръ“, дѣло идетъ ладно; нѣкоторыя замѣчанія его о томъ, что неразумно каждую дѣвушку непремѣнно учить музыкѣ, вполне справедливы, хотя крайне не новы; но по мѣрѣ того, какъ авторъ отходитъ отъ частнаго вопроса къ общему, онъ становится слабѣе и слабѣе. Начинаются разсужденія о женскомъ трудѣ, о томъ, что служба на желѣзныхъ дорогахъ, телеграфахъ и въ качествѣ бухгалтеровъ „несравненно полезнѣе для общества, чѣмъ музыка“, о томъ, что „съ развитіемъ промышленности и торговли цѣна на бухгалтеровъ будетъ также возвышаться“, а потому надо учить дочерей бухгалтеріи; но если всѣ наши дочери станутъ бухгалтерами или по крайней мѣрѣ также займутся этимъ счетоводствомъ, какъ занимаются теперь музыковъ, то цѣна на бухгалтеровъ не возвысится, а понизится, какъ ни прельщай г. Бѣловъ родителей большими кушами бухгалтерскаго жалованья и какъ онъ ни говори: „повѣрьте мнѣ“. Рядомъ съ бухгалтерскими затѣями бездна банальныхъ фразъ о назначеніи женщины, банальныхъ и потому, что онѣ слишкомъ часто повторяются, и потому, что онѣ говорятся такимъ тономъ, точно кто обидѣлъ автора въ танцахъ или во французскомъ языкѣ или въ музыкѣ: всѣ эти занятія въ немъ возбуждаютъ горькое чувство, одна бухгалтерія съ стенографіей его утѣшаетъ, какъ будто вся будущность въ бухгалтеріи и стенографіи. Затѣмъ идетъ толь объ организмѣ и нервахъ. Нервы—конекъ г. Бѣлова, на которомъ онъ сидитъ не совсѣмъ удовлетворительно, впрочемъ. Впрочемъ, въ настоящей статейкѣ о нервахъ не много, но тѣмъ рѣшительнѣе приговоръ г. Бѣлова надъ музыкой: „Музыка имѣетъ хорошее воспитательное вліяніе, говоритъ онъ, но не та музыка, изученіе которой требуетъ десятка лѣтъ, а музыка простая, безхитростная, по преимуществу музыка голоса (?), данная человѣку самой природой.“ Г. Бѣловъ любитъ брать крайности и отвѣчать на нихъ крайностями; но крайности его отнюдь не лучше

тѣхъ, противъ которыхъ онъ ратуетъ: поглощеніе всего времени музыкальнымъ воспитаніемъ, конечно, крайность, особенно если субъектъ не обнаруживаетъ большой склонности къ музыкѣ, но изгнаніе ея изъ воспитанія — крайность еще большая, а увѣреніе въ томъ, что только простая, безхитростная музыка, по преимуществу музыка голоса, имѣетъ воспитательное значеніе, лишено всякихъ основаній, и если г. Бѣловъ приводитъ основанія эти, то они, на нашъ взглядъ, только курьезны. Вотъ они: „Въ учительскихъ семинаріяхъ, сельскихъ школахъ музыка имѣетъ большое воспитательное вліяніе, но въ программѣ этихъ учрежденій означено только самое общее знакомство съ законами музыки. Обученіе семинариста не идетъ далѣе того, что онъ получаетъ возможность на фортеціано или скрипкѣ учить дѣтей пѣнію.... Никакимъ другимъ значеніемъ музыка не можетъ пользоваться и въ домашнемъ воспитаніи.“ Съ которыхъ же это поръ программы сельскихъ школъ и учительскихъ семинарій сдѣлались предметомъ совершенства, къ которому обязано стремиться домашнее воспитаніе? Еще болѣе курьезно заключеніе статьи, гдѣ г. Бѣловъ съ паэосомъ доказываетъ, какъ вредно дѣйствуетъ музыка на нервы и какъ она разстраиваетъ организмъ. Упомянувъ о Бетховенѣ, кончившемъ жизнь въ сумасшествіи, онъ восклицаетъ: „нашъ Глинка, какъ извѣстно изъ его записокъ, обладавшій до послѣдней степени (??) нервно разстроеннымъ организмомъ, *жилъ бы на свѣтѣ болѣе и покойнѣе*, еслибы музыка не составляла его страсти.“ Но кому же нужна была бы эта продолжительная и сповойная жизнь г. Глинки, который, быть можетъ, сталъ бы заниматься бухгалтеріей или писать педагогическія статьи. Мы того мнѣнія, что для человѣчества жизнь Глинки-музыканта, какова бы она ни была, неизмѣримо полезнѣе, чѣмъ жизнь Глинки-бухгалтера или педагога. Мы не придали бы этимъ курьезнымъ замѣчаніямъ г. Бѣлова значенія, еслибы они у него были рѣдки, еслибы онъ взвѣшивалъ свои слова и не увлекался неумѣреннымъ паэосомъ. Впрочемъ, читатель, который сумѣетъ отдѣлать въ разбираемой нами книгѣ дѣло отъ бездѣля, полезныя и здравыя мысли отъ увлеченій и недодуманности, найдетъ въ ней весьма пригодныя при воспитаніи дѣтей совѣты. Независимо отъ этого, книжка г. Бѣлова способна наводить читателя на размышленія и обращать вниманіе на такія явленія въ жизни дѣтей, которыя обыкновенно упускаются изъ виду. Тѣмъ болѣе мы должны сожалѣть о недостаткахъ этой книжки, которыхъ избѣгнуть автору не стоило бы большого труда; а затѣмъ предъ читателемъ остались бы одни результаты несомнѣнной опытности автора и его достойной уваженія наклонности и любви къ дѣлу воспитанія юношества.

ЗАМѢТКА

ПЕРВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ СЪѢЗДЫ ВЪ РОССІИ.

Труды перваго археологическаго съѣзда въ Москва, 1869. 2 тома, 4°, съ атласомъ рисунковъ, in-8°. Изданы подъ редакціей гр. А. С. Уварова. Москва, 1871.

Труды перваго Археологическаго Съѣзда явились очень въ пору, въ то время, когда собрался и имѣлъ свои засѣданія второй Археологическій Съѣздъ, происходившій въ концѣ прошлаго года въ Петербургѣ. Этотъ второй съѣздъ былъ повидимому столько же успѣшенъ и интересенъ въ научномъ отношеніи, и хотѣлось бы думать, что онъ подтверждаетъ надежду, что это предпріятіе установится у насъ должнымъ образомъ и на будущее время. Дѣло было новое и непривычное, — у насъ, быть можетъ, болѣе необходимое, чѣмъ гдѣ-либо, потому что нигдѣ въ образованной Европѣ такъ не разбросаны ученныя силы, и безъ того небогатныя, нигдѣ самое изученіе не обставлено такими неблагоприятными условіями: не только огромныя пространства раздѣляютъ самихъ ученыхъ и любителей, затрудняя ихъ сношенія, обмѣнъ мыслей и изслѣдованій; не только литература, не богатая и не обширная, мало распространена и не представляетъ всѣхъ нужныхъ средствъ для распространенія научныхъ понятій въ массѣ читателей, — но особенная трудность археологическаго изученія у насъ происходитъ отъ самой громадности того поля, которое подлежитъ изслѣдованію. Самое положеніе науки до послѣдняго времени было также очень неблагоприятное. Изслѣдованія оставались чрезвычайно отрывочными и случайными; только немногія отрасли, какъ, напр., палеографія, нумизматика, успѣли до извѣстной степени установиться, между прочимъ благодаря болѣе доступности матеріала въ столичныхъ бібліотекахъ и собраніяхъ; но болѣшая часть археологическихъ изысканій слишкомъ подчинялись случайнымъ условіямъ, не имѣли разъ установленной программы, опредѣленныхъ научныхъ основаній и т. д.

Въ этихъ условіяхъ мысль объ археологическомъ съѣздѣ угадывала истинную и настоящую потребность. Съѣздъ долженъ былъ указать наличныя силы русской археологіи и опредѣлить настоящее положеніе научныхъ изслѣдованій. Для самаго осуществленія перваго съѣзда должно было выработать рядъ вопросовъ по различнымъ частямъ археологіи, вопросовъ, которые должны были быть предложены съѣзду и представлять собой тѣ задачи, какія въ данную минуту въ особенности требуютъ научнаго изслѣдованія. Предварительная коммиссія поста-

вила эти вопросы: специалисты и любители, собравшиеся на съездъ, отчасти отвѣчали на эти вопросы, отчасти ближе опредѣляли ихъ и ставили новые; представлены были отдѣльные изслѣдованія.

Въ двухъ томахъ вышедшаго теперь изданія напечатаны эти труды, собранные на первомъ съездѣ и по его поводу. Въ началѣ изложены всѣ свѣдѣнія относительно открытiя съезда и его занятiй: официальныя правила съезда, описанiе помѣщенiя съезда и устроенной при немъ археологической выставки; вопросы, выработанные предварительной комиссiей и предложенные къ обсужденiю на съездѣ; списокъ членовъ и участниковъ съезда; наконецъ, протоколы засѣданiй, какъ общихъ, такъ и по отдѣленiямъ.

Собравшиеся члены (всѣхъ участниковъ съезда было 130) раздѣлились по шести отдѣленiямъ. Это были, во-первыхъ — отдѣленiе древностей первобытныхъ; во-вторыхъ — древне-русское искусство, архитектура; въ-третьихъ — памятники языка, письма и быта; въ-четвертыхъ — древности юридическiя; въ-пятыхъ — древности восточныя; въ-шестыхъ — древности классическiя и византийскiя. По всѣмъ этимъ отдѣламъ представлены были болѣе или менѣе обширныя записки и замѣтки. Такъ, мы находимъ здѣсь много матеріала о древнѣйшихъ памятникахъ, объ остаткахъ каменнаго вѣка, о городищахъ, о курганныхъ раскопкахъ, каменныхъ бабахъ, древнихъ владахъ и т. п., съ обильными рисунками, объясняющими эти предметы, съ пробными археологическими картами, объясняющими мѣста находженiя и распространенiе извѣстнаго рода памятниковъ, и т. п. Далѣе, изслѣдованiя и замѣтки о древней русской мифологiи, юридическихъ древностяхъ, старинной музыкѣ, костюмахъ; о древней архитектурѣ, живописи или иконографiи и т. д. Въ протоколахъ сообщены болѣе или менѣе любопытныя разсужденiя о требующихъ рѣшенiя вопросахъ нашей археологiи, о мѣрахъ къ сохраненiю памятниковъ, объ устройствѣ археологическихъ изысканiй.

Въ числѣ предметовъ, о которыхъ не разъ заходила рѣчь между учеными археологами, былъ, между прочимъ, первоначальный и необходимый вопросъ о сохраненiи древностей; этотъ вопросъ предъявлялся и на второмъ съездѣ. Приводимы были примѣры крайняго невѣжества къ обращенiю съ памятниками, крайняго пренебреженiя къ нимъ, (даже какой-то антипатiи, которая заставляла не только не указывать существующихъ остатковъ старины, но даже припрятывать и уничтожать ихъ). Жаловались въ томъ числѣ на сельскихъ священниковъ, которые не сохраняли старины, сохранявшейся въ укромныхъ сельскихъ церквахъ; на монастырскихъ обитателей и т. п. Ученые археологи думали, что должны быть приняты особенныя мѣры, начальственныя распоряженiя для охраны памятниковъ; предполагали ввести археологiю въ число предметовъ преподаванiя въ учебныхъ заведенiяхъ,

особенно въ семинаріяхъ и т. д. Намъ кажется, что едва ли какія-нибудь подобныя мѣры помогутъ въ этомъ случаѣ, ни даже самое преподаваніе археологіи. Во-первыхъ, преподаваніе археологіи, полезное конечно, но не всегда возможное, не можетъ быть дано всѣмъ людямъ, отъ которыхъ можетъ зависѣть сохраненіе старины; во-вторыхъ, начальственные мѣры въ подобныхъ случаяхъ вообще не бывають достаточнымъ обезпеченіемъ,—напротивъ, могутъ способствовать къ новому истребленію памятниковъ, просто съ той цѣлью, чтобы начальству нечего было требовать, чтобы нечего было брать на свою отвѣтственность. „Въ одной пустынѣ, окруженной курганами,—рассказываетъ одинъ изъ почтенныхъ археологовъ,—иноки рѣшительно отказались руководить любителей древностей, изъ опасенія какой-то мнимой отвѣтственности, и убрали всѣ найденные ими въ курганахъ предметы древности“. „Въ одномъ изъ женскихъ монастырей, *впрочемъ не московскихъ*, въ ожиданіи пріѣзда новой игуменьи, готовились предать огню всѣ старинныя рукописи“ (!). Вотъ два примѣра, которые самой негѣпостью описываемаго факта показываютъ, что новыя мѣропріятія со стороны официальной власти относительно храненія древностей, въ мѣстахъ далекихъ отъ столицъ, произведутъ едва ли не большее истребленіе древностей. Мѣры могутъ быть очень разумны и благотворны; но должно принять въ соображеніе давно сложившіяся понятія огромнаго большинства, которое, не разумѣя никакой археологіи, привыкло бояться взысканій и выговоровъ начальства, и по своимъ первобытнымъ понятіямъ предпочтетъ сжечь рукописи, припрятать вещи, не показывать кургановъ и т. п., чѣмъ рисковать неудовольствіями начальства. Намъ кажется, что на эти первобытныя понятія большинства и нужно дѣйствовать, чтобы сохранить памятники древности, и дѣйствовать не однимъ преподаваніемъ археологіи священникамъ, а вообще распространеніемъ грамоты и образованія. Словомъ, дѣло зависить не столько отъ усилій археологовъ, даже не отъ предписанія начальствомъ о сохраненіи древностей, сколько отъ повышенія общаго уровня образованности. Археологія, конечно, должна идти и не можетъ не идти въ общемъ ходѣ образованія наравнѣ съ другими отраслями знанія; пониманіе цѣнности древнихъ памятниковъ можетъ быть приобрѣтено только рядомъ съ другими цивилизованными понятіями и правами. При господствующемъ кругломъ невѣжествѣ, невозможно ожидать уваженія къ памятникамъ, т. - е. сознательнаго пониманія прошедшаго. А съ другой стороны, не бывало ли примѣровъ, что и сами изыскатели подвергались — не выговорамъ иѣстныхъ начальствъ, но и гораздо большимъ непріятностямъ? Это было испытано не однимъ изъ нашихъ этнографовъ.

Тотъ же археологъ, припоминая *московскую* старину, не досчитывается въ Москвѣ цѣлаго десятка древнихъ „воротъ“, память кото-

рыхъ осталась въ названіяхъ различныхъ московскихъ мѣстностей („Тверскія ворота“, „Арбатскія ворота“ и проч.): даже въ недавнее время, по словамъ его, „невѣжество грозило уничтоженіемъ Красныхъ и Воскресенскихъ воротъ“. Отъ этого невѣжества кажется не спасло бы одно преподаваніе археологіи въ семинаріяхъ.

Мы не споримъ противъ введенія археологіи въ преподаваніе, а хотимъ только сказать, что было бы странно надѣяться на распространеніе археологическихъ знаній въ обществѣ, еслибы не измѣнились условія и положеніе его общаго, обыкновеннаго образованія. То, что могли бы сдѣлать здѣсь собственно археологи, это — литературное распространеніе археологическихъ свѣдѣній, и въ этомъ отношеніи археологамъ предстоитъ еще многое, почти все. Наша археологическая литература весьма обширна, и г. Погодинъ, излагая исторію русской археологіи (въ статьѣ, помѣщенной въ первомъ томѣ „Трудовъ“), могъ назвать много именъ, и притомъ именъ дѣйствительно заслуженныхъ; но археологическая литература почти не представляетъ общихъ сочиненій; въ ней почти нѣтъ руководства, компендіума, ни по одной изъ различныхъ отраслей науки, нѣтъ книги, которая давала бы необходимѣйшія общія понятія о предметѣ для массы обыкновенныхъ читателей, или же для приступающихъ впервые къ изученію предмета.

У нашихъ ученыхъ весьма распространено очень фальшивое, по нашему мнѣнію, и очень вредное пренебреженіе къ такъ-называемой популяризаціи науки, и столь же вредное пренебреженіе къ составленію общихъ, краткихъ руководствъ или цѣльныхъ изложеній предмета. Это послѣднее считается обыкновенно дѣломъ, мало заслуживающимъ того, чтобы ученый снисшелъ къ нему съ своего (большей частью, мнимо высокаго) пьедестала, — но въ сущности оно гораздо труднѣе того, чѣмъ занимается большинство этихъ ученыхъ. Для такого руководства нужно имѣть цѣльное пониманіе предмета, нужно владѣть болѣе или менѣе равно всѣми его частями, нужно свести къ одному знаменателю частныя подробности и отдѣльныя мысли: нельзя скрыть, что для всего этого требуется больше любви къ дѣлу и ученой энергіи, чѣмъ можетъ похвалиться большинство. Гораздо легче считать это ниже своихъ ученыхъ достоинствъ.... Но пренебреженіе высказывается совершенно, когда идетъ рѣчь о популярныхъ книгахъ, т.-е. книгахъ, которыя были бы вообще доступны для образованнаго читателя: составленіе такой книги, желаніе быть общедоступнымъ считается обыкновенно профанаціей науки. Это странное понятіе о наукѣ, выросшее въ ученой камерѣ средневѣковаго схоластика и распространенное нѣмецкимъ гелертерствомъ, упорно держится у нашихъ ученыхъ, которые не хотятъ видѣть, что современная наука, не отказываясь отъ своей лабораторіи, не запираетъ ее однако семью

замѣки отъ „непросвѣщенныхъ“, и напротивъ работаетъ такъ, чтобъ служить въ одно время и своимъ, спеціальнымъ цѣлямъ, и распространенію познаній въ массѣ. Наши ученые не замѣчаютъ, что эта наука уже снимаетъ съ себя старый цѣховой костюмъ и дѣйствуетъ не для одной ученой касты, но для образованныхъ людей вообще. Въ своемъ полномъ объемѣ она по прежнему остается доступна только для своихъ избранныхъ, но рядомъ съ этимъ она — для собственного своего блага — стремится раздѣлить съ обществомъ множество полезныхъ и важныхъ свѣдѣній. Можно бы было указать въ современной европейской литературѣ много именъ, одинаково знакомыхъ и ученому специалисту и обыкновенному образованному читателю. Новыя научныя системы, новыя открытія нерѣдко излагаются теперь въ книгахъ такого рода, какія называются обыкновенно популярными. Такихъ книгъ много по естествознанію, по исторіи, даже по археологіи.

Высокомѣрное отношеніе къ общедоступнымъ книгамъ фальшиво въ особенности потому, что естественный ростъ науки идетъ обыкновенно рядомъ съ распространеніемъ знаній вообще, съ повышеніемъ общаго уровня образованности. Чѣмъ больше знанія распространены въ массѣ, тѣмъ больше образованныхъ людей, тѣмъ больше приобретается и специалистовъ для науки.

Намъ случалось высказывать и прежде подобныя замѣчанія въ примѣненіи къ нашей археологіи. На второмъ археологическомъ съѣздѣ говорилось о необходимости руководства по археологіи, и надо желать, чтобы эта мысль получила наконецъ свое выполненіе. Второй съѣздъ былъ, кажется, столь же многочисленъ, какъ и первый, и можно думать поэтому, что въ этомъ многочисленномъ обществѣ могли бы найтись люди, способные исполнить эту задачу.

Возвращаемся къ „Трудамъ“. Мы не будемъ подробно перечислять сочиненій и записокъ, напечатанныхъ въ двухъ томахъ этого изданія: здѣсь участвовали различными своими трудами гг. Буслаевъ, Головацкій, Казанскій, Калачовъ, кн. Одоевскій, Погодинъ, Полъновъ, Разумовскій, Срезневскій, К. Тихонравовъ, гр. Уваровъ, Хвольсонъ, и мною другихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ дѣятелей археологіи. Но нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о трудахъ лица, которому принадлежитъ первая инициатива археологическаго съѣзда, а также и редація настоящаго изданія. Гр. Уварову слѣдуетъ безъ сомнѣнія приписать наибольшую честь въ успѣхѣ этого предпріятія, на которое вѣроятно онъ положилъ и наибольшую долю усилій. Кромѣ устройства съѣзда, гр. Уваровъ принялъ едва ли не самое значительное участіе въ самыхъ занятіяхъ собранія. Изъ нѣсколькихъ его записокъ, помѣщенныхъ въ изданіи, особенно выдается обширная статья: „Меране и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ“. Эта статья, которая одна составила бы цѣлую книгу, есть едва ли не самый замѣчательный трудъ въ

сборникѣ Съѣзда. Намъ случалось, по поводу изданій Московскаго Археологическаго Общества, говорить объ ученомъ достоинствѣ трудовъ гр. Уварова, которое даетъ ему одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ ряду изслѣдователей нашей древности: на этотъ разъ его изслѣдованіе вращается въ новой области археологіи, и въ немъ онъ обнаруживаетъ тѣ же качества внимательной и многосторонней критики, и обширныя свѣдѣнія въ археологической литературѣ.

Д.

ОТВѢТЪ НА «БРАННОЕ ПОСЛАНИЕ».

М. П. Погодинъ въ № 3-мъ газеты „Гражданинъ“ разразился противъ меня „браннымъ“ посланіемъ* (названіе, имъ самимъ данное своей статьѣ) въ защиту Скопина-Шуйскаго *). Въ одномъ отношеніи это бранное посланіе напоминаетъ незабвенные подвиги ламанческаго витязя противъ вѣтряныхъ мельницъ, такъ какъ собственно противъ меня не было повода писать ни бранныхъ, ни какихъ бы то ни было

*) Редакція упомянутой газеты помѣстила статью М. П. Погодина съ курьезнымъ подстрочнымъ примѣчаніемъ отъ себя, а именно: «авторъ предполагалъ помѣстить ее въ «Вѣстникъ Европы», «съ правомъ Н. И. Костомарову и издателю «Вѣстника Европы» исключить (!) или замѣнить (!?) слова и выраженія для нихъ непріятныя, не касаясь, разумѣется, сущности дѣла». Затѣмъ извѣщается, что «уполномоченное М. П. Погодинымъ лицо обратилось съ этою статьею къ намъ (т.-е. «Гражданину»), заявивъ при этомъ, что редакторъ «Вѣстника Европы» не можетъ напечатать статьи М. П. Погодина будто бы потому, что въ его журналѣ нѣтъ рубрики pro и contra.» На такой вѣтренный и легкомысленный поступокъ редакціи той газеты мы можемъ замѣтить, что, во-первыхъ, самъ уполномоченный, представляя въ редакцію «Вѣстника Европы» рукопись г. Погодина, высказалъ, что онъ не думаетъ, чтобы статья могла быть напечатана, такъ какъ въ журналѣ нѣтъ отдѣла pro и contra. Редакторъ, замѣтивъ въ заглавіи слово: «бранное», тотчасъ же согласился съ мнѣніемъ того господина, но тѣмъ не менѣе просилъ оставить ему рукопись для прочтенія. Во-вторыхъ, та редакція еще легкомысленнѣе повѣрила, что г. Погодинъ могъ уполномочить насъ «исключать» и «замѣнять» его же выраженія; мы получили отъ г. Погодина вмѣстѣ съ тою статьею письмо, и на одномъ словѣ онъ не упоминаетъ о такомъ нелѣпомъ полномочіи; г. Погодинъ обязывалъ только редакцію напечатать статью не иначе, какъ въ февральской книгѣ, а въ противномъ случаѣ просилъ передать ее въ редакцію журнала «Заря». Мы тогда же писали автору, что не печатаемъ его «браннаго посланія» потому, что намъ послѣ пришлось бы печатать болѣе «бранное посланіе» Н. И. Костомарова, а за тѣмъ опять «самое бранное» посланіе критика, и такъ дагѣ до истощенія лексикона. И мы были правы, такъ какъ теперь имѣемъ удовольствіе печатать простой, а не бранный отвѣтъ уважаемаго историка на бранное къ нему посланіе. — *Ред.*

посланій въ защиту Скопина-Шуйскаго, которому я ровно ничего не сдѣлалъ. Поводомъ къ бранному посланію послужила напечатанная въ „Вѣстникѣ Европы“ (іюнь, 1871) моя статья о „Личностяхъ Смутаго Времени“, гдѣ я указывалъ вообще на скудость нашихъ источниковъ для яснаго уразумѣнія характеровъ знаменитыхъ лицъ Смутаго Времени и въ числѣ этихъ лицъ Скопина-Шуйскаго. Уже если г. Погодину хотѣлось, во что бы то ни стало, писать противъ меня *бранное* посланіе, то онъ съ болѣею справедливостію могъ писать въ защиту источниковъ, а никакъ не въ защиту Скопина-Шуйскаго, и въ такомъ случаѣ наше препирательство, въ которомъ мы исходили бы съ различныхъ взглядовъ на одни и тѣ же источники, можетъ быть имѣло бы хоть какое-нибудь ученое значеніе. Но г. Погодинъ избралъ иной способъ. Онъ выжимаетъ изъ моихъ словъ такой смыслъ, какого они не имѣютъ и воюетъ противъ этого смысла. Такимъ образомъ я написалъ: „Чѣмъ народъ здоровѣе, чѣмъ болѣе имѣетъ права уповать на свое будущее, чѣмъ общество, которое онъ изъ себя образуетъ, прочнѣе и благоустроеннѣе, тѣмъ историки его способны стать выше предразсудковъ и смотрѣть безпристрастнѣе и трезвѣе на прошедшее своего отечества. Напротивъ, тамъ, гдѣ нація переживаетъ времена упадка, расслабленія или глубокаго застоя, ея историки, чувствуя, что у ихъ народа нѣтъ того, чего-бы имъ хотѣлось, чтобъ онъ имѣлъ, не видя ничего, или очень мало видя въ будущемъ, какъ бы для утѣшенія, уходятъ всѣмъ сердцемъ въ свое прошедшее и обращаются съ нимъ самымъ несдержаннымъ и пристрастнымъ образомъ“. Г. Погодинъ толкуетъ, что здѣсь я противопоставляю западныя государства и Россію, и разумѣю послѣднюю подъ націею переживающею время упадка, расслабленія и глубокаго застоя. Однако, не только ничто не дало ему права къ такому толкованію, но онъ умышленно не привелъ слѣдующихъ затѣмъ моихъ же словъ, которыя ясно указываютъ, что я здѣсь никакъ не разумѣлъ Россіи: „У насъ, къ чести читающаго русскаго общества, критическое направленіе пользуется сочувствіемъ и уваженіемъ“. Итакъ, изъ моей статьи оказывалось, что я причислялъ Россію именно къ здоровымъ націямъ, которымъ совсѣмъ нейдетъ такое обращеніе съ своимъ прошедшимъ, какое естественно прилично націямъ упадающимъ. Правда,—сказалъ я далѣе,—у насъ раздавались голоса, которые высказывали боязнь предъ свободными, безпристрастными сужденіями о нашемъ прошедшемъ, стояли за утвердившіеся въ исторіи произвольные взгляды, считая ихъ необходимыми для патріотическихъ видовъ и отыскивали заднія мысли и скрытыя враждебныя обществу или государству намѣренія въ сужденіяхъ тѣхъ, которые имѣли смѣлость посарать на предразсудки. Но такіе возгласы могутъ плѣнять только невѣжды и никакъ не раздѣляются истинно-мыслящими людьми.

Въ дѣлѣ науки, только убѣжденія послѣднихъ могутъ служить мѣриломъ для опредѣленія общественныхъ отношеній⁴. Отчего же г. Погодинъ, выписывая мѣсто изъ моей статьи, не выписалъ и конца его, который мы прибавляемъ здѣсь къ его выпискѣ?— Не оттого ли, что этотъ конецъ всякому ясно указываетъ, что я никакъ не могъ разумѣть подъ упадающею націею Россію, когда и общественное настроеніе по отношенію къ исторіи мнѣ отнюдь не представляется такимъ, которое бы соотвѣтствовало упадающей разслабленной націи? Что касается до невѣждъ, защищающихъ предрасудки, то мы и теперь убѣждены, что ихъ запоздалые вопли не найдутъ отголоска въ умахъ мыслящихъ людей нашего общества.

Воображая себѣ, что я подъ здоровыми націями разумѣю западныя государства въ противоположность Россіи, г. Погодинъ хочетъ меня убѣдить, что образованные европейскіе народы относятся къ своей исторіи совсѣмъ не съ такою трезвостью, какой я требую отъ историка. Французы то-и-дѣло суютъ намъ свои: *grande nation*, *grande armée* и проч., въ Германіи мало безпристрастія въ разсказахъ о подвигахъ сыновъ Арминія, — тоже у англичанъ, а у итальянцевъ и испанцевъ самохвальство на каждомъ шагу. Но это и безъ г. Погодина мнѣ извѣстно; въ моей же статьѣ, которую громить г. Погодинъ, я сказалъ: „Едва ли въ мірѣ есть страна, гдѣ бы исторіи, описывая свое прошлое, были совершенно изъяты отъ этого недостатка⁴. Но то, что я считаю недостаткомъ, г. Погодинъ представляетъ намъ какъ образецъ для подражанія: „Что слѣдуетъ, говорить онъ, изъ безспорныхъ моихъ положеній (то-есть изъ того, что всѣ народы хвалятъ себя)? Вотъ что: чѣмъ народъ образованнѣе въ нынѣшнемъ значеніи этого слова, тѣмъ онъ больше дорожитъ своею исторіею, тѣмъ съ болѣшимъ уваженіемъ относится къ своему народу и его представителямъ“.

Собственно говоря, я готовъ повторить эти же слова г. Погодина, только я совсѣмъ иначе понимаю слова: *дорожитъ исторіею* и относиться *съ уваженіемъ* къ народу. По-моему, это должно выражаться строгимъ, безпристрастнымъ, сурово критическимъ отношеніемъ къ своему прошлому, при которомъ историкъ не долженъ задумываться и останавливаться даже и тогда, когда бы, по выраженію Погодина, ради истины пришлось лишиться и Скопина-Шуйскаго и Пожарскаго и Минина и „остаться съ Заруцкимъ, Котошихинымъ, Мазею“.

Но до этого и не доходило. Повторяемъ—г. Погодину нечего было защищать противъ меня Скопина-Шуйскаго. Я доказывалъ только, что, къ сожалѣнію, эта безспорно знаменитая личность, по скудости источниковъ, представляется недостаточно ясною, а напротивъ, довольно тусклою. Нѣкоторыя черты, однако, все-таки побуждаютъ нѣсколько угадывать его характеръ. Я сказалъ: „Что это была за натура? Пылкій ли юноша, увлекаемый жаждою подвиговъ и дѣя-

тедности, у котораго энергія ноступковъ зависѣла отъ сердечныхъ побужденій, или это—холодный, разсудительный умъ, чуждый увлеченія, взвѣшивающій обстоятельства, осмотрительный, проницательный, всегда разсчетливый. Нѣкоторые признаки склоняютъ насъ видѣть въ немъ характеръ послѣдняго рода“. Г. Погодинъ находитъ въ этомъ сужденіи „обвинительное предположеніе“, „злонамѣренность“ и наконецъ „дерзость“, и выбивается изъ силъ, чтобъ защитить своего кліента. Но я сошлюсь на сужденіе всѣхъ здравомыслящихъ читателей: същется ли между ними хоть одинъ, который бы нашелъ оскорбительнымъ или обвинительнымъ такое мнѣніе о человѣкѣ: это умъ „разсудительный, чуждый увлеченія, взвѣшивающій обстоятельства, осмотрительный, проницательный, всегда разсчетливый“. Не высокая ли эта похвала, особенно для политическаго дѣятеля? Это одно уже покажетъ безпристрастному читателю, насколько вправѣ былъ г. Погодинъ выступать противъ меня съ защитою Скопина-Шуйскаго, и насколько была вообще возможность защищать противъ меня Скопина-Шуйскаго.

Г. Погодинъ проповѣдуетъ правило, роковое для исторической критики. Онъ привелъ слѣдующія мои слова: „изъ описи имущества убитаго (Татищева) мы видимъ, что многія вещи были взяты безъ денегъ шуриномъ Скопина, Головинимъ, а отчасти и самимъ Скопинымъ, быть можетъ и не для своей корысти, а съ цѣлю обратитъ на общее дѣло. Какъ бы то ни было, это темное событіе нельзя объяснить положительно ни въ хорошую, ни въ дурную сторону для Скопина“. Вслѣдъ затѣмъ г. Погодинъ говоритъ: „Нельзя? Такъ затѣмъ вы предлагаете умствование, котораго нигде употребить нельзя. Только для смущеній, для возбужденія подозрѣній“. Итакъ, по приговору г. Погодина, для избѣжанія смущеній и чтобъ не возбуждать подозрѣній, не должно ставить вопросовъ и поднимать сомнѣній. Можетъ ли, послѣ этого, существовать историческая критика, для которой вопросы и сомнѣнія служатъ основаніями? Значитъ, надобно думать не иначе, какъ думали дѣды и отцы, не имѣть своего сужденія, заклотить собственный умъ уваженіемъ къ авторитетамъ, повторять только зады. Нельзя-моль разрѣшить, стало быть того и не трогай, не разсуждай объ этомъ! Но вѣдь *нельзя разрѣшить* бываетъ нерѣдко окончательнымъ результатомъ многолѣтнихъ розысканій и притомъ истиннымъ приобрѣтеніемъ для науки, когда оно замѣняетъ произвольно созданныя теоріи, которымъ понуждаютъ слѣдовать, да притомъ, такимъ диетаторско-полицейскимъ тономъ, какой въ этомъ случаѣ принимаетъ г. Погодинъ. Ясно, что онъ заклятой врагъ всякихъ „смущеній“: ему бы тишь да гладь да Божья благодать! Въ примѣчаніи къ свой филиппикѣ противъ меня онъ горько жалуется на г. Иловайскаго: „а теперь г. Иловайскій не выводитъ варяговъ-русь ни откуда, а считаетъ ее туземною и старожидою. Не дають мнѣ умереть спокойно да и только!“ Читая

эти строки, невольно дѣлается жаль почтеннаго Нестора россійскаго дѣписанія, недавно увѣнчаннаго вѣнцомъ пятидесятилѣтняго юбилея, невольно извиняешь ему, по этой причинѣ, не только его порывъ защищать противъ меня такое лицо, которое я вовсе не думалъ оскорблять, но даже вовсе не любезные отзывы обо мнѣ въ родѣ того, что мои писанія „способны смутить и убѣдить не только гимназистовъ, но и взрослыхъ людей, находящихся, по своему образованію, въ одномъ съ ними классѣ“.

До сихъ поръ изъ браннаго посланія ко мнѣ, въ защиту Скопина-Шуйскаго, ровно ничего не выходитъ. Г. Погодинъ ратуетъ Богъ-знаетъ съ кѣмъ и съ чѣмъ, но только не со мною, хотя ему и кажется, будто онъ борется со мною за Скопина. Но вотъ, г. Погодинъ въ концѣ своей статьи привелъ цѣлый рядъ отзывовъ о Скопинѣ-Шуйскомъ изъ русскихъ и иностранныхъ современныхъ свидѣтельствъ. И что же? Всѣ эти свидѣтельства, давно мнѣ извѣстныя и переизвѣстныя, за изытіемъ изъ нихъ цвѣтовъ риторики, которыми одинаково можно украсить какъ князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, такъ и десятокъ другихъ князей, говорятъ въ сущности только то, что Скопинъ-Шуйскій признавался умнымъ, способнымъ и любимымъ современниками человѣкомъ. Но развѣ я въ этомъ когда-нибудь сомнѣвался? То же самое, еще убѣдительнѣе, говорятъ событія, совершенныя во время бытности Скопина-Шуйскаго первымъ человѣкомъ на Руси. Но за всѣмъ тѣмъ личность эта все-таки остается довольно тусклою, какъ я выразился прежде. Умный и способный человѣкъ—качество слишкомъ общее; можетъ быть нѣсколько умныхъ и способныхъ людей, но они все-таки останутся для насъ неясными тѣнями, если мы не въ силахъ отличить ихъ одного отъ другого, представить каждаго изъ нихъ живымъ человѣкомъ, не похожимъ на другого, подобно тому, какъ одинъ человѣкъ, при многихъ сходствахъ съ другимъ, всегда бываетъ не похожъ на этого другого,—однимъ словомъ, если историческое лицо не получаетъ для насъ значенія *характера*. Само собою разумѣется, что степени, въ которыхъ историческія лица представляются намъ въ значеніи характеровъ, могутъ быть разнообразны: одни являются, такъ сказать, болѣе выпуклыми, другіе—менѣе, а иные не имѣютъ никакой выпуклости и даже очертаній. Я утверждалъ и, послѣ „браннаго“ посланія г. Погодина, утверждаю, что, къ большому сожалѣнію, въ современныхъ источникахъ о Скопинѣ-Шуйскомъ слишкомъ мало такихъ указаній, по которымъ бы мы могли возсоздать себѣ опредѣленный историческій характеръ, до извѣстной степени новое лицо, такое лицо, о которомъ мы бы могли сказать, что въ данномъ случаѣ оно такъ бы говорило, такъ бы дѣйствовало, такъ бы относилось къ жизни. Поэтъ-драматургъ не въ состояніи былъ бы поставить его на сцену, придерживаясь строго исторіи и

отнюдь не прибѣгая къ произвольнымъ измышлениямъ. Г. Погодину, какъ человѣку долго и много занимавшемуся исторіею, извѣстно, какъ иногда нѣсколько счастливыхъ чертъ, приведенныхъ въ источникѣ, обрисовываютъ человѣка съ ногъ до головы и даютъ нашему воображенію возможность представить его себѣ живымъ и какъ, напротивъ, цѣлыя страницы риторическихъ описаній качествъ исторической личности оставляютъ ее для насъ все-таки безцвѣтною тѣнью. Вотъ именно такихъ чертъ я не находилъ о Скопинѣ-Шуйскомъ и потому-то онъ мнѣ представляется личностью неясною. Но отъ этого слишкомъ далеко до того, чтобъ кому-нибудь предстояла необходимость *защищать* противъ меня Скопина-Шуйскаго: защищать можно только того, кого въ чемъ-нибудь обвиняютъ, а я говорю только, что знаменитый Скопинъ, по недостаточности источниковъ, для меня неясенъ. И только!

24-го января, 1872

Н. Костомаровъ.

ПО ПОВОДУ „ОБЪЯСНЕНІЯ“

сообщеннаго по требованію министерства народнаго просвѣщенія.

Въ январьской книгѣ мы помѣстили, „по требованію министерства народнаго просвѣщенія“, объясненіе этого министерства. Какъ всякое объясненіе, мы приняли бы его къ свѣдѣнію и къ руководству, и тѣмъ бы ограничились; но настоящее объясненіе есть собственно обвиненіе насъ въ такомъ проступкѣ, котораго мы никогда не совершали, и вотъ почему мы находимъ себя вынужденными объясниться. Насъ обвиняютъ въ „извращеніи“ чужихъ словъ, и вотъ, какимъ образомъ выражается „Объясненіе“ по поводу будто бы совершеннаго нами „извращенія“:

„31-го мая сего (1871) года, совѣтъ кіевскаго университета утвердилъ представленіе историко-филологическаго факультета о включеніи въ составъ полукурсоваго испытанія студентовъ этого факультета написаніе русскаго сочиненія на заданную тему въ присутствіи факультета.

„Редакція журнала „Вѣстникъ Европы“, обсуждая вопросы о реальныхъ училищахъ и классическихъ гимназіяхъ, нашла нужнымъ въ ноябрьской книгѣ своего журнала, на стр. 371, въ подстрочной выносѣ, вышеозначенное постановленіе Совѣта совершенно извратить, обвиняя студентовъ въ незнаніи орфографіи и вообще русскаго языка. Въ выносѣ этой, между прочимъ, сказано: „забота объ усиленіи классицизма у насъ предшествовала послѣднему уставу и уже нѣсколько лѣтъ сряду сосредоточено было все вниманіе на преподаваніи древнихъ языковъ, а въ нынѣшнемъ году историко-филоло-

гическій факультет вынужденъ былъ обсуждать мѣры относительно тѣхъ студентовъ, которые пишутъ по-русски *безъ соблюденія орф(е)ографіи и употребляя неправильные обороты рѣчи*. Факультетъ опредѣлилъ взять на себя трудъ доучивать студентовъ отечественному языку“.

Итакъ, по словамъ „Объясненія“, допущенное нами „извращеніе“ состоитъ въ томъ, что мы обратили вышеупомянутую мѣру факультета о включеніи въ составъ полукурсоваго испытанія студентовъ написанія русскаго сочиненія на заданную тему въ присутствіи факультета,—обратили въ обвиненіе студентовъ въ незнаніи орфографіи и русскаго языка. Но мы ничего подобнаго не говорили. Вотъ нашъ текстъ:

...въ нынѣшнемъ году историко-филологическій факультетъ вынужденъ былъ обсуждать мѣры относительно тѣхъ студентовъ, которые пишутъ по-русски *„безъ соблюденія орфографіи и употребляя неправильные обороты рѣчи“*. Факультетъ опредѣлилъ взять на себя трудъ доучивать студентовъ отечественному языку.

Менѣ внимательный читатель скажетъ намъ: въ „Объясненіи“ приведенъ текстъ вашего журнала дословно, развѣ только слово: орфографія, въ „Объясненіи“, написано черезъ *ф*; но это не измѣняетъ смысла, и слѣдоват. обвиненіе въ „извращеніи“ совершенно основательно. Но болѣе внимательный читатель замѣтитъ, что при словахъ: *„безъ соблюденія орфографіи и употребляя неправильные обороты рѣчи“*, въ текстѣ нашего журнала стоятъ кавычки, а въ „Объясненіи“ этотъ маленькій значокъ *выпущенъ*. На этой ошибкѣ „Объясненія“ и основано все обвиненіе насъ въ „извращеніи“. Кавычками, какъ то извѣстно, обозначается чужая рѣчь, и дѣйствительно тѣ слова принадлежатъ не намъ, а самому историко-филологическому факультету, который, такимъ образомъ, самъ свидѣтельствуетъ, что студенты онаго факультета пишутъ по-русски *„безъ соблюденія орфографіи и употребляя неправильные обороты рѣчи“*. А потому въ „Объясненіи“ неправильно выражено, что Редакція журнала „Вѣстника Европы“ нашла нужнымъ извратить постановленіе совѣта, „обвиняя студентовъ въ незнаніи орф(е)ографіи и вообще русскаго языка“. Еслибы авторы „Объясненія“ не выпустили въ нашемъ текстѣ кавычекъ, то они собственно должны были бы сказать, что наша редакція нашла нужнымъ не извратить, а привести слово-въ-слово свидѣтельство факультета о томъ, что студенты, т.-е. кончившіе курсъ въ нашихъ гимназіяхъ не соблюдаютъ орфографіи и вообще неправильно выражаются на родномъ языкѣ. Изъ всего этого видно, какъ основательно латинская пословица: *Littera docet, littera nocet!* Конечно, кавычки не буква, но пропускъ ихъ значительно извращаетъ характеръ всякой рѣчи. Во всякомъ случаѣ, если обвиненіе студентовъ въ безграмотности можетъ быть названо „извращеніемъ“ вышеупомянутой мѣры фа-

культета, то такое извращеніе сдѣлано не нами, а самимъ факультетомъ, лицомъ, кажется совершенно компетентнымъ въ обсужденіи вопроса, знаетъ ли кто орфографію, или нѣтъ, и правильно или неправильно выражается по-русски.

Въ заключеніи данного намъ „Объясненія“, приводится объясненіе самого Совѣта кievскаго университета „по поводу подобной же статьи, напечатанной въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, *извратившей* смыслъ постановленія кievскаго университета и обвинившей студентовъ въ незнаніи орф(о)графіи и вообще русскаго языка“. Вотъ что говорится въ этомъ совѣтскомъ объясненіи:

„Статья, напечатанная въ № 288-мъ „С.-Петербург. Вѣд.“, составляетъ *буквальную* перепечатку статьи 46-й протокола засѣданія Совѣта университета 31-го мая 1871-го года, съ присоединеніемъ отъ редакціи газеты введенія, устанавливающаго, по мнѣнію Совѣта, *неправильную* точку зрѣнія на принятую мѣру“.

Далѣе, Совѣтъ объясняетъ, что повѣрочное испытаніе изъ русскаго языка на приѣмномъ экзаменѣ недостаточно, такъ какъ „страницы двѣ, написанныя удовлетворительно на этомъ испытаніи, не составляютъ еще неограниченнаго (?) доказательства, что всѣ лица, принятія въ студенты, пишутъ совершенно безошибочно и не употребляютъ оборотовъ рѣчи, несвойственныхъ русскому языку, потому что огромное большинство учащихся въ университетѣ св. Владиміра, состоящее изъ уроженцевъ южно-западнаго края, не упоминая (!??) о полякахъ и евреяхъ, слышать и въ семьѣ, и въ обществѣ далеко не чистый русскій языкъ, т.-е. языкъ, въ которомъ встрѣчается много мѣстныхъ идиотизмовъ и неправильно произносимыхъ словъ. Молодой человекъ, который былъ принятъ въ университетъ послѣ тщательнаго испытанія, который написалъ сочиненіе безъ ошибокъ и далъ удовлетворительныя грамматическія объясненія, можетъ однакоже оказаться въ послѣдствіи не принадлежащимъ къ числу знатоковъ (?) русскаго языка... Дѣло идетъ въ настоящемъ случаѣ не о безграмотности, а о тѣхъ ошибкахъ и неправильностяхъ, которыя, къ сожалѣнію, составляютъ явленіе далеко не рѣдкое и въ книжной, и въ журнальной нашей литературѣ“.

Прибавимъ къ этому, что и наша официальная литература не совсемъ свободна отъ грамматическихъ ошибокъ и неправильностей; но не въ томъ вопросъ. Все же изъ словъ Совѣта кievскаго университета несомнѣнно видно, что наши студенты, и по окончаніи курса въ гимназіи, пишутъ по-русски „безъ соблюденія орфографіи и употребляя неправильныя обороты рѣчи“, т.-е. для образованныхъ людей пишутъ безграмотно; все это остается попрежнему фактомъ, засвидѣтельствованнымъ кievскимъ университетомъ. Если мы изъ этого заключимъ, что въ нашихъ гимназіяхъ недостаточно обучаютъ отечественному

языку, то будетъ ли такое заключеніе „извращеніемъ“ факта? По мнѣнію Совѣта, это будетъ неправильная точка зрѣнія, такъ какъ уроженцы западнаго края слышать въ семьѣ не чистый русскій языкъ, а слѣдов. гимназія не виновна въ ихъ „безграмотности“. Но и ставъ на точку зрѣнія Совѣта, мы должны утверждать, что „включеніе въ составъ полукурсоваго испытанія студентовъ написанія русскаго сочиненія“, хотя бы и въ присутствіи факультета, не поправитъ дѣла; гимназическое обученіе въ этомъ отношеніи несравненно дѣйствительнѣе, а слѣд. и мы были правы, говоря, что за сосредоточеніемъ вниманія на преподаваніи древнихъ языковъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду русскаго языка, а всего менѣе можетъ быть полезно ослабленіе его преподаванія, въ надеждѣ на то, что на полукурсовомъ испытаніи въ университетѣ будетъ возмѣщенъ недостатокъ гимназическаго обученія. Вотъ и все, что мы хотѣли сказать, указавъ на опредѣленіе Совѣта кievскаго университета, и присоединивъ къ нему потомъ такія же жалобы и нѣмецкихъ университетовъ на малограмотность своихъ студентовъ, которую однако нѣмецкіе университеты не берутъ на себя исправлять, а только поставляютъ этотъ фактъ на видъ тѣмъ, кто озабоченъ устройствомъ среднеучебныхъ заведеній.

С.

Отъ Редакціи. — Мы получили, чрезъ посредство князя П. А. Вяземскаго, слѣдующее заявленіе, подписанное Екатериною Николаевною Орловою, урожденною Раевскою:

Въ декабрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“, за 1871-й годъ, въ статьѣ: *Характеристики литературныхъ мнѣній*, на страницѣ 477-й, въ примѣчаніи объ извѣстныхъ письмахъ Чаадаева, сказано:

„Тѣмъ лицомъ, къ которому были адресованы письма, называютъ вообще г-жу Панову; но есть указаніе, кажется не лишнее вѣроятія, что это была, напротивъ, жена М. Ѳ. Орлова, урожденная Раевская.“

Екатерина Николаевна Орлова, рожденная Раевская, о которой упоминается въ вышеприведенномъ примѣчаніи, несмотря на дружескія отношенія, издавна существовавшія между ея братомъ, Ник. Ник. Раевскимъ и мужемъ, М. Ѳ. Орловымъ, съ П. Я. Чаадаевымъ — не была лично знакома съ послѣднимъ до начала 1831-го года; означенныя письма никогда не были къ ней адресованы, и они написаны гораздо прежде ея знакомства съ Чаадаевымъ. Она читала ихъ въ первый разъ случайно, еще въ рукописи, не прежде 1834-го года, и то не сполна.

19 января 1872 г.

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Двадцать первое засѣданіе комитета, 22-го ноября 1871 г.

1) Выдано 50 р. въ пособіе дочерц извѣстнаго русскаго мореплавателя. Мать ея, послѣ смерти отца, пришла гѣшкомъ изъ Архангельска въ Петербургъ, чтобы опредѣлить сына въ училище, и на все семейство свое, состоявшее изъ сына и трехъ дочерей, получала пенсіи лишь 200 р. въ годъ. Сама просительница не имѣетъ другихъ источниковъ существованія, кромѣ пенсіи въ 2 р. 75 к. въ мѣсяцъ, и хотя морское министерство выдавало ей въ прежнее время почти ежегодно рублей 50, но за послѣдніа четыре года и этого пособія она лишилась, такъ какъ покойный мужъ ея не служилъ въ морскомъ вѣдомствѣ. Въ настоящее время она перебивается съ помощью своей квартирной хозяйки, у которой присматриваетъ за дѣтьми. Бѣдность ея велика; несмотря на холодное время года, она ходитъ въ изношенномъ ситцевомъ платьѣ и дырявыхъ башмакахъ; теплаго платья у нея нѣтъ. Сверхъ того, она страдаетъ ревматизмомъ.

2) Отклонены ходатайства двухъ лицъ о пособіи, такъ какъ одно изъ нихъ не удовлетворяетъ условіямъ устава Общества, а другое, по своимъ трудамъ, не имѣетъ права на частую помощь со стороны Общества.

3) Утверждено распоряженіе предсѣдателя о выдачѣ 20 р. въ пособіе одному, находящемуся въ бѣдности, писателю.

4) По просьбѣ сотрудницы одной газеты, сообщено редакціи этой газеты объ удовлетвореніи просительницы за ея сотрудничество. Въмѣстѣ съ тѣмъ положено: вопросъ о порядкѣ печатанія журналовъ Комитета по подобнымъ прошеніямъ предложить на обсужденіе годового собранія членовъ Общества.

Отчетъ казначея за ноябрь 1871 г.

Къ 1-му ноябрю состояло на лицо 53,599 р. 30 к.; въ томъ числѣ: 1) процентными бумагами 52,140 р., 2) на текущемъ счету 1,000 р., 3) наличными деньгами 459 р. 30 к. — Въ теченіе мѣсяца поступило 679 р.; въ томъ числѣ: 1) взносы 11-ти членовъ Общества 225 р.; 2) единовременно отъ 3-хъ лицъ 154 р.; 3) возвратъ ссуды 300 р.; всего въ кассѣ и въ приходѣ 54,278 р. 30 к. — Въ теченіе мѣсяца израсходовано 596 р.; въ томъ числѣ: 1) пенсіи 5-ти семействамъ 296 р., 2) единовременное пособіе 5-ти лицамъ 300 р. — Къ 1-му декабря состоитъ на лицо 53,682 р. 30 к.; въ томъ числѣ: процентными бумагами 52,140 р., на текущемъ счету 1,000 р., наличными деньгами 542 р. 30 к.

Списокъ членамъ Общества, съдѣлавшимъ взносы въ теченіе ноября:
а) пожизненный, Баймаковъ, Ѳ. П. 100 р.; б) годовые за 1870 и 1871 годы: Илимовъ, В. П. 20 р.; за 1871 г. Граве, Н. В. 10 р., Лазаревскій, Ѳ. М. 10 р., Мочалкинъ, Е. П. 10 р., де-Роберти, Е. В. 10 р., Соболевъ, А. Н. 25 р.; за 1872 г. Арапетовъ, И. П. 10 р., Бѣлокрысенко, А. Ѳ. 10 р., Евдокимовъ, В. Я. 10 р., Шульцъ, А. О. 10 р.

Единовременныя пожертвованія поступили отъ слѣдующихъ лицъ: отъ типографіи А. И. Мамонтова, въ Москвѣ, 100 р., Н. А. Вормса 30 р., неизвѣстнаго 24 р.

Двадцать-второе засѣданіе комитета, 6-го декабря 1871-го года.

1) Выдано 30 руб. въ пособіе писателю, потерявшему, вслѣдствіе болѣзни, большую часть своихъ занятій въ одной редакціи. Дѣти его тоже больны.

2) Выдано 25 руб. въ пособіе писателю, находящемуся въ крайней бѣдности, едва поправившемуся отъ болѣзни.

3) Отклонено ходатайство одного лица о пособіи, такъ какъ лицо это, состоя на службѣ, пользуется достаточнымъ содержаніемъ отъ правительства и, кромѣ того, обладаетъ недвижимою собственностью.

4) Выдано 25 р., въ пособіе больному и лишенному средствъ къ жизни писателю; вмѣстѣ съ женою онъ занимаетъ квартиру на чердакѣ; выходить онъ не можетъ, жена же не можетъ отъ него отлучиться.

5) Выслано 200 руб. въ пособіе семейству писателя, лишеннаго всякихъ средствъ къ жизни.

6) Сдѣлано сношеніе съ варшавскимъ военнымъ округомъ о выдачѣ вдовѣ писателя слѣдующаго ей содержанія по званію повивальной бабки и, сверхъ того, приняты мѣры къ предоставленію ей мѣста.

7) Изъявлено согласіе на сдѣланный совѣтомъ Императорскаго харьковскаго университета выборъ въ стипендіаты Е. П. Ковалевскаго студента Николая Черняева и выслано въ университетъ, для выдачи г. Черняеву, 300 р.

8) Объявлена благодарность Общества Л. Н. Симонову, представившему нѣсколько билетовъ для бесплатнаго пользованія, въ его лечебницѣ, больныхъ писателей.

9) Взамѣнъ выбывающихъ 2-го февраля 1872 г. изъ числа членовъ комитета, выбраны слѣдующіе кандидаты: А. П. Заблоцкій-Десятовскій, В. Ф. Коршъ, А. Н. Пыпинъ, Г. К. Рѣпинскій, Г. Г. Даниловичъ, О. Ф. Миллеръ, П. П. Пекарскій и В. И. Вешняковъ.

Двадцать-третье засѣданіе Комитета, 20-го декабря 1871-го года.

1) Выдано 75 р. въ пособіе писателю, сдѣлавшему долги для образованія своего младшаго брата.

2) Выдано 35 р. на приобрѣтеніе теплой одежды и на поѣздку въ провинцію писателю, лишенному средствъ къ жизни.

3) Отклонено ходатайство одной просительницы о пособіи, такъ какъ она не указала съ точностью литературные труды своего покойнаго мужа.

4) Отклонены ходатайства четырехъ лицъ о пособіи, такъ какъ лица эти не имѣютъ права на частую или значительную помощь со стороны Общества.

5) Выдано 100 р. въ единовременное пособіе молодому писателю, поставленному, вслѣдствіе тяжелой болѣзни, въ невозможность работать, вмѣстѣ съ тѣмъ, во вниманіе къ его трудамъ и положенію, назначена ему пенсія по 120 р. въ годъ, съ 1-го января 1872 г.

6) Выдано 25 р. въ пособіе бѣдному студенту.

7) Объявлена благодарность Общества барону А. Ф. Стурту за содѣйствіе его комитету.

8) Положено представить на утвержденіе общаго собранія членовъ

Общества слѣдующія правила о посредничествѣ Комитета между писателями и издателями или редакторами журналовъ:

1) Будучи единственно посредникомъ въ возникающихъ недоразумѣнiяхъ между писателями, съ одной стороны, и издателями или редакторами журналовъ съ другой, и совершенно устранивъ отъ себя роль судьи или рѣшителя споровъ, на котору, по своему учрежденiю, не имѣетъ никакого права, комитетъ Общества всякую жалобу на неисполненiе редакторовъ или издателемъ условiй договора съ писателемъ, препровождаетъ, въ выпискѣ, къ тому лицу, на которое жалоба принесена и ожидаетъ его разъясненiй.

2) Получивъ отвѣтъ, Комитетъ сообщаетъ его въ выпискѣ просителю, и если получить отъ него возраженiе на отвѣтъ, то сообщаетъ его отвѣтчику для надлежащаго разъясненiя дѣла.

3) По спорамъ, неоконченнымъ сторонами мироблюбно въ теченiе мѣсяца со дня послышки послѣдней бумаги, комитетъ прекращаетъ всякое у себя производство, предоставляя сторонамъ вѣдаться тѣмъ путемъ, какой онѣ найдутъ болѣе удобнымъ.

4) Въ случаѣ неполученiя отвѣта на послѣднее сообщенiе, или прекращенiя дѣла мироблюбно, комитетъ имѣетъ право опубликовать, въ извлеченiяхъ изъ своихъ журналовъ, существо спора, съ означенiемъ полныхъ именъ обѣихъ сторонъ.

(По мнѣнiю нѣкоторыхъ членовъ комитета, послѣ § 4, должно быть помѣщено слѣдующее правило: «Всѣ эти распоряженiя не могутъ быть сдѣланы комитетомъ иначе, какъ только при условiи, если онъ въ самой просьбѣ истца будетъ прямо уполномоченъ на это, или если въ теченiе возникшаго уже дѣла получитсѣ заявленiе о желанiи просителя дать дѣлу именно этотъ ходъ»).

5) Споры, оконченные мироблюбно, вовсе не публикуются и упоминаются лишь вкратцѣ въ годовомъ отчетѣ Общества, безъ означенiя именъ сторонъ и существа возникшихъ между ними недоразумѣнiй.

II. Подписка на памятникъ Пушкину.

(Отъ высочайше учрежденнаго комитета).

Согласно напечатанному уже*) объявленiю комитета для сооруженiя памятника Пушкину, пожертвованiй на сей предметъ поступило, за время съ открытiя въ апрѣлѣ 1871 г. дѣйствию комитета по 1-е ноября. 10.375 р. 68¹/₄

Затѣмъ въ теченiе ноября доставлено:

а) наличными деньгами 2,184 р. 77 к.

б) квитанціями главнаго, губернскихъ

и уѣздныхъ казначействъ 2,363 „ 24³/₄ „

4,548 „ 1³/₄

Итого 14,923 р. 70 к.

По подпискѣ 1860 года, прежде собрано 18,254 „ —

Всего по 1-е декабря 33,177 р. 70 к.

Независимо отъ пожалованныхъ членами Императорской Фамиліи 950 р., эта сумма составила, отъ начала подписки въ 1871 г. по 1-е декабря того же года, изъ слѣдующихъ взносовъ частныхъ лицъ:

I. По сборнымъ книжкамъ.

Отъ М. Н. Лонгинова—383 р., въ томъ числѣ: отъ М. Лонгинова—25 р., А. Лонгиновой—10 р., отъ неизвѣстнаго—10 р., отъ Анненкова—10 р., отъ неизвѣстнаго—10 р., отъ В. Апраксина—20 р., отъ Н. Ратинскаго—15 р., отъ А. Матвѣева—10 р., отъ А. Хвостова—

*) См. Вѣстн. Евр. 1871, май, 494 стр.

25 р., отъ Д. Рузанова—25 р. и отъ разныхъ лицъ менѣ крупными пожертвованіями—223 р. Отъ В. И. Фребеліуса—46 р. Отъ П. М. Толстаго—990 р., въ томъ числѣ: отъ И. А. Яковлева—300 р., отъ В. Нарышкина—500 р., отъ П. Демидова—100 р., отъ гр. М. Толстой—10 р., отъ Кутузова-Толстаго—50 р., отъ Е. М. Толстой—10 р., отъ неизвѣстнаго—20 р. Отъ Н. М. Голицына—117 р. 75 к., въ томъ числѣ: отъ Иконникова—25 р., князя П. А. Голицына—11 р. 50 к., и менѣ крупными пожертвованіями—81 р. 25 к. Отъ В. И. Фребеліуса—14 р.; директора 2-й с.-петербургской гимназіи—19 р. 74 к.; директора 7-й с.-петербургской гимназіи—19 р. 30 к.; инспектора Введенской прогимназіи—9 р.; инспектора 2-й с.-петербургской прогимназіи—4 р.; директора училищъ Тверской губ.—46 р. 50 к.; директора училищъ Астраханской губ.—15 р. 41 к.; директора Нижегородскаго Александровскаго института—12 р. 31 к.; попечителя виленскаго учебнаго округа—22 р. 15 к.; директора виленскихъ народныхъ училищъ—9 р. 2 к.; завѣдывающаго варшавскимъ институтомъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ—9 р. 50 к.; директора училищъ г. Варшавы—12 р. 30 к.; начальника ломжинской учебной дирекціи—18 р. 71½ к.; инспектора ченстоховской прогимназіи—5 р. 94 к.; управляющаго авцизными сборами въ Эстляндской губ.—27 р. 50 к.; управляющаго виленскою казенною палатою—39 р. 80 к.; управляющаго рязанскою казенною палатою—147 р. 2 к.; управляющаго орловскою казенною палатою—45 р. 70 к.; управляющаго авцизными сборами въ Курляндской губ.—25 р. въ томъ числѣ: отъ Вильяма фонъ-Киницъ—10 р. и отъ прочихъ—15 р.; управляющаго авцизными сборами въ Ломжинской, Плоцкой и Сувальской губ.—200 р., въ томъ числѣ: отъ фонъ-Шведеръ—12 р., Штейнбергъ—25 р., Асмусъ—15 р., Гано—10 р., Володзко—10 р., Шишко 2-й—12 р., Горскаго—10 р., и отъ прочихъ—186 р.; отъ управляющаго авцизными сборами въ Новгородской губ.—16 р. 25 к.; управляющаго авцизными сборами въ Калишской и Петровковской губ.—165 р., въ томъ числѣ: отъ Н. Соломонъ—25 р. и отъ прочихъ—145 р. Отъ Н. А. Качалова—95 р. 50 к., въ томъ числѣ: отъ Н. Качалова—10 р., гр. Вл. Толстаго—10 р. и отъ прочихъ—75 р. 50 к.; отъ Н. В. Кидошенкова—99 р., въ томъ числѣ: отъ В. С. Барыкова—10 р., Зузина—10 р., П. В.—10 р., неизвѣстнаго—10 р., А. Н. Струговщикова—10 р., и отъ прочихъ—49 р. Отъ П. А. Шульца—16 р., В. И. Вешнякова—100 р.; финляндскаго военнаго генералъ-губернатора—42 р. 12½ к.; въ томъ числѣ: отъ гр. Н. Адлерберга—25 р.; А. Гагемейстера—10 р. и отъ прочихъ—7 р. 12½ к.; начальника архангельскаго таможеннаго округа—60 р.; начальника одесскаго таможеннаго округа—81 р. 25 к.; начальника таганрогскаго таможеннаго округа—111 р., въ томъ числѣ: отъ Средина—10 р. и отъ прочихъ—101 р.; управляющаго с.-петербургскою портовою таможеню—23 р.; управляющаго варшавскою таможеню—40 р.; управляющаго астраханскою таможеню—21 р.; управляющаго иркутскою таможеню—1 р. 85 к.; С. И. Зеленаго—18 р., въ томъ числѣ: отъ С. И. Зеленаго—15 р. и отъ прочихъ—3 р.; вице-директора департамента торговли и мануфактуръ—16 р.; отъ В. К. Рашета—40 р.; въ томъ числѣ: В. Рашета—10 р. и отъ прочихъ—30 р.; председателя рязанской губернской земской управы—5 р.; председателя херсонской губернской земской управы—12 р.; архангельскаго городского головы—81 р., въ томъ числѣ: отъ В. Грибанова—25 р., К.

Мейера—15 р. и отъ прочихъ—41 р.; директора департамента министерства юстиціи—31 р.; завѣдывающаго с.-петербургскою удѣльною конторою—53 р. 20 к.; директора Императорской петергофской гранильной фабрики—12 р. 80 к.; управляющаго государственными имуществами въ Кіевской губ.—12 р. 24 к.; управляющаго горнымъ департаментомъ—60 р. 30 к.; старшаго предсѣдателя с.-петербургской судебной палаты—2 р.; предсѣдателя предсѣдателя судебной палаты—59 р., въ томъ числѣ: отъ неизвѣстнаго—10 р., Павлова—10 р. и отъ прочихъ—39 р.; отъ предсѣдателя ржевскаго окружнаго суда—8 р.; предсѣдателя харьковскаго окружнаго суда—16 р. 50 к.; предсѣдателя воронежскаго окружнаго суда—17 р. 75 к.; начальника штаба финляндскаго военнаго округа—6 р.; начальника финляндскаго окружнаго инженернаго управления—22 р. 75 к.; коменданта варшавской цитадели—48 р. 40 к., въ томъ числѣ: отъ Михаила Зайцева—10 р. и отъ прочихъ—38 р. 40 к.; ахалцыхскаго коменданта—50 р. 50 к.; коменданта крѣпости Бендеры—14 р., въ томъ числѣ: Ф. Каннабихъ—10 р. и отъ прочихъ—4 р.; коменданта Бобруйской крѣпости—10 р. 50 к.; отъ вице-адмирала Д. И. Кузнецова—10 р.; петергофскаго коменданта—25 р.; коменданта с.-петербургской крѣпости—25 р.; коменданта свеаборгской крѣпости—17 р. 75 к.; с.-петербургскаго губернскаго воинскаго начальника—10 р.; витебскаго губернскаго воинскаго начальника—11 р. ½ к.; минскаго губернскаго воинскаго начальника 19 р. 28½ к.; сувалскаго губернскаго воинскаго начальника 4 р. 30 к.; ломжинскаго губернскаго воинскаго начальника 6 р. 50 к.; орловскаго губернскаго воинскаго начальника 10 р.; московскаго губернскаго воинскаго начальника 3 р.; тульскаго губернскаго воинскаго начальника 28 р. 26 к.; управляющаго варшавскою контрольною палатою 13 р. 20 к.; управляющаго закавказскою контрольною палатою 18 р. 35 к.; управляющаго минскою контрольною палатою 8 р.; управляющаго нижегородскою контрольною палатою 10 р.; управляющаго оренбургскою контрольною палатою 14 р. 95 к.; управляющаго пермскою контрольною палатою 10 р.; управляющаго полтавскою контрольною палатою 10 р. 30 к.; отъ псковскаго губернскаго воинскаго начальника—12 р. 4 к.; управляющаго государственными имуществами Волынской губ.—20 р. 2 к.; пензенскаго губернскаго воинскаго начальника—10 р. 13 к.; управляющаго таврическою контрольною палатою—16 р.; въ томъ числѣ: отъ В. Чачкова—10 р. и отъ разныхъ лицъ менѣе крупными пожертвованіями—6 р.; отъ инспектора орловскаго института—30 р.; въ томъ числѣ: отъ Николая Панютина—10 руб. и отъ прочихъ—20 р.; начальника плоцкой учебной дирекціи—38 р. 25 к.; инспектора одесскаго института благородныхъ дѣвицъ—209 р. 30 к.; въ томъ числѣ: отъ Серебрякова—10 р., М. Ф. Шугурова—10 р., Ставило—10 р. и отъ прочихъ—179 р. 30 к.; директора Екатерининскаго учительскаго института—11 р. 50 к.; К. Веймарна—86 р.; въ томъ числѣ: отъ Печаткина—10 р., неизвѣстнаго—10 р. отъ Анисило—10 р.; Флора Панова—10 р., и отъ прочихъ—46 руб.; плоцкаго губернатора—91 р. 88 к.; въ томъ числѣ: отъ барона Врангеля 18 р. и отъ прочихъ—73 р. 88 к.; инспектора варшавскаго Александринско-Маринскаго института—20 р.; инспектора брестской прогимназіи—15 р. 97 к.; А. И. Верховцева—72 р.; директора училищъ Курской губ. 83 р. 81 к., — въ томъ числѣ: отъ Д. Жаворонкова—10 р. и отъ прочихъ—73 р. 81 к.; люблинскаго губернскаго

воинскаго начальника — 8 р. 80 к.; директора московской 6-й гимназіи — 50 р., въ томъ числѣ: отъ М. Губонина — 10 р., отъ прочихъ — 40 р.; инспектора бѣлостокскаго института — 33 р. 40 к.; въ томъ числѣ: отъ Е. Калогоорги — 10 р. и прочихъ — 23 р. 40 к.; директора варшавскихъ гимназій — 28 р. 75 к.; управляющаго петрововскою казенною палатою — 52 р. 35 к.; владикавказскаго коменданта — 3 р.; управляющаго одесскою контрольною палатою — 20 р.; инспектора 5-й варшавской гимназіи — 9 р. 50 к.; инспектора бѣльскихъ педагогическихъ курсовъ — 5 р. 5 к.; вологодскаго губернскаго воинскаго начальника — 12 р. 16 к.; директора 5-й московской гимназіи — 226 р. 80 к., въ томъ числѣ: отъ Н. О. Эмина — 10 р., Д. Назарова — 10 р., Е. Бѣляевскаго — 10 руб. и отъ прочихъ — 196 р. 80 к.; эстляндскаго губернскаго воинскаго начальника — 3 р. 68 к.; управляющаго акцизными сборами въ Могилевской губ. — 104 р. 75 к., въ томъ числѣ: отъ В. Ольдерогге — 10 р., Ермогена Смидовича — 10 р. и отъ прочихъ — 84 р. 75 к.; отъ управляющаго подоляскою контрольною палатою — 1 р.; директора 2-й московской гимназіи — 138 р. 61¼ к.; инспектора харьковскаго института — 84 р., въ томъ числѣ: отъ Г. С. Рандовскаго — 10 р. и отъ прочихъ — 74 р.; курляндскаго губернатора — 36 р., въ томъ числѣ: отъ П. Лиденфельда — 25 р. и отъ прочихъ — 11 р., директора училищъ нижегородской губ. — 16 р. 55½ к.; директора 4-й московской гимназіи — 120 р., председателя енисейской казенной палаты — 103 р. 30 к.; въ томъ числѣ: отъ Виктора Данилова — 10 р. и отъ прочихъ — 93 р. 30 коп.; директора училищъ Иркутской губ. — 17 р. 50 к.; директора 1-й казанской гимназіи — 16 р.; директора 6-й с.-петербургской гимназіи — 12 р. 90 к.; управляющаго с.-петербургскою сухопутною таможенною — 28 р. 50 к.; въ томъ числѣ: К. Д. Мессъ — 10 р. и отъ прочихъ — 18 р. 50 к.; инспектора солецкихъ педагогическихъ курсовъ — 10 р. 42½ к.; управляющаго акцизными сборами Минской губ. — 139 руб. 16 к.; управляющаго ковенскою контрольною палатою — 7 р.; директора виленскихъ училищъ — 9 р. 30 к.; инспектора гомельской прогимназіи — 18 р.; директора училищъ Архангельской губ. — 20 р. 80 к.; инспектора петрововской мужской гимназіи — 32 р. Отъ барона А. Л. Штиглица — 500 р.; И. С. Тургенева — 100 руб.; гр. Ю. И. Стенбока — 10 руб.; Н. Н. Тютчева — 10 р.; отъ служащихъ въ департаментѣ удѣловъ — 75 р.; отъ неизвѣстнаго — 10 р.; гр. Э. Т. Баранова — 25 руб.; Я. А. Соловьева — 10 руб.; А. П. Евренова — 20 руб.; И. П. Лѣсникова — 25 р.; М. Х. Рейтерна — 25 руб.; М. П. Вонлярлярскаго — 10 р.; Г. П. Небольсина — 10 руб.; П. Атрыганьева — 25 руб.; П. А. Муханова — 10 руб.; Н. В. Желѣзникова — 10 руб.; А. О. Ишимовой — 5 руб.; А. В. Плетневой — 10 руб.; И. И. Фундуклея — 50 руб.; А. И. Войцеховича — 25 руб.; А. Е. Левшина — 25 руб.; — гр. К. И. Палена — 25 руб.; Д. Н. Набокова — 10 руб.; Н. Ж. Метлина — 5 руб.; кн. С. Н. Урусова — 10 р.; гр. П. А. Шувалова — 25 руб.; барона Б. А. Фредерикса — 25 р.; И. П. Верпаховскаго — 10 руб.; А. Н. Андреева — 10 р.; отъ должностныхъ лицъ управления с.-петербургскаго порта — 71 руб. 85 к.; отъ служащихъ въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ — 88 р. 85 к.; П. Бражникова — 25 руб.; отъ служащихъ въ департаментѣ окладныхъ сборовъ — 41 р. 10 к.; отъ служащихъ въ департаментѣ государственнаго казначейства — 25 р. 45 к.; разныхъ лицъ изъ гор. Варшавы — 72 руб.; отъ служащихъ въ морскомъ министерствѣ — 103 руб. 50 к.; отъ разныхъ лицъ — 4 руб.; отъ В. Е. Энгельгардта —

30 р.; отъ преподавателей и воспитанниковъ Ларинской гимназіи—26 руб. 85 к.; отъ воспитанниковъ с.-петербургской VI гимназіи—18 р.; отъ П. И. Бартенева, пожертвованные разными лицами—56 р.; отъ редакціи С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, пожертвованные разными лицами—53 р. 50 к.; отъ разныхъ лицъ—5 р. 50 к.; отъ директора училищъ оренбургской гимназіи—24 р.; отъ саратовскаго губернскаго воинскаго начальника—34 р. 13½ к.; отъ управляющаго акцизными сборами Уфимской и Оренбургской губерній—300 р.; въ томъ числѣ: отъ довѣреннаго г. Первушина, купца Сидорова—50 р., отъ неизвѣстнаго—10 р. 20 к., купца Н. Рытова—10 р., и отъ прочихъ лицъ менѣе крупными пожертвованіями—229 р. 80 к.; отъ предсѣдателя калужскаго окружнаго суда—50 р.; въ томъ числѣ: отъ Александра Пурикова—10 р. и отъ прочихъ—40 р.; отъ начальника вѣлецкой учебной дирекціи—22 р. 3½ к.; отъ инспектора Холмской гимназіи—15 р. 50 к.; отъ инспектора Бѣльскаго классической гимназіи—8 р.; отъ Н. В. Сушкова 144 р., въ томъ числѣ: отъ Н. В. Сушкова—10 р., отъ неизвѣстнаго—10 р., отъ Е. Тютчевой—10 р., отъ вн. Н. П. Мешерскаго—100 р. и отъ прочихъ 14 р.; отъ В. Н. Исакова—15 р.; отъ управляющаго акцизными сборами Рязанской губерніи—150 р.; въ томъ числѣ: отъ А. Ральгина—25 р., и отъ прочихъ—125 р.; отъ управляющаго варшавскою казенною палатою—143 р. 99¾ к.; отъ управляющаго новгородскою казенною палатою—192 р. 66¼ к.; отъ начальника артиллеріи финляндскаго военнаго округа—25 р. 19¾ к.; отъ управляющаго ковенскою казенною палатою—72 руб. 25 к.; въ томъ числѣ: отъ Ивана Гоферберга—10 р. и отъ прочихъ—62 р. 25 к.; отъ директора училищъ Минской губерніи—11 р. 90 к.; отъ управляющаго курскою контрольною палатою—7 р.; отъ директора строительнаго училища—15 р. 61 к.; отъ управляющаго уфимскою контрольною палатою—11 р. 50 к.; отъ калужскаго губернскаго воинскаго начальника—37 руб. 15 к.; отъ управляющаго екатеринбургскаго контролю государственнаго банка—12 р. 85 к.; отъ управляющаго акцизными сборами Орловской губерніи—201 р. 21 к.; въ томъ числѣ: отъ Кричевскаго—10 р., отъ П. А. Рыхманова—10 р., отъ неизвѣстнаго—10 р. и отъ прочихъ—171 р. 21 коп.; отъ директора реформатскаго училища въ С.-Петербургѣ—82 р. 1 к.; отъ начальника юрбургскаго таможеннаго округа—71 р. 25 к.; отъ Х. Х. Мейена—500 р.; въ томъ числѣ: отъ Китсона и Райля—10 р., отъ Лузина—10 р., отъ неизвѣстнаго—25 р., отъ Беланже—25 р., отъ Родонова—10 р., отъ Найденова—10 р., отъ неизвѣстнаго—10 р., отъ неизвѣстнаго—10 р. и отъ прочихъ 380 руб.; отъ предсѣдателя совѣта Главнаго Общества російскихъ желѣзныхъ дорогъ—91 р. 17 к.; въ томъ числѣ: отъ Н. Ф. Кенита—25 руб. и отъ прочихъ—66 р. 17 к.; отъ вн. Е. А. Ухтомскаго—81 р. 75 к.; въ томъ числѣ: отъ вн. Е. Ухтомскаго—25 р., отъ А. А.—25 р., отъ Ат.—12 р. и отъ прочихъ—19 р. 75 к.; отъ волннскаго губернскаго воинскаго начальника—45 р. 60 к.; отъ инспектора сѣдлецкой гимназіи—20 р.; отъ директора училищъ Харьковской губерніи—69 р. 62 к.; отъ управляющаго вятскою казенною палатою—110 р. 74½ к.; отъ директора училищъ Казанской губерніи—43 р. 71 к.; отъ александропольскаго коменданта—15 р.; отъ начальника Эстляндской губерніи—93 руб.; въ томъ числѣ: отъ Г. Гильде—10 р., отъ К. Гильде—10 р. и отъ прочихъ—73 руб.; отъ директора училищъ Могилевской губерніи—41 руб. 25 коп.; отъ упра-

вляющаго подольскою казенною палатою — 72 р. 86½ к.; отъ директора Петропавловскаго училища — 114 р.; отъ начальника канцеляріи военнаго министерства — 74 руб.; отъ инспектора классовъ керченскаго Кушниковскаго института — 25 руб.; отъ барона Емілія Николаевича Дельвига — 111 руб., въ томъ числѣ: отъ бар. А. Дельвига — 25 руб., отъ К. Н. Посета — 25 руб., отъ К. В. Чевкина — 25 руб., отъ Духовскаго — 10 р., отъ А. Викулана — 15 р. и отъ прочихъ — 11 р.; отъ В. М. Бостанжогло — 289 р.; въ томъ числѣ: отъ В. М. Бостанжогло — 25 р., отъ И. А. Львова — 10 р., отъ А. И. Морозова — 10 р., отъ А. А. Челнокова — 25 р., отъ неизвѣстнаго — 10 р., отъ Лисицына — 25 р. и отъ прочихъ — 184 р.; отъ директора горнаго департамента — 37 р. 65 к.; отъ инспектора лодзинскаго ремесленнаго училища — 18 р. 31 к.; въ томъ числѣ: отъ А. Вилькинсъ — 10 р. и отъ прочихъ — 8 р. 31 коп.; отъ управляющаго финансами Царства Польскаго — 50 р.; въ томъ числѣ: отъ Н. А. Иванова — 20 р. и отъ прочихъ — 30 руб.; отъ управляющаго волыньскою контрольною палатою — 18 р. 5 к.; отъ директора училищъ Вологодской губерніи — 44 руб. 90 к.; отъ инспектора классовъ оренбургскаго Николаевскаго дѣвичьяго Института — 25 р.; отъ управляющаго акцизными сборами Ковенской губ. — 72 р. 10 к.; отъ саратов. губернатора — 61 р. 34 к.

II. При особыхъ объявленіяхъ.

Отъ П. П. Стремоухова 82 р.; отъ тверскаго губернатора 10 р. 70 к.; отъ старшаго учителя вознесенско-посадскаго училища Владимірской губ. 44 р. 42 к.; командира арсеналовъ въ р. Динабургъ 1 р.; попечителя вязниковской женской прогимназіи 7 р.; изъ Нейво-Шайтанскаго завода 12 р.; директора владимірской гимназіи 19 р.; смотрителя ефремовскихъ училищъ 4 р.; начальницы переяславскаго женскаго училища 9 р.; Данилевскаго 3 р.; горбатовскаго уѣзднаго казначейства 17 р. 62 к.; начальника динабургской военно-исправительной роты 2 р. 80 к.; командира 13-го уланскаго владимірскаго Е. И. В. В. К. Михаила Николаевича полка 2 р.; командира 4-й батареи 29-й артиллерійской бригады 1 р. 84 к.; командира складовъ артиллерійскаго имущества въ г. Вильнѣ 3 р. 86 к.; смотрителя суздальскаго уѣзднаго училища 6 р. 53 к.; начальника рижской артиллерійской команды 8 руб.; начальника рижской военно-исправительной роты 6 руб.; неизвѣстнаго 22 руб.; Х. Х. Мейена 500 руб.; командира 62-го пѣхотнаго суздальскаго полка 7 руб. 54½ коп.; начальника рижской инженерной дистанціи 3 руб.; командира 4-го сапернаго батальона — 5 р.; командира тульскаго губернскаго батальона — 2 р. 46 к.; окружнаго надзирателя подольско-бессарабскаго акцизнаго управленія — 1 р.; начальника вилькомирскаго уѣздной команды — 1 р.; старшаго помощника надзирателя X-го округа подольско-бессарабскаго акцизнаго управленія — 25 р.; тверскаго губернатора — 12 р. 5 к.; начальника поневѣжской уѣздной команды — 2 р.; воинскихъ чиновъ лифляндскихъ уѣздныхъ командъ — 12 р. 45½ к.; командира 2-й батареи 16-й арт. бригады — 12 р.; командира бобруйскаго крѣпостнаго полка — 3 р. 49 к.; управляющаго пермскими акцизными сборами — 454 руб. 57 коп.; начальника ковенской инженерной дистанціи — 7 р.; начальника ковенской сборной команды — 70 к.; брестъ-литовскаго коменданта — 3 р.; командира 61-го пѣхотнаго владимірскаго полка — 3 р. 5 к.; штатнаго смотрителя ниже-дѣвицкаго уѣзднаго училища — 4 р.; лифляндскаго

губернскаго воинскаго начальника—6 р. 24 к.; начальника виленской инженерной дистанціи—10 р.; командира 105-го пѣхотнаго оренбургскаго полка—2 р. 97 к.; надзирателя X-го округа подольско-бессарабскаго акцизнаго управленія—14 р. 10 к.; начальника ново-александровской уѣздной команды—1 р. 30 к.; П. Н. Стремоухова—103 р.; начальника россенской уѣздной команды—2 руб. 65 коп.; командира 27-й артиллерійской бригады—5 р.; директора пермскаго военной прогимназіи—12 р.; надзирателя 7-го округа подольско-бессарабскаго акцизнаго управленія—7 р.; управляющаго почтовою частью въ нижегородской губерніи—18 р. 85 к.; витебскаго губернскаго воинскаго начальника 30 к.; командира динаминдской крѣпостной артиллеріи—3 рубля.; отъ начальника динабургскаго инженернаго управленія—4 р.; директора вольской военной прогимназіи—10 р.; инспектора народныхъ училищъ Владимірской губ.—1 р. 50 к.; отъ директора елисаветградской военной прогимназіи—13 р. 10 к.; командира 97-го пѣхотнаго лифляндскаго полка—6 р. 68¹/₂ к.; инспектора народныхъ училищъ Ярославской губ.—43 р.; директора училищъ С.-Петербуржской губ.—35 р.; витебскаго губернскаго воинскаго начальника—50 к.; командира ковенскаго губернскаго баталіона—2 р. 12 коп.; командира 101-го пѣхотнаго пермскаго полка—14 р.; командира 25-й артиллерійской бригады—3 р.; старшины никульскаго волостнаго правленія, Владимірской губ.—6 р.; казначей еодоссійскаго уѣзднаго казначейства—12 руб. 87 коп.; казначей Перекопскаго уѣзднаго казначейства—6 р. 93 к.; П. Н. Стремоухова—49 р. 72 к. (170 франковъ); директора училищъ Тверской губ.—8 р.; отъ симбирскаго губернскаго воинскаго начальника—5 р. 94 к.; отъ смотрителя владимірскихъ училищъ—3 р.; отъ П. Н. Ольшева—40 р. 50 коп.; отъ управляющаго харьковскою конторою Государственнаго Банка—134 р. 50 коп.; отъ волынскаго губернскаго воинскаго начальника—10 р. 70 к.; отъ смотрителя быховскаго уѣзднаго училища—2 р. 60 коп.; отъ олонецкаго губернскаго воинскаго начальника—9 р. 28 к.; отъ штатнаго смотрителя рогачевскаго уѣзднаго училища—3 р. 90 к.; отъ командира фейерверкскаго школы въ гор. Вильнѣ—1 р. 50 коп.; отъ директора училищъ Владимірской губерніи—31 р. 93 к.

Всего отъ апрѣля по 1-е декабря собрано—14,923 р. 70 к.

М. Стасюлевичъ.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПЕРВАГО ТОМА.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — XXXIII-й ТОМЪ.

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ, 1872.

Книга первая. — Январь.

	Стр.
ВѢШНЯЯ ВОДА. — Повѣсть. — ИВ. С. ТУРГЕНЕВА	5
ЗАДАЧИ ПСИХОЛОГИИ. — I-II. — К. Д. КАВЕЛИНА	130
ЧТО СЪ НЕЙ? — Стих. Я. П. ПОЛОНСКАГО	170
МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ МАСОНСКИХЪ ЛОЖЪ. — I. Розенкрейцеры. — II. Авиньонское Общество «Новаго Израиля». — А. Н. ПЫПИНА	174
ОБЪ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ОБУЧЕНІЯ ВЪ РОССИИ. — Бар. Н. А. КОРФА	216
ЖЕЛЕЗНЫЯ ДОРОГИ, КАКЪ ПРЕДМЕТЪ ЭКОНОМИИ. — Ю. Г. ЖУКОВСКАГО	245
ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РЕФОРМЪ. — 1861-1871. Статья девятая. — Законъ о печати и провинціальная печать. — Г.	296
ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРѢНІЕ. — Московская печать о судебной реформѣ. — Вторая сессія финляндскаго сейма и предстоящіе ей труды. — Новость въ дѣлѣ начальнаго образованія. — Льготная отмѣна адресныхъ билетовъ. — Новыя постановленія о почтѣ. — Новое училище рабочихъ и ихъ дѣтей. — Женское первоклассное училище Н. И. Захаровой и его учебный планъ.	326
ЗАМѢТКА ПО ПОВОДУ НОВОЙ ИНСТРУКЦІИ ИНСПЕКТОРАМЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ. — Т.	347
ИНОСТРАННОЕ ОВОЗРѢНІЕ. — Возобновленіе сессіи во Франціи. — Посланіе президента. — Орлеанскіе принцы. — Законъ объ арміи. — Законъ объ ученіи. — Бюджетъ. — Закрытіе германскаго и открытіе прусскаго сеймовъ. — Уменьшеніе налоговъ. — Циркуляръ графа Авдьяши. — Выборы въ Австріи. — Открытіе австрійскаго рейхсрата. — Первая сессія итальянскаго парламента въ Римѣ. — Бюджетъ министра Селлы. — Новое министерство въ Испаніи. — Открытіе сессіи сѣверо-американскаго конгресса	354
КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ. — Итальянскіе реакціонеры и клерикалы. — D. G.	374
КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА. — Тьеръ и Національное собраніе. — Н.	385
НОВАЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Литература мемуаровъ. — Деятнадцатый вѣкъ. — Историческій сборникъ, издаваемый П. Бартевымъ. Книга первая.	402
НОВЫЯ КНИГИ. — Поэзія славянъ. Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній славянскихъ народовъ, въ переводахъ русскихъ писателей, Н. В. Гербеля. — Библіотека современныхъ писателей: Глѣбъ Успенскій — Разореніе; Нравы Растеряевой улицы; Очерки и Рассказы. — Ал. — Русскій Календарь на 1872 годъ, А. Суворина — Техническій Календарь на 1872 г., Н. М. Вихеле. — Д-б-ъ	409
ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ — Податная сила Новгородской губерніи. — М. ПРОКОФЬЕВА	418
ОБЪЯСНЕНІЕ. — По требованію министерства народн. просвѣщенія. — СООБЩЕНО	422
КОРОТКІЙ ОТВѢТЪ «МОСКОВСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ». — А.	424
ИЗВѢСТІЯ. — Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ: За-сѣданія Комитета 11, 25 октября и 7 ноября, и Общее собраніе членовъ Общества 7 ноября	426
ОТЪ РЕДАКЦІИ. — Поправка къ некрологу Н. И. Тургенева	429
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

Книга вторая. — Февраль.

Сельское учение.—Стенная надпись.—А. И. ЛЕВИТОВА	491
Задачи психологии.—Ш-У.—К. Д. КАВЕЛИНА	490
Материалы для истории масонских ложь.—Ш. Возрождение масонских ложь при имп. Александрѣ.—IV. Директоріальная ложа Владиміра и Великая провинціальная ложа.—А. Н. ПЫШИНА	561
Современная глушь.—Изъ воспоминаній мирового судьи.—I. Старые коряжки и новый судъ.—II. Бабій вопросъ и бабій трудъ въ глуши.—III. Наше сельское духовенство.—В. Н. НАЗАРЬЕВА	604
Стихотворенія.—1. Гроза.—2. А—въ.—3. Сирени.—И. М. КОВАЛЕВСКАГО.	637
Восточная политика Германіи и оврусненіе.—I—III.—М. Т.—ОВЪ	640
Золото.—Изъ Томаса Гуда.—Д. М. Н.	696
Десять лѣтъ реформъ.—1861-1871 гг.—Статья десятая.—Судебная реформа.—I. Общій взглядъ на реформу.—II. Общее раздѣленіе судебныхъ установленій и предѣлы ихъ власти.—Г.	696
Внутреннее Овозрѣніе.—Путешествіе г. Георгіевскаго по вопросу о реальныхъ училищахъ.—Различіе между Mittelschule и Realschule.—Мнѣніе г. Баха о проектѣ реальныхъ училищъ въ Россіи.—Актъ въ рижской реальной гимназій.—Государственная роспись на 1872-й годъ и отсутствіе дефицита.—Очередная сессія петербургскаго земскаго собранія.—Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1870-й годъ.—Вопросъ объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ передъ частными лицами	734
Изъ судебного міра.—Посвящается «Московскимъ Вѣдомостямъ».—В. О.	763
Иностранное Овозрѣніе.—Двойное значеніе Тьера для Франціи.—Превія о налогахъ.—Правительственный кризисъ.—Увольненіе прусскаго министра фонъ-Мюллера, и взглядъ на его дѣятельность.—Д-ръ Фалькъ.—Австрійское правительство, Галиція и Кроація.—Англо-французскій торговый трактатъ.—Возмущеніе въ Индіи.—Дѣло «Элебеми».—Требованія Америки.—Распушеніе испанскихъ кортесовъ.—Отношеніе германской печати къ русскимъ дѣламъ	793
Корреспонденція изъ Берлина.—Конституція и самоуправленіе въ Пруссіи.—К.	815
Новѣйшая Литература.—Екатерина II, въ ея письмахъ.—Сборникъ Русскаго Историческаго Общества.—Томъ седьмой	837
Новыя Книги.—Николай Негоревъ или благополучный россиянинъ, Ив. Кувешскаго.—Внучъ Обломова, Л. Ф. Привольскаго.—Русскіе и иностранные современные романисты, сост. и изд. В. Радищевымъ.—Изъ жизни. Педагогическія наблюденія, И. Бѣлова	846
Замѣтка.—Первые Археологическіе съѣзды въ Россіи и ихъ труды—Д.	854
Отвѣтъ на «Бранное посланіе» г. Погодина—Н И КОСТОМАРОВА	859
По поводу «Объясненія», сообщеннаго по требованію министерства народнаго просвѣщенія.—С.	864
Отъ редакціи.—Кому были написаны «Философическія письма» Чаадаева?	867
Извѣстія.—Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ: За-сѣданія Комитета 22 ноября, 1 и 20 декабря.—II. О подпискѣ на памятникъ Пушкину по 1 декабря 1871 года.	868
Библиографическій Листокъ.	

енная Библиотека. Томъ седьмой. Спб. 1871.

Ц. за 14 том. съ атласомъ 16 руб.

Въ настоящемъ выпускѣ этого спеціальнаго анія, лекція ген.-м. Леера о войнѣ 1870 г. вѣду Франціи и Германіи займутъ собою безъ ивнѣя всякаго вообще образованнаго читателя, съ какъ профессоръ ввелъ и политическій элементъ для объясненія причинъ побѣды однихъ и ениѣ другихъ. По мнѣнію г. Леера, въ наше я, великіе полководцы, эта счастливая слу- вность, на которую рассчитывать нельзя, дол- а быть наивнѣи великими военными систе- ями, созданіе которыхъ можетъ быть уже резуль- томъ человеческихъ усилій; но оныя, великая яная система можетъ родиться только тамъ, а существуетъ широкая государственная систе- а, стремящаяся къ просвѣщенію массъ и неоп- ячивающаяся тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ об- аства, по приводимому авторомъ выраженію ейна, «lakirter Staub»,—лакированную пыль.

хивъ Судебной Медицины и общественной гигиены, издав. Мед. Деп. 1871. № 4, декабрь.

Мы такъ часто и много говорили о великой вѣбъ этого бесспорно лучшаго периодическаго анія, предпринятаго самимъ правительствомъ, а вѣтъ надобности распространяться теперь редѣ, какой привнесетъ закритіемъ подобныхъ аній. Помимо служенія медикамъ, удаленнымъ а деитровъ научныхъ средствъ, этотъ журналъ айтвовалъ къ распространенію отчизновѣдѣ- нія, находящагося у насъ еще въ колебеліи. аи въ вопросахъ отчизновѣдѣнія журналу при- шлось чаще знакомить читателей съ существу- яимъ у насъ зломъ и недостатками, то надобно аться, что, къ сожалѣнію, прекращеніемъ жур- ала не будетъ вмѣстѣ и прекращеніемъ тѣхъ а и недостатковъ, — напротивъ. Достаточно ачестъ заглавіе хотя нѣкоторыхъ статей послѣ- ней книги «Архива», чтобы согласиться съ аи: «Подвальная жилища въ Петербургѣ»; ародныя кухни въ Берлинѣ»; «Санитарно- ипейскія мѣры при общирныхъ неврозахъ (органовъ)»; «Статистическія изслѣдованія са- гарнаго состоянія Петербурга въ 1870 году» а. д. Распространеніе такихъ положительныхъ адвнѣи и опатовъ чужихъ странъ или другого амени стоило правительству ежегодно 10 т. р.; а трудно и вычислить, чего можетъ стоить а истинательно стоить намъ подчасъ недоста- а свѣдѣній и наша неготовность къ а вѣбъ съ тою или другою повальною болѣзнію, а такъ часто приходится, по пословицѣ,—а агу вхатъ, собака кормитъ. Мы содержамъ, а ама основательно, постоянная арміи на случай абы съ внѣшнимъ врагомъ; это же необхо- а дѣлать и противъ внутренняго врага: голодъ, аное устройство домовъ, холера, стоюгъ жертвъ, а и война; а постоянную армію служатъ а именно затраты на распространеніе въ а- аственныхъ дѣятеляхъ и въ обществѣ здравыхъ а гнѣи и опытности.

снѣй. Журналъ, издаваемый Спб. Обществомъ а архитекторовъ. Ежемѣсячное изданіе. № 1, а январь. 1872. Полный годъ—10 руб.

Намъ во всемъ недостаетъ школы послѣ а олы, соединенія трудящихся надъ какою ни-

будь спеціальностью въ корпораціи съ дѣлю а взаимнаго обмена идей, съ научною дѣлюю. Вира- ачемъ, составленіе такихъ поземныхъ корпораціи или обществъ встрѣчается для себя и не малымъ а затрудненіемъ; по крайней мѣрѣ, Спб. Общество архитекторовъ, задуманное еще въ 1862 году, а получило окончательное утвержденіе своего уста- а ва въ концѣ 1870 года, а теперь открывается а- аственный органъ для пріаданія публичности своей а дѣятельности. Въ наше время, когда человѣческое а жилище должно удовлетворить не барской а- ахоти или дѣламъ простой наживы и спекуляціи, а комфорту, дешенизвѣи и требованіямъ гигиены, а основаніе подобнаго Общества, которое руко- а дило бы вопросами архитектуры, какъ нельзя а болѣе кстати, и новый его органъ заслуживаетъ а серьезнаго вниманія публики, интересъ которой а тѣсно связаны съ дальнѣйшими усиліями этого а Общества.

Сказки Кота-Мурлыки, собранныя Николаемъ а Вагнеръ (?). Изданіе Стасовой и Труби- а ковой. Спб. 1872. Стр. 420. Ц. 2 р.

Сказка, древнее убѣжище правды, и до сихъ а поръ не перестаетъ служить ей вѣрнымъ и а- ащедоступнымъ помѣщеніемъ. Всегда нужно было а много времени для того, чтобы правда изъ сказки а переселялась въ жизнь: многое изъ осуществле- а наго нами теперь жило когда-то въ области а сказокъ, и то, что сегодня хорошо только въ сказкѣ, а еще быть можетъ, не скоро сдѣлается былью; не а даромъ и пословица говорить: «скоро сказка а сказывается, да не скоро дѣло дѣлается.» Но а все же заслуга сказки—будить и направлять а- а творческую дѣятельность человеческихъ массъ въ а безконечную самосовершенствованію. Такая а дѣла и пятнадцатіи сказокъ аллегорическаго «Кота- а Мурлыки», обращенныхъ, по его словамъ, не а только къ малымъ дѣтямъ, среди которыхъ его а старому сердцу было тепло и пріятно, но и къ а сдѣлать въ обществѣ ростѣ того ребенка, котораго а зовутъ человечествомъ, ребенка съ уродливой, а тяжелой головою, которая постоянно перевѣши- а вается его внизъ.» Таковъ уровень этихъ сказокъ, а которыя соединяютъ въ себѣ удачу вымысла съ а содержаніемъ весьма разнобразнымъ и полнымъ а смысла для сколько нибудь развитаго читателя.

Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій а источникъ. Изслѣдованіе В. Ключевскаго. Изд. а К. Солдатенкова. М. 1871. Стр. 465. Ц. 2 р.

Какъ западные монастыри, такъ и наши, въ а періодъ среднихъ вѣковъ служили форпостами а новой цивилизаціи: потому исторія этихъ а- а монастырей, особенно на Западѣ, составляетъ важный а отдѣлъ въ общей исторіи, и жизнеописанія ихъ а обитателей и подвижниковъ служатъ а- а необходимымъ источникомъ для изученія нравовъ той а эпохи, бѣдной вообще на историческія а- а памятники. Впрочемъ, нашъ авторъ, въ виду новизны а дѣла, ограничился въ своемъ трудѣ одною а первоначальною очисткою матеріала, и то только въ а отношеніи сѣверо-восточныхъ монастырей, не а касался вѣвскихъ. Но именно этимъ а- а приемомъ онъ оказалъ большую услугу наукѣ, облегчивъ послѣ- а дующихъ историковъ нашей древней цивилизаціи.

ПОДПИСКА НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ВЪ 1872 - МЪ ГОДУ:

1.—ПОДПИСКА принимается только на годъ: 1) *безъ доставки*—15 руб.; 2) *съ доставкой на домъ въ Спб. по почтѣ, и въ Москву, чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьева*—15 р. 50 к.; 3) *съ пересылкою въ губернія и въ г. Москву, по почтѣ*—16 р. 50 к., въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ:

- а) **Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ**, желающіе получать журналъ съ доставкой или безъ доставки, обращаются въ Главную Контору Редакціи и получаютъ бѣлые вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ представлять свой адресъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ.—Желающіе получать безъ доставки присылаютъ съ книгами журнала, прилагая бѣлетъ для помѣтки выдачи.
- б) **Городскіе подписчики въ Москвѣ**, для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к. Желающіе же получать по почтѣ адресуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 к.
- в) **Изгородные подписчики** обращаются: 1) *по почтѣ*—исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамилии и *того почтового мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;—2) *лично*, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ въ Спб.,—въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.
- г) **Иностраные подписчики**: 1) *по почтѣ*—прямо въ Редакцію, какъ и изгородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ въ Спб.,—въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляры съ пересылкою: *Астрія и Германія*—18 руб.; *Бельгія, Нидерланды и Придунайскія Княжества*—19 руб.; *Франція и Дамасъ*—20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и Греція*—21 руб.; *Швейцарія*—22 руб.; *Италія*—23 рубля.

Примчаніе.—«Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣляясь книгами, отъ 25 до 30 листовъ; два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ—шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для изгородныхъ и иностранныхъ—въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ порядкѣ тратовъ. Журналъ доставляется на почту, для изгородныхъ, съ адресомъ подписчика, въ особой обложкѣ и съ двойною бандеролью, бумажною и веревочною.

2.—**ПЕРЕМѢНА АДРЕССА** сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло послѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможность извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адресъ для дальнѣйшаго отпраленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адреса для слѣдующихъ номеровъ. При перемѣнѣ адреса, необходимо указывать мѣсто прежняго отпраленія журнала, и съ какою нумера начать перемѣну.

Примчаніе.—По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, перехода въ изгородные, прилагаютъ 1 р. 50 к. а изгородные—въ городскіе 50 коп.

3.—**ЖАЛОБА**, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штампа. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно сослѣться съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворить только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примчаніе.—Жалоба должна быть отпраляема никакъ не позже полученія слѣдующаго номера журнала; въ противномъ случаѣ, редакціи лишится возможности удовлетворить подписчика.

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій просп., 30.







3 2044 019 974 153

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

CANCELLED

APR 21 1967 H
13944 95
CANCELLED

WIDENER
5 D11
AUG 17 1984
127097

APR 17 1967 H
1493-952
CANCELLED

